

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ЦЕНТР ФРАНКО-РОССИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В МОСКВЕ

РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ЦЕНТР
ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

им. М.Блока

РГУ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЖУРНАЛ «ИСТОРИЯ»

<http://mes.igh.ru>

**ANNUAIRE
D'ÉTUDES FRANÇAISES
2014**

**La vie de la cour en France
de Charlemagne jusqu'à Louis XIV**

*Sous direction de
Alexandre Tchoudinov et Yulia Krylova*

**Moscou
2014**

ФРАНЦУЗСКИЙ ЕЖЕГОДНИК 2014

**Жизнь двора во Франции
от Карла Великого до Людовика XIV**

Под редакцией

А.В. Чудинова и Ю.П. Крыловой

**Москва
2014**

Главный редактор

А.В. Чудинов

Ответственный редактор выпуска

Ю.П. Крылова

Редакционный совет

Д.Ю. Бовыкин (зам. главного редактора), В.В. Ададулов,
А.В. Гладышев, Т. Ленц, Э. Мела, Н.В. Промыслов,
М.-П. Рей, В.С. Ржеуцкий, П.Ю. Уваров, П.П. Черкасов

Адрес редакции:

119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а, ИВИ РАН

E-mail: annuaire_fr@yandex.ru

Cette publication a été préparée dans le cadre et avec le soutien
du programme GDRI.

Рецензенты

кандидат исторических наук А.В. Стогова
кандидат исторических наук О.С. Воскобойников

**Французский ежегодник 2014: Жизнь двора во Франции от
Карла Великого до Людовика XIV / Под ред. А.В. Чудинова и
Ю.П. Крыловой. – М.: ИВИ РАН, 2014. — 384 с.**

ISSN 0235-4349

Очередной выпуск ежегодника посвящен придворной жизни во Франции эпохи Средних веков и Старого порядка: проблемам генезиса и эволюции королевского двора, его особенностей и состава в различные периоды истории. В разделе «Историография» публикуются статьи об известных историках-франковедах и об их трудах, а также рецензии на ряд новейших изданий по истории Франции.

© Коллектив авторов, 2014

«ВСЕ ОТТЕНКИ ЦВЕТА...»

«Что есть двор – Бог знает, я – нет».
Готье Ман. De nugis curialium.

«История двора нынче в моде». Именно такими словами открывают издатели недавно вышедший в Париже коллективный труд, посвященный феномену средневекового двора¹. С ними трудно поспорить. Одна за другой проходят конференции, посвященные той или иной стороне придворной жизни, выходят многочисленные монографии, коллективные труды, появляется бесчисленное количество отдельных статей. Несколько лет назад начал работу портал «Cour de France»², на котором благодаря усилиям Каролин цум Колк, заместителя директора Исследовательского центра Версаля, и ее коллег уже собрана огромная коллекция документов, статей, баз данных; публикуются новые, прежде не издававшиеся работы, появляются анонсы о новых книгах, конференциях. В мировой историографии уже подводят первые итоги «придворных» исследований, намечая их будущие перспективы³.

Отечественная историческая наука также не чужда подобной проблематике. Уже больше двадцати лет в МГУ под руководством Н.А. Хачатурян функционирует рабочая группа «Власть и общество», в сфере интересов которой неизменно присутствует тема двора. Группа объединяет исследователей столичных и региональных университетов, научных институтов, музеев, проводит конференции, издает коллективные труды⁴.

Французский ежегодник не мог остаться в стороне от столь актуальной сегодня темы хотя бы потому, что сферой наших интересов является именно Франция. А если мы спросим даже далекого от науки обывателя, какие ассоциации рождают у него слова «двор» и «придворный», то

¹ La cour du Prince. Cour de France, cours d'Europe, XII-XV siècles / Sous la dir. Gaude-Ferragu M., Laurieux B., Paviot J. P., 2011. См. о состоянии современных исследований средневекового двора вступительную статью издателей сборника.

² <http://cour-de-france.fr/>

³ The Court in Europe / Ed. M. Fantoni. Roma, 2012.

⁴ Двор монарха в средневековой Европе. Явление. Модель. Среда / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.-СПб., 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004, и др.

он, скорее всего, и скажет: «Франция», «Людовик», «Версаль». Французский королевский двор зачастую задавал тон и создавал моду, особенно в эпоху раннего Нового времени. Однако традиции придворной жизни восходят еще к Средним векам. Двор Людовика XIV не возник ex nihilo, – отмечает известный французский исследователь Ф. Контамин в предисловии к упомянутому выше коллективному труду, «он – плод древнего наследия, берущего начало еще от Карла Великого и Карла Лысого»¹. В конце Средневековья законодателем выступал уже бургундский двор, но и он – плоть от плоти французского королевского двора, от которого некогда отпочковался и который во многом превзошел. Реалиям придворной жизни блистательного Бургундского герцогства посвящен ряд статей настоящего выпуска Ежегодника.

Роскошь и вычурность бургундского двора была унаследована – полностью или частично, о чем историки продолжают вести дискуссии, – двором Габсбургов, пока тех, наконец, вновь не превзошли французы в эпоху «короля-солнце».

Время Людовика XIV считается расцветом придворной жизни и культуры. Говоря о придворной жизни, обычно подразумевают именно эпоху Старого порядка. Мы же решили взглянуть на истоки изучаемого феномена: как рождался французский двор, что было ему свойственно в тот или иной отрезок времени, какие люди его создавали, какие изменения он претерпел, пока не достиг своего расцвета в Версале. В центре нашего внимания, таким образом, будет двор VIII-XVI вв., хотя, разумеется, мы не могли совсем обойти вниманием уникальный феномен двора XVII в. Однако, взявшись изучать преимущественно «доверсальский» период, мы все же решили не углубляться здесь в XVII в., а посвятить чуть позже двору Нового времени отдельный выпуск Французского ежегодника.

Лабрюйер некогда вопрошал: «Кто назовет все бесчисленные оттенки цвета, меняющиеся в зависимости от освещения, при котором смотришь на предмет? Точно так же – кто ответит, что такое двор?» Мы и попытались внести свою лепту в поиски ответа на этот вопрос, волновавший наших предшественников четыре столетия назад и продолжающий сегодня волновать историков.

Ю.П. Крылова

¹ Contamine P. Préface. // La cour du Prince. С. 7.

Список литературы

La cour du Prince. Cour de France, cours d'Europe, XII-XV siècles / Sous la dir. Gaude-Ferragu M., Laurieux B., Paviot J. P., 2011.

The Court in Europe / Ed. M. Fantoni. Roma, 2012.

Двор монарха в Средневековой Европе. Явление. Модель. Среда. М.;-СПб., 2001. [Dvor monarha v Srednevekovoj Evrope. Javlenie. Model'. Sreda. M., SPb., 2001].

Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал. М., 2004. [Korolevskij dvor v politicheskoj kul'ture srednevekovoj Evropy. Teorija, simbolika, ceremonial. M., 2004].

Н.А. Хачатурян

**ТЕМА КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА
В РОССИЙСКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ:
РЕФЛЕКСИИ И ЭКСПЕРИМЕНТ**

Статья посвящена анализу исследований королевского двора, которые были реализованы в рамках работы научной группы «Власть и общество» под руководством автора данного текста. Деятельность группы была направлена на пересмотр политизированного отношения к королевскому двору как малозначимому институту. Автор статьи выявляет основные направления современных исследований, рассматривающих королевский двор как комплексный институт.

Ключевые слова: история Средних веков, историография, Франция, королевский двор

Научная судьба предложенной вниманию читателей темы королевского двора весьма показательна для демонстрации одной из особенностей историографии как дисциплины, взятой в рамках «долгой протяженности». Часто давно известные вниманию исследователей, но, казалось бы, мало интересные и периферийные сюжеты, на каком-то этапе обретают новую жизнь. Внезапное для обыденного сознания возрождение интереса к ним, тем не менее, имеет свои причины. Оно может объясняться, в частности, общественными или политическими импульсами, что усиливает субъективный характер исторического поиска, в принципе свойственный ему.

Однако в контексте развития исторического знания и исследовательской практики существенно больший интерес представляют новые возможности и обретения, идущие от накопленного позитива в истории науки. При этом конструктивность их воздействия делают более выразительными не стихийные находки и озарения историков, пытавшихся проникнуть в суть явления, – но отрефлектированные изменения в задачах и подходах к исследованию.

Что касается обозначенной нами темы, то в западноевропейской и отечественной медиевистике можно выделить как общие для национальных школ, так и специфические оттенки в ее научной судьбе.

Нина Александровна Хачатурян, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

Статья написана в рамках научного проекта РГНФ № 12-01-00366а.

В прошлом национальные европейские школы объединяла общая оценка сущности явления как лишенного научной привлекательности. Ситуацию не спасал очевидный факт его универсальности и связанности с властной функцией в обществе. В условиях выраженного полицентризма средневекового общества двор как социально-политический институт существовал на разных, достаточно высоких уровнях власти, контролирующей территорию принципатов (светских и церковных), этнонациональных государств или империй. С некоторой долей ограничений нельзя исключить наличия двора (придворного общества) в условиях коллективной власти в городах-республиках, хотя предельная по степени выраженности модель этого института реализует себя в пространстве авторитарной власти.

Причастность к властной функции, тем не менее, не помешала исследователям оценивать королевский двор как консервативный и скандальный институт, сугубо элитарный по своему составу, уступающий по своей значимости другим политическим учреждениям. Подобная позиция в западной медиевистике XIX в. в качестве привходящих причин объяснялась увлеченностью историков институтами, воплощавшими парламентский режим и принцип разделения властей, то есть будущее европейской истории.

В отечественной медиевистике советского периода аналогичное отношение к явлению усугубляла официальная марксистская методология, которая исключала его из приоритетных объектов исследования, поместив в разряд «запретных тем»¹.

Тем не менее привходящие обстоятельства – в данном случае политизированность темы – должны были уступить место фактору сущностного значения. Его содержание составили радикальные сдвиги в философии истории, которые происходили на рубеже XIX-XX вв. К середине прошлого века они изменили видение исторического процесса в целом и подходы к его анализу. Обобщая картину наиболее важных обретений философского и исторического знания, следует выделить прежде всего новое понимание роли духовного фактора в историческом процессе.

Оно не просто компенсировало его недооценку в позитивизме, увлеченном сюжетами материальной и социально-экономической жизни, а также в марксизме, сторонники которого в теории настаивали на «вторичности» сознания. Новое понимание предполагало преодоление анти-

¹ Хачатурян Н.А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе. Явление. Модель. Среда. М.: СПб., 2001. С. 5-30.

номии материи и духа, свойственное идеалистической и материалистической философии XIX и первой половины XX вв. В противовес традиционному разрыву материи и духа – оно подчеркнуло их неразрывную связку и взаимопроникновение. Новая эпистема утверждала и обогащала комплексное и системное видение исторического процесса и связанное с ними сопряжение социальной и политической истории, укоренявшее последнюю в общественную жизнь.

Наконец, направление культурно-исторической антропологии, в известной мере синтезирующее научный поиск историков в области «человеческой», «событийной», ментальной истории, позволило существенно углубить формулу двойственной природы человека – социальной и физико-психологической, подчеркнув сложную структуру человеческого сознания и его роль в качестве регулятора общественного поведения.

Именно эти изменения в историческом знании определили новое видение института королевского двора, а изучение последнего весьма красноречиво и плодотворно продемонстрировало эпистемологический креатив темы. Для отечественной медиевистики переход к новой эпистеме был существенно затруднен глубиной политического и идеологического кризиса, который переживала страна в 60-80-е гг. прошлого века. На начальных этапах методологических изменений исторической науке приходилось преодолевать позитивистскую теорию «отражения», в плену которой находилась и марксистская методология, а также жесткие рамки последней и свойственные любому кризису деструктивные компоненты¹. Поэтому в западной медиевистике интерес к теме двора обнаружил себя заметно раньше, хотя само направление по ее изучению тоже формировалось постепенно; и появление книги Н. Элиаса, открывшей возможности пересмотра устоявшихся оценок, отстояло по времени от организации специальных комиссий и разработок специальных проектов французских, английских, итальянских, немецких медиевистов и историков раннего Нового времени².

¹ Хачатурян Н.А. Современная отечественная медиевистика в контексте мировой исторической науки // СВ, М., 2001. Вып. 62. С. 194-212.

² Elias N. La société de cour. P., 1974; Strong R. Splendour at Court. L., 1973; Elton G.R. Tudor Government: the Points of Contact. The Court // Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. Vol. 3. Cambridge, 1983; Starkey D. The English Court from the Wars of Roses to the Civil War. L., 1987; Henry VIII: A European court in England. L., 1991; La royauté sacrée dans le monde chrétien. Colloque de Royaumont, mars 1989. P., 1992; Fêtes et cérémonies aux XIVe-XVIe siècles. Rencontres de Lausanne. 23 au 27 septembre 1993. Neuchâtel, 1994; La cour comme institution économique. P., 1998; Fürstliche Residenzen im spätmittelalterlichen Europa. Sigmaringen, 1991.

В начале 1990-х гг., в рамках Ассоциации российских медиевистов и историков раннего Нового времени, на базе кафедры истории Средних веков Исторического факультета МГУ была создана научная группа «Власть и общество» под моим руководством. Планируемая группой деятельность была рассчитана на активизацию разработок в области средневековой политической истории, консолидацию усилий отечественных специалистов в масштабах страны и, в конечном счете, обновление исторического знания. Исследовательское ядро группы составили ученые нескольких университетов – Санкт-Петербургского, Московского, Саратовского и Ставропольского, научные сотрудники институтов РАН, а также музеев Москвы и Петербурга.

Уже на первых научных встречах, организованных группой «Власть и общество»¹, тема двора присутствовала в качестве «сопутствующей». Специальное обращение к ней на конференции «Жизнь двора и его отражение в литературе Средних веков и раннего Нового времени» 1998 г.² не изменило и в дальнейшем исходного рассмотрения темы в качестве органической части более общей истории власти и средневековой политической истории.

Невозможно не признать факта стимулирующего импульса, идущего от творчества западных медиевистов, на разработку темы двора в отечественной науке. Однако оценка фактора «влияния» требует корректировки. Следует иметь в виду наличие общеевропейского научного пространства, основы единства которого активно закладывались еще историческим знанием XIX в. Оно предполагало неизбежность взаимовлияния и вместе с тем не исключало своеобразия национальных школ. Эту особенность подтверждала отечественная медиевистика в XIX и даже в XX в., несмотря на трудности, которые она испытывала, в частности, в условиях господства марксистской методологии с ее претензиями на монополию. Став ограниченными, контакты отечественных медиевистов советской поры с зарубежной наукой, тем не менее, не прерывались в силу самого факта специализации в области западноевропейской средневековой истории.

Убедительную коррективу в фактор «влияния» вносит тот научный актив, которым располагала отечественная медиевистика. Его не купи-

¹ Первые научные конференции группы «Власть и общество»: «Харизма королевской власти: миф и реальность» (май 1993 г.); «Придворная культура эпохи Возрождения и власть» в ноябре 1994 г. совместно с научной группой «Культура Возрождения» под рук. проф. Л.М. Брагиной; «Средневековое европейское дворянство: от рыцаря к придворному и officier» (МГУ, 1996 г.).

² Ее итогом стала коллективная монография «Двор монарха в Средневековой Европе».

ровал статус политической истории в качестве «неактуальной» области знаний, в соответствии с марксистской дуальной схемой базиса и надстройки. Однако та же марксистская методология обеспечила утверждение и разработку «социального подхода» к политической истории, который был утерян вплоть до 70-х гг. XX в. зарубежной медиевистикой в условиях кризиса исторического знания на рубеже XIX-XX вв. Результативность «социального подхода» к политической истории в отечественном знании не могла перечеркнуть упрощенное на первых порах представление о природе социальных отношений, главным объектом внимания в характеристике которых оставались классовые противоречия. Тем не менее картина социальных связей постепенно усложнялась, начиная с 60-х гг., ознаменованных попытками «обновления» марксизма, в частности, за счет анализа сословных связей.

Сопряжение политической и социальной жизни позволило отечественной историографии заметно продвинуть разработки социальной природы государственных средневековых форм¹. В рамках советского периода и кризиса 60-90-х гг. она не отказалась от системного подхода и генерализирующей истории, обеспечивающих значимость и плодотворность исторической науки.

Начиная с конца 70-х и начала 80-х гг. в отечественной науке происходит смещение объектов исследовательского интереса к социологическим проблемам: изучению самого феномена власти и ее анатомии в духе М. Вебера, Ж. Эллюля или М. Фуко. В этом контексте были предприняты разработки по проблемам специфики условий реализации политической власти в средневековом обществе (политический полицентризм и природа этой особенности; попытки структурного анализа полицентризма)²; анализ авторитарной и коллективной природы власти³; анализ темы средневекового корпоративизма и его институционально-правовая оформ-

¹ Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984; Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1960; Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М., 1976; Она же. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989; Люблинская А.Д. Франция в начале XVII в. (1610-1620). Л., 1959; Lublinskaya A.D. French Absolutism: The Critical Phase. 1620-1629. Cambridge, 1968; Копосов Н.Е. Высшая бюрократия во Франции XVII в. Л., 1990.

² Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989. С. 18-43; Она же. Политическая и государственная история Западного Средневековья в контексте структурного анализа // СВ. М., 1991. Вып. 54.

³ Хачатурян Н.А. Авторитарный и коллективный принципы в политической эволюции средневековой государственности // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992.

ленность, отразившая социальную активность западноевропейского общества. Разработки этой проблемы позволили усложнить и углубить картину государственной жизни, в которой сосуществовали, в диалоге и противоречиях, власть и общество¹.

Примерно в те же годы актив по изучению государственной и политической истории в целом, дополняли отдельные редкие исследования, отразившие специальный интерес их авторов к теме двора – главным образом в контексте придворной культуры и истории политической мысли². Поэтому «открытие» отечественными историками темы двора не было внезапным. Ее разработка в рамках научной группы «Власть и общество» получила организационное оформление, хотя в весьма своеобразной форме. «Институциональная», условно говоря, определенность общности ученых не предполагает жестких границ, будучи рассчитана только на научный интерес и соответствие творчества высоким требованиям современного академического знания. Задачи подобного «целенаправленного» решения с помощью выбора темы научных встреч, как правило, с учетом факта их «актуальности» или потребностей современной, в том числе отечественной науки, с учетом пожеланий специалистов, в последующих дискуссиях на научных встречах и при подготовке материалов к публикации. Деятельность группы, таким образом, создает необходимое научное пространство, которое стимулирует творчество, не претендуя ни в коей мере на монополизацию в разработке заявленных ею тем, с осознанием того, что успех обозначенной деятельности определяют специализация и активность ученых.

Сегодня исследовательские проекты научной группы, органической частью которых стали сюжеты, посвященные истории двора, насчитывают солидный, почти в два десятилетия, срок существования. Его результаты красноречиво отражает работа конференций и публикации их материалов³.

¹ Хачатурян Н.А. Город в системе феодальной формации // ВИ. 1983. № 1; Она же. Словная монархия. С. 28–43; Она же. Феномен корпоративизма // Общности и человек в средневековом мире. М.; Саратов, 1992.

² Статьи в публикациях научной группы «Культура Возрождения». Заслуживает внимания осознанная и целенаправленная линия на исследование английского двора XV–XVII вв., реализуемая в творчестве и образовательной практике профессора СПбГУ С.Е. Федорова. Показательным итогом можно считать публикацию работ С.Е. Федорова и шести его учеников-аспирантов, теперь уже молодых дипломированных специалистов (А.А. Паламарчук, Е.В. Бакалдина, В.С. Ковин, Н.А. Журавель, С.В. Буров, В.А. Ковалев), специального сборника трудов с комплексным анализом темы: «Королевский двор в Англии XV–XVII вв.». СПб., 2011.

³ Сегодня за плечами участников проекта «Власть и Общество» восемь научных общероссийских конференций и семь опубликованных коллективных монографий: Двор монар-

В качестве общего по характеру, но принципиально важного итога следует признать, что принятый в проектах принцип рассмотрения интересующей нас темы в широком контексте политической средневековой истории – и в целом конкретно-исторической действительности, – позволил раскрыть природу королевского двора как комплексного института, соединившего в себе политическую, социальную и культурную функции. Очевидное для исследователей функциональное назначение института облегчает нашу задачу систематизации итогов работы в данной статье.

Оценки результатов в разработке политической функции двора целесообразно начать с его институциональных особенностей как властного учреждения, реализовывавшего внутреннюю и внешнюю политику верховной авторитарной власти. Именно это обстоятельство побудило организаторов проектов включить рассмотрение проблемы в рамки более общей темы становления и эволюций средневековой государственности.

Исходная точка средневековой государственности – результат эволюции сеньории бана¹. В данном случае речь идет о сеньории, принадлежащей королю, который в условиях формирования и раннего периода утверждения феодальных отношений был только «первым среди равных», чья власть, как у частного сеньора, имела своим источником земельную собственность. В этих условиях частная резиденция (дом, двор) любого более или менее крупного земельного собственника приобретала «публичные» функции – судебные, административные, военные, воплощая специфическую особенность политической средневековой истории – полицентризм. В случае принадлежности резиденции королю реализация ее функция неизбежно выходила за пределы семьи, ближайшего окружения и далее – домениальных владений монарха, олицетворявшего верховные притязания.

ха в средневековой Европе; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2004; Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006; Искусство власти. Сб. в честь проф. Н.А. Хачатурян / Отв. ред. О.В. Дмитриева. СПб., 2007; Власть, общество и индивид в средневековой Европе / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008; Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т.П. Гусарова. М., 2010; Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2011. Указанные издания не исчерпывают всех трудов отечественных медиевистов, посвященных теме двора.

¹ Сеньория (вотчина) – организм, в рамках которого сеньор реализовал свое право собственности на землю с помощью не только экономического, но и политического, «властного» (*ban*) принуждения. Отмеченная особенность была присуща общественной системе, в которой существовал раздел собственности на землю с собственностью на орудия труда.

Таким образом, «дворцовое управление» на этапах раннего средневековья и феодальной раздробленности, по существу, воплощало «государственную» организацию общества.

В условиях централизации постепенно складывающаяся система специальных ведомств – судебного, административного, финансового, военного – перетянула на себя управление страной, демонстрируя прогресс в строительстве государственного механизма. Однако в этом случае двор монарха, реализовывавшего верховную власть, сохранял положение центра политической системы, вершины государственного аппарата. Исследования показывают, что эта ситуация порождала особую линию противоречий во взаимоотношениях монарха с исполнительным аппаратом. Парадоксальность ситуации объяснялась, казалось бы, безусловной зависимостью служащих государственного аппарата, действовавших «именем короля и во имя короля». Возможность известной автономизации исполнительного аппарата, даже в условиях авторитарной власти, побудила медиевистов, в частности на материалах истории двора, к попыткам оценить своеобразие процесса зарождения и эволюции «средневековой» формы вневременного явления – бюрократии¹.

Работа участников проекта по истории двора (в частности, по вопросу о характере «дворцового управления»: составе служащих, природе их служб, структуре института) выводит их «эксперимент» с источниками на принципиально важную в эволюции средневековой государственности проблему соотношения публичного и частного начала. Ее решение приобрело новое наполнение в контексте актуального сегодня и весьма перспективного направления в медиевистике по изучению *État moderne* – средневекового государства, которое рассматривается в качестве формы, непосредственно предшествующей государству Нового времени.

Разработка концепции не являлась «открытием» для исторического знания конца XX в., однако хотя и известная, но знаковая для нее идея движения по пути превращения патримониального государства в публично-правовое, приобрела новое звучание, впитав накопленный наукой актив в изучении средневековой государственности и предложив

¹ Хачатурян Н.А. Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предыстории гражданского общества // Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 166-177; Она же. Запретный плод... С. 14-16; Она же. Бургундский двор XV в. и его властные функции в трактате Оливье де ля Марша // Двор монарха. С. 121-136. Проблема соотношения частного и публичного характера социальных связей и служб в средневековом обществе, и в частности при дворе, исследуется на конкретных материалах истории Германии (А.Ю. Прокопьев, Т.Н. Ташенко), Англии (С.Е. Федоров, А.Г. Глебов, Е.В. Бакалдина, В.С. Ковин), Венгрии (Т.П. Гусарова), Франции (С.К. Цатурова, Е.И. Носова).

специальные нетрадиционные решения в рамках комплексного рассмотрения вопроса.

Принятый в целом историческим знанием XX столетия «социальный» подход к периодизации средневековой государственности рассматривал его формы в контексте эволюции общественной системы в целом – ее становления (варварские и раннесредневековые государства), утверждения и расцвета в условиях феодальной раздробленности и процессов централизации (феодалы монархии и принципаты, сословные монархии), ее последующего разрушения в условиях «абсолютных» монархий. Новая концепция сдвинула внимание исследователей на природу государственного механизма, поставленного в широкий контекст экономической, социальной, институциональной, правовой и духовной жизни общества, заметно углубив тем самым характеристики последнего.

Мотор и показатель процесса «модернизации» – утверждение публично-правового начала – демонстрировали замену личностных социальных связей и личностного характера службы на опосредованные государством. Укрепление позиций верховной власти в борьбе с полицентризмом и преимущественными позициями средневекового локального начала выводили членов сообщества из частного или корпоративного сословного секторов жизни, превращая их в «подданных» государства и закладывая основы их конституирования в качестве «граждан», то есть юридически свободных членов сообщества, озабоченных не только проблемой обеспечения политических прав, но «общим благом» и собственной ответственностью за него. Процесс этот растянулся на столетия и не был решен в рамках «средневековой» истории.

Конкретные и теоретические исследования позволяют оценить уровень «модернизации» государственности в качестве показателя «силы» государственного начала и условия процесса формирования «национальных» государств¹.

Институциональная история двора, даже на этапе включения его в общий процесс модернизации государственности, убедительно демонстрирует, на наш взгляд, зыбкость границ между частным и публичным началами в характере власти² и практиках управления, а также отнюдь не триумфальное и весьма постепенное развитие процесса изживания

¹ Хачатурян Н.А. Феномен сословного представительства в контексте проблемы *État moderne* // Власть, общество и индивид. С. 34-43; *Она же*. Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предистории «гражданского общества» // Власть и общество в Западной Европе в Средние века. С. 166-189.

² Мера и качество исходно «публичной» по назначению светской верховной власти зависели от общественного развития.

частных компонентов в эволюции государственности в целом. Что касается двора, то красноречивым показателем этого наблюдения служат примеры в виде практики совмещения должностей частной и публичной службы, неоднозначный и неодномоментный процесс конституирования публичного характера денежного вознаграждения за службу, в котором следует учесть источник формирования казны (домениальные доходы монарха или налоги, тем более «прямые»), а также некоторые другие моменты.¹

Исследовательский поиск отечественных медиевистов в изучении истории двора позволяет выделить в качестве специального направления его социальный анализ.

В качестве местопребывания государя или принца двор конституировал осязаемую социальную реальность – общность, состав которой колебался от 2-3 сотен до нескольких тысяч человек, консолидирующую по преимуществу политическую элиту общества, располагавшую земельными богатствами и политическими прерогативами по месту в социальной иерархии и положению в государственной структуре. Они могли быть связаны отношениями родства, но непременно были связаны отношениями службы королю и близостью к нему, что превращало общность в корпорацию, хотя конституционально не оформленную. Горизонтальные связи не исключали внутренних противоречий в ней, наличия клиентел и партий, ведущих борьбу за влияние на верховную власть. Это делало двор очагом политической борьбы, завязанной на ситуацию в обществе. Примеры, довольно часто представленные в конкретных разработках медиевистов, позволяют, на наш взгляд, посмотреть на политическую функцию двора в контексте современного широкого толкования самого понятия «власть», связанного с именем М. Фуко, французского философа и социолога второй половины XX в. Раскрывая предложенную им формулу «всеобщей поднадзорности» человека в обществе, Фуко пишет о реализации власти не только в рамках государственного управле-

¹ *Прокотьев А.Ю.* Прощание с патернализмом? Веттины и саксонское дворянство в первой половине XVII в. // *Власть, общество и индивид.* С. 83-95; *Он же.* Габсбурги и Веттины в век религиозного раскола: механизм сохранения имперского единства // *Империи и этнонациональные государства.* С. 121-146; *Таценко Т.Н.* Развитие центральных органов управления в немецких территориальных государствах XVI в. Герцогство Вюртембергское // *Там же.* С. 338-376; *Цатурова С.К.* Номинация ведомств и служб как стратегия формирования суверенитета королевской власти во Франции XIII-XV вв. // *Там же.* С. 308-337; *Хачатурян Н.А.* Горизонты темы: типичность, преемственность и креатив политических форм в истории западноевропейского Средневековья // *Там же.* С. 5-16; *Она же.* «Король – император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии // *Там же.* С. 66-88.

ния, но власти обычая, религии, цензуры, школы, семьи, больниц и зубо-врачебного кабинета, принудительных установок ведомственных или сословных корпораций...¹

В контексте подобных рассуждений оправданной и целесообразной выглядит наша попытка подчеркнуть специальную значимость «личностного» фактора в качестве средства реализации любого вида власти, тем более на высшем государственном уровне. В общем пространстве государственного управления именно двор оставался прибежищем для сохранения личностного принципа в социальных и служебных связях, – факт особенно интересный в условиях набирающего силу процесса формирования публично-правового государства. Близость к королю неизбежно сопрягалась с прямой или опосредованной причастностью к политике верховной власти: служба «рта и тела», публичные службы в суде, финансовом и военном ведомствах двора, дипломатической деятельности. Связанные с этим возможности – арбитраж, протекция, интриги, диффамация, умолчания – позволяли придворным выступить в качестве регуляторов и проводников правительственной политики или, наоборот, силы, блокирующей ее.

Отмеченная особенность в практике двора подтвердила, уже в условиях Средневековья, известной историческому знанию вневременной характер явления.

Не менее пристального внимания заслуживает, по нашему мнению, факт формирования в придворной среде особого социального типа – дворянина-куртизана, сменившего функцию военной службы на форму не только службы, но жизни «придворного», действующего по преимуществу в рамках личной связи с монархом, в частности, в условиях исполнения должности в публичных ведомствах не только двора, но государственного аппарата. Новый статус требовал не просто образованности, но знания принципов «жизни в свете», сообщающая правилам чести и придворного поведения значение «цивилизующего» фактора в жизни общества в целом.

Конкретные исследования в пространстве отмеченных мной особенностей социальной истории двора позволяют если не пересмотреть, то уточнить традиционное мнение о сугубо элитарном характере придворного сообщества. Они свидетельствуют об открытости его границ, а также процессе обновления состава, в частности за счет провинциального дворянства или чиновного компонента, – факты, углубляющие тему «диалога», связи власти и общества. Наконец, двор при ближайшем рассмо-

¹ Foucault M. Surveiller et punir. Naissance de la prison. P., 1975.

тренинги оказываются включенным в социальную динамику средневекового общества, обеспечивая скупое, но «движение вверх» по ступенькам социальной иерархии.

Третьим большим направлением в деятельности группы «Власть и общество», организующим научный поиск в теме двора, стало изучение политической истории в ее культурных параметрах, ставшее принципиально важной новацией в развитии мирового исторического знания в целом. Она оказалась возможной в условиях отмеченных мной выше радикальных сдвигов в методологии истории, в первую очередь благодаря переоценке роли сознания в историческом процессе и нового решения вопроса о его соотношении с материальным фактором.

Достижения в области философии истории существенно расширили само пространство политической истории, увеличив число объектов, несущих искомую информацию, обогатив способы видения и методику их исследования.

Заметные изменения претерпела традиционная сфера изучения политической мысли и политического сознания, где набирает силу внимание не только к творчеству интеллектуалов или проблемам политической пропаганды с заданностью идеологических построений, но более сложным для понимания сюжетам общественного или быденного сознания. Попытки анализа духовной жизни средневекового общества на ее ментальном и отрефлексированном уровнях рисуют не только более красочную и живую, но весьма неоднозначную структуру общественного сознания¹.

Обращение к культурной истории двора довольно неожиданным, точнее, непривычным образом открыло новую страницу в изучении одного из наиболее сложных и сущностных вопросов, связанных с природой королевской власти и средствами ее реализации. Ею стала тема репрезентации власти, связанная с процедурами коронации и помазания, исцеления, похорон и свадеб монарха, повседневным этикетом и знаковым церемониалом поведения за столом, отхода ко сну и пробуждения короля, аудиенциями с послами, судебными заседаниями, турнирами и охотой. Двор стал грандиозным и ослепительным театром королевской власти, обеспечивавшим «нематериальные», художественные формы в средствах властвования. Практика репрезентации, которая ранее казалась историческому сознанию бессмысленной причудой, в действительности конституировала и закрепляла в сознании подданных представление о

¹ Названную проблематику активно разрабатывают И.Я. Эльфонд, О.В. Дмитриева, М.А. Бойцов, Л.М. Брагина, А.А. Паламарчук, Р.М. Асейнов, Е.В. Калмыкова и др.

величии короля и той дистанции, которая подчеркнута отделяла его от них. Вместе с тем она служила средством своеобразного диалога, игры, создающей образ величия, явленного народу, отражая и стимулируя веру в него в качестве протектора, с которым этот народ связывал свои страхи и надежды. Как форма по преимуществу элитарного искусства, практика репрезентации власти, в которой были задействованы литературный текст и мизансцены, изобразительные виды искусств – живопись и скульптура, музыка – послужила одним из источников рождения театра Нового времени с его специализацией по трем видам искусств – драматического театра, балета и оперы¹.

В контексте результатов собственно исторических исследований следует подчеркнуть значение практики репрезентации для изучения важной формы средневековой духовной жизни – ритуала. Разработки в этой области вывели медиевистов в смежную для историков область психологии средневекового человека с одной из ее сущностных особенностей – символизмом сознания. Анализ смыслов ритуалов и знаков верховной власти – короны, руки правосудия, эмблем и геральдики, монет, знамен, печатей, самих процедур, подчас весьма странных – к примеру, «усаживание» на престол духовного лица или монарха в момент коронации – все это требовало погружения в глубины не только сознания, но и подсознания (по Фрейд), в частности, архетипов первобытного сознания.

Исследования репрезентативной практики в контексте ее ритуально-символических форм и в пространстве, неизбежно выходящем за пределы двора, демонстрировали ее проявления не только в сфере собственно религиозных, но и светских форм жизни: в торжественных процессиях по случаю открытия парламентских сессий в Англии или приездов государя в город любой из западноевропейских стран; в «закодированных» процедурах суда, праздниках светского характера с широким использованием аллегорий, а также в знаках социальной иерархии и вассальных связей².

Будучи дополнена в ряде работ анализом правовой истории, эта практика, наконец, позволила конкретизировать сложную комбинацию сакрально-правовых компонентов в природе королевской власти, получившую отражение в постепенно меняющемся образе монарха в сознании средневековых людей. Последний аспект послужил основанием для формирования специального аспекта в изучении истории двора и

¹ См. исследования М.А. Бойцова, С.А. Польской, С.Е. Федорова, Н.А. Хачатурян, Т.П. Гусаровой, О.В. Дмитриевой, А.А. Сванидзе, В.А. Ковалева.

² См.: Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков. М., 2012; Дмитриева О.В. Парламент и политическая культура в Англии второй половины XVI – начала XVII вв. М., 2011.

феномена власти – имагологии¹. Завершая характеристику интересующей нас темы в отечественной медиевистике, сохраняющей традиционную приверженность к «рефлексирующей» истории, следует отметить попытку социологического анализа явления «придворной культуры», представленной в историческом знании у нас и за рубежом, как правило, сугубо конкретной характеристикой ее отдельных форм (видами искусства, науки, политической мысли, творчеством художников, мыслителей, политических деятелей). Оценки обобщающего характера в имеющейся литературе касаются в лучшем случае особенностей «национальной» культуры².

Упомянутая попытка предполагала анализ природы, места, специфики и роли явления в рамках западноевропейской средневековой культуры в целом. Параметры анализа включили в себя характеристику понятия «природная культура», качественная определенность которой была связана с социальной наполненностью человеческой общности как ее носителя, а также с соотношением явления с природой культурной доминанты в средневековом обществе. В оценке особенностей и факторов развития придворной культуры были отмечены, в частности, ее светская в целом направленность; исключительный характер прямого и обратного воздействия на нее политического фактора, множественность форм последнего вплоть до субъектной активности самих монархов; фактор взаимодействия культур, наконец, специфическая социальная среда в Западной Европе с активными формами общественного развития, создающими конкурентную среду для придворной культуры в городских и университетских центрах образования и культуры и некоторые другие особенности.

Они позволяли откорректировать в оценке роли придворной культуры утверждение о ее сугубо «элитарном» характере, а также отметить ее особое, отнюдь не периферийное место в культурном пространстве. Реализуя особый характер взаимодействия с доминирующей в обществе культурой – в частности, сущностную включенность в нее, – придворная

¹ См.: *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009; *Хачатурян Н.А.* Западноевропейский монарх в пространстве взаимоотношений с духовной властью (морфология понятия власти) // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти. С. 19-28; *Она же.* Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Священное тело короля: ритуалы и мифология власти. С. 5-15.

² Тематические сборники по культуре Возрождения под ред. Л.М. Брагиной (1977-2012. Вып. 1-3); История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1999; *Шрайнет П.* К проблеме культуры византийского двора // Двор монарха в средневековой Европе. С. 289-301.

культура играла авангардную роль по многим позициям в качестве организующего и креативного центра¹.

Воссозданная в статье картина исследований темы королевского двора побуждает высказать несколько итоговых соображений. Эти исследования не были погоней за модой, а также не были продиктованы только желанием преодолеть характерную для медиевистики советского периода недооценку политической истории, но поисками путей обновления исторического знания в целом. Решение подобной задачи предполагало переход исторической науки в новое методологическое пространство – переход, который был отягощен глубиной и спецификой кризиса, переживаемого отечественной наукой.

В состоявшейся, на наш взгляд, несмотря на трудности, реализации задач обновления науки, и в частности медиевистикой, особую роль сыграли как раз «неактуальные», «вторичные» по своей значимости в недавнем прошлом области исторического знания, изучающие духовную и политическую жизнь средневекового общества. Это не было случайностью, так как именно переоценка фактора сознания и природы его соотношения с материальными формами жизни стали решающим условием выхода из кризиса мирового исторического и философского знания XX столетия. Именно в эти сферы исторического знания сместилось внимание российских исследований, которые превратили их в своеобразные «лаборатории» формирования, принятия и применения новой философии истории и современной методологии. Очевидно, не будет преувеличением сказать, что полученные научные результаты в интересующей нас теме свидетельствуют о движении вперед по этому пути.

Список литературы

Хачатурян Н.А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе. Явление. Модель. Среда. М.; СПб., 2001. [*Hachaturjan N.A. Zapretnyj plod... ili Novaja zhizn' monarshego dvora v otechestvennoj medievistike // Dvor monarha v Srednevekovoj Evrope. Javlenie. Model'. Sreda. M., SPb., 2001*].

Хачатурян Н.А. Современная отечественная медиевистика в контексте мировой исторической науки // СВ. М., 2001. Вып. 62. [*Hachaturjan*

¹ *Хачатурян Н.А.* Западноевропейская придворная культура в Средние века и ранее Новое время: параметры явления // Придворная культура эпохи Возрождения / Под ред. Л.М. Брагиной (в печати).

N.A. Sovremennaja otechestvennaja medievistika v kontekste mirovoj istoricheskoy nauki // Srednie veka. M., 2001. Vol. 62].

Elias N. La société de cour. P., 1974.

Strong R. Splendour at Court. L., 1973.

Elton G.R. Tudor Government: the Points of Contact. The Court // Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. Vol. 3. Cambridge, 1983.

Starkey D. The English Court from the Wars of Roses to the Civil War. L., 1987.

Henry VIII: A European court in England. L., 1991.

La royauté sacrée dans le monde chrétien. Colloque de Royaumont, mars 1989. P., 1992.

Fêtes et cérémonies aux XIVe-XVIe siècles. Rencontres de Lausanne. 23 au 27 septembre 1993. Neuchâtel, 1994.

La cour comme institution économique. P., 1998.

Fürzstliche Residenzen im spätmittelalterlichen Europa. Sigmaringen, 1991.

Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963. [*Korsunskij A.R.* Obrazovanie rannefeodal'nogo gosudarstva v Zapadnoj Evrope. M., 1963].

Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984. [*Korsunskij A.R., Gjunter R.* Upadok i gibel' Zapadnoj Rimskoj imperii i vzniknovenie germanskih korolevstv (do serediny VI v.). M., 1984].

Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1960. [*Gutnova E.V.* Vozniknovenie anglijskogo parlamenta (iz istorii anglijskogo obshhestva i gosudarstva XIII v.). M., 1960].

Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных Штатов во Франции. М., 1976. [*Hachaturjan N.A.* Vozniknovenie General'nyh Shtatov vo Francii. M., 1976].

Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989. [*Hachaturjan N.A.* Soslovnaja monarhija vo Francii XIII-XV vv. M., 1989].

Люблинская А.Д. Франция в начале XVII в. (1610-1620). Л., 1959. [*Ljublinskaja A.D.* Francija v nachale XVII v. (1610-1620). L., 1959].

Lublinskaya A.D. French Absolutism: The Critical Phase. 1620-1629. Cambridge, 1968.

Копосов Н.Е. Высшая бюрократия во Франции XVII в. Л., 1990. [*Koposov N.E.* Vysshaja bjurokratija vo Francii XVII v. L., 1990].

Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989. [*Hachaturjan N.A. Soslovnaja monarhija vo Francii XIII-XV vv. M., 1989*]

Хачатурян Н.А. Политическая и государственная история Западного Средневековья в контексте структурного анализа // СВ. М., 1991. Вып. 54. [*Hachaturjan N.A. Politicheskaja i gosudarstvennaja istorija Zapadnogo Srednevekov'ja v kontekste strukturnogo analiza // Srednie veka. M., 1991. Vyp. 54*].

Хачатурян Н.А. Авторитарный и коллективный принципы в политической эволюции средневековой государственности // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. [*Hachaturjan N.A. Avtoritarnyj i kollektivnyj principy v politicheskoj jevoljucii srednevekovoj gosudarstvennosti // Vlast' i politicheskaja kul'tura v srednevekovoj Evrope. M., 1992*].

Хачатурян Н.А. Город в системе феодальной формации // ВИ. 1983. № 1. [*Hachaturjan N.A. Gorod v sisteme feodal'noj formacii // Voprosy istorii. 1983. N 1*].

Хачатурян Н.А. Феномен корпоративизма // Общности и человек в средневековом мире. М., Саратов, 1992. [*Hachaturjan N.A. Fenomen korporativizma // Obshhnosti i chelovek v srednevekovom mire. M.; Saratov, 1992*].

Королевский Двор в Англии XV-XVII вв. СПб., 2011. [*Korolevskij dvor v Anglii XV-XVII vv. SPb., 2011*].

Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал. М., 2004. [*Korolevskij dvor v politicheskoj kul'ture srednevekovoj Evropy. Teorija, simbolika, ceremonial. M., 2004*].

Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006. [*Svjashhennoe telo korolja. Ritualy i mifologija vlasti. M., 2006*].

Искусство власти. Сб. в честь проф. Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. [*Iskusstvo vlasti. Sb. v chest' prof. N.A. Hachaturjan. SPb., 2007*].

Власть, общество и индивид в средневековой Европе. М., 2008. [*Vlast', obshhestvo i individ v srednevekovoj Evrope. M., 2008*].

Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2010. [*Vlastnye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2010*].

Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [*Imperii i jetnonacional'nyje gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011*].

Хачатурян Н.А. Европейский феномен сословного представительства. К вопросу о предыстории гражданского общества // Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. [*Hachaturjan N.A.* Evropejskij fenomen soslovnogo predstavitel'stva. K voprosu o predystorii grazhdanskogo obshhestva // Hachaturjan N.A. Vlast' i obshhestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka. M., 2008].

Хачатурян Н.А. Феномен сословного представительства в контексте проблемы *État moderne* // Власть, общество и индивид в средневековой Европе. М., 2008. [*Hachaturjan N.A.* Fenomen soslovnogo predstavitel'stva v kontekste problemy *État moderne* // Vlast', obshhestvo i individ v srednevekovoj Evrope. M., 2008].

Прокопьев А.Ю. Прощание с патернализмом? Веттины и саксонское дворянство в первой половине XVII в. // Власть, общество и индивид. [*Prokop'ev A.Ju.* Proshhanie s paternalizmom? Vettiny i saksonskoe dvorjanstvo v pervoj polovine XVII v. // Vlast', obshhestvo i individ v srednevekovoj Evrope. M., 2008].

Прокопьев А.Ю. Габсбурги и Веттины в век религиозного раскола: механизм сохранения имперского единства // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [*Prokop'ev A.Ju.* Gabsburgi i Vettiny v vek religioznogo raskola: mehanizm sohraneniya imperskogo edinstva // Imperii i jetnonacional'nye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011].

Таценко Т.Н. Развитие центральных органов управления в немецких территориальных государствах XVI в. Герцогство Вюртембергское // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [*Tacenko T.N.* Razvitie central'nyh organov upravlenija v nemeckih territorial'nyh gosudarstvah XVI v. Gercogstvo Vjurtembergskoe // Imperii i jetnonacional'nye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011].

Цатурова С.К. Номинация ведомств и служб как стратегия формирования суверенитета королевской власти во Франции XIII-XV вв. // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [*Tsaturova S.K.* Nominacija vedomstv i sluzhb kak strategija formirovanija suvereniteta korolevskoj vlasti vo Francii XIII-XV vv. // Imperii i jetnonacional'nye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011].

Хачатурян Н.А. Горизонты темы: типичность, преемственность и креатив политических форм в истории западноевропейского Средневе-

ковья // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [*Hachaturjan N.A. Gorizonty temu: tipichnost', preemstvennost' i kreativ politicheskikh form v istorii zapadnoevropejskogo srednevekov'ja // Imperii i jetnonacional'nye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011*].

Хачатурян Н.А. «Король – император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [*Hachaturjan N.A. «Korol' – imperator v svoem korolevstve»... Politicheskij universalizm i centralizovannye monarhii // Imperii i jetnonacional'nye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011*].

Foucault M. Surveiller et punir. Naissance de la prison. P., 1975.

Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков. М., 2012. [*Tsaturova S.K. Formirovanie instituta gosudarstvennoj sluzhby vo Francii XIII-XV vekov. M., 2012*].

Хачатурян Н.А. Западноевропейский монарх в пространстве взаимоотношений с духовной властью (морфология понятия власти) // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006. [*Hachaturjan N.A. Zapadnoevropejskij monarh v prostranstve vzaimootnoshenij s duhovnoj vlast'ju (morfologija ponjatija vlasti) // Svjashhennoe telo korolja. Ritualy i mifologija vlasti. M., 2006*].

Хачатурян Н.А. Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006. [*Hachaturjan N.A. Sakral'noe v chelovecheskom soznanii. Zagadki i poiski real'nosti // Svjashhennoe telo korolja. Ritualy i mifologija vlasti. M., 2006*].

История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. М., 1999. [*Istorija kul'tury stran Zapadnoj Evropy v jepohu Vozrozhdenija. M., 1999*].

Шрайнет П. К проблеме культуры византийского двора // Двор монарха в средневековой Европе. Явление. Модель. Среда. М.; СПб., 2001. [*Shrajnet P. K probleme kul'tury vizantijskogo dvora // Dvor monarha v srednevekovoj Evrope. Javlenie. Model'. Sreda. M.; SPb., 2001*].

Р. Ле Жан

КАРОЛИНГСКИЕ ЭЛИТЫ И КОРОЛЬ В СЕРЕДИНЕ IX ВЕКА: СТАТУС И ВЕРНОСТЬ

Статья посвящена проблеме политических теорий, существовавших в Каролингской империи IX в. Анализируются церковная и светская концепции политической власти и принципов ее функционирования. Первая сформировалась в кругах каролингского епископата и обосновывала предустановленную Богом иерархическую организацию общества, в основе которой лежит безусловная верность элит королю. Вторая существовала в среде светской аристократии, предполагала существование естественной иерархии и отстаивала право элит на неподчинение королю-тирану.

Ключевые слова: история Средних веков, Франция, политическая мысль, элиты

В 851 г. короли Лотарь, Людовик и Карл заключили в Мерсене *convenientia*, то есть соглашение, которое заново связывало королей и их верных людей узами побратимства. Пруденций из Труа в Сен-Бертенских анналах приводит это соглашение, в последней главе которого мы встречаем такой пассаж:

«И если кто-либо из подданных, в каком бы сословии [*ordo*] и положении [*status*] он ни находился, уклонится или отречется от соглашения, либо воспротивится этому общему решению, то владетели [*seniores*] со своими верными людьми чистосердечно, по праву, в согласии с Божьей волей и справедливостью, будут настаивать на его [соглашения] соблюдении, желает или не желает этого тот, кто воспротивился и противоречил Божьему совету, этому решению и согласию. И если один из владетелей уклонится или отречется от соглашения, либо воспротивится этому решению, которое мы будем соблюдать в соответствии с волей собрания многих наших владетелей и первых людей королевств [*regnum primores*], и будет в том упорствовать, мы постановляем во славу Бога, по совету владетелей, которые следуют этому соглашению, по воле епископов и по общему согласию [*consensus*], что тот будет принужден, как и должно.

Режин Ле Жан, профессор университета Париж I Пантеон-Сорбонна.

И в знак того, что мы сами будем соблюдать, с Божьей помощью, твердо и нерушимо статьи [этого соглашения], и чтобы у вас не возникло сомнений, что мы будем твердо им следовать, мы собственноручно [их] подписываем»¹.

В сжатом виде здесь изложена каролингская политическая теория на пике ее развития в середине IX в.: решения (*decretum*) принимаются сообща (*commune consensus*), по взаимному согласию, которое связывает всех участников (*convenientia*), согласно Божьей воле, праву и справедливости. Это – теория государства, которое больше не воплощается исключительно в персоне короля, как это было еще несколькими десятилетиями ранее при Людовике Благочестивом, но которое, проистекая от Господа, стоит выше отдельных людей, распространяется на всех и вовлекает представителей высшей знати в сферу королевского служения². Речь идет об укреплении концепции *ecclesia*, священнической версии христианского имперума, проецирующей образ иерархически организованного христианского общества, во главе которого, согласно патриархальной модели, стоит каролингский король, ответственный за мир и порядок. Каролингская политическая иерархия обозначена предельно ясно: все свободные люди обязаны сохранять верность королю и подчиняться сообще принятым решениям, независимо от своего сословия и положения. Но *seniores* должны играть особую роль, они занимают высшую ступень иерархии, поскольку непосредственным образом вовлечены в управление королевством. Таким образом, вместе со своими верными людьми они обязаны претворить в жизнь решения, принятые сообще в Мерсене, вопреки тем, кто будет этому противиться.

Если использовать термины социологии, *seniores* образуют правящую элиту королевства. Как представители элиты, они выполняют функцию передаточного механизма, посредников между королем и местными структурами, к которым они принадлежат вместе со своими приближенными (*fidèles*)³. Вместе с тем в тексте Мерсенского соглашения, подобно другим каролингским текстам того же времени, между строк ставится важнейший вопрос о верности тех же самых элит, которые способны не подчинить-

¹ Annales de Saint-Bertin. P., 1964. P. 63.

² Tresp E. Studien zu den Gesta Hludowici imperatoris des Trierer Chorbischofs Thegan. Hannover, 1988.

³ Об элитах эпохи раннего Средневековья см.: Les élites au haut Moyen Age. Crises et renouvellement. Turnhout, 2006; Les élites et leurs espaces. Turnhout 2007; Hiérarchie et stratification sociale dans l'Occident médiéval (400-1100). Turnhout 2008. Также см.: Devroey J.-P. Puissants et misérables. Système social et monde paysan dans l'Europe des Francs (VIe-IXe siècles). Bruxelles, 2006. P. 201-264; Innes M. Charlemagne's Government // Charlemagne. Empire and Society. Manchester, 2005. P. 71-89.

ся королевской власти¹. На самом деле соглашение предусматривает, что тот, кто его создал, будет подчиняться суду франков посредством общего собрания королевства, которое включает в себя большое число верных высшей знати людей, первых лиц королевства и епископов, согласно процедуре, применяемой в случаях восстания или измены². По сути, вопрос верности высшей знати, которая, в свою очередь, обуславливает верность их *fideles*, в действительности относится к проблеме оснований королевской власти и, особенно, к вопросу о статусе *seniores*.

Каролингские Зеркала IX в. показывают иерархическую социальную конструкцию, во главе которой стоит король и которая целиком основывается на верности. В сочинении *De institutione regia* Иона Орлеанский вновь обратился к геласианским идеям о двух властителях, которые управляют Церковью, телом Христовым, а именно о священнике и короле. Он утверждал, что король получает свою власть от Бога и что верность королю превосходит все другие формы верности, одновременно объединяя их³. Немного позднее, в *Via regia* Смарагд Сен-Мишельский представляет короля как посредника между Богом и людьми, как истинное отражение Бога⁴. Все формы иерархической верности должны, таким образом, восходить к нему, именно с их помощью государство объединяет в единое целое локальные силы. Для церковных теоретиков, которые составляли Зеркала, основания каролингского королевского верховенства восходят к Богу, который легитимирует Дом Каролингов и королевскую власть, а затем король легитимирует путем делегирования власть правящей элиты и ее место в обществе.

Seniores являются, таким образом, уполномоченными короля⁵, они получают от него свой статус, они связаны с ним клятвой верности, представляют его перед свободными людьми, приносящими им клятву верности королю⁶. В трактатах и капитуляриях именно эта внутренняя связь легитимирует положение правящих элит и гарантирует королевству стабильность, а обществу благополучие.

¹ Об этом см. работы Стюарта Эрли, прежде всего: *Airlie S. Charlemagne and the Aristocracy. Captains and Kings // Charlemagne. Empire and Society. P. 90-102.*

² *Brunner H., Schwerin C. von. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 2. München-Leipzig, 1928. S. 781.*

³ *Smaragde de Saint-Mihiel. Via Regia IV, 1 // PL 102. Col. 931-970, col. 941-942; Eberhardt O. Via regia. Der Fürstenspiegel Smaragds von St. Mihiel und seine literarische Gattung. München, 1977.*

⁴ *Jonas d'Orleans. Le métier de roi (De institutione regia). P., 1995.*

⁵ Мерсенское соглашение в другом месте обозначает их как *nostris seniores*.

⁶ О посреднической функции элит в отношении предоставления клятвы верности см.: *Innes M. Charlemagne's government. P. 80.*

Политические неурядицы, которые дестабилизировали авторитет королевской власти и нарушили отношения верности в 830-840-х гг., позволили углубить теоретические основания такого политического порядка. В VI главе Мерсенского соглашения читаем:

«Пусть наши верные люди (*fidèles*), каждый в своем сословии и своем положении, будут уверены, что отныне мы не будем ни осуждать, ни лишать чести, ни притеснять, ни преследовать кого-либо неправомерно, вопреки закону и правосудию, власти и справедливости; и мы призовем к себе тех, кто по-настоящему нам верен, чтобы созвать общий совет, согласно воле Божьей и всеобщему благу, для восстановления святой божьей Церкви и стабильности королевства, и во имя королевской чести и мира между людьми, соблюдение коих нам доверено; и пусть таким образом не только они не противостоят нам и не отказываются выполнять эти распоряжения, но пусть будут также верны нам и покорны, поддерживают и воистину содействуют нам добрым советом и искренней помощью в том, что мы постановили; и так должен действовать каждый по праву, в своем сословии и своем положении, по отношению к своему государю и своему сеньору»¹.

Тесно связанные с королевской властью, сеньоры должны служить королю и повиноваться ему, тогда как король, со своей стороны, обязуется уважать статус каждого.

Эта политическая теория, основанная на иерархической верности и договоре, на *convenientia*, является теорией, представленной епископами. Как люди освященные, представляющие сословие, которое определяет себя как высшее, они претендуют на то, чтобы естественным образом быть советниками и первыми лицами в королевском окружении². Эта теория не учитывала интересы других групп. Карл Лысый принял ее в 843 г. в определенных политических обстоятельствах, полностью восстановив впоследствии свое превосходство и власть. Но, вместе с тем, среди всех Каролингов Карл был наименее склонен к консенсусам и казнил многих мятежников. Без сомнения, он столкнулся со значительно более серьезными трудностями, нежели его братья, в частности, с аквитанской угрозой и норманнскими набегами, которые позволяли элитам дозировать и продавать свою верность. Король, таким образом, был вынужден жестко действовать в ответ и зачастую насильственно утверждать оспариваемую власть и свое «естественное» превосходство над элитами. Но отношение светских *seniores* к той идеологической конструкции, ко-

¹ Annales de Saint-Bertin. P. 62.

² Nelson J.L. Kings with Justice, Kings without Justice. An Early Medieval Paradox // La giustizia nell'alto medioevo (secoli IX-XI). Spoleto, 1997. P. 798.

торая причисляла короля к особому *ordo* и отводила клирикам первое место среди королевских советников, оставалось в высшей степени двусмысленным. Разумеется, было бы анахронизмом слишком жестко противопоставлять светские и церковные элиты, но ясно, что в середине IX в. церковная элита обрела определенную независимость мышления, а их теорию власти разделяли далеко не все светские аристократы, о чем свидетельствует большой мятеж 858 г. в Западной Франкии.

Этот непростой мятеж возглавила большая часть светской аристократии, которая не признала власть Карла Лысого, в то время как западнофранкский епископат во главе с Гинкмаром Реймским оказал королю поддержку¹. Ни один трактат не излагает ясно политические концепции правящих светских элит, кроме, может быть, одного исключения – «Наставления» Дуоды, которое часто ошибочно считают обыкновенным нравоучительным трактатом.

Супруга Бернарда Септиманского Дуода решила написать «Наставление» для своего сына Вильгельма между концом 841 и началом 843 г., когда она, по распоряжению супруга, пребывала в Юзесе, неподалеку от границ королевства. В то время юный Вильгельм находился при Карле Лысом, перед которым он должен был себя хорошо зарекомендовать. Я уже писала, почему считаю «Наставление» очень независимым и конъюнктурным политическим текстом, предназначенным, прежде всего, для защиты интересов Бернарда Септиманского и направленным против Карла Лысого². При Людовике Благочестивом Бернард стремительно возвысился и в 820-е гг. стал «вторым в империи», чем вызвал ненависть старшего сына императора – Лотаря. Он был подвергнут тогда опале со стороны императора, и его семья долго страдала от ненависти Лотаря. Бернард удалился в Испанскую марку, где его семья имела крепкие связи. После смерти Людовика Благочестивого он встал в Аквитании на сторону Пипина II против Карла Лысого, а после победы Карла был вынужден передать ему своего сына Вильгельма, в то время как сам остался в Аквитании³. В своем «Наставлении» Дуода придержи-

¹ *Le Jan R.* Elites et révoltes à l'époque carolingienne. Crise des élites ou crise des modèles? // *Les élites au haut Moyen Age*. P. 410-417.

² *Idem.* Dhuoda ou l'opportunité du discours féminin // *Agire da donna. Modelli e pratiche di rappresentazione (secoli VI-X)*. Turnhout, 2007. P. 109-128

³ О Бернарде Септиманском и его семье см.: *Chaume M.* Les origines du duché de Bourgogne. T. 1. Dijon, 1925. P. 531-547; *Calmette J.* La famille de Saint Guilhem // *Annales du Midi*. № 18. 1906. P. 145-165; *Levillain L.* Les Nibelungen historiques et leurs alliances de famille // *Annales du Midi*. № 49. 1937. P. 337-407; № 50. 1938. P. 5-52; *Bouchard C.B.* Those of my Blood. Constructing Noble Families in Medieval Francia. Philadelphia, 2001. P. 11-191; *Depreux Ph.* Prosopographie de l'entourage de Louis le Pieux. Sigmaringen, 1997. P. 224; *Settipani Ch.* Les Willelmides // *La préhistoire des Capétiens*. Deuxième partie (в печати).

живалась каролингской модели власти и иерархической верности, но она скрыто обосновывала систему легитимации правящих элит, совершенно отличную от той, что была изложена в королевских Зерцалах.

В действительности Дуода защищает «естественную» иерархию людей, которая проистекает непосредственно от Бога и передается по отцу. «Человек, – пишет она, – происходит не иначе как от отца, и никто не может достигнуть вершины [иерархии почестей] иначе как при помощи другой высокопоставленной (*summa*) персоны»¹. Вильгельм, как она пишет, получил свой статус в миру от отца (*ex illo tuus in saeculo processit status*). *Status* – это термин, который определяет юридическую и социальную идентичность индивида. Каролингские капитулярии предусматривали, например, что вопросы, касающиеся статуса и *hereditas* свободных людей, относились к компетенции королевского суда². Вопрос статуса затрагивался также в Мерсенском соглашении. Для Дуоды статус *seniores*, который определяет их положение и место в социальной иерархии, исходит не от короля, но дается по рождению, он отождествляется с *hereditas*, то есть с символическим капиталом и с достоинством, полученным через предков. Без этого высокого статуса, который достался ему от отца, а через него от всего его славного рода, Вильгельм был бы никем и не мог бы добиваться высших благ (*honores*), которыми король должен его наделить. Речь не идет лишь об обосновании общих принципов, ведь Дуода ясно подчеркивает, что предки Вильгельма были не только очень знатного происхождения, но ничуть не уступали каролингским королям, правившим в середине IX в. Как отметил Теган, Бернард Септиманский был *de stirpe regali*³: он и в самом деле вел свой род от Карла Мартелла, как и каролингские короли, и от Теодориха Рипуарского, который, вероятно, был связан с Меровингами⁴. В семье Вильгельмидов, таким образом, полагали, как об этом сообщает Дуода, что статус они унаследовали от предков, за которых Вильгельм должен был молиться, и, в этом ракурсе Бернард был по меньшей мере так же знатен, как Карл Лысый и Лотарь. Напоминая, таким образом, своему сыну, что он получил

¹ *Dhuoda*. Manuel pour mon fils III, 2. P., 1997 [далее – Manuel]. P. 141: [...] nullus nisi ex genitore procedat, non potest ad aliam et summam personam culmine peruenire senioratus.

² *Capitulare de iustitiis faciendis* (811-813). Hannover, 1883. № 80. С. 4. P. 176.

³ *Thegan*. *Gesta Hludowici imperatoris* c. 36. Hannover, 1995. S. 222.

⁴ Альда, бабка Вильгельма Септиманского, была дочерью Карла Мартелла и Хротруды. Вместе с тем он был кузеном Карла Великого со стороны своего отца Теодориха, чья бабка Хроделинда была, вероятно, сестрой Хариберта Лаонского, отца королевы Бертрады (*Settipani Ch. La préhistoire des Capétiens 481-987, Première partie: Mérovingiens, Carolingiens et Robertiens*. Villeneuve d'Ascq, 1993. P. 176). Иными словами, Вильгельмиды происходили также от Меровингов, на что указывают имена Теодориха, Хариберта (Хариберта) и Берты.

свой статус от отца, Дуода выполняет функцию, которая была характерна для женщин из знатных семей: передавать и сохранять семейную память и семейную идентичность¹. Вместе с тем она выражает притязания правящей элиты на то, чтобы участвовать в отправлении власти, основываясь на собственном происхождении, но также, без сомнения, на близости к Каролингам, с которыми она была связана². Каролинги, которые сами происходили из правящей элиты, и в самом деле выбирали себе жен среди той же элиты, чтобы создавать дружеские связи (*amicitia*), необходимые для укрепления верности. Мы соприкасаемся здесь с глубокой амбивалентностью каролингской политической конструкции.

Представление об обществе, свойственное, в том числе, и Дуоде, было «космическим», оно включало и объединяло два града. На вершине, господствуя над миром, стоит Бог, которому Дуода посвящает две первые книги своего «Наставления». Он есть Творец всего сущего, могущественный Король и высший Отец³. Как все христиане, Вильгельм должен почитать Его и любить больше, чем кого-либо другого. Затем Дуода оставляет Божественный порядок, чтобы обратиться к порядку человеческому, и в этом земном порядке важна не фигура короля, а фигура земного отца. Отцу небесному на самом деле соответствует отец земной. Дуода следует здесь второй заповеди, на которую ссылается также Иона Орлеанский в своем «Увещании короля Пипина», призывая короля любить и почитать своего отца⁴. Бернард, которому Дуода посвящает три главы III книги, бесспорно, является доминирующей фигурой «Наставления», обладающей властью в соответствии с ветхозаветной моделью. Вильгельм должен почитать своего отца (*reuerentia*), бояться его (*timere*), любить (*amare*) и быть верным ему во всем (*fidelis in omnibus esse*), как в его присутствии, так и когда его нет рядом, что бы ни случилось, следуя правилу, установленному Соломоном для своего сына. В глазах Дуоды Бернард, таким образом, идентифицируется с Соломоном, библейским царем, который чаще всего предлагался в качестве образца каролингским правителям, и в частности Карлу Лысому. К тому же Дуода приводит своему сыну библейские примеры сыновней покорности: Сим и

¹ См., например, о Кейле, супруге графа Аудульфа. – Цит. по: *Airlie S. Charlemagne and the Aristocracy...* P. 93.

² Имелись также многочисленные связи Вильгельмидов с итальянскими Каролингами: Вала, кузен Карла Великого, был женат на дочери Вильгельма Геллонского (вероятно, на Хродлинде), и, без сомнения, он женил Бернарда Италийского на Кунегонде, которая была внучкой Вильгельма Геллонского через своего отца Герберта (*Settipani Ch. La préhistoire des Capétiens* [Прим. 18]).

³ *Dhuoda*. Manuel II, 2. P. 125.

⁴ *Jonas d'Orléans*. Op. cit. P. 165.

Иафет, сыновья Ноя, Исаак, Иаков, Иосиф. Во всех случаях покорность отцу означает избавление от грозящих опасностей и успешное достижение высшей цели, а именно – обретения уважения в миру и самого высокого положения¹. Для Дуоды послушание и подобающее уважение к отцу есть первые добродетели, которым всегда должен следовать Вильгельм. Ему следует остерегаться любого неповиновения по отношению к отцу, даже если, как пишет его мать, «подобное злодеяние было на самом деле совершено многими людьми», которые, по счастью, не похожи на него². Подобно Ионе Орлеанскому, Дуода метит здесь в сыновей Людовика Благочестивого, чьи мятежи оказали сильное влияние на состояние умов, поскольку символизировали беспорядок, воцарившийся в королевстве и повлекший за собой гибель большей части семьи Бернарда. Кризис империи и кризис семьи Бернарда имели одни и те же основания.

После отца во плоти Дуода переходит к обязанностям по отношению к сеньору, с указанием (*admonitio*) о том, как должно себя с ним вести. В данном случае речь идет об одном из подлинных кратких сводов вассальной верности в контексте каролингской иерархии власти³. Сеньор Вильгельма – король Карл, которому его препоручили. Его власть представлена как дар и поручение Господа. За пределами той верности, которую следует соблюдать по отношению к отцу, только она легитимна, и избавиться от нее было бы преступлением, каковое, по мнению Дуоды, никто из предков Вильгельма никогда бы не совершил⁴. Это представление выглядит в высшей степени двусмысленным, поскольку Вильгельм должен быть, прежде всего, верным Карлу, но не потому, что тот является королем, а потому, что Вильгельм передан ему. Было бы логичным ожидать, что Дуода, если она уделяет внимание уважению установленного Богом порядка, представит своему сыну конструкцию, в которой различные формы верности гармонично взаимосвязаны и восходят к Богу через посредство короля. Однако главы, посвященные верности королю, говорят о другом. Дуода советует сыну служить королю и всем его родственникам, поскольку Бог «избрал их и предназначил для царствования»⁵. Здесь можно задаться вопросом, не относит ли Дуода семью Бернарда, которая имеет общее происхождение с Каролингами, к кругу королевских родственников? В любом случае она прямо защищает «естественную» иерархию, которая исходит непосредственно от Бога и воплощается в отце. Дуода заходит очень далеко в возвеличивании фигуры родителя.

¹ *Dhuoda*. Manuel III, 3. P. 143.

² *Ibid.* III, 1, P. 137.

³ *Ibid.* III, 4, P. 149-153.

⁴ *Ibid.* III, 4, P. 151

⁵ *Ibid.* III, 8, P. 169.

Она страшится увидеть однажды, что ее сын следует дурному примеру, то есть примеру сыновей Людовика Благочестивого, не повиновавшихся повелениям своего отца. В «Наставлении» можно прочесть несколько строк, отнюдь не представлявших собой общее место:

«Без сомнения, в глазах людей королевское или императорское достоинство и могущество торжествуют в этом мире: также в обычае у людей чтить, прежде всего, деяния и имена королей и императоров; их уважают, их власть опирается на превосходство их положения [...]. Однако, сын мой, вот моя воля: чтобы по совету моей ничтожности и по воле Бога ты не забывал бы с самого начала и на протяжении всей жизни служить верой и правдой (*obsequium*) тому, чьим сыном ты являешься»¹.

Верность и служение отцу стоят здесь впереди служения королю, хотя король также является сеньором Бернарда.

«Наставление», определенно, необходимо воспринимать в политическом и идеологическом контексте, в котором оно появилось. Это произошло в начале 840-х гг., и Дуода ни на мгновение не ставит под сомнение легитимность каролингской королевской семьи, избранной Богом. Верность королю, таким образом, вменяется представителям высшей знати, которая должна служить королевской власти². С этой точки зрения в «Наставлении» нашла отражение теория королевского служения, которую в 830-х гг. развивали Иона Орлеанский и другие епископы. Но эта теория также утверждает, что знать, которая обязана своим положением собственному происхождению, не может сохранять верность королю-тирану, который разрушает иерархию, установленную Богом, отдаляя сыновей от их отца. Таким образом, она имплицитно оправдывает право знати нарушать свои обязательства по отношению к несправедливому королю. Иона Орлеанский в «*De institutione regia*» не заходил столь далеко, хотя в VI главе он и ссылаясь на библейские примеры свержения королей, дабы обосновать, что «вред, причиненный вдовам и сиротам, несправедливые обвинения в отношении несчастных, жестокие приговоры и нарушение справедливости приводят к неизбежному упадку королевства»³.

Вопрос об участии неправедных королей, обвиняемых в тирании, регулярно поднимался в 830-850-х гг., в том числе и епископами⁴. Это привело к низложению Людовика Благочестивого в 833 г.⁵, но епископы

¹ Ibid. III, 2, P. 141.

² Ibid. III, 5, P. 53.

³ *Jonas d'Orléans*. Op. cit. VI, 25-30. P. 215.

⁴ *Nelson J.L.* Kings with Justice...

⁵ *De Jong M.* Power and Humility in Carolingian Society. The Public Penance of Louis the Pious // *Early Medieval Europe*. № 1. 1992. P. 29-52.

впоследствии решили, что король не может быть судим никем, кроме Бога. Светская аристократия, напротив, имела другую точку зрения, и тирания была поводом, который знать постоянно использовала для того, чтобы поднять мятеж и перейти от одного короля к другому¹. В данном случае политические и семейные обстоятельства побудили Дуоду, внешне сохранявшую уважение к королевской власти, требовать для своего сына права на неверность по отношению к королю, который покусится на основы христианского общества, восстанавливая сыновей против отца. «Наставление», сконцентрированное на фигуре отца, демонстрирует, таким образом, стагнацию политической системы в 830-840 гг. Неверность сыновей Людовика Благочестивого по отношению к своему отцу, последовавшие затем распри и братоубийственная война породили глубокую дезорганизацию и повлекли за собой конфликты, связанные с нарушением верности, отголоски которых слышны в «Наставлении». Кризис достиг апогея в 840-843 гг., когда Дуода писала свою книгу в Юзесе, «ожидая короля, на которого укажет Бог»². Кризис раздирал на части королевскую фамилию, он мог бы уничтожить знатные семьи. «Наставление» пытается разрешить трудности, с которыми должен был неминуемо столкнуться Вильгельм, предлагая ему последовательные и альтернативные решения: прежде всего, быть верным сеньору-королю, которого ему выбрал отец, и служить ему, но в случае (возможного) разрыва между королем и отцом, если король решит вредить отцу, Вильгельм должен предпочесть верность отцу верности королю³. Дуода также утверждает, что в условиях кризиса, порожденного раздорами каролингских принцев и пробуксовыванием политической системы, знать должна самостоятельно найти решение этих проблем, чтобы спасти общество от беспорядка. Это приведет могущественных сеньоров к тому, что они будут выбирать королей, как, например, в 879 г. избрали королем Нижней Бургундии графа Бозона, а в 888 г. – *reguli*⁴.

Для Дуоды статус и *hereditas* образуют единое целое, и это чревато последствиями, если принять во внимание, что *hereditas* формирует совокупность семейного символического капитала. Разумеется, этот капитал не застывший, он подвижен, всегда под угрозой раздробления на части из-за раздела наследства, но семьи применяют разные стратегии, чтобы его со-

¹ *Le Jan R.* Elites et révoltes... P. 419-422.

² *Dhuoda.* Manuel XI, 2, P. 370f.

³ Бернард Септиманский будет казнен в 844 г. по приговору, вынесенному по суду франков. – *Annales de Saint-Bertin.* P. 45.

⁴ *Airlie S.* Les élites en 888 et après, ou comment pense-t-on la crise carolingienne? // *Les élites au haut Moyen Age.* P. 425-438.

хранить, и состязаются в том, чтобы его преумножить. Система обмена (дарами), на которой в раннем Средневековье выстраиваются отношения господства, встраивается в неприкрытую борьбу представителей элиты за богатство. Известно, что такие формы обмена развиваются в обществах, где матримониальный рынок открыт (с учетом приданого супруги), где есть свободные богатства, где позиции в иерархии не являются неизменными. Чтобы упрочить свое положение, нужно брать и давать, при этом нужно давать больше, чем другие могут вернуть¹. Общество раннего Средневековья соответствует этим условиям: соперничество позволяет получать женщин, земли, полномочия (*honores*), а дары и расходы служат упрочению своего положения в иерархии². Нестабильность усиливает агонистический характер обмена. Она была максимальной в момент переселения народов и создания романо-германских королевств, и это нашло свое выражение в усилении соперничества³. Затем организация системы управления на уровне отдельных территорий, легитимация власти, опирающаяся на христианскую веру, и развитие центристических сил укрепили элиту и трансформировали соперничество во взаимодействие, выведя на первый план верность и *amicitia*. Циркулирование символического имущества способствовало упорядочению положения в иерархии, но легитимация места внутри элиты по праву рождения и укрепление королевской власти упорядочили соперничество. Безусловно, каролингский король, который держит свою власть от Бога, не подчиняет себе все силы на местах, но он укрепляет свое превосходство, контролируя циркуляцию символического имущества – *honores*, земель фиска и материальных ценностей, – что и обеспечивает легитимацию правящих элит. Он наделяет знать светскими и церковными полномочиями, землями фиска, богатством, которые передаются публично и торжественно и посредством которых он проявляет свою высшую власть. Каролингский король вмешивается также в матримониальный обмен, принуждая к бракам, наделяя женщин знатностью и издавая законы об инцесте. Используя все это, он стимулирует соперничество, которое гарантирует верность, и организует его вокруг своей персоны. Поэтому близость к королю (*Königsnähe*) является ключевым понятием в

¹ Mauss M. Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques // Mauss M. Sociologie et anthropologie. 8ème éd. P., 1999. P. 143-273 (впервые опубликовано в: l'Année Sociologique, seconde série, 1923-1924. T. 1); Godelier M. L'énigme du don. P., 1996. Против: Testart A. Critique du don. Etudes sur la circulation non marchande. P., 2007.

² Negotiating the Gift. Pre-modern Figurations of Exchange / Ed. G. Algazi, V. Groebner, B. Jussen. Göttingen, 2003; Bougard F., Le Jan R. Introduction // Hiérarchie et stratification sociale.

³ Binford L.R. Mortuary Practices. Their Study and Their Potential // American Antiquity. № 26. 1971. P. 6-29.

каролингскую эпоху: правящие элиты нуждаются в короле, чтобы, подобно Бернарду Септиманскому при Людовике Благочестивом, графу Суппо при Людовике II Итальянском, Роберту Сильному или Балдуину Фландрскому при Карле Лысом, достигнуть самого высокого положения. В обмен на верность король демонстрирует щедрость, он дает больше, чем одариваемый может дать ему в ответ. Поэтому неудивительно, что каролингская идеология делает короля верховным распределителем богатств¹. Именно к этому образу апеллирует Ноткер Заика, описывая, как император Людовик Благочестивый каждый год накануне Пасхи одаривает всех, кто служит ему во дворце и при королевском дворе, в соответствии с их должностями: наиболее знатным достаются перевязи, оружие, дорогие одежды из императорской сокровищницы, менее могущественным – разноцветные фризские плащи; зрителям королевских конюшен и прудов, а также поварам – льняная одежда и короткие ножи для их ремесла².

На практике способность короля контролировать соперничество была связана с его возможностями возобновлять свой собственный капитал, чтобы подпитывать обмен дарами. В общем и целом, чтобы тратить и демонстрировать свою власть через дары, пиры и охоту, король должен был также получать и брать. Он брал у мятежников, конфискуя их имущество, брал у врагов в виде дани и грабежа. Тимоти Ройтер в свое время высказал предположение, что королевская власть была более устойчивой в восточной части Каролингской империи, нежели в западной благодаря дани, наложенной на славян³, но, без сомнения, нужно также подчеркнуть важность войны в структурировании и легитимации власти в Германии. Кроме того, король публично и торжественно принимал от представителей высшей знати ежегодные дары (*dona annualia*) и разного рода услуги, которые затем возвращались им же в рамках системы соперничества. С нашей точки зрения, дары (*dona*) представляют собой форму прямого налогообложения, но в системе конкурентного обмена эти подношения затем возвращались обратно в виде королевских даров, и это означает, что, отдавая больше других, представители высшей аристократии заявляли о своем месте в иерархии.

Между тем все символическое имущество не могло быть вовлечено в обмен дарами, что-то должно было сохраняться. Аннетт Вайнер выделила три категории имущества: имущество, имеющее стоимость, которое мож-

¹ Le Jan R. La société du haut Moyen Age. P., 2003.

² Notker der Stammler. Taten Kaiser Karls des Grossen II, 21. Berlin, 1959. S. 91f.

³ Reuter T. Plunder and Tribute in the Carolingian Empire // Transactions of the Royal Historical Society 35. 1985. P. 75-94.

но полностью отчуждать и которое является предметом торгового обмена; ценное имущество, которое является объектом дарения и которое, будучи подаренным, образует долг, актуальный до тех пор, пока дар не будет возвращен; наконец, неотчуждаемое имущество, которое имеет отношение к групповой идентичности или к сакральности. Его следует сохранять, даже если представителям группы дозволено им пользоваться¹. В каролингском обществе *honores* составляли часть третьей группы, поскольку они не были имуществом, подобным любому другому: это было имущество власти, имевшее отношение к сакральности. Король получал его на хранение вместе с королевством, он его делегировал, но продолжал контролировать, решая, кому именно его передать. Поэтому после смерти своего обладателя *honores* возвращались к королю, а тот жаловал их кому-то другому. В своем «Наставлении» Дуода не ставит под сомнение право короля даровать сан и жаловать *honorati*, но, по ее мнению, сан исходит от Бога, как и другие богатства. Именно Бог их распределяет, поскольку он и внутри, и вовне, и сверху, и снизу. Далее этого она не заходит, но 20 лет спустя, в 864 г., ее второй сын Бернард Плантевелю почитает возможным именовать себя графом Божьей милостью (*gratia Dei comes*)². Разумеется, это вновь происходит в совершенно конкретных обстоятельствах, поскольку Бернард Плантевелю почти всю свою жизнь оставался на положении чуть ли не мятежника. Но формула очень хорошо выражает развивающиеся в 860-880-х гг. вместе с системой титулов представления о том, что должности, как и статус, являются частью *hereditas* и передаются напрямую³. Титул *gratia Dei comes* начнет распространяться с конца 880-х гг., когда должности стали наследоваться, а представители высшей знати начали выбирать королей, не имевших отношения к каролингскому дому. Такое изменение отражает становление новой концепции иерархии, в соответствии с которой король и элиты образовывали единое целое и имели одинаковые обязанности: король отныне являлся первым среди равных (*primus inter pares*).

Десятилетия до и после 900 г. были временем большой политической нестабильности, которая выражалась в возрастании агрессивности. Конкурентная система постоянно порождала подстрекательство и насилие, но в IX в. каролингская власть ограничивала их, запрещая *файду* (межродовую вражду) и контролируя циркуляцию должностей и символическо-

¹ Weiner A. Inalienable Possession. The Paradox of Keeping-While-Giving. Berkeley, 1992; Godelier M. L'énigme...

² Lauranton-Rosaz Ch. Le roi et les grands dans l'Aquitaine carolingienne // La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne au IXe siècle. Lille, 1998. P. 428.

³ Le Jan R. Femmes, pouvoir et société dans le haut Moyen Age. P., 2001. Ch. 12: La noblesse aux IXe et Xe siècles. Continuité et changements. P. 192.

го имущества. Политические смуты, внешние набеги и прогрессирующее ослабление королевской власти нарушили равновесие и нарушили обмен дарами, провоцируя действия, которые было невозможно контролировать на местах. Провокации епископа Соломона Констанцского в отношении графов Бертольда и Эрхангера в 890 г.¹, предумышленное убийство графа Мегингауда в 892 г. в церкви возле Ретеля и фэйда, которая за этим последовала², убийство Рауля, сына графа Балдуина I, Гербертом I Вермандуа в 896 г. и последовавшая за этим месть³, убийство архиепископа Фолкуина Реймского в 900 г. вассалом графа Фландрского⁴ – всё это не столько симптомы присутствия в обществе насилия, сколько свидетельства нарушения системы обмена между элитами и королем⁵.

Каролингские мыслители развивали теорию власти, которая вовлекала суверена, короля милостью Божьей, и элиты в построение *ecclesia*, создавая образ иерархически организованного христианского общества, помещая короля во главе этого общества, мыслимого в рамках патриархальной модели и устремленного к порядку и миру. В этой политической системе отношения между королем и элитами были основаны на обмене дарами и на обоюдности интересов. Элиты были вовлечены в служение королю и управление вместе с королем, который ничего не мог без их содействия и верности, между тем как в конкурентной борьбе за богатство элиты нуждались в короле, чтобы сохранять и приумножать свои *dignitas* и *status*.

В середине IX в. рассуждения Дуоды отличаются от церковных текстов и выражают идеологию светских *principes*. И в самом деле, «Наставление» выражает важные нюансы в отношении политических теорий, касающихся королей, по крайней мере, в двух аспектах. Во-первых, «Наставление» теснейшим образом связывает *status* элиты и наследство. Не ставя под вопрос иерархию и верховенство каролингской королевской власти, Дуода утверждает, что элиты получают свое место в обществе от предков, по праву рождения, то есть в конечном счете, от Бога, как и сами каролингские короли. Ее оправдательную речь могли бы подхватить все могущественные семьи каролингского времени, осознававшие, что их собственное происхождение было не менее знатным, чем у королев-

¹ *Ekkehard IV. Casus Sancti Galli*. Hannover, 1829. P. 84.

² *Le Jan R. Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-IXe siècle)*. Essai d'anthropologie sociale. P., 1995. P. 88.

³ *Regino. Chronicon cum continuatione Treverensi*. Bd. 50. Hannover, 1890. P. 73.

⁴ *Ibid.* S. 149; *Floardo von Reims. Die Geschichte der Reimser Kirche*. Hannover, 1998. P. 402.

⁵ Другие примеры см.: *Le Jan R. Femmes, pouvoirs et société...* Ch. 10: Justice royale et pratiques sociales dans le monde franc au IXe siècle. P. 163 note 101. *Idem. Élités et révoltes...*

ской семьи, с которой они были связаны многочисленными брачными альянсами. Во-вторых, «Наставление» обуславливает верность королю тем, что тот, во имя справедливости, гарантирует статус. Утверждая, что элиты могли не хранить верность несправедливому королю, ставящему этот статус, то есть иерархию людей от природы, под сомнение, «Наставление» предвещало тот поворот, который произойдёт уже в конце IX в.¹

Список литературы

- Le Jan R.* Les élites carolingiennes et le roi au milieu du IXe siècle: statut et fidélité // *Völker, Reiche und Namen im frühen Mittelalter*. Paderborn, 2010.
- Annales de Saint-Bertin*. P., 1964.
- Tremp E.* Studien zu den Gesta Hludowici imperatoris des Trierer Chorbischofs Thegan. Hannover, 1988.
- Les élites au haut Moyen Age. Crises et renouvellement*. Turnhout, 2006.
- Les élites et leurs espaces*. Turnhout, 2007.
- Hiérarchie et stratification sociale dans l'Occident médiéval (400-1100)*. Turnhout, 2008.
- Devroey J.-P.* Puissants et misérables. Système social et monde paysan dans l'Europe des Francs (VIe-IXe siècles). Bruxelles, 2006.
- Innes M.* Charlemagne's Government // *Charlemagne. Empire and Society*. Manchester, 2005.
- Airlie S.* Charlemagne and the Aristocracy. Captains and Kings // *Charlemagne. Empire and Society*.
- Brunner H., Schwerin C. von.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 2. München; Leipzig, 1928.
- Eberhardt O.* Via regia. Der Fürstenspiegel Smaragds von St. Mihiel und seine literarische Gattung. München, 1977.
- Jonas d'Orleans.* Le métier de roi (De institutione regia). P., 1995.
- Innes M.* Charlemagne's government. P. 80.
- Nelson J.L.* Kings with Justice, Kings without Justice. An Early Medieval Paradox // *La giustizia nell'alto medioevo (secoli IX-XI)*. Spoleto, 1997.
- Le Jan R.* Elites et révoltes à l'époque carolingienne. Crise des élites ou crise des modèles? // *Les élites au haut Moyen Age*.
- Idem.* Dhuoda ou l'opportunité du discours féminin // *Agire da donna. Modelli e pratiche di rappresentazione (secoli VI-X)*. Turnhout, 2007.
- Chaume M.* Les origines du duché de Bourgogne. T. 1. Dijon, 1925.
- Calmette J.* La famille de Saint Guilhem // *Annales du Midi*. № 18. 1906.

¹ См.: *De Jong M.* The Penitential State. Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious, 814-840. Cambridge, 2009.

- Levillain L.* Les Nibelungen historiques et leurs alliances de famille // *Annales du Midi*. № 49. 1937. № 50. 1938.
- Bouchard C.B.* Those of my Blood. Constructing Noble Families in Medieval Francia. Philadelphia, 2001.
- Depreux Ph.* Prosopographie de l'entourage de Louis le Pieux. Sigmaringen, 1997.
- Dhuoda.* Manuel pour mon fils III, 2. P., 1997
- Capitulare de iustitiis faciendis (811-813). Hannover, 1883. № 80. C. 4.
- Thegan.* Gesta Hludowici imperatoris c. 36. Hannover, 1995.
- Settipani Ch.* La préhistoire des Capétiens 481-987, Première partie: Mérovingiens, Carolingiens et Robertiens. Villeneuve d'Ascq, 1993.
- De Jong M.* Power and Humility in Carolingian Society. The Public Penance of Louis the Pious // *Early Medieval Europe*. № 1. 1992.
- Airlie S.* Les élites en 888 et après, ou comment pense-t-on la crise carolingienne? // *Les élites au haut Moyen Age*.
- Mauss M.* Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques // *Mauss M. Sociologie et anthropologie*. 8ème éd. P., 1999.
- Godelier M.* L'énigme du don. P., 1996.
- Testart A.* Critique du don. Etudes sur la circulation non marchande. P., 2007.
- Negotiating the Gift. Pre-modern Figurations of Exchange. Göttingen, 2003.
- Bougard F., Le Jan R.* Introduction // *Hierarchie et stratification sociale*.
- Binford L.R.* Mortuary Practices. Their Study and Their Potential // *American Antiquity*. № 26. 1971.
- Le Jan R.* La société du haut Moyen Age. P., 2003.
- Notker der Stammler.* Taten Kaiser Karls des Grossen II, 21. Berlin, 1959.
- Reuter T.* Plunder and Tribute in the Carolingian Empire // *Transactions of the Royal Historical Society* 35. 1985.
- Weiner A.* Inalienable Possession. The Paradox of Keeping-While-Giving. Berkeley, 1992
- Laurançon-Rosaz Ch.* Le roi et les grands dans l'Aquitaine carolingienne // *La royauté et les élites dans l'Europe carolingienne au IXe siècle*. Lille, 1998.
- Le Jan R.* Femmes, pouvoir et société dans le haut Moyen Age. P., 2001.
- Ekkehard IV.* Casus Sancti Galli. Hannover, 1829.
- Le Jan R.* Famille et pouvoir dans le monde franc (VIIe-IXe siècle). Essai d'anthropologie sociale. P., 1995.
- Regino.* Chronicon cum continuatione Treverensi. Bd. 50. Hannover, 1890.
- Flodoard von Reims.* Die Geschichte der Reimser Kirche / Ed. M. Stratmann. Hannover, 1998.
- De Jong M.* The Penitential State. Authority and Atonement in the Age of Louis the Pious, 814-840. Cambridge, 2009.

Р. Дюбюи

**COURTOIS И COURTISAN:
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ**

В статье рассматривается история двух терминов, тесно связанных с понятием придворной службы в Средние века: *courtois* и *courtisan*. На примере ряда сочинений французской литературы XII-XV вв. анализируются особенности бытования обоих терминов, закончившегося полным вытеснением к концу Средневековья слова *courtois*.

Ключевые слова: история Средних веков, Франция, лингвистика, королевский двор

На первый взгляд представляется логичным считать, что слова *courtois* (галантный, куртуазный) и *courtisan* (куртизан, придворный) не являются подлинными дублетами, то есть близкими по значению лексическими единицами, поскольку они не имеют общего происхождения. Тем не менее принадлежность к одной и той же семантической семье и тесная связь с понятием придворной службы дают достаточно оснований для их сравнительного изучения. Без особого удивления можно отметить, что в литературе они появляются далеко не одновременно, и проходит немало времени, прежде чем у нас возникает возможность сравнить их употребление в хронологически близких текстах. При этом самые первые случаи использования слова *courtois* отмечаются уже в нашем наиболее древнем литературном памятнике – «Песни о Роланде». На протяжении своей истории слово *courtois* не раз меняло значение, приобретая то высокую, то низкую стилистическую окраску, прежде чем стать уже в наше время заурядным, довольно банальным эпитетом, жертвой славного прошлого, груз которого не столь просто нести. Поэтому, чтобы очертить его подлинный смысл, представляется логичным вернуться к происхождению этого слова, каждый раз помещая его в контекст и тем самым, определяя его значение, а также убеждаясь в правильности этого определения.

Прежде чем погрузиться в детали, необходимо указать, что если читатель не раз встретит прилагательное *curteis* или дважды – наречие *curteisement*, то существительного *curteisie* он не найдет вовсе. Эта кон-

статация, которая не зависит ни от частотности, ни от выборки и сразу же придает определенное направление нашему исследованию. Можно тем самым утверждать, что в «Песни о Роланде» это слово не служит для характеристики социального явления, имеющего отношение к той или иной группе людей. Оно указывает лишь на отдельных людей как таковых, принадлежащих к одной социальной группе – окружению Карла Великого, – обычно обозначаемой словом *curt*, «двор».

Характер отношений между императором и рыцарями его «двора» превосходным образом объясняет, что такое взаимные обязательства сюзерена и вассала, являющиеся основанием феодальной системы. В центре этой системы – представление о службе, которую каждый из них обязан нести по отношению к другому. «Служить» означает быть полезным: *prode esse*, означает быть *preu*. Именно этим и заняты все герои песни – от архиепископа Тюрпина до Роланда, не исключая и Оливье. Все рыцари Карла Великого – *proz*, «приносят пользу». В контексте «Песни о Роланде» сюзерен ждет от вассала прежде всего военной службы. По этой причине Роланд, на глазах которого Оливье только что поразил дюжину сарацин, сопровождает его деяние такими словами: «Такой лихой удар оценит Карл»¹. По мнению автора «Песни», пользу, приносимую такими ударами, можно описать одним стихом, торжествующий тон которого не оставляет места никакому сочувствию к погибшим: «Не воевать им больше никогда»². В то же время нужно заметить, что каждый из этих смельчаков обладает своей индивидуальностью, которую выражают и его речи, и его поступки. Поэтому, как правило, эпитет *preu* (полезный) сопровождается еще одним, который его дополняет и уточняет. Некоторые пары эпитетов не представляют особого интереса. Если назвать Оливье «смелым и благородным» (*li proz e li gentilz*, v. 176), его едва ли можно будет отличить от других рыцарей; если «смелым и доблестным» (*li proz e li vaillanz*, v. 3176) – это всего лишь тавтология. Другие эпитеты, однако, более выразительны. Так, не без некоторого удивления можно отметить, что Оливье – единственный из рыцарей – дважды назван «смелым и учтивым» (*li proz e li curteis*, v. 576; 3755). Поскольку контекст в данном случае никак не помогает понять смысл второго эпитета, можно

¹ Pour itels colps nos ad Charles plus cher. – La Chanson de Roland. P., 1969. V. 1560. Здесь и далее в переводе статьи цитаты из памятников французской средневековой литературы приводятся в русских переводах по изданиям: Песнь о Роланде / Пер. Ю. Корнеева. М., 1976; Роман о Лисе / Пер. А. Наймана. М., 1987. При неточности имеющегося русского стихотворного перевода в существенных по смыслу местах мы даем цитаты в своем переводе. – Прим. перев.

² Cil ne sunt proz ja mais pur guerreier – La Chanson de Roland. V. 1157.

попытаться восполнить эту лакуну, проанализировав образ Оливье. Хотя песнь и не названа его именем, он, вне сомнений, обрисован лучше всех других героев. Как и герцог Немон, он полностью посвятил себя служению Карлу Великому. Если Немон представлен как «самый славный при дворе вассал»¹, то для Карла Оливье – тот, «кому он более всего доверяет»². И Немон, и Оливье обладают превосходным свойством – мудростью³. Мудрость нисколько не отождествляется с «prouesse» («отвагой»); напротив, она от нее весьма далека, причем настолько, что может ей противопоставляться, как в той знаменитой сцене, где Роланд и Оливье вступают в спор: «Разумен Оливье, Роланд отважен»⁴. В оригинале союз «е» (см. прим. 8) не соединяет в данном случае два равноправных и дополняющих друг друга элемента, но подчеркивает различие между ними: Роланд отважен, *тогда как* Оливье разумен. Язычники изрубят воинов французского арьергарда на части, если Карл не поспешит им на помощь. Роланд отказывается взывать о помощи, поскольку он слишком доверяет своей «prouesse» («отваге»); кроме того, он уверен, что его Дюрандаль сразит всех мавров, а также что призыв о помощи покроет его позором. Оливье совсем не разделяет мысли своего друга, о чем ясно ему и говорит: «Французов погубила ваша гордость. / Мы королю уж не послужим больше»⁵. Оливье наотрез отказывается признать то понимание отваги, которое присуще Роланду, решительно его отвергая: «Нам ваша дерзость жизни будет стоить, / Теперь вы Карлу больше не помощник»⁶. Для Оливье «prouesse» не является ни самоцелью, ни средством, с помощью которого вассал добивается награды и льстит своему тщеславию. Она прежде всего средство – в ряду других, – используемое для служения сюзерену, а в данном случае отвага Роланда преступна. Оливье нужно всего лишь два стиха, чтобы выразить свою мысль, и эти несколько слов для нас в высшей степени значимы: «Быть смелым мало – быть разумным должно, / И лучше меру знать, чем сумасбродить»⁷. Как бы ни была необходима «отвага», ее нужно уравновешивать мудростью,

¹ Meillor vassal en la curt. – La Chanson de Roland. V. 231, 775.

² Olivier, en qui il tant se fiet. – Ibid. V. 586.

³ Когда Немон предлагает отправиться с посольством к Марсилию, Карл, не желая лишиться его общества, отказывает ему: «Вы мудрый человек» (Vos estes saives hom). – Ibid. V. 248.

⁴ Roland est proz e Olivier est sage. – Ibid. V. 1093.

⁵ Franceis sunt morz par vostre legerie/ Ja mais Karlon de nus n'avrat servise. – Ibid. V. 1726-1727.

⁶ Vostre proeccc, Rollant, mar la veïsmes!/ Karles li Magnes de nos n'avrat aïe. – Ibid. V. 1731-1732.

⁷ Vasselage par sens nen est folie/ Mielz valt mesure que ne fait estultie. – Ibid. V. 1724-1725.

которая, в свою очередь, определяется *mesure* («мерой»). Не встречаемся ли мы уже здесь с термином, который два века спустя – в куртуазную эпоху – станет ключевым? Было бы ошибочным, конечно, превращать Оливье в опередившего свое время куртуазного рыцаря. И все же нельзя не признать, что в мире, где закон устанавливают воины, Оливье как бы намекает на новый идеал, открывает место другим ценностям – тем, что суждено воплотить и прославить вассалу, который станет необходим союзеру при его *curt*, «дворе», тому вассалу, которого превознесут грядущие века.

Роланд и Оливье крайне несхожи и в том, как они смотрят на женщину и какое место они ей отводят в обществе, хотя это и не становится предметом дискуссий между ними. Когда Роланд осознает, что стоит на пороге смерти, в тот самый момент, когда «ему многое приходит на память»¹, он вспоминает о своем прошлом, о своих победоносных сражениях, «о милой Франции и о родных» и, наконец, о «Карле, своем господине»². Ни на одно мгновение в его сознание не закралась мысль о той, «которой клятву дал назвать своей женой»³, о прекрасной Альде, которая, узнав о его гибели, умерла от страданий. Погибший в Ронсевале Оливье при смерти Альды не присутствует, и никто не может представить, как бы он отозвался об этом событии. И все же в поэме есть один краткий эпизод, слишком короткий, чтобы привлечь к себе внимание, но который заставляет задуматься об этом. В Ронсевале христиане гибнут под натиском толп язычников. Один из них, Марганис, коварно разит Оливье в спину и объявляет, что отмстил за своих. Прежде чем умереть, Оливье сносит Марганису голову тем последним усилием, какое встречается только в эпических песнях, а затем в чистейшем эпическом стиле обращается к поверженному врагу, лежащему у его ног: «И перед дамой иль женой своей / Не станешь хвастать у себя в стране, / Что повредить нам хоть на грош сумел – / Мне иль другим»⁴. Не предвосхищает ли он тем самым рыцаря куртуазной литературы, повествующего о своих подвигах на «дамской половине»? Не за такой ли поступок Оливье – герой «Песни о Роланде», не похожий на других, – был награжден редким эпитетом «учтивый», *curteis*?

Два употребления наречия *curteisement* (учтиво, любезно), как кажется, подтверждают наш анализ. В первом случае речь идет о близящем-

¹ De plusieurs choses a remembrer li prist. – Ibid. V. 2377.

² Ibid. V. 2379-2380.

³ Jurat cume sa per a prendre. Ibid. V. 3710.

⁴ Ne a mulier ne a dame qu'aies veüd / n'en vanteras el regne dunt tu fus / vaillant a un denier que m'aies tolut / ne fait damage ne de mei, ne d'altrui. – Ibid. V. 1960-1963.

ся решающем сражении, и ясно, что победу в нем одержат язычники, поскольку они более многочисленны. Слепленный своей *prouesse* (отвагой), Роланд отказывается допустить такую возможность. Обращаясь к воинам, он предвещает им в четырех торжествующих стихах скорую победу. Не должно удивлять, что и вступление к его словам выдержано в тех же тонах: «Роланд горделиво оглядел мавров, / Глянул на своих людей со смирением и любовью / И обратился к ним с учтивой речью»¹. Здесь все построено на контрасте между суровым, угрожающим взглядом, каким Роланд смотрит на язычников, и ласковой печалью, которая чувствуется в его взоре, обращенном на своих. В преддверии смерти Роланд становится более смиренным и кротким, подобно тому как другие становятся милосерднее. Автор поэмы, более здравомыслящий и менее упрямый, чем его герой, пытается внушить своему читателю эту мысль: ее передает наречие «учтиво», *curteisement*.

Немаловажно уделить внимание значительному эпизоду поэмы – суду над Ганелоном. Бароны должны, наконец, дать Карлу ответ на его просьбу воздать Ганелону «по праву»². Ганелон, со своей стороны, находит родственника, могущественного Пинабеля, грозного защитника, который предлагает прибегнуть к судебному поединку. По феодальной логике вынесение приговора предателю не должно было быть предметом судебного разбирательства, однако бароны, – повергая Карла тем самым в глубочайшее горе, – предлагают ему полностью оправдать Ганелона³. Автор поэмы двумя штрихами изображает совет, который принимает такое решение, выдвигая главный аргумент, к которому присоединяются все. Он укладывается в три стиха: «Погиб Роланд и не придет обратно;/ Не воскресить его серебром иль златом. / От поединка проку будет мало»⁴. К такому, совершенно логичному, заключению приходят те, кто не хочет обострять ситуацию: «держатся осторожнее»⁵. Считать ли этот ответ проявлением трусости, благородной снисходительности или выражением «политического» реализма, родственного цинизму, – в любом случае мы далеки от эпического величия, которое современный читатель с удовольствием обретает в «шансон де жест». Он будет немало

¹ Vers Sarrazins regardet fierement / E vers Franceis humeles e dulcement / Si lur ad dit un mot curteisement. – Ibid. V. 1162-1164.

² В этом заключается одна из обязанностей тех, кто служит при дворе, это составляющая часть «служения».

³ Ibid. V. 3815-3818.

⁴ Morz est Rollant, ja mais nel revereiz; / N'ert recuvret pot or ne por avoir; Mult sereit fols ki ja se cumbatreit. – Ibid. V. 3802-3805.

⁵ Se cuntient plus quei. – Ibid. V. 3797.

удивлен, когда узнает, что те, чье решение побеждает на совете, – овернские бароны, «*icels d'Alverne*» – награждаются автором эпитетом *curteis*, да еще и в превосходной степени: «они самые учтивые» (*i sunt li plus curteis*). В этом же эпизоде мы находим второй случай употребления наречия *curteisement*, что позволит нам довести до конца эту часть нашего исследования. Молодой воин Тьерри принимает вызов Пинабеля, о чем сообщает Карлу, приведенному в отчаяние решением своих советников. В этот момент драматическое напряжение велико, и рассказ автора об этой сцене крайне удивляет: Тьерри «учтиво молвит императору»¹. Совершенно очевидно, что куртуазность – как мы ее понимаем – не имеет к этому эпизоду никакого отношения. Тьерри скорее движим живым состраданием к Карлу, нежели гневом на баронов или презрением к их подлости. Эпическая песнь скупа на изъявления чувств. На них достаточно намекнуть одним словом: Тьерри также оказывается *curteis*.

Всем медиевистам случалось столкнуться с трудностями, когда они пытались предложить современному читателю перевод ключевых терминов средневековой литературы, причем такой, чтобы каждому соответствовало одно слово, – примеров не перечесть. Прилагательное *curteis* прекрасно иллюстрирует это общее правило. В данном случае можно назвать две взаимодополняющие причины нашей несостоятельности. В самом деле, окончив чтение «Песни о Роланде», мы вынуждены констатировать, во-первых, известную многозначность слов *curteis* / *curteisement*; во-вторых, потребность понимать читаемый текст, которую испытывает современный читатель. Раз очевидно, что простой «перевод» *curteis* современным *courtois* неприемлем, значит, надо признать, что его семантика может варьироваться от персонажа к персонажу, от ситуации к ситуации, а также что она будет различной для разных читателей. И все же нетрудно уловить, что эти вариации осуществляются в пределах значений одной группы. В мире, где нет места бесполезному, в обществе, где зрение и слух позволяют оценить только тех, кто действует, но не тех, кто думает или испытывает чувства, происходит некий сдвиг, и появляется потребность выйти из слишком узкого универсума, в котором господствует только *prouesse*. Легкое дуновение человечности, пока еще едва уловимое, как бы сокрытое некой дымкой, становится ощутимо в том пространстве, где обычно торжествует только сила. Слова *curteis* и *curteisement* указывают на существование этого нового явления, за которым уже проглядывается образ «смелого и куртуазного» рыцаря последующих столетий.

¹ *Curteisement a l'emperere ad dit.* – Ibid. V. 3823.

Несколько стихов, которыми открывается история Ивейна, рыцаря со львом, весьма показательны. В Кардуэле собирается двор короля Артура. Рассказ об этом событии Кретьен де Труа начинается следующими стихами: «Артур, доблестный король Британии, чья отвага учит нас быть смелыми и учтивыми»¹. Здесь значимо каждое слово, поскольку то, чему «учит» «доблестный король», воплощает новый идеал: «отвага», которую его слава превращает в новую ценность, предполагает соединение двух положительных качеств, которые веком раньше «Песнь о Роланде» противопоставляла: теперь рыцарь должен быть «смелым и учтивым». К. Бюридан и Ж. Тротэн так переводят эти стихи: «Артур [...], чье совершенство дает нам урок доблести и учтивости»²; этот перевод подтверждает сказанное нами. Отныне не будет рыцаря, достойного этого звания, который не обладал бы обоими указанными качествами. Нужно, однако, сразу же отметить, что семантика этих прилагательных будет эволюционировать не одинаково. Что касается прилагательного *preu*, развитие его семантики не столь сложно, и его перевод современным *vaillant*, как правило, не вызывает возражений. Этого не скажешь о прилагательном *courtois*. Основное его значение, вообще говоря, осталось тем же, которое было знакомо еще читателям «Песни о Роланде». Позднее, в куртуазную эпоху, к нему присоединился эпитет *fin* (утонченный, чистый, превосходный), проясняющий и уточняющий его значение. Тем не менее во многих случаях для современного читателя понимание этого термина остается проблематичным: ведь он пользуется языком куда более богатым, чем язык его предков, и поневоле вынужден сравнивать многие оттенки значений, чтобы сделать нужный выбор. Общий контекст произведения в лучшем случае может служить ему лишь неким ориентиром. Однако нельзя обойти молчанием другие случаи употребления этого прилагательного, когда оно появляется в тексте не слишком талантливого автора только как условная отсылка к старому топосу.

Средневековый язык открывает перед нами и другое направление исследований. Семья *curt / curteis*, первоначально включавшая одно прилагательное и наречие, вскоре обогатилась, естественным образом, и глаголом. Помимо графического различия, лексикографы выделяют здесь две группы слов. В первую входят те, которые являются производными от существительного *cort* (*cortoyer, corteier, cortier*); во вторую – те, что связаны происхождением с прилагательным *courtois* (*cortoisier*,

¹ Artus, li boens rois de Bretaingne / la cui proesce nos enseigne / que nos soiens preu et courtois. – Le Chevalier au Lion (Yvain) / Publ. M. Roques. P., 1968. V. 1-3.

² Le Chevalier au Lion, Yvain / Trad. par C. Buridant et J. Trotin. P., 1971. P. 1.

cortisier). Эта очевидная семантическая двойственность заслуживает, без сомнения, отдельного исследования, которое в рамках нашей статьи может быть только предварительно намечено.

Едва возникнув, глагол *cortoier* обнаруживает тенденцию к многозначности. В «Коронавании Людовика», созданном менее чем полвека спустя после «Песни о Роланде», его значение остается нейтральным; по смыслу он связан скорее с местом несения службы, двором, чем с природой самой службы. Поскольку Карл Великий, одряхлев, вынужден был уступить свое место сыну Людовику, число исходящих от него советов лишь множится. Если, на его беду, Людовик позволит уронить свой авторитет, никто более не согласится ему служить: «Господний гнев поразит в самую голову того, / Кто отправится с таким королем в военный поход / Или будет жить при его дворе!»¹ Вместе воевать и бывать при дворе короля² – вот способ «служить при дворе», оставляющий многое на волю воображения читателя. Сходное употребление того же глагола встречается и в другой песне – «Алискансе», которая, как правило, датируется «самым концом» XII в.³ Граф Гильом, избежавший гибели после поражения при Алискансе, но находящийся в плачевном состоянии, обращается за помощью к королю Людовику, который в ту пору пребывает со своим двором в Лане. Побежденному и несчастному Гильому оказан плохой прием, он подавлен. Король издали бросает ему несколько слов, окрашенных презрением и иронией: «Господин Гильом, вы найдете здесь приют, / Накормите вашего коня; / Потом ступайте ко двору, чтобы поест. / Вы сейчас слишком бедны, чтоб служить при дворе!»⁴ Б. Гидо и Ж. Сюрбена хорошо передали значение *cortoier* в своем переводе – одновременно обобщенное и размытое: «Ступайте ко двору, чтобы поест. Вы выглядите слишком бедно, чтобы предстать передо мной»⁵. Оборванец недостойн «служить при дворе»; самое большее – его покормят, но за столом короля для него нет места.

Романы о Тристане помогают лучше понять эволюцию глагола *courtoier*. В прозаической версии «Романа о Тристане» интересующий нас глагол сопровождается любопытным пояснением. Жена Мелиаду-

¹ Mal dehé ait par mi la croiz del chief / Qui avuec lui ira mais osteier, / Ne a sa cort ira por corteier!. – Le Couronnement de Louis / Ed. E. Langlois. P., 1965. V. 200-203.

² Так переводит в данном случае глагол *corteier* А. Ланли: Le Couronnement de Louis: chanson de geste du XIIe siècle / Trad. par A. Lanly. P., 1969. P. 25.

³ Aliscans / Publ. par C. Régnier. P., 1990. P. 40.

⁴ Sire Guillelmes, alez vos herbergier, / Vostre cheval fetes bien aesier / Puis revenez a la cort por mengier. / Trop povrement venez or cortoier! – Aliscans. V. 2876-2879.

⁵ Aliscans / Trad. par B. Guidot et J. Subrenat. P., 1993. P. 92.

ка, короля Лоонуа, и мачеха Тристана принимает решение его погубить. Горвеналь, убежденный в том, что для Тристана единственная возможность спасения – покинуть двор, сообщает ему о своем решении: «Так и поступим; направимся в Галлию, в дом короля Фарамона. Там вы научитесь служить и жить при дворе и узнаете, как и подобает благородному и знатному мужу»¹. Следующий далее отъезд ко двору короля Марка, где Тристан может «служить вместе с другими благородными юношами» (*servir entre les autres demoisiax*) дает Горневалою возможность точнее определить свое понимание придворной службы: «после того, как вы прослужите вашему дяде столько, сколько пожелаете, и достигнете возраста, когда принимают в рыцари, ваш дядя сделает вас рыцарем»². Как кажется, по мысли Горневая, да и самого автора, последовательность слов «*servir et cortoyer*» («служить и жить при дворе») означает не что иное, как саму придворную службу, которая в данном случае приходится на «годы учения» будущих рыцарей. Однако во фрагменте манускрипта «Снейд 1» мы, по всей видимости, находим совсем иное употребление глагола *cortoyer*. Женившись на Изольде Белорукой, Тристан тут же собирается уехать. Один из рыцарей при дворе Марка, по имени Кариадо, любовь которого к возлюбленной Тристана остается безответной, решает ему отомстить, объявив ей о его женитьбе: «Он явился ко двору, чтобы просить / Королеву о любви; / Изольда считает его безумным. / С тех пор как Тристан уехал, / Не раз уж он просил ее. / Он хотел тогда добиться любви, / но это ему не удалось»³. Если Б. Уинд в своей глоссарии предлагает переводить *cortoyer* обычным «бывать при дворе» (*fréquenter la cour*), то Ф. Лекуа отдает предпочтение другому значению: «добиваться любви» (*faire la cour*), которое более согласуется с контекстом. В самом деле, Кариадо, который уже не раз просил королеву о любви, пользуется отсутствием Тристана, чтобы еще раз попытаться счастья, но и на этот раз его постигает неудача. Расхождения в интерпретации текста между разными современными читателями, естественно, обусловлены трудностью

¹ Fesons le bien; alons nos en en Gaule en l'ostel le roi Faramon. La aprendrez vos a servir et a cortoyer, et coment houz hom et gentils hom se doit maintenir. – Le Roman de Tristan en prose / Ed. R.L. Curtis. München, 1963. P. 137. Считается, что роман написан между 1215 и 1235 гг.

² Quant vous avrez tant servi vostre oncle com vos plera, et vos seroiz venus en tens et en aage de recevoir l'ordre de chevalerie, si vos fera vostre oncle chevalier. – Le Roman de Tristan. P. 144.

³ A curt ert venu pur requere / la reine de druerie; / Ysolt le tient a grant folie. / Par plusurs feiz l'ad ja requis, / puis que Tristran parti del país / Idunc vint il pur cortoyer, / mais unques n'i pot espleiter. – Les fragments du Roman de Tristan / Ed. B.H. Wind. P.; Genève, 1960, V. 798-804. Le roman de Tristan par Thomas / Ed. F. Lecoy, P., 1991. V.850-856. Версия «Романа о Тристане», принадлежащая Тома, вероятно, была написана между 1150 и 1160 гг.

соотнесения некоторых слов средневекового языка с каким-либо одним, строго определенным значением.

Еще один пример использования глагола *courtoier*, встречающийся, однако, в совершенно ином контексте, дополнит наш анализ. В начале первой ветви «Романа о Лисе», после того, как король Лев отвечает отказом на просьбу Изенгрина покарать Лиса за то, что тот совершил насилие над Грызентой, Бирюк берет слово, оканчивая свою речь следующим образом: «В Малпертуи за Лисом шлите / Меня. В его сюда визите / Я вижу благо: чем в норе, / Ему быть лучше при дворе»¹. Глоссарий, сопровождающий издание, предлагает переводить *cortioier* как «представить к королевскому двору», то есть наиболее распространенным значением этого глагола². А. Рей-Флод и А. Эшкенази в своем переводе этой ветви предпочитают усматривать в этом стихе иронический оттенок, согласующийся с контекстом и, в частности, с первым лицом глагола *apprendre* (*je lui apprendrai à vivre*): «я научу его жизни»³. Чтобы лучше соответствовать духу текста, лучше было бы, возможно, написать примечание, указав, что под *corteier* имеется в виду жизнь при дворе или, по меньшей мере, то представление о жизни, которое господствует при дворе.

Такова, на наш взгляд, судьба слова *corteier* в этот период истории языка. Это слово так и не приобрело узкого, конкретного значения, притом что со временем его употребление становится все более и более редким. В этом смысле показательным будет сопоставление уже приводившегося пассажа из прозаического романа о Тристане – «*apprendrez vos a servir et a cortioier, et coment hauz et gentils hom se doit maintenir*» (см. прим. 29) с фрагментом, заимствованным из «Романа о графе д'Артуа»⁴, написанного два столетия спустя. Здесь автор сопровождает упоминание о жизни при дворе короля Кастилии замечанием: «как существует при дворе короля или благородного принца обычай посмеиваться и подтрунивать над тем, кто ведет себя неотесанно, точно так же обращают там внимание на воспитанных людей – тех, кто везде умеет должным образом себя держать»⁵. Не правда ли, прекрасное

¹ Mandez Renart a Malpertuis: / je l'amenré se je le truis / et vos m'i volez envoier; / je l'aprendrai a cortieier. – Le Roman de Renart, première branche / Ed. M. Roques. P., 1974. V. 75-78.

² В рукописи, изданной А. Стрюбелем (Le Roman de Renart / Ed. A. Strubel et al. P., 1998), другое чтение: «Puis l'aprendrons a courtoiiier». Этот стих сопровождается здесь примечанием: «Вассал обязан был присутствовать на торжественных собраниях двора. Того, кто на них отсутствовал, считали мятежником» (p. 923).

³ Le Roman de Renart, branche I / Ed. H. Rey-Flaud, A. Eskénazi. P., 1971.

⁴ Le Roman du Comte d'Artois (XV siècle) / Ed. J.-Ch. Seigneret. Genève; P., 1966.

⁵ Ainsy qu'il est de coustume en court de roy et de hault prince que l'en fait ses ris et gabois de ceulx qui rudement s'y maintiennent, tout au contraire fait on compte dez bien apris et qui scevent leur estre par apoint bien tenir en tous lieux. – Le Roman du Comte d'Artois. P. 120.

определение глагола *corteier*? Но сам он здесь отсутствует. Что же касается прилагательного *courtois*, то если оно остается употребительным и продолжает эволюционировать, то какую-либо его соотношенность с «двором» едва ли удастся обнаружить, – она полностью вытеснена понятием чести.

Без боязни впасть в преступное упрощение можно резюмировать в двух словах то, что произойдет дальше с развитием семантики слова *courtois*: она обусловлена традицией и иронией. Было бы неуместно, да к тому же и скучно пытаться указать все источники, в которых встречается это слово, приводя многочисленные примеры его употребления. В этом случае наилучшим ориентиром может служить сборник «Сто новых новелл», написанный во второй половине XV в., поскольку его автор, смешивая серьезное и смешное, иллюстрирует два основных значения слова¹. Здесь порой мы встречаем один из возможных вариантов его употребления, явно связанный с куртуазными романами, – например, в новелле 70, одной из наиболее оригинальных. В отличие от многих других новелл сборника она апеллирует не к галльской теме, но к миру невероятного. В ней речь идет о том, что приключилось с человеком, который, владея всего лишь оружием «твердой веры в святое крещение» (*sa ferme foy au saint mistere de baptesme*), столкнулся с дьяволом и обратил его в бегство, оторвав у него один рог. Первая фраза новеллы так описывает героя: «благородный немецкий рыцарь, великий путешественник, ловко владеющий оружием, щедрый, куртуазный и в изобилии наделенный всеми другими доблестями»². Здесь чувствуется, что перед нами в сущности условный портрет, создатель которого, желая преумножить достоинства персонажа, решил тем самым лишить куртуазность ее прежнего ранга основной добродетели, объединив ее со всеми прочими «доблестями» (*bonnes vertuz*). Такая куртуазность, став банальной и полностью лишившись сакрального ореола, все же полностью согласуется с прежней традицией. Другие новеллы содержат, однако, примеры иного употребления этого слова, в противоположном смысле. Так, новелла 68 повествует о злключениях женщины, которую муж настиг в момент совершения прелюбодеяния и жестоко наказал. Эта женщина, говорится в начале рассказа, «не будучи одной из самых добродетельных в мире, была прощена весьма благородным другом об одной услуге, сами знаете какой. А она, поскольку была любезна (*courtoise*) и такова, как вы

¹ Les Cent Nouvelles nouvelles / Ed. F.P. Sweetser. Genève, 1966. См. также: *Dubuis R.* La courtoisie dans les Cent Nouvelles nouvelles // *Hommage à Jean Dufournet*. P., 1993. Т. 1. P. 479-489.

² «Un gentil chevalier d’Alemaigne, grand voyageur, aux armes preux, large, cortois, et de toutes bonnes vertuz largement doué». Les Cent Nouvelles. P. 426.

уже ведаете, не отказала ему в ней»¹. Не вызывает удивления, что мы неоднократно встречаемся с выражениями «оказать любезную услугу» или «просить о любезной услуге» (*faire* или *demander la courtoisie*) как простой отсылке к половому акту (новеллы 65, 76, 92). Один из пассажей новеллы 62 для нас крайне ценен, поскольку автор обыгрывает здесь двусмысленность таких выражений. Во время ассамблей, созывавшихся, чтобы договариваться о выкупе за Карла Орлеанского, некий знатный юноша, поселившийся в Кале у нотариуса, супруга юной и ... ласковой красавицы, увлекся ею. У него, естественно, не было никакого иного желания, кроме того, чтоб разделить с ней ложе, что она сразу же и поняла. Добиваясь цели, соблазнитель, как кажется, обращался к традиционному словарю куртуазной любви. Он расточал ей «лестные слова» (*gracieusetez*), а «под конец настолько осмелел, что попросил у своей хозяйки о любезной услуге, а именно о том, не смог бы он стать ее другом, а она его дамой»². Изюминка всей этой истории и самого рассказа, состоит в игре слов вокруг понятия «любезность», «любезная услуга» (*courtoisie*). Не способствовала ли эта ироническая окраска слова *courtois*, обусловленная его банализацией³, исчезновению одного из первых его значений – того, что было связано с искусством придворной службы?

* * *

История слова *courtisan* сложнее. Оно войдет в Академический словарь лишь в 1694 г. Лексикографы считают, что хоть оно и появляется в конце XV в., но по-настоящему употребительным становится только в XVI в. Предполагается, что оно произведено от итальянского *cortigiano*⁴ и что заимствованию способствовал папский двор в Авиньоне (где французское *cortezan* впервые отмечено в 1350 г.). Тот факт, что французское слово было непосредственно заимствовано из окситанского, конеч-

¹ Qui n'estoit pas des plus seures du monde, fut requise d'un tresgentil compaignon de faire la chose que savez. Et elle, comme courtoise et telle qu'elle estoit, ne refusa pas le service. – Ibid. P. 418.

² En la fin s'enhardit de demander a sa dite hostesse sa coutoisie, c'est asavoir qu'il peust estre son amy et elle sa dame par amours. – Ibid. P. 386.

³ В конце XV в. то же слово приобретает откровенно насмешливое значение, быть может, обусловленное смесью показной стыдливости и жеманства, – более раздражающее, нежели его затертые употребления. Так рождается выражение *chambre courtoise*, означающее отхожее место, а также производное от него *courtoisien* – ругательство (см.: *Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXème au XVème siècle*. P., 1883. Т. 2. P. 321a).

⁴ Впервые оно встречается у Боккаччо, ок. 1350 г.

но, не означает, что таково же было происхождение другого французского слова, существование которого засвидетельствовано в середине XIV в. – *cortoisien / corteisien*¹; последнее очевидным образом произведено от *courtois*. Годфруа переводит его как «имеющий отношение ко двору, придворный»², ссылаясь при этом на текст Жана Бушара: «Томас Джеймс, был в ту пору придворным в Риме...»³. Можно сказать, что судьба этого последнего термина по меньшей мере не была блестящей, и он был быстро вытеснен словом *courtisan*. Сугубо семантическая проблема здесь в конечном счете связана с социальными проблемами. Решающим фактором оказывается переход от двора, который тот или иной сюзерен временами созывает, к двору, постоянно пребывающему и живущему вместе с государем. В данном случае мы имеем дело с медленной и постепенной эволюцией социальных структур, которая влечет за собой изменение нравов, отражением которого становится, в свою очередь, семантика слов. Сдвиги такого рода не осуществляются в один день и не происходят повсюду одновременно. Здесь, как и во многих других случаях, Италия, вне сомнений, показывает путь другим народам. Было бы, однако, несколько скоропалительно приписывать лишь итальянскому языку заслугу в появлении слова *courtisan*. Быть может, было бы более справедливым сказать, что итальянский язык усвоил и в каком-то смысле закрепил слово, в котором язык испытывал потребность. Время его появления с точностью определить невозможно, и до сегодняшнего дня оно с трудом пробивало себе путь⁴.

Понятно, что слово *courtisan* возникает под пером современного историка совершенно естественно. Так, Франсуаза Отран пишет: «Старые темы сатирического изображения придворной жизни воскресают уже в начале XII в. при дворе Генриха II Плантагенета. Двор сравнивают с адом, поскольку царящая там суэта во всем противоположна учению и добродетели. (...) Моралисты XIV и XV вв. осуждают двор менее сурово, хотя и они неустанно порицают придворных»⁵. Для лингвиста кажется логичным исследовать те термины, которые употреблялись в произведениях «моралистов, порицающих придворных». Рамки этой статьи не позволяют, разумеется, сделать исследование литературных текстов

¹ В Стихотворениях Жюль Ли Мюизи (ок. 1350 г.).

² *Godefroy F.* Op. cit. Completément. P., 1898. Т. 9. P. 229. В Словаре Тоблера-Ломматча: «принадлежащий ко двору», «придворный». *Tobler A., Lommatzsch E.* Altfranzösisches Wörterbuch. Wiesbaden, 1971.

³ Jean Bouchard (ou Boucard). Chroniques de Bretagne (вторая половина XV в.).

⁴ Это же касается и слова *nouvelle* в значении «новелла».

⁵ *Austrand F.* Cour // Dictionnaire du Moyen Age. P., 2002. P. 356.

позднего Средневековья исчерпывающим. Для анализа лексики, которой отдают предпочтение авторы, будет полезным, напротив, обратиться к некоторым наиболее известным текстам из тех, в которых говорится о придворной жизни. Хотя он может показаться незначительным, мы в первую очередь остановимся на сборнике «СтО новых новелл», поскольку он прекрасно отражает состояние французского языка позднего Средневековья. Мы можем констатировать, что слово *courtisan* ни разу в нем не встречается, вместо него используется словосочетание *gens de court*¹. Конечно, это произведение нельзя считать сочинением моралиста, однако действие некоторых рассказов разворачивается при дворе, и можно полагать, что автор включил в свой сборник истории, которые циркулировали при дворе герцога Бургундского. Чтение двух других текстов, различных по форме, но весьма сходных по духу и ориентации, должно было стать более многообещающим. Один из них – «Придворный», принадлежащий Алэну Шартье, который перевел латинский трактат неизвестного автора «*De vita curiali*» («О придворной жизни», вторая половина XIV в.)². Это суровая инвектива придворной жизни, сочиненная человеком, служащим при дворе, и обращенная к другу, чье самое пылкое желание состоит в том, чтобы к нему присоединиться. Что касается «Обманутого придворного», датированного 1460-1470 гг., – это исповедь человека, жизнь которого двор сломал. Герой желает, чтобы его пример послужил уроком тем, кто прельщен придворной жизнью³. Анализ этих двух текстов, занимающих видное место среди сочинений «моралистов, порицающих придворных», дает, вне всяких сомнений, прекрасную возможность понять, в каких словах авторы описывают «придворных».

Сразу же отметим, что «Придворный» наши надежды не оправдывает. Слово *courtisan* здесь используется один-единственный раз, то есть не чаще, чем в «Ста новых новеллах». Выбор слова или выражения, призванного заполнить эту лакуну, осуществляется в зависимости от нескольких критериев. Слово *curial* (придворный) используется трижды применительно

¹ Например, в новелле 81, которая, ко всему прочему, обладает тем преимуществом, что описывает жизнь при дворе в традиционном куртуазном духе: «поскольку придворные охотно проводят время с дамами» (*comme gens de court se trouvent volontiers avec les dames*). *Les Cent Nouvelles*. P. 475. Отметим, что то же выражение часто встречается и в других проанализированных нами текстах.

² *Le Curial* par Alain Chartier. Genève, 1974 (1ère éd. : Halle-sur-Saale, 1899). В историографии второй половины XX в. эта точка зрения опровергается, и автором латинского текста также считают Алэна Шартье. См.: *Lefèvre S. Alain Chartier // Dictionnaire des lettres français. Le Moyen Age*. P., 1992. P. 30-31; *Walravens C. Alain Chartier*. Amsterdam, 1971. P. 74-77; *Les oeuvres latines d'Alain Chartier*. P., 1977, и др. – *Прим. ред.*

³ *L'Abuzé en court*. P.; Genève, 1973.

к человеку, один раз в качестве прилагательного («придворные люди» – *les gens curiaux*, р. 7), другой – существительного («между нами, придворными» – *entre nous curiaux*, pp. 19, 27). С обозначением по месту пребывания дело обстоит сложнее. Наряду с простыми упоминаниями места – «люди при дворе» (*gens de court*, 15, 17), «люди при этом дворе» (*gens de la court*, р. 19), «между нами, придворными» (*entre nous de la court*, р. 23), слово употребляется и применительно к деятельности придворных, определяемой по большей части глаголом «служить» (*servir*) или существительным «слуга» (*serviteur*): «тот, кто служит при дворе» (*qui sert a court*, р. 13), «между нами, придворными служителями» (*entre nous serviteurs de court*, р. 13). Наиболее неожиданный элемент таких контекстов – двукратно встречающееся употребление слова *palatin* (вельможа, палатин): «Если ты там [при дворе] окажешься ниже прочих вельмож, будешь завидовать их могуществу»¹. «К чему желаешь ты славы вельмож, великие несчастья которых вызывают к ним только жалость?»² Совершенно очевидно, что в этом тексте *palatin* – французская форма латинского *palatinus*, то есть простой перевод слова, которое используется в *De vita curiali*. Поскольку контекст в данном случае абсолютно ясен, не нужно видеть в слове *palatin* что-либо иное, нежели простой вариант обозначения человека, живущего при дворе. Напомним, что этот термин существовал уже в XII в. (причем и как существительное, и как прилагательное) и передавался различными способами: *palatin*, *palasin*, *palazin*. Так, в «шансон де жест» встречаем, в частности, упоминание «палатинских графов», которым поручаются «дела, относящиеся к особе короля и сбору войска (*appels*)», а позднее – «сбор податей в определенной области»³. Почему бы не предположить, что Ален Шартъе, встретив в *De vita curiali* слово *palatini*, решил использовать его производное, возможно с оттенком иронии, вспомнив об этих досточтимых предках?

Основная тема «Обманутого придворного» позволяет надеяться, что анализ этого произведения нас не разочарует. Обращаясь в самом начале к своему «мэтру», Обманутый придворный задает ему вопрос: «Хочу спросить вас об одном, а именно: что вы думаете о жизни при дворе?»⁴ На самом деле этот вопрос предполагает двоякий ответ в зависимости

¹ Se tu y [la cour] est ravallé au dessoubz des autres palatins, tu seras envieux de leur pouoir. Le Curial. P. 9.

² A quoy convoites tu la gloire des palatins qui pour leur misere miserable ont necessité que l'ont ait pitié d'eulx?. – Ibid. P. 19.

³ *Parisse M. Comte // Dictionnaire du Moyen Age. P. 321.*

⁴ Vous vueil requerir d'une seule chose, c'est assavoir qu'il vous semble de la vie de court. – L'Abuzé en court. P. 25.

от того, что имеется в виду: люди как таковые или же их поведение. По крайней мере, именно с такой трудностью приходится столкнуться автору, поскольку недостаток лексики не позволял нюансировать, о чем идет речь. Если ему приходится упоминать тех, кто, с нашей точки зрения, относится к придворным, он всегда называет их при помощи перифраз: «те, кто находятся при дворе в услужении и подчинении», «ты сам, да и любой другой, кто, будучи при дворе, исполняет свой долг и живет по чести»¹. Надо заметить, что, в отличие от Алена Шартье, автор «Обманутого придворного» никогда не использует слова *curial*. Вместе с тем набор терминов, служащих для обозначения придворных, близок к тому, который предлагает в «Придворном» Шартье. Здесь, конечно, есть словосочетания, включающие упоминания места, – двор. Они немногочисленны, но допускают, однако, некоторую любопытную вариативность в деталях. Среди них отметим в первую очередь наиболее простое выражение «придворные люди» (*gens de court*), наиболее близкое, как нам представляется, к современному *courtisan*. Оно, однако, встречается лишь один раз, когда «мэтр» объясняет Обманутому придворному, что помпезность (*bobance*) «есть вещь, не угодная Господу, но приятная придворным людям»². Следует при этом уточнить, что в данном случае словосочетание *gens de court* не обозначает лишь одних придворных (*courtisans*), но относится ко всем, кто живет при дворе. Таким образом, читатель, желающий узнать, как воспринимается двор, остается неудовлетворенным. Его сведения на этот счет не сильно расширятся, если он встретится со словосочетаниями «оставаться при дворе» или «жить при дворе»³. Одно сочетание привлекает внимание своей оригинальностью: «Тело мое пускается в путь, / Решив примкнуть к придворной группировке»⁴. Однако не нужно преувеличивать значение этого выражения, поскольку речь идет о строфе, созданной в стиле «Великих риториков», построенной на игре омонимов *partie / party*.

Напротив, в центре жизни «придворного» оказывается понятие «службы» (*service*), которую учитель полагает его первой обязанностью: «в первую очередь ты должен хорошо служить своему господину, быть деятельным и ловким в делах и поручениях, которые он тебе доверяет»⁵. Свое наставление «учитель» прекрасно резюмирует в двух стихах, на-

¹ Ceulx qui en la court sont en servitude et subjection»; «toy et ung chascun qui, en la court, fait son devoir et use sa vie par preudomme. – Ibid. P. 26, 30

² Une chose fort desplaisant a Dieu et a gens de court agreable. – Ibid.

³ *Se tenir en court* – Ibid. P. 9, 87; *Vivre en court* – Ibid. P. 2, 26.

⁴ Veez la dont est ma char partie / Par tenir de court le party. – Ibid. P. 9.

⁵ Premièrement bien servir ton seigneur et estre actif et diligent en ses affaires ou a ceulx qu'il te commande. – Ibid. P. 28.

поминающих максиму: «Чем с большим трудом человек служит, / Тем менее доволен наградой»¹. Безоговорочное употребление глагола *server* (служить) в этих стихах указывает на некоторую двойственность его значения. Она становится еще более ощутимой, если читатель попытается понять, в чем заключается различие между словосочетаниями «обслуживать двор» (*servir la court*)² и «служить при дворе» (*servir en court*)³.

Когда отсылка дается к человеку как таковому, автор чередует слова *serviteur* («слуга», р. 48, 118, 128) и *servant* («служащий», р. 94, 101, 103, 104). Однако чаще принимается во внимание само действие. В таких случаях либо непосредственно используется глагол *servir* (служить), либо вводится понятие *service* (служба): «быть на придворной службе» (*être au service de la court*, р. 74⁴), «поступить на службу» (*se mettre en service*, р. 112), «продолжать службу» (*poursuir le service*, р. 128), «горбатиться на службе» (*se ploier en service*, р. 8). Чаще всего желание автора разнообразить текст заставляет его употребить прилагательное, наречие или еще один глагол, которые сообщают действию дополнительный смысловой оттенок: «оказать добрую службу» (*faire service agréable*, р. 50), «охотно служить» (*servir a gré*, р. 114), «верно служить» (*servir loyaument*, р. 77), «служить добром и угождать» (*bien servir et complaire*, р. 70), «служить понапрасну» (*follement servir*, р. 128), «служить по чести и совести» (*bien et justement servir*, р. 28).

Ограниченность нашего корпуса текстов не позволяет нам сделать слишком далеко идущие выводы. И все же сравнение произведений, избранных для анализа, может служить основанием для нескольких обобщений. Едва ли не в первую очередь, обращает на себя внимание большое значение, которое придается понятию «придворная служба» (*service à la court*) вне зависимости от времени написания текста и от литературных пристрастий автора. Это, кроме того, постоянство некоторых формул, не меняющихся ни с течением времени, ни в зависимости от предполагаемого характера самой службы. Не менее очевидны и те сложности, какие испытывали носители языка, желающие назвать эту службу каким-либо словом, передаваемым из поколения в поколение. Если в XII-XIII вв.

¹ Plus prant peine l'omme a servir, / Moins est content au remerir. – Ibid. P. 30.

² Comme la court est servie de plusieurs gens (поскольку при дворе служит множество людей). – Ibid. P. 29. Ср. также в обращении Обманутого придворного к двору: «Я вам служил и продолжаю вам служить» (*Servy vous ay et si vous sers*. – Ibid. P. 77).

³ Si la personne servant en court est en la grace de son seigneur (если лицо, служащее при дворе, в милости у своего господина). – Ibid. P. 26. Ср. также: «Смотрите, как я красовался, / Когда служил при дворе» (*Vëez comment je me loricardoye / Servant en court*, р. 58).

⁴ В оригинале это выражение используется на с. 74 следующим образом: «Ma dame la Court que j'avoye desja esté en son service». – Прим. перев.

наиболее адекватным было слово *courtois*, то позднее эволюция нравов, обусловившая его многозначность, делала его все менее и менее «понятным». Очевидно, что однажды слово *courtisan* полностью его вытеснит, но в конце Средневековья смысл этого последнего термина еще не настолько устойчив, чтобы этот процесс мог полностью завершиться.

Нельзя отрицать, что *courtois* и *courtisan* действительно восходят к одному слову; совершенно ясно, что в определенный момент оба они – как одно, так и другое – сходным образом передают одно и то же понятие «придворной службы». Однако хронологически они разведены во времени. Литература не позволила им существовать одновременно – во всяком случае в тех значениях, которые нас здесь интересуют. Теперь объединить их может только лингвист, как бы воскрешая эту пару этимологических дублетов.

Список литературы

Dubuis R. Courtois / courtisan: un couple recomposé // De l'homme courtois au courtisan: servir à la cour, du Moyen Âge à la Renaissance. Cahiers Moyen Âge et Renaissance. 2007. № 2.

La Chanson de Roland / Ed. G. Moigner. P., 1969.

Le Chevalier au Lion (Yvain) / Publ. M. Roques. P., 1968.

Le Chevalier au Lion, Yvain. / Trad. par C. Buridant et J. Trotin. P., 1971.

Le Couronnement de Louis / Ed. E. Langlois. P., 1965.

Le Couronnement de Louis: chanson de geste du XIIe siècle / Trad. par A. Lanly. P., 1969. Aliscans / Publ. par C. Régnier. P., 1990.

Aliscans / Trad. par B. Guidot et J. Subrenat. P., 1993.

Le Roman de Tristan en prose / Ed. R.L. Curtis. München, 1963.

Les fragments du Roman de Tristan / Ed. B.H. Wind. P.; Genève, 1960.

Le roman de Tristan par Thomas / Ed. F. Lecoy, P., 1991.

Le Roman de Renart, première branche. / Ed. M. Roques. P., 1974.

Le Roman de Renart / Ed. A. Strubel et al. P., 1998.

Le Roman de Renart, branche I / Ed. H. Rey-Flaud, A. Eskénazi. P., 1971.

Le Roman du Comte d'Artois (XVe siècle) / Ed. J.-Ch. Seigneret. Genève; P., 1966.

Les Cent Nouvelles nouvelles / Ed. F.P. Sweetser. Genève, 1966.

Dubuis R. La courtoisie dans les Cent Nouvelles nouvelles // Hommage à Jean Dufournet. P., 1993. T. 1.

Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IXème au XVème siècle. P., 1883. T. 2.

Tobler A., Lommatzsch E. Altfranzösisches Wörterbuch. Wiesbaden, 1971.

-
- Autrand F.* Cour // Dictionnaire du Moyen Age. P., 2002.
Le Curial par Alain Chartier. Genève, 1974 (1ère éd. : Halle-sur-Saale, 1899).
Lefèvre S. Alain Chartier // Dictionnaire des lettres français. Le Moyen Age. P., 1992.
Walravens C. Alain Chartier. Amsterdam, 1971.
Les oeuvres latines d'Alain Chartier. P., 1977
L'Abuzé en court / Ed. par R. Dubuis. P.; Genève, 1973.
Parisse M. Comte // Dictionnaire du Moyen Age.

С.К. Цатурова

**ДОЛГИЙ ПУТЬ К ВЕРСАЛЮ.
ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРА
В XIII-XV ВЕКАХ**

Автор исследует структуру и функции французского королевского двора в классическое и позднее Средневековье, намечает основные линии трансформации двора в результате отделения от Королевской Курии органов исполнительной власти (Палаты счетов, Парламента, Королевского Совета, Казначейства, Налоговой палаты). Анализируются процессы институционализации публичных служб Дома короля (канцлер и Канцелярия, Палата прошений, Денежная палата), расширение их компетенции, взаимосвязь с ведомствами дворца, зарождение придворного общества и нового репрезентативного образа королевского двора.

Ключевые слова: история Средних веков, Франция, королевский двор, политические институты

История королевского двора во Франции подчас представляется как плавное и поступательное движение к общепризнанному эталону данного явления – версальскому двору Людовика XIV. Но такое представление обманчиво. Сложности начинаются с самых первых вопросов, и главный из них ставит в тупик: что же такое королевский двор? И конкретно что следует считать королевским двором в XIII-XV вв.? Если исходить из наиболее общего и потому нейтрального определения – «двор – это группа людей, окружающих государя»¹, то для ранних этапов монархии ответить на такой вопрос проще, чем для периода усиления королевской власти и возникновения институтов государственного управления, выделившихся из королевской курии. Кто же олицетворял королевский двор в классическое и позднее Средневековье – личные службы короля, следовавшие за ним, или органы его власти, осевшие в столице королевства, в Париже, в старом королевском дворце на острове Сите? Принципи-

Сусанна Карленовна Цатурова, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН.

¹ Именно такое определение дал «двору» Б. Гене, заострив внимание на сложностях в четкой идентификации этого института в Средние века. См.: *Guenée B. Cour // Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval. P., 1999. P. 246.*

альный вопрос, ответ на который приближает к пониманию природы и места монаршего двора в функционировании политического общества.

Трудности в изучении французского королевского двора добавляет историографическая традиция. Во Франции политическая история возникла в XIX в., можно сказать, как оппозиция прежним описаниям придворных интриг и жизни монаршего двора и сосредоточилась на «силах будущего» – на институтах рождающегося государства¹. История государства стала доминирующей парадигмой французской национальной школы, и в ней двор короля естественным образом оказался оттеснен на обочину. Отмечая характерные для историографии «клише о дворе как сугубо консервативном и скандальном институте» в противовес «институтам, воплощавшим будущее европейской истории», Н.А. Хачатурян, создавшая школу «новой политической истории» в отечественной историографии, прозорливо подметила здесь влияние буржуазных революций XIX в.² Это замечание согласуется с наблюдениями Н. Элиаса, предложившего в 1930-е годы кардинально обновленный план изучения королевского двора. «С точки зрения господствующей шкалы политических и общественных ценностей нашего времени значение придворного общества не очень высоко и рыночная ценность его невелика», – отмечал он, констатируя игнорирование историками этой тематики. И далее Элиас прямо выводит эту «шкалу ценностей» из «враждебного отношения буржуазии к королевскому двору», мешающего изучать его «без раздражения и неприязни»³. Книгу Н. Элиаса не случайно перевели во Франции довольно поздно, но и это не помогло преодолеть глубокого «демократического» предубеждения в отношении монаршего двора⁴. Более того, к середине XX в. этот «либеральный» настрой выразился в

¹ Подробный анализ историографии французского монархического государства см.: *Guenée B. L'histoire de l'État en France à la fin du Moyen âge vue par les historiens français depuis cent ans // Revue historique. 1964. Т. 232. N 1012. P. 331-360.*

² *Хачатурян Н.А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. Вып. 1. М.; СПб., 2001. С. 12.*

³ *Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002. С. 42, 52.*

⁴ Сами французские историки констатируют слабость интереса исследователей к королевскому двору даже в нынешней ситуации «возвращения политической истории», вдохновленного школой Б. Гене. Политическая история по-прежнему остается маргинальной сферой (не больше 10% от общего числа работ). См.: *Autrand Fr., Barthélemy D., Contamine Ph. L'espace français: histoire politique du début du XIe à la fin du XVe siècle // L'Histoire médiévale en France. Bilan et perspectives. P., 1991. P. 108-109; Gauvard Cl. Le rituel, objet d'histoire // Les Tendances actuelles de l'histoire du Moyen âge en France et en Allemagne: Actes du colloque de Sèvre (1997) et Göttingen (1998). P., 2002. P. 274.*

противопоставлении государства и общества, которое О.Г. Эккле даже назвал особой «культурой французской исторической науки»¹. Поразительно, что при доминанте социальной истории в современной французской историографии не нашлось места хотя бы придворному обществу позднего Средневековья². Новаторские подходы немецкой исторической школы к изучению средневековых корпораций и социальных институций также игнорируются во Франции, поскольку корпорации и сообщества воспринимаются как нечто навязанное извне, преимущественно властью в целях поддержания господства. В итоге, изучение королевского двора позднего Средневековья остается «мертвым пространством», и робкие попытки исследовать это «место власти» вдохновляются лишь археологическими раскопками или реставрационными работами, например, Венсеннского замка³.

В отечественной историографии можно наблюдать схожую предысторию: те же неприятие или игнорирование монаршего двора, недооценка его роли в функционировании политической системы и уничижительный образ «придворной камарильи»⁴. Тем более впечатляющим предстает выбор в конце 1990-х гг. темы – двор монарха – в качестве большого исследовательского проекта под руководством Н.А. Хачатурян и на базе Исторического факультета МГУ как стратегии обновления домена политической истории Средневековья в целом. Пришло время признать этот выбор оправдавшим ожидания. Не только несколько больших конференций, коллективных и индивидуальных монографий стали его итогом, но главным образом – легитимация казавшейся прежде элитарной, мелко-темной или экстравагантной проблематики двора как структурообразующего звена социально-политической и интеллектуально-культурной истории Средних веков⁵. Наиболее сложной и наименее изученной оста-

¹ *Oexle O.G.* Les tendances actuelles de la recherche médiévale française vues d'Allemagne // *Les Tendances actuelles...* P. 425.

² Б. Гене признавал необходимость детальных просопографических исследований сети кланов и клиентел принцев крови и знати при королевском дворе, что помогло бы измерить степень их влияния на функционирование «государственной машины» (*Guenée B.* *Cour*. P. 255). Пожалуй, единственное известное мне специальное исследование такого рода – так называемый Двор любви Карла VI, изучение которого велось несколько лет под руководством К. Боццоло (*La cour amoureuse, dite de Charles VI (statuts et armoriaux.* P., 1982).

³ *Moeglin J.-M.* Les recherches françaises sur les cours et les résidences au bas Moyen Age // *Les Tendances actuelles...* P. 356-362.

⁴ См. подробнее: *Хачатурян Н.А.* Запретный плод... (особенно С. 7-11).

⁵ Двор монарха в средневековой Европе; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. М., 2004; Священное тело короля. Ритуалы и морфология власти. М., 2006; Искусство власти. Сб. в честь профессора Н.А. Хачатурян. СПб., 2007; Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008; Им-

ется собственно организационная, институциональная история французского королевского двора, тем более на фоне интенсивного изучения придворных церемоний и ритуалов, политических идей и представлений о дворе в современной медиевистике.

Главным препятствием здесь служит слабая и фрагментарная источниковая база, которой располагает сегодня исследователь. О структуре и функционировании служб двора призваны свидетельствовать королевские указы (регламенты) и счета. И здесь исследователя ждет разочарование, хотя вполне предсказуемое, учитывая историографическую традицию. По сути, придворные регламенты во Франции до сих пор не изданы; лишь недавно появилась исследовательница – Э. Лалу, которая ищет в разных архивах и изучает ордонансы о дворе королей Франции XIII-XIV вв.¹ В минимальной степени эту лакуну способен восполнить гигантский архив Парижского парламента: хотя он сохранился лучше прочих архивов французской монархии, в его серии ордонансов, а это 242 регистра указов с начала XIV в. до 1785 г., придворных регламентов почти нет, поскольку сюда направлялись для регистрации и оглашения указы, важные с точки зрения управления и «общего интереса». Лишь в той мере, в какой верховное судебное ведомство было органичной частью королевского двора, это собрание содержит ряд ценных сведений. Что касается счетов, то здесь ситуация еще хуже: архив Палаты счетов сгорел почти целиком в 1737 г., и исследователи по крупницам, по разрозненным копиям восстанавливают эту досадную лакуну². С остальными ведомствами, так или иначе соотносимыми с королевским двором, по-

перии и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011; Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011; Королевский двор в Англии XV-XVII веков. СПб., 2011; *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008; *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

¹ *Lalou É.* Chancellerie et Hôtel à l'époque de Philippe le Bel // *Écrits et pouvoir dans les chancelleries médiévales: espace français, espace anglais: Actes du colloque intern. de Montréal, 7-9 sept. 1995.* Louvain, La Neuve, 1997. P. 13-24; *Idem.* Le fonctionnement de l'Hôtel du Roi du milieu du XIIIe au milieu du XVe siècle // *Vincennes aux origines de l'État moderne: Actes du colloque scientifique sur «Les Capétiens et Vincennes au Moyen âge».* P., 1996. P. 145-155. Надо заметить, что значительная их часть находится в Отделе рукописей Национальной библиотеки Франции, то есть является копиями, снятыми эрудитами в XVI-XVIII вв. Кстати, фактом издания придворных ордонансов герцогов Бургундских можно объяснить всплеск интереса к институциональной истории именно этого двора, в том числе и в отечественной медиевистике. См.: например: *Носова Е.И.* Бургундский двор XV века: структура, организация, социальный состав. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

² О судьбе архива Палаты счетов см.: *Petit J. et al.* Essai de restitutions des plus anciens mémoires de la chambre des Comptes de Paris. P., 1899; *Nortier M.* Le sort des archives dispersées de la Chambre des comptes de Paris // *Bibliothèque de l'École des chartes.* 1965. T. 123. P. 487-537.

ложение выглядит почти безнадежным. Архив Королевского совета для XIII-XV вв. не сохранился: частые переезды, нерегулярное ведение протоколов заседаний привели к тому, что до XVI в. мы располагаем лишь отдельными листками и разрозненными протоколами, хранившимися в домашних собраниях у секретарей¹. Архив Палаты прошений Дома короля (*Requêtes de l'Hôtel*) начинается с 1573 г., для более раннего периода кое-что можно найти только в Сокровищнице хартий и в том же архиве Парламента. Архив суда коннетабля Франции (так называемый суд Мраморного стола) был уничтожен пожаром в 1618 г., тогда же по неясной причине исчезли и все старые регистры (остались только с 1527 г.). В архиве ведомства вод и лесов самый старый документ датирован серединой XVI в. В Налоговой палате из-за небрежности секретарей было много лакун, но и этот архив погиб в пожаре 1776 г.²

В этой сложной ситуации анализ института французского двора в классическое и позднее Средневековье вынужден свестись к общей характеристике его структуры в развитии, к основным вехам его трансформации под влиянием складывающегося государственного аппарата.

Начать стоит с терминологического анализа, который сразу же погружает нас в сердцевину проблемы. Итак, что же такое королевский двор применительно к XIII-XV вв.? На первый взгляд, в этом вопросе все ясно: некогда единая структура королевского двора постепенно разделяется на частные (Дом) и публичные (Дворец) службы короны Франции. Однако подобная простая схема таит в себе опасность упрощения. «Всякое политическое образование в Средние века мыслилось как дом, и всякая власть в те времена имела домашний характер»³. Изначально король был окружен домашними слугами, обеспечивавшими его личные нужды и исполнявшими управленческие публичные функции. Это был этап так называемого дворцового правления, и окружение короля с эпохи Каролингов именовалось палатинами (*palatini* от слова *palatium* / дворец). Важно при этом подчеркнуть, что слово «дом» (*domus*) в латинском языке никогда не обозначает здание как таковое, обладая свойствами семейного, социального, морального, а не материального порядка. Производное от него слово «господин» (*dominus*) означало хозяина дома, единственного главы, «кормчего лодки», по св. Иерониму, – отвечающего за

¹ *Valois N. Étude historique sur le Conseil du Roi. P., 1886. P. 141-142.*

² См. подробнее: *Guide des recherches dans les fonds judiciaires. P., 1958. P. 19, 225, 249, 285.*

³ *Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк (987-1460). М., 2000. С. 9.*

всю вверенную ему социальную группу (общность)¹. Домашние слуги короля были связаны с его персоной, следуя за ним в перемещениях и образуя группу *famuli* – слуг, живущих под одной крышей². Патримониальный характер власти короля не будет изжит вплоть до конца монархии, и все короли Франции воспринимали растущее королевство как свою личную «сеньорию». Однако уже в исходной ответственности «главы дома» за подчиненную ему группу, будь то семья, клан, род и т.д., заложен был принцип публичности власти³. И чем шире была подчиненная королю группа, тем больший объем властных полномочий ему приходилось осуществлять, что влекло за собой и увеличение числа королевских слуг⁴.

Германский обычай соучастия свободных общинников, а затем дружины в принятии решений воплотился в присутствии вокруг короля его ближайших вассалов и породил в период «сеньориальной революции» такое специфическое явление как двор сеньора/короля. Прямые вассалы короля-сеньора, чей долг обязывал соучаствовать в его совете и суде, собирались для этого в публичном месте дома, как правило – во дворе (*cour*) замка. На этом важном этапе, именуемом сеньорией *banale* (XI-XIII вв.), публичные функции монарха, с одной стороны, сужаются до размеров его сеньории, и *Curia Regis* приобретает облик огороженного приусадебного пространства (*curtis*), а с другой – сами публичные функции получают первые признаки институционального порядка⁵. Новый импульс этой тенденции возникает при Филиппе II Августе, в начале XIII в., когда происходит оформление личных королевских служб в виде института Дома короля (*Hôtel le Roi*) – служб «рта и тела», покоев, капеллы и т.д. Постепенно, а с середины XIII в. при Людовике IX Святом все увереннее тенденция разделения частных и публичных служб

¹ О сложной этимологии слов *domus* и *dominus* см. подробнее: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 199-203.

² Отсюда, кстати, происходит слово *familia*, обозначающее иные, чем кровное родство, связи внутри группы. – См. подробнее: Там же. С. 234.

³ Это тождество двух властей – частной и публичной – справедливо подчеркивает Н.А. Хачатурян, предостерегая от упрощений («Любая политическая власть... выступает как «публичная», реализуя общественные функции, которые делегировал ей человеческий коллектив»). – См.: Хачатурян Н.А. Власть и общество... С. 10, 166-167.

⁴ «Власть короля над страной была ничем иным, как продолжением и расширением его власти над домом и двором, а двор при Людовике XIV не что иное, как чрезвычайно разросшийся дом и домохозяйство». – Элиас Н. Указ соч. С. 56-57.

⁵ Об этой этимологии слов *Cour/Curia Regis* см.: Дюби Ж. Указ. соч. С. 153; *Vocabulaire historique du Moyen âge*. P., 1995. P. 60, 62. Э. Бенвенист подчеркивает двойственность значения слова *curia*: одновременно место проведения собраний и крупную социальную группу (Бенвенист Э. Указ. соч. С. 176). О важном значении этапа сеньории *banale* см.: Хачатурян Н.А. Запретный плод... С. 14-15.

набирает обороты: из Королевской курии (*Curia Regis / Cour le Roi*) выделяются сначала финансовые (Палаты счетов в 1320 г.), затем судебные (Парламент в 1345 г.), наконец, при Людовике XI – законодательные и административные (Королевский совет в 1346 г.) функции. Финансовый и судебный органы отделяются от персоны монарха и оседают в Париже во Дворце на острове Сите, а властные полномочия делегируются от государя к его служителям, действующим отныне от его имени.

Так возникают две параллельные структуры – коронных и домашних служб Дома и публичных служб Дворца. С точки зрения эволюции двора этот процесс можно описать как разделение прежде единого окружения короля на тех, кого вассальный долг обязывает находиться при персоне монарха (принцы крови, пэры Франции, прямые вассалы) и на прежних скромных домашних слуг (*domestici*), ставших профессиональными служителями власти с высоким статусом и широкими привилегиями. Эта схема настолько укоренена в литературе, что кажется простой и очевидной.

Однако ее способен поколебать простой вопрос: а где же находился в это время двор короля? Правомерно ли сводить его только лишь к службам «рта и тела»? А если да, то не здесь ли таится причина уничижительного образа двора, ассоциируемого только с расточительными тратами, пышными празднествами и бессмысленными ритуалами? Не является ли анахронизмом отделять судебные, финансовые и административные ведомства от структуры двора короля XIII-XV вв. на том основании, что они получают в дальнейшем развитие в виде исполнительных органов государства Нового времени? И мог ли король Франции, даже делегировав часть своих полномочий профессиональным служителям, полностью лишиться себя этих властных функций?

Генетическая нерасчлененность двух властей становится источником конфликтов структур Дома и Дворца и одновременно мощным двигателем развития королевской власти в XIII-XV вв.¹ Вернемся в этой связи снова к терминологии. Обратим внимание – служители Парламента, Палаты счетов и других учреждений именовались «слугами короля», «людьми короля» и, главное, советниками, подчеркивая тем самым генеалогию

¹ В трудах социолога П. Бурдьё этот аспект природы власти в Средние века получил глубокое осмысление: имея в истоке «отцовскую власть», монархическое государство «покоится на личных и аффективных связях (верность, любовь, доверие)», что в свою очередь устанавливает нерасторжимую связь личного/частного и публичного в отпращивании власти. – Бурдьё П. От королевского дома к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: СПб., 2007. С. 258-259, 274-275.

с вассальной службой и с участием в Королевском совете. Параллельно с усилением публично-правового характера службы чиновников сами они странным образом подчеркивают личные, аффективные связи с монархом, позиционируя себя как «часть тела короля», «образ королевского величия», «представляющих без посредников его персону» и т.д.¹ Само же слово «двор» (*cour*) именно в этот период приобретает новое, прочно закрепившееся с тех пор в языке значение – «суд», поскольку судебная функция верховной власти являлась главной общественной миссией монарха². И если прежде на регулярных заседаниях Совета вассалов король отправлял правосудие («суд равных»)³, то теперь эти функции делегировались специализированным ведомствам – Парламенту, Палате счетов, затем Налоговой палате и т.д. При этом самой престижной номинацией оказывалось слово «Двор» (*cour/curia*)⁴. Вначале в названии ведомств сохранялась отсылка к этой авторитетной генеалогии: Парламент именовался *Curia in Parlamento*, Палата счетов – *Curia in comptis*, Королевский совет – *Curia in consilio*. Но затем только Парламент сохранил эту престижную номинацию: он единственный в дальнейшем именовался «Двором Парламента», нередко собственно «двором» («наш парижский Двор», «Двор Франции»)⁵.

Но сохранилась ли сама Королевская курия после отделения от нее Парламента, Палаты счетов, а в конце XV в. и Большого совета (с судебными функциями)? Можно ли ограничивать ее частными службами Дома (*Hôtel*) короля, даже учитывая факт исполнения его служителями важных миссий и поручений монарха публичного или управленческо-

¹ Об этом см. в частности: Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV в. М., 2002. С. 190-192; Она же. Король Франции и его чиновники (Своеобразие реализации принципа абсолютной власти *Quod principi placuit*) // ФЕ 2005. М., 2005. С. 132.

² О значении судебной власти как рычага усиления монархического государства см.: Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989. С. 26-27. В.Н. Малов даже ввел термин «судебная монархия», определяя специфику первого этапа становления государства. См.: Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. С. 10. О значении судебной функции в статусе королевских чиновников см.: Цатурова С.К. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV-XV вв. // Священное тело короля. С. 78-95.

³ Отсюда нерасчлененность, смешение понятий *curia, consilium, conventus*. См.: Ducoudray G. Les origines du Parlement de Paris et la justice aux XIIIe et XIVe siècles. P., 1902. P. 26.

⁴ См. подробнее: Цатурова С.К. Номинация ведомств и служб как стратегия формирования суверенитета королевской власти во Франции XIII-XV веков // Империи и этнонациональные государства... С. 308-337.

⁵ *Curia Parlamenti/Cour de Parlement; Curia franciae Domini Regis; nostrae Curiae Parisiis; Cour de France* (Archives Nationales de France (далее – AN) U 508. F. 33; *Ordonnances des rois de France de la troisième race*. 22 vols. P., 1723-1849. (далее – ORF) T. 1. P. 675, T. 2. P. 225, 450-456, T. 12. P. 367.

го характера? Ведь по своей природе Королевская курия олицетворяла именно публичные функции короны. Думается, что ответ на эти вопросы способен дать анализ трансформации публичных ведомств короны Франции, выросших из домашних служб дворцового управления.

При отмечавшейся уже неизученности истории королевского двора XIII-XV вв. исследователи уверенно предполагали, что сама Королевская курия не исчезла даже после отделения от нее Палаты счетов и Парламента, но не имела четкой организационной структуры, что мешает разглядеть ее деятельность¹: состав Двора формально определялся волей монарха и отражал расстановку политических сил на данный момент². И тем не менее процесс «бюрократизации» властных функций затронул и традиционные службы дворцового управления. Но самое существенное и характерное в этом процессе – тенденция к смешению, переплетению частных и публичных функций, служб Дома и Дворца.

К началу XIV в. произошло значимое разделение прежде единых придворных служб на две группы: на коронных чинов «рта и тела» – во главе с главным распорядителем Двора в их число входили хлебодар, виночерпий, кравчий, шталмейстер, обер-камергер, гардеробмейстер и т.д., – и на шесть служб Дома короля – исповедника, раздатчика милостыни, капеллу, мэтров Прошений, Денежную палату и Канцелярию³.

Среди шести служб Дома короля на первое место выдвигается должность канцлера, в то время как иные службы периода дворцового правления уходят на второй план или вовсе исчезают⁴. Именно он становится во главе «гражданской администрации», отделившись от служб капеллы. «Уста и уши короля», призванный хранить его интересы и представлять его персону, канцлер председательствовал на Королевском совете в отсутствие монарха, выступал от его имени на собраниях Штатов, доносил его волю до Парламента и Палаты счетов и был посредником между ними и государем⁵. Политический вес службы канцлера усилился в связи с

¹ Уже Ж. Виар обращал внимание исследователей на сохранение Курии короля отдельно от Дома, правда, ограничив его первой половиной XIV в., т.е. сведя к краткому «инерционному» функционированию. См.: *Viard J. La Cour (Curia) au commencement du XIVe siècle // Bibliothèque de l'École des chartes. 1916. Т. 77. P. 77-87.*

² *Descimon R., Guéry A., Le Goff J. La longue durée de l'État. P., 2000. P. 118-119.*

³ *Lalou É. Chancellerie et Hôtel... P. 17.*

⁴ Об эволюции коронных чинов – сенешаля, виночерпия, камергера, коннетабля и др. см. подробнее: *Стукалова Т.Ю. Введение в средневековую французскую архонтологию. М., 2001: Властные институты и должности в Европе... С. 44-75.*

⁵ Жувеналь дез Юрсен с гордостью напоминал брату, назначенному канцлером в 1445 г., что тот становится «первым и главным из советников короля», возводя его службу таким образом к сеньориальному двору. – *Juvénal des Ursins J. Écrits politiques. 2 vols. P., 1978, 1985. Т. 1. P. 445.* Об этом же говорится в трактате XVII в. о службе канцлера: « Il est le plus

функцией хранителя королевской печати, что давало в его руки контроль над законодательной сферой. В его полномочиях наиболее отчетливо проступает генетическая взаимосвязь частных и публичных служб.

Будучи наместником короля и доверенным исполнителем его воли, канцлер в то же время обязан был обладать юридическими познаниями и опытом в правотворчестве, а функция «хранить интересы короля» при расширительном толковании последних ставила его в сложную ситуацию, когда ему приходилось через подачу ремонстраций оспаривать королевскую волю¹. Статус канцлера как медиатора служб Дома и Дворца нашел отражение в структуре его оплаты. По аналогии с главами «публичных» ведомств он с начала XIV в. получал фиксированное жалование в 2 тысячи ливров в год. Кроме того, он получал также дополнительное вознаграждение от работы других ведомств: от Канцелярии по 7 су 6 денье за день, по 10 су с каждого письма, запечатанного здесь зеленым воском, и по 20 су за участие в работе парламента. В знак принадлежности к королевскому окружению канцлер получал от короля мантию (ливрейное одеяние) четыре раза в год – на Пасху, Троицу, День Всех Святых и Рождество – и несколько лошадей или их денежный эквивалент. Наконец, как символ причастности к кругу «сотрапезников (*commanseaux*) короля» – по древнему обычаю для придворных слуг – он обеспечивался едой и вином из королевских запасов, а также имел право на личные покои во Дворце в Сите².

Усиление королевской власти и расширение ее прерогатив в сфере законодательства способствовали повышению статуса придворных писцов, составлявших акты и скреплявших их печатью. В стремительно растущей Канцелярии связь Дома и Дворца получила институциональное воплощение. Служба составителей актов – королевских нотариусов – разделилась на тех, кто служил непосредственно монарху в составе Дома и в подчинении канцлера, и на тех, кто служил в ведомствах, отделившихся от Курии, – в Парламенте, Палате счетов и т.д. В свою очередь, служба печати также дробится: канцлер владеет большой королевской печатью, которой скрепляет акты публичного характера (так называемые

proches et intime conseiller du Roy possédant son coeur et son oreille ». – Bibliothèque Nationale de France (далее – BNF). Clairambault. 823. F. 8.

¹ Двойственность положения канцлера становилась особенно видна в периоды кризисов власти. См.: *Цатурова С.К.* Офицеры власти. С. 145-148.

² *Viard J.* Gages des officiers royaux vers 1329 // Bibliothèque de l'École des chartes. 1890. T. 51. P. 264; *Morel O.* La grande chancellerie et l'expéditions des lettres royaux de l'avènement de Philippe de Valois à la fin du XIVe siècle (1328-1400). P., 1900. P. 541; BNF. Clairambault. 823. F. 22-23.

открытые письма – *lettres patentes*); личные письма короля (так называемые закрытые письма – *lettres closes*) скрепляются секретной печатью (*sceau de secret*), которой владеет королевский камергер, в связи с чем возникает особая канцелярия секретной печати; наконец, в 1337 г. появляется малая печать короля (печатка со львом – *signet du Roi, de lion*). К началу XV в. в Парламенте создается собственная, малая канцелярия, конкурирующая с королевской, именуемой с этих пор Большой канцелярией¹. Усложнение структуры Канцелярии фиксируется достаточно рано: уже в ордонансе 1291 г. упоминаются те, кто следует за королем, те, кто остается в Париже и закреплён за верховными ведомствами (Парламентом, Палатой счетов и т.д.), и те, кто числится при канцлере. Соответственно сложилась иерархия должностей по степени близости к эпицентру власти – к монарху: были простые клерки-писцы, были клерки-нотариусы и, выше всех, нотариусы-секретари, допущенные к секретной печати короля. Кроме того, в Канцелярии имелись должности клерка и контролера, а также растопителей воска (*chauffe-cire*), ставивших печать на указах и взимавших за это плату в королевскую казну².

Служители Канцелярии, находясь в ближайшем окружении короля и будучи посвященными в процесс принятия решений, как и в секреты власти, являлись доверенными лицами монарха. В силу этого, как и высокой их образованности, король поручал им различные дипломатические и политические миссии, так что в самой Канцелярии они служили поочередно, что увеличивало ее реальную численность, как минимум, вдвое³. Несмотря на растущий объем исполняемых ими публичных функций, служители Канцелярии позиционировались как ближнее окружение короля, тесно связанное с его персоной. Они получали ливрейное одеяние и оплачивались в Денежной палате Дома короля, а не через Казначейство, как другие «публичные» ведомства⁴. Эта особая близость нашла отражение в уставе братства четырех святых Евангелистов, объединявшем клерков и нотариусов канцелярии, – в предписании служить отдельные мессы «за короля нашего сеньора, за королевскую династию», «за спасение души предков

¹ Guillot O., Rigaudière A., Sassier Y. Pouvoir et institutions dans la France médiévale. 2 vols. P., 1994. T. 2. P. 150; Lot F et Fawtier R. Histoire des institutions françaises au moyen âge. 3 vols. P. 1957-1962. T. 2. P. 401-403; 418; Dalas-Garrigues M. Origine et naissance des sceaux du Parlement // Bibliothèque de l'École des chartes. 1988. T. 146. P. 163-170.

² Bautier R.-H. Le personnel de la chancellerie royale sous les derniers Capétiens // Prosopographie et genèse de l'État moderne : Actes de la table ronde organisée par le CNRS et ENS de jeune fille, Paris, 22-23 octobre 1984. P., 1986. P. 92-93, 114.

³ См. регулярные указы о сокращении численности Канцелярии: ORF. T. 2. P. 175; T. 3. P. 387, 532-534; T. 5. P. 370; T. 6. P. 605.

⁴ Lalou É. Chancellerie... P. 19.

и потомков королей Франции»¹. Этой же принадлежностью к «ближнему кругу» короля объясняются щедрые привилегии служителей канцелярии. Они первыми получили право на статус дворян по службе (после 20-летнего стажа), как и на передачу должностей по наследству, не говоря уже о множестве налоговых, судебных и правовых льгот².

История Денежной палаты (*Chambre aux deniers*) Дома короля весьма запутана и до сих пор слабо изучена. Исследователи путали ее с палатой счетов, так что «клубок» финансовых ведомств предстоит еще распутать³. Денежная палата распорядилась финансами Дома короля, и уже к 1250 г. была вполне оформлена: в ее компетенцию входили доходы и расходы всех личных служб короля («касса Дома короля»). Однако она находилась в тесной связи с Палатой счетов и Казначейством. Сама королевская казна изначально была в ведении казначея (*chambrier*) и со времен Филиппа II Августа находилась в неприступном замке Тампль под контролем опытных и надежных тамплиеров. При Филиппе IV Красивом казна была перевезена сначала в Лувр (1295 г.), а затем в королевский Дворец в Сите. Если до этой даты служители Палаты счетов и Денежной палаты периодически собирались вместе в Тампле, то теперь финансовые службы разделились на тех, кто контролирует счета (Палата счетов), и на тех, кто хранит королевскую казну (Денежная палата). Но переплетение компетенций «придворного» и «государственного» ведомств сохранилось: в обеих палатах работали одни и те же люди, переход из Денежной палаты в Палату счетов был престижным карьерным ростом; оплата королевских комиссаров как доверенных лиц короля долгое время относилась к ведению Денежной палаты; наконец, мэтры Палаты счетов имели право даже спать в помещении Денежной палаты, когда прибывали ко двору короля. При малочисленности персонала и неопределенности компетенции Денежной палаты, важно, что сами деньги корона оставила за службой Дома, не передав их ведомствам Дворца.

Однако функции Денежной палаты переплетались и с компетенцией

¹ ORF. T. 4. P. 554. Подтверждая устав коллегии, Людовик XI в июле 1465 г. причислил служителей Канцелярии к «Дому Франции» (*Maison de France*). ORF. T. 16. P. 335-336.

² AN. Grande Chancellerie et Conseil. Répertoire numérique de la Série V. T. 1. Par E. Campardon, J.P. Brunterc'h et Fr. Hildesheimer avec le concours de G. Jubert. P., 2000. P. 46-47.

³ Эта путаница идет от первого же исследования финансовых ведомств – *Borrel de Serres L. Recherches sur divers services publics du XIII au XVII siècle*. 3 vols. P., 1895-1909. Доверившись ему, А. Жасмен сконцентрировался на исследовании палаты счетов в XV в., упустив истоки института. См. об этом подробнее: *Lalou É. La Chambre des comptes de Paris : sa mise en place et son fonctionnement (fin XIIIe-XIVe siècle) // La France des principautés. Les Chambres des comptes XIVe et XVe siècles : Actes du colloque tenu les 6, 7 et 8 avril 1995*. P., 1996. P. 3.

Казначейства из структуры Дворца: здесь два казначея хранили казну и следили за выдачей денег, но не вмешивались в сами статьи расходов. Правда, ведомство периодически упразднялось, его функции в сфере охраны домена передавались Палате счетов, а в сфере судебных споров – парламенту¹. При всей скромности его численности и неустойчивости компетенции, ведомство казны, будучи генетически связано со службами Дома короля, не выходило и в дальнейшем из его орбиты².

Наконец, палата прошений Дома короля (*Chambre des requêtes de l'Hôtel*) в силу своей судебной компетенции оказалась связующим звеном между «придворными» и «государственными» институтами. В истоке службы «мэтров прошений» находились те самые специалисты-правоведы, которые давно и прочно обосновались в окружении королей Франции. При Людовике IX Святом они образуют сплоченную группу, помогая королю в отправлении королевского правосудия. Именуемые «свитскими короля», они следовали за ним и принимали обращенные к монарху жалобы и прошения. Часть их они решали самостоятельно (поэтому их именовали иногда «судьями у ворот», т.е. у входа в королевские резиденции), а наиболее важные дела докладывали и передавали для решения королю. Когда в 1278 г. была создана аналогичная Палата прошений Дворца (*Chambre des requêtes du Palais*), по сути, при Парламенте, начинается период столкновения двух ведомств в борьбе за монополию. Непререкаемый авторитет парламента, тем не менее, не «задавил» эту очень значимую в структуре служб Дома палату, вершившую так называемое удержанное правосудие короля, а также защищавшую интересы привилегированных лиц, находящихся под особой королевской защитой (*committimus*).

Как у всякого сеньора, чеканящего свою монету, в структуре служб Дома короля находились и те, кто контролировал эту важную сферу. Уже с 1216 г. их именуют «генералами-мэтрами монет», а в 1348 г. была создана монетная палата с судебными полномочиями, хотя прежде такие споры решались в Королевской курии, а затем – в палате счетов³.

¹ ORF. Т. 1. Р. 658-659; Т. 3. Р. 387, 523. С 1390 г. существовала отдельно *Chambre du Trésor* с судебными полномочиями по домениальным спорам; затем ее упразднили и восстановили в 1404 г.; новое упразднение произошло при англо-бургиньонах и новое восстановление – в 1438 г. 6 июля 1462 г. Людовик XI снова ее упразднил (ORF. Т. 9. Р. 698; Т. 15. Р. 492-493).

² Указом от февраля 1379 г. помимо трех казначеев туда были назначены еще четыре советника по личному выбору короля и из состава Королевского совета; отныне без их санкции казначеи не имели права провести ни одной выплаты (ORF. Т. 6. Р. 380-381).

³ *Guillot O., Rigaudière A., Sassié Y. Pouvoir et institutions...* Т. 2. Р. 223. См. указы о Монетной палате: ORF. Т. 3. Р. 693; Т. 4. Р. 151-152, 505-506; Т. 6. Р. 15-18.

К традиционным домениальным службам относилось и ведомство вод и лесов, особенно учитывая тот факт, что большинство королей Франции из династии Капетингов были заядлыми охотниками, а посему крайне заинтересованы в их хорошем состоянии. Но королевские леса и воды несли и «публичную» нагрузку, давая немалый доход казне: от продажи леса для строительства и обогрева, от прав на выпас, на собирание желудей и т.д. В силу этого «ревизоры вод и лесов» также имели двойное подчинение. В состав служб Дома короля входил главный егермейстер (*maître de la Vennérie*), а подчиненные ему мэтры вод и лесов, назначаемые, кстати, Королевским советом, подчинялись Палате счетов (право апелляции на их решения)¹. Это двойное подчинение – коронному чину и Палате счетов – вновь зримо соединило службы Дома и Дворца. Так, по указу от 1389 г. во главе ведомства назначается кузен короля сир де Шатильон, наделенный правом контроля над королевскими заповедниками; 7 января 1401 г. эту должность получил вновь родственник короля – граф де Танкарвиль, именуемый «сувереном, мэтром и генералом-реформатором вод и лесов». И в дальнейшем эту должность замещали люди высокого социального статуса, как правило, из знати и ближайшего окружения короля².

Итак, можно уверенно констатировать тенденцию переплетения служб Дома и Дворца, причем процесс «бюрократизации» властных функций короны и институционального оформления ведомств не препятствовал сохранению и укреплению этих связей. Но пока речь шла о коронных чинах и службах Дома, так что эта тенденция выглядит не слишком неожиданной. А как обстояли дела с теми ведомствами, на которые распалась некогда единая Королевская курия и которые однозначно рассматриваются как публично-правовые органы, предки государственных учреждений Нового времени? Освободились ли они от королевского окружения и в какой мере их следует считать автономными до Двора?

Начнем с Парламента, гордо именуемого «главной и суверенной курией королевства». Растянутый во времени на всю вторую половину XIII в. процесс институционального выделения «Курии в Парламенте» в самостоятельное ведомство не упразднил, тем не менее его связь с ко-

¹ Les eaux et forêts du XIIe au XXe siècle. P., 1990. P. 51-53. В указе от 27 января 1360 г. о службах Дома мэтры вод и лесов фигурируют как автономные; два указа – от 22 августа 1375 г. и сентября 1376 г. – знаменовали учреждение отдельного ведомства (ORF. T. 6. P. 141-142, 222-237).

² ORF. T. 7. P. 175. Список суверенных мэтров королевских вод и лесов см.: Les eaux et forêts... P. 57-58.

ролевским окружением. Ее символически воплощали двенадцать пэров Франции, по статусу входивших в состав Парламента, а также – на первых порах, до введения должности первого президента, главы судебного ведомства. Первый же указ, фиксирующий численность верховного суда королевства, оговаривает председательство в нем знати из окружения короля: в 1302 г. это были герцог Бургундский, коннетабль де Сен-Поль, архиепископ Нарбоннский, епископ Парижский и Теруаннский¹. На фоне вытеснения из состава Парламента «посторонних лиц» – высшего духовенства, бальи и сенешалей, всех, «кто не знает законов» – обращает на себя внимание недвусмысленное намерение короны сохранить связь верховной судебной палаты с двором короля. И пусть обязательное председательство прелатов и баронов, делегированных из состава Королевского совета, сменилось их правом просто присутствовать на заседаниях суда, сама мотивировка – «для поддержания авторитета» Парламента – красноречиво свидетельствует, что центром власти оставался двор короля². Хотя в дальнейшем главами Парламента стали профессионалы из состава ведомства, избираемые по иным критериям, сохранение пэров в составе верховного суда апеллировало к традиционной Королевской курии, где дела знати рассматривались «судом равных». Показательно, что этот старый сеньориальный обычай получил законодательное закрепление в середине XV в., когда Парламент, казалось бы, имел статус профессионального и автономного от двора судебного ведомства³.

Ливрейное одеяние (или его денежный эквивалент), которое ежегодно получали в виде привилегии высшие чины Парламента, также призвано было продемонстрировать эту престижную связь с монархом⁴. В этот же контекст вписывается право канцлера председательствовать в Парламенте и решать возникающие внутри ведомства споры. Не стоит забывать и о секретарях верховного суда, которые числились за Канцелярией, то есть за службами Дома короля.

¹ ORF. Т. 12. Р. 354. Здесь сказалась еще традиция обязательного сочетания церковной и светской знати. То же – в составе пэров Франции: их должно было быть по шесть духовных и светских лиц; хотя конкретный набор пэров менялся в связи с изменениями статуса этих владений короны. См.: Цатурова С.К. *Офицеры власти*. С. 26.

² «qui tieignent le honneur du Siege» – См. указы от 7 января 1278, 1302, 3 декабря 1319 и 11 марта 1345 г. – ORF. Т. 1. Р. 702; Т. 2. Р. 224, 461; Т. 11. Р. 335.

³ По указу Людовика XI от 13 октября 1463 г. парламент назван «судом пэров» (*la court des pers*), и все судебные дела пэров Франции передавались в его юрисдикцию. – ORF. Т. 16. Р. 87-88.

⁴ Как замечал Г. Дюкудрей, король кормил (оплачивал из казны) и одевал (раздача мантий и плащей четырежды в год) служителей Парламента как членов его двора. – *Ducoudray G.* *Op. cit.* Р. 173-175.

Аналогичную картину показывает и эволюция Палаты счетов. Она первой оформилась в автономное от Курии ведомство ввиду прямой зависимости успехов королевской власти от правильного содержания казны, регулярного ее пополнения и проверки законности трат, что требовало забот профессионалов. Поэтому уже в 1260-1270-х гг. происходит удаление из этой сферы сеньориального элемента. Однако главами Палаты счетов, как и в Парламенте, долгое время являлись знатные персоны из королевского окружения, как правило лица духовного звания (епископы Терруана, Парижа, Байе и др.)¹. Даже в конце XIV в. во главе Палаты счетов стояло духовное лицо из окружения короля – епископ Теруаннский, а в начале XV в. появляется должность второго президента, и им вновь становится придворный чин – главный хранитель королевских погребов (*grand bouteiller de France*), и он будет оставаться на этой должности вплоть до ее ликвидации².

Связь между Палатой счетов и службами Дома короля поддерживалась и клерками-секретарями, числившимися формально за Канцелярией: так, выдающийся королевский нотариус и секретарь Жерар де Монтегю, хранитель Сокровищницы хартий, был одновременно и секретарем в Палате счетов³. Кстати, пергамен для ведения документации в Палате счетов выдавал казначей королевской капеллы Дворца в Сите. Генетическую связь Палаты счетов с королевским двором выражали и особые привилегии ее служителей. Они получали определенные участки в королевских лесах, откуда брали дрова для обогрева своих личных домов; в 1330 г. эта привилегия была зафиксирована, им полагалось определенное число поленьев дров, а с 1380 г. – их денежный эквивалент⁴. Кроме того, от тех времен, когда служители счетов следовали за кочующим королевским двором, сохранилась привилегия – оплата содержания их лошадей за счет короля⁵.

¹ Эту ситуацию закрепил указ об институциональном оформлении палаты счетов, от февраля 1320 г. Тогда это были прелат – епископ Нуайона – и барон – сеньор де Сюлли. – *Les Chambres des comptes en France aux XIVe et XVe siècles*. P., 1998. P. 2-3, 9-11.

² ORF. Т. 6. P. 604-605 (указ от 13 июля 1381 г.), Т. 9. P. 286 (указ от 8 июля 1382 г.); в указе от 7 января 1408 г. сказано, что он «по праву своей службы должен находиться здесь» (Т. 12. P. 124-125). Это связано с трансформацией данной старейшей службы королевского Дома, получившей и публичные функции – контроль над сбором налога с продажи вина.

³ ORF. Т. 7. P. 236-239. О Жераре де Монтегю см. подробнее: *Guyotjeannin O. Un archiviste du XIVe siècle. Entre érudition et service du prince : les « notabilia » de Gérard de Montaigu // Histoire des archives. Recueil d'articles offerts à Lucie Favier par ses collègues et amis*. P., 1997. P. 299-316.

⁴ Президенты и мэтры счетов получали по арпану леса, клерки и секретари – по поларпана; затем, соответственно, « douze quarterons de moule de buches » и « six quarterons de moules de buches ». – AN U 540. F. 476-477.

⁵ На День Всех Святых мэтры счетов получали за содержание трех лошадей, клерки – за двух лошадей. – *Jassemijn H. La chambre des comptes de Paris au XVe siècle*. P., 1933. P. 70.

Даже в возникшем намного позднее налоговом ведомстве, по своей природе не имевшем генетической связи со службами Дома короля, уверенно проступает та же тенденция, явно ввиду растущей значимости для короны этой статьи доходов. Истоком ведомства была инициатива депутатов Штатов в декабре 1355 г. установить контроль над сбором и раскладкой налога на войну, однако вскоре избранные депутатами трех палат «генералы-суперинтенданты» перешли под власть короля, причем причислялись к службам королевского Дома¹. Внутри Налоговой палаты затем оформился особый налоговый суд, периодически упразднявшийся, а его судебная компетенция, что знаменательно, передавалась в Палату прошений Дома короля². Наконец, фигура главы Налоговой палаты также свидетельствует об этой же тенденции: это, как правило, был человек из окружения короля – член Королевского совета архиепископ Безансонский, а в 1408 г. – епископ Лиможский³.

Наконец, сохранился Королевский совет – собственно Курия (Двор короля), именуемый в зависимости от состава и повестки Большим, Узким или Тайным советом. Король и его Совет по-прежнему обладали всеми властными полномочиями в сфере законодательства, в управлении, в суде и финансах. Неслучайно наиболее радикальные проекты реформ, выдвигавшиеся на Штатах в 1356-1358 и 1484 гг., имели целью поставить под контроль депутатов именно королевский Совет, а не выделившиеся из Курии Парламент и Палату счетов⁴. Состав и деятельность Королевского совета всегда оставались в полной власти монарха: членство в нем определялось единоличной волей короля, так что можно говорить, скорее, о чине советника, который со временем сделался почетным титулом, чем о четкой структуре этого важнейшего органа королевской власти. Будучи воплощением сеньориального принципа, Совет при короле Франции был аморфным учреждением, в который входили «советники по рождению» – принцы крови, по статусу – светская и духовная знать, а также приглашен-

¹ ORF. Т. 3. P. 19-37; 392 (ордонанс от 28 декабря 1355 г. и указ от 27 января 1360 г.).

² См. указ Людовика XI от 4 мая 1462 г. – ORF. Т. 15. P. 492-493.

³ См. указы об учреждении в 1389-1390 гг. Налоговой палаты и налогового суда. – ORF. Т. 7. P. 228-229, 245-247

⁴ О функционировании этого Совета свидетельствует Анри Бод в «Похвальном слове Карлу VII»: понедельник, вторник и четверг заседал совет по судебным делам, в среду – по делам войны, в среду, пятницу и субботу – по финансовым вопросам. См.: *Baude H. Eloge ou portrait de Charles VII // Chartier J. Chroniques de Charles VII, roi de France. 3 vols. P., 1858. Т. 3. P. 133. О политических претензиях депутатов Штатов см. подробнее: Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции. С. 183, 226-227.*

ные королем профессионалы – в зависимости от повестки заседания. Таким образом, состав Королевского совета отражал расстановку сил внутри «ближнего круга» короля и приоритеты его политики¹. Совет, по сути, сохранил за собой и дублировал все основные функции, которые осуществляли выделившиеся из Курии ведомства (суд, финансы и т.д.), воплощая тем самым неразделимость при монархической власти частного и публичного.

Учитывая эти тесные, не всегда формальные взаимосвязи Дома и Дворца, вопрос о точной численности королевского двора в XIII-XV вв. представляется мне искусственным. Разумеется, все исследователи сходятся во мнении, что численность двора росла в галопирующем темпе, даже если они ограниваются только службами «рта и тела» монарха². Такая тенденция не вызывает удивления, поскольку соответствует росту прерогатив и авторитета королевской власти в XIII-XV вв. К тому же она вписывается в столь же стремительный рост штатов публично-правовых ведомств короны.

А поскольку все королевские службы оплачивались из доходов казны, пусть и меняющихся по структуре, но всегда строго ограниченных, да еще в условиях Столетней войны, требования сократить число королевских должностных лиц становится топосом общественного мнения. В настойчивых советах королю вспомнить традиции и «жить на свое», то есть оплачивать растущий аппарат власти из домениальных доходов, а не из налогов, собираемых на войну, отражалась не только тяжесть подобных расходов, но и неготовность общества оплачивать государственные институты. Под этот лейтмотив разрабатывались все королевские указы о сокращении штатов чиновников.

Наиболее устойчивой критике в обществе подвергался конкретно рост числа служителей Дома короля. Начиная с заседаний Штатов 1356 г. тема сокращения придворных служб не выходила из поля обществен-

¹ Показательно, что нет ни одного королевского указа, регулирующего численность королевского Совета, хотя XIV-XV вв. были временем динамичного роста штатов чиновников и давления общества на власть с целью этот рост удержать. О Совете см. подробнее: *Guillot O., Rigaudière A., Sassier Y. Pouvoir et institutions...* Т. 2. P. 153-157.

² О параметрах роста численности двора свидетельствуют следующие данные: 200 человек в начале правления Филиппа IV Красивого, 300 – в конце его правления, при Филиппе VI Валуа – 500 человек; при Карле VI (конец XIV в.) около 800 (*Caron M.-Th. Noblesse et pouvoir royal.* P., 1994. P. 55; *Collard F. Pouvoirs et culture politique dans la France médiévale (V^e-XVe ss.).* P., 1999. P. 190). Но в это число входили лишь те, кто «ест и спит при дворе» или имеет лошадей из придворных конюшен, но никто не может сосчитать «приглашенных», в том числе советников – членов Парламента или Палаты счетов (*Lalou É. Le Fonctionnement...* P. 152).

ного внимания¹. Те же идеи высказывали идеологи власти и политические мыслители. Об излишней численности служителей Дома короля писал в 1380-х годах Филипп де Мезьер, осуждая обычай кормить за королевским столом по 80-120 человек, ритуалы пышных празднеств с их чрезмерными расходами, наконец, излишнее число камергеров (*chambellains*) при персоне монарха. Чрезмерной численностью служителей Дома возмущался и канцлер Парижского университета Жан Жерсон: в речи 1405 г. перед королем он вопрошал, зачем тому 200 камергеров и столько же камер-юнкеров, зачем столько секретарей и прочих придворных? Вернуться к «добрым временам Людовика Святого» призывал в начале XV в. и автор «Совета Изабо Баварской», советуя свести двор к одному канцлеру, одному главному гофмейстеру, 3-4 гофмейстерам, сменяющим друг друга, и одному шталмейстеру. В конце XV в. Робер де Балзак, как и за сто лет до него, призывал короля сократить излишнюю численность служителей дома, «ибо это пустая трата (денег)»².

В этой заключительной проговорке «старого вояки» проступает истинная подоплека критики растущего штата Двора. На фоне скромных доходов казны и растущих расходов на аппарат усилилось напряжение между двумя конкурирующими структурами власти – Дома и Дворца, мечтающими, к тому же, о монополии. Соперничество двух параллельных структур нашло отражение в политических трудах выходцев из среды чиновничества.

В этой среде сеньориальные по своей природе службы Дома короля трактуются как избыточные, тем более в ситуации вольного или невольного перекрещивания их компетенций с «публичными» ведомствами короны. Так, в трактовке выходца из потомственной семьи чиновников

¹ «Мятежные» Штаты октября 1356 г. прямо потребовали, в рамках исправления трагического для Франции хода военных действий, сократить штат Дома короля: «restrindre son hostel par toutes les bonnes et honnestes voyes et manières que on pouroit» (*Journal des états réunis à Paris au mois d'octobre 1356* // *Nouvelle revue historique du droit français et étranger*. 1900. Année 24. P. 443). Это же требование повторилось в ремонстрации Парижского университета в ходе кабошьянского восстания 1413 г., хотя здесь критика была более конкретна и детальна (*Moranvillé H. Remonstrance de l'Université et de la Ville de Paris à Charles VI sur le gouvernement du royaume* // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1890. T. 51. P. 420-442). Ограничить численность служб Дома предлагала и комиссия депутатов на Штатах в Туре в 1484 г. (*Masselin J. Journal des États Généraux de France tenus à Tours en 1484 sous le règne de Charles VIII*. Rouen, 1835. P. 363-367).

² *Mézières Ph. de. Songe du viel pèlerin*. 2 vols. Cambridge, 1969. T. 2. P. 224-225; *Gerson J. Œuvres complètes*. 10 vols. P., 1960-1975. T. 7. P. 1174; *Advis à Isabelle de Bavière* (anonyme) // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1866. T. 27. P. 139-140; *Le traité de Robert de Balsac* // *Contamine Ph. Des pouvoirs en France*. 1300-1500. P., 1992. P. 216.

Жана Жувеналья, служба вод и лесов, контролирующая доходы от домена, предстает бесполезной и неоправданной тяжестью для бюджета. И в обращениях к брату – канцлеру Франции, и в наставлениях королю Карлу VII этот опытный чиновник предлагал ее упразднить, а функции передать в ведение бальи, представителей короля на местах. Абсолютно излишней Жувеналь считал и должность главного хранителя лесов (*grant maistre des forest*), входящую в структуру Дома короля, предлагая передать ее функции Парламенту¹. Всегдашнее недовольство членов Парламента вызывало сохранение Палаты прошений Дома короля, и они воспользовались кризисом власти в период королевской схизмы 1418-1436 гг., чтобы упразднить ее при дворе Карла VII. Об этом «удачном опыте» королю решил напомнить Жувеналь в 1452 г., представив Палату прошений Дома в качестве резерва для сокращения в период очередного дефицита казны².

Таким образом, соперничество двух параллельных структур явно подогревалось нерасчлененностью их компетенций. В какой мере такая ситуация была следствием целенаправленной и намеренной «игры короля»? Думается, она, прежде всего, проистекала из самого процесса становления исполнительного аппарата короны Франции, который не следует трактовать как реализацию четкого «проекта» верховной власти. Для понимания этого процесса Н.А. Хачатурян очень точно и удачно уподобила его принципу «иррегулярного планирования», господствовавшему в средневековом градостроительстве³. В то же время, незыблемой основой этого переплетения функций Дома и Дворца была сама persona монарха, обладавшего нераздельно всеми властными прерогативами. Король Франции считался главой Парламента, о чем свидетельствует отведенное ему кресло под балдахином («ложе правосудия»), давшее в XV в. наименование особой торжественной церемонии. Он же был и главой палаты счетов, и при нем должны были проверяться доходы и расходы казны, как это неизменно изображалось на многочисленных миниатюрах⁴. И, разумеется, король был всевластным главой Королевского совета. В силу этого все наставления и зеркала концентрировались

¹ *Juvénal des Ursins J. Écrits*. Т. 1. Р. 545; Т. 2. Р. 342.

² Он предлагал назначить в эту Палату членов Парламента (6 человек) для разбора прошений на имя короля. Трактат был написан во время подготовки ордонанса о реформе правосудия (Монтиль-Ле-Тур 1454 г.). См.: *Ibid.* Т. 2. Р. 328.

³ Хачатурян Н.А. Запретный плод... С. 16.

⁴ См.: *Mattéoni O. Institutions et pouvoirs en France. XIVe-XVe siècles*. Р., 2010. Р. 123-169. Поэтому, кстати, должность первого президента Палаты счетов считалась «почетной» и воспринималась как бенефиций, и на нее назначали фаворитов короля вне связи с их компетенцией. См.: *Jassemin H. Op. cit.* Р. 29.

на проблеме выбора королем «правильного совета» и разумного способа принятия решений¹.

Оформление служб Дома и Дворца, таким образом, никак не влияло на тот неоспоримый факт, что король Франции был центром и источником власти. А это, в свою очередь, определяло новую политическую роль королевского двора в условиях складывания исполнительного аппарата короны Франции. Хотя двор «осени Средневековья» оставался кочующим и насчитывал лишь несколько сот человек, он уже в этот период превращался в прообраз двора Людовика XIV. Исследователи уверенно датируют концом XIV в. дату рождения придворного общества и собственно двора, отличного от структур Дома и Дворца². Определяющим фактором политического влияния двора являлась близость к королю как источнику власти. Все, кто так или иначе был допущен к «уху» монарха, кто имел с ним особые личные и неформальные отношения, приобретали частичку власти и, следовательно, политического веса. Тень короля – двор становится, по выражению Б. Гене, главной пружиной государственной машины³.

Близость к персоне монарха давала придворным возможность влиять на политику короны через продвижение своих ставленников и фаворитов на должности в институты государственного аппарата. Ведь несмотря на возникновение бюрократических практик комплектования, в том числе – конкурсного отбора, все должности давал только сам король. Эта новая ситуация нашла выражение в образе двора как торжища, где, по словам Мезьера, молитвы божественной литургии в королевской капелле заглушаются просьбами «о дарах, милостях и должностях, словно бы это была ярмарка»⁴. Не случайно с конца XIV в. в политических произведениях идеологов власти возникает тема незаконного фаворитизма при раздаче королевских должностей. Критика фавора базируется на защите интересов короля от давления придворных кланов, угрожающих «двоелюби-

¹ См. подробнее: Цатурова С.К. «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: Представления об обязанностях короля во Франции XIV-XV вв. // Искусство власти. Сб. в честь Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 99-131.

² Histoire de la France politique. Le Moyen âge. Le roi, l'Église, les grands, le peuple. 481-1514. / Sous la dir. de Ph. Contamine. P., 2002. P. 496-497; Histoire culturelle de la France. Vol. I. Le Moyen âge. Sous la dir. de M. Sot. P., 2005. P. 309.

³ Guenée B. Cour. P. 253. Те же тенденции исследователи обнаруживают при английском дворе. См.: Паламарчук А.А. «Светило, сияющее лишь отраженным светом»: Стереотипы современников и исследования по истории английского королевского двора // Королевский двор в Англии... С. 18-24; Федоров С.Е. «Domus regis» и «familia regis» в раннее Новое время // Там же. С. 27-44.

⁴ «une foire ordonnée» (Mezières Ph. de. Songe. T. 2. P. 252-253). См. детальное исследование этой темы: Mattéoni O. Institutions et pouvoirs... P. 21-32.

ем» чиновников – конфликтом верности королю с преданностью благодетелю, ведь протееже являлся «его человеком больше, чем человеком короля». Разумеется, ущерб королю наносили и назначения по дружбе и радению людей недостойных; зачастую такое радение было и небескорыстным. Мезьер, осуждавший эти «публичные и тайные союзы», видел и обратную угрозу: «благодетель», поставивший на должность своего протееже, затем покупал его лояльность (защиту своих интересов перед королем) и секреты власти¹.

Наиболее мощным источником давления на короля были, естественно, принцы крови и знать, однако однозначно запретить их вмешательство в королевские прерогативы, как это периодически провозглашали королевские указы², было не только сложно, но и опасно. Устойчивость королевского дома Франции не в последнюю очередь гарантировал порядок наделения принцев крови частью верховных властных полномочий – в апанажах или в отдельных сферах власти, что обеспечивало их лояльность³. Двор короля Франции был пространством политической игры сильных соперников, а засилье клиентел принцев крови и знати в органах управления отражало соотношение сил, как и обеспечивало конечную победу монарха, идущего на частные уступки ради сохранения авторитарного принципа⁴. Кстати, не меньшую роль начинают играть и формирующиеся чиновные кланы и клиентелы, но и они укрепляли власть короля, гарантируя ему лояльность и преданность чиновников⁵.

Наконец, личностный принцип в отпращивании власти, в том числе и в комплектовании, не только был неустрашим при монархическом правлении, но он вообще присущ человеческим взаимоотношениям (особое расположение, личная симпатия или доверие) и потому присутствует

¹ Mezières Ph. de. Songe. T. 1. P. 469, 502; T. 2. P. 11, 350-352. Аналогичную угрозу власти от засилья кланов и клиентел видели и Кристина Пизанская, и Жан Жерсон, и Жан Жувеналь. См.: *Christine de Pisan. Le livre des faits et bonnes moeurs du roi Charles V le Sage*. 2 vols. P., 1936-1940. T. 2. P. 58-60; *Idem. Le livre du corps de policie*. P., 1998. P. 39; *Gerson J. Œuvres*. T. 7. P. 1019; *Juvénal des Ursins J. Écrits*. T. 1. P. 454, 519.

² См.: ORF. T. 6. P. 514, 517; T. 8. P. 468-469.

³ *Lewis A. Royal succession in Capetian France : studies on familial order and the State*. Cambridge (Mass.), 1981.

⁴ Сборник формуляров типовых писем о назначениях чиновников, составленный в 1430-х гг. Одаром Моршеном, свидетельствует о легализации продвижения по протекции знати и принцев крови. См.: *Le Formulaire d'Odart Morchesne dans la version du mss BNF fr. 5024*. P., 2005. P. 203-204 (N 7.6.e); 206 (N 7.8.a).

⁵ О кланах как стратегии бюрократизации власти и «игре короля», сталкивающего чиновные и придворные клиентелы с целью их контроля, писал П. Бурдьё, видя в этом усиление личной власти монарха. – *Бурдьё П. От королевского дома к государственному интересу...* С. 262-266.

во всех политических системах. Фавор короля с этой точки зрения был вполне законным способом социального возвышения, и осуждалась лишь милость не по заслугам¹.

Все это придавало королевскому двору новую значимость, отразившуюся в едва ли не самой существенной трансформации – в смене его образа². Какой еще топос западноевропейских политических представлений может конкурировать с сатирой на двор и с его inferнальным образом? В этом смысле историографическая традиция осуждения придворных нравов имеет глубокие, можно сказать, античные корни. Идущий от Бозция через Иоанна Солсберийского негативный образ придворного прочно утвердился в политической ментальности Средневековья. Первые же ордонансы о Доме короля Франции настоятельно предписывали защищать персону монарха от «паразитов», наводняющих залы во время королевской трапезы³. Все наставления и зеркала государей полны уничижительными изображениями куртизанов – придворных паразитов и льстецов, «псов двора» (*palatini canes*), «Тразонов и Гнатонов» из «Евнуха» Теренция⁴.

Институционализация двора выразилась в появлении особых терминов для обозначения фаворитов короля, осыпаемых чрезмерными и незаслуженными милостями. Во второй половине XIV в. их называли «магометами» (*mahomets*): именно так характеризует Филипп де Мезьер придворных, кто ищет лишь частной выгоды от близости к королю и обращает королевский фавор в звонкую монету⁵. А с XV в. их стали именовать миньонами⁶.

И все же постепенно образ придворного приобретает объемность, а его роль наделяется рядом положительных черт. Поскольку, как выше было показано, в число куриалов входили и чины королевской администрации, неудивительно, что именно под их пером происходят первые преобразования придворного. Эту тенденцию отчетливо отразил трактат

¹ *Mezières Ph. de. Songe. T. 1. P. 234; Gerson J. Œuvres. T. 7. P. 1179.*

² См. об этом подробнее: *Autrand Fr. De l'Enfer au Purgatoire: la cour à travers quelques textes français du milieu du XIVe à la fin du XVe siècle // L'État et les aristocraties (France, Angleterre, Écosse). P., 1989. P. 51-78.*

³ Ордонанс от 1291 г. см.: *Lalou É. Le fonctionnement de l'Hôtel... P. 155.*

⁴ Яркий пример – трактат середины XIV в.: *Montebelluna F. de. Tragicum argumentum de miserabili statu regni Francie (1357) // Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France. An. 1962-1963. P., 1964. P. 101-163.* Спустя сто лет под пером Тома Базена вновь возникают «придворные псы» (*canibus illis palatinis*) см.: *Basin Th. Histoire de Charles VII. 2 vols. P., 1933-1944. T. 2. P. 306.*

⁵ *Mahommez a la court royalle... mahommez qui a sa part au butin. – Mezières Ph. de. Songe. T. 1. P. 460, 470.*

⁶ *Histoire culturelle de la France... P. 333.*

«Сновидение садовника», написанный в конце XIV в. по заказу Карла V Мудрого кем-то из его ближайшего окружения, вероятно Эваром де Тремогоном, королевским советником и мэтром Палаты прошений Дома. Здесь придворные названы «мучениками света, живущими в трудах и великих деяниях». Но соблазны, подстерегающие их при дворе, грозят превратить их в «мучеников дьявола»¹. Так впервые легитимизируется с моральной точки зрения придворная служба и даруемое ею благосостояние.

Конечно, при дворе царит «сладкая жизнь», сыплются щедроты и распалается гордыня, но подстерегают и угрозы, на которые начинают обращать внимание на рубеже XIV-XV в. Излюбленный «осенью Средневековья» образ колеса Фортуны как нельзя лучше подошел бы к описанию карьеры именно придворного, чье богатство и фавор оказываются нестабильными. Кроме того, двор забирает у человека свободу, подчиняя строгому этикету (отсюда идея «рабства придворного»). Но неожиданно начинают отмечаться и благие последствия пребывания при дворе короля. Главными среди них – и это поразительным образом предвосхищает «цивилизацию нравов» Н. Элиаса – становятся светские «манеры»².

Последняя, наиболее существенная трансформация также происходит в этот период: двор монарха приобретает репрезентативную функцию, которая станет самой значимой в его последующей истории. Театр власти как символическое выражение величия и могущества короны Франции – разыгрывал свои «спектакли» в основном при королевском дворе³. Короля делает свита, и чем она больше, тем лучше, даже если существенно возрастали расходы, вокруг которых велись нескончаемые споры. Пусть королевский церемониал находился еще в зачаточном состоянии, но постепенно начинает складываться осознание, что двор есть «образ короля». А значит, расходы на него оправданны. Красноречивым свидетельством совершившегося «переворота в головах» критиков власти может послужить «Ремонстрация Парижского университета», поданная королю в разгар восстания кабошьенов, 13 февраля 1413 г. Критикуя траты казны, авторы, однако, не ставят под со-

¹ Образ, вероятно, взят у Пьера де Блуа: «Les martyrs du siecle et du monde... martires dyaboli et non du Christi». – *Songe du vergier*. 2 vols. P., 1982. Т. 1. P. 333-334.

² До Эташа Дешана, первым заговорившего о положительном опыте нахождения при дворе (*Autrard Fr.* Op. cit. P. 60), о дворе как месте спасения придворного через смягчение нравов государя и его советников написал Жувеналь, потомственный королевский чиновник, и это весьма знаменательно (*Juvénal des Ursins J. Écrits*. Т. 1. P. 463).

³ О значении «литургии монархии» см.: *Хачатурян Н.А.* Власть и общество... С. 235-236.

мнение необходимость оплачивать целиком личные расходы короля, королевы, дофина и их дворов, ставя их на один уровень с расходами на оборону страны. Более того, королю прямо брошен упрек за невыплату жалования служителям двора, отчего те впали в нищету и страдание, и что еще важнее, свита сделалась не столь почтенна, как того требует королевский статус¹.

Таким образом, двор короля Франции в XIII-XV в. пережил подлинное всестороннее обновление. Он обрел институциональную форму, по-новому соединил службы Дома и Дворца, породив придворное общество. Двор не перестал быть «местом власти» и даже усилил свое влияние на политику короны, в частности, через кланы и клиентелы, через пенсии и дары. Двор остался центром принятия решений, благодаря, прежде всего, близости к персоне монарха. Находясь в эпицентре общественной критики за расточительство, незаслуженное возвышение и обогащение, придворное общество отвоевывает себе новую репрезентативную функцию как символическое выражение авторитета и величия короны Франции.

Список литературы

Guenée B. Cour // Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval. P., 1999.

Guenée B. L'histoire de l'État en France à la fin du Moyen âge vue par les historiens français depuis cent ans // Revue historique. 1964. Т. 232. N 1012.

Хачатурян Н.А. Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. М.; СПб., 2001. [*Hachaturjan N.A.* Zapretnyj plod... ili Novaja zhizn' monarshego dvora v otechestvennoj medievistike // Dvor monarha v srednevekovoj Evrope: javlenie, model', sreda. M.; SPb., 2001].

Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002. [*Jelias N.* Pridvornoe obshhestvo: Issledovanija po sociologii korolja i pridvornoj aristokratii, s Vvedeniem: Sociologija i istorija. M., 2002].

Austrand Fr., Barthélemy D., Contamine Ph. L'espace français : histoire politique du début du XIe à la fin du XVe siècle // L'Histoire médiévale en France. Bilan et perspectives. P., 1991.

¹ Serviteurs de vostre hostel... ne sont pas si honnestement entour vous comme il appartient... en grant abessement de vostre estat qui doit preceder tous les autres. – *Moranvillé H.* Remonstrance... P. 423-424. N VI.

Gauvard Cl. Le rituel, objet d'histoire // Les Tendances actuelles de l'histoire du Moyen âge en France et en Allemagne: Actes du colloque de Sèvre (1997) et Göttingen (1998). P., 2002.

Oexle O.G. Les tendances actuelles de la recherche médiévale française vues d'Allemagne // Les Tendances actuelles de l'histoire du Moyen âge en France et en Allemagne: Actes du colloque de Sèvre (1997) et Göttingen (1998). P., 2002.

La cour amoureuse, dite de Charles VI (statuts et armoriaux). P., 1982.

Moeglin J.-M. Les recherches françaises sur les cours et les résidences au bas Moyen Age // Les Tendances actuelles de l'histoire du Moyen âge en France et en Allemagne: Actes du colloque de Sèvre (1997) et Göttingen (1998). P., 2002.

Двор монарха в средневековой Европе; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал. М., 2004. [Dvor monarha v srednevekovoj Evrope; Korolevskij dvor v politicheskoj kul'ture srednevekovoj Evropy. Teorija. Simvolika. Ceremonial. M., 2004].

Священное тело короля. Ритуалы и морфология власти. М., 2006. [Svjashhennoe telo korolja. Ritualy i morfologija vlasti. M., 2006].

Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. [Iskusstvo vlasti. Sbornik v chest' professora N.A. Nachaturjan. SPb., 2007].

Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. [Vlast', obshhestvo, individ v srednevekovoj Evrope. M., 2008].

Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [Imperii i jetnonacional'nyje gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011].

Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [Vlastnye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011].

Королевский двор в Англии XV-XVII веков. СПб., 2011. [Korolevskij dvor v Anglii XV-XVII vekov. SPb., 2011].

Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. [*Nachaturjan N.A.* Vlast' i obshhestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka. M., 2008].

Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. [*Bojcov M.A.* Velichie i smirenie. Ocherki politicheskogo simbolizma v srednevekovoj Evrope. M., 2009].

Lalou É. Chancellerie et Hôtel à l'époque de Philippe le Bel // *Écrits et pouvoir dans les chancelleries médiévales : espace français, espace anglais : Actes du colloque intern. de Montréal, 7-9 sépt. 1995.* Louvain, La Neuve, 1997.

Lalou É. Le fonctionnement de l'Hôtel du Roi du milieu du XIIIe au milieu du XVe siècle // *Vincennes aux origines de l'État moderne : Actes du colloque scientifique sur «Les Capétiens et Vincennes au Moyen âge».* P., 1996.

Носова Е.И. Бургундский двор XV века: структура, организация, социальный состав. Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2011. [*Nosova E.I.* Burgundskij dvor XV veka: struktura, organizacija, social'nyj sostav. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. SPb., 2011].

Petit J. et al. Essai de restitutions des plus anciens mémoriaux de la chambre des Comptes de Paris. P., 1899.

Nortier M. Le sort des archives dispersées de la Chambre des comptes de Paris // *Bibliothèque de l'École des chartes.* 1965. T. 123.

Valois N. Étude historique sur le Conseil du Roi. P., 1886.

Guide des recherches dans les fonds judiciaires. P., 1958.

Дюби Ж. История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк (987-1460). М., 2000. [*Djubi Zh.* Istorija Francii. Srednie veka. Ot Gugo Kapeta do Zhanny d'Ark (987-1460). M., 2000].

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. [*Benvenist Je.* Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov. M., 1995].

Vocabulaire historique du Moyen âge. P., 1995.

Бурдьё П. От королевского дома к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля // *Бурдьё П.* Социология социального пространства. М.; СПб., 2007. [*Burd'jo P.* Ot korolevskogo doma k gosudarstvennomu interesu: model' proishozhdenija bjurokraticheskogo polja // *Burd'jo P.* Sociologija social'nogo prostranstva. M.; SPb., 2007].

Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский Парламент в первой трети XV в. М., 2002. [*Tsaturova S.K.* Oficery vlasti. Parizhskij Parlament v pervoj treti XV v. M., 2002].

Цатурова С.К. Король Франции и его чиновники (Своеобразие реализации принципа абсолютной власти Quod principi placuit) // *ФЕ 2005.* М., 2005. [*Tsaturova S.K.* Korol' Francii i ego chinovniki (Svoeobrazie realizacii principa absoljutnoj vlasti Quod principi placuit) // *Annuaire d'études françaises 2005.* M., 2005].

Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII-XV вв. М., 1989. [*Hachaturjan N.A.* Soslovnaja monarhija vo Francii XIII-XV vv. M., 1989].

Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991. [Malov V.N. Zh.-B. Kol'ber. Absolutistskaja bjurokratija i francuzskoe obshhestvo. M., 1991].

Цатурова С.К. Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV-XV вв. // Священное тело короля. Ритуалы и морфология власти. М., 2006. [Tsaturova S.K. Svjashhennaja missija korolja-sudii, ee vershiteli i ih status vo Francii XIV-XV vv. // Svjashhennoe telo korolja. Ritualy i morfologija vlasti. M., 2006]

Ducoudray G. Les origines du Parlement de Paris et la justice aux XIIIe et XIVe siècles. P., 1902.

Цатурова С.К. Номинация ведомств и служб как стратегия формирования суверенитета королевской власти во Франции XIII-XV веков // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. [Tsaturova S.K. Nominacija vedomstv i sluzhb kak strategija formirovanija suvereniteta korolevskoj vlasti vo Francii XIII-XV vekov // Imperii i jetnonacional'nye gosudarstva v Zapadnoj Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremja. M., 2011].

Ordonnances des rois de France de la troisième race. 22 vols. P., 1723-1849.

Viard J. La Cour (Curia) au commencement du XIVe siècle // Bibliothèque de l'École des chartes. 1916. T. 77.

Descimon R., Guéry A., Le Goff J. La longue durée de l'État. P., 2000.

Стукалова Т.Ю. Введение в средневековую французскую архонтологию. М., 2001: [Stukalova T.Ju. Vvedenie v srednevekovuju francuzskuju arhontologiju. M., 2001].

Juvénal des Ursins J. Écrits politiques. Éd. P.S. Lewis. 2 vols. P., 1978, 1985. T. 1.

Viard J. Gages des officiers royaux vers 1329 // Bibliothèque de l'École des chartes. 1890. T. 51.

Morel O. La grande chancellerie et l'expéditions des lettres royaux de l'avènement de Philippe de Valois à la fin du XIVe siècle (1328-1400). P., 1900.

Guillot O., Rigaudière A., Sassier Y. Pouvoir et institutions dans la France médiévale. 2 vols. P., 1994. T. 2.

Lot F et Fawtier R. Histoire des institutions françaises au moyen âge. 3 vols. P. 1957-1962. T. 2.

Dalas-Garrigues M. Origine et naissance des sceaux du Parlement // Bibliothèque de l'École des chartes. 1988. T. 146.

Bautier R.-H. Le personnel de la chancellerie royale sous les derniers Capétiens // Prosopographie et genèse de l'État moderne: Actes de la table

ronde organisée par le CNRS et ENS de jeune fille, Paris, 22-23 octobre 1984. P., 1986.

AN. Grande Chancellerie et Conseil. Répertoire numérique de la Série V. T. 1. P., 2000.

Borrel de Serres L. Recherches sur divers services publics du XIII au XVII siècle. 3 vols. P., 1895-1909.

Lalou É. La Chambre des comptes de Paris : sa mise en place et son fonctionnement (fin XIIIe-XIVe siècle) // La France des principautés. Les Chambres des comptes XIVe et XVe siècles: Actes du colloque tenu les 6, 7 et 8 avril 1995. P., 1996.

Les eaux et forêts du XIIe au XXe siècle. P., 1990.

Les Chambres des comptes en France aux XIVe et XVe siècles. P., 1998.

Guyotjeannin O. Un archiviste du XIVe siècle. Entre érudition et service du prince: les « notabilia » de Gérard de Montaigu // Histoire des archives. Recueil d'articles offerts à Lucie Favier par ses collègues et amis. P., 1997.

Jassemmin H. La chambre des comptes de Paris au XVe siècle. P., 1933.

Baude H. Eloge ou portrait de Charles VII // *Chartier J.* Chroniques de Charles VII, roi de France. Publ. Vallet de Viriville. 3 vols. P., 1858. T. 3.

Caron M.-Th. Noblesse et pouvoir royal. P., 1994

Collard F. Pouvoirs et culture politique dans la France médiévale (V^e-XVe ss.). P., 1999.

Journal des états réunis à Paris au mois d'octobre 1356 // Nouvelle revue historique du droit français et étranger. 1900. Année 24.

Moranvillé H. Remontrance de l'Université et de la Ville de Paris à Charles VI sur le gouvernement du royaume // Bibliothèque de l'École des chartes. 1890. T. 51.

Masselin J. Journal des États Généraux de France tenus à Tours en 1484 sous le règne de Charles VIII. Rouen, 1835.

Mézières Ph. de. Songe du viel pèlerin. 2 vols. Cambridge, 1969. T. 2.

Gerson J. Œuvres complètes. 10 vols. P., 1960-1975. T. 7.

Advis à Isabelle de Bavière (anonyme). Éd. E. Deprez // Bibliothèque de l'École des chartes. 1866. T. XXVII.

Le traité de Robert de Balsac. Éd. Ph. Contamine // *Contamine Ph.* Des pouvoirs en France. 1300-1500. P., 1992.

Mattéoni O. Institutions et pouvoirs en France XIVe-XVe siècle. P., 2010.

Цатурова С.К. «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: Представления об обязанностях короля во Франции XIV-XV вв. // Искусство власти. Сб. в честь Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. [*Tsaturova S.K.* «Korol' – chinovnik, svjashhennaja osoba ili osel na trone?»: Predstavlenija

ob objazannostjah korolja vo Francii XIV-XV vv. // *Iskusstvo vlasti*. Sb. v chest' N.A. Hachaturjan. SPb., 2007].

Histoire de la France politique. Le Moyen âge. Le roi, l'Église, les grands, le peuple. 481-1514. P., 2002.

Histoire culturelle de la France. Vol. 1. Le Moyen âge. P., 2005. P. 309.

Паламарчук А.А. «Светило, сияющее лишь отраженным светом»: Стереотипы современников и исследования по истории английского королевского двора // *Королевский двор в Англии XV-XVII веков*. СПб., 2011. [*Palamarchuk A.A.* «Svetilo, sijajushhee lish' otrazhennym svetom»: Stereotipy sovremennikov i issledovanija po istorii anglijskogo korolevskogo dvora // *Korolevskij dvor v Anglii XV-XVII vekov*. SPb., 2011].

Федоров С.Е. «Domus regis» и «familia regis» в раннее Новое время // *Королевский двор в Англии XV-XVII веков*. СПб., 2011. [*Fedorov S.E.* «Domus regis» i «familia regis» v rannee Novoe vremja // *Korolevskij dvor v Anglii XV-XVII vekov*. SPb., 2011].

Christine de Pisan. Le livre des faits et bonnes moeurs du roi Charles V le Sage. 2 vols. P., 1936-1940. T. 2.

Christine de Pisan. Le livre du corps de policie. P., 1998.

Lewis A. Royal succession in Capetian France: studies on familial order and the State. Cambridge (Mass.), 1981.

Le Formulaire d'Odart Morchesne dans la version du mss BNF fr. 5024. P., 2005

Autrand Fr. De l'Enfer au Purgatoire: la cour à travers quelques textes français du milieu du XIVe à la fin du XVe siècle // *L'État et les aristocraties* (France, Angleterre, Écosse). P., 1989.

Montebelluna F. de. Tragicum argumentum de miserabili statu regni Francie (1357) // *Annuaire-Bulletin de la Société de l'Histoire de France*. An. 1962-1963. P., 1964.

Basin Th. Histoire de Charles VII. 2 vols. P., 1933-1944. T. 2.

Songe du vergier. 2 vols. P., 1982. T. 1.

О.И.Тогоева

**ЖАННА Д'АРК И ДВОР КАРЛА VII.
ИСТОРИЯ ПРЕДАТЕЛЬСТВА ДЕВЫ
глазами современников и потомков**

Статья посвящена легенде о предательстве, якобы совершенном в отношении Жанны д'Арк в 1431 г., - о «заговоре», составленном Карлом VII и его придворными и приведшем к пленению девушки и ее гибели. В статье подробно рассматривается содержание этой легенды, причины и обстоятельства ее возникновения и особенности развития во французских исторических сочинениях на протяжении XV-XIX вв.

Ключевые слова: история Средних веков, историография, Франция, Жанна д'Арк

Эпопея Жанны д'Арк по праву считается на сегодняшний день одной из наиболее изученных страниц средневековой истории. О жизни и деяниях французской героини сохранилось множество свидетельств, включающих материалы судебных процессов, частную переписку, хронистику, трактаты теологов, финансовые документы, панегирики и прочее. Проблема, однако, заключается в том, что, являясь известным персонажем прошлого, Орлеанская Дева в действительности остается для нас загадкой, поскольку процесс *мифологизации* ее личности начался еще в XV в. и продолжается до сих пор.

Этой мифологизации подверглась буквально вся жизнь французской героини – с момента ее рождения¹ до самой смерти². Какие-то из созданных легенд (о занятиях пастушеством в Домреми³, о чудесной

Ольга Игоревна Тогоева, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Наиболее любопытна, с этой точки зрения, возникшая в начале XVII в. легенда о присутствии при рождении Жанны святой Коветты из Корби, якобы благословившей младенца: *Beaune C. Jeanne d'Arc. Vérités et légendes.* P., 2008. P. 102.

² В данном случае самой распространенной легендой, безусловно, стала история о чудесном спасении Жанны д'Арк с места казни и ее последующем возвращении на политическую сцену под именем Клод дез Армуаз. Подробнее о возникновении данного мифа и его развитии в историографии см.: *Тогоева О.И.* Феномен Клод дез Армуаз и проблема самоидентификации французов XV в. // *Человек XV столетия: грани идентичности.* М., 2007. С. 212-226; *Воззу О.* *Jeanne d'Arc, l'histoire à l'endroit!* Tours, 2008. P. 134-210.

³ Подробно см.: *Райцес В.И.* «Пастушка из Домреми»: генезис и семантика образа // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 1996.* Вып. 1. М., 1997. С. 251-264.

встрече с дофином Карлом в Шиноне¹ или о несгоревшем в пламени костра сердце Жанны²) уже становились предметом специального рассмотрения, другие все еще ждут своего часа. К этим последним, как кажется, относится и *легенда о предательстве*, якобы совершенном в отношении Жанны д'Арк Карлом VII и его ближайшим окружением – о *придворных интригах*, о *заговоре*, составленном королем и его советниками и повлекшим за собой пленение девушки и ее гибель. Анализу этой легенды, обстоятельств ее возникновения и особенностям развития во французских исторических сочинениях и посвящена данная статья.

* * *

Вне всякого сомнения, начало рождению легенды о предательстве было положено в самый момент пленения Жанны д'Арк под Компьнем. Весной 1430 г. в результате неудачных военных действий близ Марньи-сюр-Уаз город оказался осажден бургундскими войсками, прибывшими из-под Клервуа, к которым вскоре присоединился английский гарнизон Венетты. В ходе очередной операции по освобождению города Жанна, явившаяся со своим отрядом на помощь местным жителям, оказалась зажата около крепостного рва, мост через который был поднят, а городские ворота – закрыты. Бургундский лучник стянул Жанну с коня и вынудил ее отдать ему свой меч. Вместе с девушкой были захвачены в плен ее брат Пьер, исповедник Жан Пакерель и оруженосец Жан д'Олон. Это произошло 23 мая 1430 г.

Известие о пленении Жанны д'Арк быстро распространилось во Франции и за ее пределами. Уже 22 июня 1431 г. неизвестный итальянский купец в письме, направленном из Брюгге в Венецию, восклицал: «Пусть Богу будет угодно, чтобы это оказалось неправдой!»³ Даже крайне скептически относившийся к Орлеанской Деве Ангерран де Монстреле, лично присутствовавший при ее передаче герцогу Бургундскому, отмечал, насколько сильное недовольство вызвала данная

¹ Об этой легенде см. прежде всего: *Райцес В.И.* «Свидание в Шиноне». Опыт реконструкции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2003. Вып. 5. М., 2003. С. 42-59; *Bouzy O.* Jeanne d'Arc, les signes au roi et les entrevues de Chinon // *Guerre, pouvoir et noblesse au Moyen Age. Mélanges en l'honneur de Philippe Contamine.* P., 2000. P. 131-138.

² *Beaune C.* Le cœur de Jeanne // *Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Mittelalter.* 2007. Bd. 34. S. 201-206.

³ *E Christo I piaqua I adevogna el contrario, segundo como s'a dito, se questa cosa sia cusy la veritate!* – *Chronique d'Antonio Morosini. Extraits relatifs à l'histoire de France.* 4 vol. P., 1901. T. 3. P. 356.

«потеря» у французов¹. О том, что сторонники Карла VII были искренне огорчены судьбой своей героини, свидетельствовал позднее и Тома Базен, называвший пленение Жанны «неудачным и печальным событием»².

Несмотря на столь единодушные отклики на происшествие в Компьене, авторы первой половины XV в., тем не менее, никак не комментировали *обстоятельства*, приведшие к столь трагическому концу военной карьеры Жанны д'Арк. Лишь после процесса по ее реабилитации, состоявшегося в 1455-1456 гг. и полностью снявшего с девушки обвинения в колдовстве и впадении в ересь, французские хронисты обратились к подробностям ее жизни и, в частности, к событиям 23 мая 1430 г.³ Именно с этого момента, насколько можно судить, в исторических сочинениях начала разрабатываться версия о возможном предательстве, ставшем причиной гибели Жанны, и был названо имя человека, стоявшего за ним – капитана крепости Гийома де Флави, отдавшего приказ о закрытии ворот Компьеня⁴.

Впервые применительно к эпосе Жанны д'Арк де Флави был упомянут Жаном Шартье в его «Хронике», законченной около 1460 г. и завершившей «Большие французские хроники»⁵. Шартье сообщал, что этот «доблестный» (*vaillant*) капитан выступал против намерения Карла VII сдать Компьень войскам герцога Бургундского и удерживал город всеми силами⁶. Причиной, по которой Жанна потерпела неудачу и оказалась в плену, Шартье полагал поломку ее меча, «чудесным образом» найден-

¹ Et lesdiz François rentrèrent en Compiengne, dolans et courroucés de leur perte. Et par especial eurent moult grant desplaisance pour la prise d'ycelle Pucelle. – Chronique d'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400-1444. 6 vols. P., 1857-1862. T. 4. P. 388.

² Eidem Johanne infaustum omen atque infelix valde contigit. Nam, cum certo die cum multis armatis opidum exiens in hostes impetum faceret, ab uno milite Burgundione capta fuit. – *Basin T. Histoire de Charles VII*. T. 1-2. P., 1964. T. 1. P. 152.

³ Об особенностях первых хроник, полностью или частично посвященных Жанне д'Арк см.: *Тогоева О.И.* Жизнь как чудо. Стилистические особенности первых хроник о Жанне д'Арк // Человек читающий: между реальностью и текстом источника. М., 2011. С. 163-175.

⁴ См. о нем краткий биографический очерк: *Hélary X.* Flavy, Guillaume de (v. 1398-9 mars 1449) // *Contamine Ph., Bouzu O., Hélary X.* Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire. P., 2012. P. 712-714.

⁵ Первоначальный вариант хроники был создан Ж. Шартье до 1450 г. и записан на латыни. В нем истории пленения Жанны д'Арк была уделена всего одна фраза: «Город Компьень был осажден англичанами, которые захватили там в плен Деву (*Villa de Compendio ab Anglicis obseditur, qui ibidem Puellam rapuerunt*)» (BN. Nouv. acq. lat. 1796. Fol. 49).

⁶ Et en estoit cappitaine Guillaume de Flavy, lequel semblablement s'i porta vaillamment... Et fut mandé audit Guillaume de Flavy, de par le roy de France, de bailler et délivrer icelle ville audit duc de Bourguongne, de laquelle chose il fut refusant. – *Chartier J.* Chronique de Charles VII, roi de France. 3 vols. P., 1858. T. 1. P. 125.

ного в аббатстве Сент-Катрин-де-Фьербуа, что следовало расценивать как знак свыше к прекращению любых военных операций. Отказавшись покинуть поля сражений, девушка лишилась помощи Господа в своих дальнейших действиях, что и предопределило ее печальный конец¹. Тем не менее упоминание о Гийоме де Флави и особый упор, сделанный на его участии в защите Компьеня, заставляет предположить, что какие-то слухи о его роли в пленении Жанны д'Арк до Ж. Шартье, возможно, доходили, хотя и были им отринуты. На существование подобных слухов совершенно ясно указывал анонимный автор «Компиляции о миссии, победах и пленении Жанны Девы», созданной в Орлеане в самом конце XV в.: «По мнению некоторых, кто-то из французов стал причиной того, что она не смогла спастись. В это легко верится, поскольку [в этом сражении] более не было захвачено в плен или ранено никого выдающегося. Я не хочу сказать, что это – правда, но, как бы там ни было, это стало большой потерей для короля и королевства»². А Матье Томассен, начавший в 1456 г. по приказу дофина Людовика (будущего Людовика XI) составлять свой *Registre delphinal*, и вовсе не сомневался в том, что Жанна «была предана» под Компьенем³.

Как полагал Огюст Валле де Виривиль, подобные замечания французских хронистов могли основываться на устных рассказах очевидцев событий – жителей Компьеня⁴. Существование слухов о виновности Гийома де Флави подтверждал также тот факт, что на процессе, возбужденном против капитана Компьеня в 1444 г. по делу о преднамеренном убийстве маршала Франции Пьера де Рио⁵, королевский прокурор обви-

¹ Et n'est point à doubter que l'espée qu'elle envoya quérir en la chapelle Sainte-Katherine de Fierbois ... ne fut trouvée par miracle, comme ung chascun tenoit, mesmement veu que par le moien d'icelle espée, en paravant qu'elle fust rompue, a fait de beaulx conquestz... Et estoit chose notoire que, depuis que ladite espée fut rompue, ladite Jehanne ne prospéra en armes au prouffit du roy ne autrement, ainssi que par avant avoit fait. – Ibid. P. 122-123.

² *Aulcuns veullent dire que quelqu'ung des Francoys fut cause de l'empeschement qu'elle ne peust retirer, qui est chose facile a croire, car on ne trouve point qu'il n'y eust aucun Francoys, au moins parmi les hommes de non, prins ne blece en ladite barriere. Je ne veulx pas dire qu'il soit vray. Mais quoy qu'il en soit ce fut grand dommaige pour le roy et le royaume.* – *Compilation du manuscrit 518 d'Orléans sur la mission, les victoires et la capture de Jeanne la Pucelle // La Minute française des interrogatoires de Jeanne la Pucelle d'après le Réquisitoire de Jean d'Estivet et les manuscrits de d'Urfé et d'Orléans.* Melun, 1952. P. 55-77, здесь P. 67, (курсив мой. – O.T.).

³ *Laditte Pucelle fut trahie et baillée aux Anglois devant la ville de Compiègne.* – *Quicherat J.* Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. 5 vols. P., 1841-1849. T. 4. P. 312 (курсив мой. – O.T.).

⁴ *Vallet de Viriville A.* Notes bibliographiques sur le *Mirouer des femmes vertueuses* // *Bibliothèque de l'Ecole des Chartes.* 1855. T. 16. P. 551-560.

⁵ В 1441 г. Пьер де Рио умер в тюрьме замка Несль, принадлежавшем Гийому де Флави. В том же году капитан добился прекращения следствия по этому делу, однако данное реше-

нил его в том, что он получил от герцога Бургундского 30 тыс. золотых эку за сдачу города, «учитывая, что он закрыл ворота перед Жанной-Девой»¹.

Важно отметить, что во французских исторических сочинениях XV-XVI вв. получила развитие именно версия о *продаже* Жанны д'Арк бургундцам корыстолюбивым Гийомом де Флави. Ни удачная военная карьера капитана, ни его близость ко двору и личная преданность Карлу VII, позволившие ему сохранить свой пост до самой смерти, ни даже родственные связи с Реньо Шартрским, архиепископом Реймса², и политический альянс с коннетаблем Франции Жоржем Ла Тремуйем – ближайшими королевскими советниками, которые уже в XV в. считались главными недругами Жанны д'Арк³, никак не повлияли на трактовку событий, произошедших в Компьене 23 мая 1430 г. Придворные интриги не рассматривались французскими авторами в качестве возможной причины гибели Орлеанской Девы.

Как представляется, распространению версии о личной выгоде, которую якобы преследовал Гийом де Флави в случае с Жанной д'Арк, способствовали обстоятельства жизни капитана, привлекая внимание современников после его смерти, вернее, после его жестокого убийства: 9 марта 1449 г. де Флави был задушен в замке Несль собственной женой Бланш д'Овербрюк, действовавшей в сговоре с двумя слугами и своим любовником Пьером де Лувеном, за которого впоследствии вышла замуж. Несмотря на известность, которую получило данное преступление, и сопротивление Парижского парламента, 14 ноября 1450 г. Бланш была помилована Карлом VII. Таким

ние было оспорено в 1444 г. королевским прокурором и племянником де Рио, Франсуа, который являлся его наследником и рассчитывал вернуть себе имущество дяди, присвоенное де Флави. Таким образом, был возбужден новый процесс, длившийся с 25 июня 1444 г. по 23 июля 1445 г. Подробнее о нем см.: *Champion P. Guillaume de Flavy, capitaine de Compiègne. Contribution à l'histoire de Jeanne d'Arc et à l'étude de la vie militaire et privée au XVe siècle. P., 1906 (repr.: Genève, 1975). P. 73-76, 209-211, 214-227 (с публикацией материалов следствия); Gauvard C. La violence des nobles // Gauvard C. Violence et ordre public au Moyen Age. P., 2005. P. 245-264, здесь P. 244-245.*

¹ Et n'est a croire que en refusast xxx^m escuz, veu qu'il ferme les portes a Jehanne la Pucelle, par quoy fut prise. Et dit on que pour fermer lesd. portes il ot plusieurs lingotz d'or. – François de Rieux contre Guillaume de Flavy // *Champion P.* Op. cit. P. 225.

² Отец Реньо Шартрского, Гектор, в 1377 г. женился на Бланш де Несль, которая, овдовев, в 1397 г. вышла замуж вторично – за Рауля де Флави, отца Гийома: *Champion P.* Op. cit. P. 4.

³ Так, например, декан Сен-Тибо в Меце прямо заявлял, что в пленении Жанны д'Арк был виновен Жорж Ла Тремуй, завидовавший военным успехам девушки: «Mais ung sires appellé La Tremouille, qui gouvernoit le roy...avoit envie des faicts qu'elle faisoit, et fut coupable de sa prinse». – *Quicherat J.* Op. cit. T. 4. P. 323 (курсив мой. – О.Т.).

образом, в результате процесса пострадала лишь репутация самого Гийома де Флави, который был охарактеризован в судебных документах как настоящий тиран, женившийся на девушке вдвое моложе себя ради ее богатого приданого, постоянно избивавший ее и изменявший ей¹. Собственные преступления капитана (уже упоминавшееся выше убийство маршала де Рио), а также его жесткая манера управления вверенной ему крепостью в не меньшей степени, как представляется, способствовали созданию его крайне негативного образа. Как писал в конце XV в. Жак дю Клерк, де Флави являлся «доблестным воином, но вместе с тем тираном, совершившим больше ужасных преступлений, чем это было возможно: он захватывал молоденьких девушек и, несмотря на все увещания, насиловал их, без всякого снисхождения убивал и топил людей»².

Личные качества капитана Компьеня, а также его страшная смерть и последовавшие за ней кровавые события, в которых оказались замешаны его братья, позволили авторам второй половины XV в. с легкостью примерить де Флави и маску человека, способного на предательство. Не случайно в 1465 г. Жорж Шателен писал, что ужасным концом капитан был обязан «своей порочной жизни»³. На рубеже XV-XVI вв. Алан Бушар, буквально повторяя слова королевского прокурора, сказанные в 1444 г., прямо называл Гийома де Флави «предателем» (*traître Flavy*) и сообщал, что тот «*продал* Деву бургундцам и англичанам, а для того, чтобы достичь своей цели, заставил ее выйти из города и принять участие в сражении»⁴. За это преступление капитан не был отдан под суд, вот почему, по мнению хрониста, «Господь, не желая, чтобы подобный проступок оставался безнаказанным, допустил, чтобы жена де Флави, Бланш д'Овербрюк... задушила его

¹ Материалы этого процесса и последующих тяжб между Бланш и родственниками покойного Гийома де Флави см. в: *Champion P.* Op. cit. P. 238-268.

² *Vaillant homme de guerre, mais le plus tyran et faisant plus de tyrannie et horribles crimes qu'on porroit faire: prendre filles malgré tous ceulx quy en vouloient parler, les violer, faire morir gens sans pitié et les noyer.* – Mémoires de Jacques Duclercq imprimés sur les manuscrits du roi et publiés pour la première fois par Frédéric, baron de Reiffenberg. 4 vols. Bruxelles, 1823. Livre I. Ch. 42. Тот же образ рисовал в своей хронике и Матье д'Эскуши: *Chronique de Mathieu d'Escouchy.* 3 vols. P., 1858-1864. T. 1. P. 146.

³ *Esté digne de mauvaise fin par la perversité de sa vie.* – *Chastellain G.* Le Temple de Boccace. Bern, 1988. P. 72-73.

⁴ *Avoit ja vendue* aus dessudictz Bourgoignons et Anglois la Pucelle, et pour parvenir a ses fins il la pressoit fort de sortir par l'une des portes de la ville, car le siege en estoit pas devant icelle porte. – *Bouchart A.* Grandes Chroniques de Bretagne. T. 2. P., 1986. P. 202 (курсив мой. – O.T.). Первое издание хроники Бушара вышло в 1514 г., и до 1541 г. она переиздавалась еще 5 раз: *Vallet de Viriville A.* Op. cit. P. 551-552.

при помощи его личного цирюльника в то время, когда он спал в собственной постели»¹.

В XVI в. версия о предательстве Жанны д'Арк лично Гийомом де Флави получила дальнейшее развитие. Именно в этот период во Франции стали во множестве публиковаться жизнеописания выдающихся людей прошлого, одной из главных героинь которых часто выступала Орлеанская Дева, чья выдающаяся судьба и трагическая гибель привлекали внимание как писателей, так и читателей². Так, автор анонимного «Зеркала достойных женщин», изданного в Лионе в 1546 г., слово в слово повторял суждения Алана Бушара: капитан крепости заранее договорился с врагами Карла VII о продаже им Девы и лично настоял на том, чтобы она вышла за ворота и приняла бой, исход которого был предрешен³. Появились в этом рассказе и новые детали, в частности, молитва Жанны накануне ее последнего сражения в церкви св. Иакова, после которой она признавалась окружающим ее горожанам, что получила откровение Свыше: отныне она знала, что «предана и продана» и что конец ее близок⁴.

Трактовки эпизода в Компьене А. Бушара придерживался и аббат де Брантом (1540-1614) в своих «Галантных дамах». Следует, правда, отметить, что автора в первую очередь интересовала отнюдь не история Жанны д'Арк, но судьбы тех женщин, которые осмеливались дать отпор своим мужьям-тиранам (*maris-tyrans*). И здесь ему на ум приходил образцовый пример такого поведения – поступок Бланш д'Овербрюк, прощение за который она получила, возможно, прежде всего потому, что отомстила своему супругу за совершенное им предательство, «ставшее причиной пленения и смерти Орлеан-

¹ Et pour ce que par la justice des hommes celui de Flavy ne fut pugny de ce cas, Dieu le Createur, qui ne veult delaisser ung tel cas impugny, permist depuis que la femme d'iceluy de Flavy nommee Blanche d'Auvrebreuch,...le suffoqua et l'estrangla par l'ayde d'un sien barbier alors qu'il estoit couché ou licit. – *Bouchart A.* Op. cit. T. 2. P. 202.

² Подробнее об особенностях трактовки истории Жанны д'Арк в такого рода источниках см.: *Тогоева О.И.* Пастушка, ставшая амазонкой. Образ Жанны д'Арк во французских жизнеописаниях знаменитых людей XVI-XVII вв. // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории.* 2012. Вып. 20. С. 11-36.

³ Mais celui de Flavy avoit fait ceste ordonnance pource que il avoit ia vendu aux desusdiz Bourguignons et Angloys la Pucelle. Et pour parvenir ses fins il la pressoit fort de sortir par l'une des portes de la ville car le siege n'estoit pas devant icelle porte. – *Mirouer des Femmes vertueuses.* 2 éd. P., 1547, без пагинации. Как полагал Огюст Валле де Виривиль, автор «Зеркала» в качестве своего основного источника использовал именно хронику А. Бушара: *Vallet de Viriville A.* Op. cit. P. 551, 554.

⁴ Mes enfans et chers amys ie vous signifie que l'on m'a vendue et trahie, et que de bref seray livree a mort. - *Mirouer des Femmes vertueuses,* без пагинации.

ской Девы»¹. Та же связь между действиями «неверного» (*desloyal*) Гийома де Флави и его ужасной смертью присутствовала и в «Портретах и жизнеописаниях знаменитых людей» 1584 г. Андре Теве. Однако в рассказ об убийстве, совершенном Бланш «из-за плохого обращения с ней мужа», автор также включил выдуманный, вероятно, эпизод внезапной гибели на поле боя брата капитана, Луи де Флави, – смерти, насланной Господом в качестве дополнительного наказания «предателя»².

Любопытно при этом отметить, что практически одновременно с версией об особой роли, которую сыграл Гийом де Флави в пленении Жанны д'Арк, во Франции начала набирать силу и несколько иная трактовка событий. Впервые, насколько можно судить, она возникла еще в хрониках второй половины XV в., авторы которых особо отмечали раздражение капитанов французского войска, вызванное военными успехами Жанны, и указывали на их *зависть* как на основную причину ее провала под Компьенем. «И с тех пор многие говорили и утверждали, – писал анонимный создатель «Хроники Турне», – что из-за зависти французских капитанов и из-за симпатии, которую испытывали некоторые члены королевского совета к Филиппу Бургундскому и Жану Люксембургскому, Жанну д'Арк приговорили к смерти на костре»³. Ему вторил автор «Хроники Лотарингии», ошибочно относивший момент пленения Девы к битве за Руан, но также считавший, что причиной ее гибели стало отношение к ней «некоторых военных»⁴. Как отмечает Колетт Бон, подобные чувства окружавших Деву военных были вполне естественны: с ее появлением любая удачная операция французов почти автоматически становилась ее личной заслугой, усилия же всех прочих отходили в тень⁵.

¹ Ainsi que fit Blanche d'Auverbruckt à son mary le sieur de Flavy, capitaine de Compiègne et gouverneur, qui trahit et fut la cause de la perte et de la mort de la Pucelle d'Orléans. Et cette dame Blanche...l'estouffa et l'estrangla, dont le roy Charles septième lui en donna aussitost sa grace; à quoy aussi ayda bien la trahison du mary pour l'obtenir, possible plus que tout autre chose. – *Brantôme*. Les Dames galantes. P., 1962. P. 52.

² Flavy par voyes illusoires trouva moyen d'eschaper la iustice, mais Dieu, *vengeant sa trahison*, soudain apres la prise de Ieanne luy osta Louys de Flavy son frere par le moyen d'un coup de boulet; et quant au traire, sa mort luy fut avancée par Blanche Danurebruch, sa femme, qui pour le mauvais traitement, qu'il luy faisoit, le suffoqua et estrangla par l'ayde de son barbier, lors qu'il estoit couché au lect. – *Thevet A.* Les vrais pourtraits et vies des hommes illustres. P., 1584. P. 281 (курсив мой. – *O.T.*).

³ Et depuis dirent et affermerent plusieurs que, par le envie des capitaines de France, avec la faveur que aucuns du conseil du roi avoient à Philippe duc de Bourgogne et à messire Jean de Luxembourg, on trouva couleur de faire morir laditte Pucelle par feu. – *Chronique de Tournai // Corpus Chronicorum Flandriae*. Bruxelles, 1856. P. 417.

⁴ D'autres disoient qu'aucuns de l'armée l'avoient fait mourir, pour cause qu'elle attribuoit tous ses honneurs des faicts d'armes à elle. – *Quicherat J.* Op. cit. T. 4. P. 338.

⁵ *Beaune C.* Jeanne d'Arc. Vérités et légendes. P. 128-129.

Не случайно пленение Жанны под Компьнем и позднее часто объяснялось именно завистью прочих королевских военачальников. Так, в чрезвычайно популярных в этот период «Анналах и хрониках» Николя Жиля¹ назывались сразу две возможные причины постигшей девушку неудачи. «Кое-кто говорит», замечал автор, что давка на мосту через крепостной ров была столь велика, что девушка просто не смогла вернуться в город². Однако есть и «другие» – считающие, что ворота Компьня были закрыты специально – «по приказу некоторых французских капитанов, завидовавших военным успехам Жанны и ее славе»³.

Версия предательства, совершенного по отношению к Орлеанской Деве ее ближайшими соратниками, продолжила свое существование и позднее. Любопытно, однако, отметить, что в ряде случаев она оказалась совмещена с версией о предательстве Гийома де Флави. Так, Франсуа де Мезере в созданной по заказу кардинала Ришелье в 1646 г. «Истории Франции» писал, что капитан Компьня предал Жанну из зависти к тому доверию, которое она вызывала в войсках⁴. Луи Ле Жандр в «Новой истории Франции» 1719 г. заявлял, что де Флави действовал «по злему умыслу или безрассудно»⁵. Франсуа Гайо де Питаваль полагал, что Дева оказалась в плену потому, что «кто-то» закрыл перед ней ворота города, хотя сама она и предвидела такое развитие событий и предсказала, что ее предадут⁶. Поступок «этого француза» автор называл «черным вероломством» в отношении героини, которая спасла Францию от, казалось бы,

¹ Сочинение Н. Жиля выдержало 22 издания в XVI – начале XVII в.: *Lanéry d'Arc P. Livre d'or de Jeanne d'Arc. Bibliographie raisonnée et analytique des ouvrages relatifs à Jeanne d'Arc*. P., 1894. № 73; *Huppert G. The Idea of Perfect History. Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France*. Chicago, L., 1970. P. 12-13.

² *Disoyent aucuns qu'à ladictre retraicte la presse estoit si grande à la porte, qu'elle n'estoit peu entrer.* - *Gilles N. Les Annales et croniques de France*. P., 1553. Fol. 78v-79.

³ *Les autres disoyent que les barrières luy avoyent esté fermées à l'appetit d'aucuns des Capitaines François, qui estoient desplaisans de ce que de tout ce qui se faisoit es guerres, la gloire estoit attribuee à ladictre Jehanne.* – Ibidem. Fol. 79 (курсив мой. – О.Т.).

⁴ *Elle trouva la barrière fermée par la trahison de Guillaume Flavy Gouverneur de la Ville, qui supportoit impatiemment de ce qu'elle avoit plus de credit que luy parmi les gens de guerre.* – *Mezeray F.E. de. Histoire de France depuis Faramond jusqu'au règne de Louis le juste*. 3 vols. P., 1685. T. 2. P. 617.

⁵ *Le Gouverneur nommé Flavi, par malice ou par imprudence, aiant fait fermer la barrière trop tost.* – *Le Gendre L. Nouvelle histoire de France, depuis le commencement de la Monarchie, jusques à la mort de Louis XIII*. T. 1-8. P., 1719. T. 4. P. 14.

⁶ *La garnison fut à peine rentrée, que sans l'attendre on ferma la barrière, de sorte qu'elle fut obligée de se rendre à Lionnet Batard de Vendôme... Elle avoit pressenti son infortune, et avoit dit, en sortant de la Ville, je suis trahie.* – *Gayot de Pitaval F. Causes célèbres et intéressantes, avec les jugements qui les ont décidées*. P., 1739-1754. T. 21. P. 39. В этом пассаже Ф. Гайо де Питаваль следовал традиции «Зеркала достойных женщин» (см. выше прим. 29).

неминуемой гибели¹. Точно так же описывал события, произошедшие в Компьене, и Жан-Зоробабель Обле де Мобуи², считавший, что французы виновны в гибели Жанны д'Арк в не меньшей степени, нежели англичане. И хотя предательство капитана и «не было доказано», его поступок был чем-то большим нежели простое проявление «недоброжелательства»³.

Последнее замечание Ж.-З. Обле де Мобуи представляется весьма показательным, поскольку оно свидетельствовало о совершенно определенной смене парадигмы, в рамках которой прочитывался отныне эпизод в Компьене. Возникшие у авторов XVIII в. сомнения в постоянно воспроизводимой на протяжении трех веков версии событий были следствием происходившего в этот период постепенного перехода к *рационалистическим* принципам историописания, что нашло свое отражение в том числе и в интерпретации эпопеи Жанны д'Арк. История с предательством, якобы совершенном Гийомом де Флави, была раскритикована и отвергнута за недоказанность. Характерным примером такого отношения к давней легенде стало сочинение Николя Лангле Дюфренуа «История Жанны д'Арк, девственницы, героини и мученицы за страну», увидевшее свет в 1753-1754 гг.

Посвятив событиям 23 мая 1430 г. отдельную главу своего труда, Лангле Дюфренуа подробно остановился на всех возможных причинах неудачи, постигшей его героиню. Он отмечал, что, по мнению «некоторых историков», захват Жанны в плен стал следствием заговора Гийома де Флави с другими капитанами: все они завидовали ее военным успехам и полагали, что победа под Компьенем (если таковая случится) будет также приписана исключительно усилиям Девы, «как уже произошло под Орлеаном»⁴. За свое преступление,

¹ Comment croira-t'on qu'une personne... qui avoit delivré Orléans, on peut dire miraculeusement sauvé la France sur le penchant inévitable de sa ruine, ait été par la plus noire perfidie abandonnée, et livrée à l'ennemi, par le François même? – *Gayot de Pitaval F.* Op. cit. P. 39-40.

² Jeanne demeura à la queue pour favoriser la retraite... mais lorsqu'elle se présenta, elle trouva la porte fermée. Elle se battit avec un nouveau courage, ne s'attendant guères cependant qu'on viendroit à son secours; car en sortant de la place, soit qu'elle eût vu, entendu quelque chose, elle s'étoit écriée: *je suis trahie*. – *Aublet de Maubuy J.-Z.* Les vies des femmes illustres de la France. P., 1762. T. 1. P. 26.

³ Les François ayent eu autant part à la perte de la Pucelle que les Anglois; car quoique la trahison de Gouverneur *ne soit pas bien averée*, néanmoins il est certain qu'il y eut plus que de la mauvaise volonté. – *Ibid.* P. 27 (курсив мой. – *O.T.*).

⁴ Quelques Historiens prétendent que Guillaume de Flavi gouverneur de Compiegne, avec quelques autres Officiers, jaloux de cette Héroïne, convinrent ensemble de la faire prendre; de peur sans doute que si le siège de Compiegne étoit levé, la gloire en rejaillit sur elle, comme la réussite de celui d'Orléans. – *Lenglet Dufresnoy N.* Histoire de Jeanne d'Arc, vierge, héroïne et martyre d'Etat. P., Orléans, 1753-1754. P. 130.

продолжал Лангле Дюфрену, де Флави не подвергся судебному преследованию, однако был наказан собственной женой, убившей его и получившей за это королевское прощение на том основании, что она «полностью доказала» виновность своего мужа в гибели Жанны д'Арк¹. Таким образом, в сочинении Лангле Дюфрену все существовавшие ранее варианты данного сюжета оказались сведены воедино. Это, однако, не означало, что сам автор верил в них: напротив, ссылаясь на показания Жанны на обвинительном процессе 1431 г., он замечал, что источники не подтверждают историю предательства Гийома де Флави и что главными виновниками гибели девушки следует считать бургундцев и англичан, перекрывших ей дорогу к воротам Компьеня².

Сомнения в виновности де Флави высказывал и Филипп-Александр Ле Брюн де Шарметт, в 1817 г. издавший четырехтомную «Историю Жанны д'Арк». Он, как и Н. Лангле Дюфрену, приводил в своем труде все высказывавшиеся ранее объяснения трагического конца Орлеанской Девы³ и подробно останавливался на версии предательства Гийома де Флави, отмечая, что «эта проблема – одна из тех, что в изобилии имеются в эпопее французской героини»⁴. К сожалению, писал далее Ле Брюн де Шарметт, у нас отсутствуют документальные свидетельства, подтверждающие подобное развитие событий: в частности, о возможном участии в своей судьбе де Флави ничего не говорила сама Жанна⁵. Вместе с тем *репутация* капитана Компьеня, известная по текстам XV в., – и здесь Ле Брюн ссылаясь на «Воспоминания» Жака дю Клерка⁶ – заставляет предположить, что он вполне мог испытывать к Жанне негативные чувства: его грубое обращение с женщинами и, в частности, с собственной женой должны были

¹ Flavi fut depuis poursuivi pour cette démarche, mais il n'évita la punition que faute de preuves... Il en reçut la peine de la part de sa propre femme, ... qui le fit mourir; crime dont cette femme reçut l'abolition, après avoir suffisamment prouvé que son mari avoit résolu la mort de cette vertueuse Fille, et qu'il avoit promis au sieur de Luxembourg de la lui livrer. – Ibid. P. 130-131.

² Convention, qui selon la déposition de la Pucelle, ne paroît gueres probable... Ce furent les Anglois et les Bourguignons, qui l'ayant coupée l'empêcherent de rentrer dans la ville. – Ibid. P. 131.

³ *Le Brun de Charmettes Ph.-A.* Histoire de Jeanne d'Arc, surnommée la Pucelle d'Orléans. 4 vols. P., 1817. T. 3. P. 130-131.

⁴ La part que put avoir Guillaume de Flavy au malheur de la Pucelle, est un de ces problèmes dont abonde l'histoire de cette héroïne. – Ibid. P. 137.

⁵ Dans tout le cours de ses interrogatoires, Jeanne d'Arc, parlant devant des ennemis de la France, se montre attentive à ne rien dire qui puisse nuire à la gloire de son patrie. – Ibid. P. 138.

⁶ Ibid. P. 140-141. См. прим. 21.

вызвать отвращение Девы, славившейся своим целомудрием¹. Таким образом, по мнению автора, предательство, совершенное де Флави по отношению к девушке, являлось недоказанным, хотя и вполне возможным².

Сочинение Ф.-А. Ле Брюн де Шарметта стало, насколько можно судить, последним, где в качестве возможной причины провала под Компьенем и гибели Жанны д'Арк упоминалось предательство Гийома де Флави. Одновременно с возникновением сомнений в подобном развитии событий в XVIII в. появилась их новая версия. Отныне неудачу французской героини и ее гибель связывали с тем обстоятельством, что после коронации Карла VII в Реймсе ее миссия должна была быть завершена. Продолжившая сражаться Жанна навлекла на себя гнев Господа, который отвернулся от своей избранницы, однако произошло это не потому, что она не увидела данного ей чудесного знака (как полагал в XV в. Жан Шартье³), но потому, что в войске ее *насильно удержали король и его придворные*. Данная версия присутствовала в сочинениях Жан-Клода Фабра и Клод-Пьера Гуже⁴, Огюстена Кальме⁵, Пьера Барраля⁶. Наиболее четко она была изложена аббатом Мило: «Полагая свою миссию завершенной (после коронации. – *О.Т.*), она пожелала покинуть [двор]. Приказы короля и просьбы сеньоров удержали ее. Но силы небесные, как кажется, в тот же момент оставили ее»⁷.

Важнейшее значение для развития идеи о *личном* участии Карла VII и его ближайшего окружения в трагической судьбе Жанны д'Арк имели, как представляется, труды Вольтера, исторические выкладки которого оказали огромное влияние на прочтение эпопеи французской героини

¹ Un pareil homme devait exciter par sa conduite l'indignation de la chaste Jeanne d'Arc. – Ibid. P. 141. Любопытно при этом отметить, что в 1431 г., когда Гийом де Флави познакомился с Жанной д'Арк, он еще не был женат на Бланш д'Овербрюк, их свадьба состоялась лишь в 1436 г.: *Champion P.* Op. cit. P. 82.

² Concluons de tout ce que nous venons de dire, qu'il n'est pas prouvé que Guillaume de Flavy eût trahie la Pucelle; mais que la fausseté, encore moins l'impossibilité de ce crime, n'est pas non plus, à beaucoup près, démontrée. – *Le Brun de Charmettes Ph.-A.* Op. cit. P. 142.

³ См. прим. 13.

⁴ *Fabre J.-C., Goujet C.-P.* Histoire ecclésiastique // Fleury C. Histoire ecclésiastique. P., 1720. T. 21. P. 650-651.

⁵ *Calmet A.* Bibliothèque lorraine, ou Histoire des hommes illustres qui ont fleuri en Lorraine. Nancy, 1751. Col. 57.

⁶ *Barral P.* Dictionnaire historique, littéraire et critique, contenant une idée abrégée de la Vie et des Ouvrages des Hommes Illustres en tout genre, de tout tems et de tout pays. P., 1758. P. 200.

⁷ Alors, croyant sa mission accomplie, elle voulut se retirer. Les ordres du roi et les instances des seigneurs la retinrent... Mais le ciel parut l'abandonner tout à coup. – [*Millot, abbé*]. *Elémens de l'Histoire de France*. P., 1770. P. 246-247.

как в XVIII, так и в XIX вв.¹ Уже в самом первом произведении великого философа, где упоминалась Орлеанская Дева, – поэме «Генриада» 1723 г. – присутствовало *противопоставление* властей предержавших и простой девушки-крестьянки, собственные идеи которой изменили их замыслы². Здесь же впервые прозвучала мысль, получившая затем развитие во всех прочих сочинениях Вольтера, о *сознательном использовании* Жанны советниками Карла VII³ в своих политических целях. Именно благодаря им, говорилось в «Эссе о нравах» (1765-1769 гг.), девушка появилась при королевском дворе, где было принято решение выдать ее за боговдохновенную провидицу, дабы усилить позиции Карла VII⁴. Еще более жестко противопоставление «деревни», где выросла Жанна д'Арк, и «двора», где воспитывались также прославившиеся военными подвигами Маргарита Анжуйская и графиня де Монфор, проводилось в «Вопросах об 'Энциклопедии'» 1770-1772 гг. Здесь Вольтер прямо заявлял, что покинуть ради сражений придворную роскошь всегда было сложнее, нежели оставить трудности крестьянской жизни⁵. И если в случае упоминавшихся выше знатных дам речь шла о самостоятельно принятом решении, то в случае Жанны следовало понимать, что ее просто использовали, превратив из обычной служанки в таверне в «пастушку», способную, как и библейские «пастухи», получать откровения свыше⁶.

¹ Jeanné E. L'image de la Pucelle d'Orléans dans la littérature historique française depuis Voltaire. Liège, 1935. P. 48; Vercryusse J. Introduction // Voltaire. La pucelle d'Orléans. Genève, 1970. P. 13-250; Vercryusse J. Jeanne d'Arc au siècle des Lumières // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 1972. T. 90. P. 1659-1729; Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P., 1993. P. 33-34.

² N'est-ce pas un prodige de voir que les idées, d'une pauvre fille sans talents et sans expérience, renversent les desseins les mieux concertés de ces hommes prudents, et même si bien établis dans le Royaume? – Voltaire. La Henriade. S. I. 174-. P. 318.

³ Servante d'hôtellerie, née au village de Domremy sur Meuse, qui se trouvant une force de corps, et une hardiesse au-dessus de son sexe, fut employée par le comte de Dunois pour rétablir les affaires de Charles VII – [Voltaire]. La Ligue ou Henry Le Grand, poème epique. Genève, 1723. P. 98.

⁴ On la mena devant le roi à Bourges; elle fut examinée par des femmes, qui ne manquèrent pas de la trouver vierge; et par une partie des docteurs de l'université, et quelques conseillers du parlement, qui ne balancèrent pas à la déclarer inspirée. – Voltaire. Essais sur les moeurs et l'esprit des nations. Neuchatel, 1773. P. 35-36.

⁵ Les exploits de Jeanne d'Arc, si connue sous le nom de la Pucelle d'Orléans, sont moins étonnants que ceux de Marguerite d'Anjou et de la comtesse de Montfort. Ces deux princesses ayants été élevées dans la mollesse des cours et Jeanne d'Arc dans le rude exercice des travaux de la campagne, il était plus singulier et plus beau de quitter sa cour que sa chaumière pour les combats. – Voltaire. Questions sur l'Encyclopédie // Voltaire. Oeuvres. T. 38. P., 1792. P. 190-191.

⁶ Une grande preuve que les capitaines de Charles VII employaient le merveilleux pour encourager les soldats dans l'état déplorable où la France était réduite, c'est que Santrailles avait son berger, comme le comte de Dunois avait sa bergère. Ce berger faisait ses prédictions d'un coté, tandis que la bergère les faisait de l'autre. – Ibid. P. 498-499.

Несмотря на то, что сам Вольтер никогда не писал о предательстве, якобы совершенном в отношении Орлеанской Девы Карлом VII и его двором, именно в его произведениях впервые была четко обозначена дихотомия «Жанна/королевское окружение», которая получила дальнейшее развитие уже в начале XIX в.

Так, Франсуа Рене де Шатобриан (1768-1848) отмечал в своей «Истории Франции», что после коронации Карла в Реймсе Жанна пожелала возвратиться в родную деревню и «охранять стада своего отца», но ее «удержали» от этого шага¹. У Жан-Шарль-Леонара Симонда де Сисмонди, первым из республиканских историков заговорившим о «народном» духе и происхождении Девы, сюжет с ее возможным предательством властями предержавшими получил некоторые уточнения. По мнению этого автора, желание Жанны вернуться домой сразу же после коронации Карла VII, поддержанное ее отцом и дядей², натолкнулось прежде всего на сопротивление капитанов королевского войска, которые изначально руководили всеми ее действиями (здесь в позиции Сисмонди наблюдалось явное влияние исторических выкладок Вольтера)³ и которые рассматривали девушку как своего рода талисман для поднятия боевого духа своих солдат⁴. Жанна уступила их просьбе, но с тех пор не была уверена ни в истинном характере своей миссии, ни в посещавших ее откровениях⁵. Ее сомнения в собственной избранности еще более возросли после того, как сломался меч, найденный в Сент-Катрин-де-Фьербуа: она вновь решила покинуть поля сражений, но капитаны королевского войска вновь удержали ее⁶. В то же самое время Карл VII полностью лишил девушку военной помощи, и ее окружали

¹ Lorsqu'elle eut conduit Charles VII à Reims, et l'eut fait sacrer, elle voulut retourner garder les troupeaux de son père; on la retint. – *Chateaubriand. Analyse raisonnée de l'histoire de France // Chateaubriand. Oeuvres complètes.* P., 1876. T. 8. P. 3-396, здесь P. 258.

² Son père et son oncle étoient venus à Reims pour partager sa gloire, et ils augmentoient son désir de rentrer dans sa famille. – *Simonde de Sismondi J.-C.-L. Histoire des Français.* P., 1831. P. 144-145.

³ Ibid. P. 123, 129.

⁴ Mais les capitaines de Charles VII... avoient reconnu qu'elle étoit leur plus puissant auxiliaire, par l'effet qu'elle produisoit sur les soldats, sur le peuple et sur les ennemis... Ils mettoient donc la plus haute importance à la conserver avec eux. – Ibid. P. 145).

⁵ Sur leurs instantes prières elle consentit à rester encore à l'armée; et dès-lors elle montra le même courage dans les combats, la même constance dans les douleurs...mais non la même persuasion de sa mission divine, ou la même foi dans ses inspirations. – Ibid.

⁶ Celle-ci avoit voulu de nouveau abandonner la vie militaire: l'épée qu'elle avoit fait chercher à l'église de Fierbois s'étoit cassée entre ses mains... Les généraux, qui ne vouloient point renoncer à l'influence qu'elle exerçoit sur les soldats et sur le peuple, l'engagèrent par leurs instances à rester encore avec eux. – Ibid. P. 157-158.

лишь отряды «разбойников», которые ей совершенно не подчинились¹. В подобной ситуации, утратив веру в собственное предназначение и тот «религиозный энтузиазм», который всегда ее поддерживал, Жанна, по мнению Сисмонди, была практически обречена на провал²: никто не защитил ее в последнем сражении у Компьеня, никто не пришел ей на помощь у закрытых ворот города³. Карл VII не предпринял никаких шагов по спасению Девы из английского плена, чем оттолкнул от себя своих подданных, посчитавших, что у их правителя «отсутствует чувство патриотизма»⁴. Таким образом, именно у Сисмонди впервые, насколько можно судить, возникла тема *предательства*, совершенного по отношению к Жанне д'Арк не только ее военными компаньонами, но и *самим королем*.

В том же ключе, как представляется, рассматривал судьбу французской героини и Теофил Лавалле, опубликовавший в 1830-1840 гг. свою «Историю французов». Он писал, что победой над англичанами король был обязан исключительно простому народу, во главе которого стояла Жанна д'Арк: «Они желали спасти его, *вопреки ему самому*»⁵. Как и Сисмонди, Лавалле полагал, что после коронации Карла девушка мечтала вернуться домой, однако ни король, ни его капитаны не разрешили ей покинуть войско, боясь, что без нее война не будет столь успешной⁶. Жанна продолжила сражаться, но противоречие между ее собственными убеждениями и королевской просьбой сделало ее «тревожной и нерешительной», она утратила веру в себя⁷. Когда же она попала в плен, народ обвинил ее военных соратников

¹ Cependant celui-ci... n'y envoya pas même un des princes du sang ou quelqu'un des grands seigneurs de sa cour, et ne permit point au connétable de s'y rendre. La Pucelle s'y trouva donc associée uniquement avec des aventuriers brutaux, mal pourvus d'argent ou de munitions, et qui ne vouloient se soumettre à aucune discipline. – Ibid. P. 159.

² Ne se croyant plus inspirée, n'étant plus soutenue par son enthousiasme religieux, elle n'en continua pas moins à donner l'exemple de la bravoure dans des combats sans gloire. – Ibid.

³ Aucuns de ses compagnons d'armes ne l'avoit protégée dans sa retraite, aucun ne veilleoit à la porte, ou ne s'avança pour la défendre dans cette dernière extrémité. – Ibid. P. 160.

⁴ Quand enfin elle fut faite prisonnière sans que le roi fit aucun sacrifice pour la racheter...un profond découragement s'empara de tous les coeurs: les Français sentirent qu'il n'y avoit plus de monarchie, plus de patrie en quelque sorte, puisque le représentant de l'une et de l'autre n'avoit plus de sentiment français. – Ibid. P. 163-164.

⁵ Dans l'opinion populaire, le roi était la personnification de la patrie...on voulait le sauver *malgré lui*. – *Lavallée Th. Histoire des Français depuis le temps des Gaulois jusqu'en 1830. P., 1847. P. 117 (курсив мой. – O.T.)*.

⁶ Mais Charles et ses capitaines mettaient la plus haute importance à conserver la héroïne qui excitait tant d'enthousiasme parmi leurs soldats: on refusa de la laisser partir. – Ibid. P. 121.

⁷ Dès lors elle n'eut plus la même foi en elle-même, et, en gardant toute son intrépidité, toute sa piété, tout son dévouement, elle se sentit inquiète et irrésolue. – Ibid.

в предательстве¹. Поведение Карла VII также вызвало всеобщее возмущение, ибо он не сделал ничего, чтобы спасти Деву от неминуемой смерти: «Инструмент, которым он воспользовался и о котором тут же позабыл! Несчастливая крестьянка, о которой он едва помнил в объятиях куртизанки и которую беззаботно позволил сжечь! [Несчастный] народ, который принес себя в жертву неблагодарному и заносчивому королевству!»²

Схожим образом описывал положение Жанны д'Арк при дворе и Жюль Мишле, полагавший, что все без исключения королевские придворные «не желали ее и не поддерживали»³. Именно поэтому, с точки зрения историка, Карл VII не предпринял никаких шагов по спасению своей соратницы, хотя и располагал для этого всеми возможностями и «мог защитить ее»⁴.

Наиболее подробно, однако, тема предательства, совершенного в отношении Девы французским королем и его двором, оказалась разработана у Жюль Кишра, который не просто изначально был уверен в данной гипотезе, но и смог, как ему представлялось, найти ей неопровержимые доказательства в источниках по эпопее Жанны д'Арк. Занятый с весны 1840 г. подготовкой к изданию материалов процессов 1431 и 1455-1456 гг., а также всех доступных ему на тот момент хроник и документов, касавшихся истории Девы⁵, Кишра в 1845 г. опубликовал в «Библиотеке Школы Хартий» не известный до тех пор ни специалистам, ни рядовым читателям текст «Хроники» Персеваля де Каньи, приближенного герцога Алансонского и, возможно, непосредственного участника многих событий 1429-1431 гг.⁶

Именно его рассказ о Жанне лег в основу теории Кишра, поскольку недвусмысленно давал понять, насколько устремления девушки проти-

¹ Le peuple... accusa les compagnons de la Pucelle de l'avoir abandonnée et trahie. – Ibid. P. 124.

² Instrument dont on s'était servi et qu'on avait oublié déjà! pauvre paysanne dont à peine on se souvenait dans les bras d'une courtisane, et qu'on laissait brûler sans souci! peuple qui se sacrifiait pour la royauté ingrate et dédaigneuse! – Ibid. P. 128.

³ Mal voulue, mal soutenue, la Pucelle fit pendant l'hiver les sièges de Saint-Pierre-le-Moustier et de la Charité. – *Michelet J. Jeanne d'Arc et autres textes*. P., 1974. P. 83.

⁴ Tandis que les Anglais agissaient si vivement pour perdre la Pucelle, Charles VII agissait-il pour la sauver? En rien, ce semble; il avait pourtant des prisonniers entre ses mains; il pouvait la protéger, en menaçant de représailles. – Ibid. P. 100-101.

⁵ Подробнее см.: *Contamine Ph. Jules Quicherat, historien de Jeanne d'Arc // Contamine Ph. De Jeanne d'Arc aux guerres d'Italie: figures, images et problèmes du XVe siècle*. Orléans-Caen, 1994. P. 179-191.

⁶ *Quicherat J. Histoire de Jeanne d'Arc, d'après une chronique inédite du quinzième siècle // Bibliothèque de l'École des Chartes*. 1845. T. 2. P. 143-171.

воречили желаниям и целям Карла VII и его советников. Ее главной задачей де Каньи полагал не только коронацию Карла, но и освобождение от захватчиков *всего* королевства¹. Вот почему после визита в Реймс Жанна начала готовить поход на Париж – однако сам король был против такого развития событий: «Казалось, что ему советовали обратное желаниям Девы, герцога Алансонского и других [людей] из их окружения»². Точно так же после неудачного штурма столицы король – против воли Жанны – приказал войскам отходить в Сен-Дени, что вызвало у девушки и ее окружения «большое огорчение»³. Именно в этот момент, по мнению Персевяля де Каньи, «желания Девы и королевской армии разошлись»⁴. Тогда же Карла VII покинул и герцог Алансонский, попытавшийся было испросить у короля дозволения забрать Жанну с собой в Нормандию, объясняя свое желание тем обстоятельством, что иначе к его войску не присоединятся свежие силы. Однако подобное решение противоречило мнению ближайшего окружения Карла – Реньо Шартрского, Жоржа де Ла Тремуйя и Рауля де Гокура, по поводу чего де Каньи замечал: «Она совершала невообразимые поступки... и, можно сказать, совершила бы еще больше, *если бы король и его совет хорошо относились к ней*»⁵.

В отличие от многих своих современников, де Каньи не связывал пленение Жанны под Компьенем с возможным предательством Гийома де Флави. Для него подобный исход стал всего лишь логичным следствием полного непонимания, существовавшего между девушкой и двором Карла VII. По мнению хрониста, и в сам Компьень его героиня отправилась лишь потому, что была крайне недовольна отношением к себе членов королевского совета⁶. Однако там удача полностью покинула ее, поскольку ей – лишенной всякой поддержки – перестали верить даже простые солдаты⁷. Наконец, завершая свой рассказ о Жанне д'Арк, Персеваль де Каньи весьма жестко оценивал поведение Карла VII после смерти его соратницы: критикуя французского правителя за мирные переговоры с бургундцами,

¹ La Pucelle avoit intencion de remettre le roy en sa seigneurie et son royaume en son obeissance. – Chroniques de Perceval de Cagny. P., 1902. P. 160.

² Et sembloit que il fust conseillé au contraire du vouloir de la Pucelle, du duc d'Alancon et de ceulx de leur compaignie. – Ibid. P. 165.

³ La Pucelle et le plus de ceulx de la compaignie en furent tres marriz et neantmoins obeirent à la volenté du roy. – Ibid. P. 169.

⁴ Ei ainssi fut le vouloir de la Pucelle et l'armée du roy rompue. – Ibid. P. 170.

⁵ Elle fist choses increables à ceulx qui ne l'avoient veu, et peult on dire que encore eust fait, *se le roy et son conseil se fussent bien conduiz et maintenuz vers elle*. – Ibid. P. 171 (курсив мой. – О.Т.).

⁶ La Pucelle, tres mal contente des gens du conseil du roy sur le fait de la guerre, partit de devers le roy et s'en ala en la ville de Compiagne. – Ibid. P. 172.

⁷ Pour chose qu'elle dist, ses gens ne la voudrent croire. – Ibid. P. 175.

хронист замечал, что королю «больше нравится раздаривать свои земли и имущество, нежели надевать доспехи и сражаться на войне»¹.

С точки зрения Жюлья Кишра, хроника Персеваля де Каньи представляла собой главное доказательство того, что Жанна д'Арк была предана – предана своим королем и его придворными, которые не смогли (или не захотели) по достоинству оценить ее помощь². Именно отношение Карла VII к спасительнице Франции стало, по мнению историка, главной причиной всех неудач, постигших девушку. Публикуя текст де Каньи, Кишра призвал пересмотреть всю эпопею Орлеанской Девы и внести в ее трактовку соответствующие изменения, поскольку, замечал он, французская героиня боролась не только с англичанами, но и с *внутренним врагом* – «абсурдным и гнусным *правительством*, ради которого она совершила свои чудеса»³.

Подобная интерпретация событий была подхвачена и развита в работах Анри Мартена. Заслугой этого либерального историка следует, безусловно, признать популяризацию эпопеи Жанны д'Арк: его «История Франции», впервые увидевшая свет в 1833 г., публиковалась затем вплоть до 1855 г. В 1857 г. вышло отдельное издание главы, посвященной Орлеанской Деве, в том же году последовало еще пять переизданий, которые затем появлялись регулярно с 1864 по 1880 г. и завершились иллюстрированным томом 1885 г.⁴ Разделяя, вслед за Мишле и Кишра, «элиту» общества, к которой принадлежали король и его придворные, и «простой народ», из которого вышла Жанна д'Арк, в этом противостоянии историк видел главную причину предательства Карла VII⁵. Именно «заговор» королевских советников против девушки, по мнению Мартена, вынудил эту последнюю покинуть двор после неудачного штурма Парижа⁶. Именно этот «заговор» привел и к ее гибели, в чем простые

¹ Pour demourer en paix, le roy monstra bien que il en avoit tres grant vouloir et ayma mieulx à donner ses heritaiges de la couronne et de ses meubles tres largement, que soy armer et soustenir les fais de la guerre. – Ibid. P. 206.

² Parti pris autour de Charles VII de contrecarrer et d'entraver à tout propos la pauvre Jeanne. – *Quicherat J.* Histoire de Jeanne d'Arc, d'après une chronique inédite. P. 146.

³ Resistance de l'absurde et odieux *gouvernement* en faveur duquel elle vint accomplir des miracles. – Ibid. (курсив мой. – О.Т.). Насколько можно судить, идеи Ж. Кишра и оценка, данная им «Хронике» Персеваля де Каньи, до сих пор актуальны для французской историографии: *Contamine Ph.* Cagny, Perceval de // *Contamine Ph., Bouzy O., Héлары X.* Op. cit. P. 589-590.

⁴ *Krumeich G.* Op. cit. P. 117-118.

⁵ Le complot impie avait réussi. Le roi, le favori, l'archevêque de Reims étaient parvenus à repousser la main de la Providence et à faire manquer la mission de Jeanne. – *Martin H.* Jeanne Darc. P., 1857. P. 144.

⁶ Ce fut alors, et non point après le sacre, que Jeanne, sentant l'oeuvre de Dieu faillir par l'ingratitude et l'impiété des hommes, voulut se séparer du roi. – Ibid. P. 145.

люди открыто обвиняли власти предержажие¹. Вместе с тем, вслед за Жюлем Кишра, Мартен часть ответственности возлагал и на самого короля: «Мы обвиняем Карла VII в заговоре против своего королевства... [составленном] в 1429 г., когда Провидение послало ему в помощь небывалую мощь, которая увлекла к сражениям и победам солдат, народ, юных отпрысков знати. Мы обвиняем его в отказе от этой милости, в том, что он не дал Жанне довести ее миссию до конца»².

Любопытно, что главным сюжетом гравюр Бюргона, сопровождавших главу о Жанне д'Арк в «Популярной истории Франции» А. Мартена 1868 г., также являлась тема предательства властей предержажих: на всех без исключения иллюстрациях Дева была представлена в полном одиночестве, лишенная какого бы то ни было окружения, как будто сражаться с врагом она вынуждена была одна³. Сам же автор обращался к данной теме буквально на каждой странице своего произведения и шел ради нее даже на прямой обман, заявляя, к примеру, что придворные Карла «обрадовались», узнав о пленении девушки под Компьенем, тогда как вся остальная Франция «пребывала в слезах»⁴.

* * *

Легенда о предательстве, совершенном в отношении Жанны д'Арк Карлом VII и его придворными, выросшая из рассуждений Вольтера о сугубо вспомогательной роли Девы в деле спасения Франции, получила в работах Анри Мартена свое завершение. В этом, неизменном виде она просуществовала практически до конца XX в., регулярно воспроизводясь в самых различных научных и псевдо-научных трудах⁵, а также во множестве художественных фильмов. Только в последние десятилетия истории стали обращать внимание на явно выдуманный характер сю-

¹ Les pauvres gens accusaient hautement les seigneurs et les capitaines d'avoir trahie la sainte fille. – Ibid. P. 174.

² Nous accusons Charles VII d'avoir conspiré contre son royaume... en 1429, alors que la Providence... lui avait envoyé pour auxiliaire une puissance immense... qui entraînait soldats, peuple, jeune noblesse, tous les éléments d'action et de victoire... Nous l'accusons d'avoir...refusé cette grâce et arrêté Jeanne au milieu de sa mission. – *Martin H.* Des récentes études critiques sur Jeanne d'Arc // *Martin H.* Jeanne Darc. P. 327-376, здесь P. 346.

³ На этот любопытный факт обратил в свое время внимание Г. Крюмейх: *Krumeich G.* Op. cit. P. 124.

⁴ La France était dans les larmes; mais on se réjouissait autour du roi de France. – *Martin H.* Histoire de France populaire. P., 1868. T. 1. P. 484.

⁵ См., к примеру: *Левандовский А.* Жанна д'Арк. М., 1962. С. 218-220; *Райцес В.И.* Процесс Жанны д'Арк. М.; Л., 1964. С. 50-52; *Перну Р., Клэн М.-В.* Жанна д'Арк. М., 1992 (1-е изд.: *Pernoud R., Clin M.-V.* Jeanne d'Arc. P., 1986). С. 371-375.

жета о предательстве¹, который отныне следует отнести не к реальным обстоятельствам жизни Жанны д'Арк, но к мифам, при помощи которых французы последующих столетий пытались воспринять ее историю и благодаря которым эта последняя кажется нам столь хорошо знакомой.

Список литературы

- Beaune C.* Jeanne d'Arc. Vérités et légendes. P., 2008. P. 102.
- Тогоева О.И.* Феномен Клод дез Армуаз и проблема самоидентификации французов XV в. // Человек XV столетия: грани идентичности. М., 2007. [*Togoeva O.I.* Fenomen Klod dez Armuaaz i problema samoidentifikacii francuzov XV v. // Chelovek XV stoletija: grani identichnosti. M., 2007].
- Bouzy O.* Jeanne d'Arc, l'histoire à l'endroit! Tours, 2008.
- Райцес В.И.* «Пастушка из Домреми»: генезис и семантика образа // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 1996. Вып. 1. М., 1997. [*Rajces V.I.* «Pastushka iz Domremi»: genezis i semantika obraza // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii – 1996. Vyp. 1. M., 1997].
- Райцес В.И.* «Свидание в Шиноне». Опыт реконструкции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 2003. Вып. 5. М., 2003. [*Rajces V.I.* «Svidanie v Shinone». Opyt rekonstrukcii // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii – 2003. Vyp. 5. M., 2003].
- Bouzy O.* Jeanne d'Arc, les signes au roi et les entrevues de Chinon // Guerre, pouvoir et noblesse au Moyen Age. Mélanges en l'honneur de Philippe Contamine. P., 2000.
- Beaune C.* Le cœur de Jeanne // Francia. Forschungen zur westeuropäischen Geschichte. Mittelalter. 2007. Bd. 34.
- Chronique d'Antonio Morosini. Extraits relatifs à l'histoire de France. 4 vols. P., 1901. T. 3.
- Chronique d'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400-1444. 6 vols. P., 1857-1862. T. 4. P. 388.
- Basin T.* Histoire de Charles VII. T. 1-2. P., 1964. T. 1.
- Тогоева О.И.* Жизнь как чудо. Стилистические особенности первых хроник о Жанне д'Арк // Человек читающий: между реальностью и тек-

¹ В частности, Герд Крюмейх первым проанализировал особенности издания «Хроники Персеваля де Каны, предпринятого Ж.Кишра: *Krumeich G.* Op. cit. P. 107-112. Кишра: *Krumeich G.* Op. cit. P. 107-112. Вместе с тем следует отметить, что в монументальном издании «Жанна д'Арк. Исторический очерк и словарь», вышедшем в 2012 г. и претендующем на то, чтобы его расценивали как *последнее слово* в изучении эпопеи французской героини, воспроизводится «классическая» трактовка сюжета о сознательном предательстве Жанны Карлом VII и его окружением: *Contamine Ph.* Charles VII // Contamine Ph., Bouzy O., Hélaré X. Op. cit. P. 608-615.

стом источника. М., 2011. [Togoeva O.I. Zhizn' kak chudo. Stilisticheskie osobennosti pervyh hronik o Zhanne d'Ark // Chelovek chitajushhij: mezhdru real'nost'ju i tekstom istochnika. М., 2011].

Hélary X. Flavy, Guillaume de (v. 1398-9 mars 1449) // Contamine Ph., Bouzy O., Hélary X. Jeanne d'Arc. Histoire et dictionnaire. P., 2012.

Chartier J. Chronique de Charles VII, roi de France. 3 vols. P., 1858. T. 1.

Compilation du manuscrit 518 d'Orléans sur la mission, les victoires et la capture de Jeanne la Pucelle // La Minute française des interrogatoires de Jeanne la Pucelle d'après le Réquisitoire de Jean d'Estivet et les manuscrits de d'Urfé et d'Orléans. Melun, 1952.

Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc. 5 vols. P., 1841-1849. T. 4.

Vallet de Viriville A. Notes bibliographiques sur le *Mirouer des femmes vertueuses* // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. 1855. T. 16.

Champion P. Guillaume de Flavy, capitaine de Compiègne. Contribution à l'histoire de Jeanne d'Arc et à l'étude de la vie militaire et privée au XVe siècle. P., 1906 (repr.: Genève, 1975).

Gauvard C. La violence des nobles // Gauvard C. Violence et ordre public au Moyen Age. P., 2005.

Mémoires de Jacques Duclercq imprimés sur les manuscrits du roi et publiés pour la première fois par Frédéric, baron de Reiffenberg. 4 vol. Bruxelles, 1823. Livre I.

Chronique de Mathieu d'Escouchy. 3 vol. P., 1858-1864. T. 1.

Chastellain G. Le Temple de Boccace. Bern, 1988.

Bouchart A. Grandes Chroniques de Bretagne. T. 1-2. P., 1986. T. 3. P., 1998. T. 2.

Тогоева О.И. Пастушка, ставшая амазонкой. Образ Жанны д'Арк во французских жизнеописаниях знаменитых людей XVI-XVII вв. // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2012. Вып. 20. [Togoeva O.I. Pastushka, stavshaja amazonkoj. Obraz Zhanny d'Ark vo francuzskih zhizneopisanijah znamenityh ljudej XVI-XVII vv. // Adam i Eva. Al'manah gendernoj istorii. 2012. Vyp. 20].

Mirouer des Femmes vertueuses. 2 éd. P., 1547.

Brantôme. Les Dames galantes. P., 1962.

Thevet A. Les vrais portraits et vies des hommes illustres. P., 1584.

Chronique de Tournai // Corpus Chronicorum Flandriae. Bruxelles, 1856.

Lanéry d'Arc P. Livre d'or de Jeanne d'Arc. Bibliographie raisonnée et analytique des ouvrages relatifs à Jeanne d'Arc. P., 1894. № 73.

Huppert G. The Idea of Perfect History. Historical Erudition and Historical Philosophy in Renaissance France. Chicago, L., 1970.

Mezeray F.E. de. Histoire de France depuis Faramond jusqu'au règne de Louis le juste. 3 vols. P., 1685. T. 2.

Le Gendre L. Nouvelle histoire de France, depuis le commencement de la Monarchie, jusques à la mort de Louïs XIII. T. 1-8. P., 1719. T. 4.

Gayot de Pitaval F. Causes célèbres et intéressantes, avec les jugements qui les ont décidées. P., 1739-1754. T. 21. P. 39.

Aublet de Maubuy J.-Z. Les vies des femmes illustres de la France. P., 1762. T. 1.

Lenglet Dufresnoy N. Histoire de Jeanne d'Arc, vierge, héroïne et martyre d'Etat. P., Orléans, 1753-1754.

Le Brun de Charmettes Ph.-A. Histoire de Jeanne d'Arc, surnommée la Pucelle d'Orléans. 4 vols. P., 1817. T. 3.

Fabre J.-C., Goujet C.-P. Histoire ecclésiastique // Fleury C. Histoire ecclésiastique. P., 1720-1738. T. 21-36. T. 21.

Calmet A. Bibliothèque lorraine, ou Histoire des hommes illustres qui ont fleuri en Lorraine. Nancy, 1751. Col. 57.

Barral P. Dictionnaire historique, littéraire et critique, contenant une idée abrégée de la Vie et des Ouvrages des Hommes Illustres en tout genre, de tout tems et de tout pays. P., 1758.

Millot (abbé). Elémens de l'Histoire de France. P., 1770.

Jeanné E. L'image de la Pucelle d'Orléans dans la littérature historique française depuis Voltaire. Liège, 1935.

Vercruysse J. Introduction // Voltaire. La pucelle d'Orléans. Genève, 1970.

Vercruysse J. Jeanne d'Arc au siècle des Lumières // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 1972. T. 90.

Krumeich G. Jeanne d'Arc à travers l'Histoire. P., 1993.

[*Voltaire*]. La Ligue ou Henry Le Grand, poëme epique. Genève, 1723.

Voltaire. Essais sur les moeurs et l'esprit des nations. Neuchatel, 1773.

Voltaire. Questions sur l'Encyclopédie // Voltaire. Oeuvres. T. 38. P., 1792.

Chateaubriand. Analyse raisonnée de l'histoire de France // Chateaubriand. Oeuvres complètes. P., 1876. T. 8.

Simonde de Sismondi J.-C.-L. Histoire des Français. P., 1831.

Lavallée Th. Histoire des Français depuis le temps des Gaulois jusqu'en 1830. P., 1847.

Michelet J. Jeanne d'Arc et autres textes. P., 1974.

Contamine Ph. Jules Quicherat, historien de Jeanne d'Arc // Contamine Ph. De Jeanne d'Arc aux guerres d'Italie: figures, images et problèmes du XVe siècle. Orléan, Caen, 1994.

Quicherat J. Histoire de Jeanne d'Arc, d'après une chronique inédite du quinzième siècle // Bibliothèque de l'École des Chartes. 1845. Т. 2.

Chroniques de Perceval de Cagny. P., 1902.

Martin H. Jeanne Darc. P., 1857.

Martin H. Histoire de France populaire. P., 1868. Т. 1.

Левандовский А. Жанна д'Арк. М., 1962. [*Levandovskij A.* Zhanna d'Ark. M., 1962].

Райцес В.И. Процесс Жанны д'Арк. М.; Л., 1964. [*Rajces V.I.* Process Zhanny d'Ark. M., L., 1964].

Перну Р., Клэн М.-В. Жанна д'Арк. М., 1992 [*Pernu R., Kljen M.-V.* Zhanna d'Ark. M., 1992].

Pernoud R., Clin M.-V. Jeanne d'Arc. P., 1986.

Р.М. Асейнов

ОБРАЗ ФИЛИППА ДОБРОГО В ВОСПРИЯТИИ БУРГУНДСКИХ ПРИДВОРНЫХ ХРОНИСТОВ¹

В статье рассматриваются основные черты образа герцога Филиппа Доброго в сочинениях бургундских придворных авторов второй половины XV в. Особое значение придается акцентированию авторами тех его качеств, которые позволяют прояснить их собственную политическую позицию и принадлежность к той или иной политической группировке при бургундском дворе.

Ключевые слова: история Средних веков, Франция, Бургундское герцогство, Филипп Добрый

Любой двор монарха в Средние века² являлся не только политическим центром государства, местом, где была сосредоточена правящая элита и крупная аристократия, но также и культурным центром³. Двор, при котором творили живописцы, поэты, музыканты и представители других искусств, определял основные тенденции развития культуры, диктовал нормы поведения, моду. Бургундский двор⁴ выделялся на фоне

Асейнов Ренат Меулетович, кандидат исторических наук, старший редактор редакции Всеобщей истории Большой Российской энциклопедии.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), исследовательский грант 13-01-00101а.

² В отечественной историографии проблематика монаршего двора стала активно изучаться благодаря усилиям научной группы «Власть и общество» под руководством Н.А. Хачатурян. За последние 10 лет появилось несколько коллективных монографий, затрагивающих различные аспекты жизни двора. См., например: Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель среда. М.; СПб., 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. М., 2004; Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006; Королевский двор в Англии XV-XVII веков. СПб., 2011. Об изучении темы двора в медиэвистике см.: Хачатурян Н. А. Проблемы и перспективы в изучении темы королевского двора // Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 228-238.

³ См.: Хачатурян Н. А. Придворная культура: параметры явления // Придворная культура в эпоху Возрождения (в печати).

⁴ Историография Бургундского двора, в том числе придворной культуры, достаточно обширна. См., например: *Paravicini W.* The Court of the Dukes of Burgundy. A Model for Europe? // *Princes, Patronage and the Nobility. The Court at the Beginning of the Modern Age c. 1450-1650.* Oxford, 1991. P. 69-102; «A l'heure encore de mon écrire». *Aspects de la littérature de Bourgogne sous Philippe le Bon et Charles le Téméraire.* Louvain-la-Neuve, 1997; *A la Cour de Bourgogne. Le duc, son entourage, son train.* Turnhout, 1998; *La cour de Bourgogne et l'Europe: Le rayonnement et les limites d'un modèle culturel.* Ostfildern, 2013; *Staging the Court of*

дворов других европейских государей не только своей роскошью и богатством. Именно двор герцогов Бургундских стал местопребыванием многих из наиболее крупных и известных представителей французской культуры позднего Средневековья. В настоящей статье хотелось бы обратить внимание как раз на тех, кто составлял так называемую «бургундскую школу» не только в историографии, но и в письменной культуре в целом. При этом нас будет интересовать в первую очередь вопрос о восприятии ими герцога Филиппа Доброго, с которым связывают период наивысшего подъема (как политического, так и культурного) Бургундского государства.

«Я не знал ни одной другой сеньории или страны, которая бы при всех равных условиях и даже будучи гораздо большей по размерам, столь же изобиловала богатством – движимостью и постройками, где бы столь же расточительно тратились деньги и устраивались богатые празднества и пиршества, как в этой стране в то время, когда я там жил»¹. Так написал в своих «Мемуарах» Филипп де Коммин о Бургундском государстве, процветавшем, по его мнению, 120 лет, из которых почти полвека приходилось на правление Филиппа Доброго (1419-1467). По мнению французского исследователя Ж. Бланшара, воспоминание о времени этого процветания и счастья является лейтмотивом произведения Коммина², связавшего свою судьбу со службой французскому королю. Третий герцог Бургундский из династии Валуа не только значительно расширил владения Бургундского дома. При нем Бургундия превратилась в одно из ведущих политических образований на карте Европы, а двор герцога смог затмить дворы королей и императора. Филипп Добрый привлекал на службу крупнейших художников и музыкантов эпохи, устраивал грандиозные празднества и рыцарские турниры, а о его богатстве и щедрости ходили легенды. Поэтому неудивительно, что образ Великого герцога Запада ассоциировался у современников с благополучием и процветанием Бургундии и вызывал живой интерес у исследователей. Впрочем, монографических работ, посвященных Филиппу Доброму, не так много. Последней попыткой наиболее полно проанализировать все аспекты политической и экономической истории Бургундского государства при Филиппе Добром

Burgundy. Turnhout, 2013. См. также материалы ежегодных конференций Европейского центра бургундских исследований: Publications du Centre européen d'Etudes bourguignonnes (далее – РСЕЕВ).

¹ Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1986. С. 185.

² Blanchard J. Philippe de Commines. P., 2006. P. 20-25.

стала книга Р. Воэна, появившаяся в 1970 г.¹ Именно Воэн, в отличие от других историков, оказался достаточно критичен в отношении результатов правления герцога. За пышностью двора он сумел разглядеть существенные просчеты в политике Филиппа Доброго и сделал неутешительный вывод о неудачных для Бургундского государства итогах его правления.

Однако современникам все казалось совершенно иным. Попытаемся выделить основные мотивы в восприятии бургундскими придворными (историками, поэтами и государственными деятелями)² Филиппа Доброго – его личных качеств, политики.

Для политической мысли позднего Средневековья характерно особое внимание, уделяемое авторами персоне правителя. По всеобщему убеждению, именно от государя в конечном итоге зависела судьба его подданных, способность государства противостоять трудностям, вызываемым внутренними конфликтами и внешней агрессией³. Следовательно, фигура монарха, его личные качества и способности стали преобладающей темой в политических концепциях.

В сочинениях бургундских придворных авторов можно найти портреты практически всех европейских правителей XV в., но главным образом их внимание останавливалось на персонах герцогов Бургундских и королей Франции, что отражало политическую ситуацию, в которой тогда находилось Бургундское государство. Само отношение авторов к тем или иным

¹ *Vaughan R. Philip the Good. The Apogee of Burgundy. L., 1970.* Переиздание этого труда Р. Воэна (Woodbridge, 2002) снабжено обстоятельным историографическим очерком Г. Смола, в котором указаны все появившиеся с 1970 г. работы, относящиеся к периоду правления Филиппа Доброго. Из более ранних трудов см.: *Bonenfant P. Philippe le Bon. Bruxelles, 1943* (переиздано вместе с некоторыми статьями: *Bonenfant P. Philippe le Bon. Sa politique, son action. Bruxelles, 1996*); *Huizinga J. La Physionomie morale de Philippe le Bon // Annales de Bourgogne. 1932. Т. 4. P. 101-129.* Книга Э. Буассена о Филиппе Добром (*Bourassin E. Philippe le Bon, le grand lion de Flandres. P., 1983*), несмотря на любопытные детали из жизни герцога и двора, является достаточно популярным очерком. Кроме названных работ, есть также главы об эпохе Филиппа Доброго в общих работах по истории Бургундского государства: *Prevenier W., Blockmans W. The Burgundian Netherlands. Cambridge, 1986*; *Schnerb B. L'Etat bourguignon 1363-1477. P., 1999*; *Prevenier W., Blockmans W. The Promised Lands. The Low Countries under Burgundian Rule, 1369-1530. Philadelphia, 1999*; *Brown A. The Valois dukes of Burgundy. Oxford, 2002.*

² Большинство этих авторов принадлежали к так называемой «бургундской школе» историков, если использовать термин, предложенный Огюстом Молинье (см.: *Molinier A. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie. P., 1904. P. 186*). О ней см.: *Асейнов Р.М. Историческая культура при дворе герцогов Бургундских: к вопросу о «бургундской школе» // Придворная культура в эпоху Возрождения.*

³ Подробнее об образе идеального государя в позднее Средневековье см.: *Krynin J. Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Age (1380-1440). P., 1981. P. 54, 71, passim.*

государям также диктовалось этой политической действительностью, их целями или собственными пристрастиями, несмотря на частые упоминания о творческой независимости. Впрочем, очевидная ангажированность не мешала им в определенные моменты критиковать герцогов, исходя из более важных соображений, чем простая преданность своему господину¹.

Бургундская литература изобилует трактатами, панегириками и историческими сочинениями, посвященными Филиппу Доброму. К тому же все бургундские хроники XV в. так или иначе охватывают время его правления, а значит, дают оценку этому герцогу. В настоящей статье хотелось бы остановиться на сочинениях панегирического характера – отдельных или включенных в текст хроник и мемуаров. Таковыми являются трактаты «Книга о добродетелях герцога Бургундского и Брабантского Филиппа» («*Liber de virtutibus Philippi Burgundiae et Brabantiae ducis*») Жана Жермена², «Восхваление подвигов и славных деяний герцога Филиппа, который называл себя великим герцогом и великим львом» («*Déclaration de tous les hauts faits et glorieuses adventures du duc Philippe de Bourgogne, celui qui se nomme le grand duc et le grand lyon*») Жоржа Шатлена³, «Трон чести» («*Le trosne d'honneur*») Жана Молине⁴, а также отрывки из «Истории Золотого руна» Гийома Фийатра⁵, «Мемуаров» Оливье де Ла Марша⁶, «Мемуаров» Филиппа де Коммина и «Древностей Фландрии» Филиппа Виланта⁷. Три первых автора посвятили Филиппу Доброму отдельные произведения. Жермен в 1451 г. на капитуле Ордена Золотого руна в Монсе преподнес графу Карлу де Шароле (будущему герцогу Карлу Смелому) книгу о добродетелях отца⁸, призывая юного наследника бургундского престола следовать его примеру. С той же целью Шатлен написал трактат о деяниях Филиппа Доброго, но уже через несколько месяцев после его смерти (лето 1467 г.). В «Обращении к герцогу Карлу» он снова будет апеллировать к образу Филиппа Доброго, чтобы наставить нового правителя в добродетели⁹. Жан Молине откликнулся на смерть герцога прозиметром «Трон че-

¹ См.: Асейнов Р.М. Субъективность в истории: образ автора в бургундских хрониках и мемуарах // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. С. 184-206.

² *Chronique relatives à l'histoire de la Belgique (Textes latins)* / Ed. J. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1876. P. 1-115.

³ *Chastellain G. Œuvres*. Bruxelles, 1863-1865. Vol. 7. P. 213-236.

⁴ *Molinet J. Faictz et Dictz*. P., 1936-1939. Vol. 1. P. 45-58.

⁵ *Guillaume Fillastre D.J. Ausgewählte Werke*. Ostfildern, 2003. S. 268-302.

⁶ *La Marche O. de. Mémoires*. P., 1883-1888. 4 vols.

⁷ *Wielant Ph. Recueil des antiquités de Flandre* // *Recueil des Chroniques de Flandr*. Bruxelles, 1865. T. 4. P. 52-57.

⁸ *Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies*. Stuttgart, 2001. Bd. 1. S. 105.

⁹ Асейнов Р.М. Образ государя в «Обращении к герцогу Карлу» Ж. Шатлена // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2009. С. 398-422.

сти» (1467), в котором высказал мысль о том, что благодаря своим добродетелям Филипп Добрый восходит на трон чести¹. Что же касается четырех последних авторов, то они включили панегирики или рассуждения о Филиппе Добром (причем достаточно компактно) в свои основные труды, при этом время написания этих текстов разнится. Если «История Золотого руна» Фийатра относится к началу 1470-х гг. (автор умер в 1473 г.), то главы из «Мемуаров» де Ла Марша и введение, в которых он говорит о Филиппе Добром, были написаны во второй половине 1480-х – 1490-е гг. Труд Виланта относится, по-видимому, к началу XVI в.

У данной статьи нет цели осветить все добродетели, приписываемые Филиппу Доброму. Многие из них традиционно указывались применительно ко всем государям². В первую очередь хотелось бы обратить внимание на те из них (безусловно, важные и с точки зрения хронистов, и на наш взгляд тоже), которые позволяют прояснить политическую позицию рассматриваемых авторов, выявить их симпатии и антипатии, что позволило бы продемонстрировать наличие различных взглядов при бургундском дворе. Какие именно качества правителя они выносят на первый план, что превозносят, а что, наоборот, осуждают? Эти порой небольшие и краткие указания помогают судить о причинах, побудивших того или иного автора взяться за написание конкретного сочинения, об их принадлежности к одной из групп при бургундском дворе. Это тем более важно, что большинство подобных сочинений были написаны уже после смерти герцога, в правление его сына Карла Смелого, или даже после гибели последнего. Данный факт придает суждениям авторов еще больший интерес. Да и само описание образа Филиппа Доброго почти всегда идет в сравнении с образом Карла Смелого. Кроме того, выделяя то или иное качество герцога, авторы иногда дают возможность исследователям отметить некоторые особенности придворной жизни в эпоху двух последних герцогов Бургундских из династии Валуа.

Однако Филиппа Доброго сравнивали не только с сыном, но и с другими государями той эпохи. Как не вспомнить знаменитую «Галерею

¹ Все девять небес, которые минует Филипп Добрый на пути к трону чести, олицетворяют его добродетели, причем каждая из них соответствует одной из букв его имени – Philippus. Например, первое небо – Prudence («благоразумие»).

² Ж. Кринен отмечает, что почти во всех зеркалах государя перед читателем предстает один и тот же идеальный образ правителя – благочестивого, смиренного, мудрого, благо-разумного, смелого, справедливого и щедрого (*Krinen J. Idéal du prince et pouvoir royal en France. P. 54*).

принцев» из хроники Шатлена¹? Без сомнения для нас наибольший интерес представляет сравнение герцога с французскими королями.

Оливье де Ла Марш, описывая двор Карла Смелого, заметил, что первой обязанностью государя является служение Богу². В этом плане все авторы отмечают необыкновенную набожность Филиппа Доброго. Молине в «Троне чести» проводит герцога по двум небесам, получившим названия Истина (Verité), олицетворяемая Церковью, и Исключительность благодати (Singularité de grace)³. По словам Шатлена, герцог «служил Богу и страшился его, особо почитал Богоматерь»⁴. Герцог много часов проводил в молитвах, как пишет Фийатр, заказывал мессы во многих храмах, раздавал милостыню⁵. Ему вторит и первый официальный историограф, указывающий, что Филипп Добрый любил давать милостыню щедро, причем тайно⁶. Также Шатлен сообщает, что герцог основал много храмов, в том числе на Святой земле, в Иерусалиме. Иными словами, поступки Филиппа Доброго соответствовали тому, что полагалось делать истинному христианскому государю. Его благочестие, естественно, не ограничивается тем, что указали наши авторы. Французский историк Б. Шнерб посвятил весьма обстоятельное исследование свойственным герцогу проявлениям благочестия, о которых умалчивают авторы в рассматриваемых нами сочинениях. Среди них – паломничества, щедрые пожертвования монастырям и церквям, почитание святых, в том числе покровителей французского королевского дома.

Одной из ключевых тем в характеристике герцога является защита церкви и христианства. Идеальный государь должен выполнять свои обязанности перед Богом и церковью, поэтому Жан Жермен именно с этой добродетели начинает свой трактат⁷. В период Великой схизмы данный факт становился особенно важным в характеристике правителя. С этой точки зрения, герцоги Бургундские представлялись в очень выигрышном свете. У Шатлена Филипп Добрый выступает как единственный защитник папского престола во время трудностей, связанных с соборным движением⁸. Особое рвение проявлял герцог и в освобождении Святой

¹ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 2. P. 151-189.*

² *La Marche O. de Mémoires. Vol. 4. P. 2.*

³ *Molinet J. Faictz et Dictz. P. 53-55.*

⁴ «...servoit Dieu et le craignoit; fort devot a Nostre Dame». *Chastellain G. Œuvres. Vol. 7. P. 222.*

⁵ *Guillaume Fillastre D.J. Ausgewählte Werke. S. 292.*

⁶ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 7. P. 222.*

⁷ *Jean Germain. Liber de virtutibus. P. 5-6.*

⁸ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 7. 217; Vol. 2. P. 220.*

земли¹, в его политике важное место занимала организация крестового похода против турок². Эта неудавшаяся затея послужила все же отличным поводом для восхваления герцога, позволяя противопоставить его другим государям, пренебрегшим делом защиты церкви. Шатлен вкладывает даже в уста Карла VII похвалу Филиппу Доброму. Король, узнав о намерении герцога, отметил, что последний является самым уважаемым принцем из всех³, что, впрочем, не мешало ему препятствовать осуществлению этого плана. Трактат Жана Жермена практически целиком преследовал цель обосновать крестоносные амбиции Филиппа Доброго, показать его единственным защитником христианства. Следствием этого стало включение в текст рассказа о посольствах Жоффруа де Туази, об осаде мамлюками Родоса в 1444 г.⁴ Первый канцлер Ордена Золотого руна не преминул воспользоваться случаем, чтобы продемонстрировать желание герцога отправиться на освобождение Святой земли, заручившись при этом поддержкой других государей, для чего к ним были отправлены посольства: к папе Николаю V во главе с Жаном де Круа, к королю Франции во главе с самим Жаном Жерменом и т.д.⁵. Жермен заканчивает свое сочинение рассказом о подавлении восстания в Генте в 1453 г., когда, по его мнению, уже ничто не мешает герцогу сосредоточиться на своей главной задаче – организации крестового похода.

У Оливье де Ла Марша только герцог Бургундский предстает защитником церкви, ибо остальные европейские государи не спешили прийти на помощь Византии⁶. Этот сюжет стал краеугольным камнем в восхвалении герцога во время банкета Фазана, одним из организаторов которого (впрочем, как и многих других придворных празднеств) являлся де Ла Марш⁷. Особое внимание зрителей и участников этого праздника было

¹ О почитании Святой земли см.: *Paviot J.* La dévotion vis-à-vis de la Terre sainte au XVe siècle. L'exemple de Philippe le Bon (1396-1467) // *Autour de la première croisade. Actes du colloque de Clermont-Ferrand (juin 1995)*. P., 1996. P. 401-411.

² См.: *Müller H.* Kreuzungspläne und Kreuzzugspolitik des Herzogs Philipp des Guten von Burgund. Göttingen, 1993; *Paviot J.* L'ordre de la Toison d'or et la Croisade // *L'Ordre de la Toison d'or de Philippe le Bon à Philippe le Beau (1430-1505). Idéal ou reflet d'une société?*. Bruxelles, 1996; *Idem.* *Les ducs de Bourgogne, la croisade et l'Orient (fin XIVe siècle–XVe siècle)*. P., 2004. Подробнее о рассуждениях бургундских хронистов о крестовом походе Филиппа Доброго см.: *Le Brusque G.* Une campagne qui fit long feu: le saint voyage de Philippe le Bon sous la plume des chroniqueurs bourguignons (1453-1464) // *Le Moyen Age*. 2006. T. 112 (3-4). P. 529-544.

³ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 3. P. 31.

⁴ *Jean Germain.* Liber de virtutibus. P. 70-75.

⁵ *Ibid.* P. 77-78.

⁶ *La Marche O. de.* Mémoires. Vol. 2. P. 205-206.

⁷ Об этом празднестве подробнее см.: *Хачатурян Н.А.* Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет фазана» герцога Бургундского в XV в. // *Королевский двор в*

обращено на тот факт, что герцог не является единственным правителем, к которому обратились за помощью: сначала это были император, французский король и т.д. Однако они, видимо, не выказали достаточного рвения в деле защиты веры, поэтому последовало обращение к Филиппу Доброму. Действительно, сам герцог направлял посольство к Карлу VII с целью убедить его совместно предпринять что-либо, чтобы помочь Византии, но безрезультатно¹. Таким образом, Филипп Добрый со своей давней мечтой о крестовом походе остался единственным защитником христианской веры и мира среди европейских государей. Тем более важным для него, как представляется, стала возможность во всеуслышание заявить о своем намерении и продемонстрировать этим свою преданность делу веры в отличие от других государей, стоящих выше него по титулу. Это служило укреплению позиций герцога не только внутри его государства, но и на международной арене².

В отличие от герцога «христианнейший» король Франции явился инициатором Буржской Прагматической санкции, сделавшей положение французской церкви более автономным и вызвавшей конфликт со Святым престолом³. Король не был, по мнению Шатлена, защитником церкви, как его предшественники⁴. Иными словами, Карл VII не оправдал надежд, возлагаемых на «христианнейшего» короля, заключавшихся как в защите церкви, так и в поддержании мира⁵. Наоборот, он стремился сеять раздор, в том числе и между ним самим и Филиппом Добрым, как это произошло в конфликте из-за Люксембурга⁶.

Известный французский медиевист Ж. Дюфурне в статье, посвященной образу Карла Смелого в бургундских хрониках, отметил, что одной из превозносимых черт герцога является его храбрость. Современники воспринимали его как доблестного рыцаря (*héro chevaleresque*)⁷. Однако не только в характеристике этого герцога преобладают подобного рода панегирики. Почти все сочинения, по-

политической культуре средневековой Европы. С. 177-199; *Le Banquet du Faisan*. 1454: l'Occident face au défi de l'Empire ottoman. Arras, 1997.

¹ *La Marche O. de*. Mémoires. Vol. II. P. 205-206.

² *Хачатурян Н.А.* Светские и религиозные мотивы. С. 177-199.

³ Об этом см., например: *Плешкова С.Л.* Французская монархия и церковь (XV – середина XVI в.). М., 1992.

⁴ *Chastellain G.* Chronique. Genève, 1991. P. 286.

⁵ *Small G.* George Chastelain and the Shaping of Valois Burgundy. Political and Historical Culture at Court in the Fifteenth Century. Woodbridge, 1997. P. 178.

⁶ См.: *Scherner B.* L'Etat bourguignon. P. 214-223; *Vaughan R.* Philip the Good. P. 274-285.

⁷ *Dufournet J.* Charles le Téméraire vu par les historiens bourguignons // Cinq-centième anniversaire de la bataille de Nancy (1477). Nancy, 1979. P. 67.

священные Филиппу Доброму, открываются перечислением его завоеваний. Читателю в деталях сообщают о том, как именно герцог расширял границы владений Бургундского дома, боролся с мятежниками и внешними врагами¹. Таким образом, Филипп Добрый также заслуживает восхваления как рыцарь. Этот факт вовсе не случаен, учитывая авторитет, которым пользовались рыцарские добродетели при бургундском дворе – оплоте рыцарской культуры в XV в. Поэтому именно смелость и мужество особенно ценились бургундскими историками в их государе, а противоположные качества, соответственно, считались пороками. На первое место среди качеств, необходимых для командования армией, Оливье де Ла Марш ставит храбрость (*vaillance*), т. к. «мужество (твердость духа), которое является исходной точкой храбрости, – главная из основных добродетелей»². Для него, как и для большинства современников, настоящий государь – это, прежде всего, доблестный рыцарь. Неслучайно трое из четырех герцогов Бургундских получили от современников прозвища, соответствующие главным, по мысли современников, их качествам – Филипп Храбрый (*Philippe le Hardi*), Жан Бесстрашный (*Jean sans Peur*), Карл Смелый (*Charles le Hardi*). Только Филипп Добрый был прозван иначе³, что, впрочем, нисколько не умаляет его достоинств как рыцаря. Как и остальные герцоги, он был храбр. Шатлен считает его «жемчужиной среди храбрых и звездой рыцарства», ибо он всегда заботился о своей чести, репутации храброго рыцаря, старался не отступать от давно сложившегося, но к этому времени почти изжившего себя рыцарского кодекса. По словам первого официального историка Бургундского дома, однажды герцог долго находился в раздумьях, не задета ли его честь тем, что он решил не ввязываться в очередное сражение с французами, хотя представлялся удобный случай для этого⁴. Жан Жермен сообщает о приготовлениях герцога к поединку с герцогом Глостером⁵, а Оливье де Ла Марш с восхищением расска-

¹ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 7. P. 214-218; Guillaume Fillastre D. J. Ausgewählte Werke. S. 273-289; Jean Germain. Liber de virtutibus. P. 17-43, 61-68, 99-112.*

² «...car force de courage, qui est le principal point de vaillance, est la principale des vertus cardinales». *La Marche O. de Mémoires. Vol. 4. P. 53.*

³ Впрочем, как отмечает Й. Хейзинга, прозвище «Добрый» (*Bon*) сменило предыдущее – «Да будет стыдно тому [кто плохо об этом подумает]» (*Qui qu' en hongne*). См.: *Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 2002. С. 117.* О прозвищах герцогов также см.: *Асейнов Р.М. Роль прозвища в характеристике государя в сочинениях бургундских историков XV в. // Культурные коды Средневековья / Под ред. А.К. Гладкова (в печати).*

⁴ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 2. P. 140.*

⁵ *Jean Germain. Liber de virtutibus. P. 27.*

зывает о том, как Филипп Добрый предлагает герцогу Саксонскому сразиться один на один за спорные территории, не желая пролития крови рыцарями и дворянами из-за личного (*particulier*) спора двух герцогов¹. Он также сообщает, что Филипп Добрый, не раздумывая, был готов встать на защиту своего подданного во время ссоры последнего с вассалом герцога Бурбонского². Филипп Добрый проявил себя настоящим рыцарем во время войны с Гентом в 1452-1453 гг.³ Именно он в этот тяжелейший для государства момент подавал пример смелости своим подданным, лично участвуя в жестоких сражениях. Де Ла Марш, восхищается таким поступком герцога, отмечая, что он сражался как настоящий рыцарь⁴. Видимо, мемуариста это очень удивило, поскольку немногие государи совершали подобные подвиги. Ведь даже Карл VII, прозванный современниками победителем англичан, лично не участвовал в сражениях Столетней войны, предоставляя возглавлять армию хорошо зарекомендовавшим себя полководцам. Шатлен, который, на первый взгляд, видит в этом заслугу короля, умеющего окружить себя мудрыми и храбрыми советниками, все же не без иронии указывает на то, что король не был человеком «воинственным» (*belliqueux*)⁵.

Вместе с тем преданный рыцарским идеалам герцог не давал упрекнуть себя в безрассудстве. Напротив, он продемонстрировал необычайную осмотрительность в войне с Гентом. Накануне решающего сражения с гентцами Филипп Добрый решил отправить графа де Шароле, единственного своего законного наследника, подальше от места проведения битвы⁶, осознавая, какую опасность таит в себе гибель наследника. Впрочем, это не помешало Карлу принять участие в сражении. Филипп Добрый сам оказался в такой ситуации, когда Жан Бесстрашный не позволил ему, тогда еще графу де Шароле, сражаться в армии французского короля против англичан при Азенкуре, где погибли многие представители Бургундского дома (братья Жана Бесстрашного – герцог Брабантский Антуан и граф Неверский Филипп)⁷.

¹ *La Marche O. de. Mémoires. Vol. 2. P. 27.* О распространенности вызовов на подобные поединки см.: *Хейзинга Й. Осень Средневековья. С. 119-120.*

² *Ibid. Vol. 1. P. 257.*

³ Об освещении восстания в Генте бургундскими историками см.: *Асейнов Р.М. Восстание в Генте 1452-1453 гг. в бургундской историографии XV в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 2. С. 105-122.*

⁴ *La Marche O. de. Mémoires. Vol. 2. P. 323.*

⁵ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 2. P. 181.*

⁶ *Ibid. Vol. 2. P. 277; Clercq J. du. Mémoires. Bruxelles, 1835-1836. Vol. 2. P. 127.*

⁷ *Monstrelet E. de. Chronique. P., 1875. P. 372.*

Он часто вспоминал это событие и сожалел, что не смог оказаться на поле сражения в тот день¹.

Безусловно, благоразумие, или осмотрительность (*prudence*) – одна из главных добродетелей Филиппа Доброго, по мнению придворных авторов. Именно это качество высоко ценил в герцоге Жан Молине, называя и в «Морализованном Романе о Розе»², и в «Троне чести» эту добродетель одной из основных для идеального государя. *Prudentia* – первая из главных христианских добродетелей, заключающаяся в силе духа и в знании истины, а потому часто отождествляемая с мудростью. Возрождение интереса к философии Аристотеля привнесло четкое разделение этих двух понятий, и теперь в данной добродетели видели важное качество государя применять «на практике» полученные знания на благо своих подданных³. В сочинении Молине «Трон чести» первое из девяти небес, которые предстоит пройти герцогу, символизирует добродетель благоразумия⁴. На этом небе Филиппа Доброго приветствует Цезарь, который, по мысли средневековых авторов, являлся олицетворением этой добродетели. Молине перечисляет ее составляющие, а их в свою очередь можно разделить на личные качества правителя. К ним относятся разум, память и опыт. Однако опираться только на них невозможно. Филипп Добрый – пример государя, «который, используя благоразумие высоких баронов и мудрых советников, совершил огромное количество подвигов»⁵. Он, безусловно, мудрый правитель⁶, но, как и подобает такому государю, использует совет своего окружения. Молине подчеркивает это в приведенном выше пассаже. Де Ла Марш многократно упоминает свойство герцога доверять мнению своих советников⁷. Перед тем как принять какое-либо важное решение герцог обязательно выслушивал советы своих приближенных⁸. Упоминания об этом важном качестве правителя нередки и у других бургундских авторов⁹. Так, Карл VII «всем управлял разумом и никогда без совета, так как собственное мнение подкреплял

¹ *Guillaume Fillastre D.J.* Ausgewählte Werke. S. 269.

² *Devaux J.* Jean Molinet, indiciaire bourguignon. P., 1996. P. 178-179.

³ *Krynen J.* L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France XIII-XV siècle. P., 1993. P. 217-220.

⁴ *Molinet J.* Faictz et dictz. Vol. 1. P. 46-47.

⁵ «... celui qui, en usant de la prudence de ses haulx barons et saiges conseillers, avoit parattaint la summité de ses haultes emprinses...». Ibid. P. 47.

⁶ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 2. P. 11; *La Marche O. de.* Mémoires. Vol. 1. P. 100.

⁷ *La Marche O. de.* Mémoires. Vol. 1. P. 92-98, 100.

⁸ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 2. P. 81; Vol. 3. P. 203; *Wielant Ph.* Recueil des antiquités de Flandre. P. 54.

⁹ *Le Fèvre de Saint-Rémy J.* Chronique. P., 1876-1881. Vol. 1. P. 381; *Wielant Ph.* Recueil des antiquités de Flandres. P. 54.

другим»¹. Умение выбрать мудрых советников также возводилось в достоинство государя², и Филипп Добрый был одним из тех, кто умел это делать³, впрочем, как и Карл VII⁴. Однако первый всегда был постоянен в своих симпатиях к приближенным, что расценивалось бургундскими авторами как положительное качество государя. Герцог никого не смещал со своих постов, всем доверял⁵. Французский король, напротив, был непостоянен, вокруг него часто образовывались всевозможные группировки, которые боролись за власть. При этом любой человек, достигший высот власти, мог легко лишиться благосклонности короля⁶.

Качество подаваемого совета зависело от советников, от того, были ли они сами добродетельными или порочными. Достоинство советников у Шатлена, например, зависит от их добродетельности, возраста и происхождения⁷. В «Обращении к герцогу Карлу» он пишет, что Бог наказал наследника Соломона, который предпочел совету старых и мудрых (*conseil des vieux et des sages*) совет молодых (*des joveurs*)⁸. Происхождение советника играло важную роль в концепции историка⁹. В этом плане показательным отношением автора к судьбе канцлера Николая Ролена. Он достаточно подробно описывает опалу канцлера¹⁰ и явно симпатизирует его противникам (Антуану де Круа, маршалу Бургундии Тибо де Нефшателю и близким к ним представителям придворной элиты, в число которых входил и Гийом Фийатр), с удовольствием перечисляя многочисленные жалобы на некогда всесильного государственного деятеля и его родственников. Одна из главных причин падения Ролена, по мнению Шатлена, это то, что он предпочел «мирскую мудрость» истинной (духовной). В отличие от Шатлена, Молине представляет нам канцлера как

¹ «Tout gouvernoit par sens et riens sans conseil, car propre opinion il confermoit par autrui». *Chastellain G. Chronique*. P. 321.

² См., например: *Цатурова С. К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков. М., 2012. С. 135-136, 279-304.

³ *La Marche O. de. Mémoires*. Vol. 1. P. 100.

⁴ *Chastellain G. Œuvres*. Vol. 2. P. 181.

⁵ *Ibid.* Vol. 7. P. 222-223.

⁶ *Ibid.* Vol. 2. P. 182.

⁷ Рассуждения о возрасте как критерии отбора советника часто встречаются в сочинениях средневековых авторов, опиравшихся на античные и библейские традиции. См.: *Цатурова С. К.* Формирование института государственной службы во Франции. С. 332-333.

⁸ *Chastellain G. Œuvres*. Vol. 7. P. 296.

⁹ Многие средневековые авторы (Филипп де Мезьер и Кристина Пизанская, например) отмечают, что королю надлежит выбирать советников из разных сословий, а не из одного. См.: *Цатурова С. К.* «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: представления об обязанностях короля во Франции XIV-XV вв. // *Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян*. СПб., 2007. С. 126-127.

¹⁰ *Chastellain G. Œuvres*. Vol. 3. 329-337, 456-459.

человека, достойного находиться вместе с Цезарем и Филиппом Добрым на небе Благоразумия, демонстрируя тем самым его заслуги именно в земных делах: он был призван на это небо по причине того, что «хорошо управлял общим делом» (*par bien regenter la chose publique*)¹. Несмотря на презрение к выходцам из недворянских слоев населения, Молине не разделяет позицию Шатлена по отношению к канцлеру. Возможно, свою роль сыграли близкие тогда связи первого официального историографа с семьей де Круа, главными противниками Ролена². Нелестной оценки удостоивается у Шатлена Ролен Рено, один из советников Карла VII: человек, преисполненный тщетных побуждений, низкого происхождения и смутных добродетелей³. Именно он, а не знатные люди, был направлен к Филиппу Доброму с претензиями короля на герцогство Люксембург, встреченными при бургундском дворе с настороженностью и воспринятыми как недружественный акт со стороны Карла VII. Разумеется, сам посланник характеризует неблагородные намерения короля, в вину которому, как намекает автор, ставится выбор такого человека. Напротив, все приближенные Филиппа Доброго имеют необходимые для советников качества: они мудры, благоразумны, храбры и верны своему господину, что, по словам Оливье де Ла Марша, позволило Бургундскому дому преодолеть раздоры, связанные с конфликтом между герцогом и его единственным наследником⁴. Филипп Добрый полностью им доверяет, чего нельзя сказать о короле Карле VII. Мало того, что он, как пишет Шатлен, по своей природе (*de sa propre ancienne nature*) был недоверчив⁵, страх и подозрительность усиливались с годами. Король умер в результате этих страхов: он боялся быть отравленным, поэтому отказывался принимать пищу⁶. Страх быть убитым, боязнь своего окружения – все это рассматривалось как воздаяние за грехи, а также говорило о том, что Карл VII – тиран, ибо только такой правитель живет в постоянном страхе⁷.

В отношении этой добродетели сын Филиппа Доброго представлен его совершенной противоположностью. Карла Смелого, как никакого другого правителя, упрекают в пренебрежении советом, что, безусловно, указывает на то, что он не был столь благоразумным государем как

¹ *Molinet J. Faictz et dictz. Vol. 1. P. 47.*

² *Thiry C. Les Croy face aux indiciaires bourguignons : Georges Chastelain, Jean Molinet // Et c'est la fin pour quoy sommes ensemble. Hommage à Jean Dufournet. P., 1993. T. 3. P. 1363-1380.*

³ *Chastelain G. Œuvres. Vol. 3. P. 389.*

⁴ *La Marche O. de. Mémoires. Vol. 1. P. 104.*

⁵ Например: *Chastelain G. Œuvres. Vol. 3. 22, 186, 218.*

⁶ *Ibid. Vol. 4. P. 369.*

⁷ *Small G. George Chastelain and the Shaping of Valois Burgundy. P. 180-181.*

его отец, принимавший решение только по совету своих приближенных. «Герцог Филипп совершал все по совету, а герцог Карл – только по своему решению», – пишет Ф. Вилант¹. Даже если он выслушивал всех членов совета, то поступал все равно по-своему. Де Ла Марш, редко критикующий своего сеньора, позволяет себе намекнуть, что уже в молодости Карл недостаточно прислушивался к советам мудрых и опытных придворных². Коммин многократно подчеркивает этот порок Карла Смелого: «господь настолько лишил его рассудка, что он начал пренебрегать любимыми советами, полагаясь только на себя самого»³. Именно в этом упрекает герцога Шатлен⁴, в этом же видит конечную причину всех его неудач и Т. Базен⁵. Жан Молине очень суров к герцогу в описании поражения при Нанси, в результате которого Карл Смелый погиб и обрел свои земли на разорение и порабощение врагами. Он указывает на недоверие Карла Смелого своим капитанам во время сражения при Муртене и при Нанси⁶.

Критика грубого отношения Карла к своим подданным повсеместно присутствует в бургундских хрониках. Еще в 1468 г. на капитуле Ордена Золотого руна рыцари упрекнули Карла в излишне грубом обращении к своим слугам⁷ – герцог часто называл их предателями⁸.

Однако постоянство Филиппа Доброго и излишнее доверие к своим советникам иногда приводило к негативным последствиям для Бургундского государства. Не многие хронисты пишут об этом открыто, но зачастую те или иные намеки позволяют видеть в их словах скрытую критику герцога за слепую веру своим самым близким советникам, каковым был, например, Антуан де Круа. Этот человек и члены его семьи имели огромное влияние при дворе, особенно в последние годы правления Филиппа Доброго. Жак дю Клерк вообще открыто заявляет, что де Круа в это время руководили герцогом⁹. По всей видимости, аррасский мемуарист негативно относился к тому, что та или иная партия придворных имела огромное влияние на герцога, что могло приводить к значительным злоупотреблениям не только при дворе, но и на местах. В своем сочинении он неоднократно

¹ *Wielant Ph.* Recueil des Antiquités de Flandre. P. 54.

² *La Marche O. de.* Mémoires. Vol. 2. P. 277-278.

³ *Коммин Ф. де.* Мемуары. С. 40.

⁴ Например: *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 5. P. 317, 358.

⁵ *Basin Th.* Histoire de Louis XI. P., 1963-1972. Vol. 2. P. 348.

⁶ *Molinet J.* Chronique. Vol. 1. P. 154, 164.

⁷ Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies. Stuttgart, 2001-2003. Bd. 2. P. 120.

⁸ *Wielant Ph.* Recueil des Antiquités de Flandre. P. 55.

⁹ *Clercq J. du.* Mémoires. Vol. 3. P. 91.

но обличает власть имущих, которые используют данные им полномочия в корыстных целях¹. Оливье де Ла Марш облек свою критику в более замысловатую форму. Во введении к «Мемуарам»² автор дает достаточно интересную трактовку заключения Аррасского мира 1435 г. Излагая основные вехи правления Филиппа Доброго, он упоминает этот договор и предшествующие ему события. Мемуарист пишет, что герцог, будучи вассалом короля, вел против него войну, причиной которой было убийство Жана Бесстрашного приближенными дофина Карла³. Дойдя до эпизода подписания мира, де Ла Марш следующим образом описал принятие герцогом решения сделать это (причем интерес, как кажется, вызывает само построение фразы и ее буквальный перевод): «...он [герцог. – *P.A.*] легко [легкомысленно? – *P.A.*] позволил себе посоветовать заключить мир, как тот, кто по своей природе был настоящим и добрым французом»⁴. Для нас важна не столько констатация того, что Филипп Добрый был истинным французом (что следует почти из всех бургундских хроник), сколько то, что герцог, как видно из слов де Ла Марша, легко, или даже легкомысленно, поддавался на советы заключить мир с королем. Хорошо известно, кто стоял за этими советами и за Аррасским миром: в первую очередь, Антуан де Круа и канцлер Николя Ролен, которые, как и многие другие члены бургундской делегации, были подкуплены французским королем Карлом VII⁵. Благодаря усилиям Антуана де Круа осуществилось затем и желание Людовика XI выкупить города на Сомме, перешедшие к герцогу Бургундскому в 1435 г. Возможно, приведенная фраза демонстрирует осознание автором ошибочности франко-бургундского сближения, ведь даже исследователи отмечают это, указывая на нежелание французской стороны выполнять условия договора⁶, а с другой стороны, это показывает попытку возложить всю ответственность за этот опрометчивый поступок на советников, а не на герцога напрямую. Такое утверждение подкрепляется тем, что Оливье де Ла Марш на протяжении всей своей службы при бургундском дворе убедился, что нельзя слепо верить всем договоренностям с французским коро-

¹ О позиции Жака дю Клерка по поводу власти и злоупотреблений см.: *Асейнов Р.М.* «Милостью Божьей герцог Бургундии»: представления о власти герцога в бургундской политической мысли // *Средние века*. 2012. Вып. 73 (1-2). С. 32-33.

² Напомним, что эта часть была написана последней – уже в 1490-е гг.

³ *La Marche O. de. Mémoires*. Vol. 1. P. 89.

⁴ «...il se laissa legierement conseiller à faire paix, comme celui qui de sa nature fut vray, bon et entier Franchois». *Ibid.* Vol. 1. P. 98-99.

⁵ *Vaughan R.* Philip the Good. P. 126.

⁶ *Ibid.* P. 107, 120.

лем¹. Следует также принимать во внимание то, что данный пассаж мог быть направлен и против клана де Круа, ведь автор «Мемуаров» занимал сторону Карла де Шароле во время его конфликта с членами этого семейства. Подобная трактовка договора в принципе продолжает размышления автора в первой книге его сочинения, написанной в начале 1470-х гг. В ней примирение герцога с королем выглядит непонятным, так как, по мнению де Ла Марша, Карл VII располагал в это время достаточной армией для ведения войны, а Филипп Добрый вполне успешно вел внешнюю политику, расширяя границы своих владений, то есть, на первый взгляд, никаких важных причин для незапного заключения мира не было. Автор видит те выгоды, которые получает от мира с герцогом Бургундским Карл VII: ему теперь не надо, например, вести одновременно войну на два фронта – против англичан и против бургундцев, оплачивать огромное число иностранных наемников. Что же касается Филиппа Доброго, то де Ла Марш среди причин, склонивших герцога к заключению договора, упоминает лишь о его французском происхождении, преданности французской монархии, даже несмотря на нанесенные ему оскорбления². Обращает на себя внимание тот факт, что де Ла Марш не находит какого-либо рационального объяснения поступку Филиппа Доброго (как он делает это в других случаях), в то время как мотивация Карла VII выглядит более или менее убедительной. Никакого другого объяснения, кроме того, что герцог был французским принцем и следовал заповедям Бога, он не приводит. Возникает справедливый вопрос: знал ли Оливье де Ла Марш реальные причины, побудившие герцога заключить мир с королем, или его представления об этом ограничивались столь наивными рассуждениями? Разумеется, ответить однозначно невозможно. На момент заключения мира он, конечно, не мог быть осведомлен об этом. Однако по прошествии времени автор наверняка размышлял об этом событии и его последствиях. Учитывая весь его дипломатический опыт, можно предположить, что знал он намного больше, чем сообщил читателю. Это убеждение базируется на прочтении всего текста «Мемуаров», ибо их основной чертой является скупость в изложении сюжетов, касавшихся политики. Будучи чрезвычайно близким Карлу Смелому человеком (он был капитаном охраны герцога), де Ла Марш не мог не знать всех тонкостей политики и переговоров. Однако информация об этом очень скупа. Поэтому справедливо, на

¹ *La Marche O. de. Mémoires. Vol. 3. P. 34.*

² *Ibid. Vol. 1. P. 238-240.*

наш взгляд, утверждать, что автор просто не хотел заострять внимание на целях, которые преследовал Филипп Добрый. Каковы они были, известно. Здесь стоит отметить не только желание принести мир своим подданным и подданным короля, но также стремление занять в иерархии королевства место, достойное первого пэра, то есть, по сути, вернуться к ситуации 1419 г. – ко времени, предшествовавшему убийству Жана Бесстрашного, когда именно герцог Бургундский располагал огромным влиянием на короля. То, что эти надежды не оправдались, обусловило, в конечном счете, негативное отношение де Ла Марша к заключению самого Аррасского мира.

Чрезмерное доверие Филиппа Доброго своему советнику Жану Кустану едва не привело к трагическим последствиям. Шатлен отмечает низкое происхождение этого человека, возвысившегося при дворе благодаря стечению обстоятельств, а не благодаря своим добродетелям, коих, по мнению хрониста, у Кустана не было вовсе¹. Опасаясь за свое положение, Кустан замыслил отравить наследника герцога, однако его план был раскрыт, а сам он казнен. Впрочем, Шатлен, как мы увидим ниже, оправдывает Филиппа Доброго за неверный выбор советника. В случае с Кустаном официальный историк вновь апеллирует к постоянству герцога в отношении своих приближенных и доверию, которое он испытывал к ним.

Выше было отмечено, что Филипп Добрый рассматривался всеми нашими авторами (да и сам позиционировал себя) как французский принц². Этот факт в значительной степени определял его политику внутри королевства. Тогда не кажутся странными и примирение с королем, и поддержка дофина во время ссоры с отцом. Апогеем этой политики стала коронация Людовика XI и пребывание Филиппа Доброго в Париже, сопровождаемое грандиозными празднествами (1461)³. На какой-то момент сам герцог подумал, что сумел добиться своей цели и занять во Французском королевстве подобающее ему положение, однако дальнейшее развитие событий показало, что это не так. Не заставившие себя ждать конфликты с новым королем, спровоцировавшим столкновения в ближайшем окружении Филиппа Доброго, заставили герцога несколько иначе взглянуть на своего французского сюзерена.

В отличие от де Ла Марша, Шатлен нисколько не сомневается в правильности французской политики герцога. Для официального

¹ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 4. P. 234, 237.*

² Например: *Chastellain G. Œuvres. Vol. 7. P. 216.* См. также: *Bonenfant P. Philippe le Bon. Sa politique, son action. P. 7; Асейнов Р.М. «Милостью Божьей герцог Бургундии...».* С. 17-41.

³ См.: *Paravicini W. Le temps retrouvé? Philippe le Bon à Paris en 1461 // Paris, capitale des ducs de Bourgogne. Ostfildern, 2007. P. 399-469.*

историка франко-бургундский альянс выглядит естественным, иначе, по его мнению, и быть не могло, ибо это противоречило бы природе. Вот и в рассматриваемом нами сочинении он подчеркивает, что Филипп Добрый всегда был истинным французом по природе, даже несмотря на длительные войны, которые вел с Карлом VII. Именно поэтому он пошел на заключение мира 1435 г., поддержал дофина Людовика и т.д. Шатлен особо отмечает, что именно герцог возложил на голову Людовика корону в Реймсе и сопровождал его в Париж¹. В характеристике нового герцога, которая следует за рассказом о Филиппе Добром, Шатлен продолжает настаивать на уважении, которое тот испытывает к французской королевской династии, из которой произошли его предки и он сам², обвиняя французскую сторону в англо-бургундском альянсе. В данной позиции официального историка нет ничего удивительного. На протяжении всей хроники он настойчиво проводит эту мысль, что неудивительно, ибо большая часть публики, на которую ориентировано творчество Шатлена, придерживалась именно таких взглядов на отношения Франции и Бургундии³. Им не особо импонировал настрой нового правителя на разрыв со своим сюзереном, его стремление представить себя равным королю Франции, о чем пишет, например, Филипп Вилант. Сравнивая в очередной раз Карла Смелого с отцом, он отмечает, что первый считал себя более наследником Карла Великого, ибо напрямую происходил от него, тогда как французская королевская династия вела свое происхождение от узурпатора Гуго Капета⁴. Настоящий шок вызвала у представителей этой части бургундской придворной элиты фраза, произнесенная Карлом Смелым во время приема королевских посланцев в Сент-Омере. Герцог заявил: «У нас, португальцев, есть традиция: когда те, кого мы считаем своими друзьями, становятся друзьями наших врагов, мы посылаем их к ста тысячам чертей»⁵. Несмотря на то что конкретные имена не были названы, все поняли, кого имел в виду герцог. Это был Людовик XI, поддерживавший врага Карла и Эдуарда IV – графа

¹ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 7. P. 218.

² *Ibid.* Vol. 7. P. 232-233.

³ На «франкоцентричность» бургундской исторической культуры указывает в своих работах британский исследователь Г. Смол. См., например: *Small G.* *Clio à la cour de Bourgogne au XVe siècle // La Librairie des ducs de Bourgogne. Manuscrits conservés à la Bibliothèque royale de Belgique.* Turnhout, 2009. Vol. 4. P. 11-23.

⁴ *Wielant Ph.* *Recueil des antiquités de Flandre.* P. 53.

⁵ «Entre nous Portugalois, avons une coustume devers nous, que quand ceux que nous avons tenus à nos amis, se font amis à nos ennemis, nous les commandons à tous le cent mille diables d'enfer». *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 5. P. 453.

Уорика. Шатлен отводит целую главу в хронике для того, чтобы объяснить свою позицию относительно этого высказывания герцога. Во-первых, Карл назвал себя португальцем¹ несмотря на то, что происходил из французского королевского дома. Во-вторых, официальный историограф не мог одобрить его неуважительного отношения к королю. Ведь «казалось тем, кто воспринял это со скорбью, что он нанес самому себе большое оскорбление такими словами, принимая во внимание то, что он был подданным короля и носил герб с лилиями...»². Кто эти люди? Шатлен описывает их как «наиболее мудрых, которые много видели», они «испытывали привязанность к Франции, а не к Англии»³. Это замечание автора важно применительно к дальнейшей судьбе Бургундского государства – большая часть бургундской элиты не мыслила себя вне королевства, для нее все усилия Карла по предельному отделению от него были противоестественными, а авторитет королевской власти – чрезвычайно высок. Причем следует пояснить, что именно неперсонифицированная королевская власть пользовалась уважением как Шатлена, так и той группы людей при бургундском дворе, к которой он был близок, ибо сами короли – Карл VII и Людовик XI – отнюдь не соответствовали тому высокому предназначению, которое даровал им Бог⁴. Вполне возможно, к данному лагерю принадлежал и Гийом Фийатр, также указывавший Карлу Смелому на его происхождение из французского королевского дома⁵. Однако идея франко-бургундского сближения оказалась неосуществимой. Оккупация части Бургундского государства войсками французского короля и переход на его сторону многих высокопоставленных придворных, свидетелями чего были Оливье де Ла Марш и Жан Молине, значительно повлияли на их политическую позицию.

Еще одним качеством, которое отличало Карла Смелого от отца, была вспыльчивость. Гийом Фийатр, размышляя над характером Филиппа

¹ По материнской линии Карл Смелый был внуком португальского короля Жуана I и Филиппы Ланкастер.

² «Et sembloient à ceux qui deuil y prenoient, qu'à luy-mesme il se fit grand blasme en telles paroles, considéré encore qu'il estoit sujet du roy, et honoré et paré des armes des fleures-de-lys...». Ibid. Vol. V. P. 453-454.

³ «...eux tous estoient en affection devers France, non pas vers Angleterre». Ibid. Vol. V. P. 454.

⁴ В этом смысле показательное отношение Шатлена к Людовику XI, которого он считал недостойным носить французскую корону: «пришло время, когда французское королевское достоинство попало в руки человека-зверя, и самая благородная и святая из всех на земле корона была возложена на голову человека, не являющегося человеком» («...est venu le temps maintenant que la royale dignité françoise est descendue sur homme bestial, et que la plus digne couronne et la plus sainte de la terre est assise sur cheveux d'un homme non homme»). Ibid. Vol. 5. P. 141.

⁵ *Guillaume Fillastre D. J. Ausgewählte Werke. S. 268.*

Доброго, большое внимание уделяет восхвалению его уравновешенности и осуждению вспыльчивых людей¹. Например, Фийатр восхищается герцогом, который не подверг жестоким наказаниям жителей восставших против его власти городов Гент и Брюгге, хотя они и заслуживали этого, а проявил к ним снисхождение, чего бы не сделал человек неуравновешенный². У Фийатра нет прямого указания на Карла (ведь само это сочинение адресовалось ему). Однако пример с Гентом и Брюгге, как кажется, приведен Фийатром неслучайно. Участь Динана, практически стертого с лица земли в 1468 г., и разорение Льежа продемонстрировали, что новый герцог отнюдь не склонен проявлять снисходительность к восставшим, тем более нанесшим ему личное оскорбление. Лишь Филипп Добрый мог отцовской властью осаживать сына, как это показано Коммином, например, в первой главе «Мемуаров»³. После его смерти никто на это способен не был.

Показательно, что ни один из авторов, рассуждая об уравновешенности Филиппа Доброго и вспыльчивости Карла Смелого, не упоминает о чрезвычайно любопытном эпизоде (хотя и Шатлен, и де Ла Марш описывают этот эпизод в своих сочинениях), который сводит на нет все их попытки показать Карла полной противоположностью своему отцу. Мы имеем в виду ссору отца и сына из-за кандидатуры на должность камергера при дворе Карла де Шароле. Филипп Добрый предлагал на эту должность Филиппа де Круа, его сын всячески противился этому и отстаивал своего кандидата – Антуана Ролена⁴. Шатлен ярко описал это незаурядное событие в жизни бургундского двора⁵, закончившееся ссорой отца с сыном, причем герцога охватила такая ярость, что Карлу по совету матери пришлось удалиться от двора, да и сам герцог в гневе отправился в одиночестве из дворца в неизвестном направлении и лишь šťastливое стечение обстоятельств не привело к трагедии – он нашел приют в доме своего подданного. Иными словами, Филипп Добрый не был столь уравновешен, как хотят показать наши авторы, противопоставляя его Карлу Смелому. Да и Карл, в свою очередь, дорожил своими приближенными и отстаивал их позиции при дворе⁶, подвергаясь при этом опасности по-

¹ Например: *Ibid.* S. 273.

² *Ibid.* S. 280, 282.

³ *Коммин Ф. де.* Мемуары. С.8-9.

⁴ О Николае Ролене и его семье см.: *Berthier M.-Th., Sweeney J.-Th.* Le chancelier Rolin (1376-1462). *Ambition, pouvoir et fortune en Bourgogne.* Dijon, 1998; *Носова Е. И.* Новая знать при бургундском дворе: семья Роленов // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* 2010. Серия 2. № 2. С. 171-178.

⁵ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 3. P. 230-239.

⁶ Например, он обещал после своего вступления на престол даровать Антуану Ролену

пасть в немилость из-за непокорности отцу и быть лишенным наследства. Этот конфликт внутри Бургундского дома значительно осложнил положение Карла и позволил его политическим противникам – семье де Круа – на некоторое время занять ведущее место при дворе и определять политику герцогства¹.

Щедрость – одна из главных добродетелей государя в понимании средневековых авторов. Именно благодаря ей можно, в частности, привлечь на службу достойных людей. Эта добродетель, соответствующая букве L (*Largesse*) в имени Филиппа Доброго, является четвертым небом на пути герцога к трону чести в описании Молине². Второй официальный историк Бургундского дома напоминает, как герцог распоряжался своими богатствами: щедро вознаграждал вассалов за службу, раздавал милостыню бедным, помогал паломникам. Все, кто обращался к нему, получали необходимое. В описании этой добродетели Молине следует традиционной концепции, согласно которой данное качество высоко ценилось в правителе, нуждавшемся в богатстве не для собственного блага, а для того чтобы одаривать нуждающихся³. Дважды в своих «Мемуарах» (сначала в главе, где рассказывает о смерти герцога, а затем и во введении) Оливье де Ла Марш повторяет, что одним из главных достоинств Филиппа Доброго, благодаря которому он заслужил уважение современников, является щедрость. Он, как говорится в «Мемуарах», оставил после своей смерти огромные сокровища, но при этом прослыл самым щедрым государем, ибо женил всех племянников за свой счет, построил много церквей, щедро вознаграждал слуг, в течение 5 лет содержал дофина⁴. Щедрость Филиппа Доброго противопоставляется скупости французских королей. Бальи Берри был так удивлен богатыми подар-

должность великого сенешаля Эно (Геннегау). См.: *Носова Е.И.* Неизвестный автограф Карла Смелого из Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН // *Вспомогательные исторические дисциплины* (в печати).

¹ Конфликт герцога с сыном вызвал раскол при дворе. Вокруг наследника сформировалась группа верных ему придворных: *Paravicini W.* «Acquérir sa grâce pour le temps advenir». *Les hommes de Charles le Téméraire, prince héritier (1433-1467) // A l'ombre du pouvoir. Les entourage princiers au Moyen Age.* Liège, 2003. P. 361-383.

² *Molinet J.* Faictz et dictz. Vol. 1. P. 50-51.

³ *Малинин Ю.П.* Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV-XV вв. СПб., 2000. С. 161.

⁴ *La Marche O. de.* Mémoires. Vol. 3. P. 56. В конце 1456 г. дофин Людовик (будущий король Людовик XI), опасаясь ареста по приказу отца, короля Карла VII, бежал из Гренобля ко двору Филиппа Доброго, который предоставил в его пользование резиденцию в замке Женапп. Во владениях герцога Бургундского Людовик оставался до своего вступления на французский престол в 1461 году. См.: *Favier J.* Louis XI. P., 2001. P. 157-185; *Эрс Ж.* Людовик XI. Ремесло короля. М., 2007. С. 48-55.

ками, преподнесенными ему во время приема у герцога Бургундского, ибо знал, что при дворе его господина так не поступают по отношению к слугам герцога¹. Богатство и роскошь бургундского двора изумляли современников. Он считался самым блистательным из дворов всех европейских монархов². Данный факт признавали сами современники-иностранцы, пребывавшие при дворе герцогов, в том числе и итальянцы. Герцоги сознательно пытались убедить гостей в своем могуществе. Для этого они, например, демонстрировали им свою казну, наполненную золотом. Нюрнбергский купец Г. Тетцель, сопровождавший чешского барона Л. де Розмиталя, указывает, что казна Филиппа Доброго куда богаче казны венецианцев³. Свое восхищение двором герцога высказывает и Перо Тафур⁴. Вилант также восторгается тем, что Филиппу Доброму удалось собрать огромные богатства, которые он оставил сыну, однако последний все растратил⁵.

Среди других добродетелей, которые приводит в своем сочинении Молине, следует обратить внимание на Справедливость (Justice), Милосердие (Pitié)⁶. Автор подчеркивает, что герцог был справедлив к своим подданным, обеспечивал мир и спокойствие в своей стране. Благодаря Милосердию он легко прощал, в том числе и своих врагов. Вилант также указывает на это качество герцога, противопоставляя его сыну, который долго не отходил от нанесенных обид и требовал публичных покаяний⁷.

Впрочем, даже такой добродетельный государь обладал некоторыми пороками, которые бургундские авторы вынуждены были назвать, дабы их не сочли льстецами. Шатлен отмечает, что совершенен только Бог⁸, правители – тоже люди, а значит, они склонны к различным страстям, в том числе и порочным, таким как зависть или ненависть⁹. Фийатр также указывает, что человек не может обладать только добродетелями, ибо это удел совершенных существ¹⁰. Совпадая во мнении относительно наличия у герцога пороков, оба автора вступают

¹ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 3. P. 28.*

² См.: *Armstrong C. A. J. The Golden Age of Burgundy. Dukes that outdid Kings // The courts of Europe. Politics, Patronage and Royalty. 1400-1800. L., 1977. P. 55-75.*

³ См.: *Paravicini W. Structure et fonctionnement de la cour bourguignonne au XVe siècle // РСЕЕВ. 1989. Т. 29. P. 67-73.*

⁴ *Масиель Санчес Л. К. Придворная одиссея одного кастильского идалго XV века // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель среда. С. 272.*

⁵ *Wielant Ph. Recueil des antiquités de Flandre. P. 55.*

⁶ *Molinet J. Faictz et dictz. Vol. 1. P. 51-55.*

⁷ *Wielant Ph. Recueil des antiquités de Flandre. P. 55.*

⁸ *Chastellain G. Œuvres. Vol. 7. P. 223.*

⁹ *Ibid. Vol. 3. P. 30.*

¹⁰ *Guillaume Fillastre D. J. Ausgewählte Werke. S. 298.*

в заочный спор о том, что понимать под пороками. Например, оба сообщают, что герцог имел обыкновение очень поздно приходить к мессе, ее приходилось служить в 2 или 3 часа пополудни¹. Папа римский Пий II даже официально разрешил ему это². Однако при дворе это вызывало различную реакцию. Шатлен, например, видит в этом один из пороков герцога, ибо чрезмерная страсть к плотским удовольствиям мешала герцогу вставать вовремя. Если Шатлен даже не берется оправдывать этот порок, оставляя его на усмотрение Бога, то Фийатр явно полемизирует с официальным историком. Он не может не уделить этому внимания, так как ни для кого данный факт не был секретом. Однако второй канцлер Ордена Золотого руна не считает это пороком. Напротив, он сообщает, что герцог не выходил из своих покоев, ибо большей частью пребывал в молитвах, либо решал государственные дела среди круга ближайших советников³. Будучи человеком щедрым и милосердным, герцог легко поддавался на уговоры и просьбы придворных, поэтому раннее появление на публике отвлекало бы его от важных дел, считает Фийатр.

Мнения Шатлена и Фийатра различаются и в характеристике отношения герцога к участию в управлении государством. Очевидно, что канцлер, судя по всему знакомый с трактатом Шатлена, пытается оспорить утверждение последнего о том, что Филипп Добрый мало внимания уделял государственным делам, особенно правосудию и финансам⁴, доверяясь своим советникам, тогда как государь должен сам «знать свои дела». А Филипп Добрый, по мнению Шатлена, будучи богатейшим государем эпохи, не знал даже состояние своей казны⁵. О чрезмерном доверии советникам говорит, например, положение Николя Ролена. Шатлен, об отношении которого к канцлеру Ролену говорилось выше, отмечает, что до опалы он один определял политику герцога, безмерно доверявшего ему: это касалось и вопросов войны и мира, и финансов⁶. Это открывало путь к злоупотреблениям, в чем, по мнению Шатлена, был повинен канцлер. Однако не только он. Официальный историк отмечает, что с возрастом Филипп Добрый стал окружать себя фаворитами низкого происхожде-

¹ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 7. P. 225.

² *Paravicini W.* Le temps retrouvé. P. 424.

³ *Guillaume Fillastre D. J.* Ausgewählte Werke. S. 299.

⁴ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 7. P. 222-223. В политической мысли того периода господствовали идеи о том, что государь должен быть в курсе всех дел, следить за работой чиновников, лично участвовать в заседании совета, следить за своими доходами. См., например: *Цатурова С.К.* «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?». С. 104-108.

⁵ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 7. P. 223.

⁶ *Ibid.* Vol. 3. P. 330.

ния, отказывая в почестях людям знатным¹. В этом Шатлен видит один из пороков герцога, ибо фавориты, пользовавшиеся доверием герцога, получали практически неограниченную власть над ним². Таковым был, как отмечалось выше, Жан Кустан, например. Фийатр, напротив, укоряет таких, как Шатлен, которые пытаются упрекать герцога в пренебрежении к финансам, ибо тот требовал скрупулезного выполнения своих поручений и следил за тем, чтобы вовремя выдавались щедрые дары³. В описании канцлера герцог представлен трудолюбивым государем, ибо ложился в 2 часа ночи, а вставал уже в 6 часов утра, вынужденный трудиться на благо подданных, ибо многие решения ему приходилось принимать лично. Желая подчеркнуть свою близость к герцогу, Фийатр пишет, что многие важные дела вовсе не требовали публичности или решения при большом числе придворных, напротив, они должны были рассматриваться в узком кругу герцогского совета, в заседаниях которого участвовал и сам герцог, когда дело того требовало (*quant le cas le requeroit*). Шатлен, списывая, тем не менее, многие пороки на преклонный возраст герцога, не может не упрекнуть его в чревоугодии, тогда как канцлер снова опровергает это суждение историка⁴. Единственное, пожалуй, в чем они сходятся, – это также общеизвестный недостаток Филиппа Доброго, его внебрачные связи. Скрывать этот факт было бы весьма странным со стороны наших авторов, ведь бастарды герцога воспитывались при дворе вместе с его законным наследником⁵. Поэтому ни Шатлен, ни Фийатр не пытаются оправдать своего сеньора, отмечая терпимость Изабеллы Португальской. Об адюльтерах упомянул и Жан Жермен в последней главе своего сочинения⁶. По мнению Ж. Павио, это было сделано намеренно и уже после того, как автор преподнес книгу Карлу – таким образом Жермен попытался отомстить герцогу за свою опалу, случившуюся в 1452 г. после провала плана по организации крестового похода, в котором приняли бы участие все европейские государи⁷.

Этот спор двух придворных интеллектуалов весьма любопытен. В чем причины того, что Фийатр стремится опровергнуть высказанные Шатленом упреки в адрес герцога? Еще более интересно то, почему

¹ Ibid. Vol. 7. P. 224.

² См.: *Paravicini W.* The Court of the Dukes of Burgundy. A Model for Europe? P. 72.

³ *Guillaume Fillastre D.J.* Ausgewählte Werke. S. 299.

⁴ Ibid. S. 300.

⁵ *Dubois H.* Charles le Téméraire. P., 2004. P. 31.

⁶ *Jean Germain.* Liber de virtutibus. P. 113-115.

⁷ *Paviot J.* Jean Germain, évêque de Nevers et de Chalon-sur-Saône, chancelier de l'ordre de la Toison d'or // PCEEВ. 2010. Т. 50. P. 120.

официальный историк, который на страницах своей хроники всячески превозносит герцога, восхищается им, в трактате о его благодеяниях осмеливается рассказать о недостатках этого правителя. Британский исследователь Г. Смол, исходя из даты написания трактата Шатленом (лето 1467 г.), отмечает, что основной причиной такого поворота в восприятии им Филиппа Доброго являлось то, что трактат был предназначен для вступившего на престол Карла Смелого. Официальный историк, стремившийся сохранить свою позицию при дворе нового правителя, был вынужден написать панегирик не столько его отцу, сколько самому Карлу¹. Надо сказать, что ему удалось продемонстрировать верность династии и новому герцогу – Карл Смелый оставил Шатлена исполнять его функции официального историка. Действительно, с такой аргументацией нельзя не согласиться. Ведь если внимательно посмотреть на те пороки, которые Шатлен приписывает Филиппу Доброму – пренебрежение государственными делами, особенно финансами и правосудием, чревоугодие, внебрачные связи – во всем этом невозможно упрекнуть нового герцога. Напротив, и Шатлен, и другие авторы отмечают его трудолюбие, причем часто в этом слышится завуалированная критика излишнего участия в управлении и чрезмерного контроля². И в характеристике Карла Смелого Шатлен особое внимание уделяет отношению герцога к финансам: Карл сразу же стал изучать свои доходы: что он имеет с домена, а что в виде экстраординарных поступлений³. Оливье де Ла Марш также свидетельствует об этом: герцог всегда сам вникал во все дела⁴, лично контролировал расходы и назначения пенсионеров⁵, участвовал в заседаниях совета, причем выслушивал мнения всех его членов, два раза в неделю давал аудиенции, чтобы выслушать жалобы даже самых бедных своих подданных⁶. Рассказывая о буднях Карла Смелого во время осады Нейса, Молине сообщает, как герцог лично объезжал армию, раздавая приказы пикардийцам, советуя что-то ломбардцам. Он не давал покоя своим людям, так как сам почти не спал⁷. Сравнивая Карла с отцом, Вилант указывает, что последний лю-

¹ *Small G.* George Chastelain and the Shaping of Valois Burgundy. P. 245-248.

² «...estoit actif et laborieux par trop et plus qu'il ne seoit a tel prince, soir et matin toudis en conseil, toudis en soin d'aucun grand cas, ou en finances ou en fait de guerre ou en provision du bien public. Perdoit peu d'heures et travailloit fort gens...». *Chastelain G.* Œuvres. Vol. 7. P. 229.

³ *Ibid.* Vol. 5. P. 361-362.

⁴ *La Marche O. de.* Mémoires. Vol. 1. P. 128.

⁵ *Ibid.* Vol. 4. P. 10.

⁶ *Ibid.* Vol. 4. P. 4.

⁷ *Molinet J.* Chronique. Vol. 1. P. 59.

бил отдых, который проводил в танцах, на приемах, охотясь или играя. В отличие от него Карл Смелый не признавал необходимости отдыха¹. Удивительно, что среди бургундских авторов, как, впрочем, и среди придворных, не было единого мнения по поводу того, в какой степени государь должен заниматься делами². Пример с позицией Шатлена по этому вопросу показателен. Он критикует как пренебрежение ими, так и чрезмерное усердие. По его мнению, идеальный государь должен придерживаться «золотой середины» в этом вопросе. Проявление крайностей вовсе не приветствовалось средневековыми мыслителями³. Еще Кристина Пизанская показывала на примере Карла V, что монарху необходимо придерживаться уравновешенного сочетания труда и отдыха, что поможет ему надлежащим образом исполнять свои обязанности⁴. Такое равновесие в случае с Карлом Смелым отсутствует. Филипп де Коммин видит в этом источник неудач герцога⁵. Позицию Коммина разделяет Филипп Вилант. И хотя он отмечает, что герцог иногда музицировал и даже пел, но такое времяпрепровождение не приносило, видимо, ему удовольствия⁶, в отличие от его отца, который любил устраивать роскошные празднества, да и просто проводить время за играми, танцами, турнирами, чтением разнообразных рыцарских романов или любовных историй⁷. Вполне возможно, что придворным не хватало этого в правление Карла Смелого, который сам не желал участвовать в развлечениях, да и своих приближенных заставлял присутствовать и, по словам Шатлена, откровенно скучать во время аудиенций, которые давал 2 или 3 раза в неделю⁸. Именно официальный историк в своих сочинениях отразил настроения той придворной группы, которая не разделяла привнесенные Карлом Смелым новые принципы управления и

¹ *Wielant Ph.* Recueil des antiquités de Flandre. P. 57.

² В контексте этого вопроса стоит отметить, что в системе управления Бургундского государства была чрезвычайно высока роль самого герцога в условиях недостаточной развитости институтов. На это обращает внимание Н.А. Хачатурян, анализируя трактат Оливье де Ла Марша о дворе Карла Смелого (*Хачатурян Н.А.* Бургундский двор и его властные функции. С. 126-135).

³ *Guenée B.* Le prince en sa cour. Des vertus aux usages (Guillaume de Tyr, Gilles de Rome, Michel Pintoin) // CRAIBL 1998. Vol. 142. P. 635, passim.

⁴ *Blanchard J.* Le corps du roi: mélancolie et «recréation». Implications médicales et culturelles du loisir des princes à la fin du Moyen Age // Représentation, pouvoir et royauté à la fin du Moyen Age. P., 1995. P. 201-202.

⁵ *Blanchard J.* Commynes l'Européen. L'invention du politique. Genève, 1996. P. 158-159. См.: *Коммин Ф. де.* Мемуары. С. 174.

⁶ *Wielant Ph.* Recueil des Antiquités de Flandre. P. 57.

⁷ *Ibid.* P. 56.

⁸ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 5. P. 469-470.

его «политическую программу»¹. Ее выразителями стали представители совершенно иного поколения – придворные, возвысившееся как раз при новом герцоге. Среди них стоит назвать канцлера Гийома Югоне и одного из ближайших сподвижников Карла Ги де Брима, сеньора де Эмберкура².

Что же касается отношений с женщинами, то здесь также невозможно упрекнуть Карла: Шатлен пишет, что целомудрие нового герцога явилось разительным отличием от той жизни, которую вели другие государи³. Нельзя обвинить его и в чревоугодии. В набожности он не уступал отцу, а даже превосходил его.

Таким образом, на фоне пороков отца сын предстал у Шатлена в лучшем свете. В то же время официальный историк не преминул ненавязчиво указать новому герцогу на некоторые его недостатки (вспыльчивость, чрезмерное трудолюбие, невнимание к отдыху и т.д.). Не предал он и памяти своего прежнего сеньора, ибо отметил только те его недостатки, которые были известны всем при дворе.

Что же касается Фийатра, то его полемику с Шатленом можно объяснить несколькими факторами. С одной стороны, Фийатр, на протяжении многих лет глава герцогского совета и канцлер Ордена Золотого руна, был более близок к Филиппу Доброму, нежели официальный историк. Он неоднократно доказывает это на страницах своего сочинения, отмечая, что герцог поведал ему какой-то факт с глазу на глаз, в личных покоях и т.д.⁴ Поэтому он, а не кто-то другой при дворе, мог быть лучше осведомлен об истинных причинах позднего прихода к мессе и т.д. С другой стороны, на момент создания «Истории Золотого руна» (1473 г.) Фийатр уже был смещен с должности канцлера Ордена. Карл Смелый, видимо, тяготившись присутствием не очень близкого ему человека на этой должности, решил заменить Фийатра на более преданного, отправив первого писать свой труд о Золотом руне. Иными словами, бывшему канцлеру не нужно было прибегать к столь изощренным способам прославления Карла Смелого, ведь для этого он готовил специальный раздел своей книги. К тому же, обвинение Филиппа Доброго в пренебрежении государственными делами, чрезмерном доверии к советникам, в незнании финансового состояния государства бросало тень и на самого Фийатра, как одного из

¹ О восприятии политики Карла Смелого бургундскими придворными см.: *Асейнов Р.М.* Образ государя в «Обращении к герцогу Карлу» Ж. Шатлена. С. 409-411.

² О нем см.: *Paravicini W. Guy de Brimeu: Der burgundische Staat und seine adlige Führungsschicht unter Karl dem Kühnen.* Bonn, 1975.

³ *Chastellain G. Œuvres.* Vol. 7. P. 231.

⁴ Например: *Guillaume Fillastre D. J. Ausgewählte Werke.* S. 274, 293,

ближайших советников. Следовательно, опровергая утверждение Шатлена, он в некоторой степени оправдывал свою деятельность в аппарате управления Бургундским государством, а с другой стороны, указывал на ту важную роль, которую играл в нем. Он, хотя и не говорит об этом подробно, тем не менее рисует нам совершенно иную картину управления Бургундским государством по сравнению с той, что представил Оливье де Ла Марш в трактате о дворе¹. Отмечая верховную власть герцога, он все же оставляет значительные полномочия за советом и другими ведомствами. Филипп Добрый у него лично принимает лишь особо важные решения, тогда как Карл Смелый в описании де Ла Марша и Шатлена постоянно вникает во все дела, будь то вопросы финансов, войны или правосудия. Другой причиной столь яркого спора двух интеллектуалов при бургундском дворе мог стать, на наш взгляд, высказанный Шатленом укор в адрес тех священнослужителей, которые призывали Филиппа Доброго присоединиться к отряду крестоносцев, возглавляемых его бастардом Антуаном, в 1464 г. Среди этих прелатов был, видимо, и Фийатр, весьма опечаленный тем, что герцог не смог этого сделать². В то время как официальный историк скептически отнесся к участию герцога в этом предприятии, указывая на возможные беды для Бургундского дома в случае внезапной кончины правителя в чужих землях³ и упрекая прелатов в том, что они ничего не смыслят в земных делах и дают неправильный совет герцогу⁴.

В описании Фийатра Филипп Добрый выступает как правитель, заботящийся о благе подданных и государства, пожалуй, более, чем в каком-либо другом из рассматриваемых сочинений. В течение его длительного пребывания на престоле главным для него было поддержание мира в своих владениях. Все войны, которые он вел, были вынужденными. Филипп Добрый стремился либо сохранить свое наследие, либо оградить свой народ от несправедливостей и притеснений⁵. Это, по мнению канцлера, является одной из главных обязанностей государя. Действительно, период правления Филиппа Доброго представляется как идеальный (за несколькими исключениями) образ отношений государя и подданных, основанный на отцовской любви со стороны первого и сы-

¹ Об этом трактате см.: *Хачатурян Н.А.* Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ла Марша // Двор монарха в средневековой Европе. С. 121-136; *Paravicini W.* La cour de Bourgogne selon Olivier de La Marche // PCEEВ. 2003. Т. 43. Р. 89-124.

² *Guillaume Fillastre D.J.* Ausgewählte Werke. S. 288.

³ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 5. P. 49.

⁴ *Ibid.* Vol. 5. P. 55.

⁵ *Guillaume Fillastre D.J.* Ausgewählte Werke. S. 302.

новнего подчинения со стороны вторых. Герцог даже налоги взимал, по мнению Шатлена, при помощи не тирании, а – любви, будучи хорошим правителем¹. Это, впрочем, не мешает хронисту указать, что налоговое бремя возросло по сравнению с предшествующими временами (хотя и не настолько, как во время правления Карла Смелого). Филипп Добрый заставил подданных любить себя и бояться, пишет Вилант², что являлось главным для государя. Ибо он, по мысли Шатлена, должен держать народ в страхе (*en cōmeur*), а дворян в любви (*en bonne amour*). Ведь если подданные будут только бояться, это приведет к неповиновению с их стороны³. Поэтому, в частности, Филипп Добрый ограничился довольно мягким наказанием Гента в 1453 г. Фийатр приводит эпизод, когда герцогу советовали разрушить восставший город. На это Филипп Добрый ответил: «Гентцы – мой народ, и город мой. Я не знаю никого, у кого поднялась бы рука разрушить его»⁴. Подобное решение герцог принял, несмотря на советы приближенных, и в 1438 г., когда подавлял восстание в Брюгге⁵. Можно, конечно, усомниться, что герцог пошел бы на разрушение едва ли не самых богатых городов в своих владениях, но это была отличная возможность продемонстрировать верховную власть над графством Фландрским в данном случае, а также заботу о подданных и общем благе.

Если сравнивать заключения рассматриваемых сочинений (написанных после смерти Филиппа Доброго), то все они рисуют нам один и тот же образ герцога как идеального государя, потеря которого является трагедией не только Бургундского дома, но и всего христианского мира. В «Троне чести» Молине показывается, как герцог, преодолев все девять небес, предстает перед этим самым тронном Чести. Он оказывается среди самых доблестных героев мировой истории, таких как Цезарь, Александр Македонский, Карл Великий. Иными словами, подчеркивается его статус, равный статусу этих великих государей. Ему вручают скипетр и

¹ *Chastellain G.* Œuvres. Vol. 2. P. 143.

² *Wielant Ph.* Recueil des antiquités de Flandre. P. 56. В то время как его сына, Карла Смелого, только боялись.

³ Интересную трактовку патерналистские идеи получили в концепции власти государя, разработанной Карлом Смелым. Об этом см.: *Асейнов Р.М.* Карл Смелый, Гийом Югоне и политическая мысль при бургундском дворе в 1470-е гг. // Политическая культура в Средние века и раннее Новое время / Под ред. А.К. Гладкова (в печати).

⁴ «Ceulx de Gand sont mon peuple, la ville est mienne. Laquelle destruite, je ne sçay vivant qui en fera une pareille». *Guillaume Fillastre D. J.* Ausgewählte Werke. S. 282.

⁵ *Boone M.* Destroying and Reconstructing the City: The Inculcation and Arrogation of Princely Power in the burgundian-Habsburg Netherlands (14th–16th Centuries) // *The Propagation of Power in the Medieval West.* Groningen, 1997. P. 4.

лавровый венок¹. Жак дю Клерк следующим образом описал смерть герцога: «...они потеряли сегодня государя, наиболее почитаемого на земле христиан; преисполненного щедрости, чести, доблести и храбрости, да и всех добродетелей, который держал все земли в мире»².

Сравнивая эту эпоху с периодом правления Карла Смелого, закончившимся крушением государства, многие придворные хронисты видели в былом процветании заслугу отца, а в бедах – результат неудачной политики сына. Несчастья, обрушившиеся на бургундские регионы после 1477 г., свидетелями которых стали многие из наших авторов (де Ла Марш, Молине, Вилант), вполне естественно заставляли их мысленно возвращаться к «золотому веку» Филиппа Доброго. Если уж Филипп де Коммин восторженно говорит о расцвете Бургундии в эпоху Филиппа Доброго и о крушении государства при Карле Смелом, то что же говорить о тех, кто остался верен Бургундскому дому?! Для де Ла Марша, например, также характерна ностальгия по прошлому благополучию, что выразилось в характеристике итогов правления Филиппа Доброго³. Молине же считает, что за его правление только манна небесная ниспала на Бургундский дом, а все несчастья и проклятия обходили его стороной⁴. Вполне естественно, что чем сильнее переживались авторами последствия политики Карла Смелого, тем более идеализированным становился образ его отца. Глава одного из последних по хронологии рассматриваемых нами сочинений (речь идет о «Древностях Фландрии» Филиппа Виланта) построена по принципу прямой антитезы Филиппа Доброго и Карла Смелого. Сравнение, безусловно, не в пользу последнего. Вилант, подводя итоги правлений обоих государей, заметил, что 48-летнее правление Филиппа Доброго прошло в процветании, он умер любимым и оплакивался подданными, тогда как Карл Смелый правил всего 9 лет, но все они прошли в постоянных войнах, а умер герцог не в своих землях, а на поле сражения от руки врагов⁵. Любопытно, что Вилант, одним из первых назначенный советником вновь учрежденного парламента в Мехелене (Малине), а впоследствии исполнявший обязанности его президента уже в начале XVI в., отмечает его создание как нечто непродуманное, что не пережило смерти Карла Смелого, в отли-

¹ *Molinet J. Faictz et dictz. Vol. 1. P. 56.*

² «...ils perdoient ce jour ung prince le plus renommé qui fust sur la terre des chrestiens; plein de largesse, plein d'honneur, plein de hardiesse et valliance, et brief remply de moult nobles vertus, le quel avoit tous ses pays gardé en paix». *Clercq J. du. Mémoires. Vol. 4. P. 306.*

³ *La Marche O. de. Mémoires. Vol. 1. P. 105; Vol. 3. P. 55-57.*

⁴ *Molinet J. Faictz et dictz. Vol. 1. P. 55.*

⁵ *Wielant Ph. Recueil des antiquités de Flandre. P. 57.*

чие от всех нововведений Филиппа Доброго и основанного им Ордена Золотого руна. Возможно, в нем говорило фламандское происхождение, ведь именно города Фландрии выступали главными противниками одного из важнейших шагов на пути централизации Бургундского государства.

Вполне справедливо считать, что в образе Филиппа Доброго, представленного читателям бургундскими придворными хронистами, можно видеть тот идеал добродетельного государя, который, по их мысли, должен служить примером для последующих поколений, чем-то вроде «наставления морального, религиозного и политического»¹. Неслучайно этот герцог оказывается сосредоточением почти всех главных добродетелей, которые только может иметь государь. Таковым предстал герцог в «Троне чести» Молине, таковым он остался в коллективной памяти подданных Бургундского дома, да и остается в представлениях современников о Бургундском государстве XV в. Филипп де Коммин очень ярко описал эпоху благоденствия при Филиппе Добром: «В это время подданные Бургундского дома были очень богаты благодаря длительному миру и доброте своего государя, мало облагавшего их талей, и мне кажется, что тогда их земли имели больше права называться землей обетованной, чем любые другие в мире. Они упивались богатством и покоем, которые впоследствии навсегда утратили, и упадок начался 23 года назад»². Работая над этой частью «Мемуаров» в 1489 г., Коммин сознательно относит начало упадка к 1465-1466 гг., когда при престарелом Филиппе Добром значительно возросло влияние Карла Смелого при дворе. Таким образом, следовавшие за этим трудности и катаклизмы при новом герцоге, несомненно, явились одной из главных причин идеализации и мифологизации образа Филиппа Доброго (что особенно очевидно в случае с Вилантом). В то же время образ идеального государя оказался не лишенным некоторых изъянов. Открытая критика тех недостатков герцога, которые ни для кого при дворе не являлись секретом, или попытка их оправдания была обусловлена теми целями, которые ставили перед собой авторы при написании трудов (например, Шатлен и Фийатр). Вместе с тем упреки в недостаточно дальновидных поступках (в частности, во внешней политике) диктовались имевшимся у автора политическим, дипломатическим и жизненным опытом (Оливье де Ла Марш). Изучение восприятия третьего герцога Бургундского из дина-

¹ Wolff H. Histoire et pédagogie princière au XV siècle: Georges Chastelain // Culture et pouvoir au temps de l'Humanisme et de la Renaissance. Genève, P., 1978. P. 37-49.

² Коммин Ф. де. Мемуары. С. 11.

сти Валуа бургундскими придворными историками и государственными деятелями позволило также отметить основные черты бургундской пропаганды – представление герцога единственным защитником Церкви, Французского королевства, его нравственное превосходство над правящими представителями французского королевского дома, щедрость по отношению к своим приближенным и гостям, демонстрация богатства и роскоши двора и т.д., способствовавшие укреплению позиций герцога как внутри своих владений, так и среди других европейских монархов. Характеристика же Филиппа Доброго в сравнении с его сыном выявила наличие разных мнений при бургундском дворе относительно поведения и обязанностей государя (степень вовлеченности в решение государственных дел, доверия советникам и т.д.), приоритетов в его политике (отношения с Французским королевством, создание независимого от него государства, политика централизации и др.), что вместе с неблагоприятными внешними и внутренними обстоятельствами, а также не совсем удачной политикой не позволили Карлу Смелому достичь поставленных перед ним целей.

Список литературы:

Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель среда. М., СПб., 2001. [Dvor monarha v srednevekovoj Evrope: javlenie, model' sreda. M., SPb., 2001].

Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. М., 2004. [Korolevskij dvor v politicheskoj kul'ture srednevekovoj Evropy. M., 2004].

Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006. [Svjashhennoe telo korolja: Ritualy i mifologija vlasti. M., 2006].

Королевский двор в Англии XV-XVII веков. СПб., 2011. [Korolevskij dvor v Anglii XV-XVII vekov. SPb., 2011].

Хачатурян Н.А. Проблемы и перспективы в изучении темы королевского двора // Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. [Hachaturjan N.A. Problemy i perspektivy v izuchenii temy korolevskogo dvora // Hachaturjan N.A. Vlast' i obshhestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka. M., 2008].

Paravicini W. The Court of the Dukes of Burgundy. A Model for Europe? // Princes, Patronage and the Nobility. The Court at the Beginning of the Modern Age c. 1450-1650. Oxford, 1991.

«A l'heure encore de mon écrire». Aspects de la littérature de Bourgogne sous Philippe le Bon et Charles le Téméraire. Louvain-la-Neuve, 1997.

- A la Cour de Bourgogne. Le duc, son entourage, son train. Turnhout, 1998.
- La cour de Bourgogne et l'Europe: Le rayonnement et les limites d'un modèle culturel. Ostfildern, 2013.
- Staging the Court of Burgundy / Ed. A. Van Oosterwijk. Turnhout, 2013.
- Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1986. [Kommin F. de. Memuary. M., 1986].
- Blanchard J. Philippe de Commynes. P., 2006.
- Vaughan R. Philip the Good. The Apogee of Burgundy. L., 1970.
- Bonenfant P. Philippe le Bon. Bruxelles, 1943.
- Bonenfant P. Philippe le Bon. Sa politique, son action. Bruxelles, 1996.
- Huizinga J. La Physionomie morale de Philippe le Bon // Annales de Bourgogne. 1932. T. 4.
- Bourassin E. Philippe le Bon, le grand lion de Flandres. P., 1983.
- Prevenier W., Blockmans W. The Burgundian Netherlands. Cambridge, 1986.
- Schneer B. L'Etat bourguignon 1363-1477. P., 1999.
- Prevenier W., Blockmans W. The Promised Lands. The Low Countries under Burgundian Rule, 1369-1530. Philadelphia, 1999.
- Brown A. The Valois dukes of Burgundy. Oxford, 2002.
- Molinier A. Les sources de l'histoire de France des origines aux guerres d'Italie. P., 1904.
- Krynen J. Idéal du prince et pouvoir royal en France à la fin du Moyen Age (1380-1440). P., 1981.
- Асейнов Р.М. Субъективность в истории: образ автора в бургундских хрониках и мемуарах // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. [Asejnov R.M. Sub'ektivnost' v istorii: obraz avtora v burgundskih hronikah i memuarah // Istoricheskaja pamjat' v kul'ture jepohi Vozrozhdenija. M., 2012].
- Chronique relatives à l'histoire de la Belgique (Textes latins). Bruxelles, 1876.
- Chastellain G. Œuvres. Bruxelles, 1863-1865. Vol. 7.
- Molinet J. Faictz et Dictz. P., 1936-1939. Vol. 1.
- Guillaume Fillastre D.J. Ausgewählte Werke. Ostfildern, 2003.
- La Marche O. de. Mémoires. P., 1883-1888. 4 vols.
- Wielant Ph. Recueil des antiquités de Flandre // Recueil des Chroniques de Flandre. Bruxelles, 1865. T. 4.
- Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies. Stuttgart, 2001. \ Bd. 1.
- Асейнов Р. М. Образ государя в «Обращении к герцогу Карлу» Ж. Шатлена // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М.,

2009. [Asejnov R.M. Obraz gosudarja v «Obrashhenii k gercogu Karlu» Zh. Shatlena // Vlast', obshhestvo, individ v srednevekovej Evrope. M., 2009].

Paviot J. La dévotion vis-à-vis de la Terre sainte au XVe siècle. L'exemple de Philippe le Bon (1396-1467) // Autour de la première croisade. Actes du colloque de Clermont-Ferrand (juin 1995). P., 1996.

Müller H. Kreuzungspläne und Kreuzzugspolitik des Herzogs Philipp des Guten von Burgund. Göttingen, 1993.

Paviot J. L'ordre de la Toison d'or et la Croisade // L'Ordre de la Toison d'or de Philippe le Bon à Philippe le Beau (1430-1505). Idéal ou reflet d'une société?. Bruxelles, 1996.

Paviot J. Les ducs de Bourgogne, la croisade et l'Orient (fin XIVe siècle–XVe siècle). P., 2004.

Le Brusque G. Une campagne qui fit long feu: le saint voyage de Philippe le Bon sous la plume des chroniqueurs bourguignons (1453-1464) // Le Moyen Age. 2006. T. 112 (3-4).

Хачатурян Н.А. Светские и религиозные мотивы в придворном банкете «Обет фазана» герцога Бургундского в XV в. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. М., 2004. [Hachaturjan N.A. Svetskie i religioznye motivy v pridvornom bankete «Obet fazana» gercoga Burgundskogo v XV v. // Korolevskij dvor v politicheskoj kul'ture srednevekovej Evropy. M., 2004].

Le Banquet du Faisan. 1454: l'Occident face au défi de l'Empire ottoman. Arras, 1997.

Плешкова С.Л. Французская монархия и церковь (XV – середина XVI в.). М., 1992. [Pleshkova S.L. Francuzskaja monarhija i cerkov' (XV – seredina XVI v.). M., 1992].

Chastellain G. Chronique. Genève, 1991.

Small G. George Chastelain and the Shaping of Valois Burgundy. Political and Historical Culture at Court in the Fifteenth Century. Woodbridge, 1997.

Dufournet J. Charles le Téméraire vu par les historiens bourguignons // Cinq-centième anniversaire de la bataille de Nancy (1477). Nancy, 1979.

Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 2002. [Hejzinga J. Osen' Srednevekov'ja. M., 2002].

Acejnov P.M. Восстание в Генте 1452-1453 гг. в бургундской историографии XV в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 2. [Asejnov R.M. Vosstanie v Gente 1452-1453 gg. v burgundskoj istoriografii XV v. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istorija. 2008. № 2].

Clercq J. du. Mémoires. Bruxelles, 1835-1836. Vol. 2.

- Monstrelet E. de.* Chronique. P., 1875.
- Devaux J.* Jean Molinet, indiciaire bourguignon. P., 1996.
- Krynen J.* L'empire du roi. Idées et croyances politiques en France XIII-XV siècle. P., 1993.
- Le Fèvre de Saint-Rémy J.* Chronique. P., 1876-1881. Vol. 1.
- Цатурова С.К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII-XV веков. М., 2012. [*Tsaturova S.K.* Formirovanie instituta gosudarstvennoj sluzhby vo Francii XIII-XV vekov. M., 2012].
- Цатурова С.К.* «Король – чиновник, священная особа или осел на троне?»: представления об обязанностях короля во Франции XIV-XV вв. // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян. СПб., 2007. [*Tsaturova S.K.* «Korol' – chinovnik, svjashhennaja osoba ili osel na trone?»: predstavlenija ob objazannostjah korolja vo Francii XIV-XV vv. // Iskusstvo vlasti. Sbornik v chest' professora N.A. Nachaturjan. SPb., 2007].
- Georges Chastelain, Jean Molinet // Et c'est la fin pour quoy sommes ensemble. Hommage à Jean Dufournet. P., 1993. T. 3.
- Basin Th.* Histoire de Louis XI / Ed. Ch. Samaran. P., 1963-1972. Vol. 2.
- Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies. Stuttgart, 2001-2003. Bd. 2.
- Асейнов Р.М.* «Милостью Божьей герцог Бургундии»: представления о власти герцога в бургундской политической мысли // СВ. 2012. Вып. 73 (1-2). [*Asejnov R.M.* «Milost'ju Bozh'ej gercog Burgundii»: predstavlenija o vlasti gercoga v burgundskoj politicheskoj mysli // Srednie veka. 2012. Vyp. 73 (1-2)].
- Paravicini W.* Le temps retrouvé? Philippe le Bon à Paris en 1461 // Paris, capitale des ducs de Bourgogne. Ostfildern, 2007.
- Small G.* Clio à la cour de Bourgogne au XVe siècle // La Librairie des ducs de Bourgogne. Manuscrits conservés à la Bibliothèque royale de Belgique. Turnhout, 2009. Vol. 4.
- Berthier M.-Th., Sweeney J.-Th.* Le chancelier Rolin (1376-1462). Ambition, pouvoir et fortune en Bourgogne. Dijon, 1998.
- Носова Е.И.* Новая знать при бургундском дворе: семья Роленов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Серия 2. № 2. [*Nosova E.I.* Novaja znat' pri burgundskom dvore: sem'ja Rolenov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2010. Serija 2. № 2].
- Paravicini W.* «Acquérir sa grâce pour le temps advenir». Les hommes de Charles le Téméraire, prince héritier (1433-1467) // A l'ombre du pouvoir. Les entourages princiers au Moyen Age. Liège, 2003.

Малинин Ю.П. Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV-XV вв. СПб., 2000. [*Malinin Ju.P.* Obshhestvenno-politicheskaja mysl' pozdnesrednevekovoj Francii XIV-XV vv. SPb., 2000].

Favier J. Louis XI. P., 2001.

Эрс Ж. Людовик XI. Ремесло короля. М., 2007. [*Jers Zh.* Ljudovik XI. Remeslo korolja. M., 2007].

Armstrong C.A.J. The Golden Age of Burgundy. Dukes that outdid Kings // The courts of Europe. Politics, Patronage and Royalty. 1400-1800. L., 1977.

Масиель Санчес Л.К. Придворная одиссея одного кастильского идадьго XV века // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель среда. М., СПб., 2001. [*Masiel' Sanches L.K.* Pridvornaja odisseja odnogo kastil'skogo idal'go XV veka // Dvor monarha v srednevekovoj Evrope: javlenie, model' sreda. V., SPb., 2001].

Dubois H. Charles le Téméraire. P., 2004.

Blanchard J. Le corps du roi: mélancolie et «recréation». Implications médicales et culturelles du loisir des princes à la fin du Moyen Age // Représentation, pouvoir et royauté à la fin du Moyen Age. P., 1995.

Blanchard J. Commynes l'Européen. L'invention du politique. Genève, 1996.

Paravicini W. Guy de Brimeu: Der burgundische Staat und seine adlige Führungsschicht unter Karl dem Kühnen. Bonn, 1975.

Хачатурян Н.А. Бургундский двор и его властные функции в трактате Оливье де Ла Марша // Двор монарха в средневековой Европе явление, модель среда. М., СПб., 2001. [*Hachaturjan N.A.* Burgundskij dvor i ego vlastnye funkcii v traktate Oliv'e de La Marsha // Dvor monarha v srednevekovoj Evrope: javlenie, model' sreda. M., SPb., 2001].

Boone M. Destroying and Reconstructing the City: The Inculcation and Arrogation of Princely Power in the burgundian-Habsburg Netherlands (14th–16th Centuries) // The Propagation of Power in the Medieval West. Groningen, 1997.

Wolff H. Histoire et pédagogie princière au XV siècle: Georges Chastelain // Culture et pouvoir au temps de l'Humanisme et de la Renaissance. Genève, P., 1978

Ю.П. Крылова

**«НЕУДАЧНО СКАЗАННОЕ СЛОВО
ОПАСНЕЕ УДАЧНОГО УДАРА МЕЧОМ».**

Речь в придворной повседневности Бургундии XV века

Статья посвящена проблеме коммуникаций в придворной культуре Бургундии XV в. На основании анализа трактата бургундского придворного Жана де Ланнуа (1410-1493), который уделил в тексте особое внимание речи придворного и особенно его умению вести диалог, делается вывод о том, что уже в XV в., в ходе расширения дворов, начинают вырабатываться своеобразные придворные парадигмы общения и приходит понимание необходимости самоконтроля в ограниченном пространстве двора, переполненном людьми.

Ключевые слова: история Средних веков, Франция, Бургундское герцогство, придворная культура

Ты не покажешь себя глупцом, если промолчишь.
Средневековая пословица.

В XVII столетии – в эпоху расцвета придворной жизни с ее эпицентром в только что отстроенном и постоянно обновляющемся Версале – Жан де Лабрюйер в одной из глав «Характеров» запишет: «Человек, знающий двор, всегда владеет своими жестами, взглядом, лицом; он скрытен, непроницаем; он скрывает недоброжелательность, улыбается своим врагам, сдерживает свой нрав, прячет свои страсти, противоречит своему сердцу, говорит и поступает вопреки собственным чувствам»¹. Так он описывает привычный ему облик «среднестатистического» придворного его времени. Подобные образы, сжато представленные Лабрюйером в одной фразе, появляются повсеместно в литературе XVII в. и этим никого не удивить. Вместе с тем, задумаемся: как, когда и зачем знать научилась, пользуясь выражением Н. Элиаса, «сдерживать свои аффекты»²? Средневековая литература рисует нам, хотя и разнообразные, но весьма далекие от идеала

Крылова Юлия Петровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Статья подготовлена при финансовой поддержке FMSH (Париж).

¹ *La Bruyère J. de. Les caractères.* P., 1993. P. 181.

² *Элиас Н. О процессе цивилизации.* Т. 1. М., 2001. С. 38.

XVII в. образы. И если классик немецкой социологии сделал попытку – впрочем, с точки зрения современной гуманитарной науки, недостаточно обоснованную – объяснить, зачем в благородных кругах пришли к пониманию необходимости контролировать свои чувства, то вопрос – когда и как это произошло – все еще остается не вполне ясным.

В рамках одной статьи невозможно охватить столь обширную тему. Нет смысла пытаться даже пунктирно наметить основные вехи изучаемого процесса. Для этого, как и Н. Элиасу, нам бы не хватило нескольких томов монографических исследований. Наша задача намного скромнее. Мы ограничимся лишь небольшим сюжетом из истории придворной жизни XV в., где, как нам кажется, просматриваются истоки того процесса, о котором писал немецкий ученый.

Бургундский двор – а именно о нем у нас пойдет речь – считался в XV в. самым изысканным: прочие европейские дворы уступали ему в роскоши и изобретательности. По выражению современного исследователя, «двор – первое, что приходит в голову, когда задумываешься о Бургундском государстве»¹. Ни одному другому средневековому двору не посвящено историками, искусствоведами, филологами такого количества исследований. Просуществовав немногим более ста лет, он, однако, не канул в небытие вместе с последними представителями герцогской династии. Его устройство и порядки были отчасти позаимствованы другими европейскими дворами Нового времени, хотя о сути и масштабах такой преемственности ведутся дискуссии². Разнообразие и насыщенность жизни бургундского двора, о которой свидетельствуют многочисленные дошедшие до нас источники, могут поразить даже нашего современника. Литературные сочинения разных жанров, хроники, описания банкетов, турниров, свадеб и похорон, и даже сохранившиеся административные документы (счета, ордонансы, письма, отчеты иностранных посольств), дают яркое представление о былом, по-королевски грандиозном великолепии, царившем при бургундском дворе, призванном «впечатлить присутствующих, устрашить соперников, поддержать сторонников»³. Уже Кристина Пизанская в начале XV в. восхваляла двор первого герцога Бургундии Филиппа Храброго⁴. При Филиппе Добром,

¹ *Rapp F.* Universités et principautés: les Etats bourguignons // *A la cour de Bourgogne. Le duc, son entourage, son train.* Turnhout, 1998. P. 51.

² *Paravicini W.* The Court of the Dukes of Burgundy: a Model for Europe? // *Princes, Patronage, and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age.* Oxford, 1991. P. 69.

³ *Schnerb B.L.* Etat bourguignon 1363-1477. P., 1999. P. 319.

⁴ *Christine de Pisan.* Œuvres poétiques. P., 1886. Т. 1. P. 251-252. Цит. по: *Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 2002. С. 53. Прим. 16.

правившем почти полвека, герцогство достигло апогея своего развития. Иностраный гость, попавший в числе многих других ко двору герцога, писал, что «ни один христианский король не держал столь блестящего двора»¹. Однако целью театрализации придворной жизни было не желание развеять скуку, и не бахвальство, а демонстрация на визуальном языке того времени богатства и мощи принца. Феерическая пышность банкетов и торжественных въездов использовалась как инструмент политической пропаганды².

Между тем, за этой внешней эффектной стороной двора, в промежутках между праздниками, текла привычная повседневная жизнь, о которой, под влиянием имеющихся в нашем распоряжении источников, можно даже сказать, что она не «текла», а «бурлила». О насыщенной событиями повседневности, ставшей предметом размышлений одного бургундского придворного, и пойдет речь в данной работе.

На закате жизни Филиппа Доброго, в 1465 г., при бургундском дворе разгорелся скандал. Его инициатором был наследник герцогства Карл граф де Шароле (в будущем – Карл Смелый), чье недовольство советниками отца, помноженное на неуравновешенный характер, привело, в конце концов, к тяжелым последствиям. Конфликт назревал уже давно, с 1456 г., когда дофин Людовик, сбежавший от гнева отца, Карла VII, прибыл в Бургундию и обосновался по приглашению герцога Филиппа в замке Женапп, неподалеку от Брюсселя. Антуан де Круи³, первый камергер герцога, видел в приезде дофина повод к сближению с Францией⁴. Откровенно профранцузская позиция де Круи, игравшего в то время главную роль при дворе и пользовавшегося в течение многих лет неизменным доверием герцога, вызвала недовольство графа де Шароле. Полученные впоследствии Антуаном де Круи от ставшего королем Людовика XI высокие должности при французском дворе лишь усугубили

¹ Цит. по: *Paravicini W.* The Court of the Dukes of Burgundy. P. 77.

² *Schnerb B.* L'Etat bourguignon. P. 319.

³ В отечественной литературе принято чтение его имени как «Круа». Однако это неверно, поскольку семейное имя Стоу происходит от названия пикардийской деревни Crouy-Saint-Pierre. То, что имя «Стоу» произносилось в XV в. как «Круи», свидетельствует стихотворная баллада-памфлет против сеньора Антуана де Круи (ок. 1465 г.), где его имя встречается два раза в конце строки и рифмуется со словами на [и], а не на [ya]. См.: *Deux ballades sur le seigneur de Croye.* № 9, 10 // *Leroux de Lincy A.* Les chants historiques et populaires du temps de Charles VII et de Louis XI. P., 1857. P. 67, 69. В мировой историографии встречаются разные варианты написания: Croy, Croÿ и Crouy.

⁴ *Oeuvres de Georges Chastellain.* Bruxelles, 1864. Т. 3. P. 195. Честь, оказываемую придворными высокому гостю, Карл де Шароле мог счесть унижительной для себя. [*Reiffenberg F.de*]. Des mémoires de Jacques Du Clercq et du fruit qu'on en peut tirer // *Mémoires de J. Du Clercq.* Т. 1. Bruxelles, 1823. P. 58.

недоверие Карла к первому камергеру и его родственникам, занимавшим многие важные должности при бургундском дворе, в частности, к брату Антуана - Жану де Круи, графу де Шимей, и к племяннику Жану де Ланнуа¹. То влияние, которое приобрел при дворе первый камергер, не устраивало жаждущего самостоятельности наследника герцогства. Поводом к одному из крупных скандалов между Филиппом Добрым и его сыном стал вопрос о выборе первого камергера для Карла. Очередной племянник де Круи совершенно не устраивал наследника, заявившего об этом отцу, что вызвало гнев герцога². Затаив обиду, граф де Шароле на протяжении нескольких лет безуспешно пытался противостоять клану де Круи и искал поводов уличить их в измене.

Перипетии набирающего силу конфликта нашли отражение на страницах книг придворных хронистов – Жоржа Шатлена, Жака Дю Клерка и др. Но и не только у них. Противостояние двух придворных группировок – стоявшей за де Круи и поддерживавшей графа де Шароле – стало одним из поводов для написания Жаном де Ланнуа (1410-1493), племянником Антуана де Круи, поучения своему новорожденному сыну³. Советник Филиппа Доброго и дипломат, де Ланнуа был человеком уже далеко не молодым и обладал большим жизненным опытом. Он, очевидно, хорошо понимал, какие трудности придется преодолеть несведущему юноше, прежде чем тот сумеет влиться в придворное общество, к которому принадлежал по праву рождения. Это поучение вписывается в ряд «антикуриальных»⁴ произведений того времени, нередко сочинявшихся бывшими придворными, впавшими в немилость. Трактат одного из них – Алэна Шартье – Ланнуа целиком вставляет в текст своего наставления сыну. Главной темой в подобных трактатах становятся не привычные для средневековых моралистов размышления о коллизии земного и небесного, но описание тягот придворной жизни и сложности коммуникации в обществе. Именно проблема взаимодействия с другими людьми в относительно ограниченном пространстве двора и его последствия является основной у Жана де Ланнуа. Разумеется, затрагивает он и

¹ *Thiry Cl. Les Croy face aux indiciars bourguignons: George Chastelain, Jean Molinet // Et c'est la fin pour quoy sommes ensemble. Hommage à Jean Dufurnet. T. 3. P., 1993. P. 1364.*

² *Oeuvres de Georges Chastelain. P. 230-233.*

³ *Coppie des lettres envoyés par Jehan seigneur de Lannoy à Loÿs son fils // Lannoy B. de, Dansaert G. Jean de Lannoy le Bâtisseur. 1410-1493. P., Bruxelles, 1937.*

⁴ Этот емкий, но пока мало распространенный термин в значении «критически настроенный по отношению к двору и придворной жизни» активно использует в своих работах Жан Лемэр, в частности, в монографии: *Lemaire J. Les visions de la vie de cour dans la littérature française de la fin du Moyen âge. Brux., 1994.* Его употребляют и другие филологи-медиевисты, например, Р. Дюбюи.

другие вопросы – о Боге, грехах, чтении, браке и т.д., но тема общения с другими людьми проходит через весь трактат. Более того, важность многих сюжетов, казалось бы не связанных с темой межличностных коммуникаций (например, образование, богатство и т.п.), он, так или иначе, сводит к основной заботящей его проблеме.

Жан де Ланнуа начал писать поучение сыну в октябре 1464 г., когда получил известие о его рождении. Возможно, он уже задумывался о трактате в ожидании рождения наследника, а происходящие в то время события лишь способствовали активному исполнению его замысла. Своей кульминации конфликт при бургундском дворе достиг весной 1465 г. Воспользовавшись болезнью Филиппа Доброго, Карл де Шароле лишил должностей представителей клана де Круи и наложил секвестр на их имущество¹. Ланнуа бежал с семьей во Францию, к королю Людовику XI, который высоко оценивал его дипломатические способности. В течение всего этого времени Ланнуа продолжал писать наставление. Он не рассказывал прямо о том, что происходило в этот сложный для него период, и лишь по некоторым оговоркам и эмоциональной окраске текста можно почувствовать отголоски происшедшего². У него явно не было четкого плана, возможно, он отдавался сочинительству эпизодически, когда находил время в сложных для него обстоятельствах. Его мысль переходит от одного сюжета к другому, но неизменно возвращается к проблеме общения и речи. Именно в умении правильно взаимодействовать с другими людьми автор видит залог успешной карьеры при дворе. Впрочем, правильно пользоваться речью – говорить только по делу и избегать порочащих высказываний – нужно еще научиться. Однако результат того стоил, поскольку человек в своей жизни должен не только делать успешную карьеру, но и заботиться, по мнению моралистов, о своей бессмертной душе: «кто умеет сдерживать свой язык – близок к Богу»³. Окружавшие же Ланнуа люди демонстрировали многочисленные приме-

¹ De Win P. Antoine de Croÿ, seigneur de Crouy, comte de Porcien // Les chevaliers de l'Ordre de la Toison d'Or au XV siècle. Frankfurt, 2000. P. 35-36.

² См. подробнее: Крылова Ю.П. «Противоречивый» Жан де Ланнуа: взгляд со стороны и саморепрезентация // Ретроспективная информация источников: образы и реальность. М., 2013. С. 127-129.

³ Coppie des lettres. P. 133. Это традиционное для позднего Средневековья понимание «*recessata lingua*» как направленных против Бога и человека. Слово – дар Божий, и недостойное его использование является грехом. Кроме того, большинство словесных грехов были направлены против ближнего, а потому вписывались богословами в девятую (в католичестве – восьмую) заповедь: «Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна». Casagrande C., Vecchio S. «Tu ne porteras point de faux témoignage contre ton prochain»: le décalogue et les péchés de langue // La ville et la cour. Des bonnes et des mauvaises manières. P., 1995. P. 94-96 passim.

ры неразумного использования языка, что вписывалось в средневековую многоступенчатую иерархию грехов.

Проблема «греховного языка» имела давнюю традицию в Средние века. О неблагочестивых речах упоминается еще в Библии – как в Ветхом, так и в Новом Завете. Хотя тот или иной конкретный *peccatum linguae* отсутствует в древнейших перечислениях человеческих проступков, составленных известными христианскими мыслителями, тем не менее, словесные грехи незримо стоят за каждым из смертных грехов, проистекая от одного из них. Грехи эволюционируют во времени, одни уходят постепенно в небытие, другие – всегда актуальны. Стойкая и широко распространенная тяга людей к злословию, клевете, лжи, ропоту недовольства и т.п. вынуждала к контролю за языком и к формированию этики речи. Средневековые отцы церкви неустанно писали об этом, а к XIII веку – веку апогея устной традиции и вместе с тем начала активного распространения рукописной книги и чтения – вопрос приобрел особую важность¹. К началу XIV в. обеспокоенные богословы насчитывали уже 22 «греха языка»².

Проблема, родившись в стенах монастыря – единственного в то время места проживания тесного сообщества – вышла, в конце концов, за его пределы и стала центральной с развитием дворов. Умение уходить от конфликтов, избегая словесных грехов (потому-то они и грехи, что нарушают размеренное и благообразное течение жизни, способствуя пагубным страстям), ради спокойствия монастырской общины стало к концу Средних веков весьма важным и для придворной среды. Теперь способность выражаться сообразно ситуации, а также своим жизненным целям, становится главным инструментом карьерного роста и повышения собственного социального статуса при дворе властителя. Неумение пользоваться этим новым «орудием» приводит к печальным последствиям. Накопившиеся за века словесные грехи прежде не оказывавшие такого влияния на жизнь и будущие перспективы, теперь стали определяющими в замкнутом пространстве двора. Оскорбление или грубость, хвастовство или насмешка, глупый или непристойный разговор – такой, нарушающий принятый порядок, грех мог быть прощен на исповеди, но не забыт в придворном обществе. Придворные моралисты теперь акцентировали внимание не только на заботе о Царствии Небесном, но и о выживании на этом свете: «Смерть и жизнь – во власти языка, и любящие его вкусят от плодов его» (Прит. 18:21).

¹ Casagrande C., *Vecchio S.* Les péchés de la langue. Discipline et éthique de la parole dans la culture médiévale (1991). P., 2007. P. 22; *Le Goff J.* Préface // *Ibid.* P. 13.

² Casagrande C., *Vecchio S.* «Tu ne porteras point de faux témoignage...». P. 89.

Суть своего представления Жан де Ланнуа емко сформулировал в одном из высказываний: «Неудачно сказанное слово опаснее удачного удара мечом. Поскольку рану, нанесенную мечом, может успешно вылечить врач, а от удара языка нет никакого лекарства»¹. Неслучайно именно с необходимости научиться *bien parler* (наряду с *bien aller*) и начинается его сочинение. Одинаково важно как не навредить самому себе поспешно сказанными словами, так и вести себя благоразумно, следя за каждым своим шагом, чтобы другой не смог причинить вред, обсуждая твоё поведение и сплетничая за спиной. Именно новые условия пребывания при дворе – в относительно узком кругу очень разных людей, преследующих свои цели – вынуждают моралистов XV в. активно развивать давно уже не новую тему².

Объединенный одним властителем, любой двор не являлся коллективом единомышленников, но делился на разного рода коалиции, к которым люди присоединялись в зависимости от своих возможностей и жизненных устремлений. Бургундский двор XV в. – одно из ярких тому подтверждений. Согласно своим родственным, вассальным, должностным обязательствам придворные входили в ближний круг герцога или его наследника, одного камергера или другого, сотрудничали или конфликтовали с враждебной группировкой. Хроники и другие источники богаты сюжетами, связанными с коммуникацией в бургундском обществе: о чем разговаривали в компании после ужина, сплетничали «в кулуарах», кто с кем поссорился и по какому поводу наследник герцогства топал ногами. В частности, множество захватывающих сюжетов придворного общения оставил для историков в своей «Хронике» Жорж Шатлен.

Собственно сама проблема адекватности речи могла возникнуть лишь при наличии собеседников. Большинство словесных грехов – лесть, ложь, злословие, клевета, брань, оскорбление, насмешка – были рассчитаны на слушателей, иначе терялся смысл их существования³. Двор представлялся благодатным местом для процветания такого способа общения. В кругу людей, знакомых между собой и знающих все друг о друге, желающих оказаться как можно ближе к властителю, получив от этого максимум выгоды, и помешать сделать то же самое другим, следовало хитроумно

¹ Coppie des lettres. P. 133.

² Тема «грехов языка» становится излюбленной с XII в., и особенно в XIII в. Casagrande C., Vecchio S. «Tu ne porteras point de faux témoignage...» P. 90.

³ За исключением, возможно, богохульства. Но неблагочестивый разговор наедине с Богом нечасто фиксируется в источниках. Напротив, средневековые авторы указывают на публичные пространства, где часто совершался этот грех: ярмарки, таверны, лепрозории. См.: Casagrande C., Vecchio S. Les péchés de la langue. P. 179.

выбирать в зависимости от ситуации манеру выражаться, чтобы угодить правителю и очернить соперника.

Знакомясь с поучением Жана де Ланнуа современный читатель может задаться вопросом: почему автор столько внимания уделяет культуре речи? Почему ему так важно мнение окружающих? Действительно, недостойное использование языка считалось грехом и его, как моралиста, мог приводить в негодование нравственный облик современников, но это был чужой грех: обронил ли человек не вовремя фразу или пошутил с приятелем по поводу костюма кого-нибудь из свиты иностранного посла. Его же явно волновало отношение окружающих к нему самому, то есть та атмосфера, в которой ему приходилось находиться. В этом ограниченном, но не закрытом, мире двора именно поведение приобретало особое значение. Попав (нередко – с трудом) в иерархичную придворную среду, где раздавались милости, должности, подарки, имеющие денежный эквивалент, там необходимо было удержаться и выжить. Удачливым долгожителем в ней можно было остаться лишь с незапятнанной репутацией. Жан де Ланнуа настоятельно советует сыну взять на себя труд с юности позаботиться о ней. Реноме придворного аристократа второй половины XV в. формировалось уже не на поле боя, о чем увлекательно рассказывали средневековые романы. Особую ценность приобретал комментируемый поступок – свой или чужой. Все речевые действия в трактате Ланнуа можно условно поделить на собственные речевые акты и чужие реплики, сплетни, насмешки, лесть и т.п. И если контролировать свою речь, в конце концов, можно научиться, то чужой язык сложно удержать, можно лишь пытаться не давать повода к порочающим суждениям других. С высоты своего возраста автор разъясняет сыну, как разумно вести диалог. Его рекомендации не абстрактны, за ними стоит большой жизненный опыт. К примеру, он советует остерегаться «всяческих гневных речей и тех, которые могут привести к досаде, неудовольствию, позору, стыду и бесчестию другого», а также «не открывать рта по просьбе людей назойливых (*importunes*), завистников, льстецов и лжецов, особенно тех, что находятся при дворах принцев»¹.

Что касается высказываний окружающих, то автор может лишь констатировать недостойное поведение других, но повлиять на него он не в силах. Однако он не бичует прямо пороки своих современников, как делали моралисты в предшествующие эпохи. Давая советы, он тонко выделяет различные нюансы одной и той же проблемы – умения пользоваться речью. В этих советах нашел отражение личный опыт ав-

¹ *Coppie des lettres*. P. 141 и 126 соотв.

тора, поскольку, не имея перед глазами примеров, противоположных его представлению об идеале, невозможно давать подобные сугубо конкретные рекомендации¹. Этим особенно интересен данный текст. Дидактические трактаты, нередко справедливо обвиняются в теоретизировании, далеком от действительности. Нужны особые методы, чтобы извлечь из них полезную информацию. Ланнуа же представляет нам реальную картину «греховной» придворной повседневности (о чем красноречиво свидетельствует вышеприведенная цитата), делая акцент на коммуникационных особенностях общества. Его советы отличаются от поучений не состоящей при дворах знати. Следствием своеобразной обстановки, в которой существовали люди при позднесредневековых дворах, стало постепенное принятие и распространение особых образцов поведения, как достойного, так и порицаемого. Было бы опрометчиво говорить, что появлялись новые грехи, но некоторыми формами самовыражения стали пользоваться намного активнее. В частности, приобрел всеобщее распространение грех лести, став к концу XIV в. поводом для беспокойства авторов большинства религиозных, политических и литературных сочинений². Он не вытеснил распространенное задолго до того злословие, но стал еще одним действенным инструментом придворных в достижении благ, которыми их мог снабдить правитель. Злословие же, которое продолжало активно использоваться, становилось при дворе скрытым средством борьбы с конкурентами³. Даже правители не гнушались прибегать в политической борьбе к сплетням и передаваемым из уст в уста слухам⁴.

Что же делать с чужой речью, если невозможно запретить другому высказываться? В этой связи неудивительно то значение, которое Жан де Ланнуа придает в своем наставлении понятиям «друг» и «недруг». То, что можно сказать другу, нельзя говорить при недоброжелателе. Автор советует сыну везде (*en tous lieux, entre toutes gens*) следить за тем, что он говорит, кому, когда, по какому поводу, поскольку некото-

¹ О методе исследования от противного в поучительных трактатах см.: Крылова Ю.П. «Нынче всякий упражняется в злословии». Французские поучительные трактаты XV в. и историческая реконструкция // От текста к реальности. (Не)возможности исторических реконструкций. М., 2012. С. 146-147.

² *Vincent-Cassy M. Flatter, louer ou comment communiquer à Paris à la fin du Moyen Age // La ville et la cour. Des bonnes et des mauvaises manières. P., 1995. P. 117.*

³ См.: Крылова Ю.П. «Нынче всякий упражняется в злословии». С. 159.

⁴ *Lecuppre G., Lecuppre-Desjardin E. La rumeur: un instrument de la compétition politique au service des princes de la fin du Moyen Âge // La Rumeur au Moyen Âge. Du mépris à la manipulation. V^e-XVe siècle. Rennes, 2011. P. 155 и далее. См. также: Guenée B. L'opinion publique à la fin du Moyen âge d'après la «Chronique de Charles VI» du religieux de Saint-Denis. P., 2002.*

рые люди только кажутся друзьями, а на самом деле – скрытые враги¹. В представлении Ланнуа, «нет лучшего (*plus doux*) инструмента, чем мягкая (*douce*) речь, ибо она стяжает и питает друзей и смиряет врагов»². Подобные размышления касались не только инициатора речи, но и его собеседника/слушателя, и даже жертвы, на которую был направлен удар³. Ланнуа преследует цель научить сына достойно отвечать недругу, имея в виду ответ, угодный Богу, непохожий на колкие реплики его собеседника⁴. В этой связи он напоминает ему слова Августина, что «лучше, промолчав, пережить неправоту, чем ответив, победить»⁵, поскольку в придворной среде подобная победа весьма относительна и может обернуться в недалеком будущем сокрушительным поражением.

В трактате Жана де Ланнуа мы не встретим описания близкого дружеского общения среди придворных. Как становились друзьями? Были ли это только люди одного родственного клана? Как в жестких условиях конкурентного существования решались довериться другому? Об этом мы ничего не узнаем из его текста. Автор упоминает лишь, что с друзьями можно говорить более доверительно. Возможно, людям, с которыми сталкивался Ланнуа в жизни, не были чужды дружеские чувства, однако он заканчивает начатую фразу, выдвигая контраргумент сказанному выше: «хотя часто можно видеть, как друг меняется и становится врагом»⁶. Он ссылается на собственный печальный опыт, приобретенный «в этом году», апеллируя, по-видимому, к событиям конфликта его семьи с графом де Шароле. Ни в данном случае, ни где-либо еще в тексте он не объясняет, о чем идет речь, действуя в рамках провозглашаемого им же самим в трактате речевого этоса: не злословить, не высмеивать, не попицать, избегать ссор («безумие ссориться с вышестоящим») и т.п.⁷. Его молчание сообщает тексту дополнительные коннотации – поучение ста-

¹ *Copie des lettres*. P. 130. Подобный набор вопросов применяли средневековые схоласты XIII в., разбирая проблему речи. Из светских моралистов тогда же ее применил в ставшем популярным поучении сыну итальянский моралист Альбертано Брешианский (*Casagrande C., Vecchio S. Les péchés de la langue*. P. 18).

² *Copie des lettres*. P. 128.

³ Согласно средневековым христианским мыслителям, для словесных грехов, особенно злословия и разного рода хулы, нужны трое: говорящий, слушающий и отсутствующий персонаж, о котором ведется беседа. *Casagrande C., Vecchio S. Les péchés de la langue*. P. 239.

⁴ «Говори так, как будто Бог тебя слышит». *Copie des lettres*. P. 129. Ланнуа приводит 16 (!) наименований для злоречивых людей. *Ibid.* P. 133-134.

⁵ *Ibid.* P. 129.

⁶ *Ibid.* P. 129.

⁷ *Ibid.* P. 125 и далее, 129, 128 и 141 соотв.

новится своего рода дневником, где автор ведет разговор с самим собой¹. Однако, допуская возможность широкой огласки своего текста, он не стал слишком откровенничать. Между тем он настаивает на важности и необходимости дружбы, потому что тот, «кто имеет друзей, того хвалят; кого хвалят, того почитают; кто почитаем, тому служат, того ценят (*recommandé*) и молятся за него, поэтому он живет в мире, радости и уважении на этом свете и стяжает доброе имя после смерти в надежде заслужить (*avoir*) подлинную бесконечную славу»². Далее слова истинного христианина преобразуются в речь опытного придворного: «от добрых друзей принимают уважение, услуги и расположение, [им] можно доверять; чем более высокого положения человек, тем более он нуждается в друзьях, он может с легкостью упасть и его падение весьма опасно. Для этого и хороши друзья: ради тревог и несчастий, которым внезапно подвергает фортуна... У кого нет друзей, тот одинок в своих делах, но когда он с друзьями, его поддержат и помогут»³. Ланнуа показывает нам, что выжить и добиться положения при дворе в одиночку невозможно, а потому важно собрать вокруг себя сторонников или вписаться в уже имеющийся круг единомышленников.

Вместе с тем не может не возникнуть вопрос, какую роль играли женщины в придворных коммуникациях XV в.? К сожалению, от Жана де Ланнуа мы тоже ничего об этом не узнаем. Любопытной особенностью его трактата является то, что он практически не говорит о женщинах, точнее, об общении с противоположным полом. Он кратко касается необходимости уважать мать, останавливается на выборе жены, многословно порицает блуд (пожалуй, это наиболее эмоциональная часть его труда). Однако в последнем он винит в основном *grans signeurs*, то есть самых высокопоставленных, даже по сравнению с ним, сеньоров. В этой связи можно было бы ожидать от автора трактата, уделяющего столь большое внимание межличностным коммуникациям при дворе, размышлений об особенностях флирта или какого-то, пусть даже, с его точки зрения, порочного, общения, отголоски которого должны были дойти до людей XV в. от эпохи *fin amour*. Возможно, автор считал, что грех не имеет пола, и его наставления относились ко всем? Средневековым мо-

¹ Интересную параллель можно провести с автобиографией одной из героинь книги Н. Земон-Дэвис – Гликль бас Иуда Лейб. «Стремясь разобраться в радостях, надеждах и разочарованиях своей жизни, она обращалась не столько к детям, сколько к самой себе». – *Земон-Дэвис Н.* Дамы на обочине. Три женских портрета XVII в. М., 1999. С. 14. Я благодарю А.Б. Герштейн за напоминание об этой книге.

² *Coppie des lettres*. P. 149.

³ *Ibid.* P. 150.

ралистам было свойственно, посвящая труд конкретному человеку, обращаться к самому широкому кругу потенциальных читателей. Однако представляется, что речь идет о другом. Перед нами – сугубо мужской текст, написанный для мужской аудитории и преследующий совершенно конкретные цели. Именно поэтому Ланнуа советует читать серьезные книги античных авторов, поэтому у него совсем немного *exempla*, да и собственно весь текст посвящен тому, как достойными способами преуспеть при дворе герцога, что для женщин представляется еще не вполне актуальным во второй половине XV в., когда двор еще оставался местом мужского самоутверждения. Интересно, что за сто лет до этого моралисты уже писали о том же, что беспокоило и Жана де Ланнуа, но тогда их волновали именно женщины: их поведение в обществе, сохранение достойной репутации, защита от сплетен и разговоров. Для мужчин эти вопросы представлялись вторичными. С расцветом же придворной жизни – но до массового появления женщин при дворах¹ – вопросы мужской репутации, которую мог испортить разговор третьих лиц, приобретали первостепенное значение.

Таким образом, мы возвращаемся к вопросу, поставленному выше – о важности для Жана де Ланнуа правильной культуры речи. Именно с нее начинается репутация: «человек узнается по разговору», по нему «судят о нравах и положении», от этого суждения зависит его доброе имя². Реноме человека создается на основании совершенных поступков, поведения в прошлом и оказывает определяющее влияние на его будущее³. Однако, как нетрудно себе представить, человеческие общности представляют собой великое разнообразие характеров – чему и посвятил Лабрюйер свой труд, послуживший отправной точкой наших размышлений, – характеров, немногие из которых можно было бы назвать образцами добродетели. И если человек в юности не получил представ-

¹ Этот процесс начнется в самом конце XV в. Честь пригласить дам на постоянное жительство к французскому двору Брантом приписывает Анне Бретонской, которая создала Дом королевы. До нее женщины лишь временно пребывали при дворе. *Solmon J.-F. La Cour de France. P., 1987. P. 21-22.*

² *Copie des lettres. P. 141.*

³ В своем поучении Жан де Ланнуа настолько полно выразил свойственное позднесредневековым моралистам понимание репутации, что оно фактически соответствует нашему современному (!) его пониманию. См.: Словарь по этике. / Под ред. И. Кона. М., 1981: «**Репутация** – сложившееся у окружающих мнение о нравственном облике человека, основанное на его предшествующем поведении и выражающееся... в том, чего от него ожидают в дальнейшем... С одной стороны, в ней воплощено общественное признание достоинства прошлой деятельности человека, а с другой стороны, она оказывает влияние на роль и место этого человека в дальнейшей совместной деятельности коллектива». <http://terme.ru/dictionary/522/word/reputacija> (дата обращения: 17.06.2013).

ление о нравственном идеале или не хотел тратить усилия на то, чтобы ему соответствовать, но жаждал преуспеть на придворном поприще, ему следовало научиться мимикрировать согласно ожиданиям общества. Все тот же Лабрюйер нарисовал эскиз такого придворного XVII в. – своего современника, скрывающего чувства и сдерживающего эмоции. В XV в. подобной «нормы» еще не существовало, но, как мы видим, при дворе уже бытовало понимание необходимости подстраиваться под окружающую среду в зависимости от ситуации. У Жана де Ланнуа мы находим подобные пассажи, являющиеся результатом его опыта и, видимо, глубоких размышлений. Многие его поучительные рекомендации посвящены умению сдерживать проявления своих чувств. «Остерегайся много говорить, многословные (*grant paroleur*) не нравятся, и они ненавидимы всеми людьми»¹, – поучает он сына. «Когда ты выражаешь свое мнение, – пишет он далее, – сохраняй во всем благоразумие, честь всякого в твоей власти (*à ton pooir*), не высказывайся ни в упрек, ни в оправдание кого-либо под влиянием эмоций (*par affection désordonnée*)»². Ланнуа постоянно пишет об осмотрительности и умении сдерживать желание высказаться по тому или иному вопросу. Он ни в коей мере не советует лгать или обманывать, напротив, он убеждает читателя не поступать так, однако за его осторожностью можно усмотреть фальшь, столь привычную для людей последующих эпох. Он упоминает о «благоприятных моментах», когда стоит говорить, и о том, что некоторые вещи более благосклонно воспринимаются наедине, чем если их высказать прилюдно³.

Вместе с тем было бы опрометчиво считать образ поведения, который представляет нам Жан де Ланнуа, скрытностью в корыстных целях (если не считать корыстью желание преуспеть при дворе). Безусловно, тогда уже существовали льстецы, стремившиеся быть в фаворе у правителя. Позднесредневековые источники изобилуют описаниями особенностей их поведения. Однако текст бургундского моралиста Жана де Ланнуа свидетельствует, на мой взгляд, о другом. Некогда состоявшие из ограниченного круга приближенных властителя, дворы по мере увеличения количества придворных и их должностей⁴ стали представлять собой весьма многолюдные сообще-

¹ Coppie des lettres. P. 130.

² Ibid. P. 190.

³ Ibid P. 130 и 191 соотв.

⁴ Интереснейшие подробности того, что представляли собой бургундский и французский дворы в 1501 г., сохранились в описании свидетельницы путешествия во Францию Филиппа эрцгерцога Австрийского с супругой и его встречи с Людовиком XII в Блуа. Она использует выражения «*grand nombre de gens*», «*presse sy grande*». См.: *Chatenet M., Girault P.-G. Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501. Rennes, 2010.*

ства, условием существования которых должны была стать выработка некой парадигмы общения, без чего институт двора просто не смог бы существовать и рухнул под тяжестью неразрешимых конфликтов. Н. Элиас прослеживает непрерывность развития этого процесса с XIII в., отмечая важность границы XV-XVI вв.¹ Отголоски постепенного и трудного формирования подобных правил поведения – того, что сначала назовут церемониалом, а позже, уже в наше время, – этикетом, мы и наблюдаем в поучении Жана де Ланнуа сыну. Думаю, в данном случае не приходится говорить об особенностях его индивидуального мировоззрения или о том, к примеру, что высказать подобные суждения его побудила обида, вызванная происходившими в период написания трактата событиями. Полагаю, он не сообщил ничего нового для современников и лишь зафиксировал как моралист идеалы своей эпохи и распространенные отступления от них. Безусловно, конфликт с графом де Шароле и последующая опала сыграли немаловажную роль в появлении трактата, в противном случае, при благоприятных жизненных обстоятельствах, Ланнуа мог и не найти время для сочинительства. Однако, размышляя о превратностях судьбы², автор ненароком обозначил признаки зарождающегося при бургундском дворе XV в. свода правил в коммуникативной сфере. В его трактате мы наблюдаем такие приметы времени уже в более-менее привычном для современника виде. Это, разумеется, еще не этикет XVII-XVIII вв., но набор правил, который уже имеет некую историю. А значит, его истоки находятся глубже во времени. И чтобы понять особенности правил поведения не только двора «Великого века», но и сообществ нашей современности, будь то аппарат президента или конкурирующие мини-группы небольшого офиса, необходимо отправиться в увлекательное путешествие по прошлому со всеми остановками, на которых фиксируются стадии развития коммуникативного этикета³.

¹ «От двора Капетингов... к двору Франциска I, а затем двору Людовика XIV и его наследников ведет непрерывная линия развития. Во Франции, несмотря на все порою довольно глубокие трансформации социальной структуры, придворная традиция смогла непрерывно сохраняться и оставаться живой с XIII до самого XVIII века. Это было одной из важнейших предпосылок для утонченности и проработанности французской придворной этики... Решающий рубеж в этой эволюции пролегает в XV и XVI веках». *Элиас Н.* Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 196.

² Этой теме он посвятил и несколько поэтических сочинений. См.: *Poésies attribuées à Jean de Lannoy // Lannoy B. de, Dansaert G.* Jean de Lannoy le Bâtisseur. P. 211-214. Любопытно, что стихов на иные темы или не было вовсе, или они не сохранились.

³ Когда работа была завершена, у меня появилась возможность ознакомиться со статьей, где высказывается мысль о репутации как ключевом понятии концепции Жана де Ланнуа: *Sterchi B.* The Importance of Reputation in the Theory and Practice of Burgundian Chivalry. Jean de Lannoy, the Croys, and the Order of the Golden Fleece // *The Ideology of Burgundy. The Promotion of National Consciousness 1364-1565.* Leiden, 2006. P. 99-103.

Список литературы

- La Bruyère J. de.* Les caractères. P., 1993
- Элиас Н.* О процессе цивилизации. Т. 1. М., 2001. [*Jelias N.* O processe civilizacii. Т. 1. М., 2001].
- Rapp F.* Universités et principautés: les Etats bourguignons // A la cour de Bourgogne. Le duc, son entourage, son train. Turnhout, 1998.
- Paravicini W.* The Court of the Dukes of Burgundy: a Model for Europe ? // Princes, Patronage, and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age. Oxford, 1991.
- Schnerb B.L.* Etat bourguignon 1363-1477. P., 1999.
- Christine de Pisan.* Œuvres poétiques. P., 1886. Т. 1.
- Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 2002. [*Hejzinga J.* Osen' srednevekov'ja. М., 2002].
- Deux ballades sur le seigneur de Croye. № 9, 10 // *Leroux de Lincy A.* Les chantes historiques et populaires du temps de Charles VII et de Louis XI. P., 1857.
- Oeuvres de Georges Chastellain. Bruxelles, 1864. Т. 3.
- Reiffenberg F.de.* Des mémoires de Jacques Du Clercq et du fruit qu'on en peut tirer // Mémoires de J. Du Clercq. Т. 1. Bruxelles, 1823.
- Thiry Cl.* Les Croy face aux indiciaries bourguignons: George Chastelain, Jean Molinet // Et c'est la fin pour quoy sommes ensemble. Hommage à Jean Dufurnet. Т. 3. P., 1993.
- Coppie des lettres envoyés par Jehan seigneur de Lannoy à Loÿs son fils // *Lannoy B. de, Dansaert G.* Jean de Lannoy le Batisseur. 1410-1493. P., Bruxelles, 1937.
- Lemaire J.* Les visions de la vie de cour dans la littérature française de la fin du Moyen âge. Brux., 1994.
- De Win P.* Antoine de Croÿ, seigneur de Crouy, comte de Porcien // Les chevaliers de l'Ordre de la Toison d'Or au XV siecle. Frankfour, 2000.
- Крылова Ю.П.* «Противоречивый» Жан де Ланнуа: взгляд со стороны и саморепрезентация // Ретроспективная информация источников: образы и реальность. М., 2013. [*Krylova Ju.P.* «Protivorechivuj» Zhan de Lannua: vzgljad so storony i samoreprezentacija // Retrospektivnaja informacija istochnikov: obrazy i real'nost'. М., 2013].
- Casagrande C., Vecchio S.* Les péchés de la langue. Discipline et éthique de la parole dans la culture médiévale. P., 2007.
- Le Goff J.* Préface // Les péchés de la langue. Discipline et éthique de la parole dans la culture médiévale. P., 2007.

Casagrande C., Vecchio S. « Tu ne porteras point de faux témoignage contre ton prochain »: le décalogue et les péchés de langue // *La ville et la cour. Des bonnes et des mauvaises manières.* P., 1995.

Крылова Ю.П. «Нынче всякий упражняется в злословии». Французские поучительные трактаты XV в. и историческая реконструкция // *От текста к реальности. (Не)возможности исторических реконструкций.* М., 2012. [*Krylova Ju.P.* «Nynche vsjakij uprazhjaetsja v zloslovii». Francuzskie pouचितel'nye traktaty XV v. i istoricheskaja rekonstrukcija // *Ot teksta k real'nosti. (Ne)vozmozhnosti istoricheskikh rekonstrukcij.* М., 2012].

Vincent-Cassy M. Flatter, louer ou comment communiquer à Paris à la fin du Moyen Age // *La ville et la cour. Des bonnes et des mauvaises manières.* P., 1995.

Lecuppre G., Lecuppre-Desjardin E. La rumeur: un instrument de la compétition politique au service des princes de la fin du Moyen Âge // *La Rumeur au Moyen Âge. Du mépris à la manipulation. V^e-XVe siècle.* Rennes, 2011.

Guenée B. L'opinion publique à la fin du Moyen age d'après la «Chronique de Charles VI» du religieux de Saint-Denis. P., 2002.

Земон-Дэвис Н. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII в. М., 1999. [*Zemon-Djevis N.* *Damy na obochine. Tri zhenskih portreta XVII v.* М., 1999].

Solnon J.-F. *La Cour de France.* P., 1987.

Словарь по этике. М., 1981. [*Slovar' po jetike.* М., 1981].

Chatenet M., Girault P.-G. *Fastes de cour. Les enjeux d'un voyage princier à Blois en 1501.* Rennes, 2010.

Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. [*Jelias N.* *Pridvornoe obshhestvo. Issledovanija po sociologii korolja i pridvornoj aristokratii.* М., 2002].

Poésies attribuées à Jean de Lannoy // *Lannoy B. de, Dansaert G.* *Jean de Lannoy le Batisseur. 1410-1493.* P.-Bruxelles, 1937.

Sterchi B. The Importance of Reputation in the Theory and Practice of Burgundian Chivalry. Jean de Lannoy, the Croys, and the Order of the Golden Fleece // *The Ideology of Burgundy. The Promotion of National Consciousness 1364-1565.* Leiden, 2006.

Е.И. Носова

МЕХАНИЗМЫ СЕМЕЙНОЙ ПРОТЕКЦИИ ПРИ ДВОРЕ ГЕРЦОГОВ БУРГУНДСКИХ

В статье рассматриваются механизмы протекции, использовавшиеся крупными аристократическими кланами в борьбе за свое утверждение или сохранение влияния при дворе Филиппа Доброго, герцога Бургундского (1419-1467). В качестве основного источника использованы придворные ордонансы, отражающие динамику изменения штатов двора. *Ключевые слова:* история Средних веков, Франция, Бургундское герцогство, придворная культура

Средневековый двор был насквозь пропитан идеями патернализма¹. Он, подобно огромной семье, жил и процветал благодаря родству и свойству. Бургундский двор XIV-XV вв. не стал исключением из этого правила. Объединив под своей рукой земли герцогства Бургундского и графства Франш-Конте на юге, Фландрию, Артуа, Брабант, Голландию, Зеландию и Люксембург на севере, герцоги Бургундские получили в управление земли с различными языковыми и политическими традициями. Выходцы из этих земель, как знатного происхождения, так и представители низших слоев прибывали ко двору, формируя ближайшее окружение герцога². Эта разнообразная по всем параметрам социальная среда, тем не менее, позиционировалась в едином идеологическом ключе: герцог относился к своим подданным как отец к сыновьям: он их карал и миловал, наказывал и прощал. Его власть – это в первую очередь власть главы семьи над домочадцами: если те чтят сеньора как отца, то и он по

Екатерина Игоревна Носова, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00101а.

¹ В отечественной историографии этот тезис активно развивает А.Ю. Прокопьев. См.: Прокопьев А.Ю. Прощание с патернализмом? Веттины и саксонское дворянство в первой половине XVII в. // *Власть, общество и индивид в средневековой Европе*. М., 2008. С. 63-95; Прокопьев А.Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585-1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011. С. 328-452.

² При дворе были представлены почти все провинции, которыми владели герцоги, за исключением Зеландии и Лимбурга. Процентное соотношение проанализировано В. Паравичини: *Paravicini W. Expansion et intégration. La noblesse des Pays-Bas à la cour de Philippe le Bon // Bijdragen betreffende de Geschiedenis der Nederlanden*. 1980. Vol. 95. P. 298-314. Ряд должностей занимали итальянцы, португальцы, выходцы из Священной Римской империи. См.: *Les étrangers à la cour des ducs de Bourgogne: statut, identité, fonctions*. Lille, 2002.

отношению к ним будет мягок, милостив и щедр как любящий родитель, если нет – герцог имел право наказания вплоть до смертной казни.

Наиболее активно патерналистская риторика использовалась в выстраивании взаимоотношений с городами¹. Вступление государя в город трактовалось не только как священный брак, где город выступал под аллегорической личиной невесты², но и как воссоединение государя и его подданных в лоне семьи. Фламандские города доставляли герцогам Бургундским немало хлопот, так как бургундская династия во Фландрии была совершенно чужой и воспринималась настороженно³. Частые восстания после сурового подавления заканчивались торжественным церемониалом прощения герцогом «мятежных сыновей», раскаявшихся в своем заблуждении, побудившем их поднять оружие против сеньора и отца⁴.

Однако двор был семьей не только с точки зрения идеологии, но и в самом прямом смысле этого слова: большая часть придворных состояла друг с другом в отношениях близкого родства. Впрочем, едва ли будет правомерно идеализировать эту сторону жизни двора, нивелируя неизбежно присутствовавший элемент антагонизма. Двор представлен не одной семьей, а несколькими десятком крупных фамилий, конкурировавших между собой за милость правителя.

Согласно средневековой идеологии, государь обязан покровительствовать своим слугам и их фамилиям. Протекция, которую сеньор оказывал своим должностным лицам, распространялась также и на их родственников. Те же, кто служил семье герцога (не только супруге и наследнику, но и племянникам, и кузенам, которые имели свои штаты, финансировавшиеся из казны), также получали протекцию от его имени при посредничестве членов его семьи⁵. Однако даже такой состоятельный сеньор, как герцог Бургундский, неизбежно пришел бы к полному финансовому краху, если бы пожелал облагодетельствовать всех слуг и их родственников, выделив каждому из них должность при дворе и со-

¹ Асейнов Р. М. Карл Смелый, Гийом Югоне и политическая мысль при бургундском дворе в 1470-е гг. // Политическая культура в Средние века и раннее Новое время / Под ред. А.К. Гладкова (в печати).

² Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 25-36.

³ Vaughan R. Philip the Bold: The Formation of the Burgundian State. Woodbridge, 2002. P. 151.

⁴ Асейнов Р.М. Восстание в Генте 1452 – 1453 гг. в бургундской историографии XV в. // Вестник МГУ. 2008. № 2. С. 105-122.

⁵ Sommé M. Isabelle de Portugal, duchesse de Bourgogne: une femme au pouvoir au XV siècle. Villeneuve d'Ascq, 1998. P. 276.

ответствующее ей содержание. Таким образом, при распределении мест в своем окружении он был обязан сделать выбор в пользу того или иного претендента, что создавало почву для конкуренции между кланами и стимулировало выработку стратегии семейной протекции.

Богатую пищу для анализа дают придворные ордонансы герцогов Бургундских¹. Эти документы представляют собой списки должностей с указанием имен их держателей, а также сроков службы и полагавшегося ежедневного содержания. Отметим, что в ордонансах мы не найдем ни описания обязанностей придворных, ни указаний на церемониал².

Срок функционирования каждого ордонанса не устанавливался заранее, и подразумевалось, что он будет актуален вплоть до издания следующего. Ордонансы подробно отражали движение штатов при дворе: в них вносилась информация о новых назначениях, смещении с поста или смерти должностных лиц. Старая фамилия вычеркивалась из текста, и ниже или сбоку, на свободном месте, вписывалась новая³. Иногда коротко обозначалась причина, по которой человек покидал службу. Поскольку некоторые ордонансы дошли до нас в копиях XVI-XIX вв., то эти пометы в них утрачены, но те экземпляры, которые сохранились в оригиналах или в современных им копиях, дают представление о кадровых перестановках в окружении герцога. Мы не беремся утверждать, что все написанное в текстах ордонансов реализовывалось на практи-

¹ На сегодняшний день опубликованы только ордонансы Филиппа Доброго. Die Hofordnungen der Herzöge von Burgund. Herzog Philipp der Gute (1407-1467) / Hrsg. von W. Paravicini, N. Kruse. Ostfildern, 2005. Ордонансы Карла Смелого включены в базу данных «Бургундская просопография». URL: <http://burgundicae.heraudica.org/fmi/iwp/cgi?-db=Prosopographia%20Curiae%20Burgundicae&-loadframes>. Эта база данных составлена Германским историческим институтом в Париже. Хронологически база данных охватывает период 1407-1477 гг., географически включает пятнадцать резиденций Филиппа Доброго и Карла Смелого, расположенных во Фландрии, Нидерландах, Франции и Германии. Всего на август 2012 г. база данных насчитывала 4785 человек. У каждого внесенного в каталог имеется свой идентификационный номер (ID), который будет указываться в статье далее при ссылках на базу данных. Всего каталог состоит из 483 321 записи. Работы по идентификации постоянно продолжаются благодаря появлению новых исследований и публикации новых источников. Цель базы данных – по мере возможности объединить информацию о каждом персонаже, находившемся в тот или иной момент при дворе герцога Бургундского. О процессе создания базы данных см.: Greve A., Hamel S. Eine Datenbank zum Hof der Herzöge von Burgund: Philipp der Gute und Karl der Kühne, 1419-1477 // Francia. 2003. Vol. 30/1. S. 217-235.

² Фрагменты описания церемониала появляются только в ордонансах Филиппа Красивого (1478-1506). См.: Paviot J. Ordonnances de l'hôtel et cérémonial de cour aux XVe et XVIe siècles, d'après l'exemple bourguignon // Höfe und Hofordnungen. 1200-1600. Sigmaringen, 1999. P. 167-174.

³ Факсимильное воспроизведение нескольких листов рукописи см.: Die Hofordnungen. Abb. 1, 2; Charles le Téméraire: Faste et déclin de la cour de Bourgogne. Bern, 2008. P. 218.

ке. Прочие источники говорят скорее об обратном¹: не всегда указанный слуга находился при дворе, он мог быть в отъезде, и не всегда он получал именно те деньги, которые указаны в документе. Однако в данном случае первостепенное значение имеет общая парадигма, задаваемая ордонансами. Не столь важно, присутствовал ли конкретный человек при дворе в конкретный день; важно то, что согласно ордонансу и по воле герцога его допустили к сообществу избранных².

Официально при бургундском дворе Филиппа Доброго должности не были наследственными и не продавались³, отсюда и возникла проблема, как передать пост потомку. Этой цели можно было достичь несколькими способами. Наиболее распространенный из них – добиться назначения родственника заместителем, своим собственным или какого-либо

¹ Способом проверки точности сведений, приведенных в ордонансах, может служить их сопоставление со счетами по содержанию штата бургундского двора. Эти счета составлялись ежедневно: в них вносилось имя должностного лица и денежная сумма, полагавшаяся ему на корм для лошадей и питание для его личных слуг за конкретный день, указанный в самом начале документа. Таким образом, если некто отсутствовал при дворе, его имя не вносилось в счет. Более того, одного присутствия при дворе недостаточно, необходимо было быть внесенным в придворный ордонанс, благодаря чему устанавливается связь между ордонансами и счетами. В этой ситуации ордонансы будут отражать общую теоретическую установку, а счета говорить о реальной выплате содержания и, соответственно, о фактическом присутствии при дворе того или иного лица. Впрочем, нужно отметить, что полнота счетов также не составляет сто процентов. Например, согласно ордонансу 1458 г., первый камергер Филиппа Доброго не имел ежедневного содержания, так как получал сразу выплату за месяц и, следовательно, не учитывался в счетах. Эта должность фигурирует с пометой «sans le compter par les escroes». Нельзя исключить вероятность существования и других лиц на подобном содержании. Сохранность счетов весьма невысока – около 5%. Накануне Французской революции было зафиксировано около полу-миллиона единиц. В ходе военных действий счета бургундского дома, написанные на хорошей плотной бумаге, вместе с тысячами других документов, послужили материалом для изготовления патронов. *Paravicini W.* “Ordonnances de l’Hôtel” and “Escroes des gaiges”. Wege zu einer prosographischen Erforschung des burgundischen Staats im funfszehnten Jahrhundert // *Medieval Lives and the Historian. Studies in Medieval Prosopography.* 1986. P. 243-266.

² О бургундских придворных ордонансах см. подробнее: *Paravicini W.* *Ordre et règle. Charles le Téméraire en ses ordonnances de l’hôtel* // *Comptes rendus des séances de l’Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* 1999. P. 316-317; *Paviot J.* *Ordonnances de l’hôtel et cérémonial de cour*; *Kruse H.* *Die Hofordnungen Herzog Philipps des Guten von Burgund* // *Ibid.* S. 141-165.

³ При дворе Филиппа Храброго, насколько можно проследить на основании имеющихся источников, единственной наследственной и продаваемой была должность первого камергера. См.: *Mémoires pour servir à l’histoire de France et de Bourgogne.* P., 1729. Vol. II. P. 35-36. Для периода правления Филиппа Доброго подобных фактов не зафиксировано, за исключением одной оговорки: покойный Ришар Жуиф (Richard Juif) назван «possesseur» своей должности. См.: *Die Hofordnungen.* S. 415. § 617. Разумеется, этот термин имеет разные значения и делать на его основании какие бы то ни было выводы было бы поспешным, но он явно отмечает более тесную связь между должностью и ее держателем. Тем более, что в том же пункте ордонанса отмечено, что в связи со смертью Ришара Жуифа «должность упраздняется и объявляется незамещаемой».

другого лица. Практика назначения заместителей была чрезвычайно распространена при бургундском дворе. Причина заключалась отнюдь не в совмещении должностей, чего почти не фиксируют источники¹, а в обыкновении герцога поручать своим приближенным важные дипломатические миссии, поэтому ряду держателей должностей полагалось иметь заместителей на случай их отсутствия при дворе. Вероятность того, что после смерти основного держателя должность перейдет к заместителю, была очень высока. Согласно нашим подсчетам², в ордонасах зафиксировано 258 случаев, когда назначался заместитель. Из них 148 (57,4%) человек остались при дворе самого Филиппа или при дворе Карла, его сына. 143 человека из 148 получили либо ту должность, которую они замещали, либо эквивалентную, а в ряде случаев – лучшую, минуя промежуточные ступени. Остается 5 случаев, когда заместитель назначался на должность, более низкую в придворной иерархии. Из них 2 случая – это двукратное замещение должности ассистента мундшенка³ (*sommelier de l'échansonnerie*) Магине Ноэлем (*Mahienet Noël*)⁴, который служил бочаром (*barillier*)⁵ и остался им, так и не перейдя на следующую ступень⁶. Еще два случая – замещение поста первого камергера (*premier chambellan*)⁷. В силу того, что в правление Филиппа Доброго эта должность так ни разу и не стала вакантной⁸, заместители были лишены возможности ее занять. Еще один раз заместителю не была передана должность фруктмейстера⁹ (*fruitier*)¹⁰, и он остался ассистентом соответствующего департамента (*sommelier de la fruiterie*)¹¹. Причина этого вновь заключается в том, что пост не освободился: в 1458 г. его занимали все

¹ Число совмещений должностей внутри штата при бургундском дворе крайне незначительно по сравнению, например, с английским двором Эдуарда IV. См.: Бакалдина Е.В. Департаменты, службы и должности в хаусхолде Эдуарда IV // Королевский двор в Англии XV-XVII веков. СПб., 2011. С. 91-93. Чаще герцог Бургундский назначал своих придворных в зависимости от уровня их социального статуса управляющими в различные части своих владений или отдельные замки.

² Подсчеты выполнены на основании базы данных «Бургундская просопография» и издания ординасов Филиппа Доброго под редакцией В. Паравичини.

³ Мундшеник или виночерпий отвечал за подачу вина к столу герцога.

⁴ Die Hofordnungen. S. 241. § 122. Ibid. S. 280. § 197.

⁵ Ibid. S. 165. § 149.

⁶ Ibid. S. 387. § 249.

⁷ Ibid. S. 54. § 2a. Ibid. S. 265. § 7a. Ibid. S. 371. § 11a.

⁸ Ее занимал Антуан де Круа, скончавшийся лишь в 1475 г., то есть уже в период правления Карла Смелого.

⁹ Фруктмейстеры закупали, хранили и подавали фрукты. В их ведении находилось также освещение дворца.

¹⁰ Ibid. S. 287. § 297.

¹¹ Ibid. S. 394. § 338.

те же люди, что и десятью годами ранее¹. Таким образом, заместители со значительной вероятностью получали эквивалентную или даже лучшую должность. Этого не происходило лишь в том случае, если должность так и не становилась вакантной.

Из 258 случаев замещения только в 71 случае (27,5%) в ордонансах зафиксировано имя того, кого замещает назначаемое лицо. В остальных случаях предполагается, что замещается любое из отсутствующих должностных лиц, занимающих указанную должность. Большая часть таких «анонимных» замещаемых – лучники (archer) в ордонансе 1449 г., который содержит отдельный весьма внушительный список лучников-заместителей².

Упомянутая 71 пара (основной держатель должности и его заместитель) дает нам возможность констатировать тот факт, что иногда придворным удавалось не просто временно вводить своих ближайших родственников в герцогский штат, но делать их своими собственными заместителями. Таких случаев не очень много – 9 из 71 (13%), так как для того, чтобы назначение на должность заместителя было возможно, должно совпасть много факторов. Условно говоря, если сыну одного из камергеров всего 12-14 лет, то у него нет возможности стать заместителем отца. Зато при условии ходатайств со стороны отца он может сначала стать пажом (page), затем мундшенком (échanson), форшнейдером³ (écuyer tranchant), хлебодаром (pannetier) или шталмейстером⁴ (écuyer d'écurie), а затем уже – камергером, или сразу камергером, минуя промежуточную ступень. Таким образом, едва ли можно ждать здесь высокого процента совпадений, тем более что речь идет о замещении именно ближайшими родственниками. Поскольку придворное общество тяготело к заключению браков внутри самого себя, то к середине правления Филиппа Доброго значительная часть его окружения состояла в более или менее тесных родственных связях, поэтому обнаружение здесь пар дальних родственников, заменявших друг друга, не будет сюрпризом. Мы сосредоточимся на тех 9 случаях, когда основным держателем должности и его заместителем становятся отец и сын, дядя и племянник или братья. Несмотря на то, что процент этих совпадений весьма невелик, каждая отдельная ситуация позволяет понять множество аспектов. Первой характерной чертой является то, что

¹ Ibid. S. 287. § 294-296. Ibid. S. 394. § 335-337.

² Ibid. S. 330-336.

³ Во время пиров форшнейдеры (стольники) отвечали за нарезание мяса для гостей.

⁴ Шталмейстеры следили за работой герцогских конюшен.

этот механизм распространен как в высших придворных кругах, так и в низших. Иными словами, не обязательно обладать властью первого камергера, чтобы гарантировать будущее своего потомка. Среди этих 9 случаев мы видим меховщика (*fourreur*)¹, брадобрея (*barbier*)² и секретаря (*secrétaire*)³, заместителями которых были их сыновья. В двух случаях замещает не сын, а племянник. Людовик Бларсфельт (*Blaersfelt*), получив рыцарские шпоры в 1452 г., передал свою должность форшнейдера, как считалось⁴, недостаточно привилегированную для рыцаря, своему племяннику Ги Бларсфельту⁵. В случае с Жаном де Ла Форесом (*la Forest*) и его дядей Эрве Мериадеком (*Hervé Mériadec*) заместителем также стал племянник⁶. Как у первого, так и у второго сыновей просто не было⁷. Должность капитана лучников (*capitaine des archers de corps*) герцога была полностью оккупирована семейством Ранти (*Renty*). Жан, бастард де Ранти, стал капитаном еще в 1438 г.⁸ В 1449 г. его родственник Морле де Ранти был назначен заместителем капитана стрелков⁹. После смерти второго капитана Жана Пти (*Petit*), его должность перешла к Морле¹⁰. Бастард де Ранти тем временем был назначен первым гофмейстером (*premier maître d'hôtel*) герцога¹¹, а его место было поделено между Боном де Ранти и Робине де Сент-Омером (*Robinet de Saint-Omer*)¹². Бон де Ранти умер менее чем через полгода, и его место отошло Арнуле де Ранти¹³.

Остальные 4 случая связаны с заменой камергеров. Было бы, однако, неверно говорить, что подобная ситуация является следствием особых

¹ Ibid. S. 298. § 436.

² Ibid. S. 297. § 431.

³ Ibid. S. 303. § 490a.

⁴ В ордонансах 1449 и 1458 гг. неоднократно встречается оговорка, что некто покидает должность форшнейдера, мундшенка или хлебодача в связи с тем, что стал рыцарем. Ibid. S. 274-280, 379-388.

⁵ Ibid. S. 281. § 214a, 214b.

⁶ Ibid. S. 293. § 371a.

⁷ *Balthau E.* La famille van Massemen/de Masmimes. Aspects sociaux et matériels de la noblesse flamand ca. 1350-ca. 1450 // Publications du Centre européen d'études bourguignonnes (XIVe-XVIe s.). Neuchâtel, 1997. Vol. 37. P. 178-180. Что касается Мериадека, то сохранилось упоминание о том, что он был женат, и Филипп Добрый стал крестным отцом его ребенка. Однако в дальнейшем этот ребенок не упоминается, неизвестно даже, был ли это сын или дочь. *Paravicini W.* Un tombeau en Flandre: Hervé Meriadéc // Francia. 2007. Bd. 34/1. P. 127.

⁸ Die Hofordnungen. S. 189. § 468.

⁹ Ibid. S. 314. § 603.

¹⁰ Ibid. S. 313. § 601, 601a, 601b.

¹¹ Ibid. S. 376. § 117.

¹² Ibid. S. 314. § 605.

¹³ Ibid. S. 313. § 601c.

привилегий и влияния камергеров, сплошь вышедших из рядов знати. Она порождена в первую очередь тем, что далеко не всем должностным лицам назначались заместители. Чаще всего заместители были именно у камергеров в связи с исполнением ими разнообразных дипломатических миссий. Таким образом, связь со знатным происхождением здесь лишь косвенная. Также помощник назначался первому гофмейстеру, так как в его отсутствие нарушалось функционирование двора, секретарям, без которых невозможно управление в целом, и, как было отмечено выше, лучникам, чтобы охрана герцога всегда была полноценной. Назначение заместителей всем остальным должностным лицам – явление достаточно редкое и несистематическое.

Вторая характерная черта – наличие противостояния при назначении не только должностных лиц, но и их заместителей. Конкуренция пронизывала двор даже на уровне временных назначений. В том случае, если герцог по доброй воле или под давлением окружения изъявлял желание назначить другого заместителя, прежний получал какое-то возмещение. Так, в ордонансе 1458 г. есть дополнение, назначающее Филиппа де Круа (Сгоу) заместителем его дяди Антуана де Круа, первого камергера¹. Эта замена была осуществлена с согласия монсеньора Обурдена (Haubourdin)², который до того выполнял обязанности первого камергера в его отсутствие. Более того, несмотря на то, что Обурден становился ординарным камергером (*chambellan ordinaire*)³, его содержание не менялось: судя по счетам, он продолжал получать 36 су в день⁴, тогда как ординарные камергеры получали всего 24 су в день⁵. Иными словами, его положение при дворе не изменилось за исключением того, что он перестал отправлять функции первого камергера в его отсутствие. Этот случай демонстрирует, какую непростую финансовую подоплеку имели зачастую перестановки при дворе. Смыслом этих маневров была гарантия содержания для должностных лиц. Лишение кого-либо поста или денежного довольствия при дворе без уважительной причины могло бы быть рассмотрено не только как угроза придворному сообществу, но как посягательство на фундаментальные устои вассальной системы, основанной на взаимности прав и обязанностей сеньора и вассала.

Наконец, заместитель мог также служить при дворе в какой-либо постоянной должности, то есть, налицо временное совмещение долж-

¹ Ibid. S. 371. § 11a.

² “du consentement de monsigneur de Haubourdin”. Ibid.

³ Ibid.

⁴ ID 0391.

⁵ Die Hofordnungen. S. 374.

ностей. Так, Жак де Брима (Brimeu), который имел собственную должность камергера¹, одновременно замещал своего родственника Давида де Брима².

Несмотря на то, что заместителю в обязательном порядке передавалось содержание должностного лица, полагавшееся ему по ордонансу, это все же не гарантировало стабильного благосостояния, так как все выплаты были положены только на период замещения. Кроме того, этот способ давал возможность получить саму должность только после смерти ее постоянного обладателя, но не ранее. Чтобы гарантировать младшему родственнику пост при жизни старшего, применялся так называемое «*resignatio in favorem*», отказ от должности в чью-то пользу. В придворной практике это означало, что слуга, не имеющий поводов для увольнения, по своей воле передавал свой пост родственнику³. Такой добровольный отказ или даже просьба иногда фиксировались в ордонансе⁴. Ланселот де Вьевиль (Viefville) попросил заменить его на посту камергера на его сына Жана⁵. С согласия Жерара Луата (Loyte) его должность переходит его сыну Луи Луату⁶.

Возможен и обмен должностями. Такая ситуация произошла с семейством Жамб (Jambe). Андре Жамб служил при герцоге Филиппе военным трубачом (*trompette de guerre*)⁷. Когда по неизвестной нам причине, получив от герцога содержание, со службы ушел его коллега по должности Антуан ле Блан (Blanc), на его место были вписаны два человека, Лоран Веш (Vaiche) и Антуан Жамб, сын Андре⁸. Однако, деля одну должность, Веш и Жамб-младший должны были получать только половину содержания трубача каждый: 6 су вместо 12. Поэтому, по просьбе Андре и Антуана, их поменяли местами⁹, чтобы сын мог рассчитывать на полноценное жалование, а отец – на уменьшение нагрузки, так как он служил при дворе с 1420 г. и к моменту, когда осуществлялись упомянутые перемены, уже был немолод.

¹ Ibid. S. 56. § 22.

² Ibid. S. 55. § 10a.

³ Brand H. Appointment Strategies at the Court of Duke Philip the Good: New Applications of Old Mechanisms // *The Court As a Stage: England and the Low Countries in the Later Middle Ages*. Woodbridge, 2006. P. 91-93.

⁴ "... de son bon gré". Die Hofordnungen. S. 273. § 113a. «A la requestes de...». Die Hofordnungen. S. 394. § 330b.

⁵ Ibid. S. 270. § 85.

⁶ Ibid. S. 281. § 211a.

⁷ Ibid. S. 72. § 343.

⁸ Ibid. S. 311. § 575b.

⁹ Ibid. S. 311. § 576a.

Практиковался также отказ от собственной должности, чтобы сын мог получить другую. Так Антуан де Водре (Vaudray) отказался от должности камергера с тем, чтобы его сын стал мундшенком¹. Видимо, в данном случае не хватило авторитета отца или заслуг сына, чтобы последнего зачислили камергером.

Однако первые два способа оставляли на службе только одного человека. В противоположность этому при бургундском дворе существовала практика, позволявшая дать место при дворе обоим и вместе с тем не обременять излишне герцогскую казну. Во-первых, можно было разделить должность с потомком при жизни при сохранении содержания на прежнем уровне, то есть каждый получал половину от суммы, заявленной в ордонансе. Во-вторых, можно было передать отправление функций потомку, но сохранить за собой жалование. При этом основной держатель должности не терял права на саму должность и на материальные выгоды, связанные с ней. Такая практика получила название *survivance*. При бургундском дворе это достаточно редкий случай. Такая система давала надежду на последующую передачу поста новому человеку, и одновременно гарантировала некоторый доход основному держателю должности. Чаще всего этот способ применялся к пожилым слугам, которые уже не могли отправлять обязанности². Выгода такой социальной практики была налицо: обеспеченная старость для прежнего слуги, гарантия должности и содержание – для его потомка, выполнение обязанностей патрона – для герцога.

Более того, смерть или уход в другой штат одного должностного лица открывали возможности для продвижения по службе всем его родственникам. Если сын занимал место отца, то его собственное место мог занять внук или племянник. Например, после смерти конюха (*palefrenier*) Филиппа Анжелена (*Angelin*) его должность занял его брат Жак Анжелен. При этом место слуги при конюшне (*valet d'etable*), которое ранее принадлежало Жаку, перешло к его племяннику Жану, сыну покойного Филиппа Анжелена³.

Наконец, следует отметить, что эти механизмы не были изобретены герцогами Бургундскими. Все они в разное время зафиксированы при французском королевском дворе, равно как и при дворах французских принцев крови⁴.

¹ Ibid. S. 375. § 86a. Ibid. S. 385. § 223.

² Moirez P. Les offices de bouche à l'Hôtel du roi de France, de Philippe VI à Charles VI (1328-1422). Thèse de l'École des Chartes. P., 2002. P. 67, 74.

³ Die Hofordnungen. S. 397. § 380b.

⁴ Brand H. Appointment Strategies at the Court. P. 91.

* * *

Итак, при дворе существовал набор определенных тактик, позволявших отдельной семье влиять на назначения на придворные должности. При этом каждая фамилия, разумеется, стремилась добиться назначения ко двору максимального числа людей из своей среды, так как служба крупному сеньору давала доход и влияние, и чем больше членов одной семьи служило при дворе, тем сильнее становилась не только семья, но и каждый отдельный ее представитель. Многие семьи, которые впоследствии стали обладателями высоких титулов, заложили основу своего благополучия именно таким способом¹. Для герцога этот процесс заполнения штата представителями одной или нескольких семей оборачивался опасностью образования при дворе крупных кланов. Основной вопрос заключается в том, насколько сам герцог мог влиять на эту ситуацию, или же он оказывался заложником этих могущественных семейств.

Проблема осложняется тем, что крупные фамилии при дворе, с одной стороны, соперничали между собой, а с другой – имели тенденцию к объединению перед лицом опасности и, что еще важнее, к укреплению взаимных связей посредством заключения брачных союзов, формируя единый гигантский клан. Так, к примеру, во второй половине правления герцога Филиппа Доброго при бургундском дворе лидирующее положение заняло семейство де Круа. Глава семьи, Антуан де Круа, был первым камергером, многие его родственники также служили при дворе. Обеспокоевшие ухудшением здоровья стареющего герцога Филиппа, Круа стремились гарантировать сохранение своего влияния, попытавшись сделать ставку на наследника, будущего Карла Смелого. Однако тот полагал (и надо сказать, справедливо), что Круа неоднократно действовали в интересах французского короля и в ущерб расширению влияния герцога Бургундского². Поэтому Карл решительно воспротивился назначению своим камергером Филиппа де Круа, племянника Антуана, желая видеть на этом месте Антуана де Ролена (Rolin), сына канцлера Бургундии Николая Ролена, давнего противника Круа. На основании того, что Филипп де Круа не числился в его штате согласно ордонансу 1456 г.³, Карл от-

¹ Так, например, сделала карьеру при дворе саксонских курфюрстов семья Таубе. Небогатые эстляндские дворяне, они дослужились впоследствии до баронского титула. См.: *Прокотьев А.Ю.* Дитрих фон Таубе: судьба фаворита // *Клио. Журнал для ученых.* 1997. № 3. С. 188-195.

² В историографии Круа зачастую называют предателями. Однако, на наш взгляд, это обвинение требует дополнительного рассмотрения, не говоря уже о том, что в Средневековье предательство с точки зрения права было довольно размытой категорией.

³ Die Hofordnungen. S. 344. § 1-16.

казался предоставить ему должность, чем вызвал гнев отца и спровоцировал ссору. Филипп назначил младшего Круа в штат своего сына в ультимативном порядке и приказал Антуану Ролену удалиться от двора. Конфликт с наследником негативно сказался на взаимоотношениях Филиппа с его женой Изабеллой Португальской, матерью Карла, традиционно поддерживавшей сына¹. Она удалилась от двора в свой замок, отказав мужу в политической поддержке. Высылка Антуана Ролена и опала его отца, традиционного оппонента семейства Круа, до такой степени усилила последних, что ближе к концу правления Филиппа Доброго они фактически вершили дела герцогства. После смерти Филиппа Доброго в 1467 г. между новым герцогом Карлом Смелым и семейством Круа вспыхнул новый конфликт. Карл открыто обвинил Круа в предательстве, и те запросили третейского суда капитула ордена Золотого руна, рыцарями которого они являлись. Но к тому моменту Круа путем браков породнились почти со всеми представителями крупных семей при дворе, и выяснилось, что абсолютное большинство рыцарей Ордена, которые в большинстве своем также происходили из придворной среды, являются их ближайшими родственниками. В этой ситуации, чтобы добиться победы над Круа, Карлу пришлось изменить устав Ордена и сферу его юрисдикции, оставив в компетенции Ордена только вопросы, связанные с рыцарской честью².

Таким образом, мы видим, как клановая солидарность становится в этой ситуации серьезной проблемой для Карла. Как правитель мог не допустить формирования таких крупных семейных союзов, которые потенциально были способны стать для него угрозой? Н. Элиас, чьи работы, безусловно, могут считаться поворотным моментом в истории изучения двора, несмотря на всю критику в его адрес³, полагал, что оружием правителя против крупных кланов являлась игра на противоречиях между различными группировками знати, стравливание их

¹ *Lacerda D.* Isabelle de Portugal duchesse de Bourgogne. Une femme de pouvoir au cœur de l'Europe du Moyen âge. P., 2008. P. 86. Благодаря публикациям М. Сомме, роль Изабеллы Португальской в управлении герцогством была пересмотрена. См.: *Sommé M.* Isabelle de Portugal, duchesse de Bourgogne: une femme au pouvoir au XV siècle. Villeneuve d'Ascq, 1998. Ее письма – ценнейший источник по истории как внешней, так и внутренней политики Бургундии. См: *La correspondance d'Isabelle de Portugal, duchesse de Bourgogne (1430-1471)* / Ed. par M. Sommé. Ostfildern, 2009.

² Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies. Bd. 2. Das Ordensfest 1468 in Brügge unter Herzog Karl dem Kühnen. Ostfildern, 2003. S. 18-20.

³ Критических замечаний в адрес концепции Н. Элиаса было высказано немало. Последний обобщающий труд на эту тему принадлежит Ж. Дуиндаму: *Duindam J.* Myths of power. Norbert Elias and the early modern European court. Amsterdam, 1995.

между собой и провокация борьбы, в которой они день за днем истощали бы свои силы. Однако такая атмосфера была чревата объединением нескольких семей против правителя как против общего врага и в целом это создавало неблагоприятную обстановку и дисбаланс при дворе. Какие средства были в распоряжении герцога Бургундского, чтобы без проявления деспотизма избежать давления со стороны крупных кланов? Как сформировать двор таким, каким он хотел его видеть, без сильных социальных потрясений?

На первый взгляд вопрос о потенциальной возможности герцога влиять на состав двора кажется умозрительным, так как все документы, формирующие штат, исходили от его имени и он считался абсолютно свободным в вопросах как назначения, так и смещения должностных лиц. Но, во-первых, не следует забывать о том, что ордонанс обсуждался в герцогском совете¹. Разумеется, герцог мог не учесть мнение совета, но для средневекового правителя это считалось недопустимым и грозило обвинением в тирании². Во-вторых, нельзя забывать о вассально-сеньориальном характере службы при дворе, обусловленном принесением придворными клятвы верности герцогу при вступлении в должность. Разорвать подобные взаимоотношения нельзя было без основательной причины, поэтому просто уволить кого-либо со службы без достаточных на то оснований герцог не мог. Разумеется, он мог пойти по пути создания новых должностей, однако здесь его ограничивали соображения экономии. Какие же возможности оставались у герцога для контроля над формированием придворного окружения?

Герцог мог использовать уже выработанные методы. Он иногда добивался отказа в пользу своих кандидатов. Гильом де Шокур (Chaucourt) взят на место тафельдекера (valet servant)³ с согласия Жака де Шастеле (Chasteler), предыдущего держателя этой должности⁴. Гильмен де Крепон (Crepont) отказался от должности мастера по соусам (saucier) в пользу Пьерена де Во (Vaux)⁵. Таких случаев зафиксировано в ордонансах значительно больше.

¹ Die Hofordnungen. S. 80. § 434.

² Малинин Ю.П. Средневековый «дух совета» // *Одиссей. Человек в истории*. 1992. М., 1994. С. 176-192.

³ Тафельдекер ассистировал во время обеда хлебодару и форшнейдеру, подавая все необходимое. *La Marche O. de Estat de la maison du duc Charles de Bourgogne, dit le Hardy // Mémoires d'Olivier de La Marche*, Vol. 4. P., 1888. P. 26-28.

⁴ Die Hofordnungen. S. 283. § 237a.

⁵ Ibid. S. 286. § 288b.

Хотелось бы подчеркнуть, что эти перестановки происходили не без определенных уступок со стороны герцога. Какого рода были эти уступки? Во-первых, герцог мог назначить небольшую пенсию уходящему с поста слуге. Анри Дье-Ле-Фи (Dieu le Fist)¹ получил «другое содержание»², то есть какую-то иную форму довольствия, отказавшись от места в пользу Тъери Марескаля или Маршала (Marescal/Marechal).

Герцог мог также гарантировать должность сыну при условии, что отец откажется от своей в пользу человека, угодного сеньору. Так, например, при замене Жана де Мазилля (Mazilles) на Жака де Монмартена (Montmartin)³, сын первого получил должность Монмартена⁴. Гильом ле Ру (Roux) уступает свое место Жанино ле Пармантье (Parmentier), получив содержание или пожизненный пенсион от герцога⁵. Виллекен Пармантье, возможно, его родственник, также отказывается от должности гонца (chevaucheur) в пользу Анри де Виньере (Vignereux)⁶. Очень трогательно обставлен уход со службы Поля дю Вивье (Vivier), который «из-за своей старости и слабости не может более хорошо служить». Он получает содержание от герцога и отказывается от своей должности в пользу уже упомянутого Перрена де Во. Тот уже служил при дворе в течение полугода, теперь же он будет обязан служить весь год, но при этом до смерти Поля дю Вивье получать не 9 су, как положено мастеру по соусам⁷, а лишь 6⁸. Некто, фигурирующий в ордонансе 1449 г. как Allemaigne, по доброй воле уступает свое место ассистента хлебодара (sommelier de paneterie) Питеру ван Фехту (Veucht)⁹. Смысл этого маневра разгадать трудно, так как Allemaigne в данном случае, скорее всего прозвище, свидетельствующее о происхождении этого слуги с территории Священной Римской империи. Кто скрывается под этим прозвищем и какую связь он имеет с упомянутым Ван Фехтом, остается пока неизвестным.

Все эти примеры как нельзя лучше иллюстрируют систему взаимных обязательств, существовавшую при бургундском дворе. Эта система позволяла при незначительном проявлении власти со стороны герцога и небольших уступках с его же стороны добиваться нужного ему варианта

¹ В данном случае речь, вероятно, идет либо о прозвище, либо о небольшом городке в нынешнем департаменте Дром, откуда мог быть родом этот слуга.

² Ibid. S.292. § 364.

³ Ibid. S.273. § 113a.

⁴ Ibid. § 116a.

⁵ Ibid. S. 287. § 298a.

⁶ Ibid. S.292. § 365.

⁷ Ibid. S.393. § 329.

⁸ Ibid. S. 394. § 330, 330a, 330b.

⁹ Ibid. S. 275. § 145a.

развития событий, не провоцируя скандалы в своем окружении. В свете этих данных двор представляется не ареной ожесточенной борьбы за привилегии, а пространством компромисса, в котором герцог играет по-прежнему главную роль.

Наконец, важнейший момент политики герцога заключался в том, что он не наблюдал со стороны за системой клановых отношений при дворе, а становился частью этой огромной семьи, инициируя необходимые ему браки. Матримониальная политика, эта традиционная для Европы Старого порядка панацея от всех бед, представляется особым искусством, когда речь идет о герцоге Филиппе Добром, у которого, как известно, не было законных потомков, кроме сына Карла. Тем не менее именно умело заключенным бракам он обязан расширением своих земель. К бургундскому двору прибывали высокопоставленные невесты из многих частей Европы, включая даже далекую Коимбру. Многочисленные племянники и осиротевшие после битвы при Азенкуре двоюродные братья и сестры росли вместе с наследником Карлом и вступали в брак по воле герцога. Однако эти браки образовывали горизонтальный срез матримониальной политики герцога, так как были союзами равных по социальному происхождению людей. Срез вертикальный был представлен браками незаконнорожденных отпрысков, в которых у герцога Филиппа не было недостатка. Несмотря на то, что некоторые из них уходили в лоно церкви и не заключали браков в принципе, остальные воспитывались при дворе, занимали высокие должности в штате и в свой срок вступали в брачные союзы. Заметим, что эти пары никогда не были равными. Несмотря на то, что XV в. называют золотым веком бастардов¹, ни один из них не поднялся до социального положения законных детей даже после легитимации. Таким образом, если племянница герцога выдавалась замуж за герцога или графа, то незаконная дочь – за рыцаря, хотя, разумеется, ничто не мешало ему впоследствии стать графом, если он выслужит себе титул. Эти браки стали теми нитями, которые протянулись от персоны герцога к знатым фамилиям, составлявшим его ближайшее окружение, крепко связав сеньора и придворных узами родства и свойства.

Рассмотрим подробнее брачные союзы бастардов герцога Филиппа Доброго. Самый известный из незаконных сыновей Филиппа – Антуан по прозвищу Великий бастард Бургундский (*dit le Grand Bâtard de*

¹ *Hurwich J. J.* Noble Strategies: Marriage and Sexuality in the Zimmern Chronicle. Kirksville, 2006. P. 225; *Harsgor M.* L'essor des bâtards nobles au XVe siècle // *Revue historique*. 1975. № 253. P. 319; *Mols R.* Introduction à la démographie historique des villes d'Europe du XIV au XVIII siècle. Vol. 2. Louvain, 1954. P. 299.

Bourgogne) (1421-1504), добился весьма высокого положения при дворе: в 1453 г. он стал камергером своего отца, а в 1474 г. – первым камергером при Карле Смелом, своем брате¹. Он участвовал практически во всех бургундских кампаниях начиная с 1446 г. и прославился как умелый военачальник и страстный библиофил². В 1456 г. в Гааге он получил золотую цепь рыцаря Ордена Золотого руна³. В 1446 г. он женился на Жанне-Марии де Ла Вьевиль. Вьевили состояли на службе Бургундского дома еще в правление Иоанна Бесстрашного: Жан де Ла Вьевиль по прозвищу Гавейн, был форшнейдером при его дворе⁴. При бургундском дворе служило как минимум девять представителей этой фамилии, а возможно и больше⁵. Сама Жанна-Мария последовательно входила в штаты всех трех жен Карла Смелого⁶. Вьевили состояли в родстве с фамилией де Брима, представители которой также служили герцогам Бургундским.

Бодуэн, легитимированный сын Филиппа Доброго, не оправдал матримониальных надежд отца: родившись в 1446 г., он женился только в 1488 или 1489 г.⁷, когда от славы герцогства Бургундского остались одни лишь воспоминания.

Значительно более выгодными во внутривосполитическом отношении были браки незаконных дочерей Филиппа. Первой в брак вступила Мария или Марион (1428 – †). В 1447 г. она вышла замуж за Пьера де Бофремона (Vauffremont), графа де Шарни (Charny) (1397-1472). Его отец Анри де Бофремон состоял советником и камергером при Иоанне Бесстрашном, отце Филиппа Доброго. Его брат Жан участвовал в военных кампаниях на стороне герцогов Бургундских, был женат на Маргарите де Шалон (Chalon), дочери Жана де Шалона, принца Оранского, и Жанны де Ла Тремуай (Trémoille), представительницы влиятельного и непредсказуемого рода, балансировавшего между герцогами Бургундскими и их оппонентами – королями Франции. Его брат, Гильом де Бофремон, был женат на Жанне де Вилер (Villers), чья семья состояла на службе Бургундскому дому⁸. Таким образом, выбрав Пьера де Бофремона в каче-

¹ ID 1958.

² *Clement J.* Antoine de Bourgogne, dit le Grand Bâtard // Publications du Centre européen d'études bourguignonnes (XIVe-XVIe s.). 1990. Vol. 30. P. 165-182.

³ Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies. Bd 1. Herzog Philipp der Gute (1430-1467). Ostfildern. 2002. S. 235.

⁴ ID 0081.

⁵ База данных, как более полный источник данных, содержит 14 фамилий, однако не для всех из них очевидна принадлежность к семье Вьевиль.

⁶ ID 1243.

⁷ ID 2471.

⁸ *Courcelles J.-P.* Histoire généalogique et héraldique des pairs de France, des grands dignitaires

стве брачного партнера для своей дочери Марии, герцог Филипп усилил свои позиции, привязав к себе сразу четыре крупных родственных клана. Почти вся жизнь самого Пьера де Бофремона прошла на службе Бургундскому дому. С 1427 по 1467 г. он занимал пост камергера Филиппа Доброго, а в 1468 г. с колоссальным содержанием в 60 су был назначен Карлом Смелым на пост капитана дворян свиты (*chevalier d'honneur*) новоиспеченной герцогини Бургундской, Маргариты Йорк, третьей жены Карла¹. Одна из дочерей, родившихся от этого союза, вышла замуж за Антуана Люксембурга, графа де Бриенна (*Brienne*). Его отец Людовик Люксембург, стремившийся играть на противоречиях между Францией, Бургундией и Англией, был казнен в декабре 1475 г. по приказу короля Франции Людовика XI с согласия Карла Смелого². Тем не менее сын с 1474 г. был пансионарием Карла и получал выплаты вплоть до декабря 1476 г.³

Следующей среди незаконных дочерей в 1456 г. в брак вступила Иоланда Бургундская († 1470). Ее супругом стал Жан д'Айи (*Ailly*), сеньор де Пикиньи (*Pisquigny*), видам Амьена, числившийся при бургундском дворе камергером и советником⁴. Его брат Антуан вторым браком был женат на Луизе Алуин (*Halluin*), одним из родственников которой был кухмейстер (*écuyer de cuisine*) Изабеллы Бурбон, второй жены Карла Смелого⁵. Одна из его многочисленных сестер, Мария, вышла в 1444 г. замуж за Антуана Ролена, сына канцлера Бургундии Никола Ролена, породнив таким образом элиту военную и политическую с административной⁶. Еще одна сестра, Жаклин, с 1435 г. была замужем за Жаном Бургундским, графом д'Этамп, и состояла придворной дамой при Изабелле Португальской⁷. Их дочь, племянница Жана д'Айи, воспитывалась с Карлом и в 1455 г. вышла замуж за Иоанна Клевского, племянника Филиппа Доброго и кузена Карла. Одновременно браком

de la couronne, des principales familles nobles du royaume et des maisons princières de l'Europe. Vol. 6. P., 1826. P. 13-17.

¹ ID 0321.

² Эрс Ж. Людовик XI: Ремесло короля. М., 2007. С. 233-235. Подробнее о процессе Сен-Поля см.: *Dufournet J.* Au cœur des Mémoires de Commyne: l'affaire Saint-Pol, un cas exemplaire // *Le Moyen Âge*. 2006. Vol. 112. P. 477-494; *Paravicini W.* Peur, pratiques, intelligences. Formes de l'opposition aristocratique à Louis XI d'après les interrogatoires du connétable de Saint-Pol // *La France de la fin du XV siècle. Renouveau et apogée*. P., 1985. P. 184-185.

³ ID 2280.

⁴ *Die Hofordnungen*. S. 265. § 14.

⁵ *Ibid.* S. 359. § 79.

⁶ *Bertier M.-T., Sweeney Jh.-T.* Le chancelier Rolin 1376-1462. Ambition, pouvoir et fortune en Bourgogne. *Precy-sous-Thil*, 2005. P. 397.

⁷ *Die Hofordnungen*. S. 214. § 2.

сочеталась Изабелла, третья сестра Жана д'Айи: она вышла замуж за Алара де Рабоданжа (Rabodanges), камергера Филиппа Доброго, а затем – Карла Смелого¹. Еще один Рабоданж служил в гвардии Карла². Помимо укрепления сети брачных связей, этот брак был выгоден благодаря тому, что владения мужа, где Иоланда стала хозяйкой, располагались в Пикардии – регионе, который традиционно интересовал герцогов Бургундских, так как дорога из их северных владений на Париж лежала через Пикардию³.

Если предыдущие брачные союзы в целом развивались в уже намеченных границах поиска брачных партнеров, не выбиваясь из регионального ландшафта, ограниченного территорией Франции в широком смысле этого слова, то союз Анны Бургундской, еще одной незаконнорожденной дочери Филиппа Доброго, с Адрианом ван Борселе (Borselen), выходцем из Зеландии, стал мостом между двумя обществами, относившимися друг к другу с изрядной долей недоверия. Династия крупнейших судостроителей Ван Борселе держала в своих руках всю торговлю региона. На этом и на контроле над портом Вере она основывала свое политическое могущество. В ситуации борьбы между Филиппом Добрым и Якобиной Баварской, наследницей Голландии и Зеландии, Ван Борселе стремились упрочить свою собственную власть, поддерживая то одну, то другую стороны. Заключив тайный брак с Якобиной, Франк ван Борселе перешел на ее сторону, однако был впоследствии арестован и брошен в тюрьму. Постепенно Ван Борселе осознали, что Якобина стоит им слишком дорого, так как они финансировали затянувшиеся военные действия⁴. В 1445 г. двое из представителей этой фамилии, Франк и Хенрик ван Борселе, приняли предложения Филиппа и стали рыцарями Ордена Золотого руна⁵. Наконец, последним шагом на пути превращения Борселе в лояльных Бургундской династии клиентов стал брак, заключенный в 1457 г. между Адрианом ван Борселе и Анной Бургундской. Вольферт и Адриан ван Борселе получили посты камергеров при Филиппе⁶, а кузен Адриана, Питер ван Хенен-Лиетард (Hénin Liétard) состоял капитаном дворян Изабеллы де

¹ ID 1647.

² ID 3477.

³ *Darsy Fr. I.* Picquigny et ses seigneurs, vidames d'Amiens. Abbeville, 1860. P. 55-56.

⁴ *Damen M.* The Nerve Centre of Political Networks? The Burgundian Court and the Integration of Holland and Zeeland into the Burgundian State, 1425-1477 // *The Court as a Stage. England and the Low Countries in the later Middle Ages.* Woodbridge, 2006. P. 77-78.

⁵ *Die Protokollbücher.* Bd 1. S. 235.

⁶ *Die Hofordnungen.* S. 265. § 20. *Ibid.* S. 373. § 38.

Бурбон, а затем камергером-советником Филиппа Доброго и был женат на Изабелле де Лален (Lalaing), дочери Гильома де Лален и Жанны де Креки (Crequi)¹. Семьи Лаленов и Креки к моменту заключения брака состояли на службе Бургундскому дому более пятидесяти лет и имели связи со всей высшей знатью бургундского двора.

Вторым мужем Анны Бургундской был Адольф Клевский, племянник Филиппа Доброго (сестра Филиппа Мария была замужем за Адольфом Клевским-старшим). Первым браком Адольф был женат на Беатрисе Коимбрской, племяннице Изабеллы Португальской, третьей жены Филиппа Доброго. По распоряжению Филиппа Доброго, племянник имел небольшой личный штат, финансировавшийся герцогом². Пожалуй, это единственный равный брак, заключенный кем-либо из бастардов Филиппа Доброго.

Выбор брачных партнеров для незаконных отпрысков обуславливался не столько положением в обществе самого кандидата и его постом при дворе, сколько связями его фамилии с другими представителями знати. Эта включенность в систему семейных взаимоотношений и давала герцогу возможность одним браком привязать к себе сразу несколько крупных кланов.

Возвращаясь к отправной точке нашего рассуждения – патернализму, мы обнаруживаем не просто теорию, которая служила для выстраивания определенной идеологической системы, удобной для осуществления контроля со стороны герцога над всеми поданными и придворным окружением в частности, а ее непосредственную реализацию. Двор не только уподоблялся семье в теории, но именно ею он и являлся на практике. Отдельные лица занимали при дворе лидирующие позиции и способствовали предоставлению должностей своим родственникам, умело используя отработанные механизмы семейной протекции. В последующих поколениях эти фамилии заключали браки с такими же династиями придворных, что вело к образованию в довольно замкнутом придворном социуме крупных кланов. Отсюда логично вытекает вопрос: как герцог управлял двором в атмосфере постоянного давления этих кланов? Выход заключался в использовании тех же самых механизмов: протектирование своим кандидатам с помощью тех же самых методов и заключение браков. Матримониальные союзы между внебрачными отпрысками герцогов Бургундских и представителями знати превратили двор в одну большую семью. Для некоторых должностных лиц герцог был отцом в

¹ ID 1908.

² Die Hofordnungen. S. 230.

прямом смысле этого слова, для других он становится тестем, дедом или дядей. Между семьей правителя и высшей знатью не было жесткой демаркационной линии, преступить которую было бы невозможно, на чем настаивает, в частности, Б. Шнерб¹. В числе прочих герцог встраивается в семейно-родственный ландшафт собственных земель, заключая выгодные для него браки и пользуясь ими как средством управления своим окружением.

Список литературы

Прокопьев А.Ю. Прощание с патернализмом? Веттины и саксонское дворянство в первой половине XVII в. // *Власть, общество и индивид в средневековой Европе*. М., 2008. [*Prokop'ev A.Ju.* Proshhanie s paternalizmom? Vettiny i saksonskoe dvorjanstvo v pervoj polovine XVII v. // *Vlast', obshhestvo i individ v srednevekovoj Evrope*. М., 2008].

Прокопьев А.Ю. Иоганн Георг I, курфюрст Саксонии (1585-1656). Власть и элита в конфессиональной Германии. СПб., 2011. [*Prokop'ev A.Ju.* Iogann Georg I, kurfjurst Saksonii (1585-1656). *Vlast' i jelita v konfessional'noj Germanii*. SPb., 2011].

Paravicini W. Expansion et intégration. La noblesse des Pays-Bas à la cour de Philippe le Bon // *Bijdragen betreffende de Geschiedenis der Nederlanden*. 1980. Vol. 95.

Les étrangers à la cour des ducs de Bourgogne: statut, identité, fonctions. Lille, 2002.

Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. [*Bojcov M.A.* Velichie i smirenje. Ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoj Evrope. М., 2009].

Vaughan R. Philip the Bold: The Formation of the Burgundian State. Woodbridge, 2002.

Асейнов Р.М. Восстание в Генте 1452-53 гг. в бургундской историографии XV в. // *Вестник МГУ*. М., 2008. № 2. [*Asejnov R.M.* Vosstanie v Gente 1452 – 53 gg. v burgundskoj istoriografii XV v. // *Vestnik MGU*. М., 2008. № 2].

Sommé M. Isabelle de Portugal, duchesse de Bourgogne: une femme au pouvoir au XV siècle. Villeneuve d'Ascq, 1998.

Die Hofordnungen der Herzöge von Burgund. Herzog Philipp der Gute (1407-1467). Ostfildern, 2005.

Greve A., Hamel S. Eine Datenbank zum Hof der Herzöge von Burgund: Philipp der Gute und Karl der Kühne, 1419-1477 // *Francia*. 2003. Vol. 30/1.

¹ *Schmerb B.* L'État bourguignon. 1363-1477. P., 1999. P. 279-280.

Paviot J. Ordonnances de l'hôtel et cérémonial de cour aux XVe et XVIe siècles, d'après l'exemple bourguignon // *Höfe und Hofordnungen. 1200-1600.* Sigmaringen, 1999.

Charles le Téméraire: Faste et déclin de la cour de Bourgogne. Bern, 2008.

Paravicini W. «Ordonnances de l'Hôtel» and «Escroes des gaiges». Wege zu einer prosographischen Erforschung des burgundischen Staats im funfzehnten Jahrhundert // *Medieval Lives and the Historian. Studies in Medieval Prosopography.* Michigan, 1986.

Paravicini W. Ordre et règle. Charles le Téméraire en ses ordonnances de l'hôtel // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* 1999.

Mémoires pour servir à l'histoire de France et de Bourgogne. P., 1729. Vol. 2.

Бакалдина Е. В. Департаменты, службы и должности в хаусхолде Эдуарда IV // *Королевский двор в Англии XV-XVII веков.* СПб., 2011. [*Bakaldina E.V.* Departamenty, sluzhby i dolzhnosti v hausholde Jeduarda IV // *Korolevskij dvor v Anglii XV-XVII vekov.* SPb., 2011].

Balthau E. La famille van Massemen/de Masmines. Aspects sociaux et matériels de la noblesse flamand ca. 1350-ca. 1450 // *Publications du Centre européen d'études bourguignonnes (XIVe-XVIe s.).* Neuchâtel, 1997. Vol. 37.

Paravicini W. Un tombeau en Flandre: Hervé Meriadéc // *Francia.* 2007. Bd. 34/1.

Brand H. Appointment Strategies at the Court of Duke Philip the Good: New Applications of Old Mechanisms // *The Court As a Stage: England and the Low Countries in the Later Middle Ages.* Woodbridge, 2006.

Moirez P. Les offices de bouche à l'Hôtel du roi de France, de Philippe VI à Charles VI (1328-1422). [Thèse de l'École des Chartes]. P., 2002.

Прокопьев А.Ю. Дитрих фон Таубе: судьба фаворита // *Клио. Журнал для ученых.* 1997. № 3. [*Prokop'ev A.Ju.* Ditrif fon Taube: sud'ba favorita // *Klio. Zhurnal dlja uchenyh.* 1997. № 3].

Lacerda D. Isabelle de Portugal duchesse de Bourgogne. Une femme de pouvoir au cœur de l'Europe du Moyen age. P., 2008.

Sommé M. Isabelle de Portugal, duchesse de Bourgogne: une femme au pouvoir au XV siècle. Villeneuve d'Ascq, 1998.

La correspondance d'Isabelle de Portugal, duchesse de Bourgogne (1430-1471). Ostfildern, 2009.

Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies. Bd. 2. Das Ordensfest 1468 in Brügge unter Herzog Karl dem Kühnen. Ostfildern, 2003. S. 18-20.

Duindam J. Myths of power. Norbert Elias and the early modern European court. Amsterdam, 1995.

Малинин Ю.П. Средневековый «дух совета»// Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. [*Malinin Ju.P.* Srednevekovyj «duh soveta»// Odissej. Chelovek v istorii. 1992. М., 1994]

La Marche O. de Estat de la maison du duc Charles de Bourgogne, dit le Hardy // Mémoires d'Olivier de La Marche. Vol. 4. P., 1888.

Hurwich J. J. Noble Strategies: Marriage and Sexuality in the Zimmern Chronicle. Kirksville, 2006.

Harsgor M. L'essor des bâtards nobles au XVe siècle // Revue historique. 1975. № 253.

Mols R. Introduction à la démographie historique des villes d'Europe du XIV au XVIII siècle. Vol. 2. Louvain, 1954.

Clement J. Antoine de Bourgogne, dit le Grand Bâtard // Publications du Centre européen d'études bourguignonnes (XIVe-XVIe s.). 1990. Vol. 30.

Die Protokollbücher des Ordens vom Goldenen Vlies. Bd 1. Herzog Philipp der Gute (1430-1467). Ostfildern. 2002. S. 235.

Courcelles J.-P. Histoire généalogique et héraldique des pairs de France, des grands dignitaires de la couronne, des principales familles nobles du royaume et des maisons princières de l'Europe. Vol. 6. P., 1826.

Эрс Ж. Людовик XI: Ремесло короля. М., 2007. [*Jers Zh.* Ljudovik XI: Remeslo korolja. М., 2007].

Dufournet J. Au cœur des Mémoires de Commyne: l'affaire Saint-Pol, un cas exemplaire // Le Moyen Âge. 2006. Vol. 112.

Paravicini W. Peur, pratiques, intelligences. Formes de l'opposition aristocratique à Louis XI d'après les interrogatoires du connétable de Saint-Pol // La France de la fin du XV siècle. Renouveau et apogée. P., 1985.

Bertier M.-T., Sweeney Jh.-T. Le chancelier Rolin 1376-1462. Ambition, pouvoir et fortune en Bourgogne. Precy-sous-Thil, 2005.

Darsy Fr. I. Picquigny et ses seigneurs, vidames d'Amiens. Abbeville, 1860.

Damen M. The Nerve Centre of Political Networks? The Burgundian Court and the Integration of Holland and Zeeland into the Burgundian State, 1425-1477 // The Court as a Stage. England and the Low Countries in the later Middle Ages. Woodbridge, 2006.

Schnerb B. L'État bourguignon. 1363-1477. P., 1999.

А.В. Журбина

**«ВСЯКИЙ КОРОЛЬ И ПРИНЦ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ
БЛАГОРАЗУМНО...»:**

переводчик и поэт Франсуа Абер при дворе Генриха II

Статья посвящена двум переводам «Метаморфоз» Овидия, сделанным поэтом Франсуа Абером, который жил в первой половине XVI в. и был приближен ко двору короля Генриха II. Исходя из текстов прологов, в которых содержатся различные обращения к королю (в том числе наставительно-увещательные), можно предположить, что к моменту создания второго перевода Абер уже входил в придворную «партию» Екатерины Медичи, боровшуюся с фавориткой короля Дианой де Пуатье.

Ключевые слова: история Раннего нового времени, Франция, куртуазная литература

В XVI в. поэт Франсуа Абер (*François Habert*, ок. 1520 – после 1561 г.) создал две версии перевода «Метаморфоз» Публия Овидия Назона на французский язык: краткую (6 книг из 15) и полную (все книги латинской поэмы). При сравнении двух версий можно заметить, что перевод книг из краткой версии перенесен в полную почти без редактуры, при этом содержание пролога – традиционной части подобных текстов – претерпело некоторые изменения. В данной статье мы попытаемся показать то, что, возможно, это было связано с придворной жизнью автора перевода.

О жизни Франсуа Абера известно немного. Сведения, в основном, черпаются из его книги «Безрадостная юность» (1541, буквально – «Юность лишенного радости»)¹. Дату своего рождения сам Абер не называет. Предполагают, что Абер родился примерно в 1520 г., поскольку «Юность» – его первое опубликованное произведение². Абер пишет, что появился на

Анна Викторовна Журбина, старший научный сотрудник отдела классических литератур Западной и сравнительного литературоведения ИМЛИ им. А.М. Горького РАН.

¹ [*Habert F.*] *La jeunesse du Banni de liesse...* P., 1541. 8°. (далее – *Jeunesse*).

² *Leykauff A.* *François Habert und seine Übersetzung der Metamorphosen Ovids.* Deichert. XI, *Münchener Beiträge zur romanischen und englischen Philologie* 30. Leipzig, 1904. S. 4, note 2. На то, что «Юность» – его раннее произведение, указывают отдельные пассажи. Например, в заголовке раздела, содержащего переводы двух басен из «Метаморфоз», он называет себя «тулузским школяром» («*escollier estudiant à Tholose*»). *Jeunesse*. F. 89r. Здесь и далее французский текст дан в оригинальном написании. – *А.Ж.*) Далее в небольшом предисловии к этим же переводам он просит покровителя «принять... его юношеский труд» («*geseruez ...*

свет в городе Иссудене (Yssauldun или Issoudin в современном написании), втором по величине городе герцогства Берри (современный департамент Эндр). Образование он получил в Париже – время своего студенческого пребывания там он называет «*foecunde et heureuse*»¹. Там же он выучил латынь и пробовал писать латинские стихи. Поскольку впоследствии он переводил Овидия и Горация, то, возможно, они и были его любимыми поэтами. Греческий, судя по наличию среди его трудов переводов греческих авторов, он, возможно, также знал, хотя и неизвестно, насколько хорошо, поскольку переводы вполне могли быть полностью или частично выполнены не с оригинальных текстов, а с латинских переводов.

Однако в связи с неизвестными обстоятельствами отец снова забрал его в Берри. Там он продолжил писать стихи и переписываться со своим парижским покровителем Шарлем Бийоном (Charles Billon). Вскоре молодой Франсуа Абер поступает в университет Тулузы на юридический факультет, где у него не остается времени на поэзию². Во время учебы в Тулузе умирает его отец, и он остается без средств к существованию³. Последующие 1541-1543 гг. были для Абера крайне тяжелыми: он обращается за помощью к родным и друзьям, и те находят ему место сначала помощника прелата, а затем и младшего нотариуса (*proténotaire*), однако денег все равно не хватает, и вскоре он оставляет занятия юриспруденцией. Абера одолевают кредиторы, домовладелица предъявляет к нему претензии⁴, и в довершение всего он заболевает⁵.

В юности Абер имел немало друзей и покровителей: все они, впрочем, не принадлежали к элите. Из самых значимых можно отметить лишь упоминавшегося выше Шарля Бийона, адвоката парламента. Кроме того, Абер входил в кружок аббата Брюжерá (Brugerat), члены которого проводили литературные встречи. В 1530-х гг. Абер совместно со своими друзьями⁶ сочиняет стихи для мистерий на тему Страстей Господних, пред-

vng *oeuvre iuvenile*», *Jeunesse*. F. 91r). В энциклопедиях, однако, без комментариев указывается, что Абер, вероятнее всего, родился в 1508 г.

¹ *Jeunesse*, *Epistre lumineaire*. F. 4v (цит. по: *Leykauff A. François Habert...* P. 6).

² *Jeunesse*, *Epistre à M. l'Euesque de Noyon*. F. 04r (в книге опечатка, должно быть 40).

³ *Jeunesse*. XVII, *epistre a m. maistre charles billon*. F. 48r.

⁴ [*Habert F.*] *La suytte du Banny de Lyesse*. P., 1541. Ep. III. F. 44r (далее – *Suytte*). – Цит. по: *Leykauff A. François Habert*. P. 7.

⁵ [*Habert F.*] *Le Combat de Cupido et de la Mort nouvellement compose par le Banny de lyesse, Francoys habert...* Paris: Alain Lotrian [1541 – датируется по привилегии]. *Epistre à maistre Claude habert greffier à buzancoys son frere*, s. p.

⁶ *Suytte*. F. 49r, 53r, 60v. Впоследствии поэт посвятит друзьям написанный в 1549 г. сборник эпиграмм «Храм целомудрия» ([*Habert F.*] *Le Temple de Chastete, Avec plvsievs Epigrammes tant de l'inuention de l'auteur que de la traduction et imitation de Martial et autres Poetes latins...* Le tout par François Habert d'Yssouldun en Berry. P., 1549).

ставлявшихся одно время в его родном городе Иссудене, – это, однако, его единственная попытка писать сценарии для театральных постановок.

За долги он попадает в тюрьму: эти события описаны в одной из латинских эпиграмм сборника «Сад счастья» (*Jardin de Felicité*). Чтобы вырваться из нужды и избавиться от кредиторов, Абер решает пробиться ко двору со специально написанным для этого сочинением. Адресатом «Новой Венеры» (написана в 1543 г., издана в 1547 г.) он выбирает не короля Франциска I, а его сына дофина, будущего короля Генриха II¹. В виде Венеры он аллегорически представляет его супругу Екатерину Медичи. Абер с некоторым успехом читает свои стихи при дворе, который в это время находится в замке Дианы де Пуатье в Анэ (*Anet*), но задержаться там ему не удастся, и он возвращается в Париж. Однако через некоторое время, очевидно, не без содействия Екатерины Медичи, которой понравилось его произведение², дофин вспоминает о нем. По его заказу Абер пишет «Новую Палладу» В 1544 г. она была прочитана при дворе в Эвре (*Evreux*). Кроме того, он пишет поэму в честь рождения наследника дофина Генриха – Франциска (будущего короля Франциска II). Удалось ему завоевать также расположение королевы Клод Французской (жены короля Франциска I, дочери Людовика XII) и сестры короля, знаменитой писательницы Маргариты Наваррской, которые одобрили его литературные труды³. Очевидно, Абер был оставлен при дворе до коронации Генриха II, последовавшей в 1547 г.

Дальнейшая творческая жизнь Абера также была связана с королевским двором и Генрихом II, который называет его в привилегиях «наш дорогой и любимый Франсуа Абер, поэт Франции»⁴. В 1548 г. в Фон-

¹ Позднее, в «Буколических стихах» (приложение к «Новой Палладе», изданной в 1545 г.), Абер прямо говорит, что его целью было получить доступ к дофину: [*Habert F.*] *La nouvelle Pallas, presentee à Monseigneur le Daulphin, par François Habert natif d'Issouldun en Berry. Item, La naissance de Monseigneur le Duc de Bretagne Filz dudict Seigneur. Avec un petit œuvre Bucolique. Aussi le cantique du Pecheur conuert à Dieu.* Lyon, 1545. F. 53r и далее.

² Абер называет Екатерину Медичи «son amyee exaulcee». *La nouvelle Pallas*. P. 68.

³ «... sa prudente nature donne faueur à ta literature». [*Habert F.*] *Les Dictz des sept sages de Grece, traduicts de Grec en vers Latins par le Poëte Ausone et de luy en rime Françoisse par François Habert d'Yssouldun en Berry: ioincts autres dictz desdicts Sages, traduicts d'Erasmus, avec une eglogue sur la naissance de mon seigneur le Dauphin.* P., 1549. – Цит. по: *Les Dictz*. Lyon, 1550. P. 68 (ошибочная пагинация в книге, должна быть с. 72; далее книга называется *Les Dictz*).

⁴ «nostre cher et bien aymé François Habert, nostre Poete François» – привилегия от 13 апреля 1551 г.: [*Habert F.*] *Les sermons satiriques du sententieux Poete Horace, diuisez en deux liures, interpretez en rime Françoisse par François Habert de Berry.* P., 1551. Цит. по: *Leykauff A.* *François Habert*. P. 18. Интересно, что первые свои опусы он подписывал как *Banny de Lyesse* (буквально – «лишенный радости») с «девизом» *Fy de soulas* («безутешный»), хотя в «Битве Купидона и Смерти» (1541) его имя появляется в конце титула. Однако как только он попадает ко двору в 1543 г., на титульных листах его произведений появляется его настоящее имя.

тенбло Абер читает королю «Героиды» – свой первый перевод из Овидия (издан в 1550 г.), а затем – «Сатиры» Горация (1549-1551 гг.). Абер приобретает новых друзей, среди которых придворный поэт Меллен де Сен-Желе (Mellin de Saint-Gelais) и переводчик Еврипида Гийом Бушетель (Guillaume Bouchetel).

Примерно с 1547 по 1557 г. поэт трудится над переводом «Метаморфоз» Овидия, который он будет считать вершиной своего творчества. Последние труды Абера увидели свет в 1561 г.: это «Метаморфозы Купидона» (*Les Métamorfoses de Cupido*), посвященные королю Франциску II, и «Утешение народу галлов по случаю смерти короля Франциска II» (*La Consolation du peuple gauloys*). Вероятнее всего, Франсуа Абер умер в 1561 г. или немногим позже. После этой даты больше не появляется новых его трудов, хотя многие из них продолжают переиздаваться.

В целом, перу Абера принадлежит более пятидесяти произведений самого разного характера: переводы чередуются с религиозными, дидактическими и придворными текстами. Его творчество, как считается, отмечено влиянием «Великих риториков», а также Клемана Маро (Clement Marot), близкого этой традиции. Абер унаследовал от «Великих риториков» стремление к морализации¹ и аллегоризм². Его собственные сочинения весьма разнообразны по стилю и характеру, однако, с точки зрения литературной ценности, в целом посредственны.

К работе над интересующим нас переводом «Метаморфоз» Овидия Абер впервые приступил до 1547 г. В послании к переводу «Изречений семи мудрецов», датированном 24 февраля 1548 г. (напечатано в 1549 и затем в 1550 г.) и адресованном королю Генриху II, Абер впервые упоминает о своей работе над «Метаморфозами»: «Я хочу вам предложить мой долгий труд над «Метаморфозами» – тот, работу над которым я, по вашему пожеланию, начал некоторое время назад, еще до того, как вы унаследовали корону»³.

В 1549 г. Абер опубликовал «краткую» версию перевода, то есть шесть избранных книг из «Метаморфоз» (книги III-VI и XIII-XIV, далее

¹ Например, «Битва Купидона и Смерти» (*Le Combat de Cupido et de la Mort*, 1541 г.); «Идеальный философ» (*Le Philosophe parfait*, 1542 г.); «Похвала и порицание богатству» (*La Louange et Vitupere de Pecune*, 1555 г.).

² Например, «Храм Добродетели» (*Le Temple de Vertu*, 1542 г.), «Храм Целомудрия» (*Le Temple de Chasteté*, 1549 г.).

³ «Offrir je vous desire / mon long labeur de la Metamorphose, ... / ... celluy, duquel quelque saison / il vous pleut voir la forme commencée, / ains que vous fust la couronne laissée» (*Les Dictz*. P. 2–3). Генрих II вступил на престол 31 марта 1547 г. и был коронован 25 июля того же года. Таким образом, Абер начал работу над переводом до этого момента.

Мет[6])¹. В это время молодой король Генрих II только что взошел на престол. Его отец и предыдущий король Франциск I был известным покровителем наук и искусств. В прологе к Мет[6] Генрих II представлен как продолжатель дела своего отца, прославлению которого автор уделяет несколько строк. Абер выражает надежду на процветание литературы при Генрихе II: «твое славное царствование будет еще более возвышено и облагорожено литературными дарами»². Сам Генрих II, как указано в королевской привилегии³, желает того же.

В прологе находится немало места для вежливой лесты «великому королю, благосклонному к литературе»⁴. Он доказал это, когда Абер представил ему свою книгу. Возможно, это был перевод «Героид», опубликованный позднее, в 1550 г., или же «Новая Паллада», которая была преподнесена королю в 1544 г.: «твоему взгляду, беззаботному и непринужденному, была представлена книга моего сочинения, над которой твой взгляд, не склонный ко сну, давал понять, что ты не враг учености»⁵.

¹ [Habert F.] Six livres de la Métamorphose d'Ovide traduits selon la phrase latine en rime françoise, sçavoir le III, IIII, V, VI, XIII, XIV. Le tout par François Habert d'Yssouldun en Berry, et par luy présenté au roy Henry de Valois, deuxiesme de ce nom. P., 1549 (без пагинации, за исключением прологов).

² «mais encor plus ton regne qui tant vault / sera du don des lettres noble et hault» (Мет[6], s. p., строки 19-20).

³ В королевской привилегии, напечатанной в Мет[6] между шестой и тринадцатой книгами, король Генрих II не только утверждает право Абера напечатать и продавать свой перевод, а также свободно выбрать любого издателя на территории королевства, но и обязывает всех прочих издателей в течение четырех лет воздерживаться от пиратских изданий под угрозой штрафа в сотню марок серебром и конфискации напечатанных и даже проданных тиражей. Издателю, избранному Абером, предписывается оказывать автору всяческое содействие и ничем ему не препятствовать. Выдача подобных гарантий с определенными условиями представляется вполне естественной для короля, в правлении которого было, помимо прочего, введено право на патент. Абер не случайно в прологе «К читателю» (Au lecteur) говорит о себе как об авторе, «довольно известном [читателю]» («ton Habert, que tu congnoys assez». Мет[6], s. p.). В привилегии Генрих II называет его «нашим любимым Франсуа Абером, французским поэтом» («nostre bien aymé François Habert Poëte Francoys». Мет[6], Priuilege du Roy, s. p.) и воздает по заслугам его трудам: «с превеликими усилиями он французскими стихами продолжил перевод «Метаморфоз» Овидия, начатый покойным Клеманом Маро» («a grand travail, peine et labeur il auroit traduit en rime Francoise le surplus de la Metamorphose d'Ovide, commensie a traduire par feu Clement Marot»). Кроме того, Генрих II, «желая процветания литературных трудов в своем королевстве» («desirant faire florir les bonnes lettres en nostre Royaulme»), соглашается дать Аберу так называемый *lettre de provision* (то есть выделяет ему деньги на издание перевода), о чем тот «скромно просит», указывая, что издание послужит «на благо и пользу государству» («pour le bien et proffict de la chose publicque»).

⁴ «grand Roy des lettres amoureux». (Мет[6], s. p., строка 57).

⁵ «a ton oeil ioyeux et a deliure / de ma façon se presentoit un liure, / dessus lequel ton oeil non endormy / bien enseignoit, que tu n'es ennemy / de bon scavoir». (Мет[6], s. p., строки 9-13).

Первая часть этого издания, книги III-VI, очевидно, мыслилась как продолжение труда Клемана Маро. Абер говорит в прологе, что читатель уже знаком с первыми двумя книгами, переведенными Маро, которого Абер считает своим учителем. Выбор же книг второй части, вполне возможно, был продиктован политическими или придворными причинами. Об этом свидетельствует тринадцатая книга перевода. Она начинается со знаменитого спора об оружии между Одиссеем и Аяксом, продолжается рассказом об Энее, заканчиваясь как раз в четырнадцатой книге его мирной смертью и обожествлением. Эней после гибели Трои, долгих странствий и приключений становится основателем нового и, как покажет время, могущественного государства – подходящий сюжет для короля, вступающего на престол Франции. В переводе Абера, таким образом, проявляется черта, характерная для переводов латинской классики и в конце XV в. Неоднократно отмечалось, что в переводе «Энеиды», принадлежащем Октовьену де Сен-Желе (Octovien de Saint-Gelais), просматривается отождествление Энея с Людовиком XII¹. В это же время придворные поэты сочиняют от лица Людовика XII и его супруги Анны Бретонской послания в духе «Героид»². Начиная с конца XV в. и позднее французским монархам нравится, когда поэт примеряет на них одежды античных героев. Мода на античные одеяния имеет, по-видимому, социальные причины: меняются отношения между государем и придворным. Первый возносится намного выше, чем прежде, второй вынужден льстить, скрывая назидания и критику под лестью, – такие назидания, как мы увидим, обнаруживаются и в «Метаморфозах» Абера.

Первую версию перевода Абер читал при дворе, находившемся тогда в Фонтенбло, о чем он упоминает в послании-прологе к переводу «Героид» Овидия: «В Фонтенбло пред королем играла моя свирель, живо и

¹ *Mühlethaler J.-C.* Culture de clerc et réalité curiale: Le Séjour d'Honneur d'Octovien de Saint-Gelais ou les failles de l'idéal // Hofkultur in Frankreich und Europa im Spätmittelalter = La Culture de cour en France et en Europe à la fin du Moyen Age. Berlin, 2005. P. 263–286; *Mühlethaler J.-C.* L'Eneydes d'Octovien de Saint-Gelais: une «translation» à la gloire du roi de France? // CAMAREN. № 2. 2007. P. 85-100.

² Для сравнения: в переводе Теренция также содержатся намеки на обстоятельства жизни Людовика XII и Анны Бретонской (*Евдокимова Л. В.* Комментарии к комедиям Теренция в издании А. Верара и их источники // Стих и проза в европейских литературах Средних веков и Возрождения. М., 2006. С. 243). О литературном окружении этого монарха см.: *Tournoy-Thoen G.* Fausto Andrelini et la cour de France // L'Humanisme français au début de la Renaissance. P., 1973. P. 65-79; а также *Joole P.* Les Héroïdes d'Ovide et les épistoliers de la grande rhétorique // Regards sur le passé dans l'Europe des XVIe et XVIIe siècles. Berlin, 1997. P. 47-53.

страстно напевая произведение Овидия о превращенных телах, которое я перевел»¹.

Полный перевод всех пятнадцати книг (далее – Мет[15]) увидел свет в 1557 г.² Абер осуществил стилистическую правку уже переведенных книг, не повлиявшую на содержание, а также отредактировал и дополнил пролог, который и будет нас интересовать. Однако, прежде чем обратиться к разбору прологов, попробуем вписать данный перевод в историю рецепции данной поэмы, а также в общую традицию средневековых и ренессансных переводов в целом.

Довольно долго – с I по XI вв. – Овидию лишь подражали различные поэты, заимствуя у него те или иные стилистические приемы. Сложность отдельных пассажей поэмы, а также немалое число темных для средневековых читателей аллюзий были помехой для ее чтения в иных случаях, нежели в процессе школьного обучения, где отрывки «Метаморфоз» использовались в качестве все тех же стилистических образцов. Однако уже в V в. Фульгенций предлагает аллегорическую трактовку басен в «Мифологиях» (в том числе и из «Метаморфоз» Овидия), что в последующий период – с XII по XV в. – окажется доминирующей традицией. Текст перелагался на латинском или романских языках, снабжался аллегорическими комментариями, переписывался целиком в аллегорическом ключе. Идея подобных комментариев заключалась в следующем. Предполагалось, что в античных баснях сокрыта христианская истина, поэтому каждая басня подвергалась аллегорическому толкованию, выстроенному в полном соответствии с традицией подобного комментирования, которая достигает в этот период наивысшего расцвета. В тексте выявляются «четыре смысла»: исторический, моральный, тропологический и анагогический. При этом сам текст переводится весьма вольно, часто встречаются разнообразные вставки, призванные «улучшить» оригинал. Кроме того, каждый такой текст служил двойной цели: наставлению в христианской морали и развлечению знатного заказчика, при этом гендерная принадлежность заказчика влияла на уровень сложности перевода³.

¹ «Dans Fontainebleau / aupres du Roy s'enfla mon chalemeau, / en luy chantant d'un cueur prompt et avide / l'oeuvre traduit des corps muez d'Ovide». – Les Epistres heroides. P., 1550. F. 60v.

² [Habert F.] Les quinze livres de la Metamorphose d'Ovide intreprtez en Rime Françoise, selon la Phrase latine. Par François Habert d'Yssouldun en Berry, et par luy presentez au Roy Henry II. P., 1557.

³ Об аллегориях см. Whitman J. Allegory. The dynamics of an ancient and medieval technique. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1987. О читателях см.: Monfrin J. Les traducteurs et leur public // L'Humanisme médiévale dans les littératures romanes du XIIe et XIVe siècles. P., 1964. P. 247-264.

Отношение к переводу начинает меняться уже в XIV в. В первую очередь это проявляется в прозаических переводах, которые в это время численно преобладают над стихотворными. Переводчики реже опускают те или иные фрагменты оригиналов, перевод становится более точным, глоссы и комментарии начинают четко отделяться от основного текста, – что, однако, станет системой позднее, в последней трети XIV в., в среде ученых переводчиков, работающих по заказу короля Карла V.

В качестве важных этапов средневекового бытования «Метаморфоз» можно отметить несколько текстов. В первую очередь, это анонимный старофранцузский «Морализованный Овидий» (*Ovide moralisé*) начала XIV в.¹, где аллегорические комментарии уже отделены от текста. Сам текст переведен неравномерно: частично весьма вольно, а местами довольно близко к оригиналу. Далее нужно отметить современный ему латинский «Морализованный Овидий» (*Ovidius moralizatus*) Пьера Берсюира (*Pierre Bersuire*) первой четверти XIV в.². Текст написан на латыни, поскольку был предназначен проповедникам, которые смогут использовать в качестве «примеров» как интересные басни, так и их аллегорические толкования. Это также и последующие компиляции из упомянутых текстов (а также и из других переложений отдельных басен с аллегорическими комментариями), вышедшие в свет в XV в. под названиями «Великий Олимп» (*Le Grand Olympe*) и «Библия поэтов» (*La Bible des poètes*).

Аллегорическая традиция не исчезает с появлением все более точных переводов. В 1493 г. в Венеции выходит первое критическое издание оригинального латинского текста, осуществленное Рафаэлем Регием (*Raphaël Regius*) и снабженное его собственными научными комментариями. В 1510 г. к изданию были добавлены написанные в Вене комментарии Петра Лавиния (*Petrus Lavinius*. «*Tropologicae enarrationes*»), которые, впрочем, относятся только к 450 стихам первой книги. Комментарии Лавиния написаны во многом по модели Берсюи-

¹ «L'Ovide moralisé»: poème du commencement du quatorzième siècle, publié d'après tous les manuscrits connus. Amsterdam, 1915-1938. 5 vols. (repr.: Wiesbaden, 1966-1968).

² Текст Берсюира представляет собой пятнадцатую книгу его «Морального свода». *Petrus Berchorius*. *Reductorium morale*. Liber XV: *Ovidius moralizatus*. Cap. I. De formis figurisque deorum. Textus e codice Brux., Bibl. Reg. 863-869 critice editus. Utrecht, 1966. 83 С.; *Petrus Berchorius*. *Reductorium morale*. Liber XV. Cap. ii-xv. «*Ovidius moralizatus*» naar de Parijse druk van 1509: *Metamorphosis Ouidiana Moraliter a Magistro Thoma Walley's Anglico de professione praedicatorum sub sanctissimo patre Dominico explanata*. Venundatur in aedibus Ascensianis et sub pelicano in vico sancti Iacobi. Parisiis. Utrecht, 1962; *Pierre Bersuire*. *De formis figurisque deorum // Allegorica*. № 2 (3). 1977. P. 62-89.

ра: они включают толкования на основе четырех смыслов аллегории, которые должны принести пользу проповедникам. Однако, в отличие от Берсюира, Лавиний считает, что комментатор не должен слишком удаляться от контекста басни. Кроме того, он высоко оценивает и язык «Метаморфоз», а также их образность – уже вне всякой зависимости от аллегорического значения¹. Как мы можем видеть, в начале XVI в. такие, казалось бы, разные по подходу комментарии эрудита Регия и сторонника аллегорического толкования Лавиния объединяются под одной обложкой с оригинальным латинским текстом, издания которого (с комментариями или без них) с этого времени стали издаваться довольно часто.

Перевод «Метаморфоз» Абера был создан в придворной среде и, судя по всему, ей и предназначался. Более того, есть основания полагать, что его появлению способствовали разногласия между Екатериной Медичи и ее супругом Генрихом II, а также стоявших за ними придворных. Уже по этой причине перевод Абера не мог бы принадлежать к ученой традиции. По-видимому, неслучайно текст здесь не отягощен сложным комментарием². Скорее всего, влияние придворной среды и желание приспособиться к ее интеллектуальному уровню заставляет Абера в известной степени упрощать оригинал, перелагая его по-французски: он последовательно раскрывает темные метафоры и аллюзии, встречающиеся у Овидия. Как кажется, то же влияние побуждает его расцвечивать свой перевод разнообразными риторическими фигурами, эпитетами и живописными деталями. В то же время, в соответствии с переводческой практикой своего времени, Абер стремится близко следовать оригиналу.

Переводчик испытывает существенное влияние ученых комментариев, но, тем не менее, не до конца порывает с аллегорической традицией. В согласии с ней Абер упоминает в прологе – как за две сотни лет до него и анонимный автор «Морализованного Овидия», и Берсюир, – об истине, сокрытой в языческих баснях, обосновывая свой выбор античной поэмы³. Далее он перечисляет некоторые басни из «Метаморфоз», прибавляя к ним аллегорический коммен-

¹ Тем не менее на Тридентском Соборе комментарии Лавиния были осуждены и запрещены вместе с другими аллегорическими интерпретациями Овидия.

² Отчасти функции комментария в данном случае берет на себя пролог переводчика, включивший, среди прочего, и длинный список греческих авторов – предшественников Овидия.

³ «Cest oeuvre la... ha toutefois de verité le pli». Met[6], [Epistre du traducteur] Au Roy, s. p., строки 88-90.

тарий, который, однако, написан уже не по всем правилам экзегезы, но затрагивает лишь этическую сторону сюжетного конфликта; кроме того, он присутствует лишь в прологе, но не в основном тексте перевода. Для Абера, таким образом, поиски «скрытой истины», скорее, дань традиции, о которой он, впрочем, неплохо осведомлен. Исследования показывают, что он заимствовал удачные пассажи для перевода не только у своих непосредственных предшественников Клемана Маро и Бартеlemi Ано (Barthélemy Aneau), оставивших неполные переводы «Метаморфоз», но также и из «Великого Олимпа», – произведения, в значительной степени основанного на аллегорической экзегезе.

В прологах Абер затрагивает традиционные для них темы: пишет о своем покровителе, о восприятии оригинала, о способе перевода и о том, что своей задачей он видел пользу и развлечение читателей. К Мет[6] он составил три пролога. Два первых пролога – это небольшие послания с подзаголовком «К читателю» (под которым, среди прочих, очевидно, подразумевается и «заказчик», Генрих II). В них Абер говорит о пользе перевода лишь косвенно, больше сосредотачивая внимание на другом традиционном топосе – «приятности чтения»¹. Во втором прологе он заявляет, что «[переводил] с удовольствием»², «стремясь больше понравиться [читателю]»³.

Если первые два небольших послания-пролога озаглавлены «К читателю», то третий, намного более пространственный пролог к Мет[6] (164 строки) назван «Послание к королю». В нем затрагиваются темы чтения, которое доставляет удовольствие, продолжения дела, начатого Клеманом Маро, величия короля, а также отношения автора к переводу и оригиналу.

К идее приятного чтения в третьем прологе добавляется идея чтения полезного: «благоразумный [читатель] сможет извлечь для себя выгоду, но и помимо этого чтение сие столь приятно»⁴. Однако во времена Абера и религиозных войн в Европе чтение Овидия все еще могло вызвать осуждение: кто-то мог счесть его оскорбитель-

¹ «la leçon en peult plaire». Мет[6], [prologue] Au Lecteur, s. p., строка 6. Здесь «leçon» одновременно и чтение, и научение.

² «avec plaisir». Мет[6], [prologue] Au Lecteur encores, s. p., строка 4.

³ «affin de plaire mieulx». Мет[6], [prologue] Au Lecteur encores, s. p., строка 8.

⁴ «le prudens peult faire son profit / oultre cela si douce est sa leçon». Мет[6], [Epistre du traducteur] Au Roy, s. p., строки 146-147. Ср. в анонимном «Морализованном Овидии»: «чтобы понравиться тем, кто слушает [мое произведение] и сможет получить от него много пользы» («pour plus plaire a ceulz qui l'oyront, / et maint profiter i pourront»). (L'Ovide moralisé, Vol. 1. P. 62). В «Морализованном Овидии» Берсюира, как произведении для клириков, нет упоминания об удовольствии, но только о пользе.

ным для себя. Таковых Абер называет невеждами и смело говорит, что ему даже приятно дразнить их, чтобы понравиться достойным: «я знаю: достойным это поучение придется по вкусу; / если же невежды сочтут себя оскорбленными, / я доволен, что им не угождаю, чтобы доставлять наслаждение достойным»¹. Учитывая, что поэту покровительствовал сам король, такие заявления не кажутся излишне смелыми.

Весьма любопытно, что следы прежнего поиска скрытой истины в аллегорических толкованиях отчасти сохраняются и у Абера. В прологе он останавливается на кратком пересказе избранных басен и их «аллегорическом» толковании, предваряя это вступлением, на первый взгляд, совершенно в средневековом духе. Он утверждает, что в поэме, наполненной самыми разными баснями, скрыт «во многих местах *некий род истины* под неправдоподобным, лживым текстом»². Слова о «поиске истины», очевидно, взяты им из традиционных средневековых прологов к переводам античных авторов, равно как и слова о лживой природе античного текста: и пролог, и сам перевод свидетельствуют о большом уважении Абера собственно к тексту «Метаморфоз» и о внимании к его красоте, в то время как какие-либо толкования непосредственно в тексте перевода отсутствуют.

Трактовки басен в прологе при этом не несут в себе того раскрытия истины, которое наблюдалось у ранних авторов, – все они посвящены исключительно этическому аспекту. Под «истинным смыслом» Абер понимает «благоразумие и образец, по которому следует учиться правильному поведению в жизни»³, а также «чувство добродетели, заключенное [в баснях], которым может воспользоваться всякий благоразумный человек»⁴. При этом «истинный смысл» не связывается Абером напрямую с Писанием, в отличие от прежних трактовок. В целом, Абер старается оставаться в своих трактовках как можно ближе к очевидному смыслу басни, в то время как средневековые авторы отходят от него порой весьма далеко.

¹ «ie scay qu'aux bons la leçon en peult plaire / si ignorants s'en tiennent offencez / pour plaire aux bons il me plaist leur desplaire». Met[6], s. p., строки 6-8.

² «cest oeuvre la [...] ha toutefoys *de verité le pli* / en mains endroits, car sous la couverture / de fabuleuse et menteuse escripture / un sens y a». Met[6], [Epistre du traducteur] Au Roy, s. p., строки 88-93.

³ «vn sens y a sous le quel on comprend / toute prudence, et bien vivre on apprend». Met[6], [Epistre du traducteur] Au Roy, s. p., строки 93-94.

⁴ «un sens d'honneur confit / dont le prudent peult faire son profit». Met[6], [Epistre du traducteur] Au Roy, s. p., строки 145–146. Здесь мы видим не «истину» (verité), заключенную в баснях, а именно «честь» (honneur), понятую в социальном, этическом смысле.

Эти идеи получают дальнейшее развитие в прологе к Мет[15], который является расширенным (254 строки вместо 164) и отредактированным вариантом третьего пролога к Мет[6]. К прежним суждениям Абер присоединяет новые идеи.

В 1557 г. поэт воздаёт Генриху II, королю и благосклонному читателю, всяческие похвалы. Между появлением Мет[6] и Мет[15] прошло почти десять лет, и если прославление культурной политики Франциска I было актуально в первом прологе, где этому посвящено приблизительно восемь строк, то во втором прологе к Мет[15] на фоне активной деятельности самого Генриха II необходимость прославления отца уступает место пространному прославлению сына, только в начале пролога занимающему полсотни строк, где Франциск I даже не упоминается. Интересно, что в этом более позднем прологе появляется упоминание королевы Екатерины Медичи.

В прославлении Овидия, как и в предыдущем прологе, мысль переводчика движется в ренессансной системе координат. Абер отмечает превосходство поэтического искусства Овидия и совершенства его речи. Картины сражений или беседы правителей, которые он рисует, кажутся фактически живыми и должны были доставить читателям и заказчику перевода несравненное наслаждение. Эти изящнейшие примеры из сражений или же бесед, сообщает Абер, открывают читателю искусство *утонченной*, или *цивилизованной*¹, культурной жизни:

Мет[15], Epistre av Roy. P. 5, строки 69-72	
Et ne sera trouvé facilement Auteur pour plus vivre civilement Que cestuy-cy, dont la grace admirable Laisse de luy un renom perdurable.	И не так-то легко для [уроков] более утонченной жизни найти другого такого автора, чем [Овидий], чье поразительное изящество подарило ему вечную славу.

Подчеркнем, что Абер в первую очередь обращает внимание на те темы «Метаморфоз», которые более всего должны заинтересовать монарха (битвы, беседы князей). Получив перевод, король сможет овладеть

¹ Поэт здесь, как и в прологе к Мет[6], очевидно, ссылается на важные для Ренессанса представления о необходимости подражать нравам древних и о том, что сами эти нравы отличались «утонченностью», «воспитанностью» – так называемой *urbanitas* (смысл, переданный в тексте пролога наречием *civilement*).

знаниями. Прочсть эту книгу могут пожелать и многие мудрые люди: «с этой книгой, в которой содержатся многочисленные сведения, все благоразумные люди ищут случая ознакомиться»¹. По-видимому, в соответствии с ренессансными представлениями об античной литературе, Абер рассматривает «Метаморфозы» как одно из свидетельств о древней цивилизации и культуре.

Из сказанного следует, что представления Абера о «пользе» басен никак не могут быть аналогичны тем, что представлены в средневековой аллегорической традиции, тем более что и обращается наш автор уже к значительно более светской среде, нежели его предшественники. Тем не менее некоторые осколки прежних представлений он еще сохраняет. Польза от чтения пока не относится только лишь к багажу знаний и удовольствию, как это обыкновенно предполагается в современном подходе к аналогичным литературным текстам, но несет в себе определенные духовные установки. Установки Абера, однако же, относятся скорее не к сфере религиозно-догматического христианства, а к возникшей на его почве концепции морального облика человека, представлениям о его «правильной» жизни, которые можно при этом почерпнуть из античных текстов как наиболее близких к природе и «жизни». Из следующего ниже перечня басен, сопровождаемого краткими толкованиями, следует, что он придает им только морально-нравственный и даже в некотором роде социальный смысл, вне какой-либо четко постулируемой связи с христианским вероучением.

Перечень басен с аллегорическими толкованиями не только фактически удвоен по сравнению с прологом к Мет[6], но также отредактирован. В отдельные толкования также были внесены определенные изменения².

Первым идет **упоминание о сотворении мира** (I книга «Метаморфоз» Овидия), которое традиционно не нуждается в христианизации по причине того, что рассказ Овидия не слишком расходится с соответствующими христианскими представлениями. Далее кратко излагается история гигантов (кн. I), причем трактовка меняется:

¹ «ce liure, ou gist mainte science / dont les prudens cherchent l'experience». Мет[15]. Epistre av Roy. P. 11. строки 221-222. В данной статье мы сконцентрировали внимание на паре Абер – король, но, безусловно, помимо короля и его семейства текст предназначался для чтения и придворным кругом. О французских писателях и их читателях см. недавнюю книгу Szabari A.. Less rightly said: scandals and readers in sixteenth-century France. Stanford, 2010, где рассматривается тема сатиры и различной агитации в произведениях, в том числе агитации политической, религиозной и др.

² Жирным выделены те басни, которых не было в прологе к Мет[6].

вместо сравнения их с Люцифером мы находим наказание неблагочестивых людей. Стоит обратить внимание на то, что Абер убирает чисто «церковное», религиозное толкование, и заменяет его на толкование социальное, по-видимому, имеющее в себе намеки на придворную среду.

Затем подряд идут три новых басни и соответствующие им толкования: **Ликаон** (кн. I) – наказанный разбойник; **Девкалион и Пирра** (кн. I) – благочестивые люди, спасенные Богом, в то время как нечестивые наказаны за свои преступления; **различные любовные/развратные истории** (кн. I-II) – на них короли и принцы должны учиться поступать благоразумно (как мы увидим ниже, указания на нравственность монарха, суверена не случайны). Следующие басни взяты из пролога к Мет[6], но порядок их выстроен правильнее: это **Дафна** (кн. I) – девушка, стремящаяся соблюсти девственность; **Фаэтон** (кн. II) – избалованный ребенок; **Паллада и Киферея**¹ – порочная и чистая любовь, **Геракл** (кн. VI) – его толкование изменено с порицания несдержанности на порицание того, что он не ценил чистую любовь, оттого все потерял и погиб (как мы увидим ниже, это также не случайно). Затем в прологе следует добавленная басня об **Арахне** (кн. VI), наказанной за непочтение и нелюбовь ее земного сердца к Богу, и басня об **Икаре**, которая переставляется на хронологически более правильное место (кн. VIII), – Икар символизирует падение слишком возвысившихся людей. Завершается перечень двумя баснями о **Мидасе** (кн. XI): о его ослиных ушах за судейство, означающих наказание невежд, которые берутся судить то, чего не понимают, и о его страсти к золоту, сравниваемой с ослепленными жадностью людьми².

Толкования, приводимые Абером, отчасти, как мы уже говорили, напоминают прежние аллегорические экзегетические трактовки, но сходство это лишь внешнее, поскольку поэт рассматривает исключительно этическую и социальную сторону практически каждого сюжета. К примеру, он убирает из толкований образа гигантов Люцифера, подменяя его на неких *неблагочестиво ведущих себя людей*. Безусловно, и этический, и социальный аспекты находятся в контексте христианской культуры, однако христианский «элемент» выражен

¹ Различные басни об этих богинях рассеяны по всему тексту «Метаморфоз», но в основном содержатся в кн. I-III.

² Отметим, что эти «трактовки» вполне соответствуют излюбленной теме моралистов XV-XVI вв.: критике придворных нравов, – то есть, возможно, здесь присутствует намек на окружение короля.

весьма опосредованно. При сравнении с текстами предшествующей эпохи социальный, придворный акцент «трактовок» Абера выглядит особенно ярко.

Такие толкования Абер приводит только в прологе к обеим версиям «Метаморфоз». Переводчик намечает для читателя возможные пути понимания текста; неслучайно толкования по большей части принимают форму риторических вопросов.

Met[15]. Epistre av Roy. P. 6, строки 83-88	
Quand il escrit Lycaon prendre forme Par Iupiter d'un loup vieil et difforme, Ne devons nous par ceste fable entendre Que les larrons meschans doivent attendre Puniton du souverain Recteur Qui est des bons la garde et protecteur?	Когда он описывает, как Ликаон был превращен Юпитером в старого страшного волка, не должно ли нам понимать эту басню как то, что злых разбойников ждет наказание от правящего Государя, который есть оплот и защита всех добрых [людей]?

Отметим, что, возможно, и здесь, как и выше, присутствует намек на окружение короля, его двор, и под «злыми разбойниками» следует понимать зарвавшихся придворных, которых монарх может наказать по своей доброй (!) воле.

В высшей степени любопытно, что за общими моральными толкованиями басен, которые приводятся в прологе, возможно, скрываются вполне определенные нравственные наставления, обращенные к Генриху II. Пролог, таким образом, позволяет отчасти реконструировать исторический контекст, в котором перевод был создан: выше мы обратили внимание на то, что в этом прологе впервые упоминается Екатерина Медичи, — это упоминание не кажется случайным.

В свое время, возможно, именно Екатерина покровительствовала Аберу при дворе: в 1543 г. поэт прочел свои стихотворные сочинения в Анэ (Anet), в замке Дианы де Пуатье, где тогда пребывал двор. Однако в то время ему не удалось завоевать прочного положения. Позже Абера пригласил ко двору дофин, поскольку Екатерине понравилась его «Новая Венера»: под Венерой подразумевалась сама Екатерина. О королеве, покровительствующей поэту, идет речь в самом конце пролога:

Мет[15], Epistre av Roy, P. 11-12, строки 241-250	
J'ai bon espoir que ce livre present (Dont vostre Habert vous faict humble present) Sera tenu de la main reveriee De vostre espouse aux autres preferiee, Royne sans pair, la mere des enfans Qui apres vous seront Rois triomphans: Tandis je pry le Createur celeste Vous preserver de tout ennuy moleste, Et qu'il vous face (ф seul Chrestien Hector) Vivre les ans du sage et preux Nestor...	У меня есть надежда, что сия книга (скромный подарок вам Абера) будет принята почитаемой мной рукой вашей супруги, предпочтенной всем другим, королеве, не имеющей себе равных, матери детей, которые после вас станут победоносными королями. А пока я молю небесного Создателя избавить вас от всякой тягостной скуки и дать вам (о единственный христианский Гектор) прожить жизнь мудрого и доблестного Нестора...

Эти строки с упоминанием Гектора заставляют вспомнить о том, как Абер изменил в этом прологе толкование басни о Геракле. Если ранее причиной утраты «всех достижений»¹ и гибели Геракла была некая невоздержанность, то теперь переводчик ясно объясняет, что причина бед иная: Геракл предпочел другую возлюбленную законной супруге, поскольку не ценил «целомудренную любовь»². Показательно также, что, перечисляя басни, Абер объединяет множество любовных историй под общим названием «развратные любовные связи» (amours dissolues):

Мет[15], Epistre av Roy, P. 6-7, строки 99-102	
Quant il descrit les amours dissolues Pour convertir les personnes pollues, Ne veult il pas monstrier evidentement, Qu'un Prince et Roy doit vivre prudemment?	Когда он описывает развратные любовные связи, дабы обратить испорченных людей, не хочет ли он с очевидностью показать, что всякий король и всякий принц должны жить благоразумно?

Толкование, которое он дает таким «басням», поначалу кажется натянутым, однако обретает смысл, если предположить, что Абер завуалированно поучал Генриха II благоразумию и намекал на его связь с Дианой де Пуатье. Наше предположение находит опору и в

¹ «ce, qu'il a conquis». Мет[6], s. p., строка 142.

² «ne veult-il [Ovide] blasmer ceux / qui en l'amour chaste sont paresseux?». Мет[15], Epistre av Roy, P. 8, строки 131-132).

приведенных выше стихах из концовки пролога, где поэт сравнивает Генриха с Гектором, в то же время желая ему долголетия Нестора. Известно между тем, что Гектор погиб в расцвете сил, вовсе не достигнув преклонных лет Нестора. Герой этот, однако, прославлен не только самоотверженной защитой Родины, но и своей любовью к супруге Андромахе, которой посвящена среди прочего целая песнь гомеровской «Илиады».

Итак, весьма вероятно, что Абер, будучи придворным поэтом, принадлежал к определенной партии: к тем, кто стоял за Екатериной Медичи, которая вплоть до конца жизни Генриха была вынуждена делить супруга с его фавориткой Дианой де Пуатье. Стремясь угодить королеве, Абер намекает на пагубность измен и сторонних любовных связей, косвенным образом выражает надежду на то, что на короля благотворно действуют «истории», рассказанные в «Метаморфозах», исподволь советует монарху избавиться от ненужных привязанностей, начав жить целомудренно, и, наконец, сравнивает его с Гектором, столь любившим свою законную супругу.

Помимо нравственных поучений, читатель «Метаморфоз» – король в первую очередь, но также и более широкая придворная аудитория – извлечет из этой книги, как считает Абер, много полезных сведений. «Метаморфозы», по словам Абера, «со всей ученостью излагают истории древних»¹ и эта античная книга, как уже было сказано выше, вообще может быть названа «матерью [всех] историй»². Показательно, что, в отличие от своих предшественников, Абер порой пишет не о «баснях» (fables) как составной части «Метаморфоз», но об «историях» (hystoires), – в его время отношение к античным языческим легендам коренным образом изменилось.

Таким образом, взгляд Абера на Овидия и восприятие «Метаморфоз», а также и его эстетические воззрения, обнаруживающие себя в прологах, сформированы новой эпохой, радикально отличной от той, которой принадлежат прежние, «морализованные» Овидии. Тем не менее в перевод Абера интегрированы осколки укорененного в давней традиции представления о скрытом смысле басен, «скрытой истине» – но этот смысл теперь ограничен исключительно этической сферой. Аллегии, прежде служившие целям адаптации чуждых для христиан произведений, те-

¹ «cest oeuvre / qui doctement les hystoires descueuure / des Anciens». Met[15], Epistre av Roy. P. 5. строки 53–55.

² «l'oeuvre duquel (n'en desplaise à Homere) / doit estre dict des Histoires la mere». Met[15], Epistre av Roy. P. 11. строки 225–226.

перь стали всего лишь приемом для трансляции неких этических представлений определенному кругу лиц, – по сути, в определенной степени в отрыве от христианства. Этический, социальный подход начинает особенно процветать в светской придворной жизни эпохи позднего Возрождения, и даже возможно улавливаемые в прологах «поучения» королю звучат именно в этом контексте, а никак не в прежнем контексте духовного, то есть христианского возрастания.

Список литературы

- [Habert F.] La ieunesse du Banni de liesse. P., 1541.
- Leykauff A. François Habert und seine Übersetzung der Metamorphosen Ovids. Deichert. XI, Münchener Beiträge zur romanischen und englischen Philologie 30. Leipzig, 1904.
- [Habert F.] La suytte du Banny de Lyesse. P., 1541.
- [Habert F.] Le Combat de Cupido et de la Mort nouvellement compose par Le Banny de lyesse, Francoys habert... P., 1541.
- [Habert F.] Le Temple de Chastete, Avec plvsievrz Epigrammes tant de l'inuention de l'auteur que de la traduction et imitation de Martial et autres Poetes latins... Le tout par François Habert d'Yssouldun en Berry. P., 1549.
- [Habert F.] La novuelle Pallas, presentee à Monseigneur le Daulphin, par François Habert natif d'Issouldun en Berry. Item, La naissance de Monseigneur le Duc de Bretagne Filz dudict Seigneur. Avec un petit œuure Bucolique. Aussi le cantique du Pecheur conuerti à Dieu. Lyon: Jean de Tournes, 1545.
- [Habert F.] Les Dictz des sept sages de Grece, traduits de Grec en vers Latins par le Poëte Ausone et de luy en rime Françoisse par François Habert d'Yssouldun en Berry: ioincts autres dictz desdicts Sages, traduits d'Erasmus, avec une eglogue sur la naissance de mon seigneur le Dauphin. Paris: Anthoine le Clerc, 1549.
- [Habert F.] Les sermons satiriques du sententieux Poete Horace, diuisez en deux liures, interpretez en rime Françoisse par François Habert de Berry. Paris: Michel Fezandat et Robert Grandjon, 1551.
- [Habert F.] Six livres de la Métamorphose d'Ouide traduits selon la phrase latine en rime Françoisse, sçavoir le III, IIII, V, VI, XIII, XIV. Le tout par François Habert d'Yssouldun en Berry, et par luy présenté au roy Henry de Valois, deuxiesme de ce nom. Paris: Michel Fezandat, 1549.
- Mühlethaler J.-C. Culture de clerc et réalité curiale: Le Séjour d'Honneur d'Octovien de Saint-Gelais ou les failles de l'idéal // Hofkultur in Frankreich und Europa im Spätmittelalter = La Culture de cour en France et en Europe à la fin du Moyen Age. B., 2005.

Евдокимова Л. В. Комментарии к комедиям Теренция в издании А. Верара и их источники // Стих и проза в европейских литературах Средних веков и Возрождения. М., 2006.

Tournoy-Thoen G. Fausto Andrelini et la cour de France // L'Humanisme français au début de la Renaissance. P., 1973.

Joole P. Les Héroïdes d'Ovide et les épistoliers de la grande rhétorique // Regards sur le passé dans l'Europe des XVIe et XVIIe siècles. B., 1997.

Les Epistres heroides... P., 1550.

[*Habert F.*] Les quinze livres de la Metamorphose d'Ovide intreprétez en Rime Française, selon la Phrase latine. Par François Habert d'Yssouldun en Berry, et par luy presentez au Roy Henry II. P., 1557.

Whitman J. Allegory. The dynamics of an ancient and medieval technique. Cambridge, 1987.

Monfrin J. Les traducteurs et leur public // L'Humanisme médiévale dans les littératures romanes du XIIe et XIVe siècles. P., 1964.

«L'Ovide moralisé»: poème du commencement du quatorzième siècle, publié d'après tous les manuscrits connus. Wiesbaden, 1966-1968.

Petrus Berchorius. Reductorium morale. Liber XV: Ovidius moralizatus. Cap. I. De formis figurisque deorum. Textus e codice Brux., Bibl. Reg. 863-869 critice editus. Utrecht, 1966.

Petrus Berchorius. Reductorium morale. Liber XV. Cap. ii-xv. «Ovidius moralizatus» naar de Parijse druk van 1509. P., Utrecht, 1962.

Pierre Bersuire. De formis figurisque deorum (trad. Reynolds W.) // Allegorica. № 2 (3). 1977.

Szabari A. Less rightly said: scandals and readers in sixteenth-century France. Stanford, 2010.

В.В. Шишкин

**«СХВАТИТЬ КОРОЛЕВУ НАВАРРСКУЮ»:
Беглый двор Маргариты де Валуа в 1585–1587 гг.**

Двор Маргариты Наваррской в 1585-1587 гг. представлял собой феномен беглого и маргинального двора, поскольку был вынужден, перемещаясь по Франции вслед за своей мятежной госпожой, принять сторону Католической лиги и герцогов Гизов в условиях кульминации гражданских войн во Франции второй половины XVI в. В статье прослеживаются причины, основные акции и последствия неповиновения Маргариты, а также политическая судьба и роль ее двора, который в итоге остался верен ей и стал ее опорой в борьбе за прерогативы младшего венценосца.

Ключевые слова: история раннего Нового времени, Франция, религиозные войны XVI в., Маргарита Наваррская

Гражданские войны во Франции 1559-1598 гг., ставшие кульминацией многочисленных противоречий разного рода, зревших во французском обществе с конца XV столетия и напрямую связанных с попытками короны сделать власть короля не ограниченной никакими законами, породили вместе с тем феномен двора Нового времени – не просто почетного окружения монаршей персоны, организующего его повседневную жизнь и перемещающегося вслед за своим господином по стране, но главным образом – важнейшего социально-политического института, ставшего незаменимым посредником во взаимоотношениях государя и всех сословий страны, определяющего стиль, формы и логику поведения королевской особы, равно как напрямую влияющего на все решения, которые от нее исходили¹.

Владимир Владимирович Шишкин, кандидат исторических наук, профессор кафедры государственного управления и государственной службы Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург).

¹ О проблеме становления французского двора нового времени (в социологическом аспекте) см.: Элиас Н. Придворное общество. М., 2002. С. 201 и далее; о составе и функционировании двора Генриха III: Boucher J. Société et mentalités autour de Henri III. P., 2007; об этикете и протоколе: Solnon J.-F. La cour de France. P., 1987; о социальной функции королевских резиденций и жилищ: Chatenet M. La cour de France au XVIe siècle. P., 2002; о дворе и политической борьбе: Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI-XVII веках. СПб., 2004 (речь идет о нашей книге, которая в настоящий момент

Особенностями французской политической жизни этого времени, однако, было сосуществование нескольких королевских дворов одновременно: помимо собственно парижского двора Генриха III (1574-1589), последнего короля династии Валуа, существовал также наваррский двор, пребывавший на юге Франции, главным образом в своих резиденциях в Нераке (французская провинция Гиень) или в По (суверенный Беарн). Гражданское противостояние (вооруженная борьба за веру католиков и гугенотов), которое неминуемо вело к ослаблению центральной власти, с первых же лет конфликта приняло явную форму династической борьбы: вымирающий род Валуа в лице братьев-королей Франциска II (1559-1560), Карла IX (1560-1574) и Генриха III отчаянно боролся с кланом Бурбонов, более многочисленным и политически активным, не стеснявшимся оспаривать власть и корону у правящего дома¹. Бурбоны, потомки Людовика Святого и единственные принцы крови, во главе со своими лидерами – Антуаном де Бурбоном (1528-1562) и его сыном Генрихом, будущим Генрихом IV Французским, ставшие королями Наварры и суверенами Беарна благодаря брачному союзу², воспользовались движением Реформации и сумели превратиться в фактических лидеров религиозной оппозиции, провозгласив себя гугенотами и сделав свои владения убежищем для всех протестантов³. Как показали недавние исследования, наваррская королевская семья была достаточно богата для организации и собственного большого двора, и регулярной вооруженной борьбы с католическими противниками⁴. Несмотря на то, что короли Наварры на протяжении долгого времени были вассалами, а затем и подданными короля

изрядно устарела и которая, к сожалению, не содержит научный аппарат, но в определенной мере может быть еще полезна для историков этого периода). Отдельные вопросы, касающиеся двора XVI в., отражены в многочисленных статьях и книгах разного времени, размещенных на интернет-сайте <http://cour-de-france.fr>, который редактируется Каролиной цум Кольк (Caroline zum Kolk).

¹ Наилучшая иллюстрация этого представлена в кн.: *Romier L. La conjuration d'Amboise*. P., 1923 и *Ruble A. de. Antoine de Bourbon et Jeanne d'Albret*. P., 1881-1886. Т. 1-4.

² 20 октября 1548 г. Антуан де Бурбон, герцог Вандомский, первый принц крови, женился на Жанне д'Альбре, единственной дочери и наследнице Генриха II д'Альбре, короля Наваррского, и Маргариты де Валуа-Ангулемской, что позволило ему после смерти тестя (1555) стать королем Наваррским.

³ См. классическую работу: *Лучицкий И.В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции*. СПб., 2011 (перездание, на основе киевского издания 1871 г., на уровне современных научных требований под ред. С.И. Лучицкой). Из последних трудов наиболее значительны: *Brunet S. De l'Espagnol dedans le ventre. Les catholiques du Sud-ouest de la France face à la Réforme*. P., 2008; *Daussy H. La partie huguenot. Chronique d'une désillusion (1557-1572)*. Genève, 2013.

⁴ *Tachouzin P. Henri de Navarre à Nérac. Les marches du trône*. Toulouse, 1989 (раздел: «Henri: un prince pauvre?»). P. 115-128.

Франции, поскольку являлись представителями французских аристократических родов (Эвре, Альбре-Фуа, Бурбоны), занимали государственные и придворные посты (наследственное губернаторство Гиени для Антуана и Генриха де Бурбона), а также владели большими земельными массивами на территории Франции. Вместе с тем они являлись независимыми принцами Беарна – пиренейского княжества, где не действовала юрисдикция короля Франции, равно как небольшой части Нижней Наварры, оставшейся после испанского завоевания 1512 г., что было также весьма весомым аргументом, позволявшим им во многом действовать, не считаясь с интересами французской короны.

Не менее опасным для правящего дома была, конечно, и семья Гизов, герцогов из Лотарингского дома, натурализовавшихся во Франции в начале XVI в., и к разгару Религиозных войн середины 1580-х гг. набравших такую политическую силу, что смогли сами заявить претензии на корону и изобрести доказательства происхождения от Карла Великого, представив потомков Гуго Капета (Валуа и Бурбонов) как узурпаторов трона¹. Весьма богатое и влиятельное, особенно в Шампани и Бургундии, семейство Гизов пользовалось беспорным авторитетом у всего католического населения Франции и постоянно перехватывало инициативу борьбы с гугенотами у правящего дома. Последнему пришлось играть весьма сложную роль: с целью самосохранения и умиротворения королевства Генрих III и его мать Екатерина Медичи, не в силах победить ни одну из двух соперничающих с ними сторон, пытались осуществлять политику лавирования и играть на противоречиях Гизов и Бурбонов, католиков и гугенотов, поочередно примиряясь то с одними, то с другими, позиционируя себя то во главе католической партии, то как защитников всех жителей Франции вне зависимости от вероисповедания².

Национально-религиозный кризис весьма обострился в конце 1584 г., когда, после смерти наследника трона, младшего брата короля герцога Анжуйского, герцоги Гизы организовали Священную Лигу, взяв в союзники парижан, наиболее рьяных католиков, а также испанского короля³.

¹ Penzi M. Les pamphlets ligueurs et la polémique anti-ligueuse: faux-textes et «vrai faux», propagande et manipulation du récit (1576-1584) // La mémoire des Guerres de religion. La concurrence des genres historiques (XVIe-XVIIe siècles). Genève, 2007. P. 142-143.

² Из последних интересных работ см.: Le Person X. «Pratiques» et «practiqueurs»: la vie politique à la fin du règne d'Henri III (1584-1589). Genève, 2002 (статья этого автора есть в свободном доступе на сайте <http://cour-de-france.fr>); Le Roux N. Les guerres de religion. 1559-1629. P., 2009. P. 184 и далее; Foa J., Vidoni N. Catherine de Médicis. Un destin la plus grand que la prudence. P., 2012.

³ Лозинский А.А. Генеральный совет Лиги // Средние века. Вып. 33-34. М., 1971; Constant J.-M. La Ligue. P., 1985. P. 32-34; Jouanna A., Boucher J., et als. Histoire et dictionnaire des Guerres de religion. P., 1998. P. 305 и далее.

Цель новой Лиги (второй после Лиги 1576 г.) заключалась в безоговорочной победе католического оружия и воцарения католического государя после бездетного Генриха III: конечно, речь шла о герцоге Генрихе де Гизе. Создание Лиги положило начало войне «трех Генрихов» – Валуа, Бурбона и Гиза, войне, где значительную, хотя и весьма неоднозначную, роль пришлось сыграть еще одному двору – двору Маргариты де Валуа (1553-1615), жены Генриха Наваррского, единственной из оставшихся сестер французского короля.

Если биографические книги о последней королеве Наваррской выходят с завидной регулярностью, то об ее дворе написано и известно немного¹. Среди современных французских историков существует представление, что королева Маргарита и ее двор не являются серьезными объектами исследования, о чем не без сожаления писала Элиан Вьенно, лучший биограф наваррской королевы² Наверное, самую важную публикацию в свое время осуществил региональный историк Филипп Лозен (1847-1920), разыскавший счета двора Маргариты в Национальной библиотеке Франции в Париже и частично их опубликовавший за период 1578-1586 гг. – время пребывания королевы в Гаскони³. Эти счета представляют собой документы первостепенной важности, поскольку позволяют понять динамику финансовых затрат на содержание двора в разные годы и даже месяцы, равно как содержат важнейшие сведения о структуре и персональном составе окружения Маргариты. В условиях, когда мы мало знаем о том, что случилось с двором королевы Наваррской в 1585-1586 гг. – годы открытого мятежа Маргариты против своей семьи, – публикация и комментарии Ф. Лозена, которые он сочетал с текстами писем королевы за этот период, стали бесценным источником в целом по истории религиозно-политического конфликта во Франции и разлада в королевской семье.

Бесценным, но, увы, мало востребованным. По большому счету, материалы этой публикации (кстати, не без ошибочных мнений и заклю-

¹ Собственно говоря, существует только одна специальная статья, посвященная литературному двору Маргариты де Валуа, который существовал в начале XVII в.: *Ratel S.* La Cour de la reine Marguerite // *Revue du Seizième Siècle*. № 11. 1924. P. 1-29, 193-207; № 12. 1925. P. 1-43. См. также: *Шишкин В.В.* Королевский двор... С. 77-86 (раздел «Двор Маргариты и двор Франции»).

² Эта действительно лучшая из биографий королевы недавно переведена на русский язык: *Вьенно Э.* Маргарита де Валуа. История женщины, история мифа / Пер. с фр. М.Ю. Некрасова, В.В. Шишкина. СПб., 2012 (в конце книги – исчерпывающая библиография вопроса: С. 442-459).

³ Поначалу публикация документов была осуществлена в журнале *Revue de l'Agenais* (ТТ. 25-30, 1898-1902), а затем вышла отдельным изданием: *Lauzun P.* Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne. P., 1902.

чений) легли в основу книги известного историка Ж.-И. Марьежоля о Маргарите де Валуа – последнем серьезном биографическом исследовании о королеве до 1993 г., а также современного труда М. Муазана о ее пребывании в Оверни¹. Оба этих автора достаточно добросовестно восстановили факты, касавшиеся жизненных коллизий Маргариты в самый сложный период ее жизни, но мало что сказали о судьбе ее двора. Что стало с многочисленным домом королевы Наваррской, состоявшим из нескольких десятков гражданских служащих – дам, кавалеров, прислуги, а также военных капитанов и солдат, как они повели себя после мятежа королевы и объявления королевской охоты, охоты на ее персону, начавшейся летом 1585 года? Остались ли все они при мятежной королеве, став, таким образом, мятежным двором? Или же этот двор можно назвать как-то иначе? На эти вопросы нам предстоит ответить.

Публикация в 2012 г. 7-го тома писем Генриха III, охватывающего период 1585-1587 гг., а также уже изданные ранее письма и корреспонденция Екатерины Медичи, Генриха Наваррского и самой Маргариты де Валуа во многом позволяют детализировать события, связанные с судьбой наваррского двора, и, в сочетании с данными Ф. Лозена, проследить его драматические приключения. Судя по всему, большая часть писем членов королевской семьи по поводу «дела Маргариты» осела в рабочих архивах государственного секретаря Никола де Виллеруа и будущего канцлера Помпонна де Беллиевра, поскольку была им адресована, и эта переписка ныне хранится в составе коллекции П.П. Дубровского в Санкт-Петербурге².

Злоключения Маргариты де Валуа и ее двора начались еще в августе 1583 г., когда, вернувшись на время в Париж из Гаскони, где она посто-

¹ *Mariéjol J.-H.* La vie de Marguerite de Valois, reine de Navarre et de France. 1553-1615. P., 1928. Жан-Ипполит Марьежоль – автор соответствующего раздела в классической «Истории Франции» под ред. Э. Лависса. *Mariéjol J.-H.* La Réforme et la Ligue. – L'Édit de Nantes (1559-1598) // Lavisse E. Histoire de France. Т. 6 (1). P., 1904; *Moisan M.* L'exil auvergnat de Marguerite de Valois. Carlat – Usson. 1585-1605. Nonette, 1999.

² Что, в свою очередь, позволило нам перепроверить правильность транскрипции и воспроизведения отдельных опубликованных автографов и сделать ряд уточнений. Об архивах Виллеруа и Беллиевра в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, см.: *Воронова Т.П., Луизова Т.В.* Сборники документов коллекции П.П. Дубровского. Каталог. Ленинград, 1979. С. 56, 126. Автографы № 19, 23 (1-3), 27, 34/2, др.; письма Генриха III представлены главным образом в виде резюме: *Lettres de Henri III, roi de France* (Recueillies par P. Champion) / Éd. M. François, P., 1959-2012. 7 vol; письма Екатерины Медичи: *Catherine de Médicis. Lettres* / Éd. H. de la Ferrière et G. Bagnault de Puchesse. 11 vol. P., 1880-1909, 1943; письма Генриха IV: *Recueil des lettres missives de Henri IV* / Éd. J. Berger de Xivrey et J. Guadet. 9 vol. P., 1843-1876; корреспонденция Маргариты де Валуа: *Marguerite de Valois. Correspondance. 1569-1614* / Éd. É. Viennot. P., 1998.

янно жила с 1578 г., королева вскоре поссорилась с Генрихом III, потому что не смогла добиться приезда ко двору своего мужа, поддержала политические махинации своего младшего брата герцога Анжуйского, наследника французского трона, открыто интриговала против королевских фаворитов – «архиминьонов», герцогов д'Эпернона и Жуайеза, и завела любовную связь с маркизом де Шанваллоном¹. Служащие ее двора, надо полагать, выполняли ее соответствующие приказы и поручения, чем вызывали крайнее раздражение Генриха III. Чаша терпения короля переполнилась в начале августа, когда он, судя по его письму Виллерау, получил какие-то неопровержимые доказательства опасных политических интриг Маргариты и приказал удалить из ее постоянного штата двух самых доверенных женщин – свитскую даму виконтессу Маргариту де Дюра и фрейлину м-ль Клеофиль де Бетюн, о чем написал Генриху Наваррскому, не постеснявшись охарактеризовать этих дам как «зловредных мерзавок, недостойных находиться подле принцессы такого ранга»². Получив также приказ короля покинуть Париж и не удостоившись у него даже аудиенции, Маргарита устроила публичный скандал Екатерине Медичи как пособнице таких королевских решений, высказав ей в крайне резких выражениях все, что накопилось в их отношениях за многие годы³. Обе королевы больше никогда не увидятся.

8 августа 1583 г. спешно собранный двор Маргариты де Валуа выехал из французской столицы; парижский хронист Летуаль пишет: «В понедельник 8-го нынешнего месяца августа королева Наваррская, пребывавшая при дворе короля, своего брата (с большим удовольствием и удовлетворением [для себя]) в течение 18 месяцев, покинула Париж по приказу короля, повторенному много раз, с целью направиться в Гасконь, к своему супругу, королю Наваррскому.[...] Она намеревалась остановиться на ночлег в Палезо, где ее нагнал отряд из 60 королевских стрелков под командованием Ларшана, одного из их капита-

¹ Доскональный анализ политических акций Маргариты весной-летом 1583 г. представлен в книге Жаклин Буше: *Boucher J. Deux épouses et reines à la fin du XVIe siècle: Louise de Lorraine et Marguerite de Valois. Saint-Etienne, 1995. P. 176-185.* О ссоре Маргариты с д'Эперноном писал Брантом: *Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de. Marguerite, reine de France et de Navarre // Idem. Œuvres complètes / Publ. J.A.C. Buchon. T. 2. P., 1848. P. 168-169.*

² Видимо, король перехватил письма сестры к герцогу Анжуйскому, где посредницами в их доставке адресату выступали упомянутые придворные дамы: *Lettres de Henri III / Publ. par J. Boucher. P., 2006. T. 6. P. 104-106.*

³ Донесение английского резидента от 5 августа 1583 г. (Cobham to Walsingham): *Elizabeth: August 1583, 1-10 // Calendar of State Papers Foreign, Elizabeth. Volume 18: July 1583 – July 1584 (1914). P. 51-68. <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=78986>.*

нов, которые учинили обыск, включая ее ложе [карету], и взяли под стражу г-жу де Дюра и дамуазель де Бетюн, [...] сеньора де Лодона, дворянина дома королевы, [а также] ее шталмейстера, секретаря, врача и других служащих, как мужчин, так и женщин, общим числом десять, каковые были препровождены в Монтаржи, где король их допрашивал лично...»¹. Речь шла о том, что Маргарита нарушила королевский приказ и оставила при себе двух опальных дам. Видимо, это послужило поводом для беспрецедентной остановки поезда королевы и оскорбительного обыска с арестом ее служащих. Впрочем, тот же Летуаль пишет, что король не нашел в ее багаже ничего подозрительного и не узнал в результате допроса ничего нового: вскоре все были отпущены на свободу, и королева Наваррская продолжила путь на юг.² Виконтесса де Дюра и мадемуазель де Бетюн, задержанные отдельно, через два года присоединятся к Маргарите в Нераке.

Как позже выяснится, это оскорбление повлекло за собой шлейф катастрофических последствий как для самой королевы Наваррской и ее двора, так и для всей королевской фамилии, не говоря уже о том, что оно прямо повлияло на развитие религиозного конфликта во Франции, став предтечей последней и самой кровавой из восьми религиозных войн второй половины XVI в. Генрих Наваррский сумел максимально удачно воспользоваться скандалом в королевской семье и, в обмен на возвращение своей жены в Нерак и прощение нанесенных ей обид, путем компромисса с позиции силы выторговал для гугенотской партии ряд крепостей и укрепленных мест. Вся система хрупкого равновесия и мира, установленного в 1577-1580 гг. благодаря дипломатическим усилиям Екатерины Медичи и Маргариты де Валуа (мир в Бержерাকে, Неракские соглашения и мир во Флеи), стала рушиться в одночасье³. Восемь месяцев Маргарита и ее двор, сидя на дорожных сундуках и пребывая на временных квартирах, ожидали, пока короли Франции и Наварры договорятся об условиях ее воссоединения с мужем, – ситуация, которую Элиан Вьенно

¹ *Pierre de L'Estoile Registre-Journal du regne de Henri III*. Т. 4 (1582-1584) / Éd. M. Lazard et G. Schrenck. Genève, 2000. P. 96-97.

² Генрих III посредством допроса придворных и служащих своей сестры пытался выяснить не только способы тайного общения Маргариты и герцога Анжуйского, но также понять, является ли правдой упорный слух о рождении королевой Наваррской незаконного сына от маркиза де Шанваллона в июне 1583 г. Последнее не подтвердилось: скорее всего, никакого ребенка не было, см.: *Вьенно Э.* Маргарита де Валуа. С. 160-161.

³ См. подробнее: *Бабелон Ж.-П.* Генрих IV. Ростов-на-Дону, 1999. С. 215-220; *Маргарита де Валуа*. Мемуары. Избранные письма. Документы / Подг. В.В. Шишкиным, Л. Ангаром, Э. Вьенно. СПб., 2010. С. 217-218, 316-318; *Chichkine V.* Documents inédits sur Marguerite de Valois à Saint-Petersbourg // *Seizième siècle*. № 8. 2012. P. 327-340.

назвала «гротескной и унижительной»¹. 13 апреля 1584 г. Генрих Наваррский наконец принял свою жену и сопроводил ее в Нерак. Казалось, обе части наваррского двора наконец объединились и этот межконфессиональный двор сможет снова стал средством религиозно-политического умиротворения, каковым он был в 1579-1582 гг.² Однако на деле король Наваррский больше не нуждался в Маргарите, которую всегда использовал исключительно для урегулирования тех проблем, с которыми не мог справиться самостоятельно. Летом 1584 г. он стал единственным наследником трона Франции, поскольку герцог Анжуйский скончался от туберкулеза, а король был бездетен, что дало ему право действовать без посредничества жены. Видя, что Маргариту, находящуюся в крайней ссоре со своей семьей, более никто не принимает в расчет и не рассматривает как политическую посредницу, Генрих Наваррский окончательно порывает с семейной жизнью. Ему более не нужно было стараться играть роль формального мужа. К этому его подталкивала и его новая любовница – вдовствующая графиня Диана де Гиш, «прекрасная Коризанда», которая вплоть до 1590 г. сохраняла на него огромное влияние, мечтая заменить Маргариту в качестве жены³.

Фактически брошенная своей семьей и игнорируемая супругом, который почти не приезжал в Нерак, ибо предпочитал находиться возле любовницы в Беарне, Маргарита де Валуа, а вместе с ней и ее двор оказались в неопределенной, если не сказать маргинальной ситуации. Однако это унижительное положение королевы, удаленной от парижского двора, исключенной из политической и семейной жизни, на которую она справедливо претендовала по праву своего рождения и ранга, не могло длиться долго. Почти в отчаянии Маргарита попросила убежище и защиту у своих зятюв – мужей ее старших сестер – герцога Лотарингского и короля Испании, чем вызвала очередную волну раздражения у своих родственников. Екатерина Медичи с желчью говорила Виллеруа (22 мая 1585 г.): «Она [Маргарита] писала моему сыну [то есть зятю] герцогу Лотарингскому, и я видела эти письма, чтобы он принял ее в своей стране»⁴. Немногом ранее Филипп II дал согласие принять у себя королеву Наваррскую, и только благодаря вмешательству королевского

¹ Вьенно Э. Маргарита де Валуа. С. 167.

² Ангар Л., Шишкин В.В. Наваррский двор глазами Маргариты де Валуа: реальность и представление // Средние века. Вып. 72 (1-2). М., 2011. С. 194-213.

³ Jaurgain J. de. *Corisande d'Andoins, Comtesse de Guiche et Dame de Gramont* // Revista Internacional de los Estudios Vascos, 1907 (Revue Internationale des Etudes Basques). P. 105-140. <http://hedatuz.euskomedia.org/4839/>

⁴ *Catherine de Medicis. Lettres*. Т. 8. P. 291.

наместника в Гиени Матиньона ее отъезд в Испанию не состоялся¹. Семья Валуа, таким образом, оставила королеве Наваррской только возможность владеть существованием в Нераке, питая несбыточные надежды на восстановление дружеских и семейных отношений наваррской четы. Именно владеть, поскольку, судя по счетам Маргариты, денег не хватало, чтобы оплатить расходы на содержание ее дома и придворного штата.

Приведенные Ф. Лозеном данные показывают, что королева Наваррская жила в долг, начиная с осени 1583 г., времени отъезда из Парижа. Во время ее пребывания в Нераке (апрель 1584 – март 1585 г.) эти долги только продолжали расти. Так, например, в мае 1584 г. общие расходы на двор (не включая сюда жалование окружению королевы, которое выплачивалось отдельно, по иным статьям) составляли 1899 эю при долге 271 эю, в октябре 1584 г. – 2510 и уже 458 эю соответственно, в ноябре – 2331 и 597 эю². Если соотнести эти ежемесячные расходы с аналогичными расходами за иные, более спокойные годы, то они, на первый взгляд, кажутся вполне сопоставимыми; так, траты на содержание двора в сентябре 1578 г. были в размере 2983 эю, в сентябре 1579 г. – 2490 эю, в декабре 1581 г. – 2374 эю. Приведенные цифры говорят о том, что Маргарита даже в сложные времена не экономила на своем дворе, который по-прежнему был значительным, судя по этим затратам и списочному составу, и предпочитала жить в долг, понимая, что ее окружение – это самый важный инструмент королевского престижа и чести³. Королева не могла сокращать расходы на двор еще по той причине, что начиная с 1585 г. была не в состоянии выплачивать утвержденное ежеквартальное жалование, и поэтому многие ее благородные и неблагородные служащие жили за счет собственных средств или в долг, что часто практиковалось при дворе, и вынуждены были довольствоваться правом королевского столования⁴. Последнее, имеющее средневековые корни, предполагало регулярную возможность питаться при королевском столе и за счет королевы всем придворным и служащим, даже не состоявшим на дежурной смене, что для многих из них являлось настоящим подпо-

¹ *Caillières J. de. Histoire du maréchal de Matignon. P., 1661. P. 164.* Маргарита не простила Матиньона, назвав его позже в своих «Мемуарах» «опасным и хитрым нормандцем». – *Margaritha de Valua. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 151.*

² *Lauzun P. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne. P. 251 и далее.*

³ Ее рассуждения о роли двора: *Margaritha de Valua. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 162-163.*

⁴ О праве столования: *Guyot J.-N. Traité des droits, fonctions, franchises, exemptions, prérogatives et privilèges. P., 1786. T. 1. P. 401.*

рьем¹. Надо полагать, что Маргарита пыталась также поддерживать свое окружение посредством частичной выплаты ему жалования из средств, предназначенных на содержание двора, и этим объясняется постоянно растущий королевский долг, поскольку, судя по данным, приведенным Ф. Лозеном, никаких чрезвычайных расходов в 1584-1585 гг. у нее не было². Дело в том, что двор Маргариты содержался только за счет средств, поступающих от налогов, собираемых в южных графствах – Ажене, Керси, Руэрге, а также четырех судейских округах и некоторых иных владениях в разных частях Франции, которые ей были предоставлены Генрихом III в качестве компенсации за невыплаченное приданое в 200 000 экю³. Во время военных действий и в условиях социальной нестабильности средства поступали крайне нерегулярно.

Генрих Наваррский к счетам жены не имел никакого отношения. Документация наваррского двора показывает, что, в лучшем случае он занимался обновлением Неракского замка (особенно накануне визита в Гасконь посланца короля герцога д'Эпернона летом 1584 г.), тратился на содержание в должном порядке его помещений, жилых и нежилых (отделка, гобелены, мебель, утварь), закупал дрова и свечи, а также выделял средства на королевские конюшни. В его счетах, впрочем, отдельной статьей фигурируют подарки придворным дамам и кавалерам⁴. Король Наварры и его свита больше времени проводили в По, где проживала его сестра, и недалеко находилась в своем замке Ажетмо его метресса: Нерак, таким образом, переставал быть единственным центром политической жизни наваррского двора.

Итак, счета королевы свидетельствуют, что жалование придворным, состоявшим на службе в ее доме, равно как жалование обслуживающему персоналу, не выплачивалось вообще с 1585 г.⁵ Проблема заключалась в том, что финансирование штата Маргариты осуществлялось из бюджета французского двора: королева Наваррская как дочь Франции, так и не получившая «окончательного расчета» – своего приданого – от семьи Валуа, продолжала пользоваться правом расходовать королевские ресурсы для оплаты услуг своего окружения. То, что эти финансовые ресурсы

¹ Дежурная смена, как правило, длилась четыре месяца в году. В остальное время придворные и служащие занимались свободным времяпрепровождением, но, как правило, оставались при дворе. Удалиться от двора можно было только по разрешению королевы.

² *Lauzun P. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne. P. 263 и далее.*

³ *Вьенно Э. Маргарита де Валуа. С. 112-113.*

⁴ Данные о расходах короля Наваррского (с приводимыми документами): *Tachouzin P. Henri de Navarre à Nérac. Les marches du trône. P. 115-128 и далее; Lauzun P. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne. P. 286-288.*

⁵ *Lauzun P. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne. P. 307 и далее.*

перестали поступать в Нерак, вовсе не было следствием ссоры Маргариты с родственниками: в условиях начавшейся очередной гражданской войны у короля не было денег на содержание даже парижского двора¹. Правда, Маргарита регулярно под разными предлогами («мне не на что купить даже мяса») просила денег у матери и время от времени их получала².

Численность двора наваррской королевы, конечно, трудно определить досконально: примерно 300 человек в 1578 г., и, конечно, значительно меньше в 1585 г.³ Элиан Вьенно пишет: «К середине октября [1584 г.] она вернулась в Нерак [из небольшого путешествия на лечебные воды] и провела там зиму, чувствуя себя все более одинокой и покинутой. Ее пятьдесят “дам” и “благородных девиц” [фрейлин], и “прочих дам и девиц”, как они называются в счетах ее дома, и составляли весь двор, теснившийся вокруг нее»⁴. Если быть точным – 46 женщин благородного происхождения, согласно «Положению о жаловании», треть из которых находилась на дежурстве подле королевы и обязана была постоянно пребывать в самом замке, в отличие от других, которые размещались в городе или окрестностях (то есть по 15-16 дам на квартальной смене)⁵. Главами дома королевы – гофмейстеринами – в это время были по очереди мадам де Кандаль (в Нераке) и мадам де Ноай (в Ажене в 1585 г.). Однако не только они «теснились» вокруг Маргариты де Валуа. При королеве состояло семь камеристок, и еще две прислуживали остальным дамам и фрейлинам на смене. Не поддается определению число прачек, обслуживающих свиту королевы Наваррской: в самом штате двора состояли только брат и сестра Ла Флеш, организующие их работу.

Мужская часть двора Маргариты была более многочисленна и состояла из двух сюринтендантов ее дома, следящих за состоянием штата и расходов королевы; шести гофмейстеров, отвечающих за внутренний распорядок; одиннадцати хлебодаров, десяти виночерпиев, семи кравчих, прислуживающих во время королевской трапезы; пяти шталмейстеров, организующих выезды; шести раздатчиков милостыни, двух капелланов, трех церковных служек, вместе составляющих т.н. церковную

¹ Chaunu P. L'État // Histoire économique et sociale de la France. 1450-1660 / Dir. F. Braudel et E. Labrousse. P., 1977. T. 1 (1). P. 176.

² Marguerite de Valois. Correspondance. № 192. P. 275-276; Catherine de Médicis. Lettres. Vol. 8. P. 265.

³ Lauzun P. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne. P. 307-308.

⁴ Вьенно Э. Маргарита де Валуа. С. 169.

⁵ Мы оставляем за рамками этой статьи вопрос о персональном составе двора Маргариты, поскольку для этого потребуются отдельное исследование.

часть ее двора; трех медиков, аптекаря, хирурга, следящих за здоровьем королевы и ее двора; многочисленных секретарей по разным вопросам (17 в штате 1582 г.), пяти квартирмейстеров, отвечающих за размещение свиты и персонала, казначея или главного сборщика налоговых поступлений, финансовых контролеров (минимум двух в 1586 г.), а также музыкантов и певчего (5 – в штате 1582 г.), камердинеров (17 в штате 1578 г.), двух гардеробмейстеров, многочисленных слуг и лакеев при гардеробе и апартаментах, 71 служащего кухни, а также работников «механических» профессий: галантерейщика, столяра, золотых дел мастера, мастера по каркасному платью (*vertugadier*)¹, каретника, ковровщика и т.д. Совет королевы Наваррской не представлял собой единой организации и был собран из юристов, представлявших ее интересы на местах: в Париже у нее числилось 10 советников, в Тулузе – 4, в Бордо – 4, в Ажене – прокурор и адвокат, в Керси и Руэрге – также по одному прокурору и адвокату². Военного дома королевы в Нераке как такового не было, не считая 10 или 20 солдат-швейцарцев, которые сопровождали ее еще из Парижа. Но в любом случае речь идет о дворе, превышающем 200 персон, при дежурной смене в 60-70 человек.

Сам факт присутствия королевы-католички и ее главным образом католического (и, в общем, парижского по основному составу, судя по именам³) окружения в Нераке, гугенотском городе, ставшем враждебным для нее во время обострения религиозного конфликта и постоянного отсутствия короля Наваррского, стал весьма раздражать окружение Бурбона. Твердая позиция Маргариты в религиозном вопросе в условиях воссоздания Лиги при главенстве Гизов в декабре 1584 г. и возобновления открытой войны католиков и гугенотов, усугубляемой участием иностранных наемников с обеих сторон, только распаляла страсти противников королевы⁴. Так, Дюплесси-Морне, ближайший соратник Генриха Наваррского, «гугенотский папа», категорически не желавший

¹ Речь идет о мастере, который делал металлические каркасы для женского платья XVI-XVII вв.

² *Lauzun P.* Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne. P. 307-308.

³ Так, согласно «Положению о жаловании», из 17 парижских «дам» Маргариты, числившихся на службе в 1578 г., 11 вновь оказались вместе с ней в Нераке в 1584 г.; из 8 фрейлин («благородных девиц») – 2 (фрейлины – это незамужние девушки, большинство которых вышло замуж в 1578-1585 гг., но не покинуло службу: они перешли в штат «дам», общее число которых, по сравнению с 1578 г., увеличилось до 28); списочный состав «иных дам и девиц» вообще не изменился – 6 (в 1585 г. присоединилась еще одна дама).

⁴ О событиях 1584-1587 гг. см.: *Le Roux N.* Les guerres de religion. P. 234-252. Религиозная позиция Маргариты: *Шишкин В.В.* «Истинная католичка» замужем за гугенотским лидером: пример Маргариты де Валуа // Исторический журнал – научные исследования. М., 2011. № 6. С. 59-67.

воссоединения королевской четы, еще в декабре 1583 г. предлагал ему «захватить силой эту королеву и тотчас заточить на год или два»¹. Против Маргариты плелись заговоры и интриги: даже гугенотский капитан и позднее историограф Т.-А. д'Обинье в своих воспоминаниях отмечал, что однажды пресек попытку ее убийства². Дипломатический агент Екатерины Медичи на юге Франции Беллиевр докладывал королеве-матери 5 апреля 1585 г., что графиня де Гиш собирается занять место Маргариты и готова ее отравить³. Стоял ли за всем этим король Наваррский? Мы не знаем. Во всяком случае, он не делал ничего, чтобы защитить свою жену, и спокойно ждал развязки событий. Ждать не могла только сама Маргарита. В условиях прямой угрозы для ее жизни она должна была искать иных союзников и безопасное местопребывание.

12 февраля 1585 г. Мишель де Монтень, уже тогда известный писатель и мэр Бордо – столицы Гиени, сообщил генеральному наместнику этой провинции маршалу де Матиньону, что по пути из Нерака в Бордо гугеноты Генриха Наваррского перехватили курьера, Жака Феррана, секретаря королевы Наваррской по финансовым вопросам. Офицер короля Наваррского Фронтенак в связи с этим «прибыл в Нерак. Королева Наваррская ему сказала, что она находит, что король, ее муж, проявляет излишнее любопытство к тому, [...] что она пишет королеве своей матери [посредством Феррана], сообщая о своем [желании] вернуться во Францию. [...] На что Фронтенак ответил, что король Наваррский испытывает по поводу этого недоверие, и что Ферран вез с собой бумаги [mesmoires], которые касались его государства и общественных дел. [...] Ферран нашел способ бросить некоторые письма в огонь»⁴. Совершенно очевидно, что сгорели самые важные компрометирующие королеву улики, и подручные Генриха не нашли ничего особенного. Секретаря спешно вывезли на территорию Беарна, в По, и бросили в тюрьму, начав допросы. Дело Феррана окончательно поставило точку в отношениях супругов. До сих пор так и неизвестно, что же вез в своем багаже доверенный Маргариты, но Жаклин Буше справедливо полагает, что, скорее всего, письма герцогу де Гизу и иным руководителям Лиги⁵. Скандал получил такую

¹ Письмо Бирага Екатерине Медичи от 17.12.1583 г. // *Маргарита де Валуа*. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 323.

² *Д'Обинье Т.-А.* Приключения барона де Фенеста. Жизнь, рассказанная его детям / Пер. И.Я. Волевич и В.Я. Парнаха. М., 2001. С. 194.

³ *Catherine de Médicis*. Lettres. Vol. 8. P. 432.

⁴ *Montaigne*. Oeuvres complètes / Publ. par A. Thibaudet et M. Rat. P., 1962. P. 1388.

⁵ *Lettres de Henri III*. T. 7. P., 2012. P. 30. Об этом подробно написал в своих мемуарах и виконт де Тюренн, по его словам, ставший инициатором ареста Феррана: *Mémoires de Henry de La Tour d'Auvergne, vicomte de Turenne* // *Collection complète des mémoires*. P., 1823. P. 209.

огласку, что Генрих Наваррский представил в Париж, будто бы Ферран был арестован после попытки его отравления по приказу королевы Наваррской¹. Было ли это так на самом деле? Мы этого также не знаем, хотя, как верно заметила Элиан Вьенно, Маргарита немного бы выиграла от этого отравления². В любом случае Генрих III категорично потребовал от короля Наварры, чтобы секретаря передали в руки французского правосудия, поскольку тот был незаконно арестован на территории Франции и вывезен за ее пределы³. Король лично хотел узнать секреты сестры и ее связи с Лигой? Не исключено. Для самой же Маргариты выбора более не было. Под предлогом празднования католической Пасхи 21 марта 1585 г. вместе со своим двором она спешно выехала в Ажен – центр ее графства, населенного по преимуществу католиками.

По сути, это было бегство, и ее маргинальный двор становился еще и беглым. Для Парижа ее отъезд из Нерака стал полной и неприятной неожиданностью. В своем письме Матиньону король пишет, что «недоволен отъездом моей сестры, королевы Наваррской, в Ажен, поскольку ее честь требует, чтобы она жила рядом со своим мужем» и признается, что «не знает, что делать» в такой ситуации, замечая, что в связи с отбытием королевы-матери на переговоры с Лигой «не может в настоящий момент с ней посоветоваться»⁴. 15 мая, вызвав к себе консулов города, Маргарита де Валуа объявила им о своей поддержке Лиги и герцога де Гиза, поставив их перед фактом, что отныне она – единственный суверен графства Ажене⁵. Совершенно очевидно, что это было подготовленное решение, согласованное с герцогом и королем Испании. Более того, это был мятеж, вызов обоим королям – брату и мужу, оскорбление Величества, и, таким образом, ее двор вслед за своей госпожой становился мятежным двором. В ужасе Екатерина Медичи писала Беллиевру: «Я знаю, что Господь дал мне это создание в наказание за мои грехи. Это – моя Божья кара в этом мире. Могу заверить Вас в своем крайнем огорчении,

¹ Свидетельство Летуаля: *Pierre de L'Estoile. Registre-Journal du regne de Henri III.* Т. 4. Р. 13.

² Вьенно Э. Маргарита де Валуа. С. 171.

³ В письме от 17 апреля 1585 г. король также дал поручение маршалу де Матиньону срочно вмешаться в ситуацию: *Lettres de Henri III.* Т. 7. Р. 30, 33. Ферран в итоге получил свободу и продолжал далее фигурировать в счетах королевы Наваррской.

⁴ Письмо от 18 апреля 1585 г.: *Lettres de Henri III.* Р. 33.

⁵ Титулатура Маргариты в официальных актах, исходящих из ее аженской канцелярии в 1585 г., звучала следующим образом: «Маргарита, милостью Божьей королева Наварры, единственная сестра короля, герцогиня де Валуа и д'Этамп, графиня Аженуа, Руэрга, Санлиса и Марля, госпожа Лассера и судейских округов Дюрье, Ривьер-Верден и Альбижуа». – Archives départementales d'Agen. Mss. AD.47/DSCN1317-1322.

ибо не знаю, что делать, и это только усиливает мою тоску. Прошу Вас, подумайте, что еще я могу предпринять в этом деле»¹.

События лета-осени 1585 г. достаточно хорошо изучены и проанализированы в литературе: Маргарита начала укреплять Ажен, даже строить цитадель, и в июне-августе 1585 г. попыталась организовать военные операции, оказавшиеся в целом неудачными, пытаясь отбить некоторые населенные пункты графства, держащие сторону гугенотов или короля Франции². Однако Немурский мирный договор 9 июля, который Генрих III, благодаря Екатерине Медичи, спешно подписал с Лигой, поставил Маргариту в неловкое положение. Ее союзник герцог де Гиз, попытавшийся было включить в статьи договора упоминание о Маргарите и ее окружении с целью обретения королевского прощения и легитимизации ее положения, получил категорический отпор от королевы-матери, заявившей, что с дочерью Франции королевская семья будет разбираться отдельно³. К тому же согласно условиям договора король отказывался признавать гугенота Генриха Наваррского наследником престола, соответственно, шансы самой Маргариты взойти на трон сводились на нет.

На какие средства королева Наваррская начала войну с мужем и братом? Надо полагать, на испанские деньги, которые направлялись Маргарите герцогом де Гизом. Франсуа Шуанен, придворный медик королевы, регулярно курсировал между Аженом и лигерскими лагерями, в чем Маргарита вынуждена была признаться уже после развода с Генрихом IV⁴. Известна также переписка Гиза и испанского посла во Франции Бернардино Мендосы, где герцог весьма хлопочет о выделении средств («40 или 50 тысяч экю», как он пишет) королеве Наваррской, причем уже после заключения Немурского мира⁵. И это несмотря на обещание, которое Гиз накануне дал Екатерине Медичи: «Господин де Гиз заверил меня, – сообщила она королю 14 сентября 1585 г., – и обещал ей [Маргарите] сказать, что он не будет ей больше писать и чтобы она не писала ему»⁶. Слова Гиза стоили недорого (его письмо Мендосе датировано тем же 14 сентября!), поскольку все противоборствующие стороны понимали, что ситуация мо-

¹ Письмо от 15 июня 1585 г.: *Catherine de Médicis. Lettres*. Vol. 8. P. 318.

² *Mariéjol J.-H. La vie de Marguerite de Valois, reine de Navarre et de France*. P. 231-237; *Boucher J. Deux épouses et reines à la fin du XVIe siècle: Louise de Lorraine et Marguerite de Valois*. P. 290-293.

³ *Mariéjol J.-H. La vie de Marguerite de Valois, reine de Navarre et de France*. P. 233.

⁴ В письме от 5 ноября 1602 г. к Антуану Сегье, парижскому судье, рассматривающему иск Маргариты к Шуанену: *Marguerite de Valois. Correspondance. Lettre 344*. P. 464-468.

⁵ См, например, письма от 14 сентября и 17 октября: *Croze J. de. Les Guises, les Valois et Philippe II*. T. 1. P., 1866. P. 350-352, 360.

⁶ *Catherine de Médicis. Lettres*. Vol. 8. P. 351.

жет измениться в любой момент. Да и сама Наваррская королева не прекращала переписку с герцогом и его матерью, Анной д'Эсте, изъявляя последней «...настоящую преданность, с которой я готова служить Вам всеми силами, на которые способна»¹. В любом случае, финансовых средств на содержание ее «гражданского» и военного домов все также не хватало. Так, расходы на двор Маргариты в августе 1585 г. составили 2483 экю при дефиците (не оплаченных счетах) в 377 экю, а в сентябре – месяце фиаско королевы – 2502 экю при дефиците в 384 экю.²

Военные траты явно составляли отдельную статью, и финансировались по мере поступления денег от Гиза (Испании). Историк того времени Ф. Мезере даже пишет об учреждении своего военного совета Маргаритой³. Нам сложно понять, что же представлял собой собственно ее военный дом в Ажене и какое количество капитанов, солдат и швейцарцев входило в его состав, тем более каким образом все они финансировались. Можно лишь сказать наверняка: капитаном ее почетной гвардии стал виконт де Дюра, муж ее скандальной придворной дамы, которая вместе с ним вернулась на службу к своей госпоже летом 1585 г. Дюра возглавил личную гвардию Маргариты и руководил военными операциями от ее имени до того момента, когда в августе был направлен королевой в Испанию просить денег у Филиппа II⁴. Позже военное командование перешло к известному лигеру – сеньору де Линьераку, балы Верхней Оверни, посланному на помощь Маргарите герцогом де Гизом вместе со своим «эскадроном» (не более 200 чел.)⁵. Известно также, что в распоряжении Маргариты было также несколько рот (*compagnies*: по разным данным, от 10 до 30), набранных также среди католиков региона весной-летом, то есть порядка нескольких сотен человек⁶. Капитанами военных отрядов Маргариты были католические дворяне Ажене и соседних провинций, которых королева активно призывала на службу⁷. Если швей-

¹ *Marguerite de Valois*. Correspondance. Lettres 234, 241. P. 319-320; 326-327.

² *Lauzun P.* Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne. P. 329, 341.

³ *Mezeray Fr.* Abrégé chronologique de l'histoire de France. T. 3. Amsterdam, 1740. P. 372.

⁴ «Господин и госпожа де Дюра восторжествовали», – писал в одном из писем Генрих Наваррский (28 июня 1585 г.): *Recueil des lettres missives de Henri IV*. T. 2. P. 79; о миссии маркиза де Дюра в Испанию было прекрасно известно Генриху III (переписка с французским послом в Испании Лонгле): *Lettres de Henri III*. P. 160-161.

⁵ *Mariéjol J.-H.* La vie de Marguerite de Valois, reine de Navarre et de France. P. 232.

⁶ См. документы, приведенные Ф. Абаском: *Habasque F.* La domination de Marguerite de Valois à Agen, d'après les pièces d'archives // *Bulletin historique et philologique*. P., 1890. P. 226-256.

⁷ Сохранилось как минимум два полных письма (и упоминание о третьем) Маргариты на эту тему мелким дворянам Ажене, написанных летом 1585 г.: *Marguerite de Valois*. Correspondance. Lettre 235. P. 320-321; *La Chesnaye-Desbois*. Dictionnaire de la noblesse. T. X. Paris, 1775. P. 240-242.

царцы, видимо, не более двух десятков человек, были расквартированы и постоянно находились в резиденции Маргариты (роль таковой играл большой и красивый дом в ренессансном стиле богатого горожанина Жана де Канбефора), то солдаты и капитаны проживали у горожан, как правило, не бедных, которые обязаны были их содержать, по обыкновению того времени¹. Последнее вызывало раздражение, усиливающееся тем, что все сопротивляющиеся лишались всего своего имущества в пользу казны королевы.

Два акта Маргариты, датированных 17 июля и 10 августа 1585 г., показывают, например, как было организовано финансирование гарнизона замка Тонбебук (Tombebouc), прикрывающего Ажен². 25 солдат во главе со своим капитаном, (который оплачивался отдельно, из средств королевы Наваррской или испанских субсидий), составляющие гарнизон, получали совокупно ежемесячное жалование 83 экю 20 солей (то есть каждый солдат по 3 экю и трети), которое выплачивалось за счет налогов, собираемых с жителей округа. Последние, правда, этими же актами были освобождены от уплаты остальных налогов³.

Несмотря на очевидную нехватку средств и неудачи, Маргарита не прекращала военных действий против гугенотов, и тем самым раздражала Генриха Наваррского («наше терпение будет длиться столько, сколько возможно», – напишет он маршалу де Матиньону летом)⁴, положение которого после заключения Немурского договора и последующего отлучения папой Сикстом V в сентябре 1585 г., включая лишение королевского сана, стало весьма шатким. Наверняка он очень жалел, что поссорился с женой, которая, о чем предупреждало его собственное окружение, являлась необходимой ступенью к трону Франции⁵.

25 сентября 1585 г. жители Ажена, подстрекаемые маршалом де Матиньоном и во главе со своими консулами, решились взять власть в свои руки и разоружить королеву Наваррскую, вернув город под эгиду Генриха III. Неизвестно, чем бы закончилась эта попытка, поскольку Маргарита укрылась в цитадели – укрепленном монастыре якобинцев, где

¹ Bourrachot L. Agen et Marguerite de Valois, reine de Navarre // Marguerite de France, reine de Navarre et son temps. Actes du colloque d'Agen, 12-13 octobre 1991. Agen, 1994. P. 71, 76.

² Копии этих документов были любезно предоставлены нам аженским историком-архивистом Даниэлем Кристианом (Daniel Cristiaens): «1585. Marguerite de Valois organize la defence de Tombebouc», «Marguerite de Valois prend en compte l'immunité octroyée à Bias». Archives departementales d'Agen. Mss. AD.47/DSCN1317-1322.

³ Ibid.

⁴ Письма от 28 июня 1585 г. и 20 августа 1585 г.: Recueil des lettres missives de Henri IV. T. 2. P. 79, 122-123.

⁵ См.: д'Обишь Т.-А. Приключения барона де Фенеста. С. 183-184.

чувствовала себя в полной безопасности, если бы не неожиданный взрыв порохового склада этой цитадели во время королевского обеда. По свидетельству очевидцев, его устроил гугенот – агент Генриха Наваррского¹. Королева и ее окружение, едва не погибшие и оглушенные, выбравшись из-под развалин, решили, что начался полномасштабный штурм города, который обстреливается из пушек, и через ближайшие ворота покинули Ажен. Ж.-И. Марьежоль предположил, что ее могло сопровождать, судя по дорожным счетам, не более 15-20 человек – дам и кавалеров, которым в суматохе удалось найти лошадей². Беглая королева могла направиться только в сторону провинции Овернь, в принадлежавший ей замок Карла, комендантом которого был брат Линьерака сеньор де Марзе, провинции, где сам Линерак являлся балли, а губернатором был граф де Рандан, известный лигер, симпатизирующий Маргарите. Чуть позже извещенный обо всем король, в очередной раз пораженный решением сестры продолжать сопротивление, дважды предупреждал Рандана о том, что весьма не советует ему навещать королеву Наваррскую в Карла, не в силах его заставить арестовать Маргариту³.

Что стало в таких условиях с остальным домом Маргариты, ее имуществом и знаменитыми драгоценностями? 20 сентября, за несколько дней до этих роковых событий, Матиньон, выражая волю Генриха III, рекомендовал аженцам «соблюдать все почести и уважение, причитающиеся королеве Наваррской, ее дамам и фрейлинам, ничего не предпринимая против кого-либо из ее свиты»⁴. То есть предполагалось только разоружение военного дома Маргариты и восстановления королевского авторитета в Ажене. Генрих III, и это очевидно, готовил почву для примирения с сестрой, но взрыв цитадели и бегство королевы в Карла смешали карты всем участникам этой трагикомедии. Большая часть двора Маргариты, таким образом, осталась в городе. Горожане, по словам Летуаля «избили, прогнали и поубивали военных лиц, которые служили при ней»⁵; уцелел лишь «гражданский дом» королевы Наваррской, который, во главе с гофмейстериной мадам де Ноай, под защитой консулов и с позволения маршала де Матиньона, вскоре перебрался в соседний портовый (на реке Гаронне) городок Пор-Сент-Мари, готовясь последовать за своей госпожой в Карла. «Лига изгнана из Ажена,

¹ Lauzun P. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne. P. 338.

² Mariéjol J.-H. La vie de Marguerite de Valois, reine de Navarre et de France. P. 240.

³ Письма от 23 октября и 24 декабря 1585 г.: Lettres de Henri III. P. 189-190, 255.

⁴ Lauzun P. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne. P. 333-334.

⁵ Pierre de L'Estoile. Registre-Journal du règne de Henri III. T. 5 (1585-1587). Genève, 2001. P. 44.

а королева Наваррская пребывает в опасности», – резюмировал парижские слухи Летуаль¹.

Счета Маргариты показывают, что 30 сентября 1585 г. она прибыла со своим отрядом в Карла, где пробудет чуть более года. У Матиньона не было никаких инструкций короля по поводу дам и фрейлин, равно как прочих «гражданских» служителей королевы, и он предпочел их отпустить в Овернь. Согласно тем же счетам, сеньор де Марзе был специально послан организовать переезд двора и транспортировку королевского имущества из Ажена и Пор-Сент-Мари в замок Карла. Аженцы потребовали заплатить за «аренду 26 тягловых лошадей, которые в течение 10 дней перевозили [из Ажена в Пор-Сент-Мари] кофры и мебель названной королевы Наваррской, а также [имущество] мадам де Дюра, фрейлин, прочих девиц, камеристок и иных служителей Ее Величества»². Марзе и помогавший ему медик Шуанен в итоге сумели переправить двор (и часть багажа) Маргариты в Карла, куда он прибыл 1 декабря. Экономика этого двора была между тем плачевна: если в октябре королева смогла заплатить 1790 экю из 1856 потраченных, то в ноябре только 770 из 2015, а в декабре 494 из 2004! Очевидно, что ее финансовые возможности были на исходе. Налоговые сборы из богатой области Ажене более поступать не могли: король Франции объявил о том, что графство присоединяется к королевскому домену, а Маргарита лишается в отношении него всяких владельческих прав. Несмотря на это, в ее счетах сохранилась курьезная запись, что некому «Пьеру Вере было уплачено 3 экю 20 сантимов за перевозку из Ажена в Карла нескольких бутылок душистой воды [духов]»³.

Однако далеко не все имущество Маргариты вернулось к ней в Овернь. Так, спустя два года, 31 июля 1587 года король писал Матиньону, что «Шуанен, сюринтендант и контролер дома королевы Наваррской», дал ему знать⁴, что по соглашению с маршалом, консулами Ажена были «опечатаны и поставлены под охрану несколько сундуков и гардероб» королевы. Генрих III приказывал, чтобы все ее имущество вернули владелице, о чем он специально известил консулов, и просил Матиньона проследить за доставкой вещей

¹ Ibid. P. 43.

² Сюда же прибавились счета за аренду «двух судов», перевозящих имущество мадам де Ноай и придворных дам: *Lauzun P. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne*. P. 343.

³ *Lauzun P. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne*. P. 343.

⁴ По распоряжению Маргариты осенью 1585 г. Шуанен временно совмещал несколько должностей, оставаясь штатным медиком, однако позже предал свою госпожу, раскрыв королю часть ее секретов, в частности содержание переписки с Гизами.

по назначению¹. Видимо, это имущество было арестовано за неоплаченные долги, образовавшиеся во время ее пребывания в Ажене и переезда двора в Карла. Наконец, самой главной утратой для Маргариты стала потеря роскошного жемчужного гарнитура и драгоценностей, ради которых она была готова вернуться и «сжечь Ажен дотла»². Их поисками по поручению королевы занялась м-ль де Ноай, ее фрейлина, отвечающая за хранение королевских драгоценностей, но ничего не добились от городских консулов, проводивших расследование. Однако Ф. Лозен в свое время обнаружил любопытный документ в архиве Ажена – дар короля Наваррского своим гугенотским капитанам, датированный именно осенью 1585 г., в котором он жалуется им 700 экю за то, что те отобрали у своих солдат два кольца с драгоценными камнями, принадлежавшими королеве Наваррской³. Можно только догадываться, как они попали в руки солдат (при разграблении аженского дома королевы или были извлечены из-под руин цитадели), равно как у нас нет никаких сведений о том, что Генрих де Бурбон вернул их жене обратно. Украсили ли они затем прекрасную Коризанду?

7 декабря 1585 г. Генрих Наваррский написал, наверное, самое известное из своих писем любовнице, большую часть которого посвятил обсуждению своей жены (!): «Ко мне прибыл курьер от Госпожи с верблюдами (*Dame aux chameaux*) просить у меня подорожную (*passport*), чтобы провезти 500 бочонков вина, не платя пошлину, для ее собственного потребления. Это равносильно объявить себя публично пьяницей. В опасении, чтобы она не упала с такой высоты, со спин своих зверей, я отказал. Это означает быть горгульей сверх крайности»⁴. Большинство историков узнали в «госпоже с верблюдами» Маргариту и, вслед за ее мужем, сделали (и делают до сих пор) скоротечные выводы, что королева и ее окружение действительно вели соответствующий образ жизни в замке Карла, который Т.-А. д'Обинье называл «разбойничьим логовом»⁵. Правда, Э. Вьенно вообще отвергла такую версию, написав, что безденежной и больной Маргарите осенью-зимой 1585/1586 г. было не до вина в таком количестве и что в письме речь не могла идти о королеве Наваррской⁶. Однако все же Генрих писал именно о своей супруге. В 2009 г.

¹ Речь идет о том, что начиная с лета 1587 г. король пытался вновь привлечь Маргариту на свою сторону, поскольку она превратилась в независимую хозяйку Юссонского замка. Видимо, возврат арестованного в 1585 г. ее имущества был жестом примирения: *Lettres de Henri III*. P. 561.

² *Lauzun P. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne*. P. 345.

³ *Ibid.* P. 346.

⁴ *Recueil des lettres missives de Henri IV*. T. 2. P. 153-154.

⁵ *Mariéjol J.-H. La vie de Marguerite de Valois, reine de Navarre et de France*. P. 242.

⁶ *Вьенно Э. Маргарита де Валуа*. С. 355.

это доказал аженский историк Д. Кристиан, который нашел документы, подтверждающие, что вино в действительности предназначалось для большого события – свадьбы племянника Линьерака и Марзе – Алена-Фредерика д'Отфора и Жанны де Сен-Шаман, отпразднованной в декабре 1585 г. Видимо, Маргарита была приглашена на этот праздник как самая почетная гостья, и по просьбе Линьерака, от которого зависела, попыталась купить вина для гостей без дополнительных налоговых сборов, обратившись к мужу (Овернь никогда не являлась областью виноделия, а Маргарите нравились именно гасконские напитки)¹.

Что касается «госпожи с верблюдами», то комментаторы пытались по-разному объяснять это выражение, выдвигая не очень убедительные версии, например, о том, что король Наваррский так обзывал свою жену, вспоминая парк экзотических животных, которых когда-то держал при Неракском замке его отец Антуан де Бурбон, в том числе и верблюдов². Д. Кристиан выдвинул предположение, что Генрих, воспитанный, как гугенот, на Ветхом завете, на деле сравнивал ее с библейской царицей Савской, которая решила лично убедиться в мудрости царя Соломона (то есть короля Наварры): «И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями»; «Царь же Соломон дал царице Савской все, чего она желала и чего она просила, кроме таких вещей, какие она привезла царю. И она отправилась обратно в землю свою, она и слуги ее» (3 Цар. 10:2 – 10). Как видно, вся мудрость Генриха Наваррского ограничилась насмешками над женой, которой он отказал во всем.

9 октября Генрих III написал Матиньону, что «собирается позже выразить ему свое намерение в отношении королевы Наваррской»³. Действительно, несколько дней спустя, судя по его переписке, он решил, что Екатерина Медичи должна начать срочные сборы в дорогу на переговоры со своей мятежной дочерью в Оверни, и возможно, провести там всю зиму⁴, но узнав, что Маргарита не собирается мириться со своей семьей, передумал. Дело в том, что по согласованию с ним королева-мать пред-

¹ Статья Д. Кристиана, опубликованная в региональном «Аженском журнале» в 2009 г., прошла практически не замеченной в сообществе историков: *Cristiaens D. Une lettre inedit de Marguerite de Valois // Revue de l'Agonais. №3. 2009. P. 303-340.*

² *Henri IV. «J'ai tellement envie de vous». Lettres d'amour. 1585-1610 / Éd. F. Kermina. P., 2010. P. 59.*

³ *Lettres de Henri III. P. 172.*

⁴ Король просил губернатора Оверни графа де Рандана подготовить зимние квартиры для Екатерины и ее окружения в Клермоне и Кюссе, «чтобы навещать королеву Наваррскую»; письмо от 23 октября 1585 г.: *Lettres de Henri III. P. 189-190*; письмо самой Екатерины с этой же датой: *Catherine de Médicis. Lettres. Vol. 8. P. 361.*

ложила ей переехать в овернский замок Ибуа – личное владение Екатерины, но опытная в отношениях с родственниками наваррская королева, почувствовав подвох, отказалась в следующих выражениях: «Я живу в очень хорошем месте, каковое принадлежит мне. Со мной много придворных, я нахожусь в большом почете и полной безопасности»¹. Тогда семья Валуа заняла выжидательную позицию, не в силах схватить или заманить куда-либо свою беглую родственницу. Вплоть до октября 1586 г. Генрих III ни слова не проронит в своей переписке о сестре. В декабре 1585 г. Екатерина единственно напишет Беллиевру, что «ее ничто так не огорчает, как неповиновение королевы Наваррской»².

Кто же обосновался в Карласком замке, куда двор королевы Наваррской окончательно прибыл в декабре 1585 г.? Много ли там было придворных, как утверждала Маргарита в письме к матери? Об этом мы знаем мало. Бесспорно, главную роль играли военные влиятельные капитаны, поддерживающие Лигу, – сеньор де Линьерак и его братья – сеньоры де Марзе и Робер дю Камбон. Известно, что дамы и иные родственники из этой же семьи также пребывали в окружении королевы. В это же время у Маргариты появляется новый возлюбленный – ее штатный шталмейстер сеньор д'Обиак, который очень быстро вступил в борьбу с Линьераком за внимание королевы и за главенство в ее военном доме. Сестра д'Обиака Мадлена находилась при ней в качестве фрейлины. Приблизительно в конце декабря-начале января 1586 г. в Оверни объявился также виконт де Дюра, без испанских денег и каких-либо внятных объяснений, какие гарантии он получил от Филиппа II³. Заподозренный в двойной игре, имевшей место на самом деле, он был изгнан от двора вместе со своей женой, гофмейстериной двора в Карла виконтессой де Дюра. Позже, в письме к Филиппу II осенью 1587 г., Маргарита опишет все следующими словами: «Опрометчивость господина де Дюра и хитрость моих врагов соблазнили его покинуть меня, удержав при себе все средства, которые Вам угодно было ему доверить... Скупость и отчаяние от первой ошибки вселили в его сердце измену и желание захватить [замок] Карла, где я находилась, и меня саму, о чем я также была извещена своими людьми. Видя, что его замысел раскрыт, он бежал, захватив с собой шифры и ключи к документам, выданные ему во время его поездки, чтобы писать Вам. Это ввергло меня в крайнее огорчение, не столько из-за опасения,

¹ *Marguerite de Valois. Correspondance. Lettre 236. P. 321-322.*

² *Catherine de Médicis. Lettres. Vol. 8. P. 376.*

³ Во всяком случае, в начале декабря он был еще в Испании, о чем был в курсе Генрих III: *Lettres de Henri III. P. 236-237.*

что Дюра передаст их за вознаграждение (что и произошло) королю моему брату, зная о желании последнего преследовать меня, сколько из-за слухов о моей пострадавшей репутации, представляющих меня неблагодарной и преданной Вашей службе только на словах. К тому моменту я уже испытала самую большую досаду, поскольку из-за промедления Дюра я потеряла Ажен...»¹. Оба супруга не переживут 1586 год: виконт погибнет в одном из сражений, а виконтесса умрет во время эпидемии чумы. Маргарита не простит им предательства: никогда более их имена не будут фигурировать ни в ее переписке, ни в ее мемуарах.

Предателем оказался и медик Франсуа Шуанен, который был с позором выдворен после того, как потребовал от своей госпожи немислимую сумму в 6000 экю за оказанные ранее услуги в качестве курьера к герцогу де Гизу и лигерам, равно как за помощь в организации переезда двора в Карла и временное выполнение функций сюринтенданта королевского дома. Получив отказ, он устроил скандал, написав пасквиль на королеву, после чего был побит палками «некоторыми из моих дворян», как напишет потом сама Маргарита, возбудившая в начале 1600-х гг. против него судебный процесс. Медик не остался в долгу и по прибытии в Париж передал Генриху III часть хранившихся у него документов (или, скорее всего, копий, которые он вовремя сделал), уличающих королеву Наваррскую в связях с лигерами и Гизом². Вместе с бумагами, поступившими от виконта де Дюра, рисовалась картина, сокрушительная для репутации члена правящей семьи. Именно в 1586 г. Екатерина Медичи начала искать замену Маргарите в качестве жены гугенотскому лидеру.

Между тем какие-то финансовые средства Маргарите удалось получить в начале 1586 г. Трудно сказать, из каких источников. Э. Вьенно, вслед за другими авторами, повторяет, что королева занимала деньги у того же Линьерака и иных оверньских дворян³. Однако счета ее дома показывают, что она по-прежнему жила на широкую ногу и в первом полугодии была вполне кредитоспособна. Учитывая, что речь идет о тысячах экю (огромные, немислимые суммы даже для богатых провинциальных дворян, тем более в военное время), весьма сомнительно, чтобы их кошелек были единственным и главным источником этих средств.

¹ *Marguerite de Valois*. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 295-296; Брантом, биограф и друг Маргариты, также был убежден в пагубной роли, которую сыграла скандальная чета Дюра в ее судьбе: «Она была окружена очень плохими слугами, особенно мадам де Дюра, которая, как говорят, обладала на нее сильным влиянием...» – *Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de*. Marguerite, reine de France et de Navarre. P. 169-170.

² *Marguerite de Valois*. Correspondance. Lettre 344. P. 464-469.

³ Вьенно Э. Маргарита де Валуа. С. 180.

Бесспорно, часть денег продолжало поступать от ее иных владений, не конфискованных короной, некоторых синекур, что косвенно подтверждает Летуаль¹, а также от лидеров Лиги. Во всяком случае, расходная часть бюджета ее двора за январь-март 1586 г. составила 6948 экю, примерно по 2316 экю ежемесячно, из которых было уплачено 6708 экю, то есть почти вся сумма (!); в следующем квартале, за апрель-июнь – 6502 и 5934 экю соответственно². Если сравнивать эти цифры с расходами ее двора за предыдущее время, то видно, что они вполне сопоставимы, и более того, это означает, что двор был по-прежнему многочислен.

Хотя мы не можем сказать точно, насколько именно, но речь идет о персонале минимум в 120-150 человек (штатные росписи персонала двора за 1585 г. и за 1586 г. идентичны, но очевидно, что далеко не все из служащих добрались из Ажена в Овернь). Замка Карла сейчас уже не существует, и можно только догадываться, какой он был вместимости и кто мог проживать в его пределах, а кто – в его окрестностях. Престарелая мадам де Ноай, гофмейстерина Маргариты в Ажене, не последовала за своей госпожой и вернулась в Бордо, однако, как стало известно по сохранившейся переписке семьи Ноай, она поддерживала регулярную связь с Маргаритой через своего сына Анри де Ноая, рассчитывая при более благоприятных обстоятельствах вернуться к исполнению своих обязанностей при королеве. Письма сеньора де Ноая стали ценным источником о событиях, связанных с судьбой двора наваррской королевы в 1585-1587 гг.³

Именно он в октябре 1586 г. написал матери, что Маргарита и ее окружение покинули Карла, объясняя это тем, что Линьерак и д'Обиак рассорились окончательно: «Отправившись в путь на крупе коня позади него [д'Обиака] и сопровождаемая также Камбоном и Линьераком, а также некоторыми служащими ее дома, ее фрейлинами, включая м-ль д'Обиак, она удалилась в замок под названием Ибуа близ Ланшера, который принадлежит королеве-матери»⁴. Какое-то время Линьерак и его брат сопровождали кортеж королевы, отдавая надлежащие почести, а затем покинули его, прекрасно зная, что финал уже близок: буквально по пятам Маргариту преследовал отряд маркиза де Канийака, действующий по приказу короля, который разминулся с ней на несколько часов. Она успела-таки укрыться в Ибуа, где провела в осаде три или четыре дня, но 21 октября сдалась.

¹ *Pierre de L'Estoile*. *Registre-Journal du règne de Henri III*. T. 5. P. 190.

² *Lauzun P.* *Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne*. P. 487.

³ Опубликованы: *Lettres de la famille de Noailles // Cabinet historique*. Vol 20 (I). 1874.

⁴ Цит по: *Lauzun P.* *Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne*. P. 489.

Линьерак, таким образом, также оказался в череде людей, предавших Маргариту. Ссора с сеньором д'Обиаком явилась только удобным поводом, чтобы выгнать ее из Карла и передать в руки короля. Бесспорно, Линьерака соблазнило предложение Генриха III выплатить за поимку королевы Наваррской 10 000 экю, но смущала возможная реакция на это герцога де Гиза и Лиги в лице губернатора Оверни Рандана¹. Бюджет двора в Карла в июле-сентябре хотя и составил 6305 экю, но счета были оплачены только на сумму только 1233 экю, а из расходов октября 1586 г. – 1796 экю – услуг было оплачено только на 441 экю². Очевидно, деньги перестали поступать в замок, и Маргарита превратилась в банкрота. Содержать ее саму и ее двор за свой счет бальи Оверни и его семья не захотели или, скорее всего, не смогли. Видя начавшееся наступление в сторону Оверни королевской армии герцога де Жуайеза, Линьерак в итоге спровоцировал отъезд королевы, понимая, что отправляет ее в ловушку, но успел потребовать у нее несколько драгоценных камней в качестве компенсации за все оказанные им услуги, приняв, таким образом, половинчатое решение³.

«Господа, вы уже знаете об успешном захвате королевы Наваррской», – ликовал Генрих III в конце октября 1586 г., направляя послание своему Совету финансов. «Требуется, – продолжал он, – оплатить расходы на ее охрану. Королева, моя добрая мать, полагает, что нужно нанять от 50 до 100 швейцарцев». Последних должен был прислать маршал де Матиньон⁴. Сеньор де Ноай тем временем сообщал своей матери, что Маргариту перевезли в замок Сент-Аман под охраной «сотни аркебузирров»⁵. Последовали первые инструкции короля относительно судьбы сестры: так, в письме к Виллеруа он пишет, чтобы государственный секретарь немедленно приказал от его имени маркизу де Канийаку, чтобы тот сопроводил ее в замок Юссон, а также чтобы был наложен арест на все ее земли и пенсии, из которых будут оплачены услуги маркиза и его солдат. «Что касается ее мужчин и женщин», король потребовал, чтобы их «прогнали немедленно, оставив лишь одну фрейлину и одну камеристку», «в ожидании, когда королева-мать подберет ей персонал сама»⁶. Таким образом, Генрих III объявлял двор Маргариты

¹ Об этом написала сама Маргарита год спустя Филиппу II: *Marguerite de Valois*. Мемуары. Избранные письма. Документы. С. 296-298.

² *Laizun P. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne*. P. 487, 493.

³ *Вьенно Э. Маргарита де Валуа*. С. 182.

⁴ *Lettres de Henri III*. P. 422.

⁵ *Lettres de la famille de Noailles*. P. 71.

⁶ *Lettres de Henri III*. P. 423.

упраздненным и напрямую причастным к мятежу и бегству их госпожи, а в отношении сестры потребовал, чтобы в официальных документах она более не называлась «нашей дорогой и горячо любимой сестрой». Так как формально ее штат находился на содержании короны, король и поручал матери самой заняться формированием персонала арестованной королевы. Не зная ничего об этих решениях, Маргарита написала покаянное письмо Екатерине, в котором между прочим просила «сжалиться над моими бедными служащими, каковые из-за нужды, в которой мне пришлось пребывать много лет, не получали оплаты. Я считаю, что мне следует взять это на свою совесть»¹. В ответном письме Екатерина ни словом не обмолвилась на эту тему: у короны не было ни денег, ни желания оплачивать долги ее беглого двора; служащих королевы не стали преследовать в судебном порядке и просто распустили – это и было самое страшное для них наказание, поскольку многие, особенно из числа неблагородного состава, оставались без крова, столования и средств к существованию. Наказанию подвергся только сеньор д'Обиак: после недолгого суда его казнили во дворе замка Эгперс². Его сестра удалась в монастырь. Учитывая, что оба они приходились родственниками влиятельной семье Ноай, новости распространились мгновенно и стали общеизвестны во Франции.

Однако был ли двор распущен в действительности? Спустя несколько дней король в очередном письме к тому же Виллеруа был более сдержан: «Я уже написал маркизу [де Канийаку] по поводу ее женщин, с тем, чтобы он ей оставил двух камеристок и одну из ее фрейлин, ибо я полагаю, что пусть лучше они разделят ее заключение, чем те, кто этого не заслуживает». И далее: «Прикажите маркизу де Канийаку, чтобы он не трогался с места до того, пока я не пришлю либо швейцарцев, либо иных солдат [для постоянной охраны]»³. В середине ноября 1586 г. он пишет уже самому Канийаку, приказывая ему «хорошо охранять» Маргариту и запрещая солдатам разговаривать с ней. В который раз он просит удалить всех ее служащих, возможно, сомневаясь, что Канийак выполняет поручение Виллеруа буквально, и оставить ей женщин из ее свиты только «для услужения», а также двоих или троих мужчин (*officiers*)⁴. То есть король начал уступать и уже не ограничивал число женщин, как писал

¹ *Marguerite de Valois. Correspondance. Lettre 239. P. 324-325.*

² Екатерина Медичи вообще предлагала королю повесить д'Обиака «в присутствии этой несчастной, прямо во дворе Юссонского замка». – *Catherine de Médicis. Lettres. Vol. 9. P., 1905. P. 109, 177.*

³ *Lettres de Henri III. P. 425.*

⁴ *Ibid. P. 432-433.*

ранее, позволяя добавить к ним небольшой мужской персонал (возможно, повара, врача и камердинера). Наконец, в начале декабря король с удовлетворением уведомил Виллерау, что «швейцарцы прибыли и уже охраняют нашу несчастную»¹.

У Генриха III недаром возникли сомнения в отношении Канийака, чья жена Жильберта де Шабанн являлась постоянной дамой штата Маргариты и оказалась с ней в Юссоне, а сам он приходился зятем гувернантки королевы! Уже в конце января 1587 г. Канийак, не без влияния своей пленницы, сделал выбор в пользу Лиги. 30 января, приняв участие в совещании лигеров Лионе, он написал письмо герцогу де Гизу с просьбой о помощи и покровительстве². А следом, 1 февраля, отправил послание Генриху III, настоятельно прося «освободить королеву Наваррскую»³, и, не дожидаясь реакции короля, в середине февраля вывел швейцарцев и солдат во внутренний двор Юссона, заставив их присягнуть на верность Маргарите и Лиге.

Екатерина Медичи не успела набрать штат служащих для пленной дочери – та снова обрела свободу, вместе с возможностью вернуть к себе всех тех, кто остался в замках Карла и Ибуа или вынужден был искать себе иное пристанище⁴. Уже в конце 1587 г. года Маргарита де Валуа написала письмо своему зятю Филиппу II Испанскому в выражениях полновластной хозяйки положения, вновь прося денег на вооруженную борьбу с гугенотами. Ее двор, восстановленный в течение быстрого времени, уже не был беглым – он обрел постоянное пристанище почти на двадцать лет и со временем добился своей легитимности, признанной Генрихом III уже в 1588 г. и подтвержденной Генрихом IV в 1593 г., а позже триумфально вернулся в Париж в 1605 г., спустя 22 года после вынужденного отъезда. Однако эти сюжеты требуют иных исследований.

В целом, феномен маргинального, затем мятежного и одновременно беглого двора во Франции, обретя характер еще и феномена политического, в условиях решающей фазы гражданской войны, бесспорно, явился разрушающим фактором для семьи Валуа, «разорвав» единое

¹ Ibid. P. 458.

² BNF. Ms.fr. Clairambault 357. F. 509v и далее. Documents originaux et copies, mémoires et extraits tirés de la Bibliothèque du Roi, fonds de Béthune, Brienne, etc., pour servir aux études d'histoire du Dauphin sous la direction de Bossuet, et concernant les règnes de François Ier à Henri III, avec une suite de Henri IV à Louis XIV (1610-1710). XLVII. Règne de Henri III. 1583-1587 (<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b9001053r.r=canillac+marguerite.langFR>).

³ Ibid. P. 592v.

⁴ О восстановлении двора Маргариты см.: *Шишкин В.В.* Французский двор в конце гугенотских войн: потеря единства и проблема воссоздания // *Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал.* М., 2004. С. 41-52.

королевское тело и вызвав замешательство в королевской фамилии, которая, однако, сама и спровоцировала конфликт. Именно последнее обстоятельство и боязнь передачи короны враждебному и чужеродному лотарингскому клану заставило в итоге Генриха III и позже Генриха IV признать политическую важность фигуры Маргариты, а вместе с ней и ее двора как необходимого союзника для обретения единства страны и сохранения легитимности королевской власти для потомков Капетингов. Именно двор Маргариты смог стать связующей цепью для исчезнувшего двора Валуа и вновь собранного двора Бурбонов.

Список литературы

Элиас Н. Придворное общество. М., 2002. [*Jelias N.* Pridvornoe obshhestvo. М., 2002.]

Boucher J. Société et mentalités autour de Henri III. P., 2007.

Solnon J.-F. La cour de France. P., 1987.

Chatenet M. La cour de France au XVIe siècle. P., 2002.

Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI-XVII веках. СПб., 2004 [*Shishkin V.V.* Korolevskij dvor i politicheskaja bor'ba vo Francii v XVI-XVII vekah. SPb., 2004].

Romier L. La conjuration d'Amboise. P., 1923.

Ruble A. de. Antoine de Bourbon et Jeanne d'Albret. P., 1881-1886. 4 vols.

Лучицкий И.В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. СПб., 2011 [*Luchickij I.V.* Feodal'naja aristokratija i kal'vinisty vo Francii. SPb., 2011].

Brunet S. De l'Espagnol dedans le ventre. Les catholiques du Sud-ouest de la France face à la Réforme. P., 2008.

Daussy H. La partie huguenot. Chronique d'une désillusion (1557-1572). Genève, 2013.

Tachouzin P. Henri de Navarre à Nérac. Les marches du trône. Toulouse, 1989

Penzi M. Les pamphlets ligueurs et la polémique anti-ligueuse: faux-textes et «vrai faux», propagande et manipulation du récit (1576-1584) // La mémoire des Guerres de religion. La concurrence des genres historiques (XVIe-XVIIe siècles). Genève, 2007.

Le Person X. «Pratiques» et «pratiqueurs»: la vie politique à la fin du règne d'Henri III (1584-1589). Genève, 2002.

Le Roux N. Les guerres de religion. 1559-1629. P., 2009.

Foa J., Vidoni N. Catherine de Médicis. Un destin la plus grand que la prudence. P., 2012.

Лозинский А.А. Генеральный совет Лиги // СВ. Вып. 33-34. М., 1971. [*Lozinskij A.A.* General'nyj sovet Ligi // Srednie veka. Вып. 33-34. М., 1971].

Constant J.-M. La Ligue. P., 1985.

Jouanna A., Boucher J., et als. Histoire et dictionnaire des Guerres de religion. P., 1998.

Ratel S. La Cour de la reine Marguerite // Revue du Seizième Siècle. № 11. 1924.

Вьенно Э. Маргарита де Валуа. История женщины, история мифа. СПб., 2012. [*V'енно Je.* Margarita de Valua. Istorija zhenshhiny, istorija mifa. SPb., 2012].

Lauzun P. Itinéraire raisonné de Marguerite de Valois en Gascogne. P., 1902.

Mariéjol J.-H. La vie de Marguerite de Valois, reine de Navarre et de France. 1553-1615. P., 1928.

Mariéjol J.-H. La Réforme et la Ligue. – L'Édit de Nantes (1559-1598) // Lavis E. Histoire de France. Т. 6 (1). P., 1904.

Moisan M. L'exil auvergnat de Marguerite de Valois. Carlat, Usson. 1585-1605. Nonette, 1999.

Воронова Т.П., Луизова Т.В. Сборники документов коллекции П.П. Дубровского. Каталог. Ленинград, 1979. [*Voronova T.P., Luizova T.V.* Sborniki dokumentov kollekcii P.P. Dubrovskogo. Katalog. Leningrad, 1979].

Lettres de Henri III, roi de France (Recueillies par P. Champion). P., 1959-2012. 7 vols.

Catherine de Médicis. Lettres. 11 vols. P., 1880–1909, 1943.

Recueil des lettres missives de Henri IV. 9 vols. P., 1843–1876.

Marguerite de Valois. Correspondance. 1569-1614. P., 1998.

Boucher J. Deux épouses et reines à la fin du XVIe siècle: Louise de Lorraine et Marguerite de Valois. Saint-Etienne, 1995.

Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de. Marguerite, reine de France et de Navarre // Brantôme, Pierre de Bourdeille, abbé de. Œuvres complètes. Т. 2. P., 1848.

Lettres de Henri III. P., 2006. Т. 6 ; 2012. N 7.

Pierre de L'Estoile Registre-Journal du regne de Henri III. Т. 4 (1582-1584). Genève, 2000.

Бабелон Ж.-П. Генрих IV. Ростов-на-Дону, 1999. [*Babelon Zh.-P.* Genrih IV. Rostov-na-Donu, 1999].

Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы / Подг. В.В. Шишкиным, Л. Ангаром, Э. Вьенно. СПб., 2010. [*Margarita*

de Valua. Memuary. Izbrannye pis'ma. Dokumenty / Podg. V.V. Shishkinym, L. Angarom, Je. V'anno. SPb., 2010.]

Chichkine V. Documents inédits sur Marguerite de Valois à Saint-Pétersbourg // Seizième siècle. №8. 2012.

Ангар Л., Шишкин В.В. Наваррский двор глазами Маргариты де Валуа: реальность и представление // СВ. Вып. 72 (1-2). М., 2011. [*Angar L., Shishkin V.V.* Navarrskij dvor glazami Margarity de Valua: real'nost' i predstavlenie // Srednie veka. Вып. 72 (1-2). М., 2011].

Jaurgain J. de. Corisande d' Andoins, Comtesse de Guiche et Dame de Gramont // Revista Internacional de los Estudios Vascos, 1907.

Caillières J. de. Histoire du maréchal de Matignon. P., 1661.

Guyot J.-N. Traité des droits, fonctions, franchises, exemptions, prérogatives et privilèges. P., 1786. Т. 1.

Chaunu P. L'État // Histoire économique et sociale de la France. 1450-1660. P., 1977. Т. 1 (1).

Шишкин В.В. «Истинная католичка» замужем за гугенотским лидером: пример Маргариты де Валуа // Исторический журнал – научные исследования. М., 2011. № 6. [*Shishkin V.V.* «Istinnaja katolichka» zamuzhem za gugenotskim liderom: primer Margarity de Valua // Istoricheskij zhurnal – nauchnye issledovanija. М., 2011. № 6].

Д'Обинье Т.-А. Приключения барона де Фенеста. Жизнь, рассказанная его детям. М., 2001. [*D'Obin'e T.-A.* Prikljuchenija barona de Fenesta. Zhizn', rasskazannaja ego detjam. М., 2001].

Montaigne. Oeuvres complètes. P., 1962.

Mémoires de Henry de La Tour d'Auvergne, vicomte de Turenne. P., 1823.

Croze J. de. Les Guises, les Valois et Philippe II. Т. 1. P., 1866.

Mezeray Fr. Abrege chronologique de l'histoire de France. Т. 3. Amsterdam, 1740.

Habasque F. La domination de Marguerite de Valois à Agen, d'après les pièces d'archives // Bulletin historique et philologique. P., 1890.

La Chesnaye-Desbois. Dictionnaire de la noblesse. Т. 10. P., 1775.

Bourrachot L. Agen et Marguerite de Valois, reine de Navarre // Marguerite de France, reine de Navarre et son temps. Actes du colloque d'Agen, 12-13 octobre 1991. Agen, 1994.

Pierre de L'Estoile. Registre-Journal du règne de Henri III. Т. 5 (1585-1587). Genève, 2001.

Cristiaens D. Une lettre inedite de Marguerite de Valois // Revue de l'Agenais. №3. 2009.

Henri IV. «J'ai tellement envie de vous». Lettres d'amour. 1585-1610. P., 2010.

Tamizey de Larroque Ph., éd. Lettres de la famille de Noailles // Cabinet historique. Vol 20 (I). 1874.

Catherine de Médicis. Lettres. Vol. IX. P., 1905. P. 109, 177.

Шишкин В.В. Французский двор в конце Гугенотских войн: потеря единства и проблема воссоздания // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория, символика, церемониал. М., 2004. [Shishkin V.V. Francuzskij dvor v konce Gugenotskih vojn: poterja edinstva i problema vossozdaniya // Korolevskij dvor v politicheskoj kul'ture srednevekovoj Evropy. Teorija, simbolika, ceremonial. M., 2004].

Ф. Козандей

ЦЕРЕМОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВО ФРАНЦИИ XVI–XVII ВВ.

Анализируя конфликты между французскими придворными за должное положение при дворе, автор статьи показывает, как монархи от Генриха III до Людовика XIV использовали придворный церемониал для того, чтобы показать величие короля, трансформирующего любое придворное действие в политический акт.

Ключевые слова: история раннего Нового времени, Франция, придворная культура

Введение

Положение одних суверенных государств по отношению к другим, а также внутренняя политическая иерархия в стране до сих пор проявляется через протокол, то есть общепринятый свод правил. Это особенно заметно в дипломатии, однако ему уделяется пристальное внимание и в деятельности административного аппарата, и чтобы в этом убедиться, стоит лишь посмотреть, как располагаются члены правительства на традиционной фотографии на ступенях Елисейского дворца, или, к примеру, взглянуть, как идет судебный процесс. Протокол, это наследие Старого порядка, можно назвать современной формой придворного церемониала, в которой этикет соединяется с градацией рангов¹, создавая образ четко упорядоченного общества². Это также форма властных отношений внутри общества, которые не уничтожили полностью существовавшую напряженность, несмотря на «процесс цивилизации», исследованный Норбергом Элиасом³.

Фанни Козандей, доцент Центра исторических исследований в Высшей школе социальных наук (Париж).

¹ Термин «préséance» не имеет однозначного соответствия в русском языке и означает, в зависимости от контекста, «старшинство», «первенство», «градация рангов». – *Прим. ред.*

² Le protocole ou la mise en forme de l'ordre politique. P., 1996.

³ Понятие «процесс цивилизации» разработано в двух сочинениях Элиаса «La civilisation des mœurs» и «La dynamique de l'occident» (рус. пер.: Элиас Н. О процессе цивилизации. 2 т. М., СПб., 2001); см. предисловие Роже Шартье к книге Элиаса. – *Chartier R. Formation sociale et économie psychique: la société de cour dans le procès de civilisation // Elias N. La société de Cour. P., 1985.*

В рамках существовавшего политического устройства и личных представлений, в таком глубоко иерархичном обществе, каким было французское общество XVI-XVII вв., вопросы, связанные с занимаемым человеком местом, имели еще большее значение. Ранее люди из королевского окружения были включены в традиционные структуры Дома короля, но все изменилось из-за роста могущества должностных лиц, и теперь придворные занимали свои места в политическом пространстве в зависимости от имевшихся у них должностей и званий¹. Из-за сложной системы делегирования суверенитета и передачи наследственных прав, мужчины и женщины Старого порядка находили в монархической системе возможность выражения своей социальной идентичности, так как они тоже вносили свой вклад в величие королевской власти, поскольку само их присутствие прославляло могущество их повелителя. История этикета и борьбы за первенство неотделимы, таким образом, от истории монархии и ведут в дальнейшем к политической модернизации. Именно этот процесс мне и предстоит обрисовать в общих чертах, проанализировав конфликты внутри различных иерархий, из которых королевская власть выстраивала свою систему церемониала, укрепляющую ее господство. Настоящая статья состоит из трех частей, описывающих эволюцию церемониальных практик в период между началом реформы двора и концом XVII в. Свидетельства о конфликтах, которые содержатся в источниках, позволяют лучше понять политику последних Валуа, которая привела к безусловному триумфу церемониала в период правления Людовика XIV.

1. Нарушение порядка и конфликты из-за места при дворе

Если посмотреть опубликованные описания больших королевских церемоний, получавших широкую огласку, например коронаций, королевских похорон, торжественных въездов или церковных служб, то Французское королевство покажется весьма упорядоченным и, следо-

¹ Представленное здесь исследование созвучно с книгой Андрея Береловича о русском дворянстве (*Berelowitch A. La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime, XVI-XVIIe siècle. P., 2001*), где глубоко и очень тонко разработан вопрос иерархической организации в монархическом обществе. Существование многочисленных иерархических систем, показанное на русском примере, имеет отношение и к французской истории и позволяет обнаружить общие механизмы их функционирования. Тем не менее следует обратить внимание и на глубокие отличия русской модели, основанной на Табели о рангах, и французской, где вся иерархическая система постоянно менялась из-за самой природы и формы церемониала, за исключением военной организации, сформированной в период правления Людовика XIV. См.: *Cosandey F. L'insoutenable légèreté du rang // Dire et Vivre l'ordre social en France sous l'Ancien Régime. P., 2004. P. 169-189; Drevillon H. L'impôt du sang. Le métier des armes sous Louis XIV. P., 2006.*

вательно, прекрасно контролируемым. Здесь царят порядок и красота. Монархия предстает в блеске хорошо отлаженного общества; предполагается, что этому блеску не вредят споры о первенстве. За деревом, однако, явным образом виден лес: по многочисленным свидетельствам, здание было далеко не столь прочным. В действительности создается совсем иное впечатление, если опубликованные тексты о больших королевских церемониях дополнить рукописями, протоколами, мемуарами или трактатами, которые все как один свидетельствуют о непрерывных ссорах и постоянных беспорядках. Торжественные церемонии не стали в этом смысле исключением, и те люди, от которых ждали наиболее достойного поведения, были не прочь заставить уважать свои права. Так, к примеру, на похоронах Людовика XIII в разгар религиозной церемонии в Сен-Дени монахи аббатства яростно вырывают пожертвование из рук клириков часовни, при этом чуть не подпалив бороду кардинала Лионского. Потребовалось вмешательство офицера гвардии, чтобы восстановить относительный порядок¹.

Если даже такие события сопровождалась столь ожесточенными конфликтами, то что же говорить о менее значительных церемониях, в коих ежедневно отражалось влияние каждого человека, согласно месту, которое тот занимал? В рукописях сохранилось множество описаний ссор подобного рода. Об этом, в частности, рассказывает и Николя Нёфвиль де Вильруа. Он упоминает ожесточенность, с которой мужчины защищали свое место, а затем подчеркивает повсеместность конфликтов в церквях и рассказывает о женских склоках: «Среди дам часто возникают споры о том, кто из них шествует первой, и дело нередко доходит до оскорблений и рукоприкладства. Из этого следует, что один из самых распространенных споров во Франции – это спор о том месте, которое должны занимать самые разные люди, когда одни ссылаются на свое происхождение, другие – на заслуги и должности, третьи – на то особое расположение, которое питает к ним государь, причем последний порой одаривает своих фаворитов милостями очень неразумно и даже неблагопристойно»².

Многообразие критериев установления первенства, которые перечисляются в этом тексте, и есть основной источник конфликтов, так как каждый критерий уже сам по себе оправдывает любые притязания. К традиционному противостоянию между людьми церкви и светскими сеньорами прибавляется иерархия внутри каждой из этих групп. Так, легко установить,

¹ Procès verbal de tout ce qui s'est fait et passé en la cérémonie et pompe funebre du Roy Louis XIIIe du nom dernier décédé le 14e jour du mois de may 1643. – BNF Ms. fr. 18536. F. 276 & v^o.

² Discours des rangs et preances de France. – BNF Ms. fr. 18139. F. 17 & v^o.

что герцог идет перед графом, который предшествует маркизу. Ситуация усложняется, когда герцог, но не пэр, присутствует там же, где и граф, но при этом пэр Франции. Или когда человек, недавно возведенный в звание герцога и пэра, сталкивается с герцогом, не пэром, но обладающим куда более древним титулом. Или когда один из них является младшим отпрыском своего рода, а другой – старшим. Или когда один принес при получении пэрства клятву раньше, чем другой, зато первый принадлежит к более древнему роду. Эта путаница связана не только с пэрами: любой титул может вызвать те же трудности. У духовенства возникают аналогичные сложности, когда, например, епископы-пэры оспаривают статус с архиепископами-пэрами, получившими свое звание позже них. Что уж говорить об архиепископах не пэрах и епископах-пэрах. При этом следует помнить, что некоторые из них могут принадлежать к более знатным родам, чем другие. Все эти критерии пересекаются и соединяются, легитимируя малейшие притязания. А когда к ним добавляется еще и занимаемая должность или когда французские принцы начинают считать себя важнее принцев иностранных, ситуация кажется практически безвыходной.

Если внимательно изучить Дю Тийе, голова идет кругом: в одних случаях прелаты шествуют раньше принцев крови, в других – они уже следуют за этими самыми принцами так же, как и другие королевские должностные лица. В другом месте мы читаем, что принцы крови выше всех, разумеется, за исключением короля. Но иногда, мало того что перед ними идут прелаты, это место в нарушение права по крови могут занять еще и графы раньше герцогов. То же самое и в Парламенте: предполагается, что прелаты-пэры должны предшествовать всем остальным прелатам, архиепископам и епископам не пэрам, в том числе и тем, кто был рукоположен раньше. Однако на деле случается, что архиепископы не пэры все-таки предшествуют епископам-пэрам¹.

Таких примеров можно привести бесчисленное множество. Создается ощущение, что сколько ситуаций, столько и правил. А посреди этого хаоса властвует король, так как он играет со всеми этими званиями и титулами, превращая их в орудие своего правления. Примером тому может послужить придворное общество при Людовике XIV². Это также и

¹ *Du Tillet J.* Recueil des rangs des grands de France, dédié au Roy Charles neufiesme // Recueil des Roys de France, leurs couronne et maison. P., J. Du Puys, 1580.

² *Elias N.* La société de cour. P., 1985 (1-е изд. – Berlin, 1969; в русском переводе: *Элиас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002); *Duindam J.* Vienna and Versailles. The Courts of Europe's Dynastic Rivals, 1550-1780. Cambridge, 2003; *Leferme-Falguières F.* Les Courtisans. Une société de spectacle sous l'Ancien Régime. P., 2007.

кульминационный момент той церемониальной практики, начало которой было положено еще при последних Валуа. Здесь следует вспомнить период религиозных войн, чтобы понять, как формировалась политика вознаграждения почестями, ведь это был период, когда король обязан был вознаграждать за службу, не имея на то денежных средств; это было время, когда требовалось ослабить могущество знати и подтвердить власть короля¹. При Карле IX спор между кардиналом Лотарингским и кардиналом Бурбоном о первенстве в совете был решен в пользу последнего, так как «опасались, что влияние принцев Лотарингского дома в государстве непомерно велико. И для того, чтобы уменьшить власть этого дома и заставить его смириться, кардиналу Бурбону было отдано предпочтение [...] по той причине, что люди [французской] крови заинтересованы в государстве более всех остальных²».

При урегулировании подобных проблем король играл роль арбитра. Фактически, эта роль вновь возвращается к нему. Но простор для действий обеспечивали ему именно ссоры: улаживая склоки, он заставлял ценить свою власть, с помощью которой он может разрешить конфликт политическими средствами. Это не означает, что решения короля принимались исключительно по его прихоти³. Нарушения порядка, о которых идет речь в текстах, отражают обилие правил, ибо для возникновения конфликтов необходимо наличие норм, даже если они не слишком соблюдаются. За каждым человеком должно быть закреплено определенное место в некой упорядоченной и понятной для любого системе. Какой смысл занимать в этой системе место, которое никем не признается? Почести, оказываемые в соответствии с положением человека в иерархии, не имеют ценности, если их не признают и в то же время не жаждут все остальные. Поэтому одновременно с формированием церемониала устанавливаются и правила, а с развитием церемониала они уточняются. И чем больше правил, тем больше ссор, поскольку в этом случае начинают соперничать разные системы

¹ Boucher J. La cour de Henri III. Rennes, 1986. В книге хорошо показано, что фаворитизм использовался при Генрихе III для ослабления Гизов путем продвижения верных ему придворных. См. также: Jouanna A. La noblesse gardienne des lois du royaume: un modèle politique proposé pendant les Guerres de Religion en France // Nobilitas. Funktion und Repräsentation des Adels in Alteuropa. 1997. P. 177-192; Le Roux N. La faveur du Roi. Mignons et courtisans au temps des derniers Valois. Seyssel, 2001.

² Memoire pour la Preseance des Cardinaulx au Conseil du Roy. BNF Ms. Clairambault 805. F. 182. В отличие от Бурбонов, потомков Людовика Святого, Лотарингский дом считался иностранным, поскольку поступил на французскую службу лишь в XVI в. – Прим. ред.

³ Cosandey F. Instituer la toute-puissance? Les rapports d'autorité dans la France d'Ancien Régime // Tracés. N°17. 2009/2. P. 39-54.

координат. Поскольку королевская власть проявляется как раз в зазоре между различными правилами, которые накладываются друг на друга вместо того, чтобы дополнять одно другое, монархия усиливает свою власть, развивая церемониал. Возникновение новой церемонии провоцирует возникновение неизвестной прежде ситуации, которая, в свою очередь, может привести к пересмотру возникших ранее прецедентов. Тогда король разбирает следующий вопрос, принимает решение и воплощает его в жизнь. Кризисное положение дел парадоксальным образом гораздо более благоприятно для короля, чем установление четкого порядка при дворе.

2. Регламентация двора при последних Валуа

Политика последних Валуа заключалась в том, чтобы ввести в обиход двора церемониал, регламентирующий доступ к королевской персоне. Проникновение церемоний в домашнее пространство короля давало двойное преимущество: позволяло значительно расширить роль церемониала в государственном масштабе, а также поставить в центр его персону короля вплоть до ее повседневной жизни. Кроме того, церемониал развивался параллельно с эволюцией монархической системы и иллюстрировал абсолютистские принципы, которые в то же время оформлялись в правовых нормах¹. Стоящий выше закона, истинный наместник Бога на земле, король предстает во всем блеске своего величия именно благодаря системе функционирования двора, которая воздаст должное его исключительному положению². Необходимость выдвинуть на передний план персону короля, чтобы выделить ее, сделав центром всеобщего внимания в качестве высшего судьи по вопросам социальной и политической организации, привела к тому, что все церемонии концентрировались вокруг короля. Это изменение в этикете сопровождалось сменой планировки королевских покоев. В каждом отдельном случае речь шла о кодификации доступа к королю. Со времен Генриха II в королевских резиденциях постепенно появляется ряд комнат, которые необходимо пересечь, чтобы, в конце концов, быть принятым в покоях короля. Король теперь уже не так доступен, как раньше; физическое отдаление короля от придворных получило материальное воплощение в первые годы правления Генриха III в виде деревянной перегородки – предшественницы балюстрады³. В то же время Карл IX и особенно Генрих III увеличили количество предписаний, которые структурировали повседневный быт

¹ Cosandey F., Descimon R. L'absolutisme en France. P., 2002.

² Descimon R., Guery A. Un Etat des temps modernes ? // Histoire de la France. P., 1989. T. 2.

³ См.: Chatenet M. La cour de France au XVIe siècle. Vie sociale et architecture. P., 2002.

монархов¹. Время господства этикета еще не пришло, но ему уже был проложен путь.

Появление в 1585 г. должности главного церемониймейстера (*grand Maître des Cérémonies*) свидетельствует о той важности, которую начинают придавать вопросам места при дворе, поскольку главные мажордомы двора (*Grand Maître*) и ординарные распорядители двора (*maîtres d'hôtel*), в обязанности которых до сих пор входило поддержание порядка, не справлялись со своими обязанностями и появилась необходимость назначить особое должностное лицо. Эта новая должность, представлявшая собой не что иное, как расширение функций главного мажордома и ординарных распорядителей двора, демонстрировала, что отныне церемониал в руках тех, кто управляет домашним пространством короля. Фактически они все принадлежали к королевскому дому и, как сообщает нам один из современников, ели за столом государя². Главный церемониймейстер, который при случае может выступать как главный распорядитель королевского двора, «распоряжается везде, где имеет место церемония»³ - при дворе, в городе, в королевских покоях, в парламенте, где «он играет важную роль, когда монарх желает созвать королевское заседание Парламента (*lit de justice*)». Каждый раз ему надлежит сделать так, чтобы «были оценены достоинство и пышность, приличествующие нашему королевскому величию», как написано в эдикте о создании этой должности⁴.

Включив ритуал во внутреннее пространство двора, монархия создала новые нормы, которые послужили примером для всего королевства. Присутствие короля где бы то ни было требовало соблюдения церемониала, и должностные лица двора начали приобретать власть и за его стенами, в публичном пространстве, которое сливается, в конце концов, с частным пространством короля. Эволюция внутреннего пространства дворца состояла, таким образом, в превращении частной жизни в публичную. Установление абсолютизма проходило через увеличение публичности монарха, выражавшееся как через внешние проявления придворного ритуала, так и через выведение церемониала, скрытого прежде от посторонних глаз на широкую публику.

¹ *Chatenet M.* Henri III et l'ordre de la cour. Evolution de l'étiquette à travers les règlements généraux de 1578 et 1585 // *Henri III et son temps*. P., 1992. P. 133-139; *Le Roux N.* La cour dans l'espace du palais: l'exemple de Henri // *Palais et pouvoir de Constantinople à Versailles*. Saint Denis, 2003. P. 229-267; *Duindam J.* Vienna and Versailles.

² Mémoire en quoi consiste l'état de Maître des cérémonies de France. BNF Ms fr. 4338. F. 63.

³ Maître des ceremonies et prevot de l'ordre. BNF Ms. fr. 7833. F. 246.

⁴ См.: *Nguyen M.-L.* Les grands maîtres des cérémonies et le service des Cérémonies à l'époque moderne, 1585-1792. Mémoire de maîtrise. Université Paris-IV, 1999.

Генрих III не только издавал распоряжения, касающиеся повседневной жизни короля, но и привнес в жизнь дворца регламентацию, касавшуюся до того лишь публичных процессий, поскольку его шествия начинались прямо в дворцовых залах. Благодаря этому он установил точное соотношение между внутренним и внешним: королевские апартаменты стали зеркально отражать порядок, установленный для процессий. То, что король демонстрировал вне дворца, отражалось теперь и во внутреннем его устройстве, как если бы публичное пространство не имело больше границ. Так, в ордонансе 1585 г., устанавливавшем порядок, который требовалось соблюдать, когда король отправлялся на службу в церковь в праздничные и воскресные дни, был определен список участников в соответствии с рангом каждого из них. Но дабы предотвратить неразбериху, которая часто происходит, когда все выстраиваются в последнюю минуту, Генрих III пожелал, чтобы главного церемониймейстера предупреждали о предстоящем событии за полчаса до его начала, «дабы расположить всех в надлежащем порядке». Речь шла о выстраивании участников в дворцовых покоях в соответствии с их положением и должностью, а также об их организации в пространстве, которое затем поддерживалось во время самой церемонии. В покоях короля должны были ожидать кавалеры Ордена Святого Духа, губернаторы и генеральные наместники провинций, а также главный квартирмейстер двора (*grand maréchal des logis*). В зале для аудиенций следовало находиться капитанам тяжелой кавалерии, командующему галерным флотом, полковникам легкой кавалерии, палатным дворянам, (*les gentilshommes de la chambre*) и государственным советникам (*les gentilshommes d'Etat*) Первая зала (*la chambre d'État*) анфилады, ведущей к покоям короля была выделена для конюших и слуг-дворян (*les gentilshommes servants*). В приемной (*antichambre*) размещалась сотня дворян королевского дома (*les gentilshommes de la maison*). Именно в таком порядке они в дальнейшем и должны были двигаться. Иерархия апартаментов отражала иерархию шествия, в которых король, находился ли он во дворце или за его пределами, занимал одно и то же особое – центральное – место.

Открыв церемониалу двери королевской резиденции, монархия пожертвовала частной стороной жизни суверена. Появление на публике короля, которое раньше происходило только во время больших официальных церемоний, стало со второй половины XVI в. обычным делом, а систематизация рангов привела к тому, что суверены постоянно находились на виду. С таким подходом изменилась сама концепция королевской персоны, монарх стал особой фигурой, постоянным воплощением короны, с которой все соотносится и организуется.

3. От Генриха III до Людовика XIV: триумф церемониала

Вслед за королем, ставшим публичной персоной, становится публичным внутреннее пространство его дома: дворцовые порядки смешиваются с устройством всего королевства, поскольку именно присутствие короля определяет наличие церемониала. С этого времени становится ясно, что своды церемониалов, такие как сборник Годфруа¹, не ограничиваются описанием лишь общественных мероприятий (коронаций, торжественных въездов, похорон, королевских заседаний Парламента, церковных служб), которые выводят на сцену всю политическую элиту и отражают фундаментальные принципы института монархии. Наоборот, в них включаются любые публичные действия суверенов, и королевские крестины рассматриваются, к примеру, в том же ключе, что и заседания Генеральных штатов. Такая концепция церемониала отражается в функциях, которые выполнял главный церемониймейстер, так как в его задачу входило придать значение «крестинам, свадьбам, торжественным въездам, приемам государей и посланников, коронациям, похоронам, турнирам, государственным ассамблеям и собраниям нотаблей, церковным службам, процессиям, банкетам и прочим публичным действиям, а также любым другим обычным или исключительным событиям, которые в королевском доме и во Франции сопровождаются церемониями»². Все, что касается короля, это церемониал. И для всего этого нужны правила – от предписаний, как сервировать стол, до распоряжений как вести себя в королевских покоях.

Следует подчеркнуть, что процесс, начатый последними Валуа и законченный при Людовике XIV, был весьма медленным. Чтение некоторых установлений Генриха III, касающихся его дома, позволяет предположить, что придворные вели себя довольно непринужденно, но от этой свободы через столетие не осталось уже и следа. Так, к примеру, «Его Величество запрещает, чтобы кто-то по дерзости осмеливался сесть или опереться о стул, предназначенный для Его Величества; сесть или опереться на его кровать или сундук в его комнате; дотронуться до какой-либо вещи из его шкафов – сосудов, кубков, бутылок, флаконов, блюд, белья и другие предметов, предназначенных для обслуживания Его Величества; сие не относится к людям, которым это дозволено по роду их обязанностей; нельзя также прогуливаться по комнатам и кабинетам Его

¹ *Godefroy T. Le cérémonial de France, ou la description des cérémonies, rangs et scéances observés aux couronnements, entrées et enterrements des Roys et Roynes de France.* P., 1619.

² *Mémoire en quoi consiste l'estat de Maitre des cérémonies de France.* BNF Ms. fr. 4338. F. 63.

Величества, и пусть всякий, кто туда входит, воздержится от излишних движений и слов»¹. Мемуарист времен Людовика XIV пришел бы в ужас от таких вольностей.

Бесспорно, придворное общество за столетие претерпело существенные изменения, как качественные, так и количественные. Служение Королю-Солнцу подразумевало этикет и предусматривало количество служащих несравнимое с тем, что было принято в конце XVI в. В качестве примера можно привести распоряжение Людовика XIV о том, как следует подавать ему мясо: в процессию, сопровождающую блюдо до стола, должны были входить не менее двенадцати человек². Однако короли XVI в. не просто проложили путь придворной практике, регулируемой этикетом. Они заложили его основы, он стал кодифицированной формой выражения базовых принципов абсолютизма: король более не представлял обычным человеком³. Он стал свидетельством того, что всякий, кто приближается к монарху, делает это лишь для того, чтобы ему служить.

Вот почему некоторые установления за столетие не претерпели серьезных изменений. Возьмем в качестве примера способ, каким королю подавали полотенце перед началом трапезы. Этот порядок был установлен Генрихом III: распорядитель двора должен принести полотенце и передать его главному церемониймейстеру, который в свою очередь отдавал его королю. Если главный церемониймейстер отсутствовал, распорядитель двора должен был обратиться к тому, кто занимал первое место среди принцев, кардиналов или, как уточняется в установлении 1585 г., к герцогам де Жуайезу и д'Эпернону. Если никого из перечисленных персон не было, то распорядитель двора подавал полотенце королю сам, никто другой не обладал столь высоким положением, чтобы обратиться к королю в подобной ситуации⁴. При Людовике XIV этот обычай продолжали соблюдать: от распорядителя двора полотенце переходило

¹ Reglemens pour les Rangs et ceremonies par le Roy Henry III. Extrait des Reglemens pour les conseils d'Etat et privé et pour les ceremonies et rangs. Par le Roy Henry III 1585. BNF Ms. Clairambault. 721. f. 65. Это постановление было полностью опубликовано под заглавием: *Ensuivent les règlement faits par le Roy, le premier jour de janvier mil cinq cens quatre-vingt-cinq, lesquels il est très résolu de garder, et veut désormais estre observez de chacun pour son regard // Cimber L., Danjou F. Archives curieuses de l'histoire de France. 1ere série. Tome 10. 1836. P. 300-358.*

² Règlement pour la maison du roi fait à Saint-Germain en Laye le 7 janvier 1681. Article 26. BNF Ms. Clairambault 496. F. 126.

³ *Belloy P. de. De l'Authorité du Roy et crimes de leze-majesté qui se commettent par ligues, designation de successeurs et libelles escrits contre la personne et dignité du Prince. P., 1593.*

⁴ Du Règlement du Roy Henry III pour sa table. Clairambault 721. P. 63. См.: *Cimber L., Danjou F. Archives curieuses. P. 324.*

в руки главного церемониймейстера, а в его отсутствие – к первому из принцев, а если никого из них не было, то эту функцию выполнял сам распорядитель. Единственное изменение, которое внес король в установление 1681 г., состояло в том, что он перечислил принцев, которые могли бы ему в этом случае прислуживать: прелаты и фавориты из этого списка исчезли; лишь принцы крови и родные дети суверена могли участвовать в церемонии¹. Каким бы незначительным это изменение не казалось, оно отражает ту важность, которая придавалась королевской семье, в том числе бастардам, по сравнению с духовенством и фаворитами короля. Именно такие детали хорошо иллюстрируют изменения, предвосхищая перемены и в политической организации королевства.

Людовик XIV – величественный король, чей образ не должен был померкнуть из-за контактов с недостойными слугами. Заботился он и о своем Доме, не считая возможным отдалять от себя тех, в ком течет его кровь. Его величие не должна была заслонять тень фаворитов, не нуждался он больше и в присутствии Церкви. Но и Генрих III уже был именно таким королем. Если из-за угрозы религиозных конфликтов ему пришлось окружить себя верноподданными и духовными лицами, то и после этого он прекрасно понимал, что утверждение его власти зависело от церемоний, которыми сопровождалось служение его персоне. В конце XVI в. эта репрезентация величия еще подразумевает компромисс, но его основные принципы на тот момент уже сформировались.

Заключение

Организуя двор, государство и общество вокруг себя, король, с одной стороны, возвысился благодаря статусу тех, кто ему служил, а с другой стороны, сам стал источником почетной службы. Таким образом, установление системы зависимости первенства от ранга состояло в том принципе, чтобы оказывать честь и быть в чести вследствие занимаемого положения. В результате этого процесса королевская семья стала занимать первое место по сравнению с носителями других титулов и должностей. Это был способ возвысить тех, кто мог претендовать на наследование престола, и в то же время выразить безграничное величие династии, чьим наиболее ярким представителем являлся сам король. Такое изменение иерархии в пользу принцев крови соотносилось с новым направлением, в котором двигалась монархия. Происходили и другие изменения, каждое из которых становилось еще одним камнем в строительстве государства. Все они отражались в спорах о месте в иерархии:

¹ Reglement pour la maison du Roy. A St Germain en Laye le 7 janvier 1681. BNF Ms. Clairambault 496. F. 117.

наиболее непримиримыми были те, кто чувствовал, что новый порядок нес им угрозу. Таким образом, эти споры – не признак существовавшего при дворе хаоса, а, скорее, проявление нового политического порядка.

Список литературы

- Le protocole ou la mise en forme de l'ordre politique. P., 1996.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. 2 т. М., СПб., 2001. [*Jelias N. O processe civilizacii. 2 t. M., SPb., 2001*].
- Chartier R. Formation sociale et économie psychique: la société de cour dans le procès de civilisation // Elias N. La société de Cour. P., 1985.
- Berelowitch A. La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime, XVIe-XVIIe siècle. P., 2001.
- Cosandey F. L'insoutenable légèreté du rang // Dire et Vivre l'ordre social en France sous l'Ancien Régime. P., 2004.
- Drevillon H. L'impôt du sang. Le métier des armes sous Louis XIV. P., 2006.
- Du Tillet J. Recueil des rangs des grands de France, dédié au Roy Charles neufiesme // Recueil des Roys de France, leurs couronne et maison. P., 1580.
- Elias N. La société de cour. P., 1985
- Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. [*Jelias N. Pridvornoe obshhestvo: Issledovaniya po sociologii korolja i pridvornoj aristokratii. M., 2002*].
- Duindam J. Vienna and Versailles. The Courts of Europe's Dynastic Rivals, 1550-1780. Cambridge, 2003.
- Leferme-Falguières F. Les Courtisans. Une société de spectacle sous l'Ancien Régime. P., 2007.
- Boucher J. La cour de Henri III. Rennes, 1986.
- Jouanna A. La noblesse gardienne des lois du royaume: un modèle politique proposé pendant les Guerres de Religion en France // Nobilitas. Funktion und Repräsentation des Adels in Alteuropa. 1997.
- Le Roux N. La faveur du Roi. Mignons et courtisans au temps des derniers Valois. Seyssel, 2001.
- Cosandey F. Instituer la toute-puissance? Les rapports d'autorité dans la France d'Ancien Régime // Tracés. N 17. 2009/2.
- Cosandey F., Descimon R. L'absolutisme en France. P., 2002.
- Descimon R., Guery A. Un Etat des temps modernes? // Histoire de la France. P., 1989. T. 2.
- Chatenet M. La cour de France au XVIe siècle. Vie sociale et architecture. P., 2002.

Chatenet M. Henri III et l'ordre de la cour. Evolution de l'étiquette à travers les règlements généraux de 1578 et 1585 // Henri III et son temps. P., 1992.

Le Roux N. La cour dans l'espace du palais: l'exemple de Henri // Palais et pouvoir de Constantinople à Versailles. Saint Denis, 2003.

Nguyen M.-L. Les grands maîtres des cérémonies et le service des Cérémonies à l'époque moderne, 1585-1792. Mémoire de maîtrise. Université de Paris-IV, 1999.

Godefroy T. Le cérémonial de France, ou la description des cérémonies, rangs et scéances observés aux couronnements, entrées et enterrements des Roys et Roynes de France. P., 1619.

Ensuyvent les règlemens faicts par le Roy, le premier jour de janvier mil cinq cens quatre-vingt-cinq, lesquels il est très résolu de garder, et veut désormais estre observez de chacun pour son regard // *Cimber L., Danjou F.* Archives curieuses de l'histoire de France. 1re sér. Tome 10. 1836.

Belloy P. de. De l'Autorité du Roy et crimes de leze-majesté qui se commettent par ligues, designation de successeurs et libelles escrits contre la personne et dignité du Prince. P., 1593.

М.С. Неклюдова

**ГАЛАНТНАЯ КАРТОГРАФИЯ И МОДЕЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРА СЕРЕДИНЫ XVII В.¹**

В статье анализируется сочинение парижского адвоката Габриеля Гере «Карта двора» (1663), занимающее промежуточное положение между нормативными текстами (трактаты о придворном, учебники хороших манер) и романом с ключом, поскольку в нем фигурируют подлинные исторические персонажи. Благодаря этой двойственности на его примере отчетливо видно, как соотносятся умозрительные представления автора о дворе и его актуальное знание придворного социума.

Ключевые слова: история раннего Нового времени, Франция, придворная культура

В 1663 г. в Париже было опубликовано небольшое сочинение, озаглавленное «Карта двора»². Его автор, Габриель Гере, предлагал воображаемому адресату – некоему Гидаспу, увлеченному охотой и пренебрегающему хорошим обществом? – описание пути, который надо пройти, чтобы достичь Нового Света. Отправной точкой этого маршрута является провинция Благородной Крови, далее идет город Латинизма, и лишь затем перед путешественником открываются просторы Нового Света. Чтобы познакомиться с местностью, неопиту лучше всего взобраться на гору Любопытства, узреть храм Славы и довериться волнам реки Знаний, впадающей в реку Желаний, которая, в свой черед, несет свои воды к морю Лувра. По одну сторону от него расположена провинция Упражнений, по другую – Изысканных Манер. Центром первой является город Академии³, вторая же состоит из многих населенных пунктов – Стишков, Любовных Посланий, и, наконец, долины Романа, которую «самый твердый и острый взгляд не может охватить от края до края; за последнее

Мария Сергеевна Неклюдова, Ph.D., старший научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского Российского государственного гуманитарного университета.

¹ Данная статья является частью авторского проекта «“Я двор зову страной...”»: культурные идиомы эпохи Людовика XIV».

² Guéret G. La Carte de la Cour. P., 1663.

³ Напомним, что в то время этот термин в первую очередь обозначал учебное заведение, где наставляли в искусстве верховой езды, владении шпагой и другими видами оружия и проч.

время она столь сильно распространилась, что ее можно принять за Новый Свет»¹. Покинув ее, путник попадает в город Экипажа, где обзаводится необходимой для благородного человека экипировкой – каретой, слугами и проч., после чего он готов к плаванию по морю Лувра. Это путешествие требует некоторых навигационных навыков, поскольку надо суметь пройти по проливу Вежества между островами Притворства и Искренности. В итоге он попадает в залив Любовных интрижек, где располагается остров Удовольствий, являющийся резиденцией Галантного двора, которым правит прекрасный Лисидас и божественная Мадонга (Филипп Орлеанский и его супруга, Генриетта Английская).

Этот маршрут, конечно, приводит на ум знаменитую «Карту страны Нежности», тем более что один из населенных пунктов (Любовные Послания) прямо заимствован у госпожи де Скюдери, которая провозглашается властительницей долины Романа и «божественной Сафо»². Однако Гере частично картографирует реальное пространство, о чем свидетельствует причудливый топоним «море Лувра». За панегириками обитателям Нового Света угадываются портреты его современников, чьи полные имена указаны тут же, на полях книги, чтобы исключить возможность неверной идентификации. Мода на подобные палимпсесты восходит к салону госпожи де Рамбуйе, а их изобретателем, видимо, следует считать Венсана Вуатюра. В 1650-е гг. Исаак де Бенсерад, так же бывший одним из завсегдатаев «голубой комнаты» маркизы де Рамбуйе, использовал эту технику в придворных балетах. Как писал аббат Таллеман, он «со свойственным ему искусством описывал характер танцора, смешивая его с изображаемым персонажем, и делая это столь тонко и деликатно, что все читали и продолжают читать его стихи с великим удовольствием»³. «Карта» Гере во многом напоминает балетные выходы: представляемые им герои и героини образуют «живые картины», а их безмолвное дефиле сопровождают восторженные комментарии автора/либреттиста, восхваляющего их добродетели. Но если Бенсерад не имел власти над составом участников балета (к утверждению которого был причастен король), то Гере обладал большей свободой выбора. В этом он ближе к госпоже де Скюдери, которая включала в исторические повествования портреты друзей, знакомых и покровителей, описания их загородных домов, садов и проч. Как показывают исследователи, такое

¹ Guéret G. La Carte de la Cour. P., 1663. P. 40-41.

² Ibid. P. 42.

³ Les Œuvres de Monsieur de Bensserade. Première Partie. P., 1697. Sig. ãvii^v – viiiⁱ. Подробнее об этой эстетике см.: Fumaroli M. Le Poète et le Roi: Jean de La Fontaine en son siècle. P., 1997. P. 324.

совмещение вымысла и подлинных фактов и лиц отчасти соответствовало логике клиентелы, отчасти – более широкому идеалу литературно-салонной социальности¹. Аналогичными соображениями должен был руководствоваться Гере с поправкой на то, что, взявшись картографировать двор, он, будучи практикующим юристом, не мог игнорировать институциональный аспект проблемы. На это, по-видимому, указывает сам выбор картографической формы, за которой стоит не только галантная традиция (о чем речь пойдет ниже), но и определенный способ упорядочивания и апроприации знания². Не случайно примерно тогда же в разговорном языке начинает активно использоваться выражение «sçavoir la carte» для обозначения детальной осведомленности о внутренних связях, существующих внутри того или иного сообщества³. В первую очередь оно ассоциируется с двором⁴ и, как мне представляется, вытесняет более раннюю идиому «sçavoir sa court», имевшую хождение в XVI в.⁵ Таким образом, «карта», «двор» и «знание» образуют единый смысловой комплекс, наполнение которого я предполагаю рассмотреть.

* * *

Публикация первого тома «Клелии» с «Картой страны Нежности», как известно, спровоцировала волну пародий и подражаний. В том же 1654 г., еще до его появления, в свет вышло «Известие о королевстве Кокетства» аббата д'Обиньяка, что позволило последнему оспаривать пальму первенства у госпожи де Скюдери. К этому спору мы вернемся чуть позже, пока же вслед за Полем Зюмтором повторим, что сам по себе вопрос о первенстве не столь важен, поскольку за

¹ См.: *Morlet-Chantalat Ch.* « La Clélie » de Mademoiselle de Scudéry, de l'épopée à la Gazette; un discours féminin de la gloire. P., 1994.

² Ср.: *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 99 и далее.

³ Еще в начале 1660-х гг. Шарль Сорель предположил, что идея галантной картографии возникла из этого выражения (*La Bibliothèque française, de M. C. Sorel. Ou le Choix et l'Examen des Livres François qui traitent de l'Eloquence, de la Philosophie, de la Devotion, & de la Conduite des Moeurs <...>*. P., 1664. P. 152-153). Это утверждение вызывало бы большее доверие, если бы не тот факт, что до него это выражение, по-видимому, не фиксируется.

⁴ Фюретьер определяет «sçavoir la carte» как знание «придворных интриг, хода государственных дел» (*Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois tant vieux que modernes <...> Recueilli & compilé par le feu Messire Antoine Furetiere. La Haye, Rotterdam, 1690. T. 1. P.393*), а Академия дает более общее значение (*Le dictionnaire de l'Académie française, dédié au Roy. P., 1694. T. 1. P. 148*).

⁵ Одно из самых известных ее определений принадлежит Анри Этьенну: придворный – тот кто «знает двор», то есть «знает ремесло быть приятным тем, кого следует обхаживать; знает, каков ход вещей при дворе, и умеет под него подладиться». – *Deux dialogues du nouveau langage françois, italianize et autrement desguize principalement entre les courtisans de ce temps. Envers, 1579. P. 224.*

«Известием» д'Обиньяка стояла традиция «аллегорических утопий», сформировавшаяся во Франции в 1640-х гг. О специфике этого жанра говорит его название: в нем сочетались черты ренессансных травелогов (включая рассказы о путешествиях в воображаемые миры) и позднесредневековых аллегорий¹. Так, «Известие» было представлено как «выдержка из последнего путешествия голландцев в левантийские Индии». Описание же королевства включало «говорящую» топонимику (замки Праздность и Либертинаж), аллегорических персонажей (правит страной Кокетливая Любовь), и характерологию (ее жители делятся на воздыхателей, весельчаков, авантюристов, золотых ослов и проч.)².

У «Карты страны Нежности» несколько иная генеалогия, восходящая к традиции религиозно-нравственных размышлений и аллегорических пилигримажей³. Ярким, но чуть более поздним ее примером может служить «Карта, показывающая порядок и причины спасения и погибели» (1664) Дж. Бэньяна, автора «Путешествия пилигрима» (первая часть опубликована в 1678 г.)⁴. Решающая роль тут принадлежит моральной топографии, которая отражает переход души от одного состояния к другому. Этот же принцип, хотя и в секуляризованном виде, сохраняется в «Карте страны Нежности», и в появившихся вслед за ней пастишах⁵ – «Карте королевства Прециозниц» (приписывается Молеврие), и «Карте королевства Любви» (приписывается Тристану Л'Эрмиту), которые были опубликованы в 1659 г., но, как считается, восходят к 1654 г. В первом сочинении фигурируют река Откровенничания, порт Шушуканий, города Обожаемая, Божественная и Машерочка (отсылки к той манере общения, которая якобы отличала прециозниц), замок Галантности, ленное владение Нежных и Страстных Чувств, равнина Кокетства и проч.⁶ Второе, вслед за своим прототипом, фиксирует этапы ухаживания: равнина Безразличия, лес Приятного Собрания, таверна Нежных

¹ Zumthor P. La Carte de Tendre et les Précieux // Truvium. Schweizerische Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft. Jahrgang VI. Zürich, 1948. P. 266-267.

² Histoire du temps ou relation du royaume de coqueterie extraite du dernier voyage des Hollandois aux Indes du levan. P., 1654. P. 6-7, 18-19.

³ Zumthor P. La Carte de Tendre et les Précieux. P. 269.

⁴ Об этой карте и стоящей за ней традиции см.: Delft L. van. Littérature et antropologie: Nature humaine et caractère à l'âge classique. P., 1993. P. 69-73.

⁵ В данном случае пастиш – литературный прием, предполагающий имитацию стилистических особенностей другого произведения и, как правило, имеющий не столько пародийный, сколько иронический характер.

⁶ La Carte du Royaume des Pretieuses // Recueil de pièces en prose, les plus agréables de ce temps. I partie. P., 1660. P. 322.

Взглядов, и т.д.¹ Но, очевидным образом, прочерчиваемая Тристаном Л'Эрмитом (и, отчасти, Молеврием) траектория представляет собой намеренно сниженный и циничный вариант любовного пилигримажа. Сама по себе карта с ее специфической – не столько нарративной, сколько демонстративной – формой и аллегорической топонимикой невольно подчеркивает прагматический аспект предлагаемого маршрута от пункта А до пункта Б, что, собственно, и дает повод для пародий. Кургуазная модель поведения превращается в набор конвенциональных жестов, за которыми стоят отнюдь не высокие чувства. Так, Жан Реньо де Сегре в своих стансах «На Карту Нежности» советовал воздыхателям выбрать «самую широкую и прямую дорогу из всех имеющихся, / Она проходит через Безделушку»². Другой остроумец рекомендовал поискать тропинку Случая, которая идет по лесу Везения, и приводит к мосту Женской слабости, откуда всего лишь шаг до Неведомых Земель³. Кульминацией этой отчасти женоненавистнической тенденции стала приписываемая Бюсси-Рабютену и принцу де Конти «Карта страны Ухарства», где известные светские дамы представляли в виде (старых, разваливающихся, грязных) городов, у которых сменяются губернаторы.

Последнее сочинение, по-видимому, также восходит к середине 1650-х гг.⁴ Примечательным образом, при публикации в 1668 г. оно получило название «Географическая карта двора». Поскольку Бюсси еще в 1665 г. подвергся опале из-за «Любовной истории галлов», а принц де Конти успел не только обратиться к Богу, но и умереть, такое наименование вряд ли можно считать авторским, тем более что само издание было пиратским. Об этом свидетельствует и фальшивый импринт (под маской «Пьера Марто» скрывался ряд голландских и немецких издателей), и тот факт, что все персонажи названы своими именами, что могло иметь неприятные последствия для предполагаемого автора (на титуле было указано имя Бюсси). К примеру, характеристика города д'Этамп – «Между реками Потаскуха и Кокетка расположен город д'Этамп или Валлансе, древний и один из самых тучных в стране; место грязное и за-

¹ La carte du Royaume d'amour, Ou la description succincte de la Contrée qu'il regit, de ses principales Villes, Bourgades, & autres lieux, Et le chemin qu'il faut tenir pour y faire voyage // Recueil de pièces en prose, les plus agréables de ce temps. I partie. P., 1660. P. 324.

² Oeuvres de Segrais. P., 1733. P. 213.

³ Lettre de M.D. sur le carte du Royaume de Tendre, écrite à l'Illustre M.S. // Recueil de pièces en prose les plus agréables de ce temps. II partie. P., 1662. P. 261.

⁴ Исследователи склонны датировать ее все тем же 1654 г. См.: *Rouben C. Histoire et géographie galantes au Grand Siècle: L'Histoire amoureuse des Gaules et La Carte du Pays de Braquerie de Bussy-Rabutin // XVII siècle. Revue publiée par la Société d'Étude du XVIIe siècle. № 93. 1971. P. 56.*

болоченное, которое, говорят, кишит заразой в силу особенности тамошней почвы <...>¹ – сопровождалось примечанием: «госпожа де Пизье»². Заметим, что в момент публикации текста эта дама, принадлежавшая к знатному и влиятельному роду, была еще жива, как и некоторые другие жертвы этой злобной шутки. По-видимому, «страна Ухарства» становится «двором» по тем же причинам, по каким издатели порой заменяли иносказательных «галлов» в названии другого скандального сочинения Бюсси, на откровенную «Францию». Этот жест указывал на принципиальный отказ от использования псевдонимов, в результате чего «роман с ключом» превращался в прямой пасквиль, что расширяло его потенциальную читательскую аудиторию³.

Нельзя полностью исключить и другое, тоже вполне практическое объяснение: возможно, что на перемену названия старого сочинения Бюсси и Конти повлиял успех «Карты двора». Однако это маловероятно, посколькуopus Гере был опубликован единожды и никогда не перепечатывался: существуют два издания 1663 г., вышедших под разными импринтами, но они полностью идентичны, то есть речь идет об одном и том же тираже, распределенном между двумя парижскими книгопродавцами. Тем не менее, идентификация «страны Ухарства» как «двора» в высшей степени показательна не только как пример издательской стратегии. Она свидетельствует о существенном расширении представления о том, что такое «двор». Многих из перечисленных в «Карте страны Ухарства» дам никак не назвать придворными: возьмем хотя бы герцогиню де Лонгвиль⁴, которая, если речь идет о середине 1650-х гг., принимала активное участие в беспорядках Фронды, а к концу 1660-х стала яростной защитницей янсенизма. И хотя формально она получила прощение еще в 1653 г., за ним последовала многолетняя опала. Иными словами, для издателей сочинения Бюсси и Конти «двор» был эквивалентен знатности и/или определенному типу социальности, вне зависимости от реальных отношений представителей того или иного аристократического рода с королем. Такую логику, по-видимому, можно считать своеобразным от-

¹ Carte géographique de la cour et autres galanteries par Rabutin. Cologne: Pierre Marteau, 1668. P. 7.

² Речь идет о Шарлотте д'Этамп-Валансе (1597-1677), вдове виконта де Пюизье (или, в другом написании, Пизье).

³ Кроме того, под титулом «Любовная история Франции» издатели нередко печатали приписывавшиеся Бюсси памфлеты о галантных похождениях короля, к которым опальный граф не имел никакого отношения. Таким образом, в отличие от «Любовной истории галлов», которое является авторским названием, «Любовная история Франции» – почти нарицательное обозначение определенного типа текстов.

⁴ Carte géographique de la cour. P. 20.

ражением реальной политики Людовика XIV, направленной на закрепление знати при дворе, чьи механизмы были описаны Норбертом Элиасом¹. Косвенное подтверждение этому обнаруживается и у Гере, где в качестве одной из важнейших фигур Галантного двора назван Кризант (герцог де Ларошфуко), «занимающий высокий ранг в Любви; он обладает блестящим умом, слава о котором гремит со всех сторон; и его кабинетные занятия обеспечивают ему почетное место в альковах»². Опять-таки, на самом деле автор «Максим» (первое издание – 1665 г.) не пользовался расположением Людовика XIV, который помнил о его мятежном прошлом³, а потому был скорее посетителем парижских салонов («альковов»), чем придворных собраний, даже если речь шла о круге Генриетты Английской. Судя по процитированной характеристике, Гере об этом знал и тем не менее включил его в число придворных кавалеров.

Здесь необходимо сделать две оговорки. Прежде всего, такое расширенное понимание двора соответствует позиции внешнего наблюдателя. Хотя мы не можем сказать, голландский или французский издатель был ответственен за появление «Географической карты двора», в любом случае его социальный статус вряд ли был высок. Что касается Габриеля Гере, то оценить его положение по отношению к предмету описания позволяет ряд подсказок, которые дают упоминаемые в тексте имена современников. Начнем с того, что «Карта двора» посвящена госпоже Кольбер – ей отведено особое место на Королевской возвышенности, где восседает королевская чета⁴. Это позволяет предположить, что молодой автор, парижский адвокат (если верить Словарию Морери, мало участвовавший в судебных процессах, но много занимавшийся юридическими консультациями⁵) входил в окружение Жана-Батиста Кольбера⁶. К тому же прочие его публикации в основном адресованы

¹ Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002.

² Guéret G. La Carte de la Cour. P. 62.

³ По выражению Сен-Симона, Ларошфуко пребывал «в глубокой опале, из которой фавор его удачливого сына позволил поднять их дом, но не отца». – *Saint-Simon. Mémoires. Introduction, notes, bibliographie, index par Gonzague Truc*. Т. 1: 1691-1701. P., 1953. P. 83.

⁴ Guéret G. La Carte de la Cour. P. 52.

⁵ См.: *Le Grand Dictionnaire historique, ou le Mélange curieux de l'Histoire sacrée et profane* <...> par Mre Louis Moreri. P., 1725. Т. 4. P. 447-448.

⁶ В посвящении говорится о «долге», который автор возвращает госпоже Кольбер, что предполагает достаточно близкую степень знакомства. Стоит отметить, что госпожа Кольбер, в девичестве Мари Шарон, действительно играла важную роль при дворе. Как позднее вспоминал Сен-Симон, ей было доверено воспитание дочери Людовика XIV и госпожи де Лавальер (будущей принцессы де Конти), и при этом она пользовалась расположением королевны (*Saint-Simon. Mémoires*. Т. 1. P. 370).

магистратам парижского гарламента, что подтверждает наличие связи между посвящениями и профессиональными аффилиациями¹. Сложнее установить степень его знакомства с теми, кто находится за пределами этого круга. Если посмотреть на характеристики, которые он дает вельможам и знатым дамам – обитателям острова Удовольствий, резиденции Галантного двора – то многие из них начинаются с указаний на молву: «я знаю, что говорят о восхитительной Люси» (графине де Суассон), «весь свет толкует об остроумии и прелестях Кризолиты» (герцогини де Шатийон), «мне не в новинку слышать разговоры о том, что великая Ирена – чудо красоты» (госпожа де л'Опиталь), «все громко восхваляют очаровательную Жюли, и по тому, что о ней говорится, я смело сужу, что она достойна еще большего» (маркиза де Монтозье) и т.д.². Исключение составляют лишь герцог де Ларошфуко («мне знаком знаменитый Кризант») и герцогиня де Сюлли («я видел прелесть Партенисы, я видел ее восхитительные очи»)³, с которыми Гере, по-видимому, действительно сталкивался. Последнее знакомство могло объясняться все теми же парламентскими связями: Шарлотта Сегье, вышедшая замуж за Максимилиана III де Бетюна (внука великого Сюлли) была младшей дочерью Пьера Сегье, канцлера Франции и покровителя Французской Академии. Что касается герцога де Ларошфуко, то его Гере мог встретить в одном из литературных салонов. Таким образом, представленная в «Карте» диспозиция отражает, в основном, не личные наблюдения автора, но коллективные представления, свойственные городской, парламентской среде, которая отождествляет двор с определенным набором имен и особым образом жизни, куда входят светские развлечения, галантные беседы и проч.

Далее, сам принцип картографирования способствует символической колонизации чужого пространства, являющегося предметом более или менее откровенных посягательств. Как известно, «Карта страны Нежности» выросла из галантной переписки госпожи де Скюдери и Пеллисона, когда возник вопрос о длительности путешествия «из страны Дружеской Близости»

¹ Первый труд Габриеля Гере (1641-1688), увидевший свет в 1662 г., «Характер языческой мудрости, в жизнеописаниях семи греческих мудрецов», был посвящен Луи-Франсуа Лефевру де Комартену, другу кардинала де Реца и госпожи де Севинье, представителю потомственной административной элиты: его дед был хранителем печати, отец – государственным советником, а сам он к этому времени занимал должности парламентского советника и докладчика по прошениям. Показательно, что Большой исторический словарь Морери (см. сноску 30) подчеркивает «профессиональную», внутрипарламентскую логику этого посвящения.

² Guéret G. La Carte de la Cour. P. 61, 62, 64, 65.

³ Ibid. P. 62, 63.

сти в страну Нежности»¹. Эта ситуация была затем воспроизведена в первом томе «Клелии», где героиня рисует карту для одного из своих поклонников, который, заметим, влюблен в другую даму, а потому не склонен играть роль захватчика не принадлежащих ему территорий². Последние в сознании современников прочно ассоциировались с *mundus muliebris*: объяснялось это прежде всего тем, что автором карты была (как в романе, так и в реальности) женщина. Однако существенно и то, что намеченный маршрут вскоре стал одним из символов «прециозности», которая конструировалась как особый тип женского поведения. «Карту страны Нежности» упоминают героини «Смешных жеманниц» (1659) Мольера, надеющиеся быть принятыми за настоящих прециозниц. Сомез в своем «Большом словаре прециозниц» (1660) отмечает в качестве этапного события «рождение Романии» (то есть выход «Клелии»), благодаря чему «королевство Нежности» оказывается в моде³. О «Карте королевства Прециозниц» мы уже говорили выше. Наконец, как видно на примере сочинения Бюсси и Конти, идея «Карты страны Нежности» коррелирует с традиционным – и отчетливо эротическим – образом женщины как города или крепости, сдающей на милость победителя⁴. В этом плане практически все последовавшие за публикацией «Клелии» пародии и пастиши – которые, заметим, в своей массе принадлежат представителям сильного пола – можно интерпретировать как попытку вернуть себе захваченные прециозницами территории и восстановить гендерное статус-кво. Картографирование королевства Кокетства, Любви и прочих земель позволяет в буквальном смысле слова указать на причитающееся им место в общем порядке вещей.

Когда Гере составляет свою «Карту двора», то он, на первый взгляд, находится вне этого своеобразного литературно-территориального конфликта. На самом деле ситуация не столь однозначна. Как уже было сказано,

¹ Соответствующий фрагмент из переписки г-жи де Скюдери и Пелиссона см.: Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М., 2008. С. 259-270 (цит. на с. 267).

² По замечанию одной из исследовательниц, «Карта страны Нежности» так же иллюстрирует сюжетное развитие романа, в частности соперничество Ораса и Аронса, где первый играет роль агрессора, пытаясь завоевать Клелию силой (похищает ее и проч.), а второй следует предписаниям «Карты» и, в итоге, обретает желаемое. Guenou S. «Clélie»: terres inconnues et imaginaires. Pour une épistémologie du transport // Voyages: récits et imaginaire. Actes de Montréal. / Ed. Par B. Beugnot. P., Seattle, Tubingen, 1984. P. 81-100.

³ Le grand dictionnaire des pretieuses: historique, poetique, géographique, cosmographique, chronologique, armoirique où l'on verra leur antiquité, coustumes, devises, eloges <...>. Par le Sieur de Somaize. P., 1661. P. 186.

⁴ Эта же идея, по сути, обыгрывается в гравюре, помещенной на фронтисписе «Аллегорической повести, или Истории недавних смут в королевстве Красноречия» (1658) Фюретьера, где королевство Красноречия, которым управляет принцесса Риторика, осаждается войсками принца Галиматя.

появление «Карты страны Нежности» сразу спровоцировало спор среди литераторов, поскольку аббат д'Обиньяк утверждал, что честь открытия этой новой области принадлежит ему¹. Судя по всему, его претензии не были восприняты всерьез: с одной стороны, «Карта страны Нежности» циркулировала в кругу госпожи де Скюдери уже осенью 1653 г. (в своем первом, не сохранившемся варианте)². С другой, Франсуа Эделен, аббат д'Обиньяк, был известен своим полемическим темпераментом. Автор трактата «Практика театра» (1657), а также нескольких трагедий и романов, он сперва рассорился с Жилем Менажем (против которого направлен его трактат «Оправдание Теренция», опубликованный в 1656 г.), а затем – с Корнелем. Результатом последней ссоры стало появление в 1663 г. «Двух диссертаций о драматической поэме в форме замечаний по поводу двух трагедий г-на Корнеля, названных “Софонисба” и “Серторий”», за которыми последовала еще и «Третья диссертация», атаковавшая «Эдипа». В 1664 г. д'Обиньяк выпустил в свет свой аллегорический роман «Макариза, или Королева счастливых островов», после чего у него случилась стычка с будущим лексикографом Пьером Ришле, недостаточно похвалившем это сочинение. Суть конфликта состояла в том, что аббату пришла в голову идея сопроводить публикацию романа восторженными отзывами близких ему собратьев по перу. Входивший в их число Ришле предложил несколько двусмысленных похвал, из которых в окончательной подборке остался один мадригал, обращенный к авторам панегириков. Д'Обиньяк обрушился на него с упреками и, в итоге, стал адресатом еще более язвительной эпиграммы³. Однако было бы ошибочно объяснять эту историю исключительно авторским тщеславием. Лаудативные коллекции такого рода были достаточно распространены; они не только отдавали дань заслугам сочинителя, но и свидетельствовали о наличии определенного литературного круга, участники которого были готовы поддерживать друг друга. Д'Обиньяк мог претендовать на такую поддержку, поскольку являлся идейным вдохновителем Академии изящной словесности, созданной им еще в 1655 г. В 1663 г. она как раз получила право именоваться Академией Дофина, что, безусловно, должно было повысить ее престиж⁴.

¹ По словам Сомеза, «Орас [д'Обиньяк] поссорится с Софи [госпожей де Скюдери] из-за этого королевства, исток которого, по его утверждению, он открыл раньше нее». – *Le grand dictionnaire des pretieuses*. P. 187.

² См.: *Scudéry M de., Pellisson P., et all. Chroniques du Samedi, suivies de pièces diverses (1653-1654)*. / Éd. établie et commentée par A. Niderst, D. Denis et M. Maître. P., 2002.

³ Подробности этой истории см.: *Bray L. César-Pierre Richelet (1626-1698): Biographie et oeuvre lexicographique*. Tübingen, 1986. P. 220-221.

⁴ Об этой Академии см.: [*Granet F.*] *Reflexions sur les ouvrages de littérature*. P., 1742. T. 4. P. 120.

Как и Ришле, Гере был членом Академии Дофина, и внес свою лепту в прославление «Макаризы». Им подписаны два панегирика: один в прозе, где он утверждает, что исповедник, десять лет назад запрещавший ему романы как «книги о магии», теперь сам зачитывается сочинением д'Обиньяка; другой в стихах, предупреждающий беспечных богов о том, что, создав аббата, они рискуют разом лишиться всех своих сокровищ¹. Несмотря на шутивную интонацию, оба текста достаточно добросовестно выполняют поставленную задачу, чтобы их можно было принять за чистую монету. Интересно другое: в «Карте двора», где Гере перечисляет современных ему авторов, представлявших наиболее популярные в светском обществе жанры, имя д'Обиньяка отсутствует. Это можно объяснить физической удаленностью, поскольку после смерти своего покровителя, племянника кардинала де Ришелье, аббат поселился в городе Немур и не участвовал в светской жизни. Однако гораздо более радикальная удаленность – отсутствие среди живых – не помешала Гере помянуть давно покойного Вуатюра². Более того, его нельзя заподозрить в излишней щепетильности и нежелании преувеличивать заслуги своих собратьев по Академии Дофина. Так, согласно ему, долиной Романа правит не одна госпожа де Скюдери, эту привилегию делят с ней Ла Кальпренед и сьер де Воморьер. Стоит напомнить, что Пьер д'Ортиг, сьер де Воморьер, был автором романа «Сципион Великий» (1656), который пользовался достаточной популярностью, чтобы в конце 1650-х – начале 1660-х гг. выдержать пару перепечаток. Но его литературный вес был несравним с известностью госпожи де Скюдери или Ла Кальпренеда. А Гере упоминает его дважды – и в качестве романиста, и в качестве поэта³. Такое внимание, безусловно, объясняется не только общим членством в Академии Дофина; Гере явно добивался покровительства более влиятельного собрата. Хотя Ортиг де Воморьер был крайне беден⁴, он принадлежал к благородному роду и мог иметь связи, не доступные для молодого адвоката.

¹ *Macarise, ou La Reine des Isles Fortunées. Histoire allegorique.* Par Messire François Hedelin, Abbé d'Aubignac. P., 1664. T. 1. Sig. ãiiij^r, iiij^r.

² *Guéret G. La Carte de la Cour.* P. 37.

³ *Ibid.* P. 44-45, 66.

⁴ Позднее Ришле будет использовать его имя для иллюстрации того, сколь бедственно положение романиста. Воморьер фигурирует в статье «Vocation», где приводится такой пример переносного (и иронического) использования этого слова: «Мне советовали сочинять романы, но у меня к этому нет никакого призвания (vocation). Быть романистом – дурное ремесло, Вомуарьер, занимаясь им, помирает с голоду». – *Dictionnaire françois contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue françoise <...>* par P. Richelet. Geneve, 1680. P. 541. Стоит отметить, что к моменту выхода Словаря Ришле (1680) Воморьер (или Вомуарьер – фамилия писалась по-разному) еще здравствовал, он умер в 1693 г.

В этом контексте отсутствие имени д'Обиньяка приобретает особую значимость. Вполне очевидно, что Гере стремился завоевать расположение тех собратьев по перу, которые имели определенный вес в светских кругах. Так, сама по себе картографическая форма его сочинения могла быть интерпретирована как своеобразная дань уважения «божественной Сафо», тем более что ей отведено одно из почетных мест в литературном пантеоне. Но идея путешествия в Новый Свет напрямую отсылала к традиции аллегорических утопий, включая «Известие о королевстве Кокетства». Еще более примечательно то, как Гере обращается с Корнелем. Великий драматург, единственный обитатель города Комедии, рекомендован читателям как автор «Эдипа» (1659) и «Сертория» (1662)¹. Не будем забывать, что именно эти трагедии подверглись резкой критике д'Обиньяка, причем «Третья диссертация», направленная против «Эдипа» вышла почти одновременно с «Картой двора». Последняя была отпечатана в начале июля (ее привилегия – разрешение на публикацию – датирована 12 июня, тираж зарегистрирован 5 июля), а первая – в конце того же месяца (повторное использование привилегии помечено 24 июля², а тираж – 27 июля). Это означает, что «Две диссертации» появились несколько раньше, и, учитывая склонность аббата к саморекламе, Гере вряд ли мог не знать о скором выходе третьей. Его отзыв об авторе «Эдипа» и «Сертория», безусловно, звучит как панегирик, и обе трагедии имели достаточный успех, чтобы их выбор не казался странным. Но, с учетом критики д'Обиньяка, позиция Гере приобретает некоторую двусмысленность. Пытается ли он возразить аббату и потому упоминает те же названия, или, наоборот, скрытым образом выступает в его поддержку? Однозначный ответ дать невозможно, и это, по-видимому, была сознательная тактика молодого юриста. Она позволяла ему и засвидетельствовать почтение стареющему Корнелю, и намекнуть д'Обиньяку, что его критика учтена. Попутно заметим, что личные симпатии Гере, вероятно, были на стороне драматурга: весь набор приводимых имен и сочинений заставляет опознать в нем сторонника «новых», даже если не знать о его вкладе в знаменитую полемику, выразившуюся в виде двух сатирических опусов: «Реформированный Парнас» (1668) и «Война древних и новых авторов» (1671).

¹ Guéret G. La Carte de la Cour. P. 75-76.

² Во многих изданиях 1660-х гг. д'Обиньяк использовал привилегию, которая была получена им 15 января 1656 г., когда он опубликовал «Оправдание Теренция». При выходе своих диссертаций он лишь перерегистрировал ее, причем в случае первых двух типограф не стал указывать дату перерегистрации и окончания печати, поэтому можно сказать лишь, что издание вышло в первой половине 1663 г.

Итак, «Карта двора» представляет собой попытку одновременного освоения и апроприации литературного и светского пространства¹. Причем, как мы убедились, Гере до тонкостей знал специфику первого, и в общих чертах представлял себе второе. Судя по тому вниманию, которое он уделяет Галантному двору, в особенности женской его части, он надеялся заручиться покровительством кого-то из окружения Генриетты Английской. Этот контраст между реальным знанием и конвенциональными представлениями особенно очевиден, если посмотреть на начальные этапы путешествия Гидаспа по Новому Свету. По сути, речь идет о процессе воспитания, где сперва особым образом тренируется тело (провинция Упражнений), а затем – те качества, которые необходимы для светского общения (провинция Изысканных Манер). Тут сочинение Гере воспроизводит традиционную траекторию, разработанную в многочисленных трактатах о формировании придворного, начиная с классического труда Бальдассаре Кастильоне. Их топосы превращаются в локализуемые на карте местности: скажем, почти все тексты такого рода обсуждают, какого происхождения должен быть придворный, откуда провинция Благородной Крови; какими навыками он должен обладать, откуда провинции Упражнений и Изысканных Манер и проч. Более того, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что в качестве основной модели Гере использует известный трактат Николя Фаре «Достойный человек, или Искусство нравиться при дворе» (1630). На это указывает ряд общих топик, которые не обязательно присутствуют в других текстах. Так, Фаре критикует «праздную» жизнь благородного человека и указывает, что пребывание при дворе является его моральным долгом²; Гере осуждает Гидаспа за нежелание покидать свои деревни и занять полагающееся ему место при дворе. Фаре предостерегает, что честолюбцев там ожидает «тайный ад», поскольку они постоянно разрываются между страхом и надеждой³. Гере сообщает Гидаспу, что если тот захочет добиться должности, то надо плыть через залив Происков, мимо мыса Доброй Надежды (со всеми соответствующими этому географическому обозначению коннотациями), по проливу Соперников, который разделяет острова Надежды и Страх⁴. Оба придают большое значение занятиям словесностью, подчеркивают, сколь важную роль играют при дворе дамы и т.п.

¹ Об их соотношении см.: Denis D. «Sçavoir la carte»: voyage au Royaume de Galanterie // *Études littéraires*. 2002. Vol. 34. №1-2. P. 179-189.

² *L'Honneste-Homme, ou L'Art de plaire à la Cour*. Par le Sieur Faret. P., 1630. P. 82-86.

³ *Ibid.* P. 73.

⁴ Guéret G. *La Carte de la Cour*. P. 86-89.

Насколько неволен этот анахронизм? Можно, конечно, увидеть в нем еще один признак того, что Гере мало представлял себе действительное положение вещей и потому ориентировался на книжное знание. Однако он называет слишком много имен, чтобы подозревать его в неискушенности. Как мы убедились, адвокат был тесно связан с литературными кругами и вхож в парижские салоны, где, даже при вполне искреннем восхищении молодым королем, превалировали сложные чувства по отношению к его окружению. Стоит напомнить, что «Карта двора» вышла в свет во время процесса над Фуке, с которым были связаны многие из упомянутых в тексте персонажей, начиная с Корнеля, посвятившего ему все того же «Эдипа». В «Карте двора», по-видимому, есть смутный намек на это событие. Во время плавания по морю Лувра путешественники должны опасаться острова Воспарения, поскольку именно о него разбиваются корабли неосмотрительных честолюбцев. Гере приводит эпитафии трех из них: это дерзкий Лизис, несчастный Адраст и юный Эвримедон (ни один из псевдонимов не раскрывается)¹. Первый пустился в плаванье по бурному морю, был вознесен к небу волнами, а затем рухнул вниз; второй положился на попутный ветер, а не на рулевого, и потерял управление своим судном; третий, подобно Цезарю, решил бросить вызов ветрам, но, не обладая его удачей, также погиб. Поскольку история Фуке подразумевает взлет и падение, его скорее можно отождествить с Лизисом, хотя эта идентификация вполне условна, и не исключено, что Гере специально приводит три примера, чтобы избежать прямых параллелей. Его собственная позиция была не простой, учитывая возможную (или желаемую) близость к семейству Кольбера. Тем не менее, как и в случае конфликта между Корнелем и д'Обиньяком, он отказывается открыто принимать ту или иную сторону.

Отношение Гере к процессу над Фуке имеет для нас определенное значение, поскольку позволяет затронуть вопрос политической прагматики «Карты двора». Чем должно закончиться путешествие Гидаспа? Как выясняется, отнюдь не отправлением конкретных обязанностей или достижением важных должностей. Главный резон его пребывания при дворе состоит в возможности смотреть на государя: «Вы сможете созерцать вблизи и без спешки то солнце, которому мы обязаны всем нашим счастьем, или, если объясняться яснее, вы сможете лицезреть сего великого монарха, которому ваши деревни обязаны своим изобилием»². Более того, Гере не советует своему герою стремиться в город Службы³,

¹ Ibid. P. 49-50.

² Ibid. P. 93.

³ Ibid. P. 81.

который в выстраиваемой «Картой» системе ценностей занимает едва ли не последнее место, поскольку упоминается после города Балета. Тем самым он, по-видимому, выступает проponentом административной политики Людовика XIV, стремившегося удерживать знатных людей при дворе, не доверяя им государственных должностей. Но столь откровенная апология праздности придворного, который лишен каких-либо функций помимо поклонения «солнцу», заставляет подозревать присутствие скрытой иронии. В этом смысле использование топосов, заимствованных из глубоко пессимистического и вполне практического трактата Фаре, подчеркивает контраст между «тогда» и «сейчас». Фаре описывает ситуацию, в которой успех «человека достойного» зависел от его умения общаться с государем, вельможами, дамами и проч., то есть социальность являлась одним из инструментов карьерного продвижения. У Гере полностью отсутствует идея коммуникации с властью: король исключен из светского общения, его можно только созерцать; а социальность становится самоцелью. Не случайно, как было отмечено в начале, границы Нового Света отчасти сливаются с очертаниями долины Романа. Это происходит не только потому, что сюжеты и герои романов заимствуются из светской хроники, но и из-за полного отсутствия утилитарности.

В свое время Эрик Ауэрбах заметил, что именно в 1660-е гг., в начальный период личного правления Людовика XIV, появляется ряд новых социокультурных обозначений, таких как «публика», «la cour et la ville», которые свидетельствуют о постепенной реорганизации общественного пространства, во многом происходившей под знаком сопротивления усиливающемуся влиянию двора¹. Как известно, результатом этого процесса стало выделение публичной и частной сферы, а также формирование новых типов социальности, в чем немалую роль сыграла литература². «Карта двора» несет в себе следы подобного размежевания. Практикующий правовед и один из историков парижского Парламента, Гере, по-видимому, понимал, в каком направлении идут административные реформы, особенно если он принадлежал к окружению Кольбера. В то же время его изображение двора отчетливо демонстрирует наличие разрыва между актуальным знанием социума (взаимосвязей внутри литературных и даже придворных кругов) и вполне архаическим представлением об институции, которое оказывается

¹ *Auerbach E. La Cour et la Ville // Auerbach E. Scenes from the Drama of European Literature. Gloucester, Mass., 1973. P. 133-179.*

² Как напоминает Элен Мерлен, исследование публичной сферы Юргена Хабермаса во многом отталкивается от статьи Ауэрбаха о городе и дворе. Об этом и об эволюции представлений о публичности во Франции XVII в. см.: *Merlin-Kajman H. Public et littérature en France au XVIIIe siècle. P., 2004 (о Хабермасае и Ауэрбахе см. с. 24-28).*

абстрагированным от живых отношений (город Службы и проч.). В этом смысле карта противостоит иерархической логике этикета, постепенно разрабатываемого и совершенствуемого Людовиком XIV. Можно сказать, что «знание карты» отражает не только традиционную для XVII столетия любовь к таксономии и к перечислению реальных и риторических «мест», но и предпочтение горизонтальных социальных связей.

Список литературы

- Guéret G.* La Carte de la Cour. P., 1663.
- Les Œuvres de Monsieur de Bensserade. Première Partie. P., 1697.
- Fumaroli M.* Le Poète et le Roi: Jean de La Fontaine en son siècle. P., 1997.
- Morlet-Chantalat Ch.* La Clélie de Mademoiselle de Scudéry, de l'épopée à la Gazette; un discours féminin de la gloire. P., 1994.
- Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. [*Fuko M.* Slova i veshhi: Arheologija gumanitarnyh nauk. SPb., 1994].
- La Bibliothèque française, de M. C. Sorel. Ou le Choix et l'Examen des Livres François qui traitent de l'Eloquence, de la Philosophie, de la Devotion, & de la Conduite des Moeurs. P., 1664.
- Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots français tant vieux que modernes <...> par le feu Messire Antoine Furetiere. La Haye, Rotterdam, 1690. T. 1.
- Le dictionnaire de l'Académie française, dédié au Roy. P., 1694. T. 1.
- Deux dialogues du nouveau langage françois, italianize et autrement desguize principalement entre les courtisans de ce temps. Envers: Guillaume Niergue, 1579.
- Zumthor P.* La Carte de Tendre et les Précieux // Truvium. Schweizerische Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft. Jahrgang VI. Zürich, 1948.
- Histoire du temps ou relation du royaume de coquetterie extraite du dernier voyage des Holandois aux Indes du levan. P., 1654.
- Delft L. van.* Littérature et antropologie: Nature humaine et caractère à l'âge classique. P., 1993.
- La Carte du Royaume des Pretieuses // Recueil de pièces en prose, les plus agréables de ce temps. I partie. P., 1660.
- La carte du Royaume d'amour, Ou la description succincte de la Contrée qu'il regit, de ses principales Villes, Bourgades, & autres lieux, Et le chemin qu'il faut tenir pour y faire voyage // Recueil de pièces en prose, les plus agréables de ce temps. P., 1660.
- Oeuvres de Segrais. P., 1733.

Lettre de M.D. sur le carte du Royaume de Tendre, escrite à l'illustre M.S. // Recueil de pièces en prose les plus agréables de ce temps. II partie. P., 1662.

Rouben C. Histoire et géographie galantes au Grand Siècle: L'Histoire amoureuse des Gaules et La Carte du Pays de Braquerie de Bussy-Rabutin // XVIIe siècle. Revue publiée par la Société d'Étude du XVIIe siècle. № 93. 1971.

Carte geographique de la cour et autres galanteries par Rabutin. Cologne, 1668.

Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. [*Jelias N.* Pridvornoe obshhestvo. Issledovanie po sociologii korolja i pridvornoj aristokratii. М., 2002].

Saint-Simon. Mémoires. Introduction, notes, bibliographie, index par Gonzague Truc. P., 1953.

Le Grand Dictionnaire historique, ou le Mélange curieux de l'Histoire sacrée et profane <...> par Mre Louis Moreri. P., 1725.

Неклюдова М.С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М., 2008. [*Nekljudova M.S.* Iskusstvo chastnoj zhizni: Vek Ljudovika XIV. М., 2008].

Guenoun S. Clélie: terres inconnues et imaginaires. Pour une épistémologie du transport // Voyages: récits et imaginaire. Actes de Montréal. P., Seattle, Tubingen, 1984.

Le grand dictionnaire des pretieuses. Par le Sieur de Somaize. P., 1661.

Scudéry M de., Pellisson P., et all. Chroniques du Samedi, suivies de pièces diverses (1653-1654). P., 2002.

Bray L. César-Pierre Richelet (1626-1698): Biographie et oeuvre lexicographique. Tübingen, 1986.

Granet F. Reflexions sur les ouvrages de littérature. P., 1742. T. 4.

Macarise, ou La Reine des Isles Fortunées. Histoire allegorique. Par Messire François Hedelin, Abbé d'Aubignac. P., 1664. T. 1.

Dictionnaire françois contenant les mots et les choses, plusieurs nouvelles remarques sur la langue françoise. Par P. Richelet. Geneve, 1680.

Denis D. «Sçavoir la carte»: voyage au Royaume de Galanterie // Études littéraires. 2002. Vol. 34. № 1-2.

L'Honneste-Homme, ou L'Art de plaire à la Cour. Par le Sieur Faret. P., 1630.

Auerbach E. La Cour et la Ville // Auerbach E. Scenes from the Drama of European Literature. Gloucester, Mass., 1973.

Merlin-Kajman H. Public et littérature en France au XVIIe siècle. P., 2004.

ИСТОРИОГРАФИЯ

В.В. Ададуров

**УКРАИНСКИЙ КАЗАК НА СЛУЖБЕ ЛЮДОВИКА XV,
ИЛИ ПОЛЬСКИЙ ШЛЯХТИЧ НА СЛУЖБЕ
ДВУХ КОРОЛЕЙ:
Документальная деконструкция исследования И. Борщак
о П.-Г. Орлике**

Проанализировав источники, на которые ссылался известный украинский историк-эмигрант 1920-х – 1950-х гг. И. Борщак в своей монографии о П.-Г. Орлике, и сопоставив их с оригиналами соответствующих документов из французских архивов, автор статьи ставит под сомнение некогда созданный Борщак и ныне широко распространенный в историографии образ этого исторического деятеля XVIII в. как «украинского казака на службе Людовика XV».

Ключевые слова: история Нового времени, историография, франко-украинские отношения, П.-Г. Орлик, И. Борщак

Илья Львович Баршак (1892-1959), более известный под псевдонимом Илько Борщак, считается основоположником изучения истории француско-украинских отношений. Получив юридическое образование в Санкт-Петербургском, Киевском и Новороссийском университетах и являясь членом партии украинских социалистов-революционеров, И. Борщак принял активное участие в политической жизни Украинской Народной Республики (УНР), провозглашенной в 1917 г. В 1919 г. он прибыл во Францию в составе делегации УНР на Версальскую мирную конференцию и впоследствии, как многие украинские политики и военные, остался в этой стране, связав с нею свою

Вадим Валентинович Ададуров, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Нового и Новейшего времени Украинского католического университета (Львов, Украина).

последующую жизнь. Уже в первые годы эмиграции Борщак, видя в знании о прошлом важное средство обоснования насущных идеологических постулатов, попытался создать цельную историческую концепцию, доказывавшую якобы существовавшую на протяжении многих веков заинтересованность западных держав и их лидеров в существовании независимого от России и Польши Украинского государства. Согласно утверждению самого Борщака, цель его исследовательской и публицистической деятельности состояла в комплексном освещении истории отношения к Украине таких выдающихся деятелей, как Кромвель, Мазарини, Людовик XIV, Наполеон I. В предисловии к одному из своих сочинений исследователь отмечал, что «сношения Европы с Украиной являются доселе еще не изученным вопросом в нашей историографии, причиною чего явились тяжкие условия существования нашей нации на протяжении двух последних веков». Борщак указывал, что «значение этого вопроса понимал Драгоманов, писавший 16 октября 1872 года к Мелитону Бучинскому: «Хоть бы какой то повод был нам в мир высунуть нос»»¹. Чтобы подкрепить свою концепцию конкретными фактами, Борщак вел систематические исследования в западных, главным образом французских, архивах и библиотеках, поскольку считал, что «ни польские, ни русские источники не могут воссоздать настоящую картину состояния украинского вопроса в широком значении этого слова»².

Поэтому неудивительно, что по прошествии десятиков лет после выхода в свет основных исторических сочинений Борщака его взгляды, заклеянные в советской историографии как «буржуазно-националистические», были в постсоветский период восприняты украинскими интеллектуальными кругами, и особенно историками, как прошедшее через десятилетия послание исследователя потомкам, живущим в условиях независимости и построения отношений с западным миром. Период 1990-х – начала 2000-х гг. стал воистину «золотым веком» исторической концепции Илька Борщака. Именно в это время были переизданы его основные сочинения и увидел свет целый ряд благожелательных и, даже, восторженных обзоров, посвященных его исторической концепции³. В эти годы

¹ *Борщак І.* Великий мазепинець Григор Орлик, генерал-поручник Людовика XV (1702 – 1759). Львів, 1932. С. VII.

² *Борщак І.* Звідомлення з дослідів в архівах Західної Європи, переслане Українській Академії наук у Києві 1924 р. // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 134. Львів, 1925. С. 241.

³ Назовем здесь лишь наиболее заметные работы: *Дашкевич Я.* Ілько Борщак і його вклад в історіографію України // Вісник Київського університету. Серія Історичні науки. Вип. 32.

в историографическом поле Украины отчетливо наблюдалась тенденция к возведению творческого наследия этого, как подчеркивается в одной из современных энциклопедий, «ведущего ученого-гуманитария украинской диаспоры»¹, в степень истины в последней инстанции. Некритическое отношение к написанным главным образом в межвоенный период работам Борщака отражает общее состояние современного историописания в Украине. Конструирование исторических знаний происходит преимущественно в рамках концепций, сформированных в начале XX в. В конкретном случае И. Борщака речь идет о ритуальной коммеморации «идола» национальной государственности. Если исходить из утверждения современного французского философа Эдгара Морена о том, что в познании сосуществуют два основополагающих начала – *logos* (знание) и *mythos* (вера)², то в случае с творчеством Борщака преобладает именно второй из них. Любая попытка оценить его взгляды с критических позиций³, вызывает эмоциональное неприятие, более того – обвинение в отсутствии патриотизма, хотя никакого аргументированного отпора такие попытки не встречают из-за отсутствия у адептов сакрализации идей Борщака каких-либо рациональных доказательств правоты их гу-

Київ, 1990. С. 47-52; *Дашкевич Я.* Ілько Борщак, історик // *Борщак І.* Мазепа. Орлик. Войнаровський: Історичне есе. Львів, 1991. С. 3-4; *Дашкевич Я.* Ілько Борщак, історик // *Дашкевич Я.* Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури. 2-ге вид. Львів, 2007. С. 461-471; *Білокінь С.* Післямова // *Борщак І., Мартель Р.* Іван Мазепа: Життя й пориви великого гетьмана. Київ, 1991. С. 307-315; *Череватюк В.* Ілько Борщак – невтомний дослідник і поширювач української джерельної спадщини за кордоном // *Наукові записки: Збірник праць молодих вчених та аспірантів.* Т. 1. Київ, 1996. С. 418-429; *Сарбей В.* Хто він – Ілько Борщак? // *Історичний календар 1999.* Київ, 1998. С. 24-28; *Сохань П.* Видатний український історик, джерелознавець і бібліограф // *Борщак І.* Україна в літературі Західної Європи. Київ, 2000. С. 7-23; *Шкварець В.* Ілля Борщак: Життя, діяльність, творчість. Миколаїв, 2002; *Часопис «Україна»* (Париж): Показчик / Уклад І. Забіяка. Київ, 2000; *Кириченко Р.* Українознавчі студії науковців української діаспори у Франції // *Збірник наукових праць Науково-дослідного інституту українознавства.* Т. 2. Київ, 2004. С. 57-72; *Рева Л.* Ілько Борщак – популяризатор творів української проблематики у франкомовному науковому середовищі // *Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні.* Вип. 15. Харків, 2006. С. 221-227; *Рева Л.* Ілько Борщак про видатні історичні постаті (за архівами НБУВ) // *Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського.* Вип. 16. Київ, 2006. С. 482-489; *Матвійшин В.* Науково-публіцистична діяльність Ілька Борщака у Франції // *Матвійшин В.* Український літературний європеїзм. Київ, 2009. С. 244-252.

¹ Борщак Ілько // *Народжені Україною: Меморіальний альманах у 2-х т.* Київ, 2002. Т.1. С. 254-255.

² *Morin E. La methode: La Connaissance de la Connaissance.* P., 1986. P. 153-176.

³ *Анцішкін І.* До питання про «французький похід» Івана Сірка // *Козацька спадщина.* Альманах Нікопольського регіонального відділення Науково-дослідницького інституту козацтва Інституту історії НАН України. Вип. 2. Нікополь–Дніпропетровськ, 2005. С. 120–122.

ру. Критику просто игнорируют и продолжают курить фимиам¹. Но, как и большинство «золотых веков» в истории человечества, триумф концепции Борщака в украинской историографии оказался недолгим, и уже сегодня на смену апологетическому подходу к методам и источникам работы этого исследователя пришли скепсис и его неизбежный спутник разочарование.

Долгое время серьезным препятствием для критики концепции Борщака являлась недоступность украинским историкам большинства источников, введенных им в научный оборот. Даже сегодня от апологетов Борщака можно услышать сакраментальный вопрос: «Он работал во французских архивах, а вы там бывали?». Одним из первых опытов критического подхода стала моя публикация 2005 г., посвященная способу объяснения Борщакom отношения наполеоновской Франции к территориям, на которых проживали предки современных украинцев. Не имея намерения лишить Борщака заслуженных лавров первооткрывателя многих документов, характеризующих отношение Франции начала XIX в. к юго-западным окраинам Российской империи, я путем сравнения его собственных текстов с оригиналами процитированных ним документов из Национального архива, архивов Исторической службы Министерства обороны и Министерства иностранных дел Франции установил, что он явно искажал содержание этих источников и даже фальсифицировал отдельные свидетельства². Выводы этой публикации были следующими: Борщак намеренно утаил то, что в окружении Наполеона карту украинского казачества последовательно и искусно разыгрывали польские военные и политические деятели; они же, а отнюдь не преданное царю и православной вере малороссийское дворянство формулировали концеп-

¹ Мельников Є. Ілля Борщак – військовий дипломат, вчений // Науковий вісник Миколаївського державного університету ім. В.О. Сухомлинського. Серія «Історичні науки». Вип. 27. Миколаїв, 2009. С. 157-165; Мельников Є. Біографічні сторінки життя та діяльності Григорія Орлика в науково-публіцистичній спадщині Іллі Борщака // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету ім. В. Гнатюка. Серія «Історія». Тернопіль, 2010. Вип. 2. С. 302-306; Мельников Є., Шкварець В. Ілько Борщак як земляк, подвижник долі, провісник української духовності. Миколаїв, 2012. К числу подобных казусов следует отнести скандальное по своему дилетантскому уровню изложение темы планов Наполеона в отношении Украины, которое представил 8 июля 2012 г. киевский профессор А. Кудряченко на международной конференции в Москве, организованной Институтом всеобщей истории РАН (видеозапись этого выступления и реакции на него российских наполеоноведов см.: <http://www.youtube.com/playlist?list=PL84ABF87F51C62219>).

² Ададуров В. Народження одного історичного міфу: Проблема «Наполеон і Україна» у висвітленні Ілька Борщака // Україна модерна. Ч. 9. Київ–Львів, 2005. С. 212–236; Ададуров В. Юго-западные окраины Российской империи в иерархии приоритетов восточноевропейской политики Наполеона (Историографический аспект) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вип. 9. М., 2010. С. 359-397.

ции казацкой автономии в составе проектируемой ими новой Речи Посполитой в границах от Балтики до Азовского моря. Кроме замены польских авторов на известных либо «неизвестных» французских¹, Борщак прибег еще к трем видам фальсификации исторических источников: 1) изъятию отдельных слов либо их замене другими, в том числе этнонимов («казаки» на «украинцы») и топонимов («Польская Украина, «Русская Украина» на просто «Украина»), несмотря на то, что последние являются кодами для реконструкции представлений иностранцев о малоизвестных им объектах; 2) добавлению абзацев, а то и целых страниц, содержание которых должно было свидетельствовать о намерении правительства Франции принять участие в судьбе украинского казачества, чтобы подтолкнуть остатки запорожской вольницы к выступлению против России; 3) фальсификации целых документов (например, весьма популярного сегодня в украинской историографии псевдообещания Наполеона находившимся за Дунаем козакам восстановить Запорожскую Сечь после победы над Россией). Кроме того, немало утверждений Борщака (например, не подтвержденные ни одним источником размышления Наполеона в Москве в 1812 г. о возможности продвижения его армии через Украину) носят предположительный характер². Подобные отступления от фактического содержания источников осуществлялись Борщак повсюду, где это представлялось ему возможным, хотя еще в 1923 г. сам он писал про методологические принципы работы исследователя с документальным источником: «Мы знаем, насколько опасно с научной точки зрения великое искушение осовременивать определенные исторические явления, знаем, что не следует переставлять слов в минувших столетиях: они имеют свое содержание, пренебрежение которым едва ли не наихудшее варварство в истории»³.

Работа «Наполеон и Украина»⁴ планировалась как последняя, пятая часть задуманного Борщак исследованием про почти тысячелетнюю историю контактов между Францией и Украиной. Первая часть этого

¹ Так автора идеи буферного государства запорожцев и крымских татар «Наполеониды» генерала Михала Сокольника Борщак заменил на дипломата Александра-Мориса д'Отрива. Подробнее см.: *Ададуrow В.* Наполеонида // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813 – 1814 годов: Энциклопедия в 3-х томах. М., 2012. Т. 2. С. 561-562.

² Подробнее см.: *Ададуrow В.* Борщак Илько // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813-1814 годов: Энциклопедия. Т. 1. С. 225-226.

³ Борщак І. Польські плани супроти України за Наполеона в світлі сучасних подій // Нова Громада. Ч. 3-4. Відень, 1923. С. 46.

⁴ *Борщак І.* Наполеон і Україна. З невідомих документів із тогочасними ілюстраціями. Львів, 1937. 127 с.

труда должна была охватить период пребывания во Франции Анны Киевской, супруги короля Генриха I, так и не была написана, кроме некоторых общих размышлений. Вторая - период правления кардинала Мазарини, когда на военную службу во Франции, согласно утверждению Борщака, поступили запорожцы во главе с Иваном Сирком и Богданом Хмельницким – была реализована лишь частично, в нескольких статьях¹. Третья посвящалась связям правительства Людовика XIV с Иваном Мазепой и Филиппом Орликом², четвертая – деятельности Петра-Григория Орлика во Франции и других странах³.

С точки зрения привлечения неизвестных ранее архивных материалов, наиболее основательной выглядела именно последняя из названных частей. В ней была описана «действительно удивительная жизнь и деятельность Григора Орлика, родившегося в Батурине Мазепы, и окончившего жизненный путь на Рейне, под французскими стягами»⁴. Эта работа о Петре-Григории Орлике (1702-1759), сыне личного секретаря Мазепы и, по некоторым данным, генерального писаря Войска Запорожского Филиппа Орлика, избранного после смерти Мазепы его сторонниками в изгнании казацким гетманом, являлась авторской интерпретацией документов, отложившихся в архивах Франции, благодаря благословенной для историков привычке тамошней бюрократической машины подроб-

¹ *Борщак І.* 1652, 1653 і 1654 роки на Україні по «Французській газеті» (Gazette de France) // Дніпро: Альманах. Львів, 1925. С. 102-105; *Борщак І.* Україна, Литва і французька дипломатія в 1648-1657 рр. (руський переклад с рукописи 1931 г. помещен на сайте: <http://www.laborunion.lt/memo/modules/sections/index.php?op=viewarticle&artid=40>); *Борщак І.* Франція і Переяславська рада // Вісті Європейського Відділу Наукового товариства імені Шевченка. Ч. 6. Париж, 1954. С. 14-20.

² *Борщак І.* Україна і французька дипломатія XVIII віку // Нова Україна. Ч. 2. Прага-Берлін, 1923; *Борщак І.* Гетьман Пилип Орлик і Франція // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 134-135. Львів, 1924. С. 79-136 (современное переиздание: Гетьман Пилип Орлик і Франція (з додатком Маніфесту від 4 квітня 1712 року) // Хроніка 2000: Український культурологічний альманах. № 2-3. Київ, 1995. С.104-117); *Борщак І.* Вольтер і Україна // Україна. Ч. 16. Київ, 1926. С. 34-42 (современное переиздание: Хроніка 2000: Український культурологічний альманах. № 2-3. Київ, 1995. С. 118-127); *Борщак І.* Шведчина і французька дипломатія // Записки Українського наукового товариства в Києві. 1928. Т. 28. С. 77-88; *Борщак І.* Папери Пилипа і Григора Орликів // Україна: Українознавство і французьке культурне життя. Збірник 3. Париж, 1949. С. 147-150; *Борщак І.* Орликіяна: Невидані листи П. Орлика до Станіслава Лещинського й до кардинала Флері в 1725 р. // Україна: Українознавство і французьке культурне життя. Зошит 10. Париж, 1953. С. 826-834; *Борщак І.* Мазепа. Орлик. Войнаровський: Історичне есе. Львів, 1991. 256 с.

³ *Борщак І.* Великий мазепинець Григор Орлик, генерал-поручник Людовика XV (1702-1759). Львів, 1932. 208 с. Современное переиздание: *Різниченко В.; Борщак І.* Пилип Орлик – гетьман України; Великий мазепинець Григорій Орлик: Історичні оповіді. Київ, 1996. 302 с. Несколько сокращенное англоязычное издание: *Borschak E.* Nryhor Orlyk, Franc'es Cossack general. Toronto, 1956. 124 p.

⁴ *Борщак І.* Великий мазепинець Григор Орлик. С. VIII.

нейшим образом фиксировать на бумаге этапы деятельности подчиненных ей лиц. «Самые трогательные минуты, пережитые мною в Национальной библиотеке, связаны с личностью Григора Орлика, – отмечал Борщак. – Эта личность была так малоизвестна у нас, что, приехав в Париж, я все еще не был уверен, не являлось ли пребывание сына гетмана в Париже вообще легендой»¹. По словам Борщака, сбор материалов, их анализ и, собственно, создание текста книги заняли десять лет. Во вступлении автор подчеркивал, что его труд имеет научный характер, поскольку основан на документальном материале:

Мы сознательно – хотя искушение было огромно! – ограничились до минимума свои комментарии, повсюду уступая слово документам. Там, где документ отсутствует, просто ставим точку, а где ее мало, предлагаем гипотезу².

Одновременно Борщак пытался убедить читателя, что «это – исторический труд, который писал патриот украинской государственности, но писал, как историк и исследователь, ибо патриотизм является доблестью, а не научным методом и нет ничего худшего, чем путать эти два понятия»³.

Чтобы понять, каким образом соединились четко выраженное стремление исследователя доказать заинтересованность Франции в государственной независимости Украины и принцип научной беспристрастности, я проведу тщательную проверку текста Борщака по его же источникам, главным образом, архивным, а также сопоставлю его выводы с другими, не использованными им, документальными свидетельствами. Такое исследование может либо подтвердить, либо опровергнуть те выводы относительно методов исторического творчества Борщака, которые я ранее сделал на основе анализа его сочинения «Наполеон и Украина».

Обращаясь к деяниям Филиппа и Петра-Григория Орликов, Борщак доказывал, что гетман и его сын руководствовались стремлением любой ценой добыть политическую свободу для Украины. Согласно его концепции, Орлики являлись воплощением политического суверенитета Украины в эмиграции, были семьей ее настоящих вождей, посвятивших ее независимости все свои помыслы и деятельность. Борщак убеждал, что подвижничество Орликов было известно всей Европе, лидеры которой выражали свое уважение к Украине в лице ее выдающихся представителей. Утверждая, что после смерти отца сын возглавил борьбу за создание Укра-

¹ Борщак І. Папери Пилипа і Григора Орликів. С. 147.

² Борщак І. Великий мазепинець Григор Орлик. С. VIII.

³ Там же. С. IX.

инского государства, Борщак пытался доказать, что Петр-Григорий Орлик, которого он в простонародной манере именовал «Григором», являлся значимой фигурой международного масштаба, чьим мыслям внимали послы, министры и монархи, ибо вся просвещенная Европа считала своей обязанностью помочь «Украине, которая всегда стремилась к свободе»¹. К советам младшего Орлика якобы прислушался французский посол в Варшаве маркиз Антуан-Феликс де Монти, который представил его 28 октября 1729 г. магнатам Потоцким (непонятно зачем, если Орлик с 1726 г. и так являлся адъютантом воеводы Киевского Юзефа Потоцкого, впоследствии великого гетмана коронного²) и с согласия последних направил его к французским министрам с предложенным Орликом планом освобождения его отца, содержавшегося турецкими властями под надзором в Салониках³.

Обращение к французской дипломатической переписке, на которую ссылается Борщак, показывает, что идея искать помощи у Франции в этом деле, действительно принадлежала Орликам⁴. Однако инициатива отправить сына гетмана во Францию исходила от трех польских магнатов: архиепископа Гнезненского Теодора Анджея Потоцкого, воеводы Киевского Юзефа Потоцкого и придворного коронного маршалка Стефана Потоцкого⁵. Направили же они его не к Версальскому двору, как убеждал Борщак, а к бывшему королю Польши Станиславу Лещинскому, который на почетных правах тестя Людовика XV проживал в королевском замке Шамбор. Из депеши Монти видно, что он о существовании Орлика-сына узнал только из меморандума шведского посла генерала Цюллиха от 7 декабря 1729 г., то есть уже после того, как Петр-Григорий отбыл во Францию. Таким образом, Монти не мог давать прямых рекомендаций сыну гетмана до его отъезда. Постфактум он сообщил возглавлявшему правительству кардиналу Андре-

¹ *Борщак I*. Великий мазепинец Григор Орлик. С. 34. Ссылка Борщака на фразу Вольтера из «Истории Карла XII»: *Voltaire*. Histoire de Charles XII. Paris, an X de la République Française (1802). P. 171–172.

² См. автобиографическое повествование Орлика: [...] Je suis entré 1726 dans les troupes de la République de Pologne en qualité d'aide de camp général du grand général de la Couronne, qui me donnait le grade de Lieutenant colonel dans l'armée. – Le comte d'Orlick au Roy. Exposé des services qu'il a rendu à la France. Grâce qu'il demande. Novembre 1743 // Archives du Ministère des affaires étrangères, (далее – АМАЕ). Série «Correspondance politique» (далее – СР). Sous-série «Pologne». Vol. 227. Fol. 501v-501r.

³ *Борщак I*. Великий мазепинец Григор Орлик. С. 23–24.

⁴ Pro memoria de Züllich, Varsovie, vers le 7 novembre 1729 // АМАЕ. СР. Sous-série «Pologne». Vol. 184. Fol. 263v-264v.

⁵ Заметим, что Борщак упомянул только двух первых из перечисленных магнатов, спутав должность придворного коронного маршала с должностью великого гетмана коронного. В 1729 г. последняя должность была вакантной. Ю. Потоцкий станет великим гетманом коронным только в 1735 г.

Эркюлю де Флери о плане клана Потоцких, указав, что при определенном стечении обстоятельств освобождение Филиппа Орлика могло бы оказаться полезным для Франции. Монти отметил: «они (Потоцкие – В.А.) рассматривают его как большого врага русских»¹ (в вульгарном переводе Борщака эта фраза звучит так: «Орлик лично ненавидит москалей»²).

Подобные обстоятельства первой миссии Орлика во Францию были, несомненно, известны Борщаку, который в своем сочинении изложил содержание короткого меморандума, направленного Монти в январе 1732 г. кардиналу Флери для разъяснения роли младшего Орлика в замыслах Потоцких 1729 года. Миссия Орлика, который отправился во Францию под вымышленным именем шведского офицера Бартеля, преследовала, по утверждению Борщака, две цели:

1) Сообщить Королю Станиславу [Лещинскому] о намерении Короля Августа заставить Республику поставить на престол его сына; 2) Получить от Французского Двора рекомендации к французскому Послу при Порте, дабы тот поддержал его отца [Филиппа Орлика], находящегося в Салониках, в его намерениях касательно Украины, чтобы установить связь с казаками³.

Однако, согласно документу, миссия Орлика имела тройственный характер. Стоит лишь посмотреть, какие фрагменты цитируемого источника

¹ См. текст документа (здесь и дальше сохраняется оригинальная стилистика французского языка, в отдельных моментах отличающаяся от принятой сегодня): M[onsieur] le général Zulich, ministre plénip[otential]re de Suède, m'a donné le mémoire que j'ai l'honneur joindre ici qui m'est aussi recommandé par le Primat, le petit général et le Palatin de Kiovie, qui s'intéressent [si] on ne peut pas plus au général des Cosaques Orlich qui est présentement à Thessalonique. Ces M[es]sieurs supplient le Roy d'ordonner à Son Amb[assadeu]r à Constantinople de le protéger, et de travailler à lui faire obtenir de la Porte quelque augmentation de pension afin qu'il puisse substituer plus décentement. Ils le regardent comme une grande animosité contre les Russes. Il demande avec instance cette protection du Roy. Un des fils du général Orlich qui est capitaine dans les troupes de Pologne à présent en chemin pour aller faire sa révérence au Roy Stanislas. Je n'ai pu, M[onsie]g[neu]r, me dispenser de Vous faire cette dépêche et je Vous supplie d'y vouloir bien faire attention, afin que ces M[essieu]rs connaissent que Sa Majesté a de la bonté pour les personnes auxquelles ils s'intéressent, cela ne saurait produire qu'un bon effet. – Expédition de Monti à Fleury, Varsovie, le 7 novembre 1729 // AMAE. CP. Sous-série «Pologne». Vol. 184. Fol. 261v-262v.

² Борщак I. Великий мазепинець Григор Орлик. С. 25.

³ См. у Борщака: ... Le fils du général des Cosaques M. Orlik, qui sous le nom de Barthel, officier suédois, a été persuadé par le Palatin de Kioiv, le maréchal de la Couronne, et par le Primat de faire un voyage en France.

1) Représenter au Roy Stanislav les desseins du Roy Auguste de forcer la République à mettre son fils sur le trône.

2) D'obtenir de la Cour de France des recommandations à l'Ambassadeur de France à la Porte pour celle-cy favorise son père qui est à Thessaloniki dans son dessein à propos de l'Ukraine pour avoir une liaison avec les Cosaques... (Борщак I. Великий мазепинець Григор Орлик. С. 180).

опустил Борщак, чтобы понять, каким образом он выстраивал свою концепцию. Изъятию подвергся второй пункт записки. В нем речь шла о том, что Петр-Григорий должен «убедить Его Величество Короля Станислава, что все добрые Пясты [аристократические семьи, выведившие свое происхождение от первой королевской династии Польши. – В.А.] объединились, чтобы принять сторону Его Величества, призвать его, противостоять под его покровительством намерениям Саксонии и обеспечить себе свободу, прося Короля Станислава принять в этом участие и привлечь всех его друзей и союзников». Из третьего пункта, который с легкой руки Борщака, стал вторым, исчезли несколько слов, но именно тех, что полностью меняют содержание фразы:

«3) Получить от Французского Двора через Короля Станислава рекомендации к французскому Послу при Порте, чтобы [...] облегчить его связь, а также переписку с казаками, и воспользоваться ими, когда сложится конъюнктура, на службе Королю Станиславу и Республике». Далее Монти констатировал, что «мнение Короля Станислава по этому поводу было таково, чтобы Франция изъявила свое согласие, и он отправил этого молодого человека в Турцию освободить его отца...»¹

Таким образом, из документа исчезли упоминания о короле Станиславе, его центральной роли в плане Потоцких использовать посредством связей Ф. Орлика казаков Украины в интересах партии Лещинского. Из этого следует, что поездка младшего Орлика в 1729 г. во Францию являлась сугубо польской политической миссией, но Борщак вопреки доку-

¹ См. текст документа: Le fils du général des Cosaques M[onsieu]r Orlik, qui sous le nom de Bartel, off[ici]er Suédois, a été persuadé, par le Palatin de Kiovie, le m[aréch]al de la Cour et de la Couronne, et par le Primat, de [faire] un voyage en France, a trois choses en commission.

1. De représenter au Roy St[anislas] les desseins du R[oy] Aug[uste] de forcer la Rép[ublique] à mettre son fils sur le trône, s'attachant pour cela quelques seigneurs P[olonais] V. avec lesquels il vexe les autres, pour les porter à une confédération, qui lui serve depuis de prétexte de rupture; et sollicitant avec la Moscovie et le R[oy] de P[russe].

2. D'assurer de la part du Primat etc. S[a] M[ajesté] le R[oy] St[anislas] que tous les bons Piastes se sont ligüés secrètement de s'attacher à S[a] M[ajesté] et pour le rappeler, et sous ses auspices à s'opposer aux desseins de la Saxe et assurer leur liberté, priant le R[oy] St[anislas] d'y concourir et de mettre ses amis et tous alliés dans ses intérêts.

3. D'obtenir de la Cour de Fr[ance] par le R[oy] St[anislas] des recommandations à l'Ambassadeur de Fr[ance] à la Porte, pour celle-cy favorise son Père, qui est à Thessaloniki, que dans son dessein, de supporter d'avantage de la Polt[ava] et de l'Ukraine, pour entretenir plus facilement sa correspond[an]ce et sa liaison avec les Cosaques, et les employer, lors de la conjoncture, au service de R[oy] St[anislas] et de la Rép[ublique].

Sur cela l'idée du R[oy] St[anislas] est que la Fr[ance] accorde cette recommandation et Elle envoya ce jeune homme en Turquie de vider son Père à se transporter à Bender où à Khan en Bachisarai, et à travailler à prouver à son fils, se jouissance qu'Elle accorde au Père une modique passion que ces Cosaques peuvent être d'une grand service en temps... – Mémoire de Monti à Fleury, Pologne, janvier 1732 // AMAE, CP, sous-série «Pologne», vol. 197, fol. 62v.

ментам утверждает, что это были сношения «представителя украинского движения за независимость» с правительством Франции¹. Он уверяет, что 11 декабря 1729 г. Петра-Григория принял статс-секретарь по внешним связям, хранитель печатей, Жермен-Луи Шовлен, а 1 января 1730 г. Орлик побывал в гостях у кардинала Флери, что сын гетмана сразу же стал своим человеком в Версале и Марли, почему и был отправлен в качестве французского тайного агента в Стамбул². Сразу же отметим, что во французском Архиве министерства иностранных дел, ни в тех делах, на которые ссылается (правда, без четкого указания листов и названий документа) Борщак, ни в каких-либо других, не содержится ни малейшего намека на аудиенцию Орлика у французских государственных деятелей, не говоря уже о датах, продолжительности и содержании разговоров, столь подробно описанных этим историком.

Правда была куда прозаичней: младшего Орлика согласился взять под свое покровительство Станислав Лещинский. Прибыв 20 июня 1730 г. в Стамбул под именем швейцарского офицера Хага с рекомендательным письмом от бывшего польского короля, Петр-Григорий не мешкая отчитался перед своим патроном³. Он редко покидал территорию французской миссии и, как свидетельствуют депеши посла маркиза Луи-Савера де Вилленева, о личном участии Орлика в переговорах с турками относительно судьбы его отца не было и речи⁴. По поручению Лещинского

¹ Борщак I. Великий мазепинець Григорій Орлик. С. 26.

² Там же. С. 32-34.

³ Expéditions de Villeneuve à Fleury, Constantinople, le 20 juin et le 10 juillet 1730 // AMAE. CP. Sous-série «Turquie». Vol. 81. Fol. 252v-252r, 323v-323r; Minute de l'expédition de Fleury à Villeneuve, Marly, le 29 mars 1731 // AMAE. CP. Sous-série «Turquie». Vol. 83, fol. 58r.

⁴ Expéditions de Villeneuve à Chauvelin, Constantinople, le 7 septembre 1731 // AMAE. CP. Sous-série «Turquie». Vol. 83, fol. 247v-247r. Петр-Григорий будет представлен французским послом великому визирю только через три года, в ноябре 1734 г., и дважды будет сопровождать Вилленева на переговорах о подготовке запорожского отряда его отца к военным действиям против России. Отметим, что в этот период оба Орлика действовали в интересах не какого-либо мифического движения за независимость, а С. Лещинского, повторному избранию которого на польский престол воспротивилась императрица Анна Иоанновна, направившая свои войска в Речь Посполитую. Посол писал: «Он получил там немало лобезностей и уверений, что Порта обратится ко всем средствам, которые будут ей предложены (Ф. Орликом. – В. А.), чтобы дать возможность Казакам принести пользу Королю Польши и чтобы отвратить их от службы Московитам». См. текст документа: Comme il était chargé de la part de son Père d'informer le G[ran]d Vizir de ce qui se passe par rapport aux Cosaques Zaporoviens, des soins que se donne ce Général pour les ramener sous la domination de la Porte, et de solliciter l'expédition des ordres que M[onsieur] Orlick le Père avait demandés, j'ai le présenté à ce Premier Ministre chez lequel il m'a accompagné deux fois. Il en a reçu beaucoup de politesses, et des assurances que la Porte se portera à tous les moyens qui lui seront suggérés pour mettre les Cosaques en état d'être utiles au Roy de Pologne, et pour les détourner du service des Moscovites. – Expédition de Villeneuve à Chauvelin, Constantinople, le 17 novembre 1734 // AMAE. CP. Sous-série «Turquie». Vol. 91. Fol. 256v-256r.

Петр-Григорий попытался завязать переписку с некоторыми шляхтичами для того, чтобы склонить их на сторону Станислава, но ответа в большинстве случаев так и не дождался¹. Несмотря на то, что французский посол симпатизировал сыновним чувствам младшего Орлика, он попытался поскорее избавиться от него, опасаясь, что о пребывании в посольстве сына бывшего соратника Мазепы проведает русские дипломаты. Наконец, Орлик согласился с его аргументами и 4 октября 1731 г. покинул Стамбул, так и не добившись улучшения положения своего отца².

Про эфемерный характер постоянно озвучиваемого Борщакком тезиса о том, будто весь мир знал, что отец и сын Орлики являются «вождями казачьей нации», красноречиво свидетельствует найденная и сразу же сфальсифицированная этим исследователем запись в журнале французского военного корабля «Надежда», перевозившего в октябре 1731 г. Петра-Григория из Турции во Францию. Борщак следующим образом излагает ее содержание:

В первом часу появился на корабле старшина Орлик, сын Шефа Казачьей нации, отправленный Послом Его Величества при султানে во Францию с государственным поручением³.

На самом деле запись является следующей:

В понедельник 8-го в 4 часа утра, двигаясь под парусом, заметили английское судно, стоявшее на якоре, нам отсалютовали семью пушечными выстрелами; с судна прибыла шлюпка и привезла к нам господина Хага, швейцарского офицера, служившего некогда в Швеции, с письмом от нашего Посла, который просит нашего генерала позволить ему проезд во Францию; он остался на борту⁴.

Несмотря на проявленные Петром-Григорием настойчивость и старательность при исполнении поручений, его шансы возросли лишь тогда, когда Станислав Лещинский продемонстрировал серьезные намерения

¹ См. текст документа: Le fils de M[onsieur] Orlick qui est venu icy pour les affaires de son Père est très embarrassé sur son service; il n'a point eu réponse à plusieurs lettres qu'il a contées en Pologne. – Expédition de Villeneuve à Chauvelin, Constantinople, le 11 may 1731 // AMAE. CP. Sous-série «Turquie». Vol. 83. Fol. 66r.

² Expéditions de Villeneuve à Chauvelin, Constantinople, le 7 septembre et 1er octobre 1731 // AMAE. CP. Sous-série «Turquie». Fol. 247v-247r, 288v-288r.

³ Борщак И. Великий мазепинец Григор Орлик. С. 73.

⁴ См. текст документа: Lundi 8 à 4 heures du matin avons estés sous voile un vaisseau Anglais qui avait mouillé pendant, nous a salués de 7 coups de canon rendu et sa chaloupe est venu au vaisseau et nous a amené M[onsi]eur Hage officier suisse ayant servi en Suède, venant de Constantinople avec une lettre de notre Ambassadeur, qui priaait notre général de lui donner passage pour France, il est resté à bord. – 1731. L'Escadre du Roy pour le voyage d'Alger, Tunis, Tripoly, du fond du Levant (Journal du vaisseau l'Espérance, capitaine Duguay Trouin (lieutenant général de l'escadre), 74 canons, 520 équipage) // Archives Nationales (далее – AN). Fonds «Marines». Série B/4/41. Fol. 57.

включиться в борьбу за польский престол. Представленный кардиналу Флери, Орлик был использован в качестве агента для исполнения секретных поручений, но еще не стал французским государственным служащим. Ему поручили деликатную миссию доставки письма Людовика XV к крымскому хану. Успешное исполнение данного поручения и доставка ответного послания хана с заверениями поддержать намерения Франции относительно повторного избрания королем Польши Станислава Лещинского постепенно делают Петра-Григория сопричастным планам французских государственных деятелей¹. Активное участие в тайном путешествии Станислава в Варшаву и доставка в Версаль известия об успешном избрании Лещинского на престол Речи Посполитой поднимают Орлика на официальный уровень. Лещинский назначает его своим генерал-адъютантом. 24 января 1734 г. Петр-Григорий был зачислен также на французскую военную службу в один из 16 драгунских полков (по состоянию на 1730-е гг.), а именно в 5-й, которым командовал Бертелло де Дюши, граф де Куаньи². Это вполне соответствовало обычной для Франции того времени практике набора иностранных наемников, составлявших в периоды военных действий до 20% королевской армии³.

В первые годы службы во французской армии Орлик часто использовался Станиславом Лещинским для выполнения секретных поручений. В письме от 4 февраля 1736 г. из Вены к кардиналу Флери младший Орлик признавал двойственный характер своего положения как слуги двух монархов:

Сообщив (французским. – *В.А.*) министрам о намерении, которое имело Его Величество Король Польши, отсылая меня назад во Францию, и о его интересах, которые я представляю в здешней стране, я получил на месте одобрение со стороны министров. Они мне приказали перед отъездом написать наиболее заслуживающим доверия польским сеньорам, дабы сообщить им о моем назначении⁴.

¹ Minute de l'expédition de Fleury à Villeneuve, Marly, le 25 janvier 1733 // AMAE. CP. Sous-série «Turquie». Vol. 86. Fol. 401v.

² *Pinard*. Chronologie historique-militaire, contenant l'histoire de la création de tous les charges, dignités et gardes militaires supérieurs [...] tirés sur les originaux. T. 5. Paris: Claude Hérisant, 1762. P. 636; Colonel-Général (dragons), série 4Yc26, Paris, 10 mars 1734 // *Corvisier A.* Les contrôles des troupes de l'Ancien Régime. T. 3. Vincennes, 1970. P. 201-202.

³ О П.-Г. Орлике как примере польского наемника на французской военной службе упоминается в кн.: *Histoire militaire de la France / Sous la rédaction de J. Delmas*. T. 2. P., 1992. P. 25-26.

⁴ См. текст документа: J'ai y eût l'honneur de Vous écrire le jour de mon départ de la Cour, qui était le 11 du mois passé, en Vous mandant qu'ayant communiqué aux ministres l'idée que S[a] M[ajesté] le Roy de Pologne avait en me renvoyant en France, et ses désirs que je sais employé dans ce pays-ci. Les ministres les ont approuvé sur le champ, avant mon départ ils ont m'ordonné d'écrire aux seigneurs Polonais les plus affidés pour leurs communiquer ma destination. – Expédition de Orlick à Fleury, Vienne, le 4 février 1736 // AMAE. CP. Sous-série «Autriche». Vol. 186. Fol. 23r-24v.

В этот период Петр-Григорий удивительно похож на персонаж комедии своего современника Карло Гольдони, ловкого Труффальдино из Бергамо, являвшегося слугой двух господ: Орлик получает приказы и от Лещинского, и от французских министров, которые модифицируют инструкции короля Польши сообразно своим интересам. Больше, как кажется Станиславу, внимание Орлика к инструкциям французских чиновников, вызывает у польского короля раздражение и подозрение, что Орлик стремится полностью перейти в услужение к более влиятельному господину¹. На самом деле Петра-Григория явно тяготило поручение французских министров играть роль рядового информатора при после, державшего в своих руках все нити переговоров в Вене об условиях отречения Станислава Лещинского от польского престола, и он постоянно напоминал французскому дипломату, что защищает интересы польского короля и поддерживавших его конфедератов. Не встречая у того понимания, он выказывал намерение вернуться к своему хозяину².

Всю свою жизнь Орлик принадлежал к личному двору Станислава Лещинского, который в 1737 г. стал герцогом Лотарингским, сохранив за собой, согласно условиям Венского мира, пожизненный титул короля Польши. Хотя, судя по недовольным отзывам Станислава, Петр-Григорий был тем придворным, который весьма редко гостил в Люневилле³. Окончательно же изменить свой статус на этой шахматной доске социальных условностей Орлику было не по силам, ибо герцог Лотарингский являлся его непосредственным сюзереном и, что еще более важно, тестем короля Франции. Во всяком случае, до конца жизни Орлик числился в свите Станислава, что ясно видно из его брачного контракта 1748 г., где

¹ В письме к своему официальному представителю при Версальском дворе графу Жаку Юлену от 25 июля 1737 г. Станислав писал про метания Орлика между своими покровителями: «Он отвык говорить про [свою] жертвенность [...] Что касается жертвенности со стороны этой особы, то не я пригласил его во Францию. Это он прибыл с проектами предоставить мне сотню тысяч казаков. Я поддержал его настолько хорошо при [французском] дворе, что он вообразил себя фаворитом до такой степени, что попробовал выйти из-под моей протекции. После опалы господина Шовлена, вследствие которой он почувствовал себя лишним в министерстве [иностранных сношений], он снова добивается моей протекции. Или он ни во что не ставит благоволение к нему Короля [Людовика]? Оказывает ли Король это благоволение из любви к его особе или же ко мне? Я даю ему содержание, не требуя от него даже никакой службы». – *Lettres inédites du roi Stanislas, duc de Lorraine et de Bar, à Jacques Hulin, son ministre en cour de France (1733-1766) // Mémoires de l'Académie de Stanislas. Nancy, 1919-1920. 6e série. T. 17. P. 66-67.*

² Copie de l'expédition d'Orlick au Roy Stanislas, Vienne, le 8 février 1736 // AMAE. CP. Sous-série «Autriche». Vol. 186. Fol. 29v.

³ *Boyé P. La cour polonaise de Lunéville (1736-1766). Nancy, 1926. P. 219; Gaber S. L'entourage polonais de Stanislas Leszczyński à Lunéville 1737 – 1766. Thèse pour le doctorat du 3e cycle. Nancy: Université de Nancy II, 1972. P. 157.*

он назван «бригадиром королевской армии» и одновременно «генерал-адъютантом Короля Польши»¹. О нем, как о действительном «генерал-адъютанте Короля Польши», говорится также в расписании 1751 г. офицерского состава его полка²

Неудивительно, что центральным вопросом для исследователей стало определение идентичности Петра-Григория. Чтобы доказать украинский (казацкий) патриотизм младшего Орлика, Борщаку необходимо было в духе националистической идеологии отделить его от польско-литовского (шляхетского) патриотизма. И потому автор первого исследования о Петре-Григории кроил документальные свидетельства соответствующим образом, несмотря на то, что ни сын, ни отец Орлики не видели между этими двумя патриотизмами существенной разницы. Историк мог бы только позавидовать таким документальным свидетельствам, как письма младшего Орлика к кардиналу Флери от 4 февраля и 13 марта 1736 г., поскольку в них содержится четко выраженное мнение изучаемого персонажа о собственной национальной идентичности. Однако Борщак проигнорировал эти документальные свидетельства. Между тем, в первом из упомянутых писем Орлик упоминает, что «настоятельно просил господина хранителя печатей [Шовлена] позволить ему поехать в Кенигсберг, чтобы отвезти последнее проявление милосердия своим соотечественникам». Речь шла о польских конфедератах, поддержавших короля Станислава и вынужденных под натиском российских и саксонских войск бежать в Пруссию. Орлик видит безрезультатность попыток французской дипломатии в Вене поддержать претензии Лещинского на польский престол, поэтому отмечает: *«По опыту мне известен способ мышления моей нации, и я вижу прискорбные последствия как для нее, так и для славы Короля [Станислава]»*³.

¹ Contrat de mariage de Pierre-Grégoire, comte d'Orlick, de Laziska, brigadier des armées du Roi, colonel du régiment Royal-Pologne infanterie, chevalier de Saint-Louis, adjudant-général du Roi de Pologne, duc de Lorraine et de Bar, et Louise-Hélène Le Brun de Dinteville (2 août 1748). B. 38 (registre), in folio, 146 feuilles // *Doinel J.* Inventaire sommaire des Archives départementales antérieures à 1790. Loiret – Archives civiles – Séries 1800-2200. T. 2. Orléans, 1886. P. 103.

² Régiment Royal-Pologne infanterie allemande: Contrôle par rang d'ancienneté de messieurs les officiers dudit régiment 1751 // Service historique de la Défense (далее – SHD). Département de l'armée de la terre (далее – DAT). Série X^e. Carton 7. Cahier «Royal-Pologne». Fol. 113.

³ См. текст документа: Je prévois que mon voyage dans ce pays-ci serait très inutile, aussi j'ai prié M[onsieu]r le Garde des sceaux très instamment de me dispenser de porter à Königsberg le dernier coup de grâce à mes compatriotes [...] je connais par habitude les façons de penser de ma nation, et je prévois bien des suites fâcheuses tant pour Elle, que pour la gloire du Roy. – Expédition de Orlick à Fleury, Vienne, le 4 février 1736 // AMAE. CP. Sous-série «Autriche». Vol. 186. Fol. 23r-24v.

Вполне очевидно, что своей нацией Орлик считал польскую шляхту – единственное в Речи Посполитой сословие, наделенное всей полнотой гражданских прав. В другом письме он высказывается еще более ясно:

После нескольких полезных дней моего пребывания здесь, я не хочу страдать из-за того, что это пребывание стало полностью бесполезным, а посему мне не остается ничего другого, как сообщить французскому послу господину Тейлю о том, что я смогу *послужить как Поляк делу моей Отчизны*, и чтобы помочь ему, считаю полезным возобновить знакомство с Князем Любомирским, Воеводой Краковским, который вот уже несколько недель находится здесь¹.

Как типичный представитель примордиалистского подхода к национальной идентичности, Борщак придерживался мнения, что она задается раз и навсегда при рождении. Однако пример младшего Орлика как раз доказывает преимущество конструктивистского подхода, поскольку, как свидетельствуют письма самого Петра-Григория, его национальная идентичность была сформирована обстоятельствами его жизни. К этим обстоятельствам относятся следующие: навсегда покинув в возрасте семи лет Гетманское государство, где родился и был крещен в православной вере, он впредь жил в Молдавии, Швеции, Саксонии, Речи Посполитой, поэтому владел иностранными языками лучше, чем казацким говором. Сын переписывался с отцом исключительно по-французски, отец отвечал ему по-польски с вкраплениями латыни и французского². Историки не задумывались над тем, каким языком общались между собой Орлики во время их редких встреч, имевших место на протяжении 1730-х гг. в Салониках и Бендерах. Вероятно, на польском, поскольку этим языком мыслили оба. Рассказывая о национальных взглядах своего, в то время уже покойного, отца в датированном ноябре 1743 г. меморандуме Людовику XV, Петр-Григорий отмечал:

Знайτε, Государь, что в первую очередь я указываю на то, что являюсь иностранным дворянином и сыном человека, который играл роль в све-

¹ Князь Ян Теодор Любомирский являлся сторонником саксонского курфюрста, который при поддержке русской армии изгнал Станислава Лещинского и был избран частью польской шляхты на польский престол под именем Августа II. См. текст документа: De quelque[s] jours d'utilité, Monseigneur, que mon séjour était ici, je ne point voulu souffrir qu'il le soit entièrement inutile aux services du Roy, et comme je n'avais rien d'autre chose à faire que d'informer Mr Theil de ce que je pourrais servir comme Polonais des affaires des ma Patrie, et pour le seconder en cela, je jugeais à propos de renouveler la connaissance avec le Prince Lubomirski Palatin de Cracovie qui est ici depuis quelques semaines. – Expédition de Orlick à Fleury, Vienne, le 13 mars 1736 // AMAE. CP. Sous-série «Autriche». Vol. 187. Fol. 136v.

² Переписка отца с сыном 1724-1732 гг. содержится в «Диаруше» (разновидности дневника, в котором регистрировались не только события или размышления, но и полученная и отправленная корреспонденция) Ф. Орлика – AMAE. Série «Mémoires et documents» (далее – MD). Sous-série «Pologne». Vol. 10-11.

те и, следуя славным принципам *быть верным своей Отчизне Польше и обязательствам перед Казацкой нацией*, которой он являлся законно избранным лидером, [...] трудился, чтобы поддержать *интересы своей Отчизны и своей Нации*¹.

Про себя Орлик-сын пишет:

Вскормленный и воспитанный на этих принципах с детства, я хотел быть похожим на него, ища любой случай, чтобы доказать *моей Отчизне* свои преданность и задор...².

За полтора года до этого, еще при жизни отца, Орлик-сын в «Меморандуме о необходимости привлечь к войне с Россией Польшу и Турцию» упомянул про «давнюю идею своего отца привязать Казацкую нацию к Польской Республике»³. Таким образом, у Орликов наблюдается двойная идентичность, в которой, впрочем, отчетливо прослеживается следующая иерархия: на первом месте стоит большая Отчизна – Речь Посполитая, на втором малая – Казачество. В случае с младшим Орликом Казачество является уже весьма смутным маркером идентификации: он ни разу не отождествляет себя с «Казацкой нацией» и, очевидно, казакom себя не считает, говоря лишь об отцовских обязательствах и своем сыновнем стремлении «пожертвовать жизнью ради восстановления фортуны» Орлика-старшего⁴.

Примечательно, что современная французская исследовательница биографии П.-Г. Орлика Ирина Дмитришин обратила внимание на содержащиеся в меморандумах сына указания относительно национальной идентификации его отца, но не стала порывать с установленным Борщакoм каноном классификации этих деятелей как украинских казаков. Она

¹ См. текст документа: Soufrez, Sire, qu'en premier lieu, je cite celui d'être gentilhomme étranger, et fils d'un homme qui a joué un rôle dans le monde, et qui en suivant les glorieux principes d'être fidèle à sa Patrie la Pologne, et aux engagements envers la nation Cosaque, dont il était le chef légitimement élu [...] Il travaille pour soutenir les intérêts de sa Patrie et ceux de sa Nation. – Le comte d'Orlick au Roy. Exposé des services qu'il a rendu à la France. Grâces qu'il demande. Novembre 1743 // AMAE. CP. Sous-série «Pologne». Vol. 227. Fol. 500v-500r.

² См. текст документа: Nourris et élevé dans ces principes depuis mon enfance, j'ai voulu l'imiter, en cherchant tous les moyens de faire valoir ma fidélité et mon zèle pour ma Patrie. – Le comte d'Orlick au Roy. Exposé des services qu'il a rendu à la France. Grâces qu'il demande. Novembre 1743 // AMAE. CP. Sous-série «Pologne». Vol. 227. Fol. 500r.

³ См. текст документа: ...l'ancienne idée de mon père d'attacher la nation Cosaque à la République de Pologne... – Mémoire présenté au ministre de France par le comte d'Orlick concernant l'utilité indispensable d'engager la Porte et la Pologne dans la guerre contre la Russie, le 5 avril 1742 // AMAE. MD. Sous-série «Pologne». Vol. 2. Fol. 211.

⁴ См. текст документа: Je Vous assure, M[on]s[ei]g[neu]r, que je me ferai un très sensible plaisir de sacrifier ma vie pour réparation de Votre fortune. – Diarusz: List do mnie od syna mego kochanego, Toulon, le 9 novembre 1731 // AMAE, MD, sous-série «Pologne». Vol. 11. Fol. 280v.

считает, что со времени гетманства Ивана Выговского в тогдашней политической мысли присутствовала идея превращения Украины в третьего участника Польско-Литовского государственного объединения¹. Впрочем, такое объяснение не дает четкого представления о том, кем ощущал себя на самом деле младший Орлик.

Насколько трудно преодолеть историографические стереотипы, видно хотя бы из того, что, обнаружив по документам фальсификации Борщака и изымая их из своего повествования², И. Дмитришин не всегда последовательна в этом³. Должно быть ощущая недостаточную убедительность украинофильского подхода, в 2010 г. французская исследовательница представила на международной конференции в Польше доклад с провокационным названием «Григор Орлик – польский патриот?», в котором, анализируя главным образом тексты младшего Орлика конца 1720-х – начала 1730-х гг., указала на раздвоенность его самоидентификации как человека, которому был небезразличен казацкий опыт его отца, но милее сердцу оказалось шляхетское сознание⁴.

В своей монографии 2009 г. И. Дмитришин тактично устраняет инсинуации Борщака, в частности его вымысел о том, что Орлик был поставлен Людовиком XV во главе полка «Королевские шведы» (этот полк был создан 30 октября 1742 г., а полковником назначен граф Спаре⁵), и верно указывает на то, что в случае с Орликом речь шла об основанном 25 ноября

¹ См. ответ И. Дмитришина на вопрос корреспондента радио «Свобода» о том, какой была национальная самоидентификация Григория Орлика: «Во-первых, он себя осознавал потомком казацкой нации. В своих высказываниях Орлика, как отец, так и сын, ссылались больше на Польшу, ибо для них казацкая нация, Украина, Гетманское государство должны были стать третьей частью Речи Посполитой. Это, впрочем, была для них единственная возможность хоть каким то образом привлечь внимание Франции к Украине. Конечно, не следует забывать о проектах Выговского, Мазепы и Орлика присоединить Украину к Речи Посполитой. Итак, он редко вспоминает слово “Украина”, но себя называет “сыном вождя казацкой нации”» – [http://www.vox.com.ua/data/2005/08/25/mif-i-pravda-pro-grafa-grygoriya-orlyka.phtml\[/HIDE\]](http://www.vox.com.ua/data/2005/08/25/mif-i-pravda-pro-grafa-grygoriya-orlyka.phtml[/HIDE]).

² Это касается, в частности, истории о мнимых встречах Орлика с Шовленом и Флери в 1729-1730 гг. И. Дмитришин четко показывает, что контактировал Орлик во Франции лишь со Станиславом Лещинским. – *Dmytrychyn I. Grégoire Orlik : Un Cosaque Ukrainien au service de Louis XV. P., 2009. P. 110.*

³ В частности, не существует ни одного документального подтверждения «многочисленных встреч» Петра-Григория с французским послом де Монти накануне отъезда Орлика из Варшавы в Шамбор, о которых говорит И. Дмитришин. – *Dmytrychyn I. Op. cit. P. 109.*

⁴ *Дмитришин И. Григор Орлик – польский патриот? // Od Kijowa do Rzymu: Z dziejów sto-sunków Rzeczpospolitej z Stolicą Apostolską i Ukrainą. Białystok, 2012. S. 359-368.*

⁵ *Ordonnance du Roy pour mettre le régiment d’infanterie allemande cy-devant commandé par le Sieur Appelgrehn, sous le titre de Royal-Suédois du 30 octobre 1742, de par le Roy // SHD. DAT. Série Y^a. Carton 393. Cahier «Royal-Suédois».*

1747 г. регименте «Королевские поляки»¹. Вполне понятно, почему Борщак, который стремился к последовательному отделению украинского от польского, сфальсифицировал этот факт. Однако отметим, что И. Дмитришин так же не объясняет, почему именно Орлику поручили возглавить воинскую часть со столь красноречивым названием, а только указывает, что таково было желание самого новоиспеченного полковника. Для уяснения идейных побуждений Орлика важное значение имеет вскользь упомянутое французской исследовательницей обращение Станислава Лещинского к королю Людовику от 11 ноября 1747 г. Прочитируем этот документ:

Господин Орлик докладывает мне, что Король удостоил его своей милостью, создав пехотный полк на основе привлечения иностранных военных; чтобы доставить ему (Орлику. – *В.А.*) удовольствие, он изъявил желание, чтобы полк носил имя *Королевские поляки*; я уверяю Вас, что ничто не могло бы оказаться более трогательным для меня, чем видеть королевскую военную часть, носящую имя моей Нации, которая таким образом будет достойно отмечена, если Его Величество захочет присвоить это имя [своему полку]. Мне остается лишь желать, чтобы это привлекло на службу к Королю многочисленное польское дворянство. Я хотел бы увидеть его все под стягами Вашего Величества и надеюсь, что Вы окажете свое покровительство этому проекту и мне...²

Таким образом, новое назначение отвечало давнему желанию Орлика послужить «его Нации», то есть польско-литовской шляхте. Наконец сам полковник не замешкался заявить о своей идентичности, ясно указав в реестре полка, составленном в 1748 г., место своего рождения – «Польская Украина»³. Это указание не соответствовало

¹ *Дмитришин И.* *Op. cit.* P. 338. См. текст документа: Sa Majesté ayant résolu de créer un régiment d'infanterie allemande sous le titre de Royal-Pologne, qui sera commandé par le sieur Comte d'Orlick. – Ordonnance du Roy portant création d'un régiment d'infanterie allemande, sous le titre de Royal-Pologne du 25 novembre 1747, de par le Roy // SHD. DAT. Série Y^e. Carton 393. Cahier «Royal-Pologne».

² См. текст документа: Le Roy veut bien que le r[égimen]t de M[onsieur] d'Orlik porte le nom de Royal-Pologne infanterie [...] M[onsieur] Orlyk me mande que le Roy luy a fait la grâce, de faire créer un Régiment d'infanterie sur le pied étranger, pour comble sa satisfaction il souhaite qu'il porte le nom de Royal-Pologne, je vous avoue que rien ne peut-être plus flattent pour moy que de voir les armes du Roy sous le nom de ma Nation qui en sera très honoré si Sa M[ajesté] veut accorder cette grâce. Ce qui me le ferait désirer encore est que cela attirera beaucoup de noblesse Polonoise au service du Roy. Je voudrais la voire toute entière sous ses drapeaux ainsy j'espère que Vous accordera Votre protection à ce projet et à moy d'être assuré de mon amitié inviolable avec laquelle je suis de tout mon cœur Votre très affective Stanislas Roy. – Stanislas Leszczinski à Louis XV, Lunéville, le 11 novembre 1747 // SHD. DAT. Série X^e. Carton 7. Cahier «Royal-Pologne». Fol. 35v.

³ Régiment «Royal-Pologne» infanterie allemande: Contrôle par rang d'ancienneté de Messieurs les Officiers dudit Régiment 1751 // SHD. DAT. Série X^e. Carton 7. Cahier «Royal-Pologne». Fol. non paginé.

действительности, поскольку родился Петр-Григорий не на правом берегу Днепра, где находилась «Польская Украина», а на левом – в зависимом от России Гетманском государстве. Впрочем, это короткое упоминание является иллюстрацией того, каким образом исторический персонаж сам формировал свою идентичность и выбирал удобное для себя место рождения в соответствии со своими мировоззрением и убеждениями.

Каким образом исполнял Орлик свою миссию по собиранию под стягами короля Франции польско-литовской шляхты, видно хотя бы из того, что уже в 1751 г. 8 офицеров полка из 31 являлись уроженцами Речи Посполитой (7 – из Польши, 1 – из Литвы). Все они были молодыми – до 30 лет – людьми, которые организовывались вокруг своего опытного полковника, которому тогда уже исполнилось 48 лет. В полку, правда, служили также семь офицеров шведского происхождения¹. Тем не менее лишь после гибели Орлика, который среди польских эмигрантов во Франции являлся едва ли не наиболее высокопоставленным военным, полк «Королевские поляки» был включен в полк «Королевские шведы» 18 января 1760 г.

Даже в особо отмеченном И. Борщаком² и И. Дмитришин³ проекте Петра-Григория от 1735 г. по созданию в составе французской армии воинского соединения из запорожских казаков для противодействия гусарам императора на полях баталий с Австрией, проявился не столько украинский патриотизм Орлика, сколько его желание достичь двойной цели: во-первых, окончательно избавить своих родственников и друзей от обременительной османской опеки и обеспечить им более надежную ситуацию на службе у могущественного европейского мо-

¹ См. текст документа: Noms de baptême et de famille – Monsieur Pierre-Grégoire comte d'Orlick

Pays et lieux de naissance – En Ukraine Polonais

Age – 48

Taille (pieds, pouces, lignes) – 5, 7, 6

Service de France en différents régiments – Commiss[ion] du Lieut[enant] Col[onel] a la suite du Col[onel] Gén[éral] de Dra[gones] le 24 janvier 1734; celle de Col[onel] 1er jan[vier] 1735; lettre de passe à la suite du rég[iment] Roy[al] allemand le 22 août 1744; Brigadier le 1er mai 1745; maréchal de camp le 10 mai 1748.

Service en pays étrangers – Service de Suède (volontaire) 1718, Enseigne de dragons à pied 1720; Service de Saxe – Lieut[enant] des gardes à pied 1720, Capitaine idem. 1725; Service de Pologne – Gén[éral]-adjudant 1726, Gén[éral]-adjudant du Roy de Pologne. – SHD, DAT, série X^e, carton 7, cahier «Royal-Pologne», fol. non paginé.

² *Борщак І.* Великий мазепинець Григор Орлик. С. 119-121.

³ *Dmytrychyn I.* Grégoire Orlik. P. 332-333.

нарха¹; во-вторых – привлечь на французскую службу сторонников короля Станислава из Польши в качестве офицеров такого казачьего полка. Здесь отчетливо проявились маркеры идентичности Орлика – стремление восстановить позицию семейного клана и улучшить положение отца, который имел обязательства перед «Казачьей нацией», но не смог их реализовать при тогдашней международной конъюнктуре; а также желание обеспечить своей нации, то есть шляхте Речи Посполитой, руководящую роль в этом казацком проекте. Интересна не только сама мысль Петра-Григория о том, что для командования казаком обязательно нужен польский офицер (Борщак, переврав источник, написал «шведские старшины»²), но и его рассуждения в духе политической этнографии о тождественности польского и казачьего языков:

Мечта господина Орлика о придании им офицеров, привычных к их способу ведения войны и понимающих их речь, основывается на том, что в Польше много Польских Офицеров, которые служили в войнах Короля Швеции [Карла XII] и командовали находившимися в его армии Казаками, которые понимали казацкий язык оттого, что он почти такой же как польский, настолько, что они его понимают так, как Немцы понимают Голландцев или Швейцарцев³.

И. Дмитришин в целом верно указывает на типичность предложений Орлика для манеры тогдашних шляхетских авантюристов добиваться внимания со стороны влиятельных иностранных покровителей: почти одновременно шляхтич Вешковский предлагал правительству Франции набрать в Речи Посполитой 30 тысяч казаков⁴. Весьма примечательно, что в меморандумах «сына лидера казацкой Нации» (как

¹ Описание Петром-Григорием страданий друзей и родственников Орликов – Федора и Якова Мировичей, Григория Герцика и др. – в вассальных владениях Османской Порты содержится в его письме к министру внешних сношений Франции Шовлену. – *Expédition d'Orlick au Chauvelin, Constantinople, le 12 mars 1735* // АМАЕ, СР, sous-série «Pologne», vol. 221, fol. 211r-212r. В письме упоминается родственник Орликов шляхтич Держановский, который еще в конце 1734 г. был отправлен Шовленом к великому визирю с просьбой о размещении запорожцев на зимних квартирах в Молдавии. Однако турки не вняли этой просьбе.

² *Борщак I*. Великий мазепинец Григор Орлик. С. 121.

³ См. текст документа: *L'Expédiant que le S[ieu]r Orlyc a imaginé pour leur donner des Officiers accoutumés à leur manière de faire la guerre, et qu'ils entendent, est qu'il y a en Pologne beaucoup d'Officiers Polonais qui ont servis sous le feu du Roy de Suède et commandé des Cosaques qu'il avait dans son armée, lesquels entendent la langue cosaque parce qu'elle est presque la même que la Polonais, en sorte qu'ils s'entendent, comme les Allemands entendent les Hollandais et les Suisses. – Projet pour une levée de Cosaques, 1735* // АМАЕ. MD. Sous-série «Russie». Vol. 30. Fol. 4v-9v.

⁴ *Dmytrychyn I*. Grégoire Orlik. P. 334.

сам себя именовал Орлик¹, а не как про него, по утверждению Борщака², думали французские министры), в которых были сформулированы предложения по созданию под эгидой Франции антироссийских коалиций, украинскому казачеству были посвящены лишь несколько строк. В сравнении с центральной тематикой самой шляхты Речи Посполитой, Швеции, Турции, Крыма, роль казацкой оппозиции выглядит третьестепенной. Создается впечатление, что в 1740-е гг. Петр-Григорий почти забыл о своем казацком происхождении и мыслил как добрый патриот Речи Посполитой³.

По словам Борщака, Орлик горячо любил свою родину и настолько хотел вновь ее посетить, что даже выехал 18 августа 1734 г. в гетманскую Украину с тайной миссией для установления контактов с казацкой старшиной, считая, что там «память его отца до сих пор чтят и что вся Украина восстанет против москалей, как только он [Филипп Орлик. – В.А.] очутится возле границ Украины»⁴. Однако ни подробнейшие документы французской дипломатии, которые позволяют отследить буквально каждый шаг Орлика, ни письма самого Петра-Григория, не содержат ни малейшего намека на такое путешествие. Несоответствие между рассказом Борщака и содержанием источников заметила также тщательно исследовавшая французские архивы И. Дмитришин, которая в разговоре с автором этой статьи призналась, что, исследуя частный архив Дентевиллей, ничего похожего на упоминаемые Борщакон документы не обнаружила. Кстати, о мифическом характере документов, якобы найденных Борщакон в этом архиве, упомянул и канадский историк украинского происхождения Орест Субтельный, посетивший Дентевилль через полвека после него⁵. В частности речь идет о «Выводе прав Украины», якобы написанном Ф. Орликом в 1712 г., а на самом деле – сфальсифицированном

¹ Mémoire pour M[onseigneur] Puysieulx, ministre et secrétaire d'Etat des affaires étrangères, 1746 // AMAE. MD. Sous-série «Pologne». Vol. 2. Fol. 221v.

² Борщак И. Великий мазепинець Григор Орлик. С. 32.

³ Эти меморандумы датированы 1742, 1746 и 1749 гг. – Mémoire présenté au Ministre de France par le Comte d'Orlick concernant l'utilité d'engager la Porte et la Pologne dans la guerre contre la Russie, le 5 avril 1742; Mémoire pour M[onseigneur] Puysieulx, ministre et secrétaire d'Etat des affaires étrangères, 1746; Pologne: Mémoire par le Comte d'Orlick, 1749 // AMAE. MD. Sous-série «Pologne». Vol. 2. Fol. 204v-213r; 221v-228r; 258v-263v.

⁴ Борщак И. Великий мазепинець Григор Орлик. С. 112. Автор, впрочем, не подтвердил это утверждение никакими ссылками на документы. Правда, в англоязычном издании 1956 г. дал ссылку на семейный архив родственников супруги Орлика Дентевиллей, хранящийся в их родовом замке в Шампани. – Borschak E. Hryhor Orlyk. P. 72.

⁵ Вивід прав України: Документи і матеріали до історії української політичної думки / Ред. і вступна стаття О. Субтельного. Передмова О. Оглоблина. Нью-Йорк, 1975; Дашкевич Я. Ілько Борщак, історик // Борщак И. Мазепа. Орлик. Войнаровський. С. 9.

Борщак меморандуме к европейским монархам. Этот псевдодокумент содержал выдвинутые против России обвинения в уничтожении казацкой (украинской) государственности. Аргументация этих обвинений, несмотря на попытку Борщака имитировать слог Орликов, гораздо больше отвечает мироощущению украинского националиста первой половины XX в., чем казацкого лидера первой половины XVIII в.

Ни словом не упомянув о поездке Орлика в гетманскую Украину, И. Дмиришин указывает, что 2 сентября 1734 г. Петр-Григорий по согласованию с французским послом в Стамбуле прибыл в Хотин, где встретился с польскими шляхтичами, напуганными успехами русских войск на территории Речи Посполитой и разочарованными неопределенностью ситуации короля Станислава¹. Если бы Орлик покидал подконтрольную Порте территорию, посол несомненно узнал бы об этом от приставленного им к Петру-Григорию драгомана², но таких сенсационных сообщений переписка Вилленева не содержит. Напротив, в своей депеше в Париж от 10 сентября посол докладывал Шовлену, что «господин Орлик, который еще находится в Хотине, переслал мне письмо, полученное им от господина воеводы Киевского»³. Французский дипломат отметил, что, пребывая в Хотине, «господин Орлик изъявил желание выехать в Константинополь и даже предложил отправиться во Францию, чтобы дать Вам гораздо более подробный, чем в письмах, отчет о нынешнем состоянии польских дел, сведения о которых получил благодаря своим связям со многими Поляками во время их пребывания при дворе [татарского] Хана». В депеше от 17 ноября 1734 г. посол в Стамбуле отмечал, что Орлик «прибыл сюда около месяца назад»⁴.

¹ *Dmytrychyn I.* Grégoire Orlik. P. 195.

² См. текст документа: M[onsieur]r Orlick le fils m'ayant mandé qu'il lui paressait nécess[ai]re qu'il allait faire un voyage en Cockzim p[ou]r conférer avec le Commandant de Kamienieck, et avec quelques autres gentilshommes Polonais qui paressait absolument découragés, et perdent l'espérance des secours promis depuis longtemps; qu'il comptait que ce voyage promet servir à les ranimer, je lui ai répondu que j'approuvais ce dessein, et il partit le 18 du mois passé. Il y a auprès de lui un de mes drogomans, par le retour duquel je serai informé du succès de son voyage, et de ce qu'il aura de nouveau en Pologne. – Expédition de Villeneuve à Chauvelin, Constantinople, le 1er septembre 1734 // AMAE. CP. Sous-série «Turquie». Vol. 91. Fol. 91v.

³ См. текст документа: M[onsieur] Orlick qui était encore à Chokzin, m'envoyé une lettre qu'il a reçu de Monsieur le Palatin de Kiovie... – Expédition de Villeneuve à Chauvelin, Constantinople, le 10 septembre 1734 // AMAE. CP. Sous-série «Turquie». Vol. 91. Fol. 93v.

⁴ См. текст документа: M[onsieur] Orlick m'avait proposé de venir à Constantinople, et s'était même offerte d'aller faire un voyage en France pour Vous faire un rapport plus étendu que celui que peuvent contenir des lettres, de la connaissance qu'il a eue de la situation présente des affaires de Pologne, par les relations qu'il a entretenues avec plusieurs Polonais pendant le séjour qu'il a fait à la Cour du Kam. Il est arrivé ici depuis environ un mois... – Expédition de Villeneuve à Chauvelin, Constantinople, le 17 novembre 1734 // AMAE. CP. Sous-série «Turquie». Fol. 256v.

Таким образом поездка Орлика «вплоть до Полтавы и даже города Нежин» является выдумкой Борщака. Как видно из документов, она не входила в намерения Петра-Григория, предпочитавшего отправиться во Францию.

Некоторые особенности авторского стиля позволяют установить, что именно в этом месте повествования И. Борщак прибег к методу исторической фальсификации. В частности, он пишет: «Подробности конференций крестника Мазепы с украинскими старшинами очевидно навсегда останутся тайной для истории»¹. По моим наблюдениям, если Борщак придумывал события, которых не происходили в реальности, то способные их подтвердить свидетельства он почти всегда называл «исчезнувшими», что невольно вызывает ассоциацию с «пропавшей грамотой» из одноименной повести Н.В. Гоголя.

Так, в уже упомянутой мною работе «Наполеон и Украина» Борщак поместил рассказ о встрече французского посла в Константинополе генерала Ораса-Франсуа Себастиани с делегацией запорожских казаков, проживавших за Дунаем на территории Турции. По версии Борщака эта встреча имела место в сентябре 1805 г. во время поездки французского дипломата к месту своего назначения через Галац, Браилов и Констанцу:

Себастиани торжественно обещал казакам «после разгрома России, вечного врага вольнолюбивых народов» вернуть «старинные вольности, на защите которых отныне будет стоять великий император Наполеон». Себастиани вручил запорожской делегации некоторую сумму денег и даже «соответствующие прокламации» для распространения их близкими на Украине. К огромному сожалению, этих прокламаций нигде нет в Париже. Может кто-то найдет их когда-то или на Украине или в Румынии, или же в Турции².

Однако поиски этих прокламаций – пустая трата времени. Его ссылка на Архив Министерства иностранных дел (серия «Политическая корреспонденция», подсерия «Турция», дело 325, лист 211) – лишь средство придать научное правдоподобие этой фальшивке. Дело 325 касается конца XIX в., а указанному Борщак 1805 году соответствует дело 211: можно предположить, что исследователь мог просто перепутать номера дела и листа (дело 211, лист 315), и тогда его можно бы было обвинить разве что в невнимательности. Однако Борщак подвели его неважные познания в истории французской

¹ Борщак И. Великий мазепинец Григор Орлик. С. 112.

² Борщак И. Наполеон і Україна. С. 40.

дипломатии: генерал Себастиани был назначен послом при Османской Порте лишь в июне 1806 г., а свою поездку через Дунайские княжества совершил в конце июля – начале августа 1806 г., прибыв в Стамбул 9 августа того же года. Начало дипломатической миссии Себастиани (с июня по декабрь 1806 г.) освещают документы, хранящиеся в следующем, 212-м, деле. Просмотрев все отчеты Себастиани о его путешествии в Стамбул, и даже отчеты, посвященные первым месяцам его пребывания в Турции, я не обнаружил не то что упоминаний о встрече французского посла с задунайскими казаками, но и намеков на возможность привлечения их к военным действиям против России. Напротив, отчеты Себастиани полны опасений относительно того, что Россия может подтолкнуть православное население правого берега Дуная к восстанию против Порты¹, а посему дипломаты Наполеона должны были рассматривать пребывание в этом регионе православных казаков как фактор скорее дестабилизирующий, чем благоприятствующий политике Франции.

Но вернемся к биографии П.-Г. Орлика. Приблизительно с момента смерти отца в 1742 г. в его действиях наблюдалось стремление пустить корни во Франции, как свидетельствует меморандум 1743 г. Людовику XV с перечнем услуг, оказанных Орликом французской Короне². По утверждению Борщака, в 1747 г.³ Орлик женился на дочери уже покойного в то время маркиза Гийома Ле Брюн де Дентевилля, Луизе-Елене. Давая оценку этому событию, исследователь утверждал, что благодаря браку со знатной и богатой невестой чужеземный наемник стал владельцем расположенного в Шампани замка Дентевилль⁴. Но дело в том, что супруга Орлика являлась не единственным ребенком маркиза Дентевилля, у нее были два брата: Александр (1712-1780) стал аббатом монастыря Сен-Шан де Лиг и каноником собора в Орлеане, а Жозеф-Франсуа (1720-1757) получил в наследство титул маркиза и за-

¹ АМАЕ. СР. Sous-série «Turquie». Vol. 212, 213.

² Le comte d'Orlick au Roy. Exposé des services qu'il a rendu à la France. Grâces qu'il demande. Novembre 1743 // АМАЕ. СР. Sous-série «Pologne». Vol. 227. Fol. 500v-500r.

³ По другим данным, не ранее 2 августа 1748 г., поскольку церемония бракосочетания вряд ли могла состояться до подписания брачного контракта, произошедшего в этот день. См.: Contrat de mariage de Pierre-Grégoire, comte d'Orlick, de Laziska, brigadier des armées du Roi, colonel du régiment Royal-Pologne infanterie, chevalier de Saint-Louis, adjudant-général du Roi de Pologne, duc de Lorraine et de Bar, et Louise-Hélène Le Brun de Dinteville (2 août 1748). B. 38 (registre), in folio // *Doinel J.* Inventaire sommaire des Archives départementales antérieures à 1790. Loiret – Archives civiles – Séries 1800-2200. T. 2. Orléans, 1886. P. 103.

⁴ *Борщак I.* Великий мазепинець Григор Орлик. С. 144.

мок Дентевилль¹. Луиза-Елена была бесприданницей, проживавшей в замке брата, поэтому ей долго не могли подобрать партию: на момент брака с Орликом ей исполнилось 39 лет². Вероятно, что Орлик женился не ради поместья или версальских связей (Дентевилли принадлежали к провинциальному дворянству), а ради самого факта матримониального союза с французской дворянской семьей. Орлик столь долго тянул с женитьбой еще и потому, что у него не было достаточного дохода для вступления в брак с французской дворянкой³. Недаром он женится только тогда, когда становится полковником с ежемесячным окладом в 560 ливров (6720 в год)⁴, который добавился к ежегодному королевскому пансиону в 3000 ливров⁵ и, вероятно, пожалованной Станиславом Лещинским ежегодной пенсии в 2000 ливров⁶. Источником содержания

¹ *Aubert de la Chenaye-Desbois F.* Dictionnaire de la noblesse. Т. 3. Р., 1980. Р. 894. То, что брат невесты Орлика являлся каноником Орлеанского кафедрального собора, а также факт хранения брачного контракта в архиве департамента Луаре (Орлеан), свидетельствуют в пользу того, что брак был заключен все-таки в 1748 г. в Орлеане, а не в Версале, и вряд ли на нем присутствовали, как утверждал Борщак, Людовик XV и Вольтер. Кстати, в качестве доказательства своей гипотезы Борщак цитирует именно брачный контракт, вероятно, экземпляр его владельцев из частного архива Дентевиллей. Дубликат находился в Архиве департамента Луаре, где сгорел во время Второй мировой войны, как сообщила в ответ на мой запрос дирекция упомянутого архива 24 мая 2012 г. Но шапка контракта с датой 2 августа 1748 г. и интитуляциями сохранилась в описи фондов 1881 г. Архива департамента Луаре, составленной архивистом Жюлем Дуанэлем. И. Дмитришин повторяет версию Борщака без ссылки на документ, утверждая, что 3 декабря 1747 г. на венчании присутствовали также дофин, старшие дочери короля, военный министр маркиз д'Аржансон, морской министр Морепа, министр внешних сношений Пионзье, президент Парижского парламента Мопу, генеральный контролер финансов Машо, фаворитка короля маркиза де Помпадур (*Dmytrychyn I.* Grégoire Orlick. P. 266). Это выглядит еще одним колоритным штрихом мифологизированного образа Орлика.

² Парижский нотариус Луи Буассо зафиксировал дату рождения Луизы-Елены Дентевилль 29 января 1709 г.; на следующий день ее окрестили в парижском соборе Сен-Сюльпис: AN. Etat de notaires de Paris, étude LXXIII.

³ Уривок з записок адвоката з Анже П'єра Одуї (XVII ст.) // *Дюпон-Мельниченко Ж.-Б., Ададуров В.* Французька історіографія XX століття. Львів, 2001. С. 95.

⁴ См. текст документа: L'Etat major dudit régiment sera composé et payé, à savoir, au sieur Comte Orlick, tant en sa qualité du Colonel, que pour l'entretien de son état major et prévôté, cinq cent soixante livres par mois... – Ordonnance du Roy portant création d'un régiment d'infanterie allemande, sous le titre de Royal-Pologne du 25 novembre 1747 de par le Roy // SHD. DAT. Série Yⁿ. Carton 393. Cahier «Royal-Pologne».

⁵ См. текст документа: On propose au Roy d'accorder une Pension sur le Trésor Royal pour Mad[am]e la Com[tesse] d'Orlick, dont le mary, Lieutenant Général et Colonel du Rég[imen]t R[o]ya[l] Pologne vient de mourir, décembre 1759; [décision du Roy] – bon 2000. – Pierre-Grégoire d'Orlick de La Ziska, Cte, Maréchal de camp le 10 mai 1748, Lieutenant général le 21 avril 1759 // SHD, DAT, série 3Yⁿ, carton 931, cahier d'Orlick, fol. 35v.

⁶ См. письмо С. Лещинского к Ж. Юлену от 11 апреля 1737 г.: [...] Я прошу вас [...] сказать Орлику, что освобождаю его от всех обязанностей моего телохранителя при условии, что он будет исполнять свой долг на месте и перестанет строить из себя маленького министра... – Lettres inédites du roi Stanislas, duc de Lorraine et de Bar, à Jacques Hulin, son ministre en cour de France (1733-1766) // Mémoires de l'Académie de Stanislas (Nancy). 1919-1920. 6e série. T. 17. P. 59-60.

семьи Орликов были отнюдь не доходы от мифического поместья, а разные выплаты за его службу, часть из которых (2000 ливров) впоследствии была с соизволения короля унаследована его вдовой¹. 1000 ливров она получала и до смерти в 1766 г. второго хозяина Орлика – Станислава Лещинского². Таким образом, Орлик являлся кормильцем семьи, а не приживалой, каким его изобразил И. Борщак. Следовательно, утверждение Борщака о том, что Орлик финансировал свой полк средствами из приданного его супруги, совершенно безосновательно³. В ордонансе о создании полка четко указано, что полк являлся королевским, то есть финансируется государством; там же определены размеры окладов всех офицеров, включая полковника Орлика. Шефом полка, как и остальных королевских полков (в отличие от частнособственнических), был Людовик XV.

В контексте женитьбы Орлика на маркизе Дентевилль следует отметить еще одну избранную им для интеграции в среду французского дворянства социокультурную стратегию. Чтобы получить от короля согласие на женитьбу с аристократкой, Орлик должен был доказать свою принадлежность к титулованному дворянству. В своей переписке за 1729-1737 гг., а также в письмах Станислава Лещинского к Людовику XV и графу Ж. Юлену, он именуется попросту «господин Орлик». Ни один документ не подтверждает пожалования ему королем Франции графского титула, но в королевском ордонансе 1747 г. о назначении его полковником Орлик уже именуется графом, что означало фактическое его признание Людовиком XV в этом качестве. Каким же образом Орлик стал графом?

В 1740-е гг. Орлик предпринял серьезные шаги для того, чтобы добиться признания за собой дворянского титула. При этом он не пошел путем простолюдина Жана-Батиста Кольбера, который, став генеральным контролером финансов, купил фальшивую генеалогию, доказывавшую, что его род восходит к шотландским рыцарям, переселившимся во Францию⁴. Орлик воспользовался тем, что его дед, который во второй половине XVII в. переехал в Литву, а также отец, поступивший впоследствии в услужение гетману Мазепе, происходили из знатного в Богемии и Силезии рода Орликов. Основная ветвь рода Орликов

¹ Pierre-Grégoire d'Orlick de La Ziska, Cte, Maréchal de camp le 10 mai 1748, Lieutenant général le 21 avril 1759 // SHD. DAT. Série 3Y^B. Carton 931. Cahier d'Orlick. Fol. 35v.

² Gaber S. L'entourage polonais de Stanislas Leszczyński à Lunéville 1737-1766. P. 157.

³ Борщак I. Великий мазепинець Григор Орлик. С. 145.

⁴ Ададуров В. Історія Франції: Королівська держава та створення нації (від початків до кінця XVIII ст.). Львів, 2002. С. 202.

преуспела на службе у австрийских Габсбургов, и в разгар войны за Австрийское наследство 1740-1748 гг. ее представитель Карл Франц Александр Орлик фон Лазиска (1695-1770) получил графский титул от супруга королевы Богемии и Венгрии Марии-Терезии, а с 1742 г. императора Священной Римской империи, Франца I¹. Орлик сориентировался в ситуации молниеносно. Впервые о своем графском титуле он упомянул в меморандуме от 5 апреля 1742 г.² и впредь постоянно поступал таким же образом. Собираясь жениться, Орлик в конце 1747 г. обратился к своим моравским родственникам, попросив переслать ему копии документов, подтверждающие его дворянское происхождение. Вследствие этого обращения, 12 февраля 1748 г. во французском посольстве в Вене была составлена декларация К.Ф.А. Орлика, графа фон Лазиска, о том, что Петр-Григорий Орлик является его единокровным родственником³. В подтверждение этой декларации, французскому Орлику была переслана копия диплома 1627 г. императора Фердинанда II о присвоении дворянскому роду Орликов титула баронов империи фон Лазиска⁴. По умолчанию титул де Лазиска был признан за Орликом королем Франции, но уже не в ранге барона, а в соответствующем актуальному положению его родственников во владениях императора более высоком ранге графа. Однако он не был подкреплён никаким земельным пожалованием. Эти перипетии с дворянским титулом доказывают, что в тот период Орлик не осознавал себя украинским казаком, а намеревался стать французским аристократом, дворянином шпаги, делающим военную карьеру на службе королю.

Без ссылки на документы Борщак утверждает, что Орлику удалось собрать возле себя несколько десятков запорожцев, «которые составляли пол-эскадрона его полка»⁵. Анализ личного состава пехотного полка «Королевские поляки» показывает, что он состоял на три четверти из католиков, на одну четверть из протестантов, ни одного православного в нем было (во многих случаях фиксировалось вероисповедание солдат, во всех случаях имена родителей, возраст и место рождения – в основ-

¹ Crebel G.F. *Europäisches Genealogisches Handbuch*. Leipzig: Johann Friedrich Gleditsch's Handlung, 1782. S. 212; *idem*. *Europäisches Genealogisches Handbuch*. Leipzig, 1786. S. 217.

² Mémoire présenté au Ministre de France par le Comte d'Orlick concernant l'utilité d'engager la Porte et la Pologne dans la guerre contre la Russie, le 5 avril 1742// AMAE. MD. Sous-série «Pologne». Vol. 2. Fol. 213r.

³ D[eclaration] pour Monsieur Orlick // AMAE. CP. Sous-série «Autriche». Vol. 241. Fol. 16v-16r.

⁴ Lettres de l'Empereur Ferdinand, 2 juillet 1624 // AMAE. CP. Sous-série «Autriche». Vol. 241. Fol. 17v-21v.

⁵ Борщак I. Великий мазепинець Григор Орлик. С. 145.

ном Лотарингия, германские княжества, Фландрия)¹. Вероисповедание офицеров, к сожалению, не указывалось, однако сложно предполагать, чтобы православный мог быть назначен командиром полка с таким религиозным составом.

Православная Церковь и сегодня считает, что ее последователи не могут принимать участия в обрядах Римско-Католической Церкви, поэтому если православный вступает в брак с католичкой, обряд венчания должен проходить исключительно в православном храме, а их потомки должны воспитываться в православной вере. В XVIII в. это требование являлось незыблемым. Поэтому состоявшееся по католическому обряду бракосочетание Орлика является доказательством его перехода в римский католицизм. Следовательно, Петр-Григорий не мог претендовать на роль лидера остатков запорожцев, скрывшихся за рубежом после поражения 1709 г. Вместо того, чтобы слепо исполнять социальную роль, которая была суждена ему по факту рождения, Орлик на определенном этапе своей жизни сделал выбор в пользу интеграции в другое общество, проявив при этом удивительную способность приспосабливаться. Его мобильность – как географическая, так и национальная – имеет отчетливые черты поведения современного человека, поскольку Петр-Григорий сам осуществил выбор своей новой идентичности в том, что касалось языка, конфессии, культуры и т.д.² Лишь один, самый главный идентифицирующий признак оставался в его сознании незыблемым. Речь идет о принадлежности к дворянскому сословию. И в гетманской Украине, и в Швеции, и в Речи Посполитой, и во Франции осознание себя дворянином оставалось стержнем социального поведения Орлика.

¹ Registre [...] du Régiment Royal-Pologne compagnie par compagnie [...], faite à Phalsbourg, le 5 avril 1748 // SHD, DAT. Série 3Y^c. Vol. 255. Fol. non paginé.

² В постмодернистском эпистемологическом подходе идентичность понимается как следствие неоднозначного процесса идентификации индивида, который не ограничивается подражанием предыдущему опыту группы, но пребывает в процессе постоянных изменений и «переедентификаций». Считается, что ни одна из форм идентичности не является до конца завершенной и стабильной, а постоянно эволюционирует. Такое понимание феномена идентичности исходит из того, что она является конструируемой реальностью, формирующейся в рамках различных, конкурирующих дискурсивных практик. Ее внутренняя структура не целостна, а многокомпонентна и, ощущая постоянное влияние извне, является всегда временным, относительным, незавершенным конструктом. По мнению социолога Питера Бергера, это – всегда идентичность в середине социально конструируемого мира, в котором индивид определяет свое место. То есть каждый человек, идентифицируя себя, указывает на место, к которому он принадлежит. Следовательно, количество вариантов перемещения «себя» по социальной карте вследствие смены повседневной практики (например, переезда в другую страну) является потенциально неисчерпаемым. – *Бемлії О., Дуса К.* Усе про ідентичність // Міжкультурний діалог. Т. 1: Ідентичність. Київ, 2009. С. 12-13.

Созданный Борщакон и частично пересмотренный И. Дмитришиным образ украинского казака на службе Франции является мифом и в первой его части, поскольку младший Орлик никогда не был казаком, а являлся шляхтичем Речи Посполитой, в значительной мере офранцузенным, и, частично, во второй его части, ибо служил он не только королю Франции, но одновременно и королю Польши. Следовательно, научная проблема состоит не в том, кем предпочитают считать Орлика исследователи под влиянием изменчивой конъюнктуры их обществ, а в том, кем он сам себя считал¹. Разгадка кроется в неоднозначных текстах самого Орлика, но таким же неоднозначным было и его мировоззрение.

Ключом к осмыслению творчества Борщака является понимание того, что исторические труды могут гораздо больше рассказать нам про эпоху, в которую они были написаны, и про их автора, являвшегося продуктом этой эпохи, чем про изучаемый им объект. Описание Борщакон деятельности Орлика во Франции было подчинено идее исконной борьбы украинцев за национальную государственность. Оно предстает (по Джоржу Оруэллу) как направленная в сферу контроля над историей борьба за сегодняшний и грядущий день украинского национального проекта, вследствие чего творчество Борщака имело все признаки антитезиса тогдашним польской и большевистской идеологическим системам господства над территориями, населенными украинским этносом. Исследователь видел свою миссию, прежде всего, в создании у проживавших в Польше, и в СССР украинцев определенного мифологического образа прошлого Украины как последовательной борьбы за независимость. В предисловии к монографии о младшем Орлике он отмечал:

Мы уже неоднократно заявляли о том, что работаем над этой книгой, и вот уже как несколько лет получаем письма – от Ужгорода до Краснодара, откуда украинцы различных убеждений требуют огласить наконец материалы, принадлежащие всей нации².

Отбор этих материалов и селекцию фактов из них Борщак осуществил таким образом, что создал соответствующий его сознанию – идейного солдата Украинской революции – образ борца за Украину, соответствующий типу революционера-националиста первой половины XX в. Понимание Борщакон документов и социального контекста их возникновения не поднялось до научного уровня, поскольку с самого начала оно было на-

¹ Ададуров В. Теоретико-методологічні засади вписування української історії у європейський контекст (погляд історика-всесвітника) // Український історичний журнал. 2013. № 2. С. 3-24.

² Борщак І. Великий мазепинець Григор Орлик. С. VIII.

правлено не на воссоздание структуры мышления и ментального инструментария изучаемого исторического персонажа, а на то, чтобы наполнить готовую идеологическую матрицу определенной суммой документальных свидетельств. Таким образом, книга «Великий мазепинец» сыграла роль кривого зеркала, исказившего исторические факты в угоду политическим убеждениям ее автора и его единомышленников. И как показывает анализ монографии И. Дмитришина «Украинский казак на службе Людовика XV», последствия этого искривления современная историография не может преодолеть до сих пор. Впрочем, надежда на такое преодоление не утрачена хотя бы потому, что ознакомившись с предварительным вариантом этой статьи, французский историк сочла возможным отложить украинское издание своей книги, чтобы доработать ее.

В известном эпистемологическом эссе «Как пишут историю» Поль Вен отмечает, что «история является тем, чем делают ее источники, история является тем, чем делают ее, без нашего желания, условности жанра»¹. Однако я рискну добавить к этому вполне справедливому высказыванию следующее утверждение: история – это то, что делают с источниками историки. Что бы ни говорилось о невозможности объяснить особенности образа того или иного исторического персонажа симпатиями его исследователя, поскольку существование источников якобы не позволяет воображению автора перейти рамки допустимых погрешностей, пример Борщака доказывает обратное. Идеологическая позиция Борщака решающим образом определила невысокое научное качество его исследования. Для работы «Великий мазепинец» это обстоятельство столь же очевидно, как и для книги «Наполеон и Украина». Речь идет о попытке Борщака искусственно разъединить тесно переплетенные истории Украины и Польши, а также преувеличить степень заинтересованности Франции в восстановлении казацкой (украинской) государственности как инструмента давления на Россию в геополитическом споре с этой державой. Следует также признать, что подобные историографические мутанты во многом порождаются скудостью источников, а потому, чтобы избежать впредь их появления, следует опубликовать весь комплекс французских документов, касающихся жизни и деятельности Петра-Григория Орлика.

¹ Вен П. Как пишут историю: Опыт эпистемологии. М., 2003. С. 378.

Список литературы

Борщак І. Великий мазепинець Григор Орлик, генерал-поручник Людовика XV (1702-1759). Львів, 1932. [*Borshhak I. Velikij mazerinec' Grigor Orlik, general-poruchnik Ljudovika XV (1702-1759). L'viv, 1932.*]

Борщак І. Звідомлення з дослідів в архівах Західної Європи, переслане Українській Академії наук у Києві 1924 р. // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 134. Львів, 1925. [*Borshhak I. Zvidomlennja z doslidiv v arhivah Zahidnoї Evropi, pereslane Ukraїns'kij Akademii nauk u Kіevі 1924 r. // Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka. T. 134. L'viv, 1925.*]

Дашкевич Я. Ілько Борщак і його вклад в історіографію України // Вісник Київського університету. Серія Історичні науки. Вип. 32. Київ, 1990. С. 47-52 [*Dashkevich Ja. П'ko Borshhak i jogo vklad v istoriografiju Ukraїni // Visnik Kiїvs'kogo universitetu. Serija Istorichni nauki. Vip. 32. Kiїv, 1990. S. 47-52.*]

Дашкевич Я. Ілько Борщак, історик // Борщак І. Мазепа. Орлик. Войнаровський: Історичне есе. Львів, 1991. [*Dashkevich Ja. П'ko Borshhak, istorik // Borshhak I. Mazepa. Orlik. Vojnarovs'kij: Istorichne ese. L'viv, 1991.*]

Дашкевич Я. Ілько Борщак, історик // Дашкевич Я. Постаті: Нариси про діячів історії, політики, культури. 2-е вид. Львів, 2007. [*Dashkevich Ja. П'ko Borshhak, istorik // Dashkevich Ja. Postati: Narisi pro dijachiv istorii, politiki, kul'turi. 2-e vid. L'viv, 2007.*]

Білокінь С. Післямова // Борщак І., Мартель Р. Іван Мазепа: Життя й пориви великого гетьмана. Київ, 1991. [*Bilokin' S. Pisljamova // Borshhak I., Martel' R. Ivan Mazepa: Zhittja j porivi velikogo get'mana. Kiїv, 1991.*]

Череватюк В. Ілько Борщак – невтомний дослідник і поширювач української джерельної спадщини за кордоном // Наукові записки: Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Т. 1. Київ, 1996. [*Cherevatjuk V. П'ko Borshhak – nevtomnij doslidnik i poshirjuvach ukraїns'koї dzherel'noї spadshhini za kordonom // Naukovi zapiski: Zbirnik prac' molodih vchenih ta aspirantiv. T. 1. Kiїv, 1996.*]

Сарбей В. Хто він – Ілько Борщак? // Історичний календар 1999. Київ, 1998. [*Sarbej V. Hto vin – П'ko Borshhak? // Istorichnij kalendar 1999. Kiїv, 1998.*]

Сохань П. Видатний український історик, джерелознавець і бібліограф // Борщак І. Україна в літературі Західної Європи. Київ, 2000. [*Sohan' P. Vidatnij ukraїns'kij istorik, dzhereloznavec' i bibliograf // Borshhak I. Ukraїna v literaturi Zahidnoї Evropi. Kiїv, 2000.*]

Шкварець В. Ілля Боршак: Життя, діяльність, творчість. Миколаїв, 2002 [*Shkvarec' V.* Illja Borshhak: Zhittja, dijal'nist', tvorchist'. Mikolaïv, 2002].

Часопис «Україна» (Париж): Показчик. Київ, 2000 [Chasopis «Ukraina» (Parizh): Pokazhchik. Kiïv, 2000].

Кириченко Р. Українознавчі студії науковців української діаспори у Франції // Збірник наукових праць Науково-дослідного інституту українознавства. Т. 2. Київ, 2004. [*Kirichenko R.* Ukraïnoznavchi studii naukovciv ukraïns'koï diaspori u Francii // Zbirnik naukovih prac' Naukovo-doslidnogo institutu ukraïnoznavstva. T. 2. Kiïv, 2004].

Рева Л. Ілько Боршак – популяризатор творів української проблематики у франкомовному науковому середовищі // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип. 15. Харків, 2006. [*Reva L.* Il'ko Borshhak – populjarizator tvoriv ukraïns'koï problematiki u frankomovnomu naukovomu seredovishhi // Novi doslidzhennja pam'jatok kozac'koï dobi v Ukraïni. Vip. 15. Harkiv, 2006].

Рева Л. Ілько Боршак про видатні історичні постаті (за архівами НБУВ) // Наукові праці Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського. Вип. 16. Київ, 2006. [*Reva L.* Il'ko Borshhak pro vidatni istorichni postati (za arhivami NBUV) // Naukovi prac'i Nacional'noï biblioteki Ukraïni im. V.I. Vernads'kogo. Vip. 16. Kiïv, 2006].

Матвіїшин В. Науково-публіцистична діяльність Ілька Борщака у Франції // *Матвіїшин В.* Український літературний європеїзм. Київ, 2009. [*Matviishin V.* Naukovo-publicistichna dijal'nist' Il'ka Borshhaka u Francii // Matviishin V. Ukraïns'kij literaturnij evropeïzm. Kiïv, 2009].

Боршак Ілько // Народжені Україною: Меморіальний альманах. Київ, 2002. Т.1. [Borshhak Il'ko // Narodzheni Ukraïnoju: Memorial'nij al'manah. Kiïv, 2002. T.1].

Morin E. La méthode: La Connaissance de la Connaissance. P., 1986.

Анцишкін І. До питання про «французький похід» Івана Сірка // Козацька спадщина. Альманах Нікопольського регіонального відділення Науково-дослідницького інституту козацтва Інституту історії НАН України. Вип. 2. Нікополь, Дніпропетровськ, 2005. [*Ancishkin I.* Do pitannja pro «francuz'kij pohod» Ivana Sirka // Kozac'ka spadshhina. Al'manah Nikopol's'kogo regional'nogo viddilennja Naukovo-doslidnic'kogo institutu kozactva Institutu istorii NAN Ukraïni. Vip. 2. Nikopol', Dnipropetrovs'k, 2005].

Мельников Є. Біографічні сторінки життя та діяльності Григорія Орлика в науково-публіцистичній спадщині Іллі Борщака // Наукові записки

Тернопільського національного педагогічного університету ім. В. Гнатюка. Серія «Історія». Тернопіль, 2010. Вип. 2. [*Mel'nikov Je.* Biografichni storinki zhittja ta dijal'nosti Grigorija Orlika v naukovo-publicisticnij spadshhini Illi Borshhaka // *Naukovi zapiski Ternopil's'kogo nacional'nogo pedagogichnogo universitetu im. V. Gnatjuka. Serija «Istorija». Ternopil', 2010. Vip. 2].*

Мельников Є., Шкварець В. Ілько Борщак як земляк, подвижник долі, провісник української духовності. Миколаїв, 2012. [*Mel'nikov Je., Skkvarets V.* П'ко Borshhsk iak zemliak, podvizhnik doli, provisnyk, ukrainskoї duhovnosti. Mykolaiv, 2012].

Ададуров В. Народження одного історичного міфу: Проблема «Наполеон і Україна» у висвітленні Ілька Борщака // Україна модерна. Ч. 9. Київ, Львів, 2005. [*Adadurov V.* Narodzhennja odnogo istorichnogo mifu: Problema «Napoleon i Ukraїna» u visvitlenni П'ка Borshhaka // *Ukraїna moderna. Ch. 9. Kiїv, L'viv, 2005].*

Ададуров В. Юго-западные окраины Российской империи в иерархии приоритетов восточноевропейской политики Наполеона (Историографический аспект) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. 9. М., 2010. [*Adadurov V.* Jugo-zapadnye okrainy Rossijskoj imperii v ierarhii prioritetov vostochnoevropskoj politiki Napoleona (Istoriograficheskij aspekt) // *Jepoha 1812 goda. Issledovanija. Istochniki. Istoriografija. Vyp. 9. M., 2010].*

Ададуров В. Наполеонида // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813-1814 годов: Энциклопедия в 3 т. М., 2012. Т. 2. [*Adadurov V.* Napoleonida // *Otechestvennaja vojna 1812 goda i osvoboditel'nyj pohod russkoj armii 1813-1814 godov: Jenciklopedija v 3-h tomah. M., 2012. T. 2].*

Ададуров В. Борщак Илько // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813-1814 годов: Энциклопедия. Т. 1. [*Adadurov V.* Borshhak П'ко // *Otechestvennaja vojna 1812 goda i osvoboditel'nyj pohod russkoj armii 1813-1814 godov: Jenciklopedija. T. 1].*

Борщак І. Польські плани супроти України за Наполеона в світлі сучасних подій // Нова Громада. Ч. 3–4. Відень, 1923. [*Borshhak I.* Pol's'ki plani suproti Ukraїni za Napoleona v svitli suchasnih podij // *Nova Gromada. Ch. 3–4. Viden', 1923].*

Борщак І. Наполеон і Україна. З невідомих документів із тогочасними ілюстраціями. Львів: Бібліотека «Діла», 1937. [*Borshhak I.* Napoleon i Ukraїna. Z nevidomih dokumentiv iz togochasnimi iljustracijami. L'viv: Biblioteka «Dila», 1937].

Борщак І. 1652, 1653 і 1654 роки на Україні по «Французькій газеті» (Gazette de France) // Дніпро: Альманах. Львів, 1925. [*Borshhak I.* 1652, 1653 і 1654 roki na Ukraïni po «Francuz'kij gazetii» (Gazette de France) // Dnipro: Al'manah. L'viv, 1925].

Борщак І. Франція і Переяславська рада // Вісті Європейського Відділу Наукового товариства імені Шевченка. Ч. 6. Париж, 1954. [*Borshhak I.* Francija i Perejaslavs'ka rada // Visti Europejs'kogo Viddilu Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka. Ch. 6. Parizh, 1954].

Борщак І. Україна і французька дипломатія XVIII віку // Нова Україна. Ч. 2. Прага, Берлін, 1923 [*Borshhak I.* Ukraïna i francuz'ka diplomatija XVIII viku // Nova Ukraïna. Ch. 2. Praga, Berlin, 1923].

Борщак І. Гетьман Пилип Орлик і Франція // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 134-135. Львів, 1924. [*Borshhak I.* Get'man Pilip Orlik i Francija // Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka. T. 134-135. L'viv, 1924].

Гетьман Пилип Орлик і Франція (з додатком Маніфесту від 4 квітня 1712 року) // Хроніка 2000: Український культурологічний альманах. № 2-3. Київ, 1995. [Get'man Pilip Orlik i Francija (z dodatkom Manifestu vid 4 kvitnja 1712 roku) // Hronika 2000: Ukraïns'kij kul'turologichnij al'manah. № 2-3. Kiïv, 1995].

Борщак І. Вольтер і Україна // Україна. Ч. 16. Київ, 1926. [*Borshhak I.* Vol'ter i Ukraïna // Ukraïna. Ch. 16. Kiïv, 1926].

Хроніка 2000: Український культурологічний альманах. № 2-3. Київ, 1995. [Hronika 2000: Ukraïns'kij kul'turologichnij al'manah. № 2-3. Kiïv, 1995].

Борщак І. Шведчина і французька дипломатія // Записки Українського наукового товариства в Києві. 1928. Т. 28. [*Borshhak I.* Shvedchina i francuz'ka diplomatija // Zapiski Ukraïns'kogo naukovogo tovaristva v Kievi. 1928. T. 28].

Борщак І. Папери Пилипа і Григора Орликів // Україна: Українознавство і французьке культурне життя. Збірник 3. Париж, 1949. [*Borshhak I.* Paperi Pilipa i Grigora Orlikiv // Ukraïna: Ukraïnoznavstvo i francuz'ke kul'turne zhittja. Zbirnik 3. Parizh, 1949].

Борщак І. Орликіяна: Невидані листи П. Орлика до Станіслава Лещинського й до кардинала Флері в 1725 р. // Україна: Українознавство і французьке культурне життя. Зошит 10. Париж, 1953. [*Borshhak I.* Orlikijana: Nevidani listi P. Orlika do Stanislava Leshhins'kogo j do kardinala Fleri v 1725 r. // Ukraïna: Ukraïnoznavstvo i francuz'ke kul'turne zhittja. Zoshit 10. Parizh, 1953].

Борщак І. Мазепа. Орлик. Войнаровський: Історичне есе. Львів, 1991. [*Borshhak I.* Mazepa. Orlik. Vojnarovs'kij: Istorichne ese. L'viv, 1991].

Борщак І. Великий мазепинець Григор Орлик, генерал-поручник Людовика XV (1702-1759). Львів, 1932. [*Borshhak I.* Velikij mazerinec' Grigor Orlik, general-poruchnik Ljudovika XV (1702-1759). L'viv, 1932].

Різниченко В.; Борщак І. Пилип Орлик – гетьман України; Великий мазепинець Григорій Орлик: Історичні оповіді. Київ, 1996. [*Riznichenko V.; Borshhak I.* Pilip Orlik – get'man Ukraïni; Velikij mazerinec' Grigorij Orlik: Istorichni opovidi. Kiïv, 1996].

Borschak E. Hryhor Orlyk, Franc'es Cossack general. Toronto, 1956. 124 p.

Pinard. Chronologie historique-militaire, contenant l'histoire de la création de tous les charges, dignités et gardes militaires supérieurs [...] tirés sur les originaux. T. 5. P., 1762.

Corvisier A. Les contrôles des troupes de l'Ancien Régime. Vincennes, 1970.

Histoire militaire de la France. T. 2. P., 1992.

Lettres inédites du roi Stanislas, duc de Lorraine et de Bar, à Jacques Hulin, son ministre en cour de France (1733-1766) // Mémoires de l'Académie de Stanislas. Nancy, 1919-1920. 6e série. T. 17.

Boyé P. La cour polonaise de Lunéville (1736-1766). Nancy, 1926

Gaber S. L'entourage polonais de Stanislas Leszczyński à Lunéville 1737-1766. Thèse pour le doctorat du 3e cycle. Nancy, 1972.

Doinel J. Inventaire sommaire des Archives départementales antérieures à 1790. Loiret – Archives civiles – Séries 1800-2200. T. 2. Orléans, 1886.

Dmytrychyn I. Grégoire Orlik: Un Cosaque Ukrainien au service de Louis XV. P., 2009.

Дмитришин І. Григір Орлик – польський патріот? // Od Kijowa do Rzymu: Z dziejów stosunków Rzeczypospolitej z Stolicą Apostolską i Ukrainą. Białystok, 2012. [*Dmitrishin I.* Grigir Orlik – pol's'kij patriot? // Od Kijowa do Rzymu: Z dziejów stosunków Rzeczypospolitej z Stolicą Apostolską i Ukrainą. Białystok, 2012].

Вивід прав України: Документи і матеріали до історії української політичної думки / Ред. і вступна стаття О. Субтельного. Передмова О. Оглоблина. Нью-Йорк, 1975 [Vivid prav Ukraïni: Dokumenti i materijali do istoriï Ukraïns'koï politichnoï dumki / Red. i vstupna stattja O. Subtel'nogo. Peredmova O. Ogloblina. N'ju-Jork, 1975]

Aubert de la Chenaye-Desbois F. Dictionnaire de la noblesse. T. 3. P., 1980.

Уривок з записок адвоката з Анже П'єра Одуї (XVII ст.) // *Дюпон-Мельниченко Ж.-Б., Ададуров В.* Французька історіографія XX століття. Львів, 2001. [Urivok z zapisok advokata z Anzhe P'era Odui (XVII st.) // *Djupon-Mel'nichenko Zh.-B., Adadurov V.* Francuz'ka istoriografija XX stolittja. L'viv, 2001].

Ададуров В. Історія Франції: Королівська держава та створення нації (від початків до кінця XVIII ст.). Львів, 2002. [*Adadurov V.* Istorija Francii: Korolivs'ka derzhava ta stvorennja nacii (vid pochatkiv do kincja XVIII st.). L'viv, 2002].

Crebel G.F. Europäisches Genealogisches Handbuch. Leipzig: Johann Friedrich Gleditsch Handlung, 1782.

Crebel G.F. Europäisches Genealogisches Handbuch. Leipzig, 1786.

Бетлій О., Дуса К. Усе про ідентичність // Міжкультурний діалог. Т. 1: Ідентичність. Київ, 2009. [*Betlij O., Disa K.* Use pro identichnist' // Mizhkul'turnij dialog. T. 1: Identichnist'. Kiiv, 2009].

Ададуров В. Теоретико-методологічні засади вписування української історії у європейський контекст (погляд історика-всесвітника) // Український історичний журнал. 2013. №. 2. [*Adadurov V.* Teoretiko-metodologichni zasadi vprisuvannja Ukraïns'koï istorii u evropejs'kij kontekst (pogljad istorika-vsesvitnika) // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 2013. №. 2].

Вен П. Как пишут историю: Опыт эпистемологии. М., 2003. [*Ven P.* Kak pishut istoriju: Opyt jepistemologii. M., 2003].

В.А. Погосян

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ А.З. МАНФРЕДА

Автор публикации предлагает вниманию читателей два ранее не издававшихся документа из архива известного советского историка А.З. Манфреда – отзывы на работы Б.Ф. Поршнева и Г.С. Кучеренко по истории коммунистических и социалистических идей во Франции.

Ключевые слова: историография, Франция, история утопий, А.З. Манфред, Б.Ф. Поршнев, Г.С. Кучеренко

Богатое научное наследие одного из крупнейших советских историков, пользовавшегося по праву непрекаемым научным авторитетом в международных научных кругах, лидера советского франковедения в 1960-1970-е гг., Альберта Захаровича Манфреда (1906-1976) обеспечило ему почетное место в пантеоне специалистов по истории Франции, и в частности, историков Французской революции XVIII в. и наполеоноведов. Однако современному поколению молодых историков неизвестны многие аспекты его научной деятельности, тем более что подавляющее большинство его современников и учеников уже покинуло нас.

На протяжении своей плодотворной научной деятельности Альберт Захарович гармонично сочетал научную и общественную работу. Большое внимание он уделял редакторской работе, приложив огромные усилия и вложив всю свою душу в издание Французского ежегодника со дня его основания и до своей безвременной кончины. Никогда не жалел он своего времени и для помощи советским и зарубежным коллегам: редактировал их монографии, писал отзывы на рукописные работы и диссертации маститых и молодых исследователей, рекомендуя их к печати или к защите.

Перелистав описи богатого архива А.З. Манфреда, хранящегося в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, я обнаружил огромное количество написанных им и неопубликованных отзывов, которые проливают дополнительный свет на различные стороны многоплановой научной деятельности этого историка, в частности – на фундаментальные работы В.М. Хвостова «История

Варужан Арамаздович Погосян, доктор исторических наук, заведующий отделом генцидологии Института арменоведческих исследований Ереванского государственного университета.

дипломатии» (т. 2), С.Д. Сказкина «Конец австро-русско-германского союза», Ф.В. Потемкина «Промышленная революция во Франции», Г.М. Ратиани «Судьба двух республик», на новейшее издание известного труда П.А. Кропоткина «Великая французская революция».

А.З. Манфред неоднократно писал отзывы и на диссертации советских коллег – Л.С. Гордона, Ю.В. Борисова, А.В. Адо, С.Н. Гурвич, В.И. Московченко, Ю.И. Рубинского, В.П. Смирнова, Г.Ш. Кигурадзе и многих других.

Учитывая огромный научный авторитет А.З. Манфреда, к нему зачастую обращались и руководители советских издательств, когда возникала необходимость организовывать перевод на русский язык книг зарубежных историков по новой истории Франции. В 1960-х гг. именно он рекомендовал к изданию книги К. Виллара о социалистическом движении во Франции, М. Шури о Парижской Коммуне, А. Собуля о Первой республике (опубликованные под его же редакцией), Э. Форэ «Опала Тюрга», которая, однако, вышла в свет уже после его кончины, под редакцией В.М. Далина, и др. Однако, человек глубоко принципиальный, Альберт Захарович исходя из своих научных представлений о правильном и неправильном, высказывал порою и отрицательное мнение относительно необходимости перевода и публикации работ отдельных французских авторов, о чем, в частности, свидетельствует его критический отзыв на книгу Бертье де Совиньи «Меттерних и его время»¹. Высказался также он против издания на русском языке книги французского историка-марксиста К. Мазорика о Французской революции², заявив, что она представляет интерес только для узкого круга специалистов, а «их число невелико и они могут ознакомиться с этой работой на языке оригинала»³.

Не оставался А.З. Манфред безучастным и к выдвижению кандидатур своих коллег на присуждение Академией наук СССР премии имени В.П. Волгина, учрежденной Советом Министров СССР в 1969 г. В первой половине 1970-х гг. он рекомендовал наградить этой престижной премией таких авторов исследований по истории общественной мысли, как В.М. Далин и А.Р. Иоаннисян⁴.

В 1970 г. А.З. Манфред дал весьма лестный отзыв и на рабо-

¹ См.: Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 772 (А.З. Манфред). Картон 10. Ед. хр. 49.

² *Mazauric C.* Sur la Révolution française. Contributions à l'histoire de la Révolution bourgeoise. P., 1970.

³ См.: ОР РГБ. Ф. 772. Картон 10. Ед. хр. 27. Л. 2.

⁴ См.: *Погосян В.А.* К вопросу о научном сотрудничестве В.М. Далина и А.З. Манфреда // ФЕ 2013. М., 2013. С. 350, 355-357.

ты Б.Ф. Поршнева и его ученика Г.С. Кучеренко о Жане Мелье, выступавших, к слову сказать, в конкурсе на соискание премии имени В.П. Волгина конкурентами В.М. Далина, ближайшего друга Альберта Захаровича. Этот факт, на мой взгляд, свидетельствует о его глубочайшей принципиальности. Как верно заметил А.В. Гладышев, «изучение французского коммунизма XVIII в. и, в частности, идей Мелье, имело в советской историографии четко выраженную *преемственность*. Мелье изучали и Волгин, и Поршнева, и Кучеренко»¹. Это обстоятельство, нашедшее отражение в публикуемом отзыве А.З. Манфреда, имело, по всей вероятности, определяющее значение при рекомендации им книг Б.Ф. Поршнева и Г.С. Кучеренко на присуждение премии имени Волгина.

Определенный интерес представляет и сохранившийся в архиве А.З. Манфреда его отзыв на докторскую диссертацию Г.С. Кучеренко «Сенсимонизм во французской общественной мысли первой половины XIX века», на защите которой он был одним из официальных оппонентов вместе с А.В. Адо и В.А. Малининым².

Оба эти отзыва, как мне представляется, могут быть небезынтесны читателям Французского ежегодника, ибо содержат всеобъемлющие и беспристрастные оценки А.З. Манфредом трудов обоих его коллег. Тексты публикуются по архивным копиям с моими примечаниями.

ОТЗЫВ

*на цикл работ доктора исторических наук Б.Ф. Поршнева
и кандидата исторических наук Г.С. Кучеренко, представленных
на соискание премии имени академика В.П. Волгина*³

Работы Б.Ф. Поршнева и Г.С. Кучеренко, выдвинутые научным советом по истории общественной мысли при Президиума АН СССР на премию им[ени] В.П. Волгина, объединены тематическим единством. Они все посвящены изучению наследия Жана Мелье.

Работы эти представляют собой цикл статей и книг, на протяжении последних 20 лет появлявшихся в советской научной печати и в совокупности убедительно доказывающих большой научный вклад, внесенный в разработку этих проблем советскими историками.

¹ См.: Гладышев А.В. Три советских историка французского коммунизма XVIII в.: Волгин, Поршнева, Кучеренко // ФЕ 2007. М., 2007. С. 199.

² Кучеренко Г.С. Сенсимонизм во французской общественной мысли первой половины XIX века. Автореф. дисс. ... доктора исторических наук. М., 1974.

³ ОР РГБ. Ф. 772. Картон 10. Ед. хр. 35. Лл. 1-2.

Родоначальником «мельеведения» был, как известно, В.П. Волгин, еще в 1908 г. опубликовавший первое свое исследование о Мелье¹.

Линия исследований В.П. Волгина о Мелье была продолжена Б.Ф. Поршневым, выступившим еще в 1955 г. с докладом о Мелье на X Римском конгрессе исторических наук², и затем продолжавшим в течение ряда лет исследование этой темы.

В наиболее полном виде результаты научных исследований Б.Ф. Поршнева были подведены в его книге «Жан Мелье», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия»³. Особенность этой серии, не допускающей ни сносок, ни какого-либо научного аппарата, придала *по внешности* этой работе вид научно-популярной книги. Однако специалисту не трудно установить, что эта внешность не соответствует действительному содержанию книги. По существу – это совершенно оригинальное, самостоятельное научное исследование – плод долговременных настойчивых научных изысканий автора⁴.

Большой вклад, внесенный Б.Ф. Поршневым в изучение системы взглядов и жизненного пути автора «Завещания» подтверждается также и тем, что многие его статьи и этюды о Мелье переведены на ряд иностранных языков.

Работы Г.С. Кучеренко, в прошлом аспиранта Б.Ф. Поршнева, исследуют почти совсем не изученный вопрос о посмертном влиянии Мелье на развитие идей французских просветителей XVIII в. Эта большая и важная тема была освещена автором в ряде опубликованных статей, и, в особенности, в книге «Судьба “Завещания” Жана Мелье в XVIII веке»⁵. Эта интересная работа вносит много нового в освещение проблемы. Несомненный научный интерес имеют исследовательские этюды Г.С. Кучеренко, прослеживающие незримое участие Мелье в идейных коллизиях и конфликтах XVIII столетия.

В целом работы Б.Ф. Поршнева и Г.С. Кучеренко показывают и доказывают, какой большой вклад внесла советская историческая наука в исследование идейного наследия Мелье.

¹ Эта работа, написанная В.П. Волгиным в 1908 г., впервые увидела свет, однако, в 1918 г. См.: *Волгин В.П.* Жан Мелье и его «Завещание» // *Голос минувшего.* 1918. № 1-3.

² См.: *Поршнев Б.Ф.* Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения // Десятый международный конгресс историков в Риме, сентябрь 1955. Доклады советской делегации. М., 1956, с. 592-617; *Он же:* Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения. М., 1955.

³ *Поршнев Б.Ф.* Мелье. М., 1964.

⁴ Судя по письму Б.Ф. Поршнева к А. Соболю от 21 июня 1966 г., его французский коллега проявлял желание организовать перевод этой книги на французский язык. – См.: ОР РГБ. Ф. 684 (Б.Ф. Поршнев). Картон 29. Ед. хр. 22. Л. 1.

⁵ *Кучеренко Г.С.* Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. М., 1968.

Работы Б.Ф. Поршнева и Г.С. Кучеренко – в ключе научного направления, созданного трудами В.П. Волгина, и они вполне достойны премии, носящей его имя.

Доктор исторических наук
профессор (А.З. Манфред)
1970 г.

Отзыв

о диссертации Г.С. Кучеренко «Сенсимонизм во французской общественной мысли первой половины XIX века» представленной к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук¹

Докторская диссертация Г.С. Кучеренко, под указанным выше названием, посвящена важной в научном отношении и по своему общественному значению теме. Проблемы формирования идей домарковского критического утопического социализма находятся в течение длительного времени в центре внимания общественной мысли и исторической науки, в частности. Это не боковая, второстепенная линия узких исторических исследований, а один из магистральных сюжетов, по которым вот уже более ста лет не прекращаются острые идейные споры. По существу это проблемы предьстории научного социализма и борьбы общественно прогрессивных сил против сил реакции.

Г.С. Кучеренко в своем исследовании выступает во всеоружии знания обширной специальной литературы, посвященной этим вопросам. Автор не только превосходно осведомлен в литературе (преимущественно зарубежной) предмета, но и опирается в своем исследовании на новые мало известные документальные материалы из литературного наследия учеников и последователей великого французского социалиста-утописта XIX столетия. В частности, несомненную ценность представляют материалы Анфантена, Эхталя, Шарля Фурье почерпнутые им в результате изучения соответствующих фондов архива Арсенала, Национального архива, и др.

По богатству привлеченных новых или мало известных архивных материалов, по интенсивности изучения литературного наследия представителей сен-симонистской школы, по глубине проникновения в специальные вопросы темы и знанию известных лишь узкому кругу специалистов спорных вопросов, труд Г.С. Кучеренко заслуживает самой высокой оценки.

¹ ОР РГБ. Ф. 772. Картон 10. Ед. хр. 26. Лл. 1-5.

Работа посвящена не Сен-Симону, а сен-симонистской школе, то есть ученикам и продолжателям дела учителя – Анфантену, Базару, Бюше, Родригу и другим. Диссертация Г.С. Кучеренко значительно расширяет наши представления о системе взглядов, деятельности, внутренних взаимоотношениях этой влиятельной в первой половине XIX века группе социалистов-утопистов. Вместе с тем, большое место в исследовании занимает и сам родоначальник школы Анри де Сен-Симон. Свежей, во многом оригинальной и интересной является трактовка автором темы: Сен-Симон и Тьерри. В наши дни особый интерес приобретают совместные проекты Сен-Симона – Тьерри о создании мирной Ассоциации и поисков путей избавления человечества от бедствий и страданий непрерывных войн. (Может быть автору следовало при освещении этой темы сильнее подчеркнуть наивно утопический характер не только социальных рецептов, но и самого факта, что эти благородные проекты были адресованы Александру I, Меттерниху, Кестельри и другим руководителям реакционных правительств и реакционного Священного Союза?) Весьма интересным являются разделы диссертации, посвященные темам «Шарль Фурье и Сен-Симон», «Сен-Симон и Конт» и др. Вообще, как несомненное достоинство диссертации следует отметить широту постановки исследуемой темы.

Как уже говорилось, исследуемые автором проблемы оценки идейного наследия сен-симонизма были и остаются областью острых идеологических споров. Не только в обширном историографическом введении, но и по существу рассматриваемых вопросов автор методологически правильно, с марксистско-ленинских позиций трактует тему. Не прикрашивая героев своего исследования, не приуменьшая противоречий и слабостей системы взглядов представителей сен-симонистской школы, Г.С. Кучеренко вполне обоснованно и правильно подчеркивает исторически прогрессивный характер для своего времени идейного движения сен-симонизма.

Диссертация Г.С. Кучеренко написана хорошим литературным языком, чему у нас, к сожалению, не всегда придают должного значения.

Вместе с тем, диссертация Г.С. Кучеренко вызывает и некоторые замечания.

Имея ввиду развернуть аргументацию в устном выступлении, ограничусь здесь лишь кратким перечислением главных замечаний.

1. В своих оценочных суждениях Г.С. Кучеренко проявляет, на мой взгляд, чрезмерную осторожность или сдержанность при выявлении исторически прогрессивных черт сен-симонизма первой половины XIX века.

2. Сказанное только что находится, как мне думается, в определенной связи с тем, что автор недостаточно принимает во внимание реально существовавшие в ту эпоху конкретно исторические условия определявшие систему взглядов и практическую деятельность сен-симонистов.

3. В оценках последующей судьбы сен-симонизма в идейных спорах более позднего времени автор не только не исчерпывает вопрос (что от него и трудно требовать), но и дает порою несколько одностороннюю интерпретацию. Например, об использовании сен-симонизма в обосновании социально-католических концепций? А почему собственно только социально-католических концепций?

Высказанные замечания не в малой мере не колеблют той общей высокой оценки научных достоинств диссертации Г.С. Кучеренко, которая была дана выше.

В целом диссертация Г.С. Кучеренко представляет собой вполне оригинальное, ценное и нужное научное исследование посвященное одной из больших тем исторической науки, свидетельствующее о научной зрелости ее автора, по новому и самостоятельно, на высоком научном уровне решающем тему, по которой давно не затухают научные и политические споры.

Диссертация Г.С. Кучеренко дает ее автору бесспорное право на присуждение ему ученой степени доктора исторических наук. Исследование Г.С. Кучеренко заслуживает, безусловно, опубликования в печати¹.

Доктор исторических наук
профессор А.З. Манфред
15 декабря 1974 г.

Список литературы

Mazauric C. Sur la Révolution française. Contributions à l'histoire de la Révolution bourgeoise. P., 1970.

Погосян В.А. К вопросу о научном сотрудничестве В.М. Далина и А.З. Манфреда // ФЕ 2013. М., 2013. [Pogosjan V.A. K voprosu o nauchnom sotrudnichestve V.M. Dalina i A.Z. Manfreda // Annuaire d'études françaises 2013. М., 2013].

Гладышев А.В. Три советских историка французского коммунизма XVIII в.: Волгин, Поршневу, Кучеренко // ФЕ 2007. М., 2007. [*Gladyshev A.V.* Tri sovetskih istorika francuzskogo kommunizma XVIII v.: Volgin, Porshnev, Kucherenko // Annuaire d'études françaises 2007. М., 2007].

¹ Диссертация Г.С. Кучеренко была опубликована в виде монографии год спустя. См.: *Кучеренко Г.С.* Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975.

Кучеренко Г.С. Сенсимонизм во французской общественной мысли первой половины XIX века. Автореф. дисс. ...доктора исторических наук. М., 1974. [*Kucherenko G.S.* Sensimonizm vo francuzskoj obshhestvennoj mysli pervoj poloviny XIX veka. Avtoref. diss. ...doktora istoricheskikh nauk. M., 1974].

Волгин В.П. Жан Мелье и его «Завещание» // Голос минувшего. 1918. N 1-3. [*Volgin V.P.* Zhan Mel'e i ego «Zaveshhanie» // Golos minuvshogo. 1918. N 1-3].

Поршнев Б.Ф. Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения // Десятый международный конгресс историков в Риме, сентябрь 1955. Доклады советской делегации. М., 1956. [*Porshnev B.F.* Zhan Mel'e i narodnye istoki ego mirovozzrenija // Desjatyj mezhdunarodnyj kongress istorikov v Rime, sentjabr' 1955. Doklady sovetsoj delegacii. M., 1956].

Поршнев Б.Ф. Жан Мелье и народные истоки его мировоззрения. М., 1955. [*Porshnev B.F.* Zhan Mel'e i narodnye istoki ego mirovozzrenija. M., 1955]

Поршнев Б.Ф. Мелье. М., 1964. [*Porshnev B.F.* Mel'e. M., 1964].

Кучеренко Г.С. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. М., 1968. [*Kucherenko G.S.* Sud'ba «Zaveshhanija» Zhana Mel'e v XVIII veke. M., 1968].

Кучеренко Г.С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975. [*Kucherenko G.S.* Sen-simonizm v obshhestvennoj mysli XIX v. M., 1975].

А.В. Гордон

**СУДЬБА УЧЕНОГО СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ:
В.С. АЛЕКСЕЕВ-ПОПОВ**

Статья посвящена творчеству профессора Одесского государственного университета В.С. Алексева-Попова, видного советского историка Французской революции XVIII в. В центре внимания автора – конфликт между устремлениями и творческим потенциалом ученого и ограниченностью возможностей для его самореализации.

Ключевые слова: советская историография, В.С. Алексеев-Попов, Я.М. Захер, Французская революция XVIII в., Ж.-Ж.Руссо

Вадим Сергеевич Алексеев-Попов (1912-1982) занимал особое место в известной мне профессиональной среде достопамятных духовным пробуждением и переломных к идеологическому застою шестидесятых годов. Сам он называл себя «философствующим» историком. Ставя это определение в кавычки, с долей самоиронии Вадим Сергеевич писал Я.М. Захеру о своей увлеченности «философией» тех исторических сюжетов, которые выбирал и которые разрабатывал. Тем не менее он был именно историком и остро ощущал междисциплинарную грань между историей и абстрактной теорией философского уровня, когда говорил о посещении семинаров популярного в московской интеллектуальной среде 70-х гг. неортодоксального философа В.С. Библера: «Мне там не хватает воздуха».

Корректно будет назвать Вадима Сергеевича историком, озабоченным вопросами теории. К нему, пожалуй, применим афоризм «теория или ничего». А историческое теоретизирование, перестав быть уголовно наказуемым, оставалось непопулярным в профессиональной среде. Не случайно, один из крупных ленинградских ученых говаривал, что, будучи историком, заниматься теорией все равно, что «доить козла». Советские историки привыкли уходить от теоретических проблем, спасаясь от идеологического режима в относительно тихой гавани фактологической эмпирики и находя отдохновение в уютных берегах традиционного нарратива.

Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, заведующий сектором ИНИОН РАН.

Вадим Сергеевич, презирая такой «уют», упорно и бесстрашно занимался теоретическими разработками. Надо сказать, он принадлежал к категории убежденных марксистов – убежденных не в силу партийной принадлежности, а вследствие личной духовной потребности. Притом, натура исключительно творческая, В.С. представлял учение Маркса широко и глубоко, как «умение мыслить марксистски»¹.

Подчеркну, В.С. отталкивался не только от трудов классиков марксизма. До последних лет пребывая в непрестанном напряженном поиске, он искал духовную подпитку в самых различных источниках: у неортодоксальных марксистов, таких как Люсьен Гольдман или Дьердь Лукач, в филологическом анализе русской «формальной» школы и науковедческих разработках школы Щедровицкого, в крестьяноведении и психоанализе, в теории информации и даже физиологии.

Нередко подобная теоретизация встречала, мягко говоря, непонимание коллег. Когда В.С. представил для Французского ежегодника структуру идейных течений Просвещения, выстроенную на основе науковедческих разработок, редактор ФЕ и лидер советских франковедов Альберт Захарович Манфред попросил объяснить, «чего он (Алексеев-Попов. – *А.Г.*) хочет». Выслушав меня, Манфред заметил, что в таком «переводе» проект становится более ясным, но остается непонятным, зачем нужна столь сложная (сам В.С. назвал ее «многослойной») схема².

Отвечая на упреки коллег в чрезмерной усложненности его построений, В.С. писал: «Я все же думаю, что если та “философия”, к которой я привержен, поможет взгляду на факты, их анализу и осмыслению – то она нужна»³. Разумеется, теоретические схемы рождались у него не на пустом месте. Нередки в его письмах упоминания о размышлениях над историческими документами, над фактами, которые в них содержатся, над философскими и политическими текстами. Он высоко ценил, говоря

¹ Стенограмма заседания секции Ученого совета по всеобщей истории Института истории АН СССР. 26 марта 1968 года. Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Гордоном А.В. на тему «Установление якобинской диктатуры». Из личного архива.

² Статья не была напечатана в ФЕ. Манфред иронично (и вполне добродушно при том) заметил, что подходы В.С. напоминают старания тех, кто левой рукой чешут правое ухо. Все же чуть позднее ее опубликовали в Новосибирске. См.: *Алексеев-Попов В.С.* О применении понятия «многослойной системы» в изучении идей французского Просвещения // Системный метод и современная наука. Новосибирск, 1971.

³ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 21 января 1963 г. Здесь и далее письма Захеру приводятся из архива последнего, переданного в мое распоряжение вдовой ученого Зоей Ивановой, память которой я чту.

его собственными словами, «трудовой пот» от поиска и упорной работы исследователя с источниками¹.

В.С. с почтением относился к той источниковедческой школе, которая сохранялась у лучших представителей старшего поколения. «Первая встреча с Вами у Вас на Моховой, - писал он Я.М. Захеру, – заронила во мне семя, выросшее в занятие историей Французской революции, и, увлекаясь ее “философией”, я всегда учился на Ваших работах – и учусь – тщательности, “скрупулезности”»². Простудировав сборник отчетов комиссаров Временного исполнительного совета и Коммуны Парижа об установлении чрезвычайного порядка управления в провинции после свержения монархии и истолковав их деятельность как «предысторию» диктатуры 1793 г., В.С. писал Якову Михайловичу: «Эти материалы много мне дали, и я знаю, что Вы были бы довольны, что я от общих идей перешел к фактам»³.

В.С. отличался прочувствованным, чисто гуманитарным отношением к истории, видя в ней деятельность людей, наделенных стремлениями и страстями, переживающих события, пребывающих в том либо ином настроении, короче говоря – «в полноте жизненных проявлений»⁴, которую и надлежит раскрыть исследователю. В понимании Алексеевым-Поповым любых исторических процессов человеческий фактор выходил на первый план – и когда его заботила позиция тех или иных политических лидеров, и тогда, когда он обращался к характеристике революционных масс.

Достоинством моей диссертационной работы «Установление якобинской диктатуры», на защите которой он выступал в качестве официального оппонента, В.С. считал то, что «автор не только отвлеченно стоит на определенной позиции», но и «проявляет глубокую заинтересованность в познании масс», «ставит во главу угла роль их требований в генезисе» якобинской диктатуры, и (!) «чувствуется, что ему близка эта масса»⁵.

Замечательной, даже трогательной чертой В.С. было привнесение личностного, «человеческого» фактора в историографические оценки. Он находил, что интерес к определенным проблемам и фигурам революции является продолжением личности ученого, и потому, например, Я.М. Захер выбрал изучение жизни и деятельности выразителей на-

¹ См.: В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 4 марта 1968 г. Здесь и далее письма В.С. ко мне приводятся из моего личного архива.

² В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, Н/д.

³ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 14 октября 1959 г.

⁴ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 8 ноября 1962 г.

⁵ Стенограмма заседания секции Ученого совета по всеобщей истории.

строений городской бедноты, а А.З. Манфред стал биографом Робеспьера.

Обстоятельством, определившим положение в профессиональном сообществе и, увы, профессиональную судьбу В.С., была «периферийность». Восторжествовавшая в советский период сверхцентрализация изрядно затронула научную сферу. В привилегированном положении находилась не только Академия – «штаб науки», но и университеты, пединституты Москвы, а также, хотя и в меньшей мере, Ленинграда. Привилегии определяли статус и материальное положение ученых, включали разнообразные «квоты»: приема в аспирантуру, издания литературы, зарубежных поездок¹. В столице были сосредоточены важнейшие издательства и журналы исторического профиля. Чувствительным был контроль столицы за научной карьерой кадров из провинции.

Такой внутренний контроль научного сообщества во многом был оправдан. В 1950-1960-х годах в секторе новой истории института сосредоточился цвет советских исследователей Запада. В.С. очень ценил общение с московскими коллегами, поездки в столицу и Ленинград². К сожалению, и мне это также хорошо известно, общение было непростым: нередко возникали нечувствительность, с одной стороны, обиды и разочарование – с другой. Сообщая о визите в Одессу Марка Булуазо, В.С. с горечью писал, что французский профессор «проникся большим сочувствием» к его «положению... на “периферии”, чем Ваши московские маститые коллеги»³. Лишь немногие дарили то, чем В.С. так дорожил – «радость взаимопонимания»⁴ - Я.М. Захер, Осип Львович Вайнштейн, который был профессором у В.С. еще в Одессе в 1933 г. и с которым он подружился в 1935 г. в Ленинграде⁵, В.С. Люблинский⁶. Очень теплые воспоминания остались у В.С. о С.Б. Кане.

В коллизиях центр – периферия дело не ограничивалось лишь духовным авторитетом. Центр претендовал на монополию в научно-

¹ Хорошо помню, как сорвалась поездка В.С. на конгресс по Просвещению, о которой он так мечтал. И это произошло уже на той стадии, когда были приобретены авиабилеты. За рубеж отправился Борис Федорович Поршневу.

² «Когда я долго не бываю в Москве и Ленинграде, мне становится очень одиноко». – В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 8 августа 1961 г.

³ В.С. Алексеев-Попов – А.В.Гордону, 17 августа [1967 г.]

⁴ В.С. Алексеев-Попов – А.В.Гордону, 19 февраля 1973 г.

⁵ В.С. Алексеев-Попов – А.В.Гордону, 15 декабря 1980 г.

⁶ Исследователь творчества историка Людмила Борисовна Вольфцун пишет: «В архиве В.С. Люблинского около 40 писем Алексеева-Попова за 1958-1968 гг. Переписка носит, на мой взгляд, научно-деловой характер. В основном это приглашения на конференции и к участию в сборниках». – Л.Б. Вольфцун – А.В.Гордону, 2 июля 2013 г.

организационной деятельности, и проявление инициативы со стороны провинциальных ученых было весьма затруднено – элементарно отсутствовали средства на издание книг или приглашение иногородних коллег на конференции, что делало обыкновением участие многих, по выражению В.С., «заочным».

В таких условиях организация Алексеевым-Поповым, доцентом славного своим прошлым, но сугубо периферийного в советское время Одесского университета двух, можно сказать, всесоюзных конференций – по истории якобинской диктатуры и к 250-летию Руссо¹ – было делом исключительным и, возможно, беспрецедентным.

Благоприятными факторами явилось то, что в Одессе сохранялись традиции российско-французских связей, что кафедру всеобщей истории немало лет возглавлял авторитетный ученый К.П. Добролюбский, что здесь существовал Воронцовский архив с обильными материалами по раннему периоду революции. Случалось В.С. по справедливости гордиться городом, ставшим его судьбой². Вне сомнения, культивирование Одессой своего исторического и культурного наследия позволило, в конечном счете, получить поддержку и в университете³, и со стороны городских властей.

И все же важнейшим фактором стал энтузиазм Вадима Сергеевича, его, без всякого преувеличения, подвижничество. Достаточно почитать переписку с Я.М. Захером, чтобы ощутить, сколько физических сил, нервов и, в последнем итоге, лет жизни стоили В.С. эти конференции, а главное – издание их материалов. Конференция по истории якобинской диктатуры состоялась в 1958 г., ее труды были опубликованы в 1962 г.⁴

Не стоит забывать, В.С. относился к породе максималистов. Он бесконечно совершенствовал свою статью «Проблемы истории якобинской

¹ См.: Тезисы конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Жан-Жака Руссо. Одесса, 1962.

² «Дорого, что Одесса горячее всех отметила память Руссо» (из недатированного письма Захеру 1962 г.).

³ «На днях мы на совете ф[акультета], с благословения нашей весьма доброжелательно к нам относящейся научной части у[ниверситета], утвердили проект организации на ф[акультете] открытого научного семинара по истории революционного, рабочего движения и общественной мысли во Франции XVIII-XX вв. ...Пока научная часть у[ниверситета] всячески поддерживает продвижение в печать сборника докладов Конференции». – В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 29 ноября 1958 г.

⁴ Из истории якобинской диктатуры: Труды Межвузовской научной конференции по истории якобинской диктатуры / Ред. коллегия: В.С. Алексеев-Попов, А.Я. Гансов, К.Д. Петряев. Одесса, 1962. 632 с.

диктатуры в свете трудов В.И. Ленина»¹, которая в итоге составила четверть книги. Помимо того, была работа с другими авторами, которая далеко выходила за пределы редактирования, даже самого тщательного, что вообще характеризовало В.С. Ему приходилось, по его собственному признанию, «дорабатывать многие статьи» и при том «очень и очень основательно». В.С. добивался высокого теоретического уровня всего сборника. А это требовало уточнения и согласования правки, и как следствие – бесконечной переписки!

Приходилось – что, очевидно, было самым тяжелым – согласовывать, а лучше сказать словами В.С., «пробивать» сборник на всех иерархических уровнях, начиная с университета, где далеко не все поддерживали инициативу ученого. И, наконец, не последнее по значению – чисто административно-техническая издательская работа, которая тоже едва ли не полностью легла на плечи В.С. Он «достаёт» бумагу и непосредственно вывозит ее из Одесского порта, он находит латинский шрифт для французских резюме статей и привозит его из Кишинева, он самолично рассылает по почте сначала оттиски, а затем и саму книгу.

Одно накладывалось на другое, провоцируя конфликты, создавая порой критическую ситуацию вокруг издания сборника. Заметим, первоначально анонсировался объем 17 п.л., в итоге получилось более 40! И это при тираже 1300 экз. Нетрудно догадаться, какая нагрузка падала на университетское издательство, при том, что сроки сдачи материалов в печать – а, значит, и выхода сборника из печати – постоянно переносились².

«После того, как я добился в Киеве разрешения на увеличение его объема до 30 печ. листов, – писал Алексеев-Попов, – столкнулся здесь, в самом у[ниверси]тете с грязной кампанией, поднятой исключительно с целью опорочить, запачкать и унижить меня, добившись уничтожения набора, якобы пришедшего в негодность и т.д. Фельетоны и статьи в многотиражке, лживые рапорты нового д[иректо]ра, заявления на пар-

¹ Статья была написана при участии Ю.Я. Баскина. По словам В.С., вклад соавтора был незначительным. Зная хорошо стиль и ход мысли моего старшего друга, я готов считать публикацию плодом творчества именно Алексеева-Попова. В пользу этого предположения свидетельствуют и другие работы: *Алексеев-Попов В.С.* Значение опыта Великой французской революции для русского рабочего движения накануне и в период революции 1905-1907 гг. // ФЕ 1970. М., 1972. То же: *Alekséev-Popov V.S.* L'expérience de la Révolution française et la classe ouvrière de Russie à la veille et pendant la Révolution de 1905 à 1907 // Studien über die Revolution. В., 1969.

² В анонсе, выпущенном издательством Одесского университета 6 февраля 1959 г., указывалось, что книга «Из истории якобинской диктатуры» подготовлена к печати и организуется сбор заявок на ее приобретение. (Из личного архива.)

тийном комитете у[ниверси]тета – все было пущено в ход». В общем, над сборником, по выражению В.С., нависла угроза «убийства». «К счастью, комиссия Парт[ийного] К[оми]тета оказалась объективной и помогла распутать все это дело».

Чего стоил Вадиму Сергеевичу такой «производственный конфликт»? «Много курил, обострились последствия блокады. Начались спазмы сосудов в голове, немеет левая нога... Был еще все время высокий лейкоцитоз». Бесконечное хождение по врачам, анализы, диагнозы. Тревога... «Потерял способность писать», и более того: «Иногда в перерывах между лекциями мне просто делалось дурно»¹.

Наше знакомство с Вадимом Сергеевичем произошло при обстоятельствах печальных и символичных. 17 марта 1963 г. Снежная пустыня на окраине Петродворца, сковывающий дыхание мороз, сгущающиеся сумерки и маленькая группа людей вокруг гроба Якова Михайловича Захера. Кроме В.С. и меня, из ученой среды были Владимир Сергеевич Люблинский и Василий Никитич Белановский. Люблинский представлял в своем единственном лице все ленинградское франковедение заодно с академическим миром бывшей столицы, а Белановский тоже чисто индивидуально как личность – университет с той самой кафедрой, которой Захер посвятил свою профессиональную жизнь.

Об этой нашей встрече В.С. вскоре напишет: «Мы соединены памятью учителя, друга, вечно живого человека. Будем всегда помнить об этом»². Так оно и случилось. У меня Яков Михайлович был университетским наставником, официальным руководителем курсовых и дипломной работы. Как, однако, Захер сделался учителем и для В.С.? Последний защитил кандидатскую диссертацию перед войной под руководством заведующего кафедрой новой и новейшей истории ЛГУ А.И. Молока; и тема диссертации об отношении рабочего класса и социал-демократии Германии к Парижской Коммуне была далека от круга интересов Захера, которого к тому времени репрессировали.

Но после войны, по возвращении в Одессу, во многом вынужденном из-за состояния здоровья³, В.С. занялся общественной мыслью XVIII в., эпохой Французской революции; и одним из толчков к этому оказались лекции Захера, которые в промежутке 1935-1938 г. ему, будучи студен-

¹ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру. Н/д (предположительно весна 1961 г.).

² Автограф на отгиске статьи в сборнике «Из истории яковинской диктатуры» 14.X.1963 г. Из личного архива.

³ По словам сына А.И. Молока Флуранса Александровича, выехать из Ленинграда Алексееву-Попову посоветовали врачи. Возможно, причина была не только в климате, но и в последствиях блокады, перенесенной В.С.

том, посчастливилось услышать. В посвящении к первой крупной публикации по новой теме говорилось: «Первому обратившему внимание советских историков на важность изучения истории “Cercle social” – в знак глубокой благодарности за интерес к изучению Великой французской революции, пробужденный Вами»¹.

Еще до возвращения и реабилитации Захера В.С. и Раиса Михайловна Тонкова-Яковкина договариваются с престарелой мамой Якова Михайловича, продававшей в крайней нужде его материалы и книги, о приобретении части библиотеки. При этом они просили маму оставить сделанные в Париже фотокопии газет «бешеных» в уверенности, что те в первую очередь понадобятся Захеру по возвращении к науке и потому было бы «морально несправедливо», чтобы ими воспользовался другой исследователь².

В первом же письме В.С. писал как о «давнишней мечте» о желании установить контакт с Захером. Он хочет знать мнение признанного знатока Французской революции о своих неопубликованных работах. Одна из них «Якобинцы и якобинство в историко-политической оценке В.И.Ленина накануне и в годы первой русской революции»³ имела особое значение в творческой судьбе В.С.

Несмотря на унифицирующее давление идеологического канона, существовали серьезные противоречия среди советских историков Французской революции и, в первую очередь, они касались оценки якобинской диктатуры. С конца 50-х годов утвердилось в отношении последней понятие «революционно-демократическая диктатура», которое ввел в 30-х годах академик Н.М.Лукин и активно отстаивал А.З. Манфред. При том, что термин стал общепризнанным, фактически каждый ученый вносил в него свое содержание, в чем-то дополняя, а в чем-то решительно оспаривая позицию Манфреда. Расхождение между якобинократизмом (фокусирование на власти якобинцев) Манфреда и ходом мысли тех, кто рассматривал диктатуру «снизу», ярко, но по-разному, выявилось в работах и Захера, и Алексеева-Попова.

«Дело отнюдь не только в Вашей огромной эрудиции, – писал Алексеев-Попов Захеру. – Дело в том, каким продолжением Вашей личности является Ваш интерес к определенным проблемам и фигурам революции. То, что Вы – основной и ведущий историограф «бешеных», а,

¹ Автограф на оттиске статьи в сборнике «Из истории социально-политических идей» (М., 1955) 22 октября 1957 г. Из архива Я.М.Захера.

² В.С. Алексеев-Попов – Я.М.Захеру, 4 июня 1959 г.

³ В.С. Алексеев-Попов – Я.М.Захеру, 4 ноября 1957 г.

например, А.З.Манфред – убежденный поклонник Робеспьера и смотрит в сущности на революцию его глазами (если даже не Дантона) – это закономерно». Досталось от В.С. и сподвижнику Манфреда Виктору Моисеевичу Далину: «Хотя он занимается Бабефом – по-своему «робеспьеристски» мыслит в смысле какой-то холодности и в смысле антипатии к тем людям, к которым с антипатией относились Робеспьер и Бабеф»¹.

Выступив противником «робеспьеризма», В.С. переводил идейные разногласия с личностей на уровень территориальных школ², на ставшее нелепо знаменитым десятилетие спустя противопоставление научных столиц: «То, что советская ленинградская школа представлена была с самого начала авторами исследований о «бешеных», о Шометте, об Эбере и эбертистах, то, что в книге Софьи Андреевны [Лотте. – А.Г.] позиция автора именно левее якобинства и что сейчас она пишет книгу о рабочем классе – а в Москве больше занимались Маратом и Робеспьером, – это тоже, видимо, не случайно».

В доказательство приводилась своеобразная историографическая родословная: «Ленинградская школа... взяла то ценное, что дал Евгений Викторович [Тарле. – А.Г.] своим “Рабочим классом в период революции”, Кареев – работами о секциях, своим прошлым трудом о крестьянах, и развивала изучение социальной истории революции в ее лево-социальных движениях и идеях – преодолевая матъезовское увлечение Робеспьером»³.

Идентифицируя себя с направлением, которое он назвал «ленинградской школой», В.С. намеревался защищать подготавливаемую докторскую диссертацию по «*Cercle social*» в ленинградском отделении Института истории и просил Захера быть оппонентом. Впрочем, среди предполагаемых оппонентов указывался и Далин («ибо он все время мой действительный оппонент»⁴). Очевидное свидетельство, что разногласия в подходах между ленинградской и московской «школами» отнюдь не выливались в публицистические страсти 70-х годов, когда глашатаем разногласий выступил заведующий кафедрой новой и новейшей истории ЛГУ Владимир Георгиевич Ревуненков. Хотя в личном плане отношения между В.С. и «москвичами» Манфредом и Далиным не были особенно близкими, на деловом уровне они активно поддерживались.

¹ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 14 декабря 1958 г.

² См.: Гордон А.В. К вопросу о «школах» в отечественной историографии Французской революции // Всеобщая история: современные исследования. Межвузовский сб. науч. трудов. Вып.17. Брянск, 2008. С. 35-51.

³ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 14 декабря 1958 г.

⁴ Там же.

Между тем разногласия были серьезными и очень чувствительно задевали В.С. как исследователя «*Cercle social*». Якобинократизм Манфреда сливался с бабефоцентризмом Далина. Показав своим монографическим исследованием, что Бабеф пришел к социалистической идее еще перед революцией¹, Далин поставил под вопрос значение Марковского положения об этапах ее вызревания, а ведь именно на нем зиждилась научно-теоретическая, «диссертационная» значимость предпринятого В.С. исследования².

«Деятельность “Кружка” не имела никакого значения для развития социалистических идей (поскольку она не оказала никакого влияния на Бабефа)», – записывал я свои впечатления от далинского доклада «Бабеф и Социальный кружок»³. «А.З. Манфред, – продолжал я, – поспешил углубить выводы докладчика... Он настаивал на необходимости выкинуть “Кружок” как лишнее звено из марксовской триады». «У меня мелькнула шальная мысль, – делился я своими впечатлениями с Захером, – что он [Манфред, – А.Г.] собирается утопить и “Социальный кружок”, и “бешеных” в общем революционном движении 1789-1794 гг. (наряду с якобинцами и Робеспьером) и вывести Бабефа из него»⁴.

Аналогичный вывод из полемики сделал В.С.: «Я лично никак не могу согласиться с тем, что надо считать Робеспьера и вообще якобинцев робеспьеристского направления в числе идейных предшественников Бабефа». Манфред, по мнению Алексеева-Попова, подменял вопрос об идейных корнях Бабефа намерением бабувистов использовать опыт якобинской диктатуры, иначе – «опыт рев[олюционного] творчества масс, теоретически осмысленный якобинцами»⁵. А по поводу далинского доклада, на котором он не присутствовал из-за позднего оповещения, заметил: «Доклад этот направлен против моих работ и против мысли Маркса, что важнее», – резюмировал В.С.⁶.

Своим подходом к якобинской диктатуре В.С. вносил коррективы в сформулированную Манфредом точку зрения «якобинцы – это блок». По-

¹ Далин В.М. Грахх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785-1794). М., 1963.

² «Революционное движение, которое началось в 1789 г. в *Cercle social*, которое в середине своего пути имело своими главными представителями Руи Леклерка, и потерпело на время поражение с заговором Бабефа, движение это породило коммунистическую идею». – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 132.

³ Помню Вячеслав Петрович Волгин возмущался переводом термина, подчеркнув, что «круг» (*cercle*) не значит «кружок». Он одобрил название «Социальный клуб».

⁴ «Бабеф и Социальный кружок», приложение к моему недатированному письму Я.М. Захеру (начало 1961 г.). Из личного архива.

⁵ В.С.Алексеев-Попов – Я.М.Захеру, 9 сентября 1958 г.

⁶ В.С.Алексеев-Попов – Я.М.Захеру, Н/д (1961 г.).

жалуй, именно ему, единственному из советских историков того времени удалось на рубеже 50-60-х гг. разработать последовательную альтернативу господствовавшему и позднее реанимированному В.Г. Ревуненковым представлениям, что система управления 1793-1794 гг. была диктатурой одного класса - буржуазии.

Особенности якобинской диктатуры, считал Алексеев-Попов, «могут быть поняты лишь в свете характеристики, данной ей В.И. Лениным, как диктатуры низших классов, общественных низов, диктатуры “всех революционных элементов народа”¹, *лишь руководимой* в политическом отношении революционной “якобинской” буржуазией (курсив мой. – А.Г.)»². Он признавал, что якобинцы были подлинными революционными демократами, искренними в своей ориентации на поддержку масс; но, вместе с тем, утверждал В.С., этот революционный демократизм не был их исходной чертой, они смогли глубже осознать общие задачи революции и потребности текущего момента под давлением масс, которые своими активными и насильственными действиями «перевоспитали» якобинских лидеров³.

В качестве основополагающей для понимания природы диктатуры выдвигалась – и в этом выражалось новаторство В.С. – идея гегемонии социальных низов, а в понимании самой гегемонии первостепенное значение придавалось духовному состоянию общества: распространение коллективистской морали, принципов гражданственности (*civisme*), подъем патриотических чувств, сливавшихся с идеалами социальной справедливости. Это и означало, в представлении В.С., «духовную гегемонию плебса».

Алексеев-Попов уже в 1957 г. был настолько убежден в правоте своей точки зрения, что упрекал старшего коллегу, дружбу которого он хотел снискать, в том, что в его монографии нет категории «гегемонии низов»⁴. Обычно само понятие связывают с Антонио Грамши. Я не помню упоминания В.С. этого имени, да и ссылок на него в работе Алексеева-Попова нет. Объяснение может быть двояким. Во-первых, хотя лидера итальян-

¹ Закавычены слова Ленина применительно к перспективе революционно-демократической диктатуры в первой русской революции.

² Алексеев-Попов В.С. Рецензия на рукопись монографии профессора Я.М. Захера «Бешеные» (Очерки из истории Великой французской буржуазной революции). С. 20. (Из архива Я.М. Захера.)

³ «Взгляды лучших представителей демократии (во главе с Робеспьером и за исключением Марата) стали революционными в *непосредственном* прямом смысле этого слова только под воздействием плебса, перевоспитавшего их примерами и уроками своей борьбы» (Из истории якобинской диктатуры... С. 52).

⁴ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 1 декабря 1957 г.

ских коммунистов с конца 1950-х гг. в СССР начали «дозированно» публиковать, к его взглядам по-прежнему относились настороженно. Во-вторых, можно предположить параллельный ход мысли, ведь Грамши пришел к «гегемонии», отправляясь от того же источника, что и Алексеев-Попов – от ленинской концепции революционно-демократической диктатуры.

Разумеется, в условиях идеологического режима для всякого новаторства требовалось прикрытие классиками марксизма. Однако, думаю, несправедливо В.Г. Ревуненков отнес «Проблемы истории якобинской диктатуры в свете трудов В.И. Ленина» к классическому для советской историографии «цитатному» методу¹. Формирование «метода» явилось следствием утверждения культуры партийности², породившего в 30-х гг. многочисленные публикации на тему «классики марксизма-ленинизма о Французской буржуазной революции», и эти творения по преимуществу представляли набор наиболее актуальных в тогдашней политической обстановке цитат о необходимости диктатуры и пользе террора.

Принципиальным отличием работы Алексеева-Попова на этом сером фоне было обстоятельное изучение источников и обширной литературы, а глубокое выявление ленинского подхода посредством текстологического анализа его работ с учетом идейно-теоретического контекста дискуссий в РСДРП (Плеханов, Мартынов и другие оппоненты Ленина) позволило отойти от буквального цитирования в сторону, можно сказать, «нового прочтения» классики. Обосновывая идею «гегемонии низов», В.С. представил социальную структуру столицы. Совершенно новой в советской историографии была трактовка учреждения республики как этапа «становления» революционной диктатуры.

Идеи демократии «снизу» и «гегемонии низов» не получили широкой поддержки в советской историографии якобинской диктатуры. Этому воспрепятствовало, в первую очередь, привычное (особенно для советского человека) отождествление категорий «диктатура» и «власть», из-за которого якобинская диктатура означала просто «власть якобинцев» как некоей, по подобию большевиков, «партии» или, еще замечательней – как «власть Робеспьера».

¹ Ревуненков В.Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966. С. 145. Примечательно, что автор сам не избежал обильного цитирования. Начиная именно с его книги в советской историографии якобинской диктатуры разразилась «война цитат»: «мой» Ленин против «твоего».

² См.: Гордон А.В. Культура партийности и советский опыт историознания // Россия и современный мир. М., 2009. № 3 (64). С. 160-180; Он же. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 72-119.

Более того идеи В.С. были скомпрометированы начавшейся в период идеологической реакции 1970-х гг. «деякобинизацией»¹. Разоблачение диктатуры и террора переместилось со ставшей запретной темы «культ личности Сталина» на якобинцев и Робеспьера, придав якобинскому правлению одиозный аспект. Ярким образцом такого смещения оказалась упомянутая книга В.Г. Ревуненкова. Правда, в ней позиция Алексеева-Попова была затронута скорее косвенно, а прямым объектом критики оказался Манфред.

При отчетливых различиях в подходах двух историков фундаментально общим для Манфреда и Алексеева-Попова была высокая оценка Французской революции с якобинской диктатурой как ее кульминацией. Оба они выражали происходившую после смерти Сталина своеобразную реабилитацию революции XVIII в. С середины 1930-х гг. по прямому указанию вождя восторжествовало умаление ее как «буржуазно ограниченной», что выявилось и в соответствующем развенчании из «великих»: отныне «Великой» могла называться лишь Октябрьская революция². Поскольку идеология партийности исключала возможность *подлинной* демократии в буржуазном обществе, вопрос о демократичности революции XVIII в. повисал в воздухе.

Различие подходов в рамках советской концепции Французской революции как одновременно буржуазной и демократической выявилось внутри редколлегии задуманного в Институте истории к 175-летию революции трехтомника³. Разногласия сфокусировались на оценке издания 1941 г. Манфред: «Еще 1 общий вопрос хочу поставить на обсуждение. В качестве эталона взят старый том. Это ошибка. Том был очень полезен. Но он сильно устарел»⁴. Прежде всего, Манфред категорически отверг прежнее название, потребовав заменить его на «Великая французская революция», чтобы подчеркнуть общедемократическое содержание последней.

Алексееву-Попову новое издание, в сравнении с томом 1941 г., виделось «проблемным, новаторским»⁵. И он был солидарен с Манфредом

¹ См.: Гордон А.В. Великая французская революция. С. 272-318.

² Эта тенденция отразилась и в предвоенном томе Института истории Академии наук: Французская буржуазная революция 1789-1794 гг. М.; Л., 1941. 851 с.

³ В архиве ФЕ сохранились протоколы заседаний редколлегии трехтомника и отзывы ведущих советских специалистов. Я благодарю главного редактора ФЕ А.В. Чудинова за возможность использовать этот источник. Первоначальный проект Проспекта и сам Проспект достались мне из архива Захера.

⁴ Алексеев-Попов В.С. Замечания на «Проспект» коллективного труда «Великая французская буржуазная революция XVIII века». Одесса, 17 янв. 1963 г. С. 4.

⁵ Там же. С. 6.

в позитивной переоценке революции. При этом его понимание демократичности последней предполагало сосредоточение на социальных движениях: «Признавая раскрытие народных масс в революции главной задачей издания, надо увеличить место, отводимое в нем показу как их состава, структуры, так и их борьбы... Исходя из этого, история восстаний, определявших начало революции 1789 г. и ее дальнейшее развитие по восходящей линии, в данном издании должна дать детально разработанные узловые, опорные пункты этой истории, служить ее костяком, ее мускулатурой. Именно эти разделы должны оставить у читателя особенно сильное, неизгладимое впечатление. Именно в этих разделах должна быть во весь рост выписана фигура главного героя революции – человека из народа, образ народной массы»¹.

Последовательное освещение революции «снизу» требовало воссоздания образа коллективной личности, выступающей в роли революционного субъекта. Развивая идею «гегемонии народных низов», В.С. пытался подчеркнуть значение массового сознания в генезисе якобинской диктатуры. В принципе этот перенос акцента был созвучен выявившемуся чуть позже общему движению исторической мысли². Однако для советского исследователя такой переход был затруднен известными постулатами «теории отражения», а также догматами ограниченности «политического рассудка» революционеров XVIII в. и «отвлеченности» их политической этики.

Поставленную В.С. задачу за рубежом решали в это время Альбер Собуль, Ричард Кобб, Джордж Рюде. Между тем, отношения между советскими и «прогрессивными», как их называли, зарубежными учеными складывались непросто³. Все понимали, что ими собран огромный новый фактический, в том числе и архивный, материал, совершенно недоступный в ту пору советским историкам. Но В.С., проявляя широту взгляда, подчеркивал необходимость использования при подготовке трехтомника не только материалов, но и выводов самих исследователей, путивших эти источники в научный оборот⁴.

Алексеев-Попов видел в зарубежных историках своего рода союзников в проведении того подхода к якобинской диктатуре, который требовал оценки ее характера «снизу», с точки зрения отношений между

¹ Там же. С. 5.

² См.: *Блуменгау С.Ф.* От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Брянск, 1995.

³ См.: *Гордон А.В.* Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада // ФЕ 2007. С. 215-255.

⁴ *Алексеев-Попов В.С.* Замечания... С. 1-2.

якобинскими лидерами и «санкюлотами». Вместе с тем, у него были серьезные претензии к идейно-теоретической позиции Собоуля и других учеников Жоржа Лефевра.

Своими сомнениями, которые он не афишировал, В.С. откровенно делился с Захером: «Читаю книгу Собоуля¹. По-прежнему резко бросается в глаза: а) то, что он в pendant к Ж. Лефевру, объявившему автономной и специфической революцию крестьян (или во всяком случае) борьбу крестьян в революции, объявляет не только специфической, но и автономной – борьбу плебеев. Это, конечно, глубоко неверно и свидетельствует по-моему о том, что он не только из тактических соображений не опирается открыто на мысли Маркса, Энгельса и Ленина, но что он внутренне, увы, чужд им в понимании действит[ельной] роли этих масс в самой динамике бурж[уазной] революции XVIII в.»².

Алексеев-Попов не соглашался с мнением Захера, что работы Собоуля и его сподвижников «выдержаны в общем и целом в духе марксизма-ленинизма». «Мне лично, – подчеркивал он, – эта оценка представляется пока еще, к сожалению, преждевременной»³.

Захер был человеком другого поколения – старше своего корреспондента почти на 20 лет - и другой исследовательской культуры: ученик Н.И. Кареева, наследник *école russe*. В отличие от Алексеева-Попова, Манфреда, Далина, ученых советско-ленинской формации, он готов был отнести к марксизму то, что считал верным, а исследовательская манера и сами выводы Собоуля, Рюде, Кобба ему, убежденному стороннику изучения революции «снизу», были, безусловно, близки. Конечно, Захер был достаточно искушен, чтобы не видеть прорехи – с советской точки зрения – марксистского образования у Собоуля и его сподвижников. «Для Собоуля характерно усвоение только учения Маркса и Энгельса, но не В.И. Ленина»⁴, – соглашался он с замечанием А.В. Адо.

Однако у Захера оставались большие сомнения относительно характера якобинской власти. По его мнению⁵, очень близкому к концепции П.А. Кропоткина, в своем законченном виде то была бюрократическая, а не демократическая структура. К тому же самой логикой своей работы,

¹ *Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'An II. P., 1958.*

² В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 22 августа 1959 г.

³ *Алексеев-Попов В.С.* Рецензия на рукопись монографии профессора Я.М. Захера. С. 9. Подписанная 10 июня 1959 г. эта рецензия насчитывает 52 стр.

⁴ Цит. по: Восемь писем Я.М. Захера А.В. Адо / Публ. В.П. Золотарева и С.С. Канашиной // Мир историка: Историогр. сб. Омск, 2006. Вып. 2. С. 331.

⁵ Оценки Я.М. привожу на основании собственных бесед и разговора с его сыном Юрием Яковлевичем вскоре после кончины ученого в 1963 г. Разумеется, Захер поостерегся публично излагать свое мнение о диктатуре.

сосредоточенной на леворадикальных активистах секционного движения («бешеных»), он подчеркивал конфликтность их отношений с якобинцами, которая вылилась в конечном счете в прямые репрессии со стороны последних. Такая позиция подрывала основные принципы советской концепции якобинской диктатуры как власти, опиравшейся на народное, и прежде всего секционное, движение. В этом Алексеев-Попов разделял общее мнение и расходился с Захером.

Ознакомившись с рукописью труда Захера о «бешеных», В.С. пишет: «Подойдя к якобинцам со стороны “бешеных”, Вы изобразили их... как “якобинцев против народа”». В.С. настоятельно рекомендовал своему старшему другу внести коррективы¹. «Наиболее существенный недостаток труда Я.М. Захера я вижу в том, – писал Алексеев-Попов в рецензии для издательства, – что... он явно увлекается противопоставлением положительных качеств “бешеных”... “отрицательной” стороне облика якобинцев». В результате утрачивается то, что делало последних великими революционерами. А «это, – констатировал рецензент, – уже явный перегиб в борьбе с матъезовской идеализацией Робеспьера, и от этого перегиба автору следует освободить свою работу»².

В критике Вадимом Сергеевичем монографии Захера, возможно, было немало справедливого – я не читал этой рукописи. Но, очевидно, выдающийся исследователь «бешеных» имел право на свою позицию. Столкнулись, в сущности, две научные позиции; можно, наверное, говорить и о конфликте поколений. Беда была в том, что в научный спор вмешалась идеологическая цензура в образе редакции Соцэргиза. В.С. не случайно в письме Захеру оговаривался, что своими замечаниями «не хотел испугать редакцию»³. Увы, для советской цензуры народность диктатуры («якобинцы с народом») входила в идеологический канон.

Впрочем, похоже, редакция «испугалась» еще до получения рецензии В.С. Листаж книги был резко сокращен с 30 до 14, а потом и до 11 п.л. Лояльного издательского редактора сменил некий «смершевец», который буквально измывался над почтенным автором⁴. Справедливости ради стоит подчеркнуть, что редактор в основном выражал господствовавшую точку зрения на якобинскую диктатуру, которую отстаивал и Алексеев-Попов. Не случайно тот получил вскоре письмо от этого редактора с требованием прислать рукопись монографии «Ленин и история

¹ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 8 июля 1959 г.

² Алексеев-Попов В.С. Рецензия. С. 14-15.

³ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 8 июля 1959 г.

⁴ Характерные выдержки из писем редактора Соцэргиза Захеру приведены в кн.: Гордон А.В. Великая французская революция. С. 204-206.

якобинской диктатуры». Очевидно, руководство издательства, с которым активно контактировал В.С., восприняло его слова о подготовке «якобинского сборника»¹ как сообщение о работе над монографией.

В.С. выступал, подобно, кстати, А.З. Манфреду, поборником формирования общей позиции советской историографии. Он был пламенным сторонником самого тесного сотрудничества и коллективного творчества советских историков, свой личный вклад в которое считал вопросом «гражданской совести»². В.С., действительно, высоко ценил монографию Захера, был уверен, что ее переведут на «многие языки», и потому хотел ее максимального совершенствования за счет включения в подготовленный автором текст разработок коллег, в том числе своих собственных мыслей. В замыслах В.С. была книга, «отражающая весь коллективный опыт советской историографии»³!

Понятно, у Захера было иное представление об авторстве. И В.С. очень боялся, что потеряет расположение того, к кому, по собственным словам, относился, как сын (вообще его письма к Захеру исключительно трогательны). «Уехал [из Ленинграда] со сложным чувством... Мне кажется, что на меня до сих пор устремлен Ваш испытующий взгляд». «Не осталось ли у Вас какой-то неуверенности во мне?», – обращался он к Захеру⁴. «Ради Бога не лишайте меня своей дружбы»⁵!

В.С. надеялся, что профессор поймет искренность чувств и доброжелательность отношения: В.С. брался отредактировать рукопись, и действительно, его буквально постраничные замечания свидетельствуют о готовности к такой работе (вот уж подлинно «хотели как лучше»). К счастью, Захер все понял и проявил характерную для него широту натуры. Их отношения выдержали испытание советским идеологическим режимом; дружеская и деловая одновременно переписка продолжалась до последних дней жизни Якова Михайловича.

Под знаком этой дружбы складывались и мои отношения с В.С. Хотя я стал москвичом и научным руководителем моей кандидатской диссертации оказался не кто иной, как А.З. Манфред, В.С. упорно (и справедливо) видел во мне ученика Захера. «Рад за Якова Михайловича», – писал он, ознакомившись с моей диссертационной работой и дав ей высокую

¹ Так для краткости В.С. именовал сборник материалов конференции по истории якобинской диктатуры.

² В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 21 января 1963 г.

³ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 1 декабря 1957 г.

⁴ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 22 августа 1959 г.

⁵ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 18 июля 1960 г.

оценку¹. Обобщая результаты своего исследования, я развивал то понимание якобинской диктатуры как организационной структуры народно-го движения, которое предложил Алексеев-Попов. Притом заимствовал формулировки, которые дал мой официальный научный руководитель.

В.С. все это оценил: «Было мне отраднo читать Вашу работу и потому, что она увлекла меня своей серьезностью. И еще потому, что увидел, что не зря я положил так много сил на нашу конференцию и издание ее трудов. Вот Вам они и пригодились. Хотя не скрою – тут у Вас есть чуть-чуть “реверансы”». В.С. имел в виду «мысли и определения» из работ Манфреда, хотя и признавал их «подлинно удачными»². В общем, он счел работу «своею» и предложил не только оппонировать при защите, но и редактировать при подготовке к печати. Характерная для В.С. деталь: в своем выступлении на защите он говорил, что моя диссертация «подтверждает *наше* понимание самого типа якобинской диктатуры» и «позволяет найти новые аргументы в пользу *нашего* понимания этой диктатуры (курсив мой. – А.Г.)»³.

Особенно это касалось той главы диссертационного исследования, которая была посвящена федералистскому восстанию лета 1793 г. В.С. неизменно выделял ее. Шла дискуссия о социальной природе якобинской диктатуры, и в ходе нее В.Г. Ревуненков акцентировал противоречия между «якобинской буржуазией» и «санкюлотскими» низами Парижа. А в упомянутой главе было показано, что ставший динамической силой процесса установления диктатуры социальный раскол в общенациональных рамках происходил по другому принципу – между крупной буржуазией, поддерживавшей «федералистов», и поддержавшими якобинский Конвент демократическими слоями (низы буржуазии, крестьянская масса, городская беднота)⁴.

Вот почему В.С. писал: «Самым важным Вашим вкладом – ударяющим по Ревуненкову⁵ с огромной силой, кстати, – считаю главу о федер[алистском] мятеже, раскрытие его социального аспекта. Это и ново, и убедительно, неопровержимо вместе с тем»⁶. Выявляющееся в документах личного архива отношение Алексеева-Попова к полемике

¹ В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 4 марта 1968 г.

² Там же.

³ Стенограмма заседания секции Ученого совета по всеобщей истории.

⁴ См.: Гордон А.В. Федералистский мятеж. (Из истории гражданской войны во Франции летом 1793 г.) // ФЕ 1967. М., 1968. С. 86-107; *Он же*. Классовая борьба и Конституция 24 июня 1793 г. // ФЕ 1972. М., 1974. С. 154-174.

⁵ В.С. имеет в виду концепцию В.Г. Ревуненкова. Считая ее неоригинальной, я ни концепцию, ни имя автора в своей диссертации не упоминал.

⁶ В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 4 марта 1968 г.

между ленинградским профессором и теми, кого последний именовал сначала «школой Лукина-Манфреда», а потом даже «московской школой», очень интересно и многозначительно.

Дело в том, что Алексеев-Попов публично не участвовал в полемике. По просьбе Ревуненкова (с которым они, очевидно, были знакомы еще до войны), В.С. написал рекомендательный отзыв для издания его книги, имея при этом перед глазами, как я предполагаю, не текст рукописи, а присланные ее автором тезисы¹. Понятно, никаких личных выпадов в адрес коллег здесь не содержится. Думается, вряд ли бы их В.С. пропустил, ведь он писал по другому поводу: «Интересен научный спор, а не какие-то удары по людям»².

Дав своего рода благословение на издание первой книги Ревуненкова, положившей начало дискуссии, В.С. затем как бы устранился. На симпозиуме по проблемам якобинской диктатуры в Институте всеобщей истории (май 1970 г.) он – единственный из активных исследователей этих проблем – не присутствовал, что вызвало известное недоумение коллег, заподозривших нежелание ввязываться в полемику из-за предстоявшей защиты своей диссертации. Мне представляется более вероятным другое объяснение: В.С. мог опасаться, что симпозиум превратится в «наш ответ Ревуненкову», в шельмование того по известному образцу.

Во время моей защиты В.С. рекомендовал мне не упоминать имя Ревуненкова, что всецело отвечало и моей внутренней установке критиковать позицию, а не человека. То же сделал и В.С. в своем выступлении на совете. И, когда на следующий день после защиты симпатизировавший Ревуненкову академик А.Л. Нарочницкий спросил посетившего его Алексеева-Попова: «Вы там, небось, все полоскали ленинградского профессора», В.С. с удовлетворением (как он сказал мне) ответил: «Даже не поминали».

Между тем, критическое отношение В.С. к позиции Ревуненкова выглядит совершенно определенным: «Сейчас у нас наметилась дискуссия по вопросу о том, едина ли была революционная диктатура или существовали диктатура более демократическая в лице секционной организации и диктатура буржуазная в лице Конвента... Мне кажется, что содержание, выводы, наблюдения, построенные на анализе фактов работы

¹ Эти тезисы В.С. и передал когда-то мне. См.: Профессор В.Г. Ревуненков. Проблема диктатуры «нижних» классов в Великой французской революции (тезисы). 4 с. (из личного архива).

² В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, Н/д (1961 г.).

тов. Гордона, ее соответствующие главы показывают, что установление якобинской диктатуры было единым процессом»¹.

В.С. не удержался и от жестких обобщений. Сопоставляя мое исследование и позицию неназываемого оппонента, он говорил, что в первом случае выражен «дух отношения Ленина, а не выдержки из него»². Похоже, поддержав издание работы Ревуненкова, В.С. надеялся, что произойдет дискуссия, плодотворность которой он априорно допускал. И здесь его постигло разочарование. «Серьезной дискуссии не будет»³, – сделал он вывод из разговора с Нарочницким, главным редактором «Новой и новейшей истории», который, опубликовав дискуссионную статью Ревуненкова, сделал официальное приглашение другим специалистам. И В.С., и я получили такие редакционные приглашения, и я даже отправил свою статью, которая, естественно, не была опубликована.

Одновременно В.С. критически отозвался о рецензии А.И. Молока, где о книге Ревуненкова говорилось: «оригинальная историографическая работа», «подход автора... глубоко продуман и хорошо обоснован», «книга принесет большую пользу»⁴. «Рецензию А.И. Молока прочел. Осталось грустное впечатление»⁵ – такой была оценка Алексеева-Попова. Напротив, он положительно отозвался о симпозиуме в Институте всеобщей истории, большинство участников которого критиковало позицию Ревуненкова: «Много важного и в Вашем выступлении, и у Адо. Пожалел, что не поехал»⁶, – написал он мне после ознакомления с публикацией материалов симпозиума.

Что же получается? Ярлык «московская школа», который прилепился к дискуссии 1960-1970-х годов с нелегкой руки профессора ЛГУ, совершенно неадекватен⁷. Определенно, кроме А.З. Манфреда, В.М. Далина и А.В. Адо, против его позиции заодно с историком из Ульяновска С.Л. Сытиным⁸ выступал и Алексеев-Попов. И, напротив, в Москве Ревуненкова откровенно поддерживали А.Л. Нарочницкий и А.И. Молок. Еще любопытное наблюдение: во время конгресса историков в Москве

¹ Стенограмма заседания секции Ученого совета по всеобщей истории.

² Там же.

³ В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 2 ноября 1967 г.

⁴ См.: НиНИ. 1967. № 5. С. 174, 176.

⁵ Там же.

⁶ В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 12 февраля 1973 г.

⁷ См.: *Летчфорд С.Е.* В.Г. Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре // ФЕ 2002. М., 2002).

⁸ См.: *Гордон А.В.* Сергей Львович Сытин – историк революционной Франции // Материалы IV научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л.Сытину, Ульяновск, 2008.

(1970) В.С. познакомил с концепцией Ревуненкова Альбера Соболя, на труд которого тот неизменно ссылался. «Tres abstrait (слишком абстрактно)», – отозвался о схеме «двух диктатур» директор Института истории Французской революции.

Во время этого конгресса В.С. собрал у себя в гостиничном номере очень близкого ему по духу Сергея Львовича Сытина и меня. Ожидалось, что мы сообща можем выдвинуть некую альтернативную перспективу в дискуссии по якобинской диктатуре. Обменявшись довольно сходными мнениями, мы ничего основательного за вечер предложить не смогли. Но таков был отклик В.С. на входивший тогда в моду метод «мозгового штурма». Наш одесский друг увлекался всеми новыми научными процедурами, особенно если они касались коллективного творчества.

Как видим, в центре научных интересов В.С. и в начале 70-х оставалась якобинская диктатура. Хотя о докторской диссертации речь в переписке с Захером шла с самого 1957 г., тем не менее, когда редколлегия упомянутого трехтомника Института истории предложила ему главы о начальном («диссертационном») периоде революции, В.С. попросил Захера походить за ним, чтобы ему дали тот период 1792-1793 г., который он назвал временем «становления революционно-демократической диктатуры».

Все же в конце 1962 г. В.С. приступает к диссертационной теме, и сам взгляд на нее заметно изменяется. Еще весной 1961 г. она представлялась ему чисто идеологической: «Развитие социальных идей в первые годы Великой французской революции: “Cercle social”. И вот резкий поворот – «Демокр[атическое] движение и демокр[атическая] идеология на первом этапе и “Социальный кружок”». Хотя последний остался в виде некоего указателя, опыт социально-исторического исследования якобинской диктатуры не прошел даром: В.С. отступает от первоначального замысла, сосредоточенного на идейном значении «Социального клуба» Фоше и Бонвиля.

«Я теперь исхожу не из мысли Маркса¹, а из фактов истории самой революции, чтобы показать, что отражением борьбы масс было политически оформленное демокр[атическое] движение представителей других слоев – “франкмасонских”, то, что и оно сыграло свою важную роль и практическую (республиканско-демокр[атическое] движение лета 1791 г.), и идеологически-теоретическую»². Иными словами, Вадим Сергеевич берет за социально-политическую «базу», не сводя ее притом к «массам» - плебейству.

¹ О роли *Cercle social* в предыстории социалистических идей (см. выше).

² В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 26 октября 1962 г.

«То, чем я теперь увлечен, – это ощущение необходимости целостно – по месяцам показать, каковы были различные проявления сталкивающихся... тенденций внутри антиабсолютистского лагеря. Нашупать и показать это не только в плоскости чисто политической, но в *наибольшей полноте жизненных проявлений* – пресса, публицистика, клубы, театр (курсив мой. – А.Г.). Нет слов, программа грандиозная, и В.С. это превосходно понимает: «Я сознаю, что взвалил на себя огромную тяжесть – но только так мне сейчас интересно думать, собирать материал и хочется писать». И только «так может выйти книга – интересная для чтения, а не “сочинение на машинке” для получения ученой степени. Это меня абсолютно не увлекает»¹.

В.С. как исследователь явно перерос диссертационный уровень («требований ВАК»), потому и ставит перед собой сверхзадачу – представить не просто диссертационное сочинение, а монографию, причем беспрецедентную в советской историографии Французской революции по широте подхода и источниковедческой базе. «Предвижу не только трудности работы, но и одиночество мое в самом замысле», – признается он Захеру, видя в старшем друге своеобразный ориентир: «Ведь только Вы можете быть единственным моим читателем, и писать я буду именно для Вас»².

Вряд ли план Вадима Сергеевича мог быть реализован. Требовались месяцы, если не годы работы во французских библиотеках и архивах. Такие возможности в ту пору были лишь у Абгара Рубеновича Иоаннисяна, и чуть позже – у Анатолия Васильевича Адо. К тому же, В.С. увлекали разные сюжеты. И это продолжалось и тогда, когда, говоря его словами, «появился аппетит к своей теме, взятой под таким, более общим углом зрения». В.С. пишет новое введение к диссертационной теме, и на этом останавливается.

«Очень обидно, но надо вплотную браться за Руссо»³, – досадует В.С., имея в виду заказ на издание политических сочинений мыслителя. Однако спустя несколько месяцев тон резко меняется: «Руссо меня сейчас поглотил, да ведь моего Фоше и Бонвиля без него не поймешь»⁴. Великий мыслитель Просвещения толкуется В.С. в связи с революцией, ее идейной подготовкой, влиянием на левые течения. Между тем, становится все более очевидно, что Руссо впечатляет В.С. и, так сказать, сам по себе – мощью своего мышления.

¹ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 5 ноября 1962 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 25 февраля 1963 г.

Он несколько лукавил, когда сетовал на вынужденное обращение к творчеству мыслителя. Руссо, если не первая, то, безусловно, «вторая любовь» В.С. – и впоследствии она вытеснит первую. Руссо «увлекает до крайности», и В.С. берется за совершенствование своей философской подготовки, штудировав одного за другим классиков Просвещения: Монтескье, Гельвеция, Дидро, восходя от них к Гроцию и философской мысли XVII в.¹

С изданием сочинений Руссо произошло нечто подобное изданию «якобинского сборника». Хотя ответственным редактором значился Манфред, составителем, организатором и душой этого большого предприятия в престижной академической серии «Литературные памятники» стал Алексеев-Попов. Он пишет «заглавную» статью «О социальных и политических идеях Жан-Жака Руссо» (3 п.л.), причем, по своему обыкновению, дописывает и переписывает ее. Он выступает комментатором. Занявшись научным редактированием переводов, нередко погружается собственно в переводы тогда, когда работа «штатных» переводчика и редактора его не удовлетворяют – вспомним, что Руссо едва ли не самый сложный классик Просвещения, – и приходится «сопоставлять слово за слово с оригиналом»². Фактически перевод самых важных текстов, включая трактат «Об Общественном договоре», в большой мере плод труда В.С.³

Еще в начале 70-х гг. Алексеев-Попов продолжал упорно работать над диссертационной темой. Тема продолжала расширяться, ко второй части «Проблема и организация сил антиабсолютистск[ого] лагеря на первом этапе революции. 1789 г.» он пишет 3 п.л. И одновременно столько же на тему «Х[арактеристи]ка общих основ рационалистич[еской] философии Просвещения и критика ее у Руссо, в связи с генезисом романтического направления в обществ[енной] мысли». Предназначенный для книги о Руссо текст В.С. думает включить и в диссертацию⁴.

В последние годы Руссо окончательно вытесняет диссертационную тему. Работая над книгой о нем, В.С. увлекается темой «Толстой и Руссо». Предлагая мне сотрудничество⁵, он так объяснял свой замысел: «Глубоким социальным источником той констелляции, которую образует эта

¹ В.С. Алексеев-Попов – Я.М. Захеру, 4 марта 1963 г.

² Там же.

³ *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты / Изд. подг. В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, И.А. Полторацкий, А.Д. Хаюгин. М., 1969. 703 с.

⁴ В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 13 января 1973 г.

⁵ В.С. живо реагировал на мои работы, где я со ссылкой на находившиеся на подъеме на Западе «peasant studies» обосновывал научный статус крестьяноведческого направления исследований.

пара (Толстой – Руссо), является то, что оба они сложнейшим образом “представляют” в сфере идеологии, нравственности и т.д. – огромный особый мир “крестьянства”»¹.

Следующее письмо, и новый поворот темы. В.С. берется за «последний тематический узел». Называется он весьма многозначительно: «Руссо о диалектике души». Классик Просвещения, который представал В.С. в 50-х гг. предтечей якобинской диктатуры, становится объектом духовно-нравственных размышлений. Алексеева-Попова волнует сочинение «Руссо, судящий Жан-Жака». Он чувствует, что анализ уводит его в совершенно новую сферу – психоанализа, – и просит найти «подходящего тонкого психолога для совета»².

Увы, это было последнее письмо. Творческий путь и собственно жизнь ученого трагически сократили внешние обстоятельства, та идеологическая реакция, которой ознаменовались годы «застоя». Затронуло В.С. преследование диссидентов («дело Игрунова»), а в 1978 г. его «ушли» с родного истфака³.

И потому мне особенно дорого это последнее письмо старшего друга. Я вижу в нем свидетельство, что Вадим Сергеевич до самого конца находился в творческом поиске, открывая для себя все новые горизонты познания.

Список литературы

Блуменану С.Ф. От социально-экономической истории к проблематике массового сознания. Брянск, 1995. [*Blumenau S.F. Ot socialno-ekonomicheskoi istorii k problematike massovogo soznania. Briansk, 1995*].

Восемь писем Я.М. Захера А.В. Адо // Мир историка: Историогр. сб. Омск, 2006. Вып. 2. [*Vosem' pisem J.M.Zahera A.V.Ado // Mir istorika: Istoriogr. sbornik. Omsk, 2006. Vol. 2*].

¹ В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, июль 1980 г.

² В.С. Алексеев-Попов – А.В. Гордону, 15 декабря 1980 г.

³ В ответ на мое предположение, что уход В.С. был отнюдь не добровольным, его бывшая студентка Елена Викторовна Полевщикова написала мне: «Вы правы, “ушли”, конечно, даже у нас, непосвященных студентов, было такое ощущение! А до того, как “ушли”, еще и учили, с какими темами на коллоквиумах выступать: я помню какое-то потрясенное (и даже немного восхищенное) недоумение Вадима Сергеевича по этому поводу после разговора с нашей царственной (ныне уж покойной) деканессой... Мы с подругой ждали его, чтобы вместе прогуляться (это случалось иногда), думаю, что вряд ли мы уловили всю сложность ситуации, но я помню ощущение горечи сквозь едкий комментарий В.С. Деканесса эта, кстати, вспоминается практически всеми как достойная уважения особа – во всяком случае, она была лишена почти обязательного теперь нац[ионального] колорита со всеми вытекающими». – Е.В. Полевщикова – А.В. Гордону, 19 февраля 2013 г. (из архива автора).

Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. [*Gordon A.V.* Velikai franzasukai revolucia v sovetskoj istoriografii. Moscow, 2009].

Гордон А.В. К вопросу о «школах» в отечественной историографии Французской революции // Всеобщая история: современные исследования. Межвузовский сб. науч. трудов. Вып. 17. Брянск, 2008. [*Gordon A.V.* K voprosu o scholach v otechestvennoj istoriografii franzasukoј revolucii // Vseobschai istoria: sovremennii issledovania. Vol. 17. Briansk, 2008].

Гордон А.В. Классовая борьба и Конституция 24 июня 1793 г. // ФЕ 1972. М., 1974. [*Gordon A.V.* Klassovai bor'ba i Konstitucia 24 ijuna 1793 g. // Annuaire d'études françaises 1972. Moscou, 1974].

Гордон А.В. Культура партийности и советский опыт историознания // Россия и современный мир. М., 2009. № 3 (64). [*Gordon A.V.* Kultura partiinosti i sovetskii opit istorioznania // Rossia i sovremennii mir. Moscow, 2009. N 3 (64)].

Гордон А.В. Сергей Львович Сытин – историк революционной Франции // Материалы четвертой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сытину, Ульяновск, 2008. [*Gordon A.V.* Sergei L'vovich Sitin – istorik revolucionnoj Francii // Materiali chetvertoi nauchnoj konferencii, posvaschennoj uchenomu i kraevedu S.L. Sytinu. Ulianovsk, 2008].

Гордон А.В. Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада // ФЕ 2007. М., 2007. [*Gordon A.V.* Sovetskie istoriki i progressivnie uchenie Zapada // Annuaire d'études françaises 2007. Moscou, 2007].

Гордон А.В. Федералистский мятеж. (Из истории гражданской войны во Франции летом 1793 г.) // ФЕ 1967. М., 1968. [*Gordon A.V.* Federalistkii matej // Annuaire d'études françaises 1967. Moscou, 1968].

Из истории якобинской диктатуры: Труды Межвузовской научной конференции по истории якобинской диктатуры / Ред. коллегия: В.С.Алексеев-Попов, А.Я.Гансов, К.Д.Петряев. Одесса, 1962. [Iz istorii jakobinskoј diktaturi. Odessa, 1962].

Летчфорд С.Е. В.Г.Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре // ФЕ 2002 М., 2002. [*Letchford S.E.* V.G. Revunenkov protiv "moskovskoi shkoli" // Annuaire d'études françaises 2002. Moscou, 2002].

Ревуненков В.Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры. Л., 1966. [*Revunenkov V.A.* Marksism i problema jakobinskoј diktaturi. Leningrad, 1966].

Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969 [*Rousseau J.J.* Traktati. Moscow, 1969].

Тезисы конференции, посвященной 250-летию со дня рождения Жан-Жака Руссо. Одесса, 1962 [Tesyisy konferencii, posvaschennoi 250-letiiu so dnia rojdenia Jan-Jaka Russo. Odessa, 1962].

Французская буржуазная революция 1789-1794 гг. М.; Л., 1941. [Franzuskai burjuasnai revolucia. Moscow, Leningrad, 1941].

Alekséev-Popov V.S. L'expérience de la Révolution française et la classe ouvrière de Russie à la veille et pendant la Révolution de 1905 à 1907 // *Studien über die Revolution*. Berlin, 1969.

Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'An II. P., 1958.

Д.Ю. Бовыкин

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVIII В. В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ РОССИИ

В статье анализируется, каким образом история Французской революции XVIII в. представлена в современных российских школьных учебниках и как эти интерпретации соотносятся с нынешним состоянием соответствующих научных исследований.

Ключевые слова: история Нового времени, Франция, Французская революция XVIII в., школьные учебники

Школьные учебники по истории традиционно считаются наиболее наглядным показателем сложившегося в обществе отношения к тем или иным явлениям, событиям, фактам и персоналиям далекого или недавнего прошлого. В идеале они должны избегать сиюминутных, не проверенных временем теорий и оценок и одновременно следовать, хотя бы и с неизбежным отставанием, за научными исследованиями. Прежде чем найти свое отражение на страницах школьных учебников, точки зрения, высказанные в статьях и монографиях историков, сначала обычно резюмируются в крупных обобщающих работах, затем влияют на вузовские учебники и лекционные курсы и наконец, устоявшись, предлагаются школьникам. Разумеется, с неизбежной поправкой на то, что история, как по-прежнему считается, должна выполнять еще и воспитательную функцию.

В этом плане Французская революция XVIII в. оказывается для авторов школьных учебников сюжетом весьма непростым. С тех пор как произошел отказ от традиционной для советской историографии концепции «революции-прототипа», матрицы и предшественницы революции Октябрьской, «воспитательное» значение Французской революции должно бы было перестать интересовать авторов. Однако на фоне непрекращающихся споров о благотворности или губительности различных событий советской и постсоветской истории сложно абстрагироваться от тех проблем, которые ставит Французская революция: о цене и итогах революции как таковой, о причинах и последствиях Террора, о рождении и смерти демократии.

Дмитрий Юрьевич Бовыкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кроме того, практически отсутствуют современные обобщающие работы по истории Франции конца XVIII в. Если посмотреть на то, что предлагают книжные магазины, то «последним словом исторической науки» будут репринты старых и очень старых книг: монографии К. Каутского 1889 года издания, В.И. Герье – 1904 г., А. Матъеза – 1916 г., а также книга 1911 г. специалистки по тамплиерам, ассасинам и тибетской «Книге мертвых» У. Бирх. Среди них попадаются и воистину уникальные издания, такие как несуществующая книга В.М. Далина «Буржуазия и Великая французская революция»¹. Последняя переведенная действительно современная работа, насколько мне известно, – это небольшая, меньше ста страниц, монография Ж.М. Шьяппы «Французская революция» (2005). Новые отечественные обобщающие труды по этому сюжету отсутствуют в принципе; едва ли не единственная альтернатива – четыре десятка страниц, написанных А.В. Ревякиным для «Истории Франции», меньше трех десятков – в монографии А.В. Чудинова, а также соответствующие главы в IV томе новой «Всемирной истории», написанные А.В. Чудиновым и автором этих строк².

Ситуация усугубляется тем, что на смену привычным концепциям смены общественно-экономических формаций и классовой борьбы так и не пришло никакой иной глобальной схемы, которая позволяла бы просто и понятно объяснить школьникам причины, логику и последствия Французской революции. В советское время это не вызывало проблем, тогда как сегодня, напротив, во многих учебниках эта революция рассыпается на десятки фактов, которые или не объясняются вовсе, или же объясняются в рамках разных «логик» с заимствованиями и из марксистско-ленинской парадигмы, и из современных исследований. Когда несколько лет назад мне довелось анализировать школьные учебники первой половины 2000-х гг.³, мне казалось очевидным, что новые веяния только начали в них проникать, а в большинстве своем авторы либо воспроизводили устоявшиеся схемы, либо испытывали сильные затруднения, как

¹ Каутский К. Классовые противоречия в эпоху Французской революции. М., 2011; Герье В.И. Идея народовластия и Французская революция 1789 года. М., 2011; Матъез А. Как побеждала Великая французская революция. М., 2011; Бирх У., Вассерман Дж. Тайные общества: иллюминаты, франкомасоны и Французская революция. Ростов-на-Дону, 2009; Далин В.М. Буржуазия и Великая французская революция. Изд. «Книга по требованию», 2012. ISBN 978-5-458-25940-8.

² Постигание Французской революции. Сборник. М., 2009; Арзаканян М.Ц., Ревякин А.В., Уваров П.Ю. История Франции. М., 2005; Чудинов А.В. Французская революция. История и мифы. М., 2007; Всемирная история. М., 2013. Т. 4. С. 644-707.

³ Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемиические заметки) // НиНИ. 2007. № 1. С. 48-73.

объяснить Французскую революцию и предлагали школьникам сделать выводы самостоятельно. Статья для журнала «Преподавание истории в школе»¹ заставила меня вновь обратиться к школьным учебникам², и мне показалось интересным посмотреть, что изменилось «десять лет спустя», когда труды советских историков окончательно превратились в «памятники исторической мысли», а контекст, в котором они создавались, почти так же далек от школьников, как и годы первых пятилеток.

Причины революции. «Основной причиной буржуазной революции, – говорилось в одном из последних советских учебников по Новой истории, – является противоречие между производительными силами и старыми, феодальными производственными отношениями, мешающими их развитию. Окрепшая буржуазия не желала мириться с абсолютной монархией и феодальными порядками. Народ был готов подняться против дворян»³. В этой небольшой цитате встречается сразу три понятия, являющиеся ключевыми для интерпретации революции – «буржуазия», «феодализм» и «абсолютная монархия».

Если десять лет назад в учебниках по-прежнему можно было встретить мысль о том, что перед революцией «буржуазия возглавила борьбу против сословно-абсолютистских порядков»⁴ сегодня ситуация выглядит принципиально иначе и такие пассажи являются скорее исключением, чем правилом. Классовый подход сохранился лишь у коллектива авторов с участием Д.Д. Данилова. Авторы большинства рассмотренных учебников оговаривают, что за XVII-XIX вв. понятие «буржуазия» эволюционировало, и если раньше так называли почтенных горожан, то постепенно

¹ Бовыкин Д.Ю. Дискуссионные проблемы истории Французской революции // Преподавание истории в школе. 2013. № 10.

² Для данного обзора были использованы учебники: Дмитриева О.В. Всеобщая история. История Нового времени. Конец XV-XVIII век: Учебник для 7 класса общеобразовательных учреждений. 7-е изд. М., 2009; Носков В.В., Андреевская Т.П. Всеобщая история: 7 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений. 2-е изд., испр. М., 2013; Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Репников А.В., Рогожкин В.А. Всеобщая история. История Нового времени. 7 класс: учебник для общеобразоват. учреждений. М., 2012; Ревякин А.В. Всеобщая история. История Нового времени, 1500-1800. 7 класс: учебник для общеобразоват. учреждений. М., 2013; Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Всеобщая история. История Нового времени, 1500-1800. 17-е изд. М., 2012. По очевидным резонам не упоминаются учебники, в написании которых участвовал автор статьи: Ведюшкин В.А., Бовыкин Д.Ю. История. Новое время. Конец XV – конец XVIII века. 7 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. (Сферы). М., 2012; Медяков А.С., Бовыкин Д.Ю. История. Новое время. Конец XVIII-XIX век. 8 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. (Сферы). М., 2013.

³ Нарочницкий А.Л., Аверьянов А.П., Кертман Л.Е. Новая история, 1640-1870: Учеб. для 9 класса средн. шк. / Под ред. А.Л. Нарочницкого. М., 1991. 3-е изд., перераб. и доп. С. 57.

⁴ Мишина И.А., Жарова Л.Н. Новая история. Конец XV-XVIII век: Учебник для 7 класса основной школы. 3-е изд. М., 2003. С. 267.

это название закрепилось за предпринимателями-капиталистами¹. Другое дело, что так и остается непонятным, где и когда именно проходит граница, за которой бюргер превращается в капиталиста, а это, в свою очередь, позволяет мирно использовать старые штампы: революция по-прежнему именуется буржуазной, и побеждает в ней по-прежнему именно буржуазия². При попытках же объяснить, отчего «буржуазия» столь сильно мечтала о революции, встречаются и более удивительные вещи, например такая фраза: «Буржуазия [...] стремилась к свободному приобретению земли»³. Это, разумеется, чистая правда, но кто же мешал ей приобретать землю до того?

Не меньше проблем и с понятием «феодализм». Не останавливаясь специально на многолетних спорах о его корректности и применимости к истории Западной Европы XVIII в.⁴, замечу, что еще в 1988 г. один из ведущих отечественных специалистов по истории Старого порядка Л.А. Пименова недвусмысленно высказалась о том, что «на современном уровне знаний у нас нет оснований характеризовать систему общественных отношений предреволюционной Франции в целом как феодальный строй»⁵. Вместо «феодализма» все чаще применительно к французскому XVIII в. пишут «сеньориальный порядок» или «сеньориальный строй»: так, в опубликованной в 2005 г. «Истории Франции» используется исключительно данный термин и специально отмечается, что к этому времени «феодальные отношения давно канули в Лету»⁶.

Как ни странно, из всех проанализированных школьных учебников термин «сеньориальные повинности» вместо «феодальных» мне удалось встретить лишь в одном⁷. В остальных по-прежнему говорится, что революция уничтожила феодальные отношения и «эра феодального порядка пришла к своему завершению». Были отменены «феодальные привилегии», перед революцией во Франции действовали загадочные «феодальные аристократы», а страна была разделена на «феодальные провинции».

¹ Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 59, 222, 246; Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 47, 230; Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 106, 312.

² Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 175; Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 261.

³ Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 231.

⁴ Подробнее см., например: Reynolds S. *Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted*. Oxford, 1996; Феодализм: понятие и реалии. М., 2008.

⁵ Пименова Л.А. О некоторых спорных вопросах истории Старого порядка и революции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 94, 95.

⁶ Арзаканян М.Ц., Ревякин А.В., Уваров П.Ю. Указ. соч. С. 177.

⁷ Ревякин А.В. Указ. соч. С. 186.

Это тем более удивительно, что тот же самый учебник, который пишет о «феодалных аристократах», определяет феодальные отношения как «общественно-хозяйственные связи между людьми, предполагающие вассальные (служебные) отношения между условными собственниками земли (феодов) и право феодалов на оброки и барщину с зависимых крестьян»¹. Тем самым, видимо, предполагается существование во Франции конце XVIII в. сеньоров и вассалов.

При рассмотрении понятия «абсолютизм» перед авторами учебников также встает ряд трудностей, часть из которых порой оказывается непреодолимой. Прежде всего, об абсолютизме говорится в курсах и по отечественной, и по западной истории, тогда как российский вариант абсолютизма имеет с европейским очень мало общего. Если в России, как говорится в одном из учебников, абсолютная монархия – это самодержавие², то для западной политической традиции самодержец – это деспот, не заслуживающий уважения подданных и причиняющий им страдания. Во многих книгах о России, опубликованных на Западе в XVIII в., звучала одна и та же мысль: «форма правления в России и Турции обычно рассматривается как деспотическая»³. К тому же не может не возникнуть вопрос: понятие «абсолютная монархия» применительно к России вводится только в 7 классе, а чем была ограничена власть в России до того, например, при Иване III или Иване IV? Отсюда стремление авторов учебников по российской истории лаконично трактовать абсолютизм как власть, «не ограниченную другими органами управления»⁴. Но как скоро авторы осознают эту ситуацию и уделяют ей внимание⁵, то сразу же выясняется, что те проблемы, которые стояли перед властью в России, и те инструменты, которые эта власть использовала, были довольно далеки от ситуации в Западной Европе.

¹ Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 265; Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 277; Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 240; Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Ретников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 248, 257, 302.

² Баранов П.А., Вовина В.Г., Лебедева И.М., Шейко Н.Г. История России: 7 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений. М., 2013. С. 16.

³ *Mentelle E. Cosmographie élémentaire divisée en parties astronomique et géographique. P., 1781. P. 305.* См. также, например: *Williams J. Histoire des gouvernemens du Nord. Amsterdam, 1790. Vol. 2. P. 397, 408, 491; Fortia de Piles A.-T.-J. de Voyage de deux Français en Allemagne, Danemarck, Suède, Russie et Pologne fait en 1790-1792. P., 1796. Vol. 2. P. 323.*

⁴ Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России: конец XVI-XVIII век: учеб. для 7 класса общеобразоват. учреждений. 6-е изд. М., 2007. С. 52. Это определение дословно повторяется в: Данилов А.А. История. Россия в XVII-XVIII веках. 7 класс: учебник для общеобразоват. учреждений. М., 2009. С. 22.

⁵ Проблема российского абсолютизма подробно и доступно рассмотрена, например, в: Андреев И.Л., Данилевский И.Н. История России с конца XVI по XVIII век. 7 класс: учебник для общеобразоват. учреждений. 5-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 68.

Это влечет за собой непростую проблему согласования между собой линеек по отечественной и всемирной истории одного и того же издательства, чтобы школьники не получали одновременно два взаимоисключающих определения абсолютизма. Не рискну утверждать, что это делалось осмысленно, но в учебнике того же издательства, где в отечественной линейке абсолютизм однозначно приравнивается к самодержавию, и во «всемирной» линейке подчеркнуто именно всевластие монарха: «Власть французского короля становилась почти абсолютной, поэтому государственный строй, получивший наиболее яркое воплощение в правлении Людовика XIV, называют абсолютной монархией»¹. Напротив, в серии «Академический школьный учебник», где подробно рассказано о теории королевского суверенитета, четко прописано, что «абсолютная» королевская власть была ограничена, противопоставлены монархия и деспотизм², там в отечественной линейке автор умудрился в принципе обойтись без введения понятия «абсолютная монархия», хотя и задает школьникам о ней множество вопросов³.

И все же доминирующая тенденция для школьных учебников (в отличие от современных исторических работ, где порой и вовсе ставится под сомнение существование абсолютизма) иная: их авторы подчеркивают в абсолютизме не ограничения, не то, что монарх должен добровольно склониться перед законом, а именно безбрежную власть короля. Цитируется давно уже признанная апокрифом⁴ фраза Людовика XIV: «Государство – это я!», описывается «практически неограниченное личное правление государя», подчеркивается, что «короли могли теперь навязать своим подданным почти любое решение»⁵.

При этом абсолютизм обрастает в учебниках десятками фантазий. Вот лишь некоторые из них. Английский парламент отнюдь не «утрачивал свое прежнее значение» в эпоху абсолютизма⁶; ровно наоборот, в первые десятилетия XVII в. он пытается расширить границы своей

¹ Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 137.

² Ревякин А.В. Указ. соч. С. 78, 79.

³ Любопытно при этом его утверждение о том, что «Россия при Петре I стала такой же абсолютной монархией, как и ряд других государств Европы (Франция, Испания)». – Сахаров А.Н. История России XVII-XVIII века. 7 класс: учебник для общеобразоват. учреждений. М., 2010. 6-е изд. С. 172.

⁴ «Это чистейшая выдумка», – недвусмысленно отмечает известный французский историк П. Губер (*Губер П.* Мазарини. М., 2000. С. 367). См. также: *Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998. С. 149.

⁵ Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 31; Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 277, 111; Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Репников А.В., Рогожский В.А. Указ. соч. С. 88, 132.

⁶ Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 28.

власти. «Абсолютный монарх не мог лишить своих подданных собственности, без суда заточать их в тюрьму»¹. Редкий случай упоминания ограничений абсолютной власти короля, но верный лишь наполовину. Знаменитые французские королевские *lettres de cachet* как раз и давали монарху право на заключение в тюрьму без суда, и Франция здесь не была исключением. «Верховная власть короля проявлялась в том, что только он мог определять религию государства»². Напротив, гораздо чаще традиция предписывала монарху, какой религии придерживаться. «Сложилась идея суверенитета государства, то есть полной, не ограниченной никакими законами верховной власти государей над своей территорией и подданными». «Король поставил себя превыше любого закона». Во Франции фундаментальные законы монархии как раз и ограничивали эту власть³.

При этом нельзя не заметить, что, воспроизводя былые концепции «феодализма» и «абсолютизма», современные учебники существенно модифицировали вытекавшую из них концепцию «кризиса феодально-абсолютистского строя». В советское время в учебниках недвусмысленно говорилось: «В XVIII в. абсолютизм превратился в непомерно разросшийся и вредный нарост на теле Франции, который истощал ее силы и тормозил развитие»⁴. В отличие от того, что писали в учебниках всего десять лет назад, ныне Франция постепенно перестает подаваться школьникам как безнадежно отсталая страна, умирающая от экономического кризиса. Мало кому приходит в голову и отрицать успехи Франции в торговле и промышленности.

Однако исчезновение со страниц учебников «кризиса феодально-абсолютистского строя» повлекло за собой не только их большую адекватность нашим сегодняшним знаниям о конце XVIII в. Оно имело и два других, куда менее приятных последствия. Во-первых, лишенные общего стержня, причины революции поневоле превратились в конгломерат фактов, и очень сложно понять, какие из них действительно важны, а какие лишь дополняют общую картину⁵. Лишь в учебниках О.В. Дми-

¹ Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 33.

² Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Репников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 88

³ Там же. С. 132. Попутно не могу пройти мимо удивительного органа, упоминающегося на этой же странице: «парижский выборный суд». Явно имеется в виду Парижский парламент, который, хотя и носил название «парламент», отнюдь не был выборным.

⁴ Ефимов А.В. Новая история. Часть I. Учебник для 8 класса средней школы. 19-е изд. М., 1981. С. 43

⁵ Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 231-233; Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Репников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 248-251.

триевой и А.В. Ревякина в качестве главной причины ясно и четко выделяется финансовый кризис.

И во-вторых, в попытках согласовать картину процветающей Франции с грядущей революцией, стремясь объяснить, чем же было вызвано недовольство различных сословий монархией ряд авторов учебников начинают фантазировать, намеренно сгущая краски. К примеру, чтобы объяснить участие крестьян в революции, говорится: «Несмотря на то что они уже были лично свободными и имели участки земли, они не являлись ее собственниками, не могли ею распоряжаться – купить или продать». Речь, видимо, идет о цензиве; крестьяне действительно не считались ее собственниками, однако могли ее продавать, передавать, сдавать в пользование, отчуждать, использовать как залог при ипотеке. Или другой резон: «На высшие церковные должности назначались исключительно дворяне»¹. Но такого правила не существовало: так, в 1774 г., скажем, стал епископом простолюдин Ж.-Б. Бовэ.

Пугая читателей размерами сеньориальных повинностей, авторы другого учебника рассказывают: «В результате всех этих поборов один путешественник еще в конце XVII века писал, что французские крестьяне напоминают “видом каких-то диких животных... грязные, землисто-бледные, иссушенные солнцем, они склоняются над землей, копая и перекапывая ее с несокрушимым упорством... На ночь они прячутся в логовах, где утоляют голод хлебом, водой и кореньями”»². В этой цитате все удивительно. И ее стиль, образцом для которого явно служит знаменитое: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа». И ее суть: иллюстрировать причины революции цитатой конца XVII в. – это все равно как иллюстрировать сегодняшнюю Россию цитатой времен кануна Первой мировой³. На страницах того же учебника в рассказе о предпосылках революции вводится не существовавшее тогда еще слово «санкюлот» и говорится, что «дворяне и духовенство составляли уже меньше 1% французской нации», что совершенно не так.

Начало революции. Учредительное собрание. Лейтмотив этого периода в советских учебниках был очень четким: «победой народа над абсолютизмом воспользовалась крупная буржуазия»⁴. С тех пор уже не-

¹ Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 230, 229.

² Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Ретников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 248.

³ А меж тем именно этот прием авторами учебников очень любим. Абсолютно аналогичным образом в другом учебнике вторая половина XVIII в. иллюстрируется цитатой 1695 г., разумеется, без указания даты. – Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 239.

⁴ Нарочницкий А.Л., Аверьянов А.П., Кертман Л.Е. Указ. соч. С. 62.

однократно было написано о том, что буржуазия Старого порядка – отнюдь не та торгово-промышленная буржуазия XIX в., о которой писал К. Маркс, и она не представляла собой «класс-гегемон» революции. Что конституционалисты не были партией крупной буржуазии, да и в принципе в Учредительном собрании предприниматели (ни количественно, ни по их активности, ни по влиятельности) не играли ведущую роль¹.

И сейчас в учебниках порой можно прочитать, что «большинство в Учредительном собрании принадлежало [...] богатой буржуазии и дворянам»², но это все же исключение из правил. Хотя отголоски былых теорий можно встретить не так редко. К примеру, с точки зрения О.В. Дмитриевой, в интересах буржуазии были проведены экономические реформы, расчищавшие путь для свободного предпринимательства; «в погоне за прибылями промышленники добились запрещения рабочих союзов и стачек»³. Не рискуя оспорить первый тезис, хотел бы все же заметить, что дискуссия по так называемому закону Ле Шапелье о запрете рабочих организаций (14 июня 1791 г.) опубликована⁴. Из нее хорошо видно, что этот закон предлагался в логике борьбы со всеми и всяческими корпорациями (в той же логике были отмены ремесленные цехи и ставился вопрос о закрытии Парижского университета). Сам И. Ле Шапелье был потомственным адвокатом, в дискуссии принимали участие несколько юристов, возражений практически не было, никаким промышленникам ничего добиваться не пришлось.

Ряд сюжетов традиционно вызывают существенные разногласия; речь однако идет не о концепциях, а исключительно о фактах. Так, с точки зрения авторов одного учебника, правые – «сторонники умеренности и порядка», левые – «сторонники перемен»⁵. А.В. Ревякин откладывает вопрос о «левых» и «правых» до Законодательного собрания (хотя само деление появилось еще при Учредительном) и называет «левыми» «передовые политические группировки», а их противников – «правыми»⁶. В третьем же учебнике, написанном авторским коллективом с участием Д.Д. Данилова, даны сразу две, и при этом совершенно несхожие между собой версии появления данных понятий. Сперва там сказано, что разме-

¹ См., в частности: Чудинов А.В. Смена веков: 200-летие Революции и российская историография // ФЕ. 2000. М., 2000; «Круглый стол» в ИВИ РАН «Французская революция XVIII в. и буржуазия» // НиНИ. 2002. № 1.

² Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 242.

³ Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 268-269.

⁴ Archives parlementaires. 1re série. P., 1887. Vol. 27. P. 210ss.

⁵ Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 240.

⁶ Ревякин А.В. Указ. соч. С. 195.

жевание на «левых» и «правых» возникло с самого начала работы Учредительного собрания и «левыми» были депутаты от третьего сословия, а правыми – от дворянства, но потом авторы умудрились поменять свое мнение и написать, что «немногочисленных сторонников короля в Учредительном собрании называли “правыми” или роялистами (от французского “роял” – король). Большинство же собрания составляли “левые” – сторонники ограничения власти короля»¹. Удивительно даже не столько то, что термины вводятся дважды и по-разному. Удивительны невежество авторов, даже не потрудившихся заглянуть в русско-французский словарь, и их полное непонимание сути происходивших событий. Между тем, о происхождении «правых» и «левых» во французской политической традиции в исторической литературе сказано немало, и довольно очевидно, что вопрос это «темный», не имеющий однозначного (в том числе и количественного) решения, и конкретика здесь едва ли уместна².

Любят авторы учебников указывать и точное количество депутатов Учредительного собрания – и везде по-разному. Если в одних учебниках сказано, что в Учредительном собрании было 270 депутатов от дворянства, 291 от духовенства и 578 от третьего сословия, то в другом первые две цифры те же, а от третьего сословия якобы присутствовало 572 человека, в третьем же – 600³. Отличается от других учебник А.В. Ревякина, в котором говорится, что в прошлом от каждого сословия избиралось по 200 депутатов, а теперь король распорядился избирать от третьего сословия 400⁴ (то есть общее количество депутатов под его пером уменьшается примерно на треть).

На самом деле вопрос с точным числом депутатов очень сложен, поскольку одновременно избирались не только депутаты, но и их заместители, которые – в теории – занимали места выбывших по тем или иным причинам коллег. Официальный сайт Национального собрания дает цифры в 598 депутатов от третьего сословия, 308 – от духовенства и 290 от дворянства (итого 1196 депутатов), но и эти данные, похоже, нуждаются в корректировке: авторы «Словаря депутатов Учредительного собрания» говорят о 1315 депутатах и заместителях, из которых в 1791 г. присут-

¹ Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Репников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 252, 255.

² См., например: *Gauchet M. La droite et la gauche // Les lieux de mémoire. P., 1997. Vol. 2.*

³ Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Репников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 251; Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 234; Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 265; Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 234.

⁴ Ревякин А.В. Указ. соч. С. 187.

ствовало примерно 1130 человек¹. В обобщающих работах цифры 270, 291 и 578 действительно часто называются для заседания 5 мая 1789 г., но в таком случае не понятно, откуда берутся числа 572 и 600. К тому же в специальных работах и эти цифры скорректированы: к началу заседаний в Версаль прибыло не более 800 депутатов, а какие-либо подсчеты осмысленны лишь для того времени, когда была окончена проверка их полномочий, и там данные совсем иные². Одним словом, это явно не тот вопрос, который возможно прояснить на уровне школьного учебника, да и к чему бы детям запоминать эти цифры?

Идея нации и революционные символы. Не является секретом то значение, которое в годы революции придавалось идее нации. Если раньше в школьных учебниках упоминаний об этом практически не встречалось, ныне ситуация изменилась. Рассказывается о том, как Генеральные штаты осознали себя органом, выступающим от имени всей нации, цитируется Декларация прав, утверждающая, что вся власть исходит от нации³. В одном из учебников там, где рассказывается о 1789 г. приводится даже картинка «Пробуждение нации»⁴, жаль лишь, что на самом деле она называется «Триумф Марата» и нарисована три года спустя.

А вот революционным символам крайне не повезло: что ни рассказ о них, то сюрприз. Так, А.Я. Юдовская и ее коллеги полагают, что на новом французском знамени «к красному и голубому цветам третьего сословия добавился белый цвет Бурбонов», но, конечно же, никаких своих цветов ни у третьего сословия, ни у любого другого не существовало. Теми же авторами фригийский колпак трактуется как символ свободы: «В древней Греции существовал обычай освобожденному рабу давать колпак в знак его свободы»⁵. Меж тем существовавшая долгие годы легенда трактовала этот колпак как символ вольноотпущенников не в Греции, а в Риме, да и от той давно уж историки отказались. Рассказывая про июль 1792 г., В.В. Носков и Т.П. Андреевская пишут: «В ходе этих событий родилась “Марсельеза” – походный марш марсельского батальона»⁶,

¹ Le temps de l'invention (1789-1799) // Histoire de l'Assemblée nationale. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/histoire/histoire-1789.asp> (дата обращения: 15.11.2013); Lemay E.H., Patrick A. Revolutionaries at work. The Constituent Assembly 1789-1791. Oxford, 1996. P. 12.

² Tackett T. Par la volonté du peuple. Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires. P., 1997. P. 27.

³ Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 265; Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 251; Ревякин А.В. Указ. соч. С. 196.

⁴ Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Репников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 255.

⁵ Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 236, 249.

⁶ Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 242. Заблуждение, что Руже де Лиль написал эту песню для марсельских добровольцев, разделяет и О.В. Дмитриева: Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 271.

однако хорошо известно, что песня эта появилась в Страсбурге, и не в июле, а в апреле 1792 г.

Якобинцы, жирондисты и монтаньяры. Все три слова школьникам изначально незнакомы, необходимо как-то ввести эти понятия и добиться, чтобы при этом жирондисты и монтаньяры не путались с якобинцами, которые, осложняя задачу авторов, не раз меняли политическую ориентацию своего клуба.

Советские учебники решали эту проблему следующим образом. Вне зависимости от того, на каком этапе революции вводился термин «якобинцы», он давался по состоянию на 1793-1794 гг.: «Якобинцы – самые решительные буржуазные революционеры того времени – прислушивались к требованиям народных масс: крестьянства, городской бедноты. Они действовали вместе с народом. Вождями якобинцев были Робеспьер, Марат, Дантон». По контрасту с ними жирондисты выражали интересы торгово-промышленной буржуазии¹. С монтаньярами было несколько сложнее, да и сам термин старались не вводить: в учебнике А.В. Ефимова говорилось, что в Конвенте «якобинцы заняли верхние скамьи в зале и получили название горы», в учебнике А.Л. Нарочницкого «Гора» – это «наиболее решительные представители революционной буржуазии, готовые пойти на дальнейший союз с народными массами для завершения и защиты революции», и лишь потом она завоевывает лидерство в Якобинском клубе².

В современных учебниках ситуация складывается иначе. А.В. Ревякин и коллектив авторов с участием А.Я. Юдовской рассказывают о политической эволюции Якобинского клуба, однако если в первом учебнике о социальном составе клуба не говорится, во втором указывается, что в клуб входили «представители буржуазных слоев»³. У В.В. Носкова и Т.П. Андреевской ни состав клуба, ни его политическая ориентация не проясняются. К тому, что писали ранее, ближе всего учебник Д.Д. Данилова и его коллег, где якобинцы выражают интересы средних и мелких буржуа, а также крестьян⁴.

Жирондисты также даются совершенно по-разному. У А.В. Ревякина это группировка, состоявшая из богатых и образованных политиков, уверенно чувствовавших себя «лишь в кругу таких же обеспеченных и воспитанных людей, как они сами». Они осуждали «крайности» революции, «стремились

¹ Ефимов А.В. Указ. соч. С. 64, 66.

² Там же. С. 68; Нарочницкий А.Л., Аверьянов А.П., Кертман Л.Е. Указ. соч. С. 71-72.

³ Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 243.

⁴ Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Репников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 259.

вернуть страну в русло мирного, конституционного развития». У О.В. Дмитриевой жирондисты выступали за свержение монархии и «продолжение реформ в интересах предпринимателей». У А.Я. Юдовской и ее коллег это «группа решительно настроенных депутатов от департамента Жиронда» (известно ли им, что историки включали в число «жирондистов» более сотни человек?), среди которых «было много сторонников реформ, способствующих развитию торговли, промышленности и ликвидации монархии». Что за реформы способствовали ликвидации монархии также остается неясным. Из текста В.В. Носкова и Т.П. Андреевской школьники узнают лишь то, что жирондисты «выступали за права провинций и против революционной диктатуры столицы» (но о какой же диктатуре идет речь осенью 1792 г.?). И наконец, еще в одном учебнике жирондисты позиционируются как республиканцы, которые выступают в Конвенте за окончание революции¹.

Аналогичная картина и с монтаньярами. А.В. Ревякин показывает их как людей, сумевших найти общий язык с низами общества, позиционировавших себя как защитников простого народа. Их идеология не очень понятна: говорится лишь, что они не исключают нового кровопролития. С его точки зрения, после того, как осенью 1792 г. жирондисты вышли из Якобинского клуба, к монтаньярам окончательно перешло и название «якобинцы»². В учебниках А.Я. Юдовской и ее коллег, а также у О.В. Дмитриевой термин «монтаньяры» вводится и больше не употребляется; в первом говорится, что большинство их них были якобинцами, из второго мы узнаем о них лишь то, что они выступали за казнь короля. Для В.В. Носкова и Т.П. Андреевской монтаньяры – «наиболее радикальные якобинцы», опиравшиеся на Парижскую коммуну. Наиболее экзотической картина выглядит в учебнике Д.Д. Данилова и его коллег: «"Левую" часть Конвента составили якобинцы – "обитатели Горы" (верхних скамей) – во главе с Робеспьером, Маратом и Дантоном. Они требовали продолжения преобразований, напоминая, что в армии еще осталось много тайных роялистов, в деревне крестьяне сжигают замки и грамоты о феодальных правах, а в городах голодные, вооруженные толпы санкюлотов устанавливают на рынках "твердые" цены, навязывая свою волю торговцам»³. Даже

¹ Ревякин А.В. Указ. соч. С. 199; Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 270; Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 243; Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 244; Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Репников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 246, 265.

² Ревякин А.В. Указ. соч. С. 199.

³ Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 245; Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 272; Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 243-244; ; Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Репников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 265.

если не говорить о том, что «максимум» на ряд товаров уже был к тому времени установлен, образ якобинцев, обитавших на верхних скамьях, несомненно, ярок.

Якобинская диктатура. Террор. Поскольку в годы Французской революции обвинения в диктатуре боялись как огня, более поздний термин требует особенно четкого обоснования. В советское время эту «революционно-демократическую диктатуру» трактовали как чрезвычайный режим «твердой неограниченной власти»¹, ныне же определения очень размыты и не всегда, на мой взгляд, понятны. Учебники их либо вовсе не дают, либо сводят к Террору², либо подчеркивают лишь сосредоточение всей власти в руках якобинцев³. Лишь в учебнике А.В. Ревякина сделана попытка донести до школьников суть этого режима, дополненная очень интересным уточнением, напоминающим знаменитую концепцию «заноса», высказанную еще Ф. Фюре: «Якобинская диктатура вышла за рамки той программы преобразований, которую просветители считали оправданной и необходимой»⁴.

Неожиданные сложности у ряда авторов вызывает и фигура Робеспьера: он никогда не был членом Законодательного собрания, как полагает О.В. Дмитриева⁵: депутатам Учредительного собрания, а им Робеспьер был, было запрещено выставлять свои кандидатуры на выборах. В равной мере он не был ни «главным якобинцем»⁶, ни главой Комитета общественного спасения⁷.

Феномен Террора также традиционно зачаровывает авторов учебников, заставляя разгуляться воображение. Лет десять назад постоянно приходилось читать о «кровавом терроре», «потоках крови» и «бесстрашной девушке» Ш. Корде⁸ (а ведь, казалось бы, не так давно она была лучшей иллюстрацией того, сколь «большую опасность представляли шпионы и диверсанты»⁹). Сегодня тексты о Терроре в учебниках обычно даются

¹ Нарочницкий А.Л., Аверьянов А.П., Кертман Л.Е. Указ. соч. С. 74, 75.

² «Установили революционный террор (чрезвычайный режим революционной диктатуры)». – Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 248.

³ Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 274.

⁴ Ревякин А.В. Указ. соч. С. 205-206.

⁵ Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 270.

⁶ Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Ретников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 268.

⁷ Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 248; Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 273. Интересно было бы проследить происхождение этой ошибки, она кочует по учебникам уже много десятилетий. В учебнике А.Л. Нарочницкого она уже есть (с. 75), но я помню ее еще со времен своего пребывания в школе.

⁸ Бурин С.Н. Новая история. 1500-1815: Учебник для 7 класса общеобразоват. учеб. заведений. 3-е изд. М., 2001. С. 214, 205.

⁹ Ефимов А.В. Новая история. Часть I. Учебник для 8 класса средней школы. М., 1969. 7-е изд. С. 89.

спокойнее, хотя и не везде. Так, А.Я. Юдовская и ее коллеги подчеркивают, что арест и казнь жирондистов покончили с депутатской неприкосновенностью¹. Не говоря уже о том, что депутатов арестовывали и до жирондистов, суть депутатской неприкосновенности – в невозможности произвести арест без согласия законодательного органа, тогда как Конвент именно такое решение и принял. В.В. Носков и Т.П. Андреевская рассказывают, что Конвент направил своих комиссаров во все (!) департаменты, и именно они «стали главными проводниками политики террора на местах»; те же авторы верят, что Лион и на самом деле был разрушен, и в доказательство этого переименовывают картину «Осада Лиона» в «Разрушение Лиона»². Впечатляет и образ, созданный О.В. Дмитриевой: «Революционные трибуналы работали без передышки, кровь текла рекой. Для ускорения и облегчения казни врач Гильотен изобрел устройство для отсечения головы, названное его именем»³. Как видим, образ рек крови все же не дает авторам покоя и заставляет забыть даже о том, что Гильотен не был изобретателем гильотины⁴.

Сложнее дело обстоит с объяснением того, что же такое Террор. Само понятие вводится лишь в некоторых учебниках, где он толкуется, например, как «уничтожение и устрашение противников революции» или как «политика устрашения, подавления противников насильственными мерами вплоть до их физического устранения»⁵. Наиболее полно пишет о нем А.В. Ревякин: «Якобинский террор имел мало общего с правосудием. Его целью было не столько покарать изобличенных врагов, сколько запугать людей колеблющихся, недовольных»⁶. В остальных учебниках школьникам придется догадываться о сути Террора самостоятельно, по перечисленным авторами мероприятиям. В лучшем случае, будут приведены отдельные характеристики Террора; скажем, будет указано, что это «главное средство решения политических проблем»⁷.

Термидор и Директория. Этим эпохам в истории революции традиционно не везло, ранее их и вовсе выводили за ее пределы. Лейтмотивом в их изображении были слова: «контрреволюционная буржуазия у власти», авторы отмечали, что к руководству страной пришли «спекулянты,

¹ Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 250.

² Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 250, 251.

³ Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 274.

⁴ Заблуждение, видимо, довольно стойкое, оно воспроизводится и в других учебниках: Ревякин А.В. Указ. соч. С. 201; Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 256.

⁵ Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Репников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 263; Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 316.

⁶ Ревякин А.В. Указ. соч. С. 206.

⁷ Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 249.

богачи, беспринципные политиканы, глубоко равнодушные к бедствиям народа»¹.

Дух этих хлестких характеристик полностью изжит, пожалуй, лишь в учебнике А.В. Ревякина; воздерживается от пренебрежительных эпитетов и авторский коллектив с участием А.Я. Юдовской, хотя и мало что предлагает взамен. Остальные авторы характеризуют политиков этого времени довольно схоже: «К власти во Франции пришли представители тех, кто нажил во время революции состояние на сделках с землей, конфискованной у эмигрантов, и спекуляциях на рынке»; «среди депутатов было много крупных предпринимателей, разбогатевших на скупке имущества эмигрантов и Церкви, замешанных в спекуляциях»; «по сути это была власть нуворишей, обогатившихся во время революции»².

В доказательство этого обычно приводится избирательная система, установленная Конституцией 1795 г., толкуемая, впрочем, весьма свободно. Воспроизводится старый штамп о том, что она отменила всеобщее избирательное право³, хотя и до того во Франции его никогда не существовало. Говорится, что «особыми статьями новая Конституция закрепляла имущественные права нуворишей»⁴, хотя таких статей в конституции нет. Утверждается, что «избирательные права опять были даны только гражданам, обладающим большими капиталами»⁵, хотя для участия в первичных собраниях достаточно было уплачивать налог. На худой конец, просто и без доказательств, говорится: «Это была Конституция собственников»⁶.

Итоги революции. В советские времена они были очевидны: революция «уничтожила феодально-абсолютистский строй, создала условия для развития во Франции капитализма»⁷. Ныне же, когда ясно, что «феодальный строй», если и вообще когда-то существовал, то явно не дожил до революции, и что капиталистическая экономика бурно развивалась во Франции еще до революционных преобразований, вопрос об итогах революции остается дискуссионным. Не случайно ряд авторов (и А.В. Ревякин, и Д.Д. Данилов с коллегами) сокращают выводы до минимума, стремясь

¹ Ефимов А.В. Указ. соч. 19-е изд. С. 80.

² Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 276; Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Ретников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 276; Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 253.

³ Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 253; Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 258.

⁴ Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 253.

⁵ Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Ретников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 275.

⁶ Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 250.

⁷ Нарочницкий А.Л., Аверьянов А.П., Кертман Л.Е. Указ. соч. С. 82.

не втягиваться ни в какие концептуальные споры. Для А.В. Ревякина при этом важно иное: были ли меры, которые принимало революционное правительство, необходимы «для торжества тех светлых идеалов и разумных принципов», которые выдвинул 1789 г.? Не печальный ли итог революции то, что в 1799 г. «Франция оказалась под пятой диктатора»¹? О «трагическом характере» революции пишут и А.Я. Юдовская и ее коллеги². Таким образом, на страницах учебников появляются мысли, не встречавшиеся мне еще десятилетием ранее, мысли о цене революции. Не попытки подвести ее итоги не в экономической или социальной сфере, а попытки сделать из революционных событий некий моральный вывод.

В остальном же итоги Французской революции обычно подводятся по двум линиям: экономической и идейно-политической. Вторая очевидна: Декларация прав человека и гражданина, идеи свободы и равенства, централизация страны. Итоги же экономические чаще всего даются так, как они давались всегда, и здесь один учебник от другого отличить непросто. «Великая французская революция уничтожила старый порядок: она разрушила абсолютизм и остатки сеньориальных отношений в деревне, отменила сословия... создала условия для развития капиталистического хозяйства»³; «в результате Французской революции был полностью уничтожен сословный строй и феодальные отношения в крупнейшей стране Европы»⁴; «революция смела феодальную монархию и создала условия для свободного развития буржуазного общества»⁵. Не удивительно, что такие итоги, как и ранее, заставляют авторов называть революцию «великой». Хотя от этого термина давно уже отказалась и отечественная, и зарубежная историография, в учебниках он сохраняется в полной мере⁶ (без него обходится лишь А.В. Ревякин).

Возвращение десятилетие спустя к российским школьным учебникам позволяет сделать и некоторые более общие выводы. Прежде всего, если брать за точку отсчета 1991 г., налицо глобальный отказ от тех объяснительных и идеологических шаблонов, которые доминировали в советское время. Еще в начале XXI в. в школьных учебниках можно было встретить старый советский тезис о конце революции в 1794 г.⁷ и о том,

¹ Ревякин А.В. Указ. соч. С. 214.

² Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 262.

³ Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 261.

⁴ Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 265.

⁵ Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 277.

⁶ Носков В.В., Андреевская Т.П. Указ. соч. С. 175, 229; Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Указ. соч. С. 227; Дмитриева О.В. Указ. соч. С. 277; Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Репников А.В., Рогожкин В.А. Указ. соч. С. 254.

⁷ Бурин С.Н. Указ. соч. С. 212.

что «в результате революции феодально-абсолютистское государство окончательно пало, уступив место буржуазно-демократическому»¹. Сегодня же остатки этих концепций явно ведут арьергардные бои и можно надеяться, что со временем они окончательно уйдут в прошлое.

Однако обратной стороной отказа от этих шаблонов стало то, что отдельные события и термины времен Французской революции перестают увязываться друг с другом; так, термины «якобинцы», «монтаньяры» и «жирондисты» явно вводятся авторами в различных системах координат. Этим же обусловлена крайняя нечеткость, с которой даны в ряде учебников причины и итоги революции, которые сложнее всего преподнести вне привычной марксистско-ленинской парадигмы.

Не исключено, что отчасти это объясняется отсутствием новых обобщающих работ по истории революции, не случайно в учебниках профессиональных историков (О.В. Дмитриевой и А.В. Ревякина) можно встретить отдельные неточности, но понимание сути происходящих процессов всегда соответствует современному состоянию историографии. Но ведь есть статьи, монографии, вузовские учебники, наконец. Не логично ли было бы временами заглядывать в них авторам учебников школьных, если они хотят писать их на современном уровне?

Список литературы

- Archives parlementaires. 1er série. P., 1887. Vol. 27. P. 210ss.
- Fortia de Piles A.-T.-J. de. Voyage de deux Français en Allemagne, Danemarck, Suède, Russie et Pologne fait en 1790-1792. P., 1796. Vol. 2.
- Gauchet M. La droite et la gauche // Les lieux de mémoire. P., 1997. Vol. 2.
- Lemay E.H., Patrick A. Revolutionaries at work. The Constituent Assembly 1789-1791. Oxford, 1996.
- Mentelle E. Cosmographie élémentaire divisée en parties astronomique et géographique. P., 1781.
- Reynolds S. Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford, 1996.
- Tackett T. Par la volonté du peuple. Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires. P., 1997.
- Williams J. Histoire des gouvernemens du Nord. Amsterdam, 1790. Vol. 2.
- Андреев И.Л., Данилевский И.Н. История России с конца XVI по XVIII век. 7 класс : учеб. для общеобразоват. учреждений. 5-е изд., испр. и доп. М., 2013. [Andreev I.L., Danilevskij I.N. Istorija Rossii s konca XVI

¹ Захарова Е.И. Новая история: Мир с конца XV по XVIII век. 7 класс: Учебник для общеобразоват. учреждений. М., 2002. С. 224.

по XVIII vek. 7 klass: ucheb. dlja obshheobrazovat. uchrezhdenij. 5-e izd., ispr. i dop. M., 2013].

Арзаканян М.Ц., Ревякин А.В., Уваров П.Ю. История Франции. М., 2005. [Arzakanjan M.C., Revjakin A.V., Uvarov P.Ju. Istorija Francii. M., 2005].

Баранов П.А., Вовина В.Г., Лебедева И.М., Шейко Н.Г. История России: 7 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений. М., 2013. [Baranov P.A., Vovina V.G., Lebedeva I.M., Shejko N.G. Istorija Rossii: 7 klass: uchebnik dlja uchashhihsja obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij. M., 2013].

Бирх У., Вассерман Дж. Тайные общества: иллюминаты, франкомасоны и Французская революция. Ростов-на-Дону, 2009. [Birh U., Vasserman Dzh. Tajnye obshhestva: illjuminaty, frankomasony i Francuzskaja revoljucija. Rostov-na-Donu, 2009].

Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. [Bljush F. Ljudovik XIV. M., 1998].

Бовыкин Д.Ю. Дискуссионные проблемы истории Французской революции // Преподавание истории в школе. 2013. N 10. [Bovykin D.Ju. Diskussionnye problemy istorii Francuzskoj revoljucii // Prepodavanie istorii v shkole. 2013. N 10].

Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемические заметки) // Новая и новейшая история. 2007. N 1. [Bovykin D.Ju. O sovremennoj rossijskoj istoriografii Francuzskoj revoljucii XVIII veka (polemicheskie zametki) // Novaja i novejšaja istorija. 2007. N 1].

Бурин С.Н. Новая история. 1500-1815: Учебник для 7 класса общеобразоват. учеб. заведений. 3-е изд. М., 2001. [Burin S.N. Novaja istorija. 1500-1815: Ucheb. dlja 7 kl. obshheobrazovat. ucheb. zavedenij. 3-e izd. M., 2001].

Ведюшкин В.А., Бовыкин Д.Ю. История. Новое время. Конец XV – конец XVIII века. 7 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. (Сферы). М., 2012. [Vedjushkin V.A., Bovykin D.Ju. Istorija. Novoe vremja. Konec XV – konec XVIII veka. 7 klass. Uchebnik dlja obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij. (Sfery). M., 2012].

Всемирная история. М., 2013. Т. 4. [Vsemirnaja istorija. M., 2013. T. 4].

Герье В.И. Идея народовластия и Французская революция 1789 года. М., 2011. [Ger'e V.I. Ideja narodovlastija i Francuzskaja revoljucija 1789 goda. M., 2011].

Губер П. Мазарини. М., 2000. [Guber P. Mazarini. M., 2000].

Данилов А.А. История. Россия в XVII-XVIII веках. 7 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений. М., 2009. [Danilov A.A. Istorija. Rossija v XVII-XVIII vekah. 7 klass: ucheb. dlja obshheobrazovat. uchrezhdenij. M., 2009].

Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России: конец XVI-XVIII век: учебник для 7 класса общеобразоват. учреждений. 6-е изд. М., 2007. [Danilov A.A., Kosulina L.G. Istorija Rossii: konec XVI-XVIII vek: ucheb. dlja 7 kl. obshheobrazovat. uchrezhdenij. 6-e izd. M., 2007].

Данилов Д.Д., Кузнецов А.В., Кузнецова С.С., Репников А.В., Рогожкин В.А. Всеобщая история. История Нового времени. 7 класс: учебник для общеобразоват. учреждений. М., 2012. [Danilov D.D., Kuznecov A.V., Kuznecova S.S., Repnikov A.V., Rogozhkin V.A. Vseobshhaja istorija. Istorija Novogo vremeni. 7 kl.: ucheb. dlja obshheobrazovat. uchrezhdenij. M., 2012].

Дмитриева О.В. Всеобщая история. История Нового времени. Конец XV-XVIII век: учебник для 7 класса общеобразовательных учреждений. 7-е изд. М., 2009. [Dmitrieva O.V. Vseobshhaja istorija. Istorija Novogo vremeni. Konec XV-XVIII vek: Uchebnik dlja 7klassa obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij. 7-e izd. M., 2009].

Ефимов А.В. Новая история. Часть I. Учебник для 8 класса средней школы. М., 1981. 19-е изд. [Efimov A.V. Novaja istorija. Chast' I. Uchebnik dlja 8 klassa srednej shkoly. 19-e izd. M., 1981].

Ефимов А.В. Новая история. Часть I. Учебник для 8 класса средней школы. 7-е изд. М., 1969. [Efimov A.V. Novaja istorija. Chast' I. Uchebnik dlja 8 klassa srednej shkoly. 7-e izd. M., 1969].

Захарова Е.И. Новая история: Мир с конца XV по XVIII век. 7 класс: учебник для общеобразоват. учреждений. М., 2002. [Zaharova E.I. Novaja istorija: Mir s konca XV po XVIII vek. 7 kl.: Ucheb. dlja obshheobrazovat. uchrezhdenij. M., 2002].

Каутский К. Классовые противоречия в эпоху Французской революции. М., 2011. [Kautskij K. Klassovye protivorechija v jepohu Francuzskoj revoljucii. M., 2011].

«Круглый стол» в ИВИ РАН «Французская революция XVIII в. и буржуазия» // НиНИ. 2002. № 1. [«Kruglyj stol» v IVI RAN «Francuzskaja revoljucija XVIII v. i burzhuzija» // Novaia I noveishaia istoria. 2002. № 1].

Матьез А. Как побеждала Великая французская революция. М., 2011. [Mathiez A. Как pobezhdala Velikaja francuzskaja revoljucija. M., 2011].

Медяков А.С., Бовыкин Д.Ю. История. Новое время. Конец XVIII-XIX век. 8 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. (Сферы). М., 2013. [Medjakov A.S., Bovykin D.Ju. Istorija. Novee vremja. Konec XVIII-XIX vek. 8 klass. Uchebnik dlja obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij. (Sfery). M., 2013].

Мишина И.А., Жарова Л.Н. Новая история. Конец XV-XVIII век: Учебник для 7 класса основной школы. 3-е изд. М., 2003. [Mishina I.A.,

Zharova L.N. Novaja istorija. Konec XV – XVIII vek: Uchebnik dlja 7 klassa osnovnoj shkoly. 3-e izd. M., 2003].

Нарочницкий А.Л., Аверьянов А.П., Кертман Л.Е. Новая история, 1640-1870: Учебник для 9 класса сред. шк. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1991. [Narochnickij A.L., Aver'janov A.P., Kertman L.E. Novaja istorija, 1640-1870: Ucheb. dlja 9 kl. sred. shk. 3-e izd., pererab. i dop. M., 1991].

Носков В.В., Андреевская Т.П. Всеобщая история: 7 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений. 2-е изд., испр. М., 2013. [Noskov V.V., Andreevskaja T.P. Vseobshhaja istorija: 7 klass: uchebnik dlja uchashhihsja obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij. 2-e izd., ispr. M., 2013].

Пименова Л.А. О некоторых спорных вопросах истории Старого порядка и революции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. [Pimenova L.A. O nekotoryh spornyh voprosah istorii Starogo porjadka i revoljucii // Aktual'nye problemy izucheniya istorii Velikoj francuzskoj revoljucii. M., 1989].

Постижение Французской революции. Сборник. М., 2009. [Postizhenie Francuzskoj revoljucii. Sbornik. M., 2009].

Ревякин А.В. Всеобщая история. История Нового времени, 1500-1800. 7 класс: учебник для общеобразоват. учреждений. М., 2013. [Revjakin A.V. Vseobshhaja istorija. Istorija Novogo vremeni, 1500-1800. 7 klass: ucheb. dlja obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij. M., 2013].

Сахаров А.Н. История России XVII-XVIII века. 7 класс: учебник для общеобразоват. учреждений. 6-е изд. М., 2010. [Saharov A.N. Istorija Rossii, XVII-XVIII veka. 7 klass: ucheb. dlja obshheobrazovatel'nyh uchrezhdenij. 6-e izd. M., 2010].

Феодализм: понятие и реалии. М., 2008. [Feodalizm: ponjatie i realii. M., 2008].

Чудинов А.В. Смена веков: 200-летие Революции и российская историография // ФЕ. 2000. М., 2000/ [Tchoudinov A.V. Smena vekov: 200-letie Revoljucii i rossijskaja istoriografija // Annuaire d'études françaises. 2000. M., 2000].

Чудинов А.В. Французская революция. История и мифы. М., 2007. [Tchoudinov A.V. Francuzskaja revoljucija. Istorija i mify. M., 2007].

Юдовская А.Я., Баранов П.А., Ванюшкина Л.М. Всеобщая история. История Нового времени, 1500-1800. 17-е изд. М., 2012. [Judovskaja A.Ja., Baranov P.A., Vanjushkina L.M. Vseobshhaja istorija. Istorija Novogo vremeni, 1500-1800. 17-e izd. M., 2012].

В.В. Шишкин

**ГРУСТНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ КНИГ
ВАСИЛИЯ БАЛАКИНА «ГЕНРИХ IV»
И «ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ»**

Автор предлагает вниманию читателей резко критические рецензии новейших работ российского историка В.Д. Балакина «Генрих IV» и «Екатерина Медичи», вышедших в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия».

Ключевые слова: история раннего Нового времени, историография, Франция, Генрих IV, Екатерина Медичи

«История – наука точная».

Ю.П. Калинин

В серии «Жизнь замечательных людей» издательство «Молодая гвардия» выпустило (в 2011 и 2012 гг. соответственно) эти две книги автора В.Д. Балакина, растиражированные в довольно большом по нынешним временам объеме – по 5 тыс. экземпляров каждая. Отечественный читатель обрел очередные версии популярных биографий известных французских монархов и получил представление об истории Франции эпохи Ренессанса и затяжных Гражданских войн второй половины XVI в., равно как и о главных персонажах, творивших историю того времени.

Книги, изданные в авторитетном издательстве, всегда пользуются особым доверием: именно их интеллектуальная публика ценит, читает, цитирует, обсуждает на интернет-форумах, а мнение авторов в значительной степени влияет на формирование общественного мнения по разным вопросам. Тем сложнее приходится профессиональным историкам, которые не так часто обращаются к биографическому жанру в популярной манере, развенчивать откровенную историческую фальшь, сознательное искажение фактов в угоду общей тональности повествования. Так, благодаря произведениям В.Д. Балакина российский читатель введен в изрядное заблуждение: ему, читателю, представили мифологический облик известных исторических личностей и рассказали историю, которой в действительности не было.

Зачем? Вопрос в пустоту. Вряд ли В.Д. Балакин, представивший свои биографические компиляции на суд отечественной публики, сможет на

него ответить, признавшись в некомпетентности и незнании истории Франции. Кажется, его самого это мало интересует. В своем выступлении на радио «Эхо Москвы» 22 мая 2011 г.¹ он откровенно признал, что не любит Генриха IV, не симпатизирует персонажу, которому посвятил книгу! Это что-то новое в исторической беллетристике. Я не в силах пересказывать или комментировать тот откровенный словесный мусор, который он пролил на радиослушателей (чего только стоят фразы: «Генрих IV – самозванец»; «Документов о нем мало [!]², но в 10 раз больше всевозможных легенд, анекдотов, слухов, которые гораздо приятнее широкой публике»; «Он абсолютно без интеллекта человек, абсолютно без интеллекта»; «Принципов никаких абсолютно – ни религиозных, ни моральных, ни политических»; «Женщин любил. А вот если бы он эту войну начал, то он бы стал тем же, кем в Германии Гитлер [!]»), однако радиопередача рано или поздно забывается, а вот книга – нет. Печатное слово, не мной сказано, обладает силой, способной созидать и разрушать, в нашем же случае – фальсифицировать историю.

Может, мы сгущаем краски? И публике сегодняшнего дня, жаждущей мифов и легенд (или живущей мифами и легендами?), не нужна историческая правда вообще? Этот вопрос нам невольно пришлось задать себе во время презентации русского перевода книги Элиан Вьенно «Маргарита де Валуа» в июне 2012 г. в одном из петербургских вузов. Одна из молодых преподавателей неожиданно спросила автора: «А может, и не стоит развенчивать устоявшиеся мифы вокруг Маргариты де Валуа, иначе из нашего сознания исчезнет привлекательный образ любвеобильной королевы Марго?» Мадам Вьенно, профессор университета, воспитанная во французской академической традиции, где поиск исторической правды – основополагающая цель любого исследования, от удивления не нашлась что ответить...

Да нет же, нужна правда! В этом – наша принципиальная позиция, позиция историка, за которым стоят поколения его духовных учителей – франковедов и палеографов. Стремление к истине – характерная черта не только настоящих историков, обязанных уметь *отделять зерна от плевел*, передающих весь объем исторических знаний следующим поколениям, но также – черта здорового общества, которое в состоянии адекватно воспринимать и критиковать произведения, искажающие прошлое, а значит, деформирующие историческую память. Поэтому настоящие «размышления», пусть и грустные, – моя обязанность.

¹ <http://echo.msk.ru/programs/kazino/776203-echo/#element-text>

² Только на сегодняшний день опубликовано более 6 тыс. его писем из 8 тыс. до нас дошедших и известных квалифицированным историкам.

«Жизнь замечательных людей» – название серии, в которой были опубликованы книги В.Д.Балакина, и, конечно, король Генрих IV, да и Екатерина Медичи вполне заслуживают эпитета «замечательный». Речь же пойдет о тексте этих книг, который от замечательного весьма далек.

О самом *Генрихе IV*. Оказывается, внешне он напоминал «мелкого дворянчика из Гаскони» (с. 316), от него пахло чесноком и конюшней (с. 208) (читаем А. Дюма). Легенда же о великом короле возникла только в период Реставрации в XIX веке... Интересно, а как же быть с Вольтером и его «Генриадой» (1723) (*La Ligue ou Henry le Grand, poème épique*), где король уже назван великим, следуя исторической традиции, заложенной известными произведениями Ардуэна де Перефикса («История короля Генриха Великого», 1651), а также историками и литераторами XVII в. Мезере и др.? И, наконец, по версии автора, репутация великого короля была обусловлена «ничтожностью его преемников» (с. 311). То есть и Людовик XIII Справедливый, его сын, и Людовик XIV, его внук, «король-солнце», сумевшие превратить Францию в мирового лидера, поблекли на фоне своего выдающегося предка.

В начале книги автор задается вопросом: а надо ли было королю Наваррскому вообще ввязываться в борьбу за корону Франции, когда возник династический кризис? (с. 7). Вопрос некорректен даже в самой постановке, поскольку Генрих Наваррский – первый принц крови из рода Бурбонов и единственный легитимный наследник трона с 1584 г., ближайший родственник дома Валуа. Он был бы провозглашен королем даже без своего желания, согласно Салическому закону, закрепляющему наследование короны только по мужской линии. Учитывая, что Бурбоны повели вооруженную борьбу за французский трон уже с конца 1550-х гг., трудно было бы представить, чтобы такой честолюбивый, хитрый и амбициозный монарх упустил бы свое законное право сесть на трон любым путем.

На с. 190 В.Д. Балакин пишет, что к моменту начала борьбы за корону после смерти Генриха III «все королевство Генриха IV умещалось на территории г. Дьеппа», что, конечно же, неправда. Бурбоны – одна из самых богатых семей Франции, обладавшая огромными земельными массивами в разных частях страны, особенно на юго-западе (Беарн, Альбре-Фуа, и др.), гугенотское (да и католическое) население которых в основном и поддержало нового короля.

Утвердившийся в Париже, Генрих IV, оказывается, по мнению автора, не был сторонником привлечения дворян ко двору (с. 265). В действительности все было с точностью наоборот. Первый король из рода Бурбонов отчаянно нуждался в поддержке господствующего класса, и двор был главным средством управления дворянством. Двор Генриха IV численно

был гораздо больше двора своего предшественника: во-первых, слились французский и наваррский дворы, во-вторых, королевская семья в одночасье стала огромной, поскольку фамилия Бурбонов изначально была многочисленной. Другое дело, что Генрих IV, ввиду наплыва дворянства ко двору, который для многих был единственным средством к существованию после Гражданских войн, был вынужден ограничивать их пребывание в королевской резиденции, поскольку постоянно возникали проблемы с размещением и столованием, равно как с выплатой жалования¹.

Женщины в жизни короля. Конечно, их было много, Генрих слыл влюбчивым мужчиной и ко многим дамам был искренне привязан, не исключая своих жен. Но все же писать, что у него было «половое бешенство» (с. 282), или же пересказывать, вслед за Ги Бретоном, мифическую историю о его детской влюбленности в принцессу де Конде (Шарлотту де Тремуй) с намеком, что ее сын рожден от него и что ради короля она отравила своего мужа – принца королевской крови, – это означает откровенно передергивать факты. У Генриха не могло быть детской влюбленности в принцессу, которая родилась в 1568 г., когда ему самому было уже 15 лет. В момент, когда Шарлотта выходила замуж за его кузена принца де Конде (1586), у короля в разгаре был роман с прекрасной Коризандой, графиней де Гиш.

На с. 281 автор перепутал имена королевских любовниц, из имен четырех разных женщин сделав два: так, м-ль де Келен, оказалась одновременно герцогиней де Монпансье...

В пылу воображения, рассказывая о беременности очередной пассии короля, м-ль де Фоссез, В.Д. Балакин, изобрел даже новый титул – «дофин Наваррский» (с. 132), видимо, по образцу дофина французского, полагая, что наследники трона в Наварре назывались точно так же. Увы, всем профессиональным историкам известно правильное употребление слова «дофин», равно как откуда взялся этот титул у преемника французского престола; наваррские же наследники титуловались принцами или, на испанский манер, инфантами.

Кстати, под парадным портретом короля, приведенном во вкладыше после с. 128, стоит автограф из двух латинских букв H и R (Henricus Rex), которые к герою (антигерою?) книги не имеют отношения: речь идет об автографе его деда, короля Наваррского Генриха II д'Альбре.

Маргарита де Валуа, первая супруга Генриха. Вот уже кому действительно досталось от г-на Балакина, так это ей. Какими только эпитетами он не обозвал одну из самых изысканных и известных королево

¹ Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI-XVII вв. СПб., 2004. С. 92-104.

французской истории: «своевольная и неверная» (с. 24), уже в 11 лет обладавшая «вольными манерами и кокетством» (с. 44) и вступившая в греховную связь с герцогом де Гизом примерно в этом же возрасте (!) (с. 69), склонная к лесбиянству (с. 109), а в старости ставшая «толстой и безобразной» (с. 290) (интересно, где об этом написано?). Можно было бы, конечно, посоветовать автору читать побольше научной литературы и критических биографий персонажей, о которых он берется писать (я уже не говорю про источники, хотя зачем они беллетристу?), но, наверное, не буду. Ну какой историк, знающий эпоху, сможет, например, всерьез говорить о сексуальных отношениях 11-летней девочки, растущей в загородных резиденциях под неусыпным вниманием кормилиц, гувернанток, камеристок и придворных дам ее штата, когда расписана каждая минута ее жизни согласно строгим придворным регламентам?

В.Д. Балакин явно не знакомился с мемуарами самой Маргариты, хотя и ссылается на них, иначе бы не сочинял, что королева «разрыдалась» у гроба своей свекрови (с. 79), что на бракосочетании она была одета в «золотое платье» (с. 82), а во время Варфоломеевской ночи в Лувре спасенный Маргаритой барон де Леран «галантно проводил свою спасительницу к ее сестре» (с. 92). Последнее утверждение особенно смехотворно, поскольку в действительности, со слов королевы Наваррской, «раненый ударом шпаги в локоть и алебардой в плечо» юный дворянин просто не мог стоять на ногах: «Я велела его уложить в своем кабинете и оказывать помощь до тех пор, пока он полностью не поправится». Провожал же Маргариту на деле капитан королевских гвардейцев Нансей. Сюжет со спасением Лерана перекочевал практически без купюр также и в «Екатерину Медичи» В.Д. Балакина (с.189), впрочем, не только он один. Например, в обеих книгах автор одними и теми же словами убеждает нас, что «по свидетельству Брантома, [король Карл IX] из окна своей комнаты палил» по гугенотам (с. 92 и 189 соответственно), чего не было и не могло быть в действительности и что было уже доказано историками XIX в. Да и Брантом никогда не писал ничего подобного: ход этой легенде дал гугенот Т.-А. д'Обинье.

Вернемся к Маргарите. Подобно мужу, согласно нашему автору, всю свою жизнь, где бы она ни была, она флиртвала со всеми, с кем могла (с. 225), что однажды даже вызвало неодобрение со стороны кавалеров Ордена Святого Духа (с. 122). При чем здесь Орден Святого Духа, к блюстителям нравов не имеющий никакого отношения, учрежденный в политических целях в конце 1578 г., когда королева Наваррская постоянно жила в Нераке, во владениях своего супруга, и вела совершенно безгрешный образ жизни, непонятно. Не обходит вниманием В.Д.Балакин и рождение незаконного

сына Маргариты (с. 135), которого никогда не было, и мифическую сцену ее присутствия на казни ее любовника д'Обиака во дворе замка Юссона (с. 146), которого повесили совершенно в ином месте (в крепости Эгперс), и соврашение ею коменданта Юссона маркиза де Канийака, который был призван ее охранять в заключении, но якобы поддался ее чарам и освободил ее. На деле же маркиз поддался чарам денег герцога де Гиза: последний по сути выкупил пленницу и сделал ее хозяйкой замка.

То есть Василий Балакин по сути повторил в деталях известный фарс о Маргарите де Валуа французского автора Андре Кастело (русский перевод дважды выходил в той же серии «ЖЗЛ» в 1999 и 2009 гг.), о котором французские историки могут говорить только с раздражением и неприязнью. Так, профессора-историки из университета Париж-IV Сорбонна в беседе с автором этих строк были очень удивлены, что одна из самых худших и неправдоподобных биографий королевы Маргариты была переведена на русский язык.

Вообще, складывается впечатление, что в изображении автора королева Маргарита и Генрих IV терпеть не могли друг друга и отчасти поэтому позволяли себе вести фривольный образ жизни. В действительности, за исключением событий 1585-1589 гг., они всегда были политическими союзниками, старались поддерживать друг друга и в итоге сохранили дружеские отношения и обоюдную привязанность до конца жизни, несмотря на то, что оба прославились своими любовными приключениями, которые, в свою очередь, вполне вписываются в неоплатонические представления о любви и отношениях мужчины и женщины эпохи позднего Ренессанса.

Генрих III, брат Карла IX и Маргариты де Валуа. По версии автора – законченный извращенец, женоподобный бисексуал, «негодный правитель» («Екатерина Медичи», с. 256), который даже специально «принял титул Величества, по-французски имеющий женский род», то есть чтобы придворные могли к нему обращаться как к женщине (с. 107). По правде, окончательное утверждение Генрихом III обращение к королевской персоне «Ваше Величество» в 1570-х гг. на деле не было никаким нововведением: так, на испанский манер, стали титуловать еще отца этого короля – Генриха II, подчеркивая недостижимость и божественное начало королевской власти. В условиях гражданских войн XVI века Генрих III пытался тем самым хоть как-то компенсировать падение королевского авторитета. Слово «Величество» действительно женского рода на французском языке, и, видимо, не сразу прижилось при дворе, хотя уже в правление Генриха IV насмешек не вызывало. Обвинения в адрес Генриха III, связанные с его сексуальной природой, большинством се-

рзанных историков (П. Шевалье, Н. Ле Ру) отвергаются безоговорочно. Этот король вошел в историю скорее как трагический политик, а также как законодатель и миротворец.

Может, сейчас мы занимаемся мелочеведением, дотошно выискивая ошибки и говоря о ненужных и ничего не стоящих подробностях жизни давно ушедших людей? Совершенно наоборот. История во всех своих проявлениях – наука точная, как повторял мой учитель, и она – не анекдот, придуманный для потехи публики.

Что еще можно сказать о книге «Генрих IV»? Огромное, непомерное количество исторических неточностей, ошибок, вперемешку с мифами и неправдой. Наверное, не имеет смысла постранично их перечислять, иначе придется писать еще одну книгу, и все же о некоторых важно сказать, так как речь идет о принципиальных вещах. Самое поразительное, что В.Д. Балакин в начале своего повествования ругает перевод и заодно другого автора биографии Генриха IV, известного и ныне здравствующего историка и архивиста Жана-Пьера Бабелона, причем этот пассаж нужно привести полностью: «...помимо того, что [русский] ... перевод дает весьма приблизительное (если не сказать превратное) представление об оригинале, он из-за обилия фактических неточностей [так!], опечаток и прочих издательских огрехов еще более затуманивает и без того таинственный образ Генриха IV» (с. 7). То есть наш автор берется все это исправить своей книгой: переписать Ж.-П. Бабелона (чья биография короля, изданная в парижском издательстве Файар в 1982 г. и переизданная несколько раз, на сегодняшний день признана лучшей), представить нам выверенные факты и вывести из тени загадочную историческую фигуру французского короля. Конечно, русский сокращенный перевод книги Ж.-П. Бабелона (которого издатели представили как Баблон, что несколько неприлично звучит для современного читателя), изданный в региональном издательстве в Ростове-на-Дону в 1999 г., далек от совершенства, но все же сравнивать даже такую версию с произведением В.Д. Балакина я бы постеснялся. Основанная на колоссальном количестве источников и неизвестном архивном материале, эта книга на сегодняшний день многими историками рассматривается как незаменимый учебник по французской истории этого периода времени и активно цитируется. Чего не скажешь о книгах В.Д. Балакина.

Несуразности и курьезы («Генрих IV»). Карл IX скончался от осложненной формы туберкулеза, а не от «таинственной болезни» (с. 105), как пишет В.Д. Балакин; сеньоры де Торе и Мерю – не племянники герцога де Монморанси, а его младшие братья (с. 102); императором в рассматриваемое время

был Максимилиан II, а не Максимилиан I, его дед (с. 106); Елизавета де Валуа была третьей, а не второй женой Филиппа II Испанского (с. 209), и у них была не одна дочь, а две, вполне успешно дожившие до замужества и имевшие детей; капитана 45 гасконцев Генриха III звали не Ланьяк, а Луаньяк (с. 171 и «Екатерина Медичи», с. 277); Кончино Кончини никогда не был кузеном королевы Марии Медичи, и Паоло Орсини (!) – не его второе имя (с. 261). Говоря о событиях подготовки войны за Юлих-Клевское наследство, наш автор перепутал два персонажа – отца и сына, предположив, что в 1609 г. умер герцог Вильгельм, неудавшийся муж Жанны д'Альбре, на деле же его сын – Иоганн-Вильгельм (с. 291)... И т.д., и т.п.

О книге «Екатерина Медичи». Вообще, к этому персонажу автор более снисходителен и уверяет нас, что попытался дать объективную картину жизни «черной королевы», которая смотрится в более выгодном свете по причине «дефицита политических талантов» у своих сыновей (так!) (с. 145). Не станем оценивать всю книгу, хотя при ее чтении быстро угадываются компилятивные элементы и на ее страницах появляются перлы, типа «возвращались времена начального феодализма» (с. 153), на которые трудно реагировать адекватно, приведем только несколько примеров, характеризующих ее содержание. Мы уже отмечали, что многие пассажи перешли из одной книги в другую.

Оценки исторических деятелей, правда, несколько претерпели изменения. Кроважидный в «Генрихе IV», Карл IX оказывается на поверку «простоватым юношей» (с. 147), которым адмирал Колиньи и гугеноты руководили по своему усмотрению. Генрих III, правда, как и в «Генрихе IV» – «бесталаный король» (с. 268), а ветреная Маргарита де Валуа становится шпионкой матери (с. 204), которая постоянно продает своего мужа и любовников (попутно автор путает персонажей: о готовящемся побеге 1573 г. «проболтался» не Генрих Наваррский, а барон де Миоссанс), затем раскаивается и хоронит отсеченную голову своего возлюбленного Ла Моля, казненного по ее вине. Учитывая, что связь Маргариты и Ла Моля вообще ставится под сомнение, и Элиан Вьенно в своей вышеназванной книге доказала, что у них просто не было возможности для связи при дворе в 1573-1574 гг.¹, то В.Д. Балакин опять пересказывает анекдоты, при этом претендуя на объективность и точность.

Что касается последней. Фраза Екатерины, обращенная к дочери Елизавете, королеве Испании, во время Байоннского свидания в 1565 г., в версии автора звучит так: «До чего же ты стала испанкой, моя девочка!» (с. 141), вместо подлинной: «Какой же испанкой Вы стали, дочь моя!»

¹ Вьенно Э. Маргарита де Валуа. История женщины. История мифа. СПб., 2012. С. 69-72.

Королева Франции не могла обращаться к своим детям, тем более королевского ранга, на «ты». Простонародное «ты» никогда не употреблялось ни при дворе, ни в дворянской среде.

Несуразности и курьезы. На с. 220 перепутаны сюжеты: мебель и слуг отослали герцогу Алансонскому, а не королю Наваррскому, после бегства первого из Лувра в 1575 г.; «Генрих Гиз, родившийся в один день с Карлом IX» (с. 243): любая энциклопедия подскажет, что первый появился на свет 31 декабря 1550 г., а Карл IX – 27 июня того же года; любимую внучку Екатерины, дочь Карла III Лотарингского и Клод де Валуа, звали не Екатерина, а Кристина (с. 243); герцог Алансонский «видел себя королем Нидерландов» (с. 227): в действительности же – герцогом Брабантским, поскольку королевство Нидерландское – явление XIX в.; «мятеж возглавил мэр Парижа Бриссак» (с. 262): граф де Бриссак, сторонник герцога де Гиза и известный капитан, никогда не был и не мог быть в силу статуса мэром Парижа – в 1588 году он лишь помог сформировать городское ополчение против Генриха III, а позже стал губернатором Парижа от имени Лиги. И т.д., и т.п.

Что в итоге? Эти книги нельзя было выпускать, и фильтром могли бы послужить рецензенты, которые просто не рекомендовали бы их к печати. Особенно когда они увидели бы библиографические списки в конце этих книг, где автор продемонстрировал незнание русских переводов важнейших источников и литературы (Т.-А. д'Обинье, Таллемана де Рео, Маргариты де Валуа, Брантома и др.). Если бы обе рассматриваемые книги были названы иначе («Анекдоты из жизни» такого-то персонажа), наверное, это было бы более честно и правильно.

Мы уверены, вместе с тем, что российская историческая школа рано или поздно представит новые научные или популярные биографические портреты и Генриха IV, и Екатерины Медичи, равно как других интересных и замечательных личностей, и эти книги станут новым вкладом в историческое знание, будут востребованы обществом и вызовут суждения и дискуссии совсем иного рода.

Список литературы

Шишкин В.В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI-XVII вв. СПб., 2004. [*Shishkin V.V.* Korolevskij dvor i politicheskaja bor'ba vo Francii v XVI-XVII vv. SPb., 2004].

Вьенно Э. Маргарита де Валуа. История женщины. История мифа. СПб., 2012. [*V'anno Je.* Margarita de Valua. Istorija zhenshhiny. Istorija mifa. SPb., 2012].

Ю.П. Крылова

**ПОРТРЕТ НЕЗНАКОМКИ НА ФОНЕ ЭПОХИ:
О НОВОМ ИЗДАНИИ «МЕМУАРОВ» МАРГАРИТЫ ДЕ ВАЛУА**

Вниманию читателей предлагается рецензия на новейшее издание ценнейшего источника по истории Религиозных войн во Франции XVI в. – «Мемуаров» Маргариты Наваррской.

Ключевые слова: история раннего Нового времени, историография, Франция, Религиозные войны XVI в., Маргарита Наваррская

Кто не знает Маргариты, королевы Наваррской? Литературный образ «королевы Марго», благодаря усилиям романистов, эссеистов, кинорежиссеров, хорошо знаком нам с детства. Ее можно увидеть даже на оперной сцене. Окруженная любовниками принцесса весьма вольного поведения, на чьей «кровавой свадьбе» католики и гугеноты убивали друг друга. Созданный некогда миф живет уже не одно столетие, питая фантазии сначала романистов XIX в., а теперь – историков-любителей, подвизающихся в интернет-пространстве.

Однако уже давно пора отделить факты от легенд и попытаться ради исторической справедливости восстановить реальный образ одного из центральных персонажей политической истории Франции второй половины XVI в. Подготовленное петербургским историком В.В. Шишкиным русское издание мемуаров Маргариты де Валуа¹ должно позволить читателям услышать собственный голос этой «дочери Франции», показать истинное лицо женщины, жившей в мрачную и противоречивую эпоху нескончаемых Религиозных войн.

На родине Маргариты нынешнее оживление интереса к ее личности началось еще в 1990-х гг. С тех пор неоднократно выходили в свет как фундаментальные диссертации, монографии, издания источников, относящихся к ее биографии², так и работы историков-любителей, продолжающих видеть в ней лишь «королеву Марго», придуманную Александром Дюма³.

¹ *Маргарита де Валуа (1553-1615)*. Мемуары. Избранные письма. Документы. / Сост., пер., прим., публ. В.В. Шишкина; при участии Э. Вьенно и Л. Ангара. СПб., 2010.

² *Viennot É. Marguerite de Valois. Histoire d'une femme. Histoire d'un mythe*. P., 1993; *Marguerite de France, reine de Navarre et son temps. Actes du colloque d' Agen*. Agen, 1994; *Marguerite de Valois. Correspondance. 1569-1614* / Ed. É. Viennot. P., 1998; *Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574-1615* / Ed. É. Viennot. P., 1999 и др.

³ См., к примеру, переведенную на русский язык книгу: *Кастело А. Королева Марго*. М., 1999.

В нашей историографии жизнь Маргариты де Валуа до сих пор освещалась в немногочисленных, преимущественно популярных работах, продолжавших подпитывать привычный миф¹. Однако труды В.В. Шишкина, органично интегрированные в мировую историографию данной темы, всегда представляли собою отрадное исключение из общего ряда. В них автор, опираясь на источники и не давая волю фантазии, пытался отразить печальные реалии «свинцового века» и перипетии жизни одной из его главных героинь.

Ядром рецензируемого нами издания стали заново переведенные на русский язык «Мемуары» Маргариты Наваррской. В.В. Шишкин осуществил этот перевод с новейшей французской публикации данного источника, подготовленной профессором Элиан Вьенно, которая тщательно сверила все существующие его списки и указала на их разночтения². Даже поверхностное сравнение первоначального перевода с новым не оставляет сомнения в превосходстве последнего. Переводчик не просто переложил произведение с французского на русский язык, но прекрасно прочувствовал текст. Стилистически приблизив перевод к языку эпохи, он в точности передал не только содержание, но и красоту слога автора.

Труд записать собственные воспоминания Маргарита де Валуа предприняла уже на закате жизни, прочитав посвященное ей сочинение, которое написал ее друг аббат де Брантом. Не удовлетворившись его текстом, она сама взялась за перо, решив исправить допущенные автором неточности. Свои «Мемуары» она начинает с детских воспоминаний, которые относятся приблизительно к 1559 г. Заканчивает же она 1581 годом. Исследователи считают, что тетради с воспоминаниями последних лет существовали, но были утеряны³, поскольку повествование обрывается неожиданно. Автограф «Мемуаров» не сохранился: в распоряжении ученых имеются лишь шесть списков первой половины XVII в., самый старый из которых и стал основой критического издания Э. Вьенно. Впервые сочинение Маргариты де Валуа было издано в 1628 г. и с тех вплоть до наших дней пользуется неизменной популярностью. Во Франции известно более сорока его переизданий за последние четыре века.

Текст нового русского издания «Мемуаров» сопровождается самыми подробными комментариями. Идентифицирован каждый упомянутый там персонаж, объяснены туманные моменты текста, отмечены неточ-

¹ Мемуары королевы Марго / Пер. И.В.Шевлягиной. Вст. ст. и комм. С.Л. Плешковой. М., 1995.

² *Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574-1615.*

³ Так же, как и тетрадь за важнейший период после Варфоломеевской ночи (конец 1572 – 1573 г.).

ности в воспоминаниях Маргариты, сделаны привязки к хронологии, поскольку мемуаристка не указывала дат и часто ошибалась в подсчете времени. В подстрочнике даются ссылки на научную литературу по тому или иному вопросу, причем как на французскую, так и на отечественную. Многие комментарии взяты в русское издание из французского, однако переводчик делает также дополнительные пояснения для отечественного читателя и нередко дискутирует с западными коллегами, корректируя некоторые их высказывания.

Не меньший интерес, чем сами «Мемуары», вызывает и сопровождающая их обширная статья В.В. Шишкина «О чем не вспомнила королева Франции и Наварры». Автор начинает с историографического вступления, в котором рассматривает основные работы, посвященные Маргарите Наваррской с конца 1980-х гг., особо выделяя период конца 1990-х гг., когда началось, наконец, развенчание мифа о «королеве Марго», созданного великим романистом. Далее В.В. Шишкин подробно рассматривает события, которые Маргарита не могла помнить, поскольку была мала или отсутствовала (свадьба старшей сестры Елизаветы, длительные переговоры о ее собственном замужестве, начало Религиозных войн). Не писала она и о тех унижительных ситуациях, в которые попадала королевская семья по время гражданских войн. Некоторые же упомянутые ею подобные эпизоды касались лишь ее лично. По-прежнему остаются для историков загадкой и ее отношения с герцогом де Гизом. Также до недавнего времени историкам было неизвестно, что стало с бароном де Лераном, спрятавшимся в ее комнате 24 августа 1572 г. До сих пор спорят о том, спасла ли именно Маргарита жизнь своего мужа во время Варфоломеевской ночи или одержали верх соображения политической целесообразности. Эти и многие другие моменты автор освещает в своей статье, которая читается не менее захватывающе, чем воспоминания самой Маргариты. Не обходит В.В. Шишкин стороной и недавнюю публикацию одного из предположительных портретов Маргариты, хранящихся в собрании Эрмитажа. На его взгляд, идентификация портрета категорически неверна и изображена на нем совершенно другая женщина.

С литературоведческой точки зрения «Мемуары» Маргариты де Валуа анализируются в следующей за статьей В.В. Шишкина работе французского филолога Л. Ангара. Он рассматривает литературную и культурную эпоху, когда рождались воспоминания и переписка королевы Наваррской. Эти «Мемуары», по его мнению, заложили основы автобиографического жанра Нового времени. Многие их тайны еще не раскры-

ты, и Л. Ангар предлагает читателям увлекательное занятие истолкования смыслов, содержащихся в произведении Маргариты.

Издание «Мемуаров» дополняют отдельные письма самой Маргариты и несколько не издававшихся ранее документов эпохи из собрания Российской национальной библиотеки, имеющих непосредственное отношение к королеве. Оба раздела – содержащий письма королевы и включающий в себя неизданные документы – предваряются вступительными статьями В.В. Шишкина. Автор отобрал для публикации наиболее интересные из писем Маргариты, затрагивающих политическую проблематику. Среди публикуемых впервые документов – затерявшееся и не попавшее в издание XIX в. письмо герцогини Маргариты Савойской, которая сообщает, что не сможет прибыть на свадьбу своей племянницы Маргариты де Валуа по причине болезни. Три других письма – донесения Шарля де Бирага, доверенного лица и дипломата Екатерины Медичи, в которых обсуждается проблема возвращения Маргариты Наваррской к мужу в 1583-1584 гг. Содержащаяся в них информация имеет немаловажное значение, поскольку дополняет ранее известные документы о конфликте вокруг Маргариты, ставшем одной из причин будущей «войны трех Генрихов». Вместе с тем остается пожалеть, что издатель решил оставить без перевода неизданные документы из коллекции Российской национальной библиотеки, что на фоне дублирования статей его французских соавторов на обоих языках выглядит не вполне логичным.

В целом, издание прекрасно оформлено и содержит множество иллюстраций: портретов самой героини, представителей королевской семьи, придворных, политических деятелей, виды королевских резиденций. Однако подписи к ним излишне лаконичны, при том что в книге отсутствует список источников иллюстраций. К прочим недочетам в таком важном и необходимом издании следует отнести «глухой» именной указатель, содержащий перечень упоминаемых в книге персонажей, но не дающий отсылки к страницам. Да и содержит он, к сожалению, отнюдь не все встречающиеся в книге имена. Столь же бесполезны в работе и подстрочные ссылки «См. выше» к тексту «Мемуаров». Найти в многочисленных предыдущих примечаниях упоминаемого персонажа без номера соответствующей сноски довольно трудно.

Однако я уверена, подобные недочеты технического характера легко устранить при последующих переизданиях. А в том, что они будут, можно не сомневаться, поскольку прекрасный ренессансный текст в достойном переводе и оформлении будет пользоваться популярностью не в одном поколении читателей, причем не только профессиональных

историков. Именно им предстоит искать ключи к неразгаданным тайнам Наваррской королевы и ее беспокойной эпохи: найти доступ к сокровищам архивов Ватикана, отыскать шифр к депешам флорентийского посланника при французском дворе, да и просто понять чувства персонажей «свинцового» века и мотивы их поступков. Настоящее издание «Мемуаров» Маргариты де Валуа и документов XVI в. во многом этому способствует.

Список литературы

Margarita de Valua (1553-1615). Мемуары. Избранные письма. Документы. / Сост., пер., прим., публ. В.В. Шишкина; при участии Э. Вьенно и Л. Ангара. СПб., 2010. [Margarita de Valua (1553-1615). Memuary. Izbrannye pis'ma. Dokumenty. / Sost., per., prim., publ. V.V. Shishkina; pri uchastii Je. V'енно i L. Angara. SPb., 2010].

Viennot É. Marguerite de Valois. Histoire d'une femme. Histoire d'un mythe. P., 1993.

Marguerite de France, reine de Navarre et son temps. Actes du colloque d'Аgen. Agen, 1994.

Marguerite de Valois. Correspondance. 1569-1614 / Ed. É.Viennot. P., 1998.

Marguerite de Valois. Mémoires et autres écrits. 1574-1615 / Ed. É. Viennot. P., 1999.

Кастело А. Королева Марго. М., 1999. [*Kastelo A.* Koroleva Margo. М., 1999].

Мемуары королевы Марго. / Пер. И.В. Шевлягиной. Вступ. ст. и комм. С.Л. Плешковой. М., 1995. [Memuary korolevy Margo / Per. I.V.Shevlyaginoj. Vst. st. i komm. S.L. Pleshkovej. М., 1995].

Список сокращений

ВИ – Вопросы истории

НиНИ – Новая и Новейшая история

СВ – Средние века

ФЕ – Французский ежегодник

ABSTRACTS

Krylova Y.P. «All tones of colors...»

The editor of this volume briefly presents the main aspects of nowadays historical studies on the court culture

Keywords: medieval history, modern history, historiography, France, court culture

Khatchaturian N.A. The Theme of Royal Court in Russian Medieval Studies: Reflections and Experiment

The paper is dedicated to the analysis of the investigations of royal court which were realized within the projects of the scientific group “Power and society” (Department of Medieval Studies, Historical Faculty of Moscow State University, prof. Khatchaturian N.A. the supervisor). The given investigations were based on the revision of politicized attitude toward royal court as an unimportant institution.

Keywords: medieval history, modern history, historiography, France, court culture

Le Jan R. Carolingian elites and King in the 9th century: status and loyalty

The article is devoted to the political theories existed in the Carolingian Empire in the 9th century. This paper analyzes the ecclesiastical and secular conceptions of political power and the principles of its functioning. The ecclesiastical one was formed in the circle of the Carolingian bishops and assumed the hierarchical, given by God organization of society, based on the absolute loyalty of elites to the king. The second one existed among the secular aristocracy, it was based on the conception of natural hierarchy and justified the right of elites to disobey to the king-tyrant.

Keywords: medieval history, France, court culture

Dubuis R. Courtois / courtisan: a couple recomposed

The article discusses the history of two terms closely related to the notion of court service in the Middle ages: *courtois* and *courtisan*. At first glance, the words do not have a common etymon, although belong to the same semantic family. It gives an interesting occasion for a comparative research. Basing upon several French writings of the 12th-15th centuries the author analyzes the peculiarities of usage of both the terms which ended by the full replacement the word *courtois* to the end of the Middle ages.

Keywords: medieval history, linguistics, France, court culture

Tsaturova S.K. The Long Way to Versailles. The French Royal Court Transformation in the 13th-15th Centuries

This author attempts to determine the composition and functions of the Royal Court in Late Medieval France, and also to estimate the principal lines of its transformation under the influence of the process of the separation from the Curia Regis the state administration bodies (*Chambre des Comptes, Parlement, Conseil du Roi, Chambre du Trésor, Chambre des Aides*).

Keywords: medieval history, France, state institutions

Togoeva O.I. Joan of Arc and the Court of King Charles VII. The Story of Betrayal of the Virgin Through the Eyes of Contemporaries and Descendants

The article deals with the legend of Joan of Arc's betrayal committed by Charles VII himself and by his court which took place in 1431. The author analyses in every detail the content of this legend, its origins and circumstances of its emergence and the features of its success in French historical writings of the 15th-19th centuries.

Keywords: medieval history, historiography, France, Joan of Arc

Aseynov R.M. The Image of Philip the Good in the Perception of the Burgundian Court Chroniclers

This paper deals with the image of the duke of Burgundy Philip the Good in the Burgundian court literature of the second half of the 15th century. The author zooms in on those qualities of Philip the Good that could help to clarify the chroniclers' political position and affiliation with certain political groups at the court of Burgundy.

Keywords: medieval history, France, Burgundy, court culture, Philip the Good

Krylova Y.P. «Pis vault cop de langhe mal assis que cop d'espée bien assis». The Discourse at the Court in the Burgundian Everyday Life of the 15th Century

The article deals with the problem of communications at the court of Burgundy of the 15th century. The etiquette in the communicative sphere becomes to emerge at the Burgundian court. Analyzing the treatise of the Burgundian courtier Jean de Lannoy (1410-1493), who paid essential attention to the problem of speech, and especially to a dialogue at the court, Y.P. Krylova comes to a conclusion that in the 15th century, during the expansion of courts and increasing of the number of people there, the specific court paradigms of communication start to develop in the society of court and it comes the understanding about necessity of self-control in the limited space of court crowded by people.

Keywords: medieval history, France, Burgundy, court culture

Nosova E.I. The Mechanisms of Family Patronage at the Court of the Dukes of Burgundy

The article describes different mechanisms used by large families in order to approve or to maintain influence at the court of Philip the Good, Duke of Burgundy (1419-1467). Competition for appointment to the post of the court forced the family to resort to certain old or new mechanisms to strengthen its position. Analysis of these mechanisms is the first part of the article. The second deals with the reaction of the Duke on the formation around him a number of large clans that could potentially limit his power in the event if they managed to find a compromise. The main used sources were the court ordinances, which reflects the dynamics of the states.

Keywords: medieval history, France, Burgundy, court culture

Zhourbina A.V. «Any Prince or King must live wisely»: the interpreter and poet François Habert at the Court of Henri II

The article deals with the prologues to two translations of Ovidian *Metamorphoses* made by a single author, François Habert, who lived in the first half of 16th century and was a member of king Henri II Valois' court. According to the texts of prologues that contain different appeals to the monarch (some of them of moralising nature), it can be proposed that at the time of creation of the second translation Habert has already joined Catherine de Medicis' circle fighting against Diane de Poitiers.

Keywords: medieval history, France, courteous literature

Chichkine V.V. «Saisir la reine de Navarre!»: a Running Court of Marguerite de Valois in the 1585-1587

The phenomenon of marginal, then rebellious and simultaneously cursory court of Margaret de Navarre in France in 1585-1587, by acquiring the nature of the political phenomenon, in the conditions of the decisive phase of the Civil war was, undoubtedly, a destructive factor for the Valois family, which, however, itself provoked a conflict. In these circumstances, the fear of transmitting the crown to hostile and alien Lorraine clan persuaded Henry III and later Henry IV to recognize the political importance of the figure of Queen Margaret (and her court) as necessary ally in reaching the cohesion of the country and preservation of the legitimacy of the Royal power.

Keywords: modern history, France, the French wars of religion, Margaret of Navarre

Cosandey F. Conflicts of Precedence and Court Ordering. Ceremonial policy in 16th and 17th century France

Punctuated by major monarchical ceremonies, the Court of France appeared as a perfectly ordered world. However, conflicts of precedence blowing up on any occasion created a disorder that the King sought to regulate by defining a whole series of rules. Based on the analysis of these conflicts of ranks, this paper shows how the French monarchy used the ceremony issue to impose,

from Henri III to Louis XIV, the image of an almighty King in majesty turning any court gesture into political acts.

Keywords: modern history, France, court culture

Neklyudova M.S. Gallant Cartography and Representations of the French Court in the Middle of the 17th Century

Gabriel Guéret's *La Carte de la Cour* (1663) combines the traits of normative literature (such as treatises on courtly manners) with the structure of *roman à clé*. This double affiliation makes it a good example of how the author's general ideas about the court correlated with his actual knowledge of the court society. That knowledge was not so much personal as it was collective: Guéret's information depended on his social standing (he belonged to the Parliamentary circles), while many of his opinions were defined by his position in the Republic of Letters.

Keywords: modern history, France, court culture

Adadurov V.V. The Ukrainian Cossack serving Louis XV or the Polish Nobleman in service of two kings. Critical revision of the study by Ilko Borschak

This article is based on a comparison study of the research realized by Ukrainian emigrant historian Ilko Borschak on Peter Gregory Orlyk with sources from the National Archives, the Archives of the Ministry of Foreign Affairs, the Historical Service of the Ministry of Defense of France in order to revise the most prevailing in historiography way of treating Philip Orlyk's son, who was a personal secretary of Ivan Mazepa, as a Ukrainian Cossack who served Louis XV.

Keywords: modern history, historiography, French-Ukrainian relations, P.G. Orlyk, I. Borschak

Poghosyan V.A. On the portrait of Albert Manfred

The publication concerns to the scientific activity of eminent soviet historian Albert Manfred (1906-1976), the leader of French studies in former Soviet Union in 1960-1970's. The author published two documents that he had found in the personal archives of Manfred. The first of them is his reference on the books of Boris Porshnev and Guennadi Kucherenko on Jean Meslier, which had been advanced in 1971 to award the prestigious Prize of Volguine of the Academy of Sciences of USSR. The second document is the reference of Manfred on the thesis of Kucherenko on the influence of the ideas of Saint-Simon on the French public thought in XIX century.

Keywords: historiography, studies on French social ideas, A. Manfred, B. Porshnev, G. Kucherenko

Gordon A.V. The fate of Soviet historian: V.S. Alekseev-Popov

The paper analyzes academic development of a Soviet scholar V.S. Alekseev-Popov, a historian of the French Revolution. It delineates achievements, describes the complexities of research process under scrutiny of ideological control. The article considers a series of academic conflicts and handicaps: the relationship between different generations of academics and research directions (“schools”), the position of a scholar in a “provincial institution”, unavailability of the necessary French archives, etc. The paper concentrates on the conflict between academic potential and aspirations of the scholar, and limited opportunities for their realization.

Keywords: historiography, French Revolution studies, V.S. Alekseev-Popov, Ya.M. Zakher

Bovykine D.Yu. The French Revolution in nowadays Russian school textbooks

The author of the article analyzes the image of the French revolution of 18th century presented in modern Russian school courses of history and compare it with the correspondent contemporary interpretations by academic researches.

Keywords: historiography, French Revolution studies, school textbooks

Chichkine V.V. Grievous reflections on the Vasily Balakin’s books «Henry IV» and «Catherine de Medici»

It’s an extremely critical review of the books recently published by the Russian historian.

Keywords: historiography, the French wars of religion, Henry IV, Catherine de Medici

Krylova Y.P. On the new edition of «Memoirs» by Margaret of Navarre

It’s a notice on the new Russian translation of the important source concerning the 16th century history of France

Keywords: historiography, the French wars of religion, Margaret of Navarre

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ ДВОРА ВО ФРАНЦИИ ОТ КАРЛА ВЕЛИКОГО ДО ЛЮДОВИКА XIV

Крылова Ю.П. «Все оттенки цвета...»	5
Хачатурян Н.А. (Москва) Тема королевского двора в российской медиевистике: рефлексии и эксперимент.....	8
Ле Жан Р. (Париж) Каролингские элиты и король в середине IX века: статус и верность Пер. с фр. А.И. Сидорова.....	27
Дюбюи Р. (Лион) Courtois и courtisan: переосмысление понятий Пер. с фр. Л.В. Евдокимовой.....	43
Цатурова С.К. (Москва) Долгий путь к Версалю. Трансформации французского двора в XIII-XV веках	62
Тогоева О.И. (Москва) Жанна д'Арк и двор Карла VII. История предательства Девы глазами современников и потомков.....	92
Асейнов Р.М. (Москва) Образ Филиппа Доброго в восприятии бургундских придворных хронистов.....	115
Крылова Ю.П. (Москва) «Неудачно сказанное слово опаснее удачного удара мечом». Речь в придворной повседневности Бургундии XV века.....	151
Носова Е.И. (Санкт-Петербург) Механизмы семейной протекции при дворе герцогов Бургундских ...	167
Журбина А.В. (Москва) «Всякий король и принц должны жить благоразумно...»: переводчик и поэт Франсуа Абер при дворе Генриха II	189

Шишкин В.В. (Санкт-Петербург) «Схватить королеву Наваррскую»: беглый двор Маргариты де Валуа в 1585-1587 гг.	208
Козандей Ф. (Париж) Церемониальная политика во Франции в XVI-XVII веках Пер. с фр. Ю.В. Минеевой	239
Неклюдова М.С. (Москва) Галантная картография и модели репрезентации французского двора середины XVII в.	252

ИСТОРИОГРАФИЯ

Ададуров В.В. (Львов) Украинский казак на службе Людовика XV или польский шляхтич на службе двух королей: документальная деконструкция исследования И. Борщака о П.-Г. Орлике	269
Погосян В.А. (Ереван) Штрихи к портрету А.З. Манфреда.....	306
Гордон А.В. (Москва) Судьба ученого советской эпохи: В.С. Алексеев-Попов.....	314
Бовыкин Д.Ю. (Москва) Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России	340
Шишкин В.В. Грустные размышления по поводу книг Василия Балакина «Генрих IV» и «Екатерина Медичи»	361
Крылова Ю.П. Портрет незнакомки на фоне эпохи: о новом издании «Мемуаров» Мар- гариты де Валуа.....	370
Abstracts	375

TABLE DES MATIÈRES

LA VIE À LA COUR EN FRANCE
DE CHARLEMAGNE JUSQU'À LOUIS XIV

Yulia Krylova	
« Toutes les nuances de couleurs... »	5
Nina Khatchatourian (Moscou)	
Le thème de la cour royale dans la médiévistique russe: réflexion et expérimentation.....	8
Régine Le Jan (Paris)	
Les élites carolingiennes et le roi au milieu du IX ^e siècle: statut et fidélité <i>Trad. du français par A. Sidorov</i>	27
Roger Dubuis (Lyon)	
<i>Courtois et courtisan</i> : un couple recomposé <i>Trad. du français par L. Evdokimova</i>	43
Susanna Tsatourova (Moscou)	
Un long chemin à Versailles. Les transformations de la cour française aux XIII ^e -XV ^e siècles	62
Olga Togoeva (Moscou)	
Jeanne d'Arc et la cour de Charles VII. Une histoire de trahison de la Vierge vue par les contemporains et les générations postérieures.....	92
Renat Aseyenov (Moscou)	
L'image de Philippe le Bon dans la perception des chroniqueurs de la cour bourguignonne	115
Yulia Krylova (Moscou)	
« Pis vault cop de langhe mal assis que cop d'espée bien assis ». Un discours à la cour de Bourgogne du XV ^e siècle.....	151
Ekaterina Nossova (Saint-Pétersbourg)	
Les mécanismes de la protection familiale à la cour des ducs de Bourgogne	167
Anna Zhourbina (Moscou)	
« Un Prince et Roy doit vivre prudemment »: le traducteur et poète François Habere à la cour du roi de France Henri II.....	189
Vladimir Chichkine (Saint-Pétersbourg)	
« Saisir la reine de Navarre »: la cour fugitive de Marguerite de Valois en 1585-1587	208

Fanny Cosandey (Paris)

Les conflits de préséance et mise en ordre de la cour. La politique
cérémonielle en France aux XVIe-XVIIe siècles

Trad. du français par Y. Mineeva..... 239

Maria Neklyudova (Moscou)

La cartographie galante et les modèles de la représentation de la cour

française du milieu du XVIIe siècle 252

HISTORIOGRAPHIE**Vadim Adadourov (Lviv)**

Le cosaque ukrainien au service de Louis XV ou le noble polonais servant
deux rois: la critique de la recherche d'Ilko Borschak sur Pierre Grégoire

Orlyk 269

Varougean Poghosyan (Erevan)

Les traits du portrait d'Albert Manfred..... 306

Alexandre Gordon (Moscou)

Le destin de l'historien à l'époque soviétique: V.S. Alekseev-Popov 314

Dmitri Bovykine (Moscou)

La Révolution française dans les manuels scolaires russes 340

Vladimir Chichkine (Saint-Pétersbourg)

Tristes réflexions au sujet des livres de Vassili Balakine «Henri IV»

et «Catherine de Médicis» 361

Yulia Krylova (Moscou)

Portrait d'une inconnue sur 'fond d'une époque. Comte-rendu de: Marguerite
de Valois, Mémoires. Lettres choisies. Documents inédits, sous la dir. de V.V.

Chichkine, Saint-Pétersbourg, 2010..... 370

Résumés 375

Научное издание

Французский ежегодник 2014

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Подписано в печать
Формат 60x80/16. Усл. печ. л. 19,2.
Гарнитура Newton. Печать офсетная
Тираж 150 экз. Заказ №

ИВИ РАН, Москва, Ленинский пр-т, 32а